МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

МОСКОВСКИЙ АВТОМОБИЛЬНО-ДОРОЖНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (МАДИ) ПРИКАСПИЙСКИЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ФИЛИАЛ В г. ХАСАВЮРТЕ

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Г.В.ПЛЕХАНОВА

КАЗАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.Н. ТУПОЛЕВА-КАИ

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИНФОРМАТИКИ И РАДИОЭЛЕКТРОНИКИ
ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТАДЖИКСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА М.С. ОСИМИ

ТУРКМЕНСКИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ

УФИМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕФТЯНОЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

СБОРНИК СТАТЕЙ III МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (8-9 октября 2026 г.)

ЧАСТЬ 1

Махачкала 2026

УДК 33
ББК 65
А 43

Ответственный редактор:
Асхабалиев Ибрагимхалил Чупанович, кандидат экономических наук, доцент.

Актуальные вопросы экономики и управления: современные тенденции, вызовы и новые возможности // Сборник статей III международной научно-практической конференции. ФГБОУ ВО Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ) Прикаспийский межрегиональный институт (филиал); филиал ФГБОУ ВО Дагестанского государственного университета в г. Хасавюрте. Часть 1. Махачкала, Издательство «ФОРМАТ» 2026. - 423 с.

Редакционная коллегия:
1. Омаров А. З., к.э.н, профессор, директор Прикаспийского межрегионального института (филиала) МАДИ.
2. Ахмедов М.А. к.п.н, доцент, директор филиала Дагестанского государственного университета в г. Хасавюрте.
3. Абдуллаева З.М. к.э.н, доцент, проректор по науке Дагестанского государственного университета народного хозяйства.
4. Расулова А. М. зам. директора Прикаспийского межрегионального института (филиала) МАДИ.
5. Разаков Р.М., к.и.н., доцент зам. директора филиала ДГУ в г.Хасавюрте
6. Маковецкий И.И., к.ф-м.н., доцент, декан факультета управления и инноваций Межгосударственного образовательного учреждения высшего образования «Белорусско-Российский университет».
7. Абдуллаев М.Н. к.э.н, доцент, зав. кафедрой «ЭиДХ» Прикаспийского межрегионального института (филиала) МАДИ.
8. Мурадов М.М., к.и.н., профессор. зав. каф. «ГиОТ» Прикаспийского межрегионального института (филиала) МАДИ.
9. Магомедов М-З.А., к.э.н, доцент, зав. каф. «ЭД» филиала ДГУ в г.Хасавюрте.
10. Давлатшоев Р. А., к.т.н., доцент, доцент кафедры «Эксплуатация автомобильного транспорта», Таджикский технический университет имени академика М.С. Осими.
11. Омаров З. З., к.э.н, доцент каф. «ЭиДХ» Прикаспийского межрегионального института (филиала) МАДИ.

Настоящий сборник подготовлен по результатам III Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы экономики и управления: современные тенденции, вызовы и новые возможности», состоявшейся 8 октября 2026 г. на площадке Прикаспийского межрегионального института (филиала) МАДИ. В представленных материалах освещаются актуальные проблемы, характеризующие текущее состояние, тенденции и перспективы развития различных областей экономики и управления.

Издание адресовано научным и педагогическим работникам, аспирантам, студентам, практикующим экономистам, а также иным заинтересованным лицам для использования в научно-исследовательской и учебной деятельности. Позиция авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии. Ответственность за достоверность и точность цитат, имён, названий и прочих сведений, а также за соблюдение законодательства в сфере интеллектуальной собственности возлагается на авторов опубликованных материалов. Пунктуация и орфография авторов сохранены без изменений. Использование материалов допускается с обязательной ссылкой на данный сборник.

Оргкомитет выражает признательность всем лицам, принимавшим участие в подготовке и проведении конференции.

ISBN 978-5-908164-46-7
ISBN 978-5-908164-47-4 Ч.1.

© Прикаспийский межрегиональный институт (филиал) МАДИ
© Оформление. ИП Тагиев М.Х.

СОДЕРЖАНИЕ

I.ГЛОБАЛЬНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СВЯЗНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОСИСТЕМ И ТЕНДЕНЦИИ СТРУКТУРНОГО НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ
Аллагулова Наиля Камилевна 10

АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНЫХ МНЕНИЙ О ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЛОГИСТИКИ: МЕТОД КОНТЕНТ-АНАЛИЗА
Александрова Светлана Александровна, Севрюкова Анастасия Витальевна 13

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)
Алиева Зарема Багаутдиновна 17

СТРУКТУРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
Алферова Татьяна Викторовна 21

ФОРМИРОВАНИЕ СБАЛАНСИРОВАННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)
Амитов Руслан Тахирович 26

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЫНКА ПЛАТНЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ
Асхабалиев Ибрагимхалил Чупанович 30

КРИЗИС СУДОХОДСТВА В КРАСНОМ МОРЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТОРГОВО-ЛОГИСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
Беллуан Роман Жан Пьер, Борисов Даниил Вячеславович, Сысоева Ольга Владимировна ... 37

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНЫХ МОДЕЛЕЙ
Беспалова Елена Александровна, Ишкулова Диляра Эльмировна 42

БЕЗОПАСНОСТЬ И ДИВЕРСИФИКАЦИЯ МОРСКОЙ ЛОГИСТИКИ СТРАН ШОС: РОЛЬ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ
Быстров Станислав Владимирович, Кутузов Александр Михайлович, Сысоева Ольга Владимировна 46

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ И ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ
Гаджимурадова Лариса Агамурадовна 51

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА
Гасанова Диана Бахмаевна 56

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ ПИЛОТИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
Гатауллин Амир Шамилевич, Шипшова Ольга Александровна 60

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ: РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОСЛЕЖИВАЕМОСТИ ИМПОРТНЫХ ТОВАРОВ
Герасименко Ольга Александровна, Половкова Арина Александровна 64

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: РАЗВИТИЕ ЗЕЛЁНЫХ ОТРАСЛЕЙ КАК ОТВЕТ НА СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ
Гирфанова Ирина Насхетдиновна 69

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТЕНДЕНЦИЙ
Гладких Виктория Евгеньевна, Литвинова Ксения Александровна, Окрестина Ольга Ревовна 73

ДРАЙВЕРЫ РОСТА И БАРЬЕРЫ НА ГЛОБАЛЬНОМ РЫНКЕ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ
Градинарова Арина Александровна, Корниенко Светлана Владимировна 79

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ НЕДВИЖИМОСТЬЮ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА
Гракова Марина Анатольевна 83

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РФ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ
Гребеникова Полина Сергеевна, Строцкая Татьяна Владимировна, Белухин Валерий Викторович 89

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ ТУРКМЕНИСТАНА
Гурбанов Сулейман, Гокиев Сердаргелди, Ходжаева Тазегуль 92

ГЛОБАЛЬНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
Гутлыева Алтын, Атамурадова Азиза 96

ПОСТСАНКЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ТРАНСПОРТА
Девликамова Галина Владимировна 100

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕЧНОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
Делиева Анна Петровна 104

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНА
Дударева Анжелика Борисовна 108

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРЕДИТ КАК ИНСТРУМЕНТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ЕГО РОЛЬ В ЭКОНОМИКЕ ТУРКМЕНИСТАНА
Дурдыева Акылджан, Гурбанов Эзиз, Оразмаммедов Ыхлас, Овезгелдиев Перман 114

ФЕДЕРАЛЬНОЕ КАЗНАЧЕЙСТВО КАК УЧАСТНИК ФИНАНСОВОГО РЫНКА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УПРАВЛЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ ЛИКВИДНОСТЬЮ
Зайнутдинова Эмилия Сергеевна, Снатенков Артём Александрович 117

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ РАБОЧИХ ПРОФЕССИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА
Зверева Юлия Денисовна, Хоменко Екатерина Борисовна 122

МЕХАНИЗМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ОБМЕНА ДАННЫМИ В ТАМОЖНЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
Земскова Ирина Анатольевна 126

РОЛЬ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
Зинченко Татьяна Александровна 130

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА
Ишназарова Разиля Рифовна 135

РЕСУРСНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РЕГИОНА В СФЕРЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ
Канцеров Рашид Александрович, Хутов Алим Рустамович 138

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ОТРАСЛЬ В СИСТЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ
Киричук Денис Владимирович 142

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ В ЭКОНОМИКЕ АПК ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
Корчинская Ольга Вирославовна, Орлова Влада Сергеевна 148

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ И РИСКОВ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2010–2020-Х ГОДАХ)
Красовский Дмитрий Николаевич 151

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОХОДНОЙ БАЗЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СНИЖЕНИЕ НЕФТЕГАЗОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ И РОСТ РОЛИ ВНУТРЕННИХ НАЛОГОВЫХ ИСТОЧНИКОВ
Кудашева Виктория Сергеевна 156

НАЛОГОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ ТУРКМЕНИСТАНА
Матниязов Башим, Ёлдурдыев Вепа, Анваров Атабег, Ходжамедов Ысламберди 161

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ КЛЮЧЕВЫХ СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ РОССИИ И КАНАДЫ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ КЛИМАТИЧЕСКОГО ФАКТОРА
Кузнецова Елена Владимировна, Кузнецов Ярослав Владиславович 165

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ МОДЕЛИ
Лазич Юлия Вячеславовна 170

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СТРУКТУРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ
Магомедов Магомедзагид Анварович 175

ЭКОНОМИКА ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
Малова Анастасия Сергеевна, Салмина Светлана Витальевна 181

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
Матниязов Башим, Годжаков Джумагелди, Тойлыева Алтын, Ылхамов Шукур 186

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРНЫХ РАЗРЫВОВ БЮДЖЕТА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ИНТЕГРАЦИЯ СТОХАСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ В ОПТИМИЗАЦИЮ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
Нгуен Вьет Ань 189

САНКЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Омаров Заур Залумханович, Гаджидадаев Каримула Гаджимурадович, Тотушев Али Мурадович 195

ГРАВИТАЦИОННОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОБЪЕМОВ ПАССАЖИРСКИХ АВИАПЕРЕВОЗОК В ТУРИСТИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ РОССИИ
Погудалова Юлия Юрьевна 201

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ РОССИЙСКИЕ ИТ-КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ: ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И РОЛЬ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА
Полонец Арина Александровна, Колодяжная Анна Юрьевна 205

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ
Ремкевич Михаил Дмитриевич 210

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
Синицына Ирина Викторовна, Крохмалева Елена Георгиевна 213

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ДРАЙВЕР ГЛОБАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
Славиогло Егор Андреевич, Филина Ольга Владимировна 218

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Тараш Лидия Ивановна, Голоднюк Роман Александрович 221

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ
Теньковская Юлия Денисовна 225

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ
Тилинина Стелла Андреевна, Козловская Светлана Алексеевна 229

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СЕКТОРА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
Хайдаров Мухабатхон Маъруфхонович 233

ДЕДОЛЛАРИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЁТОВ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
Шахбанова Гюлизар Палатовна, Тажудинова Джамиля Авачараевна 238

II.СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
Алиева Зарема Багаутдиновна 243

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПРОФИЛЬНЫХ ВУЗОВ
Аманкулыев Эсен Мухаммедович, Эрметова Вазира Илхамовна 248

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ВУЗОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ
Аманкулыев Эсен Аманкулыевич, Эрметова Вазира Илхамовна 250

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИНТЕРАКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОБУЧЕНИЯ
Аманкулыев Эсен Аманкулыевич, Эрметова Вазира Илхамовна.....254

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ СИСТЕМ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
Аманкулыев Эсен Аманкулыевич, Эрметова Вазира Илхамовна.....257

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА И БЕДНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН
Амирова Эльвина Фаварисовна.....262

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В СФЕРЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
Биярсланова Асият Магомедовна 266

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ПРЕВЕНТИВНЫЙ РЕСУРС ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ
Биярсланова Асият Магомедовна 270

ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА ЧЕРЕЗ ИНВЕСТИЦИИ В ЗДОРОВЬЕ И ОБРАЗОВАНИЕ РАБОТНИКОВ
Буркавцова София Юрьевна, Колесников Владимир Анатольевич 275

«ЦИФРОВОЙ ПРОВАЛ» КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СРЕДИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ
Гедуадже Джанета Рустамовна.....281

СТАРЕЮЩИЙ МИР, СТАРЕЮЩАЯ РОССИЯ, МОЛОДОЙ ДАГЕСТАН: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ КАК РЕСУРС ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Дейнего Богдан Сергеевич.....284

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ
Дейс Владислав Игоревич.....288

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ
Евтеева Светлана Геннадьевна.....292

ФИНАНСОВЫЕ ПРИВЫЧКИ ЗУМЕРОВ: ОСОБЕННОСТИ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ
Ефимова Анна Владимировна, Глотова Анна Дмитриевна, Сысоева Ольга Владимировна.296

ДИАГНОСТИКА СОСТОЯНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИ ГЕНЕРИРУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ
Иванова Злата Дмитриевна 301

СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СО СТРАНАМИ ШОС В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
Иванцова Ольга Николаевна.....305

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА
Камалов Марат Салаватович 308

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
Карпенко Ольга Анатольевна 313

РАЗРАБОТКА КРИТЕРИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ КАК ФАКТОРА СНИЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО РАЗРЫВА В РЕГИОНАЛЬНЫХ ШКОЛАХ
Карпунина Виктория Владимировна, Мочелевская Елена Владимировна 317

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РЕГИОНАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО ДОХОДОВ В РОССИИ
Колпакова Дарья Андреевна, Черноухов Максим Эдуардович 321

ЭКСПРЕСС-ДИАГНОСТИКА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ
Костюкова Светлана Николаевна, Алексеенко Софья Александровна 327

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В ДИВЕРСИФИКАЦИИ СЕЛЬСКОЙ ЗАНЯТОСТИ
Клюева Юлия Анатольевна 330

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Конопляник Юлия Андреевна, Протасеня Светлана Ивановна 335

РЕПУТАЦИЯ РЕГИОНА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РЫНКА ТРУДА И ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ
Кулагин Дмитрий Николаевич, Шагеева Ольга Анатольевна 340

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА
Кутаева Рабият Абдулгашимовна, Шагидов Саид Магомедович 344

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ
Магомедов Магомедзагид Анварович, Магомедова Манни Нажмутдиновна, Иршахов Ахмед Вахаевич 348

ЭКОНОМИКА ВНИМАНИЯ: ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВРЕМЕНИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ФОРМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА
Орлов Никита Олегович, Филина Ольга Владимировна 353

АНАЛИЗ МОЛОДЕЖНЫХ УСТАНОВОК НА БРАК И СЕМЬЮ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ
Рябкова Анастасия Сергеевна 356

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УСЛУГ ЗАГС КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ
Рябкова Анастасия Сергеевна 360

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
Санасарян Анна Артаковна 364

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

Сарышева Элина Рамисовна, Киселева Ольга Владимировна 367

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА В ЭПОХУ ИИ И АВТОМАТИЗАЦИИ: ИСЧЕЗАЮЩИЕ И НОВЫЕ ПРОФЕССИИ
Субракова Светлана Спиридоновна, Егорова Лилиана Эгамбергеновна 371

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ
Фоничкин Егор Игоревич 374

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КОНДИТЕРСКОЙ ОТРАСЛИ: КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ И РОЛЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕГО ПРЕОДОЛЕНИИ
Ханевич Ольга Юрьевна, Григорьева Наталья Николаевна 379

ИНДИКАТОРЫ КРЕАТИВНОЙ ЕМКОСТИ ГОРОДА В СИСТЕМЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Чепелева Ирина Алексеевна 382

МИГРАЦИЯ МОЛОДЁЖИ И КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ: КАК МАЛЫЕ ГОРОДА ТЕРЯЮТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
Чернеева Мария Романовна 386

МОЛОДЁЖНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И «УТЕЧКА МОЗГОВ»: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ И МЕХАНИЗМЫ УДЕРЖАНИЯ ТАЛАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)
Чернушич Екатерина Игоревна, Егорова Лилиана Эгамбергеновна 389

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
Шаджыкова Махриджемал, Рашидов Ровшан, Шатлыкова Айшат 392

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
Шарифуллин Ильнар Салаватович 396

СИСТЕМА СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЯМИ В СИСТЕМЕ ОМС НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
Шелехова Анна Анатольевна 399

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ
Шипулев Евгений Олегович 405

УПРАВЛЕНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН И ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ
Шустов Вадим Дмитриевич, Лубова Татьяна Николаевна 409

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РИСКИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
Янбаев Разиф Мурзабаевич 414

НОВЫЕ ФОРМАТЫ ЗАНЯТОСТИ: САМОЗАНЯТЫЕ, ФРИЛАНСЕРЫ, ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ — ВЫЗОВЫ ДЛЯ HR-АДМИНИСТРИРОВАНИЯ
Янбухтина Гульназ Альбертовна 419

I.ГЛОБАЛЬНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

УДК 332.14

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СВЯЗНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОСИСТЕМ И ТЕНДЕНЦИИ СТРУКТУРНОГО НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ

Аллагулова Наиля Камилевна,
к.э.н., доцент, доцент кафедры «Экономика и управление»,
Нефтекамский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
(452681, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Нефтекамск, ул. Трактовая, д. 1. E-mail: ishu911@mail.ru)

Аннотация. В статье представлен комплексный методологический и макроэкономический анализ влияния пространственной связности региональных экосистем на динамику и структурные пропорции неравенства распределения доходов населения. На основе применения ретроспективного и пространственно-эконометрического подходов исследованы институциональные механизмы формирования стоимости рабочей силы и трансформации систем материального стимулирования. Автор доказывает, что преодоление хронического дефицита предложения на рынке труда и нивелирование межотраслевых диспропорций в оплате труда невозможны в рамках изолированных локальных систем. Обоснована необходимость формирования единого пространственного каркаса технологического лидерства и уплотнения цифровой ткани макрорегионов. Показано, что алгоритмическая оркестрация процессов координации и развитие сетевой инфраструктуры удаленного банкинга выступают ключевыми факторами выравнивания уровня жизни граждан и обеспечения сбалансированного инновационного развития территорий.

Ключевые слова: пространственная связность, региональные экосистемы, структура доходов, неравенство распределения, заработная плата, кадровый дефицит, человеческий капитал.

SPATIAL CONNECTIVITY OF REGIONAL ECOSYSTEMS AND TRENDS OF STRUCTURAL INEQUALITY OF POPULATION INCOME

Allagulova Nailya Kamilevna,
candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the chair «Economics and Management»,
Neftekamsk branch of FSBEI HE «Ufa University of Science and Technology»
(452681, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Neftekamsk, Traktovaya street, 1. E-mail: ishu911@mail.ru)

Annotation. The article presents a comprehensive methodological and macroeconomic analysis of the impact of spatial connectivity of regional ecosystems on the dynamics and structural proportions of population income distribution inequality. Based on the use of retrospective and spatial-econometric approaches, the institutional mechanisms of labor cost formation and transformation of material incentive systems are investigated. The author proves that overcoming the chronic shortage of supply in the labor market and leveling inter-industry imbalances in labor remuneration are impossible within isolated local systems. The necessity of forming a unified spatial framework of technological leadership and increasing the digital density of macro-regions is substantiated. It is proven that algorithmic orchestration of coordination processes and the development of network infrastructure of remote banking act as key factors in leveling the standard of living of citizens and ensuring balanced innovative development of territories.

Keywords. spatial connectivity, regional ecosystems, income structure, distribution inequality, wage, labor shortage, human capital.

На современном этапе постиндустриальной трансформации национального хозяйства исследование закономерностей пространственного развития регионов приобретает особую теоретическую и прикладную актуальность. Процессы глубокой структурной перестройки, разворачивающиеся на фоне макроэкономической турбулентности и санкционного давления, коренным образом меняют контуры распределительных отношений и механизмы формирования доходов домашних хозяйств. В этих условиях классические эконометрические модели, рассматривавшие региональные социально-экономические системы как изолированные, замкнутые в административных границах субъекты, полностью утрачивают свою прогностическую силу. Современная экономическая мысль требует перехода к новой парадигме анализа — исследованию пространственной связности региональных экосистем, определяющей интенсивность, скорость и плотность перемещения материальных, финансовых и человеческих потоков в межтерриториальном пространстве. Выявление того, как глубина сетевого взаимодействия и интеграция локальных рынков влияют на преодоление структурных диспропорций и выравнивание уровня жизни граждан, выступает важнейшей задачей обеспечения сбалансированного роста реального сектора экономики.

Логика исследования требует детального ретроспективного осмысления эволюции распределительных контуров. Многолетний научный анализ макроструктурных сдвигов доказывает, что особенности формирования доходов населения и специфика организации систем оплаты труда в переходные периоды всегда выступали базовыми индикаторами качественного состояния производительных сил страны [1, с. 14]. Институциональные основы, заложенные в ходе ранних этапов рыночной трансформации, наглядно демонстрируют, что содержание отношений занятости и государственная политика в сфере регулирования уровня жизни должны находиться в состоянии жесткой взаимной обусловленности, поскольку любые деформации в пропорциях распределения материальных благ неизбежно ведут к падению мотивации человека труда и деградации человеческого капитала. Теоретический базис анализа макроэкономических взаимосвязей и ключевых показателей рынка труда подтверждает, что игнорирование пространственных аспектов воспроизводства рабочей силы порождает глубокие структурные разрывы между стоимостью труда и эффективностью его использования [2, с. 49].

В условиях современных вызовов указанные диспропорции существенно обостряются под влиянием хронического дефицита предложения на рынке труда, вызванного затяжным демографическим спадом. Острый кадровый голод и неоптимальная профессионально-квалификационная структура занятых становятся главными барьерами на пути достижения технологического суверенитета [3, с. 12]. Снижение притока молодых специалистов в базовые обрабатывающие отрасли промышленности сопровождается резким усилением межотраслевого и внутрирегионального неравенства распределения доходов населения. Традиционные тарифно-окладные системы демонстрируют критическую жесткость, приводя к девальвации базовых стимулов к высокопроизводительному труду [4, с. 430]. Межотраслевое распределение капитала характеризуется сохранением необоснованных сверхдоходов в сырьевых монополиях и финансово-посредническом секторе при одновременном удержании заниженной стоимости рабочей силы в наукоемких производствах и социальной сфере, что блокирует переток дефицитных компетенций в точки инновационного роста.

Проведенный макроэкономический анализ доказывает, что преодоление кадровых ограничений и нивелирование шоков рынка труда не могут быть достигнуты за счет изолированного, механического увеличения номинальных заработных плат на уровне отдельных предприятий. Фрагментарное повышение окладов в условиях дефицита товарного предложения неизбежно раскручивает инфляционную спираль, обесценивая реальные доходы населения и дополнительно углубляя социальное неравенство. Единственным методологически верным компенсаторным механизмом становится форсированное повышение производи-

тельности труда на макро- и микроэкономическом уровнях. Как показывает практика корпоративного управления, достижение опережающего роста выработки жестко привязано к темпам цифровой трансформации бизнеса, роботизации рабочих мест и внедрению передовых методов реинжиниринга затрат, позволяющих эффективно выбирать наиболее адекватные критерии распределения инвестиционных ресурсов и повышать чистую прибыль хозяйствующих субъектов [5, с. 159].

Важнейшим детерминантом долгосрочной стабилизации распределительных отношений выступает планомерное формирование и рационализация единого пространственного каркаса технологического лидерства территорий [6, с. 26]. Географические диспропорции в уровне материального стимулирования заставляют наиболее квалифицированную рабочую силу стягиваться в крупнейшие мегаполисы, что ведет к опустошению промышленной периферии и подрывает экономическую безопасность субрегионов. В этих реалиях кадровый дефицит начинает оказывать определяющее деструктивное воздействие на макропропорции, провоцируя глубокие и тектонические сдвиги в распределении национального дохода [7, с. 94]. Для преодоления этих негативных тенденций государственная политика должна быть переориентирована на интенсификацию алгоритмической связности и повышение цифровой плотности макрорегионов, когда географическая удаленность компенсируется скоростью информационных трансакций.

Модернизация систем пространственного управления предполагает развертывание платформенных механизмов горизонтальной интеллектуальной оркестрации процессов координации между экономическими агентами [8, с. 76]. Развитие институтов гиг-экономики и самозанятости размывает жесткие пространственные барьеры, позволяя вовлекать распределенный человеческий капитал в контур крупных инновационных проектов без необходимости физического переселения граждан. В этой новой цифровой среде кардинально меняются приоритеты инвестирования в образование и профессиональную адаптивность: ценность работника определяется не пассивным набором дипломов, а его способностью гибко развивать специфические компетенции в эпоху тотальной автоматизации и применения ИИ-компонентов [9, с. 48]. Важнейшим технологическим базисом выравнивания доходов становится сетевая инфраструктура удаленного электронного банкинга, которая обеспечивает непрерывность финансовых потоков, снижает трансакционные издержки и гарантирует равный доступ субъектов к инвестиционным ресурсам независимо от их географического положения.

Таким образом, комплексный методологический анализ доказывает, что пространственная связность региональных экосистем выступает в качестве базового фактора оптимизации структурных пропорций доходов населения и преодоления социального неравенства. Синхронизация модернизации систем оплаты труда с процессами алгоритмической оркестрации, повышением цифровой плотности территорий и форсированным ростом производительности позволяет полностью нивелировать текущие демографические ограничения, обеспечивая экономический суверенитет и долгосрочную устойчивость национальной инновационной системы.

Список литературы

1. Аллагулова, Н. К. Формирование доходов и оплата труда в переходной экономике России: механизмы, проблемы, тенденции / Н. К. Аллагулова, Р. Х. Аллагулов. — Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. — 1996. — № 2. — С. 14–19.

2. Аллагулов, Р. Х. Рынок труда: основные понятия, концепции, взаимосвязи и показатели / Р. Х. Аллагулов, Н. К. Аллагулова // Экономика и управление. — 1996. — № 5(13). — С. 49–55. — EDN XLCXGK. — Текст : непосредственный.

3. Аллагулов, Р. Х. Снижение предложения на рынке труда и его неоптимальная структура как причины дефицита кадров / Р. Х. Аллагулов. — Текст : непосредственный // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий : материалы X Между-

народной научно-практической интернет-конференции. — Вологда : ВолНЦ РАН, 2025. — С. 12–15.

4. Аллагулова, Н. К. Заработная плата: актуальные тенденции развития и проблемы неравенства распределения / Н. К. Аллагулова. — Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной науки и образования : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию Нефтекамского филиала УУНиТ. — Уфа : РИЦ УУНиТ, 2025. — С. 430–434.

5. Уральская, Л. Р. Методы управления затратами на предприятии в условиях цифровизации: сравнительный анализ и критерии выбора / Л. Р. Уральская, Р. Х. Аллагулов // Тенденции развития науки и образования. — 2024. — № 105-5. — С. 159–162. — DOI 10.18411/trnio-01-2024-251. — EDN CEXAKL. — Текст : непосредственный.

6. Аллагулова, Н. К. Пространственный каркас технологического лидерства: рационализация территориальной организации / Н. К. Аллагулова // Экономика технологического лидерства : сборник научных статей Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. — Тольятти : ТГУ, 2026. — С. 26–30. — Текст : непосредственный.

7. Аллагулов, Р. Х. Сдвиги в распределении национального дохода под влиянием кадрового дефицита / Р. Х. Аллагулов. — Текст : непосредственный // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. — 2026. — № 2 (44). — С. 94–98. — EDN TDJUPZ.

8. Аллагулов, Р. Х. Реинжиниринг региональных систем: концепция алгоритмической связности и интеллектуальной оркестрации / Р. Х. Аллагулов. — Текст : непосредственный // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. — 2026. — № 2 (44). — С. 76–80.

9. Аллагулов, Р. Х. Человеческий капитал в эпоху автоматизации: переоценка инвестиций в образование и адаптивность / Р. Х. Аллагулов // Экономическое развитие России: архитектура будущего : Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 27–30 января 2026 года. — Краснодар : Кубанский государственный университет, 2026. — С. 48–53. — EDN CGJHJV. — Текст : непосредственный.

УДК 656.072

АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНЫХ МНЕНИЙ О ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЛОГИСТИКИ: МЕТОД КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Александрова Светлана Александровна,
старший преподаватель кафедры «Логистика и организация производства»,
МОУ ВО «Белорусско-Российский университет».
(212000 Республика Беларусь, г. Могилев,
пр-т Мира, 43. E-mail: sv.a.alexandrova@yandex.by)
Севрюкова Анастасия Витальевна,
студент 4 курса факультета управления и инноваций,
МОУ ВО «Белорусско-Российский университет».
(212000 Республика Беларусь, г. Могилев,
пр-т Мира, 43. E-mail: nastysevrukova@gmail.com)

Аннотация. В статье приведены результаты экспертного опроса о проблемах развития белорусской логистики на современном этапе. Обработка выполнена с применением метода контент-анализа, как инструмента перевода свободных высказываний в измеримые показатели на стыке качественного и количественного подходов. Проведен анализ эмоциональной окраски суждений и расчет индекса тональности по каждому из открытых вопросов. Учтены ограничения, связанные с малым числом содержательных ответов, и намечены направления для повышения надежности выводов на расширенной выборке. В результате выявлены ключевые риски и опасения, а также показано, что проблемное поле при организации перевозок отличается высокой разнородностью и не имеет единого доминирующего барьера.

Ключевые слова: экспертный опрос, контент-анализ, логистика, проблемы, смысловые категории, эмоциональная окраска, индекс тональности.

ANALYSIS OF EXPERT OPINIONS ON THE DEVELOPMENT PROBLEMS OF BELARUSIAN LOGISTICS: THE CONTENT ANALYSIS METHOD

Aleksandrova Svetlana Aleksandrovna,
Senior Lecturer of the Department of Logistics and Production Organization
ISEI HE «Belarusian-Russian University»
(212000, Republic of Belarus, Mogilev,
Mira Ave, 43. E-mail: sv.a.alexandrova@yandex.by)
Sevriukova Anastasiia Vitalevna,
4rd year student of the Faculty of Management and Innovation
ISEI HE «Belarusian-Russian University»
(212000, Republic of Belarus, Mogilev,
Mira Ave, 43. E-mail: nastysevrukova@gmail.com)

Annotation. The article presents the results of an expert survey regarding the challenges facing the development of Belarusian logistics at the current stage. The data were processed using content analysis – a tool for converting open-ended responses into measurable indicators that bridges qualitative and quantitative approaches. The study analyzed the emotional tone of the statements and calculated a sentiment index for each open-ended question. Limitations arising from the small number of substantive responses were taken into account, and directions for enhancing the reliability of findings through an expanded sample were outlined. The results identify key risks and concerns and demonstrate that the range of issues involved in organizing transport operations is highly diverse, with no single dominant barrier.

Keywords: expert survey, content analysis, logistics, challenges, semantic categories, emotional tone, sentiment index.

Последние годы стали для белорусской логистики периодом серьёзных испытаний. В такой ситуации особенно возрастает ценность экспертного знания, что дает возможность оценить текущее состояние отрасли и понять насущные проблемы «изнутри». В рамках аналитического исследования изучались мнение и позиции лидеров отрасли, а также проводился опрос руководителей и специалистов, работающих в сфере транспортной логистики [1].

Исследование проводилось с использованием, как формализованных, так и не формализованных методов, что потребовало применения специальных методов для обработки последних. В частности, ключевой используемый метод – это контент-анализ – систематизированная методология исследования текстовых, визуальных и аудиальных источников, направленная на идентификацию повторяющихся тем, паттернов и тенденций, которые остаются незамеченными при поверхностном рассмотрении. В прикладном аспекте данный метод представляет собой инструмент конвертации массивов неструктурированной информации (публикаций, постов, отзывов, медиаупоминаний, коротких видео) в измеримые показатели для обоснования управленческих решений в бизнесе [2].

Контент-анализ применяется практически везде, где есть массивы текстов, изображений или аудио, требующие превращения в измеримые выводы: в маркетинге и бизнес-аналитике, социологии и политологии, медиа, продуктовых исследованиях др. Общий принцип один: везде, где неструктурированный контент нужно систематизировать и превратить в обоснованные выводы для решений, контент-анализ оказывается рабочим инструментом. Одним из наиболее востребованных прикладных направлений контент-анализа выступает обработка открытых ответов в экспертных и потребительских опросах, что и было выполнено в данной работе.

В отличие от закрытых вопросов свободные высказывания респондентов формируют массив неструктурированных данных, содержащих мотивационные, аффективные и когни-

тивные компоненты. Контент-анализ обеспечивает систематическую категоризацию подобных высказываний: выделение повторяющихся тем и смысловых единиц, их кодирование, последующее сопоставление с независимыми переменными (социально-демографическими характеристиками, сегментационной принадлежностью, поведенческими паттернами). Так разрозненные ответы превращаются в понятную картину, которая показывает, какие мнения преобладают, какие встречаются редко и где слова расходятся с реальным опытом. Специфическая ценность данного направления определяется его позиционированием на пересечении качественной и количественной методологических традиций. Контент-анализ здесь выступает связующим звеном: он сохраняет точность и живость исходных формулировок, но при этом делает их измеримыми, что позволяет сравнивать группы, отслеживать изменения во времени и проверять гипотезы [2].

В рамках текущего исследования специалистам логистической отрасли предлагалось ответить на два открытых вопроса. Один из которых носил уточняющий характер и задавался в дополнение к многовариантному закрытому вопросу, в котором были названы основные проблемы отрасли. Его цель состояла в получении внутренних «инсайтов», не очевидных стороннему исследователю. Ответы были получены не от всех экспертов, что говорит о том, что предложенный изначально перечень был достаточно полным. Ответившие представляют 3PL-провайдеров со стажем работы 3–10 лет, что подтверждает их достаточно глубокое понимание происходящих в отрасли процессов.

Основные проблемы, отмеченные по результатам обработки закрытых вопросов анкеты, связаны с внешними факторами:

– клиенты, как фактор неопределённости, а также как сильная сторона сделок, так отрасль сейчас является «рынком покупателя»;

– неопределенность международных перевозок, связанная с политической ситуацией и неопределенностью на границе;

– перевалочные центры (в том числе на границе), работа которых связана с перегрузкой из-за несоответствия транспортного потока пропускной способности;

– неравномерность транспортных потоков;

– все вышеперечисленное, а также необходимость составления сложных схем доставки приводит к риску непредвиденного роста затрат.

Проведенный контент-анализ ответов на открытый вопрос позволил углубить результаты. Были систематизированы экспертные суждения, выделены в них повторяющиеся темы и смысловые единицы, качественные формулировки переведены в измеримые показатели, пригодные для дальнейшего анализа и содержательных выводов.

Методология контент-анализа выстраивалась в несколько последовательных этапов:

– подготовка массива ответов,

– определение единиц анализа,

– кодирование,

– количественный подсчет,

– оценка эмоциональной окраски,

– сопоставление с ответами на другие вопросы анкеты.

В качестве единиц анализа выступили ключевые слова – отдельные лексемы, несущие смысловую нагрузку, а также смысловые единицы, объединяющие группы ключевых слов по общему содержанию. Единицей счета служило количество упоминаний категории или ключевого слова в ответах всех экспертов: фиксировалась частота упоминаний, то есть сколько раз категория встретилась во всем массиве высказываний; рассчитывалась доля респондентов – процент экспертов, хотя бы раз затронувших данную тему, что позволяло отделить массовые мнения от единичных.

Наряду с количественным подсчетом каждое высказывание оценивалось с точки зрения эмоциональной окраски по трехбалльной шкале, где +1 соответствовала позитивная оценка, 0 – нейтральная или констатирующая, а -1 – негативная. На основе этих оценок рассчитывался средний индекс тональности по каждому вопросу и по каждой категории, что

позволило не только зафиксировать тематическую структуру экспертных суждений, но и оценить общий эмоциональный фон высказываний.

На первом этапе были выделены смысловые категории, объединяющие близкие по содержанию высказывания, и подсчитана частота их упоминаний. Результаты этой работы по вопросу о проблемах при организации перевозок представлены в таблице 1: они показывают, какие трудности эксперты называют наиболее часто, а какие остаются единичными.

Таблица 1

Категории, выделенные по вопросу о проблемах при организации перевозок

Категория	Ключевые слова	Частота упоминаний
Проблемы с мелкими клиентами (категория С)	категория С, маленькие профиты, досмотр, отказ платить	1
Ошибки в документации и незнание клиентов	документация, ошибки, неполное предоставление	1
Нестабильность ставок и снижение активности рынка	ставки, непостоянная сфера, рынок менее активен	1
Низкая оснащенность приграничных ТЛЦ	ТЛЦ, техника, ПРР, оснащенность	1
Бюрократизация перевозочного процесса	бюрократия, передача груза, участники цепи	1
Санкции	санкции, ограничения	1
Нарушение сроков оплаты	оплата, сроки, платежи	1
Нехватка опытного персонала	персонал, опыт, обучение	1

Каждый из экспертов затронул свой набор проблем, и ни одна категория не повторяется у двух и более респондентов. Это означает, что единого доминирующего барьера эксперты не выделяют, поэтому проблемное поле крайне разнородно, а каждая категория встречается ровно один раз.

Далее каждое высказывание оценивалось с точки зрения эмоциональной окраски по трехбалльной шкале, что позволило рассчитать средний индекс тональности по каждому из двух открытых вопросов. Эти данные сведены в таблицу 2, где сопоставляется общий эмоциональный фон ответов о текущих проблемах и о перспективах развития отрасли.

Таблица 2

Эмоциональная окраска высказываний и расчет индекса тональности

Краткое описание высказывания	Оценка
Проблемы с мелкими клиентами, ошибки в документации и нестабильность ставок; общий фон – «в остальном все стандартно»	0
Слабая оснащенность приграничных ТЛЦ и бюрократизация перевозочного процесса	-1
Санкции, нарушение сроков оплаты и дефицит опытного персонала	-1
Сумма оценок	-2
Число содержательных ответов	3
Индекс тональности	-0,67 (-2/3=-0,67)

По вопросу о проблемах при организации перевозок индекс тональности составил -0,67, что отражает преобладание негативной окраски.

Проведенный контент-анализ отразил, что проблемное поле в сфере организации перевозок отличается выраженной разнородностью при явном преобладании негативного эмоционального фона. Преимущественно были затронуты трудности, специфичные для конкретной компании, а также детализирующие более общие проблемы, отмеченные ранее:

проблемы с мелкими клиентами и ошибки в документации, слабая оснащенность приграничных ТЛЦ и бюрократизацию процессов, санкции, нарушение сроков оплаты и дефицит опытного персонала.

Ни одна из выделенных категорий не повторилась, что свидетельствует о многообразии имеющихся проблем, но и об отсутствии единого доминирующего барьера, то есть трудности, с которыми сталкиваются участники рынка, носят рассредоточенный характер и зависят от конкретного сегмента работы.

Таким образом, несмотря на проблемы, наблюдавшиеся в белорусской логистике в последние годы, можно отметить, что наиболее системные из них постепенно решаются, и даже при сохранении некоторой неопределенности начинают носить рутинный характер и не воспринимаются отраслью как критичные.

Список литературы

1. Александрова, С. А. Оценка состояния и тенденций развития логистики Беларуси на основе экспертных оценок / С. А. Александрова, А. В. Севрюкова // Транспорт и логистика устойчивого развития территорий, бизнеса, государства (драйверы роста, тренды и барьеры): Материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 27 ноября 2025 года. – Москва: Государственный университет управления, 2026. – С. 10-15. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=91867727.

2. Таршис, Е. Я. Контент-анализ: Принципы методологии. (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программы исследования) / Е. Я. Таршис. – Изд. 3-е. – Москва: URSS, 2021. – 174 с.

УДК 336.012.23

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Алиева Зарема Багаутдиновна,
к.э.н., доцент, доцент кафедры финансово-экономических дисциплин,
ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства (ДГУНХ)»,
(367008, Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Д. Атаева, д.5.
E-mail: aliza69@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы финансирования и реализации национальных проектов на региональном уровне на примере Республики Дагестан. Основное внимание уделено не только объёму выделяемых средств, но и тому, насколько эти средства своевременно превращаются в конкретный результат для населения. На основе официальных данных за 2024–2026 гг. проанализированы объём и структура финансирования, роль федерального бюджета, исполнение расходов и достижение целевых показателей. Показано, что рост финансирования сопровождается усилением зависимости от федеральных средств. Выявлено расхождение между высоким финансовым исполнением и неполным достижением отдельных результатов. На примере образовательной сферы рассмотрено, как государственные расходы формируют инфраструктуру, расширяющую доступ детей к современному образованию.

Ключевые слова: национальные проекты, государственное финансирование, бюджет, федеральный бюджет, Республика Дагестан, бюджетные расходы, эффективность, образование, человеческий капитал.

PROBLEMS OF FINANCING NATIONAL PROJECTS IN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

Aliyeva Zarema Bagautdinovna,
Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Financial and Economic Disciplines, SAOU HE "Dagestan State University of National Economy"
(367008, Russian Federation, Republic of Dagestan,
Makhachkala, st. D. Ataeva, 5. E-mail: aliza69@mail.ru)

Annotation. The article examines the problems of financing and implementing national projects at the regional level using the example of the Republic of Dagestan. The main attention is paid not only to the volume of allocated funds, but also to how timely these funds are transformed into a concrete result for the population. Based on official data for 2024–2026, the volume and structure of financing, the role of the federal budget, budget execution and achievement of target indicators are analyzed. It is shown that the growth of financing is accompanied by an increase in dependence on federal funds. A discrepancy between high financial execution and incomplete achievement of individual results is revealed. Using the example of the education sector, it is considered how public expenditures form infrastructure that expands children's access to modern education.

Keywords: national projects, public financing, budget, federal budget, Republic of Dagestan, budget expenditures, efficiency, education, human capital.

Введение

Национальные проекты являются одним из основных инструментов развития России. Через них государство направляет значительные финансовые ресурсы на решение долгосрочных задач: строительство и обновление инфраструктуры, развитие образования и здравоохранения, поддержку семьи, технологическое развитие, повышение качества жизни населения.

Однако между выделением денег и реальным результатом существует целая цепочка. Средства необходимо распределить, подготовить документацию, провести закупку, заключить контракт, выполнить работу и обеспечить дальнейшее использование созданного объекта. Поэтому главный вопрос заключается не только в том, сколько денег выделено, но и в том, что изменилось благодаря этим деньгам.

Актуальность данного вопроса особенно заметна на примере Республики Дагестан. В республике реализуется большое количество государственных проектов, при этом регион имеет высокую зависимость от федеральной финансовой поддержки.

Цель исследования — выявить основные проблемы финансирования национальных проектов и показать особенности их проявления на региональном уровне на примере Республики Дагестан.

1. Финансирование национальных проектов в Республике Дагестан

В 2024 году Республика Дагестан участвовала в реализации 11 национальных проектов в рамках 37 региональных проектов. Общий объём финансирования составлял 21,603 млрд руб. Из них 13,281 млрд руб., или 61,5 %, приходилось на федеральный бюджет, 4,617 млрд руб., или 21,4 %, — на республиканский бюджет, ещё 3,705 млрд руб., или 17,1 %, — на иные источники [1].

В 2025 году количество национальных проектов увеличилось до 12. Общий объём финансирования составил около 23,2 млрд руб. При этом федеральные средства достигли 20,5 млрд руб., или 88,4 %, а региональные — около 2,6 млрд руб., или 11,2 % [2]. На 2026 год предусмотрено более 26 млрд руб. на реализацию 12 национальных проектов [3].

Таким образом, общий объём финансирования растёт. За 2024–2026 гг. он увеличился с 21,603 млрд руб. до более 26 млрд руб. Но ещё заметнее изменилась структура этих средств. В 2024 году из каждых 100 рублей национальных проектов около 62 рублей поступало из федерального бюджета.

Таблица 1

Динамика финансирования национальных проектов в Республике Дагестан

Показатель	**2024 г.**	**2025 г.**	**2026 г.**
Объём финансирования, млрд руб.	21,603	23,2	> 26,0
Федеральные средства, млрд руб.	13,281	20,5	—
Доля федеральных средств	61,5 %	88,4 %	—
Региональные средства, млрд руб.	4,617	2,6	—
Доля региональных средств	21,4 %	11,2 %	—
Количество национальных проектов	11	12	12

Источник: составлено автором по данным [1–3].

В 2025 году — уже около 88 рублей. Это означает, что национальные проекты становятся для Дагестана всё более зависимыми от федерального финансирования.

2. Когда деньги есть, а результат ещё не готов

Одной из самых важных проблем является разрыв между финансовым планом и фактическим ходом работ. Данные Счётной палаты Республики Дагестан за I квартал 2025 года показывают, что из 411 планируемых контрактов были заключены 214, то есть около 52 % от плана. Сумма заключённых контрактов составила 10,3 млрд руб. [4].

Кроме того, по 23 целевым показателям фактические значения составляли менее 50 % от плановых. Ещё по 23 показателям были зафиксированы нулевые значения, несмотря на наличие финансирования [4]. Причины оказались вполне практическими: затягивалось согласование мероприятий, поздно готовилась проектная документация, аукционы иногда признавались несостоявшимися из-за отсутствия заявок.

Это можно объяснить на простом примере. Допустим, школе выделили деньги на оборудование. Пока конкурс не проведён, контракт не заключён, а поставщик не найден, ребёнок не получает никакого оборудования. Деньги уже предусмотрены в бюджете, но результата ещё нет. Поэтому деньги в бюджете и результат для человека — не одно и то же.

По итогам 2024 года было освоено более 98 % средств, а в 2025 году кассовое освоение составило более 99 % [5; 6]. На первый взгляд это очень высокий показатель. Но одновременно в 2025 году было достигнуто около 96 % показателей результативности [5; 6]. Получается разрыв: денег освоено почти 100 %, а результат достигнут не полностью. Именно это позволяет сформулировать центральную проблему исследования: высокое финансовое исполнение не гарантирует полного достижения социально-экономического результата.

3. Образование: когда государственные расходы становятся возможностями

Одним из наиболее понятных примеров результата национальных проектов является образование. В Дагестане сформировалась система современных образовательных площадок: «Точки роста», «Кванториумы», «IT-кубы» и центр развития талантов «Альтаир».

«Точка роста» приближает современные занятия к детям в сельской местности и малых населённых пунктах. «Кванториум» даёт возможность заниматься инженерией, робототехникой и проектной деятельностью. «IT-куб» помогает развивать цифровые навыки. «Альтаир» создаёт условия для углублённой работы с мотивированными детьми. Вместе это образует единую образовательную среду.

В 2024 году деятельностью «Альтаира», «Кванториумов» и «IT-кубов» было охвачено 40 174 человека (193,8 % от плана). Создано 81 173 новых места дополнительного образования. Дополнительным образованием было охвачено 417 927 детей в возрасте от 5 до 18 лет, или 62,16 % соответствующей возрастной группы. Открыто 46 центров «Точка роста» [7].

Центр «Альтаир» ежегодно обучает около 17 тыс. школьников [8]. Школьники центра проходят учебно-тренировочные сборы на базе МФТИ [9]. Государственное финансирование

создаёт условия: площадки, наставники, специализированные программы. Именно здесь инвестиции в образование начинают превращаться в инвестиции в человеческий капитал.

Таблица 2

Результаты развития дополнительного образования в Республике Дагестан (2024 г.)

Показатель	Значение
Охват «Альтаиром», «Кванториумами» и «IT-кубами»	40 174 чел.
Новые места дополнительного образования	81 173
Дети 5–18 лет в дополнительном образовании	417 927 чел.
Доля охвата	62,16 %
«Точки роста», открытые в 2024 году	46

Источник: составлено автором по данным [7].

4. Основные проблемы финансирования

Первая проблема — высокая зависимость от федерального бюджета. В 2025 году 88,4 % финансирования национальных проектов приходилось на федеральные средства, а 68,6 % доходов республиканского бюджета формировалось за счёт безвозмездных поступлений [2; 6].

Вторая проблема — задержки на этапе реализации. Наличие средств ещё не означает, что контракт будет заключён вовремя.

Третья проблема — разрыв между расходами и результатом. Финансовое исполнение более 99 % сопровождалось достижением около 96 % показателей результативности [5; 6].

Четвёртая проблема — дальнейшее содержание созданных объектов. После строительства требуется финансировать ремонт, оборудование и специалистов.

Пятая проблема — равномерность доступа. Для Дагестана особенно важно, чтобы результат получали жители не только крупных городов, но и сельских территорий.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что проблема финансирования национальных проектов в Дагестане заключается не столько в недостатке финансовых ресурсов, сколько в способности своевременно превращать эти ресурсы в реальный результат.

В 2024–2026 гг. объём финансирования вырос с 21,603 до более 26 млрд руб., а доля федерального бюджета увеличилась с 61,5 % до 88,4 % [1–3]. При освоении более 99 % средств в 2025 году достигнуто около 96 % показателей результативности. В I квартале того же года только 52 % планируемых контрактов были заключены [4–6].

Следовательно, освоить деньги — ещё не значит решить проблему. Эффективность национальных проектов следует оценивать не только по финансовым показателям, но и по тому, что произошло после расходования средств: работает ли созданная инфраструктура и какие возможности получили люди.

Список литературы

1. Счётная палата Республики Дагестан. Мониторинг реализации национальных (региональных) проектов в республике за первое полугодие 2024 года // РИА «Дагестан». 24.07.2024. URL: https://riadagestan.ru (дата обращения: 10.09.2026). – Текст : электронный.

2. Правительство Республики Дагестан. Заседание президиума Совета при Главе РД по стратегическому развитию и проектной деятельности. 23.05.2025. URL: https://www.e-dag.ru (дата обращения: 10.09.2026). – Текст : электронный.

3. Министерство экономики и территориального развития Республики Дагестан. Пресс-конференция министра Гаджи Султанова. 10.02.2026. URL: https://riadagestan.ru (дата обращения: 10.09.2026). – Текст : электронный.

4. Счётная палата Республики Дагестан. Мониторинг реализации национальных (региональных) проектов за I квартал 2025 года. 30.04.2025. URL: https://spdag.ru (дата обращения: 10.09.2026). – Текст : электронный.

5. Глава Республики Дагестан. Отчёт о деятельности Правительства РД. 05.09.2026. URL: https://e-dag.ru (дата обращения: 10.09.2026). – Текст : электронный.

6. Председатель Правительства Республики Дагестан. Ежегодный отчёт о результатах деятельности Правительства РД. 27.03.2026. URL: https://dagpravda.ru (дата обращения: 10.09.2026). – Текст : электронный.

7. Министерство образования и науки Республики Дагестан. Отчётные данные о реализации мероприятий национального проекта «Образование» и развитии дополнительного образования в 2024 году. – Текст : непосредственный.

8. Министерство образования и науки Республики Дагестан. Данные о деятельности Центра развития талантов «Альтаир». – Текст : непосредственный.

9. Информация о учебно-тренировочных сборах обучающихся Центра «Альтаир» на базе МФТИ. – Текст : непосредственный.

УДК 332.05

СТРУКТУРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Алферова Татьяна Викторовна,
д.э.н., доцент, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (ПГНИУ), (614068, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Букирева, 15), E-mail: talferova68@mail.ru

Аннотация. Обеспечение экономической безопасности на основе устойчивого развития регионов требует скоординированных решений в самых разных областях деятельности с привлечением большого числа акторов. При этом лицам, принимающим решения, необходимо реалистичное представление о ситуации, ключевых факторах, влияющих на проблему, задействованных переменных, характере взаимовлияния и др. Для формирования упорядоченной направленной структуры решения сложных проблем предлагается применение структурного моделирования – инструмента, простого и одинаково понятного различным междисциплинарным группам пользователей.

Ключевые слова: устойчивое развитие, регион, экономическая безопасность, структурное моделирование

STRUCTURAL MODELING OF THE REGIONAL SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS A FACTOR ENSURING ECONOMIC SECURITY

Tatyana Viktorovna Alferova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Management, Marketing and Commerce “Perm State University” (PSU), (614068, Russian Federation, Perm, Bukireva Street), 15, E-mail: talferova68@mail.ru

Annotation. Ensuring economic security based on the sustainable development of regions requires coordinated solutions in a wide range of areas, involving a large number of actors. At the same time, decision-makers need a realistic understanding of the situation, the key factors influencing the problem, the variables involved, the nature of the interdependencies, etc. To form an orderly, directed structure for solving complex problems, it is proposed to use structural modeling — a tool that is simple and equally understandable to various interdisciplinary groups of users.

Keywords: sustainable development, region, economic security, structural modeling

Основные направления действий, определенных Стратегией экономической безопасности РФ на период до 2030 г. [1], тесно коррелируются с целями устойчивого развития (ЦУР), сформулированными ООН в «Повестке дня до 2030 г.» [2], к примеру, поддержание научно-технического потенциала развития, повышение уровня жизни населения, обеспечение устойчивого роста экономики, внедрение современных технологий и стимулирования инновационного развития, повышение эффективности внешнеэкономического сотрудничества и т. д. При этом стратегия определяет *обеспечение экономической безопасности* как «реализацию органами государственной власти, органами местного самоуправления и Центрального банка Российской Федерации во взаимодействии с институтами гражданского общества комплекса политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности и защиту национальных интересов Российской Федерации в экономической сфере» [1]. Широкий спектр вызовов и угроз, сложность решаемых проблем, большое число акторов и их интересов формируют систему прямо или косвенно связанных элементов со сложной, нечетко определенной структурой, с которой трудно иметь дело при принятии решений, что требует системного подхода и серьезной информационно-аналитической поддержки. В связи с этим возникает необходимость в применении подходов и инструментов, помогающих выявить структуру системы, идентифицировать ее элементы, определить взаимосвязи, ранговый порядок и направление взаимодействия, а также представить все это в виде четко структурированных моделей. С нашей точки зрения, это может быть реализовано путем интерпретационного структурного моделирование (ISM) – техники установления взаимосвязей между элементами, представляющими интерес в конкретной области, с помощью знаний экспертов о контексте данных элементов [3].

Методология ISM, предложенная Дж. Уорфилдом [4], – относительно новый, но действенный инструмент одновременно качественного и количественного анализа различных проблемных областей разных уровней и масштаба принятия решений, начиная с моделирования глобальных цепей поставок [5, 6] и сетей знаний [7] и заканчивая уровнем конкретных субъектов или задач [8, 9]. Несмотря на это, методология пока не освещается в российской научной литературе и не используется на практике. В данном случае она была применена для определения структуры взаимосвязей ЦУР регионов РФ как маркера сбалансированности их развития [10], а следовательно, безопасности функционирования.

Технически ISM-моделирование начинается с определения переменных, которые имеют отношение к проблеме или вопросу, в данном случае это ЦУР. Затем с помощью экспертов устанавливаются контекстуально-релевантные подчиненные связи между ними. Эксперты отбираются посредством целевой выборки. Алгоритм исследования представлен на рисунке 1 [7].

На первом этапе эксперты устанавливали наличие и направленность взаимосвязи между ЦУР методом попарных сравнений (*i* и *j*) с присвоением каждому из вариантов соответствующих символов (V – *i* влияет на *j*, A – *i* зависит от *j*, X – переменные влияют друг на друга», O – переменные не взаимодействуют). Далее составлялась начальная матрица достижимости путем замены вышеуказанных символов на значения 0 и 1 в соответствии со следующими правилами [7, 11]: символ «V» в ячейке «*i, j*» структурной матрицы взаимодействия заменялся на 1, в ячейке «*j, i*» – на 0; символ «A» в ячейке «*i, j*» конвертировался в 0; в ячейке «*j, i*» – в 1; символ «X» в ячейках «*i, j*» и «*j, i*» заменялся на 1; символ «O» в ячейках (*i,j*) и (*j,i*) – на 0.

После проверки матрицы на наличие транзитивных связей составлялась финальная матрица достижимости. Далее на ее основе производилось распределение переменных по уровням. Для этого поочередно для каждой ЦУР были выявлены множества элементов достижимости (исследуемая ЦУР и ЦУР, на которые она влияет), и элементов предшественников или антецедентов (ЦУР, которые влияют на нее). Наборы достижимости и антецедентов задаются уравнениями (1), (2), наборы пересечений представляются уравнением (3) [5].

Рисунок 1. Алгоритм исследования по методологии ISM
Источник: [7]

$$R(i) = \{j \in S / eij = 1\} \cup \{i \in S\}; \quad (1)$$

$$A(i) = \{j \in S / eij = 1\} \cup \{i \in S\}; \quad (2)$$

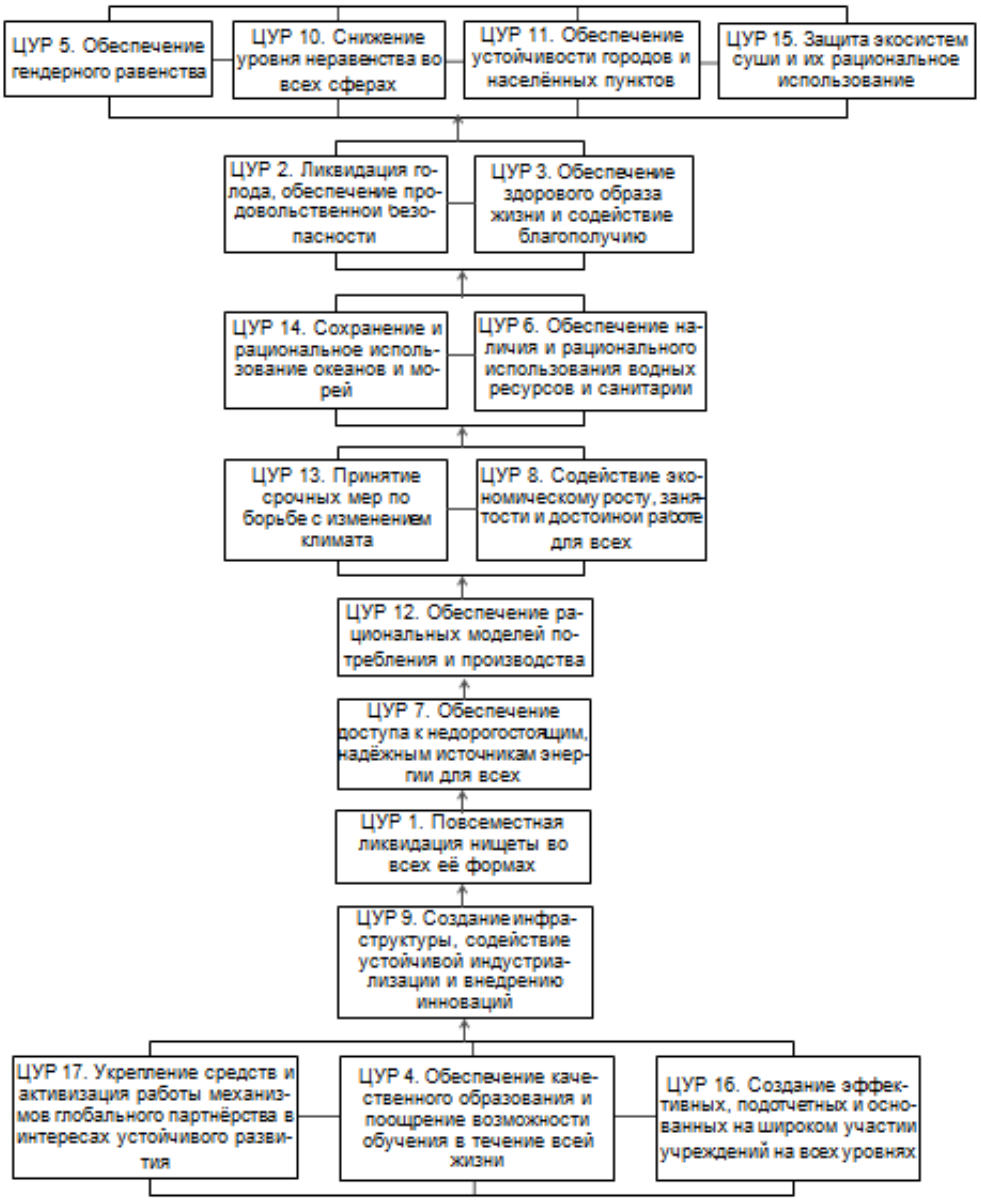
$$I(i) = R(i) \cap A(i). \quad (3)$$

Полученная нами модель состояла из девяти уровней (рисунок 2).

Как следует из рисунка, наибольшее влияние продемонстрировали ЦУР, расположенные на более низких иерархических уровнях (ЦУР 17, ЦУР 16 и ЦУР 4). По мере продвижения к верхним уровням модели влияние ЦУР снижается, в итоге наименее влиятельными являются ЦУР 5, ЦУР 10, ЦУР 11, ЦУР 15.

Отметим, что в большинстве трудов, посвященных структурному моделированию взаимосвязей ЦУР, именно ЦУР 4 определена как наиболее важная для достижения устойчивого развития. При этом в странах с развитой экономикой образование является ключевым фактором развития общества, основанного на знаниях. А в развивающихся странах люди с более высоким уровнем образования, как правило, имеют более высокий доход. Кроме того, инвестиции в образование косвенно способствуют сохранению здоровья, повышению качества и продолжительности жизни и др. Добавим, что на субнациональном уровне образование формирует кадровый и инновационный потенциал региона, способствует общественной поддержке инициатив устойчивого развития и др. В связи с этим ЦУР 4 одновременно рассматривается в качестве бенефициара, получателя и сторонника инноваций.

Подобного единодушия не наблюдается в отношении ЦУР 16 и ЦУР 17. По нашему мнению, важность ЦУР 16 и ЦУР 17 для достижения остальных целей заложена в самих формулировках большинства из них: «обеспечение доступа…», «принятие срочных мер…», «содействие росту…» [11] и т. д. Отметим, что для уровня региона необходимость управляющего воздействия особенно важна.

Источник: составлено автором

Рисунок 2 – Итоговая модель взаимосвязей ЦУР регионов Российской Федерации

Предложенная структурная модель имеет несложный понятный формат, поэтому удобна в применении при разработке политики устойчивого развития региона или решении других, не менее важных задач. К примеру, расположенные на нижнем (девятом) уровне цели (ЦУР 16, ЦУР 17, ЦУР 4) имеют высокий уровень влияния, следовательно, лицам, принимающим решения, прежде всего, необходимо обратить внимание на создание «эффективных, подотчетных и транспарентных учреждений регионального управления» (ЦУР 16), «укрепления средств партнерства в области устойчивого развития» (ЦУР 17) и «обеспечения качественного образования» (ЦУР 4) [11] в том числе сотрудников органов государственного и муниципального управления. Далее акторам, к примеру, разработчикам региональных программ в области устойчивого развития и /или экономической безопасности следует сконцентрироваться на достижении ЦУР 9 поскольку инфраструктурные и инновационные преобразования служат основой для экономического роста, повышения качества жизни, сохранения ресурсов и других аспектов экономической и экологической безопасности. В свою очередь это будет способствовать созданию высокотехнологичных рабочих мест (ЦУР 8), обеспечению доступа к чистой воде, санитарии (ЦУР 6), недорогой энергии (ЦУР 7) и т. д.

Следует отметить, что ЦУР 1 (ликвидация нищеты во всех ее формах) эксперты считают не менее приоритетной для регионов, чем ЦУР 8 и ЦУР 12, несмотря на то, что форму-

лировки ООН, касающиеся глобальных ЦУР, предполагают следующую последовательность: «устойчивый и всеохватный экономический рост (ЦУР 8) может способствовать прогрессу, создавать достойные рабочие места для всех и улучшать уровень жизни (ЦУР 1)» и «устойчивое потребление и производство (ЦУР 12) могут внести существенный вклад в сокращение масштабов нищеты (ЦУР 1)». Речь идет о необходимости незамедлительного решения данного вопроса посредством существенной социальной поддержки уязвимых групп населения, не откладывая этот вопрос до решения проблемы модернизации экономики. Причиной нищеты является не только отсутствие работы, но и политика распределения доходов, социальная изоляция, отсутствие равного доступа к образованию, технологиям, экономическим ресурсам, имея который, данная категория населения сможет повысить качество трудовых ресурсов региона, обеспечить самозанятость или даже создать рабочие места.

Помимо наглядности результатов, указанный подход объединяет усилия разных групп заинтересованных сторон – экспертов в разных областях, представителей бизнеса, общественных организаций, органов власти разного уровня, следовательно, пригоден для решения сложной задачи обеспечения экономической безопасности регионов и страны.

В научной литературе часто подчеркивается сила визуальных результатов, способствующих интеграции различных точек зрения, повышению вовлеченности и участия широкого круга заинтересованных сторон [12]. Отметим, что данный подход ценен в том числе и для исследователей, поскольку понятное изложение сути научных разработок очень важно, если авторы хотят, чтобы они эффективно использовались в реальном мире.

Список литературы

1. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: утверждена указом Президента Российской Федерации № 208 13 мая 2017 г. Опубликована: 15 мая 2017 года на официальном интернет-портале правовой информации pravo.gov.ru]. – Текст : непосредственный.

2. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/70/L.1: [принята Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года]. Нью-Йорк. – URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/70/1 (дата обращения 20.03.2026). https://docs.un.org/ru/A/RES/70/1

3. Shalamzari, R. H. Interpretive structural modelling (ISM) an overview / R. H. Shalamzari, F. Dodangeh // The third international conference on advanced research in management and humanities. – Munich, 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/371340237 (дата обращения: 19.03.2026)

4. Warfield, J. N. Developing Interconnection Matrices in Structural Modeling / J. N. Warfield // IEEE Transcript on Systems, Men and Cybernetics. – 1974. – Vol. 4, iss. 1. – P. 81–87.

5. Filho, M. G. The relationship between Circular Economy, Industry 4.0 and Supply Chain Performance: a combined ISM/Fuzzy MICMAC approach / M. G. Filho, L. Monteiro, R. Mota [et al.] // Sustainability. – 2022. – Vol. 14, iss. 5. – P. 2772.

6. Shin, N. Evidence-based resilience management for supply chain sustainability: an interpretive structural modelling approach / N. Shin, S. Park // Sustainability. – 2019. – Vol. 11, iss. 2. – Art. 484.

7. Rezaeian, A. Modeling the factors that affect the implementation of knowledge networks / A. Rezaeian, R. Bagheri // Foresight and STI Governance. – 2018. – Vol. 12, iss. 1. – P. 56-67.

8. Moelyanto. Integrated interpretive structural modeling (ISM) and MICMAC diagram for analysis of infrastructure influence in supporting submarine operations / Moelyanto, Marsetio, A. Octavian, R. O. Bura, I. N. Putra // Engineering and Applied Science Letters. –2021. – Vol. 4, iss. 3. – P. 8-18.

9. Qazi F. Analysis of Vulnerability Factors of NGOs: An Interpretive Structural Modeling (ISM) Approach Tehmina / F. Qazi, A. A. K. Niazi, S. Sheikh, I. Aziz, K. Niazi, A. Basit // Journal of Policy Research. 2023 – Vol. 8, iss. 4. – P. 483-497.

10. Алферова Т. В. Структурное моделирование взаимосвязей целей устойчивого

развития регионов / Т. В. Алферова, Е. А. Третьякова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 5–24.

11. Цели устойчивого развития. Организация объединенных наций: сайт. URL: https://sdgs.un.org/ru/goals (дата обращения 21.03.2026).

12. Akgun, A. A. Analytical support tools for sustainable futures / A. A. Akgun, E. S. van Leeuwen, P. Nijkamp // Romanian Journal of Regional Science. – 2012. – Vol. 5, iss. 2. – P. 2-24.

УДК 330.341

ФОРМИРОВАНИЕ СБАЛАНСИРОВАННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Амитов Руслан Тахирович,
аспирант Высшей школы экономики и управления
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса»
(445017, Российская Федерация, Самарская область, г. Тольятти,
ул. Гагарина, д. 4. E-mail: rt.amitov@gmail.com)

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и методические аспекты формирования сбалансированной региональной инновационной политики в условиях цифровой трансформации промышленного комплекса. Уточнено понятие сбалансированной региональной инновационной политики как системы целей, принципов и инструментов, направленных на достижение пропорциональности инновационного развития экономических, социальных и институциональных подсистем региона. Представлен методический инструментарий оценки сбалансированности инновационного развития, включающий интегральный индекс сбалансированности инновационного развития региона (ИИСИР), объединяющий пять субиндексов. На основе данных Самарской области за 2021–2025 годы проведена апробация предложенного инструментария, выявлены структурные диспропорции инновационного развития. Обоснована необходимость создания региональной цифровой платформы инновационного развития как интегративного инструмента реализации политики. Разработаны прогнозные значения ключевых показателей до 2030 года.

Ключевые слова: сбалансированная региональная инновационная политика, цифровая трансформация, промышленный комплекс, интегральный индекс сбалансированности, структурные диспропорции, цифровая платформа, технологический суверенитет, Самарская область.

FORMULATING A BALANCED REGIONAL INNOVATION POLICY AMID THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE INDUSTRIAL SECTOR (A CASE STUDY OF THE SAMARA REGION)

Amitov Ruslan Takhirovich,
PhD Student, Higher School of Economics and Management
Volga Region State University of Service
(445017, Russian Federation, Samara Region, Tolyatti,
st. Gagarina, 4. E-mail: rt.amitov@gmail.com)

Annotation. This article examines the theoretical and methodological aspects of formulating a balanced regional innovation policy amidst the digital transformation of the industrial sector. The concept of a balanced regional innovation policy is refined as a system of goals, principles, and instruments aimed at achieving balanced innovation development across the region's economic, social, and institutional subsystems. A methodological toolkit for assessing the balance of innovation development is presented, featuring an integral index of regional innovation

development balance (IISIR) that combines five sub-indices. The proposed toolkit was tested using data from the Samara Region for the 2021–2025 period, revealing structural imbalances in innovation development. The necessity of establishing a regional digital platform for innovation development—serving as an integrative tool for policy implementation—is substantiated. Forecast values for key indicators through 2030 have been developed.

Keywords: balanced regional innovation policy, digital transformation, industrial sector, integral balance index, structural imbalances, digital platform, technological sovereignty, Samara Region.

В условиях геополитической нестабильности, санкционных ограничений и перехода к новому технологическому укладу ключевым фактором обеспечения конкурентоспособности региональных экономик становится формирование сбалансированной инновационной политики. Цифровая трансформация промышленного комплекса, определенная в качестве одной из национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309, требует пересмотра подходов к управлению инновационными процессами на региональном уровне. Ускоренное внедрение инноваций часто сопровождается социально-экономическими диспропорциями, что актуализирует задачу обеспечения сбалансированности инновационного развития, предполагающего согласование темпов и пропорций роста при рациональном использовании ресурсов и минимизации дисбалансов [1].

На основе анализа эволюции теоретических подходов к инновационной политике – от шумпетерианской модели и линейного подхода до системной модели, модели «тройной спирали», кластерной и экосистемной моделей – установлено, что современное понимание региональной инновационной политики базируется на синтезе системного, институционального, экосистемного и когнитивного подходов. Особую значимость в условиях цифровой трансформации приобретает когнитивный подход, предполагающий интеграцию когнитивных технологий и цифровых инструментов для формирования человеко-машинного интеллекта и перехода от реактивного управления к проактивному и предиктивному на основе нейросетевого прогнозирования [2].

В рамках исследования под сбалансированной региональной инновационной политикой понимается система целей, принципов и инструментов, направленных на достижение пропорциональности инновационного развития экономических, социальных и институциональных подсистем региона, обеспечивающую минимизацию структурных и социально-экономических диспропорций, формирование технологического суверенитета и устойчивый экономический рост на основе интеграции цифровых технологий во все компоненты региональной инновационной системы.

Для комплексной оценки сбалансированности инновационного развития региона предлагается интегральный индекс сбалансированности инновационного развития региона (ИИСИР), который рассчитывается как средневзвешенное значение пяти субиндексов:

$$\text{ИИСИР} = \alpha_1 \times \text{ИИП} + \alpha_2 \times \text{ИЦЗ} + \alpha_3 \times \text{ИСС} + \alpha_4 \times \text{ИСЭР} + \alpha_5 \times \text{ИИЭ},$$

где ИИП – индекс инновационного потенциала региона; ИЦЗ – индекс цифровой зрелости промышленности; ИСС – индекс структурной сбалансированности; ИСЭР – индекс социально-экономической результативности; ИИЭ – индекс институциональной эффективности; α_1, α_2, α_3, α_4, α_5 – весовые коэффициенты (рекомендуемые значения: $\alpha_1 = 0{,}20$; $\alpha_2 = 0{,}25$; $\alpha_3 = 0{,}20$; $\alpha_4 = 0{,}20$; $\alpha_5 = 0{,}15$).

Интерпретационная шкала интегрального индекса предусматривает пять уровней сбалансированности: критически низкий (0,00–0,25), низкий (0,26–0,50), средний (0,51–0,75), высокий (0,76–0,90) и очень высокий (0,91–1,00).

Апробация предложенного методического инструментария проведена на материалах Самарской области за период 2021–2025 годов. Самарская область является одним из наиболее развитых в промышленном отношении субъектов Российской Федерации. Анализ показал, что валовой региональный продукт вырос с 2,11 трлн рублей в 2021 году до 2,98 трлн

рублей в 2025 году (прирост 41,2%). Доля обрабатывающей промышленности в структуре ВРП увеличилась с 29,3% до 34,2% [3].

Уровень инновационной активности предприятий Самарской области вырос с 16,2% в 2021 году до 20,1% в 2025 году, стабильно превышая среднероссийский показатель на 4,0–4,3 процентных пункта. Затраты на технологические инновации выросли с 42,6 млрд рублей до 70,5 млрд рублей (в 1,65 раза). Внутренние затраты на НИОКР достигли 26,0 млрд рублей в 2025 году [4, 5].

Расчет интегрального индекса ИИСИР для Самарской области показал его рост с 0,59 в 2021 году до 0,69 в 2025 году (таблица 1), что свидетельствует о положительной динамике, но сохранении среднего уровня сбалансированности.

Таблица 1

Динамика субиндексов индекса сбалансированности инновационного развития региона для Самарской области в 2021–2025 гг.

Субиндекс	Условное обозначение	2021	2022	2023	2024	2025	Абсолютный прирост
1	2	3	4	5	6	7	8
Индекс инновационного потенциала региона	ИИП	0,68	0,70	0,72	0,73	0,75	+0,07
Индекс цифровой зрелости промышленности	ИЦЗ	0,48	0,52	0,55	0,58	0,62	+0,14
Индекс структурной сбалансированности	ИСС	0,55	0,57	0,59	0,61	0,63	+0,08
Индекс социально-экономической результативности	ИСЭР	0,62	0,65	0,68	0,70	0,72	+0,10
Индекс институциональной эффективности	ИИЭ	0,68	0,70	0,72	0,73	0,74	+0,06
Индекс сбалансированности инновационного развития региона	**ИИСИР**	**0,59**	**0,62**	**0,65**	**0,67**	**0,69**	**+0,10**

Источник: рассчитано автором

Наиболее проблемными зонами остаются цифровая зрелость (ИЦЗ = 0,62) и структурная сбалансированность (ИСС = 0,63). Выявлены следующие структурные диспропорции: отраслевые (концентрация инновационной активности в обрабатывающих производствах – 77,1% затрат); территориальные (дифференциация инновационной активности между крупными городами – 22% и моногородами – 8,2%); цифровые (разрыв между крупными и средними и малыми предприятиями по уровню цифровизации); финансовые (преобладание собственных средств предприятий – 63,1%, сокращение внешнего финансирования).

На основе выявленных диспропорций разработана классификация инструментов региональной инновационной политики по критерию «степень влияния на сбалансированность», включающая три группы: компенсирующие (направлены на устранение структурных и территориальных диспропорций), стимулирующие (ориентированы на активизацию инновационной деятельности во всех секторах экономики) и стабилизирующие (обеспечивают устойчивость региональной инновационной системы в долгосрочной перспективе).

Обоснована необходимость создания региональной цифровой платформы инновационного развития, интегрированной с государственной информационной системой промышленности (ГИСП). Платформа обеспечивает сбор и систематизацию информации об инновационных проектах, взаимодействие участников инновационной деятельности, поддержку принятия решений на основе анализа больших данных, предоставление государственных услуг в электронном виде и мониторинг реализации инновационной политики.

Предложена система индикаторов результативности сбалансированной региональной инновационной политики, включающая четыре группы показателей: инновационная актив-

ность (уровень инновационной активности, затраты на инновации, доля инновационной продукции), цифровая трансформация (уровень цифровой зрелости, доля предприятий, использующих ИИ, доля отечественного ПО), сбалансированность (индекс структурной сбалансированности, индекс территориальной сбалансированности) и социально-экономическая эффективность (производительность труда, доля высокотехнологичной продукции, число высокотехнологичных рабочих мест).

На основе реализации предложенного инструментария разработан прогноз развития Самарской области до 2030 года (таблица 2).

Таблица 2

Прогнозные значения ключевых показателей инновационного развития Самарской области до 2030 года

Показатель	2025 (факт)	2030 (цель)	Абсолютный прирост
1	2	3	4
Уровень инновационной активности, %	20,1	25,0	+4,9
Затраты на технологические инновации, млрд руб.	70,5	100,0	+29,5
Доля инновационной продукции в отгрузке, %	7,8	12,0	+4,2
Уровень цифровой зрелости (ИЦЗ)	0,62	0,80	+0,18
Индекс структурной сбалансированности (ИСС)	0,63	0,80	+0,17
Индекс территориальной сбалансированности	0,37	0,60	+0,23
ИИСИР	0,69	0,85	+0,16

Источник: разработано автором

Прогнозируется рост интегрального индекса сбалансированности ИИСИР с 0,69 до 0,85, что соответствует переходу от среднего к высокому уровню сбалансированности. Ожидается создание 15–20 тысяч новых высокотехнологичных рабочих мест, снижение отраслевых диспропорций (доля обрабатывающих производств в инновационных затратах сократится с 77,1% до 72–74%) и рост инновационной активности в моногородах с 8,2% до 12–14%.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, сбалансированная региональная инновационная политика в условиях цифровой трансформации представляет собой многомерную систему, требующую системного подхода к формированию и реализации, включающего целевой, инструментальный, ресурсный и оценочный компоненты. Во-вторых, предложенный методический инструментарий, включающий интегральный индекс ИИСИР, позволяет комплексно оценить уровень сбалансированности инновационного развития региона и выявить структурные диспропорции. В-третьих, апробация инструментария на материалах Самарской области подтвердила его практическую применимость и достоверность результатов. В-четвертых, реализация предложенного инструментария позволит Самарской области перейти к сбалансированному инновационному развитию, обеспечивающему устойчивый экономический рост, снижение структурных и социально-экономических диспропорций и укрепление технологического суверенитета.

Список литературы

1. Бухвальд, Е. М. Экономическое пространство как поле реализации национальных целей России / Е. М. Бухвальд // Федерализм. – 2024. – Т. 29, № 2(114). – С. 32-47. – DOI 10.21686/2073-1051-2024-2-32-47.

2. Оруч, Т. А. Исследование роли цифровых технологий в обеспечении национального технологического суверенитета России / Т. А. Оруч // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. – 2024. – Т. 20, № 4(79). – С. 5-10.

3. Алябьева, Е. М. Приоритетные направления развития экономического потенциала региона для преодоления текущих экономических и геополитических вызовов (на примере Самарской области) / Е. М. Алябьева // Развитие инновационной экосистемы российской федерации на основе процессов импортоопережения в технологических инновациях для отраслей экономики : Сборник научных статей Международной научно-практической конферен-

ции, Тольятти, 17 апреля 2025 года. – Тольятти: ЗАО "Университетская книга", 2025. – С. 81-87.

4. Челноков, А. С. Анализ динамики и современного состояния инновационной активности регионального промышленного комплекса Самарской области / А. С. Челноков // Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2024. – № S1. – С. 157-164. – DOI 10.26118/2782-4586.2024.77.22.024.

5. Оруч, Т. А. Роль мониторинга региональной социально-экономической системы в обеспечении экономической безопасности региона / Т. А. Оруч, Н. Н. Скорниченко // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 1(60). – С. 271-276.

УДК 338.46:332.1

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЫНКА ПЛАТНЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ

Асхабалиев Ибрагимхалил Чупанович,[1,2]
[1]к.э.н., доцент, доцент кафедры «Экономика и дорожное хозяйство»,
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ)»,
Прикаспийский межрегиональный институт (филиал).
(367015, Российская Федерация, Республика Дагестан,
г. Махачкала, просп. Им. Шамиля 1[г].)
[2]к. э. н., доцент, доцент кафедры «Экономические дисциплины»,
ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет,
филиал в г. Хасавюрте
(368009, Россия, г. Хасавюрт, ул. А. Абукова, 36.
E-mail: ibramadi@yandex.ru)

Аннотация. В статье исследуется региональная дифференциация рынка платных услуг населению Российской Федерации в 2020–2025 гг. Основное внимание уделено Северо-Кавказскому федеральному округу и его субъектам. На основе официальных данных Росстата проведены горизонтальный и структурный анализы, сопоставлены масштабы рынка федеральных округов, оценена внутренняя концентрация рынка СКФО, рассмотрена динамика объема услуг и показателей на душу населения. Показано, что при устойчивом номинальном расширении российского рынка сохраняется значительная пространственная концентрация, а СКФО характеризуется сочетанием относительно небольшой доли в общероссийском объеме и высокой внутриокружной неоднородности. Выделены демографические, доходные, инфраструктурные, урбанизационные, туристско-рекреационные и цифровые факторы пространственного развития рынка платных услуг населению.

Ключевые слова: рынок платных услуг, региональная дифференциация, пространственное развитие, потребительский спрос, цифровизация, туризм.

CURRENT TRENDS AND FACTORS OF SPATIAL DEVELOPMENT OF THE MARKET OF PAID SERVICES TO THE POPULATION

Askhabaliyev Ibragimkhalil Chupanovich,[1,2]
[1]candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the «Department of Economics and Road Management»
FSBEI HE «Moscow Automobile and Road Construction State
Technical University (MADI)» Caspian Interregional Institute (branch).
(367015, Russian Federation, Republic of Dagestan,
Makhachkala, Imam Shamil avenue 1g.
E -mail: ibramadi@yandex.ru;)
[2]candidate of economical science, Associate Professor,

Associate professor of the chair «Economic disciplines»
FSBEI HE Dagestan State University, branch in the city of Khasavyurt
(368009, Russia, Khasavyurt, st. A. Abukova, 36.
E-mail: ibramadi@yandex.ru)

Annotation. The article examines the regional differentiation of the market of paid services to the population of the Russian Federation in 2020-2025. The main attention is paid to the North Caucasus Federal District and its subjects. Based on official data from Rosstat, horizontal and structural analyses were carried out, the scale of the federal districts' market was compared, the internal concentration of the North Caucasus Federal District market was estimated, and the dynamics of the volume of services and indicators per capita were considered. It is shown that with a steady nominal expansion of the Russian market, significant spatial concentration remains, and the North Caucasus Federal District is characterized by an increase in a relatively small share in the national volume and high intra-circumferential heterogeneity. Demographic, income, infrastructural, urban, tourist-recreational and digital factors of spatial development of the market of paid services to the population are highlighted.

Keywords: paid services market, regional differentiation, spatial development, consumer demand, digitalization, tourism.

Введение

Сфера платных услуг занимает особое место в современной региональной экономике, поскольку одновременно выступает элементом потребительского рынка, источником занятости и предпринимательских доходов, а также механизмом удовлетворения социальных и бытовых потребностей населения. В условиях структурной перестройки экономики, ускорения цифровизации, изменения моделей потребления и роста требований к территориальной доступности услуг вопрос пространственной неоднородности рынка приобретает самостоятельное научное и прикладное значение. Региональная специфика проявляется не только в различиях абсолютных объемов услуг, но и в неодинаковых темпах роста, структуре спроса, обеспеченности инфраструктурой и уровне расходов населения.

Росстат определяет объем платных услуг населению как денежный эквивалент услуг, оказанных резидентами российской экономики гражданам России и нерезидентам на территории страны. В статистическое наблюдение включаются бытовые, транспортные, почтовые и курьерские, телекоммуникационные, жилищные и коммунальные, медицинские, образовательные, туристские, гостиничные, культурные, спортивные, юридические и другие услуги [6]. Такая трактовка позволяет рассматривать рынок как комплексный элемент региональной экономики, тесно связанный с доходами населения, демографией, инфраструктурой и специализацией территории.

Научная значимость регионального подхода обусловлена тем, что среднероссийская динамика скрывает существенные различия между территориями. Исследования региональных рынков услуг связывают их развитие с уровнем социально-экономического развития, платежеспособным спросом и демографическими характеристиками [2; 3]. Современные исследования отдельных сегментов также фиксируют влияние внешних шоков, изменения доходов и цифровизации на региональную сферу услуг [4].

Особый интерес представляет Северо-Кавказский федеральный округ, включающий семь субъектов Российской Федерации. Для него характерны значительный демографический потенциал, неоднородность городской и сельской расселенности, сложная транспортная доступность ряда горных территорий и существенный туристско-рекреационный потенциал. В Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2030 года среди приоритетов названы развитие туризма, малого и среднего предпринимательства, здравоохранения, образования, транспортной и информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также формирование сбалансированного пространственного развития [1].

Цель исследования состоит в выявлении современных тенденций региональной дифференциации рынка платных услуг населению России в 2020–2025 гг. и определении факторов пространственного развития с акцентом на субъекты СКФО. Задачи исследования включают оценку динамики рынка, определение места СКФО в общероссийской структуре, сравнительный анализ федеральных округов, выявление внутренней дифференциации субъектов СКФО и обоснование направлений развития рынка.

Материалы и методы исследования

Информационную основу исследования составили официальные статистические материалы Федеральной службы государственной статистики.[6,7,8]. Существенным преимуществом базы является наличие показателей в текущих ценах, индекса физического объема и объема услуг на душу населения.

В работе использованы горизонтальный, структурный и сравнительный методы. Для оценки относительного уровня развития используется объем платных услуг на душу населения. Индекс физического объема применяется для отделения изменения физического объема от ценового фактора [6].

1. Динамика рынка платных услуг России и СКФО в 2020–2025 гг.

Период 2020–2025 гг. включает несколько качественно различных этапов развития потребительского рынка услуг: резкое изменение моделей потребления в 2020 г., восстановление активности в 2021–2022 гг., адаптацию экономики к внешним ограничениям и ускорение структурных изменений в 2023–2025 гг. В номинальном выражении объем платных услуг в России увеличился с 9 294,2 млрд руб. в 2020 г. до 19 939,8 млрд руб. в 2025 г., то есть более чем в два раза [6,7,8] (табл. 1).

Таблица 1.

Объем платных услуг населению [6,7]

Год	*Россия, млрд руб.*	*СКФО, млрд руб.*	*Доля СКФО, %*
2020	9 294,2	412,5	4,4
2021	11 050,9	481,0	4,4
2022	12 627,5	523,0	4,1
2023	14 770,7	676,6	4,6
2024	17 210,8	703,0	4,1
2025	19 939,8	805,8	4,0

Примечание: ряд СКФО за 2020–2023 гг. приведен для аналитического сопоставления; отдельные значения официальной статистики могли уточняться. Значение 2023 г. рассчитано на основе официального объема 2024 г. и темпа 103,9% к 2023 г. [7; 8].

За 2020–2025 гг. номинальный объем рынка в России вырос примерно на 114,5%, тогда как в СКФО - примерно на 95,3%. Следовательно, округ расширял рынок в абсолютном выражении, но в долгосрочном периоде увеличивал его медленнее общероссийского рынка. В 2025 г. доля СКФО составила 4,0% российского объема.

В 2025 г. объем платных услуг населению России составил 19 939,8 млрд руб., а в СКФО - 805,8 млрд руб. Индекс физического объема в СКФО достиг 104,0%, тогда как в России - 102,7% [8]. Следовательно, текущая динамика округа характеризуется более высоким реальным ростом, чем среднероссийская, несмотря на сохраняющееся отставание по масштабу рынка.

2. Пространственная концентрация рынка на уровне федеральных округов

В 2025 г. пространственная структура российского рынка платных услуг оставалась высококонцентрированной. Центральный федеральный округ формировал около 36,8% общероссийского объема, тогда как СКФО - 4,0% [8]. Высокая концентрация в Центральном округе связана с масштабом потребительского рынка, концентрацией доходов, деловой активности и специализированных услуг (табл. 2).

Таблица 2.

Объем платных услуг населению по федеральным округам РФ в 2025г. [7,8]

Федеральный округ	*Объем, млрд руб.*	*Доля РФ, %*
Центральный	7 346,0	36,8
Приволжский	2 970,0	14,9
Южный	2 326,0	11,7
Северо-Западный	2 049,0	10,3
Уральский	1 738,0	8,7
Сибирский	1 717,0	8,6
Дальневосточный	988,0	5,0
Северо-Кавказский	805,8	4,0

СКФО занимает последнее место среди федеральных округов по абсолютному объему рынка, однако такое ранжирование не отражает текущую интенсивность развития. В 2025 г. индекс физического объема в СКФО составил 104,0%, что выше показателя Дальневосточного федерального округа (99,4%) и сопоставимо с динамикой большинства макрорегионов [3]. Это подтверждает необходимость разграничивать емкость рынка и темпы его развития.

3. Внутренняя дифференциация рынка платных услуг СКФО

Внутри СКФО пространственная концентрация выражена еще сильнее. В 2025 г. совокупный объем платных услуг составил 805,8 млрд руб. На Ставропольский край приходилось 293,1 млрд руб., на Республику Дагестан - 234,1 млрд руб. (табл. 3). Вместе два крупнейших региональных рынка обеспечивали около 65,4% объема округа [8].

Сопоставление субъектов показывает, что абсолютный размер рынка определяется прежде всего масштабом населения и экономической активности территории. При этом темпы роста распределяются иначе. Наиболее высокий показатель в 2025 г. зафиксирован в Кабардино-Балкарской Республике - 109,2%, далее следуют Карачаево-Черкесская Республика - 106,4%, Чеченская Республика - 106,0% и Республика Северная Осетия - Алания - 105,6% [8].

Ставропольский край и Дагестан, являясь крупнейшими рынками округа, росли медленнее - 102,4 и 102,9% соответственно. Следовательно, в СКФО формируется сочетание «масштабных» и «динамических» центров роста: крупные рынки обеспечивают емкость, а ряд республик демонстрирует более высокие темпы расширения.

Таблица 3.

Объем платных услуг населению по субъектам СКФО в 2025г [7,8]

Субъект СКФО	*Объем, млрд руб.*	*Доля СКФО, %*	*2025 к 2024, %*
Ставропольский край	293,1	36,4	102,4
Республика Дагестан	234,1	29,1	102,9
Чеченская Республика	100,9	12,5	106,0
Кабардино-Балкарская Республика	80,0	9,9	109,2
Республика Северная Осетия - Алания	46,5	5,8	105,6
Карачаево-Черкесская Республика	36,3	4,5	106,4
Республика Ингушетия	15,0	1,9	102,4

4. Уровень потребления услуг на душу населения

Для корректной оценки региональной дифференциации абсолютные объемы необходимо дополнять показателем на душу населения. По данным Росстата, в 2020 г. объем платных услуг на душу населения составлял 40 967 руб. в СКФО против 62 923 руб. в среднем по России. В 2024 г. показатель вырос до 68 810 руб. в СКФО и 118 952 руб. по России [7; 8]. Разрыв по интенсивности потребления сохраняется.

Внутри округа различия также существенны. В 2024 г. объем услуг на душу населения составлял 90 020 руб. в Ставропольском крае и только 24 816 руб. в Республике Ингушетия. В Дагестане показатель составлял 64 100 руб., в Кабардино-Балкарии - 72 618 руб., в Карачаево-Черкесии - 67 347 руб., в Северной Осетии - Алании - 58 610 руб., в Чеченской Республике - 57 057 руб. [8].

Полученные результаты уточняют картину пространственной дифференциации. Дагестан занимает второе место в СКФО по абсолютному объему рынка, но уступает Ставропольскому краю по уровню услуг на одного жителя. Высокая емкость рынка Дагестана в значительной степени определяется масштабом населения, тогда как Ставропольский край отличается более высокой интенсивностью потребления услуг.

5. Факторы пространственного развития рынка платных услуг населению

Таблица 4.

Факторы пространственного развития рынка платных услуг населению и механизм влияния

Фактор	Механизм влияния
Доходный	Определяет платежеспособный спрос и возможность приобретения услуг, не относящихся к обязательным расходам.
Демографический	Формирует потенциальную емкость рынка и спрос на медицинские, образовательные, бытовые и рекреационные услуги.
Инфраструктурный	Определяет физическую и временную доступность услуг, особенно в сельских и горных территориях.
Урбанизационный	Крупные города концентрируют поставщиков, кадры, потребителей и специализированные сервисы.
Туристско-рекреационный	Создает дополнительный спрос на размещение, питание, транспорт, культуру, экскурсии и оздоровление.
Цифровой	Онлайн-форматы снижают влияние расстояния между потребителем и поставщиком услуги.
Институциональный	Государственная и региональная политика влияет на инвестиции, предпринимательство и инфраструктуру.

Первым фактором выступает уровень доходов населения (табл. 4). По данным мониторинга доходов за 2024 г., среднедушевые денежные доходы в СКФО составляли 40 485 руб. в месяц против 63 090 руб. в среднем по России [8]. Более низкий уровень платежеспособного спроса ограничивает потребление части рыночных услуг и повышает чувствительность населения к цене.

Второй фактор - демографический. Большая численность населения Дагестана обеспечивает значительный абсолютный рынок, однако при анализе на душу населения эффект масштаба уменьшается. Поэтому региональная политика должна ориентироваться не только на рост общего объема услуг, но и на повышение их доступности и качества для одного жителя.

Третий фактор - инфраструктурный. В СКФО сохраняется контраст между крупными городскими центрами и сельскими, предгорными и горными территориями. В Стратегии СКФО до 2030 года транспортная, коммунальная и информационно-коммуникационная инфраструктура рассматриваются как ключевые элементы сбалансированного пространственного развития [1].

Четвертый фактор связан с туризмом. СКФО располагает значительным туристско-рекреационным потенциалом. Туризм увеличивает спрос не только на размещение, но и на

транспорт, общественное питание, культуру, развлечения, экскурсионное и санаторно-оздоровительное обслуживание. Поэтому его следует рассматривать как мультипликатор рынка услуг.

Пятый фактор - цифровизация. Росстат включает электронные услуги и сервисы в области информационно-коммуникационных технологий в состав платных услуг [6]. Для территорий с низкой плотностью сервисной инфраструктуры цифровые каналы способны частично компенсировать пространственные ограничения.

6. Структурные особенности и перспективы СКФО

Структура рынка платных услуг отражает одновременно потребительские предпочтения и специализацию территории. В официальной статистике выделяются коммунальные, транспортные, телекоммуникационные, бытовые, медицинские, образовательные, туристские, гостиничные, санаторно-оздоровительные, культурные, спортивные и другие услуги [6]. Для крупных городов характерно расширение специализированных медицинских, образовательных, культурных и деловых сервисов; для курортных территорий возрастает значение гостеприимства и рекреации.

Для СКФО характерна неодинаковая специализация субъектов. Ставропольский край обладает развитой санаторно-курортной базой; Дагестан сочетает большой внутренний потребительский рынок с быстро растущим туристским спросом; Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия располагают потенциалом горного и спортивного туризма; Северная Осетия - Алания и Чеченская Республика имеют возможности для развития культурно-познавательного и событийного туризма.

Следовательно, пространственная политика должна исходить не из механического выравнивания абсолютных объемов, а из функциональной специализации территорий. Для горных и сельских районов перспективны цифровые и мобильные форматы услуг; для туристских центров - комплексная инфраструктура гостеприимства; для крупных городов - медицинские, образовательные, культурные, спортивные и деловые сервисы.

7. Направления снижения региональных диспропорций

Первое направление - развитие цифровых сервисов: дистанционного образования, телемедицинских консультаций, электронного бронирования, цифровых бытовых сервисов и онлайн-консультирования. Это особенно актуально для удаленных территорий.

Второе направление - поддержка малого и среднего предпринимательства в сфере услуг. Малый бизнес способен быстрее адаптироваться к локальному спросу и формировать сервисы в нишах, которые не всегда привлекательны для крупных сетевых компаний.

Третье направление - интеграция туристической и сервисной политики. Для СКФО целесообразно формировать территориальные цепочки «размещение - питание - транспорт - экскурсии - культура - спорт - оздоровление». Такой подход увеличивает мультипликативный эффект туризма.

Четвертое направление - развитие инфраструктуры в территориях с низкой доступностью услуг. Инвестиции в дороги, коммунальные сети, связь и социальную инфраструктуру имеют прямой и косвенный эффект для коммерческого рынка услуг [2].

Пятое направление - переход к мониторингу региональной политики через относительные показатели. Наряду с общим объемом следует использовать объем услуг на душу населения, индекс физического объема, темпы роста отдельных сегментов и показатели концентрации рынка.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает сохранение значительной пространственной дифференциации рынка платных услуг населению в России. В 2020–2025 гг. российский рынок в номинальном выражении увеличился более чем в два раза, однако масштабы и темпы развития существенно различались между федеральными округами и субъектами.

СКФО занимает около 4% общероссийского рынка. В 2025 г. объем платных услуг в округе достиг 805,8 млрд руб., а индекс физического объема составил 104,0% [3]. При этом

долгосрочное сравнение показывает, что рынок округа увеличивался медленнее общероссийского, вследствие чего его доля несколько снизилась.

Внутри округа наблюдается высокая концентрация: Ставропольский край и Республика Дагестан формируют около 65% рынка СКФО. Одновременно наиболее высокие темпы роста в 2025 г. демонстрировали Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская республики и Республика Северная Осетия - Алания [8]. Это подтверждает необходимость дифференцированной региональной политики.

Показатели на душу населения демонстрируют более глубокую проблему: в 2024 г. объем платных услуг на одного жителя в СКФО составлял 68 810 руб. против 118 952 руб. по России. Разрыв связан с уровнем доходов, демографией, урбанизацией, инфраструктурой и специализацией регионов.

Перспективы сокращения диспропорций связаны не с унификацией региональных моделей, а с развитием специализации: туризмом и гостеприимством, цифровыми сервисами, медицинскими и образовательными услугами, бытовым обслуживанием, культурой и спортом. Такой подход соответствует действующей Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2030 года [1].

Перспективным направлением дальнейшего исследования является построение корреляционно-регрессионной модели, связывающей объем платных услуг на душу населения с доходами населения, ВРП на душу населения, туристским потоком, уровнем урбанизации и инфраструктурной обеспеченностью. Это позволит перейти от описания пространственной неоднородности к количественной оценке ее факторов.

Список литературы

1. Правительство Российской Федерации. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.04.2022 № 1089-р (в ред. распоряжений Правительства РФ от 19.08.2023 № 2241-р, от 21.10.2024 № 2963-р, от 19.02.2026 № 302-р) [Электронный ресурс]. — URL: Распоряжение Правительства РФ № 1089-р (дата обращения: 08.09.2026).

2. Конторусова, С. С. Формирование и развитие регионального рынка услуг : автореф. дис. … канд. экон. наук : 08.00.05 / С. С. Конторусова. — Екатеринбург, 2006. — URL: Библиографическая запись диссертации Конторусовой С. С. (дата обращения: 08.09.2026).

3. Глазов, К. Н. Развитие региональных рынков платных медицинских услуг (на примере Самарской области) / К. Н. Глазов // Региональная экономика и управление : электронный научный журнал. — 2018. — № 2 (54). — URL: Статья К. Н. Глазова (дата обращения: 08.09.2026).

4. Чхотуа, Г. З. Перспективы развития региональной сферы услуг (на примере системы здравоохранения) / Г. З. Чхотуа // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2024. — № 2 (146). — С. 199–204. — URL: Статья Г. З. Чхотуа (дата обращения: 08.09.2026).

5. Бобков, В. Н. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России — 2024 год : ежегодник. Вып. 3 (204) / В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина, Е. В. Одинцова [и др.] ; отв. ред. В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина. — Москва : ИЭ РАН, 2025. — 170 с. — ISBN 978-5-9940-0792-1. — URL: Страница издания на сайте Института экономики РАН (дата обращения: 08.09.2026).

6. Федеральная служба государственной статистики. Платное обслуживание населения в России. 2025 [Электронный ресурс]. — Москва : Росстат, 2025. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Plat_obsluj_2025.htm?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 08.09.2026).

7. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025 [Электронный ресурс]. — Москва : Росстат, 2025. — URL:

https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2025.pdf?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 08.09.2026).

8. Федеральная служба государственной статистики. Северо-Кавказский федеральный округ. Рынок платных услуг населению в 2025 году [Электронный ресурс]. — Москва : Росстат, 2025. — URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sev-kavkaz_fo_2025.pdf?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 08.09.2026).

УДК 339.9:656.02

КРИЗИС СУДОХОДСТВА В КРАСНОМ МОРЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТОРГОВО-ЛОГИСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Беллуан Роман Жан Пьер,
студент 4 курса кафедры мировой экономики
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
(115054, Российская Федерация, Москва, Стремянный переулок, д. 36.
E-mail: belloinromain@gmail.com)
Борисов Даниил Вячеславович,
студент 4 курса кафедры мировой экономики
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
(115054, Российская Федерация, Москва, Стремянный переулок, д. 36.
E-mail:danya.borisov.1999@list.ru)
Научный руководитель:
Сысоева Ольга Владимировна,
к.э.н., доцент, доцент кафедры мировой экономики
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
(115054, Российская Федерация, Москва, Стремянный переулок, д. 36.
E-mail: sysoeva.ov@rea.ru)

Аннотация. В статье рассматривается значение Красного моря и Суэцкого канала для торгово-логистических связей стран Ближнего Востока на фоне затянувшегося кризиса судоходства. Основное внимание уделено роли маршрута в морской торговле, перевозках энергоресурсов, изменениям стоимости перевозок и страхования, а также последствиям для экономики Египта. Использованы данные UNCTAD, Управления энергетической информации США, Международного валютного фонда, Администрации Суэцкого канала и отраслевой статистики. Данные за 2025-2026 гг. показывают постепенное восстановление движения через Красное море, однако стоимость и риски перевозок остаются повышенными.

Ключевые слова: Красное море, Суэцкий канал, Баб-эль-Мандеб, Ближний Восток, международная торговля, логистика, морские перевозки, транспортные расходы, страхование.

RED SEA SHIPPING CRISIS AND ITS IMPACT ON TRADE AND LOGISTICS LINKS IN THE MIDDLE EAST

Belluan Roman Zhan Pyer,
4th-year student, Department of World Economy
Plekhanov Russian University of Economics
(115054, Russian Federation, Moscow, 36 Stremyanny Lane.
E-mail: belloinromain@gmail.com)
Borisov Daniil Vyacheslavovich,
4th-year student, Department of World Economy

Plekhanov Russian University of Economics
(115054, Russian Federation, Moscow, 36 Stremyanny Lane.
E-mail: danya.borisov.1999@list.ru)
Research supervisor: **Sysoeva Olga Vladimirovna,**
PhD (Economic Sciences),
Associate Professor of the Department of World Economy
Plekhanov Russian University of Economics
(115054, Russian Federation, Moscow, 36 Stremyanny Lane.
E-mail: sysoeva.ov@rea.ru)

Annotation. The article examines the importance of the Red Sea and the Suez Canal for trade and logistics links in the Middle East during the prolonged shipping crisis. Particular attention is paid to maritime trade, energy transportation, changes in freight and insurance costs, and the consequences for the Egyptian economy. The study uses data from UNCTAD, the U.S. Energy Information Administration, the International Monetary Fund, the Suez Canal Authority and shipping market statistics. Data for 2025–2026 show a gradual recovery in Red Sea traffic, while transport costs and risks remain elevated.

Keywords: Red Sea, Suez Canal, Bab el-Mandeb, Middle East, international trade, logistics, maritime transport, transport costs, insurance.

Морской транспорт по-прежнему занимает центральное место в мировой торговле. По данным UNCTAD, морем перевозится более 80 % объема международной торговли товарами. В 2024 г. объем морской торговли достиг 12,72 млрд. т., увеличившись на 2,2 %. В 2025 г. рост заметно замедлился, и UNCTAD оценивала его примерно в 0,5 % [1, с. 5, 8]. Для Ближнего Востока особое значение имеет маршрут через Красное море, Баб-эль-Мандебский пролив и Суэцкий канал, связывающий Азию, страны Персидского залива и Европу. С конца 2023 г. его функционирование стало зависеть от ситуации в сфере безопасности в Красном море, вследствие чего многие перевозчики перенаправили суда вокруг мыса Доброй Надежды. Проблема сохранилась и в 2025 г.: по оценке UNCTAD, в начале мая тоннаж судов, проходивших через Суэцкий канал, был примерно на 70 % ниже уровня 2023 г. [1, с. 37]. Более свежие данные показывают постепенное восстановление: в 2025/2026 финансовом году через канал проходило в среднем около 39 судов в день против 73 в 2023 г. [4]. Таким образом, интенсивность судоходства увеличивается, однако докризисный уровень пока не восстановлен.

Актуальность темы связана с тем, что Красное море обслуживает торговые потоки сразу нескольких частей региона, а нарушения движения отражаются на сроках доставки, стоимости перевозок, энергетическом экспорте и доходах от транзита. Цель статьи состоит в выявлении основных изменений торгово-логистических связей стран Ближнего Востока под влиянием кризиса судоходства в Красном море.

Положение Красного моря делает его одним из главных морских путей между Азией и Европой. На юге оно через Баб-эль-Мандебский пролив соединяется с Аденским залиом, а на севере Суэцкий канал обеспечивает выход к Средиземному морю. Такой маршрут значительно короче пути вокруг Африки. В августе 2026 г. Администрация Суэцкого канала сообщала, что проход через канал вместо обхода мыса Доброй Надежды может сократить рейс примерно на 14 дней [5]. Для перевозчиков это означает меньший расход топлива, более короткий оборот судна и более предсказуемые сроки доставки. При этом даже в условиях кризиса Суэцкий канал сохраняет значительный объем транзитных перевозок. По официальной статистике Администрации Суэцкого канала, в 2025 г. канал пересекли 12758 судов. Их суммарный чистый тоннаж составил 522,1 млн. т. Число судов снизилось на 3,4 % по сравнению с 2024 г., при этом грузооборот увеличился на 1,4 % [2]. Таким образом, маршрут сохраняет существенную роль в мировой и региональной торговле, несмотря на изменение интенсивности и структуры судоходства.

Особенно важна роль Красного моря в перевозках энергоресурсов. В отчете 2026 г. Управление энергетической информации США привело данные за второй квартал: через Суэцкий канал и нефтепровод SUMED проходило в среднем 5,8 млн. баррелей нефти и нефтепродуктов в сутки, через Баб-эль-Мандебский пролив - 8,1 млн. баррелей в сутки [3]. Увеличение объемов говорит о частичном восстановлении энергетических потоков на данном направлении, хотя их движение остается чувствительным к военным и политическим рискам.

Для Египта Суэцкий канал имеет отдельное экономическое значение, поскольку поступления от транзита являются источником иностранной валюты. По данным МВФ, в 2025/2026 финансовом году средние месячные поступления от канала выросли примерно до 390 млн. долл. против 310 млн. долл. годом ранее. При этом МВФ указывал, что интенсивность движения оставалась примерно на 47 % ниже докризисного уровня [4]. Похожую динамику фиксирует и Администрация Суэцкого канала: в первой половине 2025/2026 финансового года число проходивших судов выросло на 5,8 %, чистый тоннаж - на 16 %, а доходы - на 18,5 % по сравнению с тем же периодом предыдущего года [6]. Значение маршрута выходит за рамки экономики Египта. Порты Красного моря обслуживают импорт и экспорт Саудовской Аравии, Иордании и других стран региона, а через Баб-эль-Мандеб проходит часть потоков из государств Персидского залива в сторону Европы. Если судоходство в южной части Красного моря осложняется, перевозчикам приходится выбирать более длинный маршрут вокруг Африки или менять схему поставок. Это повышает требования к запасам, графикам доставки и работе портов. В целом данные за 2025 - 2026 гг. свидетельствуют о постепенном восстановлении транзита через Суэцкий канал, однако его интенсивность пока заметно ниже показателей до начала кризиса. Красное море сохраняет значение для торговли Ближнего Востока, при этом перевозчики продолжают учитывать высокий уровень риска при выборе маршрутов.

Одним из самых заметных экономических последствий кризиса стало увеличение продолжительности рейсов. Если перевозчик отказывается от прохода через Баб-эль-Мандеб и Суэцкий канал, судно идет вокруг мыса Доброй Надежды. По оценке Xeneta, в сентябре 2026 г. маршрут через Красное море между Китаем и Генуей был примерно на 11 дней короче такого обхода [7]. Для перевозчика дополнительные дни означают более медленный оборот судна, больший расход топлива и необходимость использовать больше судов для сохранения прежней частоты рейсов. Снижение активности на красноморском направлении хорошо видно по контейнерным перевозкам. В августе 2026 г. через Баб-эль-Мандеб проходило в среднем 212,6 тыс. TEU контейнерной вместимости в неделю. В августе 2023 г., до начала кризиса, показатель составлял 930,7 тыс. TEU [7]. Таким образом, даже на фоне частичного возвращения судов объем регулярной контейнерной вместимости оставался примерно на уровне 23 % от докризисного. Это ограничивает выбор маршрутов для грузоотправителей и сохраняет нагрузку на обходные линии вокруг Африки. Рост затрат перевозчиков отражается на ставках фрахта. На 10 сентября 2026 г. средняя спотовая ставка на направлении Китай - Джидда достигла 10 870 долл. за FEU и была на 256 % выше уровня конца февраля. На направлении Восток - Средиземноморье средняя ставка составляла 4 764 долл. за FEU, что на 43 % выше февральского уровня [7]. Для стран региона такое удорожание означает рост расходов на импорт, особенно если поставки зависят от контейнерных линий через Красное море. Еще одним фактором стала стоимость страхования. После новых атак в июле 2026 г. премия за военный риск для рейсов через южную часть Красного моря превышала 1 % стоимости судна, хотя неделей ранее оценивалась примерно в 0,3 % [8]. Для крупного судна такая разница может добавить к стоимости рейса сотни тысяч долларов. Перевозчик либо включает эти расходы в тариф, либо выбирает более длинный, но менее рискованный маршрут.

Для компаний-импортеров важна и стабильность графика. Когда судно меняет маршрут уже после планирования поставки, компании приходится пересматривать сроки, раньше размещать новые заказы и держать больший запас товаров. Это особенно чувствительно для

продовольствия, оборудования и промежуточных товаров, которые используются в производстве. Поэтому кризис влияет на торговлю через рост прямых транспортных расходов и через менее предсказуемую работу цепочек поставок. В таблице 1 обобщены основные каналы воздействия кризиса на участников региональной торговли.

Таблица 1

Основные каналы воздействия кризиса на участников региональной торговли

Участник / сегмент	**Как проявляется кризис**	**Экономический эффект**
Египет и Суэцкий канал	Часть трафика сохраняет маршрут вокруг Африки, а восстановление транзита в 2026 г. остается неполным [4].	Снижение валютных поступлений от транзита и зависимость доходов от темпов возвращения судов.
Саудовская Аравия и порты Красного моря	Повышенные ставки на направлении Китай – Джидда и более дорогая страховка рейсов в южной части Красного моря [7; 8].	Рост стоимости импортной логистики и меньшая предсказуемость сроков доставки.
Морские перевозчики	Часть линий продолжает обход мыса Доброй Надежды, из-за чего рейс становится длиннее [7].	Снижение оборачиваемости флота, больший расход топлива и потребность в дополнительной вместимости.
Энергетические и товарные потоки региона	Движение через Баб-эль-Мандеб остается чувствительным к рискам безопасности, хотя в 2026 г. объемы частично восстановились [3].	Сохраняется уязвимость экспортно-импортных цепочек и потребность в альтернативных маршрутах.

К 2026 г. кризис в Красном море уже стал устойчивым фактором региональной торговли. Часть судов возвращается на прежний маршрут, однако перевозчики продолжают учитывать возможность новых атак, увеличение страховых расходов и повторное перенаправление линий. Для стран Ближнего Востока это означает, что восстановление трафика само по себе пока не возвращает логистику к условиям 2023 г. Стоимость перевозок и надежность сроков остаются важными ограничениями для торговли. Таким образом, основной экономический эффект кризиса выражается не в прекращении торговли, а в ее удорожании и снижении предсказуемости поставок. Компании и государства региона были вынуждены чаще использовать резервные маршруты и пересматривать привычные схемы доставки. Такая адаптация постепенно меняет конфигурацию торгово-логистических связей на Ближнем Востоке.

В 2026 г. перевозчики фактически перешли к более гибкой модели работы в Красном море. Обход мыса Доброй Надежды остается резервным вариантом, однако часть сервисов постепенно возвращается на маршрут через Суэцкий канал. При этом полного восстановления прежней схемы пока нет. По данным Xeneta, перевозчики по-разному оценивают риски и возвращают отдельные сервисы выборочно, сохраняя возможность быстро изменить маршрут при ухудшении ситуации [7]. В результате решение о проходе через Красное море все чаще принимается отдельно для конкретной линии и рейса. Показателен пример Maersk. Так, в июле 2026 г. компания расширила возвращение сервиса MECL на маршрут через Красное море и Суэцкий канал. По оценке перевозчика, это сокращает время доставки в среднем на 7 дней в западном направлении и на 14 дней в восточном. Одновременно в маршрут был добавлен заход в Джидду [9]. Для Саудовской Аравии это усиливает значение порта Джидда как узла, через который можно связывать азиатские, ближневосточные и западные направления.

Возвращение судов, однако, остается осторожным. В сентябре 2026 г. Maersk и Hapag-Lloyd перевели через Суэцкий канал сервисы AE15 и AE19, но отдельно указали, что речь пока не идет о полном возвращении всей сети на прежний маршрут. В случае ухудшения обстановки отдельные рейсы снова могут быть направлены вокруг Африки [10]. Такая

практика показывает, что для перевозчиков важным элементом логистики стала сама возможность быстро переключаться между маршрутами, даже если это повышает сложность планирования. Одновременно выросло значение региональных портов и комбинированных схем доставки. Xeneta отмечала, что к сентябрю 2026 г. альтернативные сухопутные маршруты через порты Джидда и Хор-Факкан уже были сформированы для доставки грузов в страны Персидского залива [7]. Их развитие связано с общей нестабильностью морских путей региона, поэтому они не могут рассматриваться как замена Суэцкому каналу. Скорее, такие схемы выполняют роль дополнительного варианта для грузоотправителей, когда прямой морской маршрут становится слишком рискованным или дорогим.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что кризис судоходства в Красном море заметно изменил торгово-логистические связи стран Ближнего Востока. Перевозки стали дороже и менее предсказуемыми, а государства и компании региона начали активнее использовать альтернативные маршруты, порты, сухопутную и трубопроводную инфраструктуру. Одновременно часть перевозчиков в 2026 г. стала постепенно возвращаться к маршруту через Суэцкий канал, что говорит о сохранении его существенной роли для региональной торговли. В результате вместо одного нового маршрута сформировалась более гибкая система логистических связей, в которой одновременно используются Суэцкий канал, обход Африки и альтернативная инфраструктура региона. По сравнению с 2023 г. такая система обеспечивает больше вариантов для адаптации к рискам, однако требует более сложного управления перевозками и в ряде случаев приводит к росту затрат.

Список литературы

1. Review of Maritime Transport 2025: Staying the course in turbulent waters / UN Trade and Development (UNCTAD). – Geneva : United Nations, 2025. – URL: https://unctad.org/publication/review-maritime-transport-2025 (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

2. Suez Canal Statistics for 2025 compared to 2024 / Suez Canal Authority. – 2026. – URL: https://www.suezcanal.gov.eg/English/Downloads/DownloadsDocLibrary/Navigation%20Reports/Annual%20Reports%E2%80%8B%E2%80%8B%E2%80%8B/2025.pdf (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

3. Short-Term Energy Outlook: Energy Security and Chokepoints / U.S. Energy Information Administration. – August 2026. – URL: https://www.eia.gov/outlooks/steo/report/energysecurity/article.php (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

4. Arab Republic of Egypt: Seventh Review Under the Extended Arrangement Under the Extended Fund Facility / International Monetary Fund. – Washington, DC : International Monetary Fund, 2026. – (IMF Staff Country Report ; No. 2026/224). – DOI: 10.5089/9798229055963.002. – URL: https://www.imf.org/en/publications/cr/issues/2026/08/13/arab-republic-of-egypt-seventh-review-under-the-extended-arrangement-under-the-extended-578818 (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

5. The Suez Canal witnesses the first transit of the container ship BANGKOK MAERSK amongst vessels of the northern convoy / Suez Canal Authority. – 22.08.2026. – URL: https://www.suezcanal.gov.eg/English/MediaCenter/News/Pages/sca_22-08-2026.aspx (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

6. During his participation in the annual International Maritime Transport and Logistics Conference (MARLOG) / Suez Canal Authority. – 08.02.2026. – URL: https://www.suezcanal.gov.eg/English/MediaCenter/News/Pages/Sca_8-2-2026.aspx (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

7. Weekly Ocean Container Shipping Market Update – 10.09.26 / Xeneta. – 10.09.2026. – URL: https://www.xeneta.com/news/xeneta-weekly-ocean-container-shipping-market-update-10.09.26 (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

8. Saul, J. War risk insurance costs surge for southern Red Sea voyages after Houthi attacks / J. Saul, M. Jones // Reuters. – 23.07.2026. – URL: https://www.reuters.com/world/middle-east/war-risk-insurance-costs-surge-southern-red-sea-voyages-after-houthi-attacks-2026-07-23/ (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.
9. Structural changes to MECL / Maersk. – 09.07.2026. – URL: https://www.maersk.com/news/articles/2026/07/09/structural-changes-to-mecl (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.
10. Europe Market Update | September 2026 / Maersk. – 09.09.2026. – URL: https://www.maersk.com/news/articles/2026/09/09/europe-market-update-september (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

УДК 336.225:004.9

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНЫХ МОДЕЛЕЙ

Беспалова Елена Александровна,
проректор по международному сотрудничеству
ЧОУ ВО «Тольяттинская академия управления»
(445144, Самарская область, Ставропольский район,
территория оздоровительный комплекс Алые паруса, здание,5.
e-mail: intertaom@gmail.com**)**
Ишкулова Диляра Эльмировна,
студентка 2 курса направления 38.03.01 «Экономика»
ЧОУ ВО «Тольяттинская академия управления»
(445144, Самарская область, Ставропольский район,
территория оздоровительный комплекс Алые паруса, здание,5.
e-mail:dilaraiskulova62@gmail.com)

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении институциональных различий цифрового налогового администрирования в России, Великобритании, Сингапуре и Германии. Сопоставлены интеграция с учетными системами, периодичность передачи данных, изменение контрольных процедур и влияние на издержки бизнеса. Обосновано, что эффект цифровизации определяется не числом электронных сервисов, а степенью встраивания налоговых процессов в операционную среду налогоплательщика. Сформулированы предложения по стандартизации API, расширению риск-ориентированного взаимодействия и введению метрик издержек соблюдения налоговых требований.

Ключевые слова: налоговое администрирование, цифровая трансформация, ФНС России, ЕНС, налоговый мониторинг, MTD, InvoiceNow, ELSTER.

DIGITAL TRANSFORMATION OF TAX ADMINISTRATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND INTERNATIONAL MODELS

Bespalova Elena Aleksandrovna,
Vice-rector on International Cooperation
Togliatti academy of management
(445144, Samara Oblast, Stavropol District,
territory of the health complex “Alye Parusa”, building 5.
e-mail: intertaom@gmail.com)
Ishkulova Dilyara Elmirovna,
2nd-year student, Economics (38.03.01)
Togliatti academy of management
(445144, Samara Oblast, Stavropol District,
territory of the health complex “Alye Parusa”, building 5.

e-mail: dilaraiskulova62@gmail.com)

Annotation. The aim of the study is to identify institutional differences in digital tax administration in Russia, the UK, Singapore, and Germany. Integration with accounting systems, the frequency of data transmission, changes in control procedures, and the impact on business costs are compared. It is substantiated that the effect of digitalization is determined not by the number of electronic services, but by the degree to which tax processes are integrated into the taxpayer's operational environment. Proposals are formulated for standardizing APIs, expanding risk-based interaction, and introducing metrics for the costs of complying with tax requirements.

Keywords. tax administration, digital transformation, Federal Tax Service, unified tax account, tax monitoring, MTD, InvoiceNow, ELSTER.

В условиях стремительной цифровизации государственных услуг трансформация налогового администрирования становится не просто технологическим обновлением, а фундаментальным переосмыслением взаимодействия государства и налогоплательщиков — именно этот ракурс определяет фокус настоящего исследования. Цифровая трансформация налогового администрирования не сводится к переводу бумажных форм в электронный вид. В концепции ОЭСР «Tax Administration 3.0» она понимается как изменение операционной модели, при которой налоговые процессы встраиваются в естественные цифровые системы граждан и организаций [1]. При таком подходе экономический эффект проявляется через снижение затрат на повторный ввод данных, исправление ошибок и сопровождение проверок, а не только через рост налоговых поступлений.

Актуальность сравнительного анализа обусловлена тем, что одинаковая цель - повышение налоговой определенности и снижение издержек - достигается разными институциональными средствами: единым счетом, непрерывным мониторингом, обязательным цифровым учетом, электронными счетами-фактурами или стандартизированным порталом. Цель статьи - оценить эти модели по единым критериям и определить применимые для России направления развития.

Источниковую базу составили нормативные и информационные материалы ФНС России, ОЭСР, HM Revenue & Customs, Inland Revenue Authority of Singapore и германской системы ELSTER. Применены контент-анализ официальных документов, сравнительный и функциональный методы. Критерии сравнения: источник налоговых данных; степень интеграции с учетной средой; периодичность обмена; изменение контроля; влияние на издержки бизнеса. Методологическое ограничение состоит в том, что ведомственные материалы описывают правила и масштаб внедрения, но не доказывают сами по себе причинное влияние цифровизации на собираемость налогов.

Российская модель сочетает централизованный учет платежей и углубленное цифровое взаимодействие с отдельными категориями крупного бизнеса. Единый налоговый счет открыт всем организациям и физическим лицам с 1 января 2023 г.; он консолидирует начисления и платежи в едином сальдо, а единый налоговый платеж распределяется между обязательствами. Доступ к состоянию счета возможен через личный кабинет и учетные системы [3]. Это снижает риск ошибок в реквизитах, однако не устраняет обязанности по расчету налога и представлению уведомлений в случаях, предусмотренных законом.

Налоговый мониторинг представляет более глубокую модель интеграции: традиционные проверки заменяются онлайн-взаимодействием на основе удаленного доступа к информационным системам или аналитической витрине данных [4]. С 1 января 2026 г. в режиме участвуют 870 компаний из более чем 20 отраслей; за год присоединились 144 организации [5]. Рост числа участников свидетельствует о расширении модели, но ее прямой эффект пока сконцентрирован в сегменте организаций, готовых к затратам на интеграцию и внутренний контроль.

Международный автоматический обмен финансовой информацией сохраняется как часть институциональной среды. Приказом ФНС России от 14 октября 2025 г. № ЕД-7-

17/883@ утвержден актуальный перечень государств и территорий, с которыми осуществляется такой обмен [6]. Следовательно, тезис о полном прекращении участия России в автоматическом обмене некорректен. Вместе с тем фактический охват обмена зависит от состава перечня и действующих правовых каналов.

В Великобритании модель Making Tax Digital возлагает на налогоплательщика обязанность вести цифровые записи и передавать данные через совместимое программное обеспечение. С 6 апреля 2026 г. режим Making Tax Digital for Income Tax обязателен для индивидуальных предпринимателей и арендодателей с квалифицируемым доходом свыше 50 тыс. фунтов стерлингов; предусмотрены цифровой учет доходов и расходов, квартальные обновления и итоговая декларация [7]. Преимуществом является регулярность и структурированность данных; ограничением - зависимость малого бизнеса от стоимости и качества совместимого ПО.

Сингапурская модель смещает цифровое взаимодействие к этапу формирования счета-фактуры. Сеть InvoiceNow основана на стандарте Peppol и позволяет передавать структурированные данные о счетах налоговому органу. Обязательное применение вводится поэтапно: с 1 апреля 2026 г. требование распространяется на лиц, добровольно регистрирующихся по налогу на товары и услуги, а для иных групп предусмотрены последующие этапы [8]. Данная архитектура создает потенциал для сопоставления налоговых данных с коммерческими операциями, но требует технической готовности учетных систем.

Германская ELSTER демонстрирует эволюционный портальный подход. Система поддерживает перенос данных прошлого периода, предзаполненную декларацию, автоматическую проверку логической непротиворечивости, расчет налога и получение цифрового решения; документы представляются по запросу налогового органа [9]. Такая модель снижает вероятность формальных ошибок, но в меньшей степени, чем сеть электронных счетов-фактур, переносит налоговые процессы на уровень отдельной хозяйственной операции.

Сравнение показывает, что лидерство нельзя определить по единственному показателю. Россия опережает сравниваемые модели по централизации платежных данных и глубине взаимодействия с участниками налогового мониторинга; Великобритания - по обязательной периодичности обновлений; Сингапур - по встраиванию электронного счета-фактуры в обмен с налоговым органом; Германия - по зрелости стандартного портала. Для бизнеса наибольшую ценность имеет однократное формирование машиночитаемых данных, которые повторно используются в учете, расчете налога и контроле [2].

Таблица 1

Сравнительная характеристика цифровых моделей

Страна	Цифровое ядро	Взаимодействие с бизнесом	Основной институциональный эффект
Россия	ЕНС; налоговый мониторинг [3-5]	Единое сальдо; доступ к учетным системам участников	Централизация расчетов; риск-ориентированный контроль
Великобритания	Making Tax Digital [7]	Цифровые записи и квартальные обновления через ПО	Регуляризация потока данных
Сингапур	InvoiceNow / Peppol [8]	Передача данных электронных счетов-фактур	Интеграция контроля с транзакционными данными
Германия	ELSTER [9]	Предзаполнение, проверка, цифровое решение	Стандартизация электронного декларирования

Расширение цифрового взаимодействия создает риски несанкционированного доступа, низкого качества данных, непрозрачности автоматизированных решений и зависимости от поставщиков ПО. В 2026 г. ФНС России опубликовала протоколы защищенного информационного взаимодействия с цифровыми платформами и справочник рисков для целей налогового мониторинга [10]. Однако техническая защита должна дополняться институциональными гарантиями: объяснимостью риск-моделей, разграничением доступа и надежной

цифровой идентификацией, которую ОЭСР относит к базовым элементам бесшовного налогового администрирования [11].

Полученный вывод согласуется с российской научной дискуссией. В. А. Мизюн, С. А. Евдовская и С. А. Ишкильдина рассматривают цифровую трансформацию как интеграцию процессов и сетевого взаимодействия, подчеркивая недостаточность ее сведения к набору технических средств [12]. Применительно к налоговому администрированию это означает, что эффект возникает при сквозном и однократном формировании машиночитаемых данных, а не при простом увеличении числа электронных форм. С. А. Алексахина и соавторы выявили положительную сонаправленность расширения цифровых технологий и собираемости налогов [13]. Вместе с тем такое совпадение динамики не доказывает строгую причинную связь без учета изменений налоговой базы, ставок и макроэкономических условий.

Для дальнейшего развития российской модели целесообразны пять мер. Во-первых, необходима стандартизация API и форматов данных для типовых учетных систем малого и среднего бизнеса. Во-вторых, введение новых обязательных цифровых форматов следует сопровождать тестовым периодом и бесплатными средствами для микробизнеса. В-третьих, налогоплательщику должны быть доступны основания рисковой оценки и механизм ее оперативного оспаривания. В-четвертых, необходимо сохранять альтернативные каналы для лиц с ограниченной цифровой доступностью. В-пятых, результативность нужно оценивать по измеримым для бизнеса показателям: времени на подготовку отчетности, числу дублирующих представлений, доле исправленных ошибок и сроку разрешения налогового спора.

Проведенный анализ подтверждает, что цифровая зрелость налогового администрирования определяется степенью интеграции налоговых процессов с учетной и транзакционной средой бизнеса. Российская система располагает значимой базой в виде ЕНС, налогового мониторинга и цифровых каналов обмена, однако для снижения издержек малого и среднего бизнеса необходимы стандартизация интерфейсов, поэтапное внедрение и измерение не только фискальных результатов, но и издержек соблюдения требований. Перенос зарубежных решений должен быть селективным: полезны не отдельные бренды или порталы, а принципы однократного ввода данных, технической совместимости и прозрачности контроля.

Список литературы

1. OECD Tax Administration Digitalisation and Digital Transformation Initiatives / OECD. — Paris : OECD Publishing, 2025. — 49 с. — Текст : непосредственный.

2. OECD Tax Administration 3.0 and Connecting with Natural Systems: Initial Findings / OECD. — Paris : OECD Publishing, 2022. — 36 с. — Текст : непосредственный.

3. Федеральная, н. с. Единый налоговый счет (ЕНС) : официальный сайт / н. с. Федеральная. — Текст : электронный // nalog.gov.ru : [сайт]. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/ens/ (дата обращения: 21.03.2026).

4. Федеральная, н. с. Налоговый мониторинг : официальный сайт / н. с. Федеральная. — Текст : электронный // nalog.gov.ru : [сайт]. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/reference_work/taxmonit/ (дата обращения: 21.03.2026).

5. Федеральная, н. с. Налоговый мониторинг-2026: количество участников выросло на 20 % / н. с. Федеральная. — Текст : электронный // www.nalog.gov.ru : [сайт]. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16595630/ (дата обращения: 22.03.2026).

6. ФНС, России Об утверждении Перечня государств (территорий), с которыми осуществляется автоматический обмен финансовой информацией / России ФНС. — Текст : электронный // www.nalog.gov.ru : [сайт]. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/16593141/ (дата обращения: 22.03.2026).

7. HM, Revenue & Customs Making Tax Digital for Income Tax : official collection / Revenue & Customs HM. — Текст : электронный // gov.uk : [сайт]. — URL: https://www.gov.uk/government/collections/making-tax-digital-for-income-tax (дата обращения: 22.03.2026).

8. Inland, Revenue Authority of Singapore GST InvoiceNow Requirement : official website /

Revenue Authority of Singapore Inland. — Текст : электронный // iras.gov.sg : [сайт]. — URL: https://www.iras.gov.sg/taxes/goods-services-tax-(gst)/gst-invoicenow-requirement (дата обращения: 28.04.2026).

9. ELSTER Informationen für Privatpersonen: Nutzen und Vorteile der elektronischen Steuererklärung : official portal / ELSTER. — Текст : электронный // elster.de : [сайт]. — URL: https://www.elster.de/elsterweb/infoseite/privatpersonen?locale=de_DE (дата обращения: 28.04.2026).

10. Федеральная, н. с. Информационное взаимодействие с цифровыми платформами : официальный сайт / н. с. Федеральная. — Текст : электронный // nalog.gov.ru : [сайт]. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/reference_work/digital_platforms/ (дата обращения: 06.05.2026).

11. OECD Tax Administration 3.0 and the Digital Identification of Taxpayers: Initial Findings / OECD. — Paris : OECD Publishing, 2022. — 74 с. — Текст : непосредственный.

12. Мизюн, В. А. Цифровое производство: отличительные характеристики и перспективы развития / В. А. Мизюн, С. А. Евдовская, С. А. Ишкильдина. — Текст : непосредственный // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2019. — № 4 (78). — С. 71–75.

13. Цифровизация налогового администрирования как инструмент повышения эффективности налоговой политики / С. А. Алексахина, А. А. Горшкова, Н. А. Озерова, Е. Н. Нохтуева. — Текст : непосредственный // Экономика, предпринимательство и право. — 2024. — № Т. 14, № 12. — С. 7079–7094.

УДК 339.9:656.02

БЕЗОПАСНОСТЬ И ДИВЕРСИФИКАЦИЯ МОРСКОЙ ЛОГИСТИКИ СТРАН ШОС: РОЛЬ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ

Быстров Станислав Владимирович,
студент 4 курса кафедры мировой экономики
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
(115054, Российская Федерация, Москва,
Стремянный переулок, д. 36)
Кутузов Александр Михайлович,
студент 4 курса кафедры мировой экономики
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
(115054, Российская Федерация, Москва,
Стремянный переулок, д. 36, e-mail: stanislaobystroff@yandex.ru)
Сысоева Ольга Владимировна,
к.э.н., доцент, доцент кафедры мировой экономики
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
(115054, Российская Федерация, Москва,
Стремянный переулок, д. 36, e-mail: sysoea.ov@rea.ru)

Аннотация. В условиях обострения ситуации на Ближнем Востоке особое значение приобретает проблема безопасности международных морских транспортных маршрутов. Ограничение судоходства через Ормузский пролив и сохраняющиеся риски для судоходства в районе Красного моря повышают уязвимость традиционных логистических цепочек между Азией и Европой. Для стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), прежде всего Китая и Индии, обеспечение устойчивости морской логистики связано с необходимостью диверсификации маршрутов поставок и снижения зависимости от отдельных транспортных узлов. В этой связи Северный морской путь, проходящий по российской арктической акватории, рассматривается как потенциальная альтернатива традиционному маршруту между Восточной Азией и Европой через Суэцкий канал.

Ключевые слова: морская логистика, Суэцкий канал, пиратство, логистическая безопасность, Северный морской путь, Ормузский пролив, Шанхайская организация сотрудничества, Сингапурский пролив, Малаккский пролив, Аденский залив, побережье Сомали

SECURITY AND DEVERSIFICATION OF MARITIME LOGISTICS FOR SCO COUNTRIES: THE ROLE OF THE NORTHERN SEA ROUTE

Bystrov Stanislav Vladimirovich,
4th-year student, Department of World Economy
Plekhanov Russian University of Economics
(115054, Russian Federation, Moscow, 36 Stremyanny Lane;
e-mail: stanislaobystroff@yandex.ru)
Kutuzov Alexander Mikhailovich,
4th-year student, Department of World Economy
Plekhanov Russian University of Economics
(115054, Russian Federation, Moscow, 36 Stremyanny Lane)
Sysoeva Olga Vladimirovna,
PhD (Economic Sciences),
Associate Professor of the Department of World Economy
Plekhanov Russian University of Economics
(115054, Russian Federation, Moscow, 36 Stremyanny Lane;
e-mail: sysoea.ov@rea.ru)

Annotation. Amid the escalating situation in the Middle East, the security of international maritime transport routes has taken on particular importance. Restrictions on shipping through the Strait of Hormuz and persistent risks to navigation in the Red Sea region increase the vulnerability of traditional supply chains linking Asia and Europe. For Shanghai Cooperation Organization (SCO) nations - most notably China and India - ensuring the resilience of maritime logistics requires diversifying supply routes and reducing reliance on specific transport hubs. In this context, the Northern Sea Route, which traverses Russian Arctic waters, is viewed as a potential alternative to the traditional route between East Asia and Europe via the Suez Canal.

Keywords. Maritime logistics, Suez Canal, piracy, logistics security, Northern Sea Route, Strait of Hormuz, Shanghai Cooperation Organization, Singapore Strait, Strait of Malacca, Gulf of Aden, coast of Somalia

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в 2026 г. морская логистика остается одним из важнейших направлений международной торговли, однако сама она претерпевает трансформацию, что связано, в первую очередь, с политическими и климатическими факторами. Для стран *Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)* устойчивость международных логистических маршрутов имеет особое значение, поскольку нарушение их функционирования может непосредственно затрагивать внешнюю торговлю и энергетическую безопасность участников организации. Вооруженный конфликт на Ближнем Востоке и связанные с ним угрозы судоходству в районе Баб-эль-Мандебского пролива и Красного моря повышают уязвимость традиционных маршрутов между Европой и Азией. В то же время изменение ледовых условий в Арктике расширяет возможности для сезонного судоходства по *Северному морскому пути (СМП)*, что открывает для России и ее партнеров по *ШОС* новые возможности для диверсификации морских грузовых перевозок [1, 2, 3].

Целью статьи является оценка возможностей СМП для диверсификации морской логистики стран ШОС и повышения безопасности транспортных маршрутов между Европой и Азией. Данный анализ следует начать с того, что интересы Китая, как крупнейшей экономики ШОС, в данном контексте связаны, прежде всего, с обеспечением национальной экономической безопасности. Ормузский пролив имеет особое значение для энергетической безопасности Китая, поскольку Китай является одним из крупнейших получателей нефти и

сжиженного природного газа (*СПГ*), проходящих через данный маршрут. Согласно данным Управления энергетической информации США (*U.S. Energy Information Administration, EIA*), в первой половине 2025 г. через Ормузский пролив проходило в среднем 20,9 млн баррелей в сутки, что соответствовало примерно 20 % мирового потребления жидких углеводородов. При этом Китай, Индия, Япония и Республика Корея совместно являлись получателями 74 % потоков нефти и конденсата, проходящих через пролив [2].

Обострение ситуации вокруг Ормузского пролива в 2026 г. [4] привело к существенному сокращению судоходства через него. Международная морская организация (*International Maritime Organization, IMO*) указывает на серьезные риски для безопасности судов и моряков, а по состоянию на 15.09.2026 г. *IMO* зафиксировала 80 подтвержденных инцидентов в районе Ормузского пролива и 22 погибших моряков [3]. В этих условиях Китай вынужден учитывать возможность перебоев в поставках энергоносителей и рост транспортных и страховых издержек. Одновременно возрастает значение диверсификации источников поставок и транспортных маршрутов, включая использование альтернативных поставщиков и сухопутных коридоров. Однако СМП в данном случае следует рассматривать, прежде всего, как альтернативу маршруту доставки грузов между Восточной Азией и Европой, а не как непосредственную замену Ормузскому проливу при поставках ближневосточных энергоносителей.

Теперь же перейдем к сравнению СМП и классического пути морской торговли из Китая в Европу через Суэцкий канал (таблица 1).

Как видно из таблицы 1, СМП имеет потенциальное преимущество по протяженности маршрута между Восточной Азией и Северной Европой. Однако это преимущество не означает автоматического превосходства по совокупной стоимости и безопасности перевозок. На СМП необходимо учитывать расходы, связанные с ледовым сопровождением, требования к судам, сезонность навигации, метеорологические условия и более ограниченную инфраструктуру по сравнению с традиционным маршрутом. *IMO* отдельно отмечает такие риски арктического судоходства, как сложные погодные условия, недостаток навигационной информации и коммуникационной инфраструктуры, удаленность районов проведения спасательных операций и воздействие льда на корпус и оборудование судов [7].

Таблица 1.

Основные характеристики морского пути из Китая в Европу через Суэцкий канал и по СМП* [5, 6]

Критерий	Через Суэцкий канал	По СМП
Протяженность пути	около 19000 – 20000 км в зависимости от портов отправления и назначения	Около 13000 – 15000 км в зависимости от портов и конкретной трассы
Продолжительность пути	около 44 дней, но зависит от маршрута, скорости судна и ситуации в Красном море и Суэцком канале	Зависит от ледовой обстановки, сезона, типа судна и необходимости ледокольного сопровождения (около 30 дней)
Безопасность	Риски связаны с геополитической нестабильностью, угрозами пиратства судоходству в Красном море и Аденском заливе, а также высокой концентрацией судов на отдельных участках маршрута	Низкая вероятность пиратских атак, однако, существуют риски, связанные с ледовой обстановкой, удаленностью районов плавания, суровыми погодными условиями и ограниченными возможностями аварийно-спасательной инфраструктуры
Особенность	Высокая концентрация мирового судоходства на ограниченном участке	Более короткий маршрут между Северной Европой и Восточной Азией, однако его использование требует учета сезонности, ледовой обстановки и специальных требований к судоходству

**Примечание*: показатели протяженности являются ориентировочными и зависят от конкретных портов отправления и назначения. Для маршрута Шанхай – Роттердам через Суэцкий канал расстояние составляет около 10625 морских миль (19700 км).

Таким образом, безопасность СМП нельзя оценивать только по отсутствию пиратства, поскольку она включает совокупность природных, инфраструктурных, навигационных и организационных рисков. В российской системе управления судоходством на СМП предусмотрены мониторинг ледовой и гидрометеорологической обстановки, организация ледокольной проводки, навигационно-гидрографическое обеспечение и содействие поисково-спасательным операциям. Период плавания по СМП зависит от ледового класса судна, района плавания и фактических ледовых условий; при необходимости предусматривается ледокольная проводка [8].

Однако нельзя полностью исключать такую угрозу как пиратство, которое упоминалось в таблице 1. Пиратство и вооруженный разбой остаются значимыми угрозами для морской логистики даже в XXI веке. Исторически путь из Китая в Европу, проходящий через Суэцкий канал, включает ряд участков с повышенным уровнем риска морского разбоя и вооруженного нападения на суда, в том числе Сингапурский пролив и район вод у побережья Сомали и Аденского залива. При этом Сингапурский и Малаккский проливы не следует объединять в один объект статистического анализа, поскольку Международное морское бюро (*International Maritime Bureau, IMB*) ведет по ним отдельный учет [9, 10, 11]. Сингапурский пролив является одним из наиболее проблемных участков с точки зрения зарегистрированных случаев морского разбоя. По данным *IMB*, в 2024 г. было зарегистрировано 43 инцидента, а в 2025 г. – 80. Для сравнения, в Малаккском проливе было зарегистрировано по одному инциденту в соответствующих годах. При этом большинство инцидентов в Сингапурском проливе относятся к случаям вооруженного разбоя и незаконного проникновения на суда с относительно низким уровнем насилия, а не к захвату судов [11, 12]. Аденский залив представляет иной тип угрозы. После снижения активности сомалийских пиратов риски в регионе существенно изменились, однако не исчезли полностью. *IMB* продолжает относить воды у побережья Сомали и район Аденского залива к зонам, в которых судам необходимо сохранять повышенную осторожность. В 2024 г. в этих водах было зарегистрировано 8 инцидентов, а в 2025 г. – 5 [11, 12]. В 2026 г. глобальное количество зарегистрированных случаев пиратства и вооруженного разбоя снизилось: в первом полугодии *IMB* зарегистрировало 38 инцидентов против 90 за аналогичный период в 2025 г. Однако снижение общего количества инцидентов не означает исчезновения угрозы для экипажей и судоходства [13].

Таблица 2.

Количество зарегистрированных инцидентов морского пиратства и вооруженного разбоя в отдельных регионах за 2024 – 2026 гг. (первое полугодие) [12, 13]

Район	2024	2025	2026 (январь-июнь)
Сингапурский пролив	43	80	4*
Малаккский пролив	1	1	-
Воды у побережья Сомали / Аденский залив	8	5	2
Всего в мире	116	137	38

*Примечание: 2026 г. представлен только периодом с января по июнь включительно. За этот период IMB зарегистрировал в Сингапурском проливе 4 случая, а в водах у побережья Сомали – 2 инцидента. Для Малаккского пролива сопоставимое значение в данном периоде не приводится.

Данные таблицы 2 показывают, что характер угроз на различных участках морских маршрутов существенно различается. В Сингапурском проливе преобладают относительно низкоуровневые случаи вооруженного разбоя и незаконного проникновения на суда, тогда как у побережья Сомали сохраняется потенциальная угроза более серьезных нападений на экипажи. Поэтому оценка безопасности маршрута должна учитывать не только количество зарегистрированных инцидентов, но и их характер и последствия [11, 12, 13].

Необходимо отметить, что Иран является членом ШОС, что ставит его в особое положение с точки зрения взаимозависимости интересов участников организации. С одной стороны, Иран вовлечен в противостояние с США, с другой – ограничения судоходства через

Ормузский пролив создают экономические и энергетические риски для Китая и Индии, являющихся крупнейшими экономиками ШОС. В данном контексте СМП может рассматриваться как один из вариантов диверсификации транспортных маршрутов между Азией и Европой. Вместе с тем его возможности не следует напрямую отождествлять с заменой Ормузского пролива: СМП может частично снижать зависимость от Суэцкого маршрута при перевозке определенных категорий грузов между Восточной Азией и Европой, тогда как энергетические поставки из Персидского залива требуют других вариантов диверсификации – изменения поставщиков, использования трубопроводов и сухопутных транспортных коридоров. По данным *EIA*, существующие трубопроводные маршруты Саудовской Аравии и ОАЭ позволяют частично обходить Ормузский пролив: их совокупная потенциальная пропускная способность оценивается примерно в 4,7 млн баррелей в сутки [2]. Связь СМП с Международным транспортным коридором «Север – Юг» (*МТК*) также следует рассматривать как возможность формирования взаимодополняющей транспортной сети, а не как единый морской маршрут. *МТК* «Север – Юг» ориентирован на соединение России с Ираном, Индией и другими странами через комплекс морских, железнодорожных и автомобильных участков, тогда как СМП обеспечивает северное морское направление между Атлантическим и Тихоокеанским бассейнами [14].

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что СМП может рассматриваться как потенциальный дополнительный маршрут для диверсификации торговых потоков между Восточной Азией и Европой, прежде всего в условиях роста рисков на традиционных направлениях через Суэцкий канал. При этом его использование связано с собственными природными, инфраструктурными и экономическими ограничениями. Для стран ШОС развитие альтернативных маршрутов имеет значение, прежде всего, с точки зрения повышения устойчивости транспортных цепочек и снижения зависимости от отдельных морских узлов. В энергетической сфере диверсификация должна обеспечиваться комплексом мер, включающих изменение географии поставщиков, развитие сухопутных коридоров и использование альтернативных транспортных маршрутов.

Список литературы

1. Стрельникова И.А., Харина О.А., Набиев Х.Х. Ключевые интересы Китая и Индии в Арктике и основные направления для сотрудничества с Россией // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 2. С. 72-83. https://doi.org/10.20542/afij-2024-2-72-83.

2. U.S. Energy Information Administration. World Oil Transit Chokepoints. – URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/special_topics/World_Oil_Transit_Chokepoints/ (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.

3. International Maritime Organization. Middle East – Highlighted (Confirmed) incidents. URL: https://www.imo.org/en/mediacentre/hottopics/pages/middle-east-highlighted-incidents.aspx (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.https://www.imo.org/en/mediacentre/hottopics/pages/middle-east-highlighted-incidents.aspx

4. Высотина Е.Р., Прокудина Е.А. Влияние блокировки Ормузского пролива на перебой в глобальных цепочках поставок // Энергетика и автоматизация в современном обществе : Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции обучающихся и преподавателей, Санкт-Петербург, 06 мая 2026 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2026. С. 52-56.

5. Сравнение Северного морского пути и Суэцкого канала. URL: https://ecoshp.ru/blog/severnyy-morskoy-put-sravnenie-s-suetskim-kanalom/ (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.https://ecoshp.ru/blog/severnyy-morskoy-put-sravnenie-s-suetskim-kanalom/

6. SeaRoutesNav. Shangai, CN Anchorage to Rotterdam, NLRTM Sea Route. URL: https://searoutesnav.com/route/shanghai-cn-anchorage-25502/to/rotterdam-nlrtm-14821 (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.https://searoutesnav.com/route/shanghai-cn-anchorage-25502/to/rotterdam-nlrtm-14821

7. International Maritime Organization. Shipping in polar waters. URL: https://www.imo.org/en/mediacentre/hottopics/pages/polar-default.aspx (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.https://www.imo.org/en/mediacentre/hottopics/pages/polar-default.aspx

8. Главсевморпуть. Росатом. О планировании рейсов в летне-осенний период навигации в акватории Северного морского пути. URL: https://nsr.rosatom.ru/o-kompanii/novosti/?ELEMENT_ID=208231 (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.https://nsr.rosatom.ru/o-kompanii/novosti/?ELEMENT_ID=208231

9. ICC. Commercial Crime Services (CCS). IMB Piracy & Armed Robbery Map 2026. URL: https://icc-ccs.org/map/ (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.https://icc-ccs.org/map/

10. ICC. Maritime Piracy. URL: https://icc-ccs.org/imb/ (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.https://icc-ccs.org/imb/

11. ICC. Commercial Crime Services (CCS). ICC International Maritime Bureau. Piracy and Armed Robbery Against Ships. Report the Period 1 January – 31 December 2024. URL: https://www.icc-ccs.org/wp-content/uploads/2025/01/2024-Jan-Dec-IMB-Piracy-and-Armed-Robbery-Report-2.pdf (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.

12. ICC. Commercial Crime Services (CCS). ICC International Maritime Bureau. Piracy and Armed Robbery Against Ships. Report the Period 1 January – 31 December 2025. URL: https://www.icc-ccs.org/wp-content/uploads/2026/01/2025-Jan-Dec-IMB-Piracy-and-Armed-Robbery-Report.pdf (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.

13. 2026 January – June IMB Piracy and Armed Robbery Report. URL: https://www.sailworldcruising.com/news/297888/2026-Jan-Jun-IMB-Piracy-and-Armed-Robbery-Report (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.https://www.sailworldcruising.com/news/297888/2026-Jan-Jun-IMB-Piracy-and-Armed-Robbery-Report

14. Vinokurov E.Y., Ahunbaev A., Zaboev A.I. International North-South Transport Corridor: Boosting Russia's “pivot to the South” and Trans-Eurasian connectivity // Russian Journal of Economics. 2022. Vol. 8, No. 2. P. 159-173. https://doi.org/10.32609/j.ruje.8.86617.

УДК 336.71(045)

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ И ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Гаджимурадова Лариса Агамурадовна,
к.э.н., доцент, доцент кафедры финансово-экономических дисциплин
ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства»,
(367008, Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Джамалутдина Атаева, 5. E-mail:larisa.0106@mail.ru)

Аннотация. Данная статья посвящена теоретическим и методологическим аспектам оценки эффективности денежно-кредитной политики центрального банка. Анализ публикаций в рамках всех рассмотренных в статье направлений позволил выявить основные недостатки в оценке эффективности денежно-кредитной политики центральных банков, в частности, отождествление целей денежно-кредитной политики с целями экономической политики и др.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика (ДКП), ценовая стабильность, таргетирование инфляции, эффективность, денежно-кредитное обращение, стратегическое управление.

MONETARY POLICY OF CENTRAL BANKS AND ITS EFFECTIVENESS

Gadzhimuradova Larisa Agamuradovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Finance and Credit
Dagestan State University of National Economy,
(367008, Russian Federation, Republic of Dagestan, Makhachkala,
5 Dzhamalutdin Ataev Street
E-mail:larisa.0106@mail.ru)

Annotation. This article is devoted to the theoretical and methodological aspects of assessing the effectiveness of the monetary policy of the central bank. The analysis of publications in all the areas considered in the article revealed the main shortcomings in assessing the effectiveness of the monetary policy of central banks, in particular, the identification of monetary policy goals with economic policy goals, etc.

Keywords: monetary policy (PREP), price stability, inflation targeting, efficiency, monetary circulation, strategic management.

Денежно-кредитная политика (далее –ДКП), проводимая центральными банками (далее – ЦБ), уже давно является очень важной темой исследований, большинство из которых направлены на создание теорий денежно-кредитной политики, моделей или алгоритмов действий центральных банков.

В настоящее время известно несколько основных теорий, которые устанавливают цели и методы денежно-кредитной политики для достижения этих целей. Анализ этих теорий указывает на наличие в них не только слабых мест, но и фундаментальных проблем, ставящих под сомнение саму возможность применения этих теорий на практике. Перечислим эти проблемы:

1. Ограниченный набор моделей денежно-кредитной политики. В моделях есть только две основные зависимые переменные: стоимость денежной массы и рыночная ставка. В первом случае ЦБ отслеживает количество наличных в обращении, сохраняя его на плановом уровне. При этом процентная ставка формируется на основе рыночных механизмов, обеспечивающих баланс между спросом и предложением денег. В качестве альтернативы, целью является процентная ставка, а объем денежной массы формируется на уровне, на котором обеспечивается баланс на денежном рынке по этой ставке. Таким образом, выбор одной из двух зависимых переменных, по сути, сводится к выбору стиля управления капиталом между директивой и косвенным.
2. Проблемы с таргетированием валютного курса, заключающиеся в том, что обменные курсы национальных валют зависят от денежно-кредитной политики других стран. Таким образом, таргетирование валютного курса приводит к тому, что денежно-кредитная политика одной страны подпадает под влияние ДКП и состояние экономики других стран и может нанести вред национальным интересам.
3. Трудности в планировании необходимого количества денежной массы директивным контролем ее размера. Во-первых, достаточно сложно предсказать скорость денежного обращения. Во-вторых, трудно рассчитать объем сделок, которые должны обслуживать денежный оборот в будущем. В-третьих, в современной экономике значительная часть денег выводится в финансовый сектор, что создает дополнительный спрос на деньги. Этому сектору присуща быстрая динамика и слабая прогнозируемость.
4. Проблемы с определением целевой процентной ставки. Они следующие. Во-первых, формулы для установления целей процентной ставки очень сложны, особенно их современные версии. Во-вторых, структура процентных ставок различна, в то время как Формулы указывают только одну из ставок. В-третьих, тот же ЦБ может выдавать кредиты по ставке, отличной от ключевой ставки. Из этого следует, что рекомендации по таргетингу ставок находятся на уровне, который достаточно далек от практического применения. Решения об уровне ставок фактически принимаются центральными банками путем голосования с прице-

лом на побочные эффекты.

5. Проблемы с таргетированием уровня инфляции. Основная проблема в практической реализации этого режима денежно-кредитной политики заключается в том, что общая инфляция является суммой двух факторов. Первый – денежная инфляция, которой может управлять Центральный банк. Второй фактор – неденежная инфляция, которая находится за пределами зоны ответственности Центрального банка и не управляется имеющимися в его распоряжении инструментами. Поэтому, когда денежная масса изменяется, неденежная инфляция в какой-то степени компенсирует денежную инфляцию, делая результаты политики таргетирования непредсказуемыми.

Рассматриваемые проблемы практической реализации моделей управления сферой денежного обращения указывают на то, что реализация денежно-кредитной политики на основе определенных теоретических подходов ненадежна с точки зрения результата.

Систематизация и обобщение научной и специализированной литературы на тему исследования показывает, что в области анализа и оценки эффективности денежно-кредитной политики сформировались три основных направления.

Согласно первому направлению, эффективность ДКП определяется ее воздействием на экономику страны. Считается, что эффективная денежно-кредитная политика приводит к экономическому росту и развитию, снижению безработицы, снижению инфляции и большей экономической и финансовой стабильности.

В рамках этого направления эффективность ДКП изучается с точки зрения взаимосвязи между переменными денежно-кредитной политики и макроэкономическими переменными, и отмечается, что эти отношения имеют гетерогенные тенденции в разных временных масштабах. Кроме того, делается вывод о том, что эффективность исламской денежно-кредитной политики больше зависит от суммы денег, а не от процентной ставки. Денежная масса оказывает активное влияние на будущие темпы инфляции и реальное производство, а официальные процентные ставки не влияют на эти факторы. Результаты ряда исследований показывают, что чрезмерное смягчение денежно-кредитной политики может привести к структурному разрыву.

Следует отметить, что они содержат ряд спорных моментов:

Во-первых, понятие эффективности денежно-кредитной политики заменяется понятием эффективности экономической политики.

Во-вторых, на состояние экономики влияют многие факторы, которые не являются денежными. Разделение этого влияния – сложная задача.

В-третьих, влияние денежно-кредитной политики на макроэкономические показатели может быть разнонаправленным. Например, реализация стимулирующей денежно-кредитной политики может положительно повлиять на уровень занятости и экономический рост, но негативно отразится на уровне инфляции и состоянии платежного баланса.

В-четвертых, уровень чувствительности макроэкономических показателей к изменениям в денежно-кредитной политике не однозначен. Это подтверждается различными, иногда противоположными выводами, полученными в результате научных исследований.

Согласно второму направлению, эффективность денежно-кредитной политики выражается в высокой проводимости каналов механизма передачи и эффективности отдельных денежных инструментов.

Например, Банк России выделяет следующие каналы вещания: процентная ставка, кредит, бюджет, валюта и информация (канал инфляционных ожиданий) как наиболее значимые, а канал богатства, денежного потока и риска как наименее значимые. При этом авторы научных публикаций ограничивают оценку эффективности денежно-кредитной политики Банка России анализом одного или нескольких каналов, не полностью изучая механизм передачи. В частности, Е.С.Федоровская и Д.В. Бураков [9] оценили проводимость кредитного канала механизма передачи ДКП Банка России с использованием векторной модели авторегрессии. На основании полученных результатов авторы сформулировали рекомендации по повышению эффективности денежно-кредитной политики в России в целом. Аналогичное

исследование проводила Е.С. Федоровская [10] для процентного канала [11].

Проблемы проводимости каналов трансмиссионного механизма нашли отражение в публикациях зарубежных авторов. Так, «M. Hossain и W. F. Ibon использовали оценку проводимости различных каналов трансмиссионного механизма для анализа эффективности денежно-кредитной политики в Бангладеш. P. L. Siklosa и M. T. Bohlb оценили эффективность денежно-кредитной политики в Германии, анализируя влияние коммуникаций Бундесбанка и процентных ставок на уровень инфляции. E.D. Naiborhu оценил эффективность трансмиссионного канала кредитного механизма ДКП Индонезии, моделируя рост банковского кредитования в зависимости от денежно-кредитной политики. M. Were и др. оценивают эффективность денежно-кредитной политики Кении на основе моделирования процентного и кредитных каналов трансмиссионного механизма. Авторы оценили перенос импульса с процентных ставок к инфляции и совокупному спросу. G. Lopez-Buenache была исследована эволюция трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики в США после Великой рецессии посредством оценки чувствительности экономики к шокам денежно-кредитной политики. Эффективность влияния процентных ставок на инфляцию в Южной Африке обсуждалась A. Iddrisu и I. P. Alagidede. В своем исследовании авторы оценили проводимость процентного и кредитного канала трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики с использованием векторной модели авторегрессии» [3, С. 245].

Изучение эффективности денежно-кредитной политики через эффективность денежных инструментов также отражено в работах российских зарубежных авторов. Например, О. В. Гордячкова и Е. В. Романова изучали влияние различных инструментов денежно-кредитной политики на инфляцию, денежную массу и обменный курс [3].

Ю.В. Всяких и М.А. Кочергин оценивали эффективность денежно-кредитной политики, находя корреляцию между ключевой ставкой и инфляцией [2].

Э.В. Рогатенок [7] сравнил эффективность инструментов прямой и косвенной денежно-кредитной политики на Барбадосе, Ямайке, Тринидаде и Тобаго. Автор пришел к выводу, что центральные банки малых открытых экономик должны рассмотреть возможность использования резервных обязательств в качестве дополнения к политике процентных ставок для достижения своих макроэкономических целей.

Подводя итог научным исследованиям в данном направлении, следует отметить, что эффективность одного или нескольких каналов трансмиссионного механизма означает эффективность самого трансмиссионного механизма, а не денежно-кредитной политики в целом. Корреляция монетарного инструмента и целевого ориентира денежно-кредитной политики подразумевает возможность достижения поставленной цели с использованием данного инструмента, но не всегда означает, что цель будет достигнута только за счет этого инструмента.

Третье направление исследований – методы и инструменты анализа и оценки эффективности денежно-кредитной политики центральных банков.

В рамках этого направления С. Е. Дубова и С. В. Кузнецова разработали методику количественной и качественной оценки эффективности ДКП с применением прямого и косвенного способов расчета. Прямой способ состоит в определении интегрального показателя, рассчитанного балльно-весовым методом, исходя из целевой и экономической эффективности ДКП [4].

При этом цели денежно-кредитной политики увязываются с макроэкономическими целями, отражающими потребности экономики, а в качестве критериев эффективности денежно-кредитной политики рассматривается динамика макроэкономических показателей. Косвенный способ заключается в оценке эффективности ДКП через отношение достигнутых целей к недостигнутым целям.

Ю.Ю. Платонова и А.А. Терехова оценивают эффективность денежно-кредитной политики с использованием показателей динамики валютного курса, индекса потребительских цен и денежной массы. Аналогичный подход, основанный на показателях динамики, применяют П. В. Антонов и О. О. Злобина [1]. Они предлагают оценивать эффективность денежно-

кредитной системы путем расчета и анализа динамики кредитного и банковского мультипликатора, а также коэффициента монетизации [6].

А. Тихонов и А. Левенков в оценке эффективности ДКП используют отклонения разрыва выпуска ВВП, темпов инфляции, сальдо баланса текущих операций в процентах к ВВП, отношение агрегата М3 к ВВП и индекса системного риска от их средних значений. Авторы рекомендуют оценивать эффективность ДКП на основе комплексного показателя, включающего частные показатели, нормированные, исходя из их стандартных отклонений [8].

Э.В. Рогатенок для анализа денежно-кредитной политики предлагает использовать трехмесячные процентные ставки, оказывающие существенное влияние на доходность финансовых инструментов, инфляцию и разрыв выпуска.

Обобщение и систематизация публикаций по данному направлению позволяет констатировать следующее [7].

Во-первых, анализ и оценка эффективности денежно-кредитной политики опираются на использование интегральных показателей эффективности, рассчитанных балльно-весовым методом, что вносит элемент субъективизма в результаты расчета.

Во-вторых, анализ эффективности предлагается осуществлять на основе методов, предназначенных для анализа тенденций макроэкономических показателей и их устойчивости, что не соответствует методологии стратегического управления денежно-кредитной сферой.

В целом анализ публикаций в рамках всех рассмотренных направлений позволяет выявить следующие основные недостатки в оценке эффективности денежно-кредитной политики центральных банков: отождествление целей денежно-кредитной политики с целями экономической политики; замена понятия эффективности ДКП понятиями эффективности трансмиссионного механизма и эффективности монетарных инструментов; отсутствие методического инструментария, позволяющего осуществлять оценку эффективности денежно-кредитной политики с позиции стратегического управления сферой денежно-кредитного обращения, которому следуют центральные банки.

Таким образом актуализируется необходимость разработки научно-обоснованного и удобного в применении методического инструментария, позволяющего давать объективную количественную и качественную характеристику эффективности денежно-кредитной политики центральных банков в контексте стратегического управления сферой денежно-кредитного обращения.

Список литературы

1. Антонов П.В, Злобина О.О. Оценка эффективности денежно-кредитной системы Российской Федерации // Финансы и кредит. – 2018. № 21(27). С. 25-34.
2. Банк России. (2026, Февраль). Доклад для общественных консультаций «Финансовые инфлюенсеры: роль и регулирование». Интерфакс – Сервер раскрытия информации. Retrieved from https://e-disclosure.ru/vse- novosti/novost/6363 (дата обращения 11.09.2026г.)https://e-disclosure.ru/vse- novosti/novost/6363.
3. Парламентская газета. (2026, Февраль). ЦБ предложил регулироватьдеятельность финансовых инфлюенсеров. Retrieved from https://pnp.ru/economics/cb-predlozhil-regulirovat-deyatelnost-finansovykh- inflyuenserov.html (дата обращения 10.09.2026г.)https://pnp.ru/economics/cb-predlozhil-regulirovat-deyatelnost-finansovykh- inflyuenserov.html.
4. Тихонов А., Левенков А. Эффективность денежно-кредитной политики: методологический подход, методика, результаты апробации // Банковский вестник. – 2019. № 3. С. 11-15.
5. Официальный сайт Банк России https://cbr.ru (дата обращения: 09.09.2026). https://cbr.ru.
6. Федоровская Е.С. Оценка эффективности денежно-кредитной политики ЦБ РФ на основе анализа проводимости процентного канала трансмиссии // Управление экономическими системами – 2017. № 7. С.17-23.

УДК 338;339

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Гасанова Диана Бахмаевна,
к.э.н., доцент кафедры финансово-экономических дисциплин,
Дагестанский государственный университет народного хозяйства,
г. Махачкала
(367015, Российская Федерация, Республика Дагестан,
г. Махачкала, ул. Атаева 5. E-mail: diana5-84@mail.ru)

Аннотация. Экономическая политика России рассматривается как реакция на затяжной внешний кризис, начавшийся в 2022 году и к 2026 году превратившийся в постоянную среду хозяйствования. Прослеживается смена логики регулирования: от экстренной стабилизации – к управляемому торможению перегретой экономики. Показано, что денежно-кредитный курс Банка России, удерживавшего ключевую ставку на пике 21% до середины 2025 года, вошел в фазу смягчения, тогда как бюджетная политика столкнулась с расширением дефицита до 2,6% ВВП и повышением налоговой нагрузки. Сопоставлены позиции исследователей относительно достаточности ставки как инструмента ценовой стабильности. Сформулирован прогноз на 2026 год и обозначены риски чрезмерно жесткой настройки, способной перевести охлаждение в спад.

Ключевые слова: экономическая политика, антикризисное регулирование, денежно-кредитная политика, ключевая ставка, бюджетный дефицит, санкции, структурная адаптация.

ECONOMIC POLICY OF RUSSIA UNDER CRISIS CONDITIONS

Gasanova Diana Bakhmaevna,
PhD in Economics, Associate Professor
of the Department of Financial and Economic Disciplines,
Dagestan State University of National Economy,
Makhachkala
(367015, Russian Federation, Republic of Dagestan,
Makhachkala, Atayeva str.5. E-mail: diana5-84@mail.ru)

Annotation. Russia's economic policy is examined as a response to a prolonged external crisis that began in 2022 and, by 2026, has turned into a permanent operating environment. The logic of regulation has shifted from emergency stabilization toward the managed cooling of an overheated economy. The monetary course of the Bank of Russia, which kept the key rate at a peak of 21% until mid-2025, has entered an easing phase, while fiscal policy faced a widening deficit reaching 2,6% of GDP and an increased tax burden. Scholarly positions on the sufficiency of the key rate as a price-stability instrument are compared. A forecast for 2026 is offered, along with the risks of an excessively tight setting capable of turning slowdown into recession.

Keywords: economic policy, anti-crisis regulation, monetary policy, key rate, budget deficit, sanctions, structural adaptation.

Весной 2026 года российская экономика завершила четвертый год жизни под санкционным давлением. Кризис перестал быть событием – он превратился в среду.

Логика государственного регулирования за это время менялась дважды. Весной 2022 года правительство и Банк России решали задачу выживания: удержать платежный баланс, остановить бегство капитала, не допустить паралича расчетов с внешними контрагентами. Ключевую ставку тогда экстренно подняли до 20%, ввели жесткие ограничения на движение валюты, развернули программы льготного кредитования системообразующих отраслей. К 2025 году повестка стала иной – речь шла уже не о спасении, а о том, как затормозить перегретую экономику, не уронив ее в спад.

Здесь стоит сделать оговорку. Называть происходящее «кризисом» в привычном смысле – с обвалом производства и массовой безработицей – было бы неточно. Безработица держится у исторических минимумов, оборонный заказ загружает обрабатывающую промышленность, бюджет исполняется почти в полном объеме. Кризисным остается не уровень активности, а сам способ хозяйствования: закрытые рынки капитала, дорогие деньги, хронический дефицит кадров. Вопрос, определяющий всю политику 2025–2026 годов, звучит иначе – какой ценой удерживается эта устойчивость?

Песоцкий, подводя итог трехлетию санкционного противостояния, связывает устойчивость хозяйственной системы с быстрой перестройкой торговых маршрутов в сторону дружественных рынков Азии и с замещением ниш ушедших западных компаний [4]. Оценка скорее оптимистическая. Цифры 2025 года, впрочем, очерчивают разворот: прирост ВВП составил всего 1,0%, а инфляция к декабрю опустилась до 5,6% – заметно ниже осеннего прогноза регулятора [2].

За фасадом макропоказателей идет менее заметная перестройка. Параллельный импорт и локализация отдельных производств снизили остроту первоначального шока, но не устранили структурных уязвимостей. Зависимость доходов казны от сырьевого экспорта сохранилась, а технологическое отставание в ряде секторов никуда не делось. Адаптация купировала симптомы – вылечить болезнь она не могла.

Замедление оказалось рукотворным. Его обеспечила самая жесткая за десятилетие денежно-кредитная настройка.

Таблица 1

Основные макроэкономические параметры

Параметр	2025 (факт/оценка)	2026 (базовый прогноз)
Прирост ВВП, %	1,0	0,5–1,5
Инфляция, декабрь к декабрю, %	5,6	4,5–5,5
Средняя ключевая ставка, % годовых	–	13,5–14,5
Дефицит федерального бюджета, % ВВП	2,6	2,2–2,7
Государственный долг, % ВВП	16,1	–

Источники: [2; 5].

Набор вызовов, с которыми экономическая политика подошла к 2026 году, неоднороден: – сокращение нефтегазовых доходов казны почти на четверть за 2025 год [5]; – дефицит квалифицированных кадров, ограничивающий расширение предложения; – удорожание заемного финансирования, тормозящее частные инвестиции; – потребность одновременно финансировать оборонный блок и социальные обязательства.

Глава Банка России Эльвира Набиуллина и министр экономического развития Максим Решетников оценивают влияние ключевой ставки на хозяйственную активность поразному. Это расхождение задает рамку всей денежно-кредитной дискуссии 2025–2026 годов.

До середины 2025 года регулятор удерживал ставку на уровне 21% – пике, невиданном в практике инфляционного таргетирования. Затем начался цикл смягчения, шедший почти на каждом заседании. К концу апреля 2026 года ставка опустилась до 14,5% годовых [1]. Снижение не было резким: регулятор двигался малыми шагами, сверяясь с устойчивой инфляцией и инфляционными ожиданиями.

Осторожность регулятора объяснима. Инфляционные ожидания населения и бизнеса остаются повышенными и слабо заякоренными, а при таком фоне быстрое снижение ставки рискует развернуть едва наметившийся тренд дезинфляции. Именно поэтому регулятор предпочитает двигаться медленно, даже когда текущая инфляция складывается ниже прогноза [3].

Достаточно ли одной ставки для ценовой стабильности? Трегуб и Фунтова, моделируя трансмиссию денежно-кредитных решений, приходят к выводу, что эффект изменения ставки передается в динамику спроса и инфляции не мгновенно, а на горизонте трех–шести квар-

талов, – и потому процентный канал в коротком периоде недостаточен [7]. Отсюда их тезис о необходимости дополнительных мер структурного характера. Практика, однако, демонстрирует иное распределение приоритетов: основной вес регулятор по-прежнему возлагает на ставку, рассматривая ее как главный рычаг [3].

Таблица 2

Траектория ключевой ставки в цикле смягчения

Дата решения	Ключевая ставка, % годовых
6 июня 2025	20,00
25 июля 2025	18,00
12 сентября 2025	17,00
24 октября 2025	16,50
19 декабря 2025	16,00
13 февраля 2026	15,50
20 марта 2026	15,00
24 апреля 2026	14,50

Источник: [1]

Эффект смягчения проявляется неравномерно. Удешевление кредита оживляет ипотеку и корпоративные займы быстрее, чем оно доходит до инвестиционных решений в обрабатывающих производствах. Депозитные ставки, достигавшие двузначных значений, начали снижаться, что постепенно высвобождает отложенный потребительский спрос. Риск очевиден – преждевременное оживление спроса способно вернуть инфляцию к росту.

Спор финансового и экономического блоков – не ведомственная склока, а отражение реального противоречия. Жесткая политика гасит рост цен, но та же жесткость душит инвестиции и грозит спадом. Мягкая – оживила бы кредит ценой нового витка инфляции и ослабления рубля. Очевидно верного ответа здесь нет; выбор зависит от того, что считать большей угрозой – торможение экономики или утрату ценовой стабильности. На практике это нередко проявляется в публичных расхождениях прогнозов двух ведомств.

Дефицит федерального бюджета по итогам 2025 года составил 5,65 трлн рублей – 2,6% ВВП [5]. Годом ранее разрыв не превышал 1,7% ВВП. Расширение оказалось почти двукратным.

Причина лежит на поверхности. Нефтегазовые поступления сократились почти на четверть из-за снижения средней экспортной цены, тогда как расходы продолжали расти [5]. Ответом стала двойная настройка фискального контура. С 2026 года базовая ставка НДС повышена с 20 до 22% – мера, вклад которой в инфляцию Банк России оценивал примерно в 0,8 процентного пункта [3]. Минфин при этом отказался финансировать дефицит из Фонда национального благосостояния, сделав ставку на внутренние заимствования; государственный долг остался умеренным – около 16,1% ВВП [5].

Опора на заимствования имеет цену. Доходности долгосрочных гособлигаций весной 2026 года держались вблизи 13–14% годовых, отражая сохраняющуюся жесткость условий. Дорогой внутренний долг – плата за отказ тратить резервы; выбор спорный, но он сохраняет подушку безопасности на случай более глубокого падения экспортных доходов.

Прогноз на 2026 год сдержанно-осторожен. Минэкономразвития закладывает положительный, но слабый рост [6], тогда как регулятор ориентируется на диапазон 0,5–1,5% при инфляции 4,5–5,5% и средней ключевой ставке 13,5–14,5% [2]. Здесь, прямо скажем, картина неоднородная – часть аналитиков рынка допускает более глубокое снижение ставки к концу года, ближе к 12%.

Главный риск антикризисной настройки – не инфляция, а ее зеркальная противоположность. Чрезмерно долгое удержание дорогих денег при остывающем спросе способно перевести управляемое торможение в полноценную рецессию. Сигналы такого рода обсуждались экономистами уже осенью 2025 года, когда опережающие индикаторы указывали на близость нижней поворотной точки. Впрочем, это справедливо не для всех секторов: обо-

ронные производства и смежные с ними отрасли чувствуют себя совсем иначе, чем гражданский бизнес, зависящий от потребительского кредита.

Контуры выхода из жесткого режима просматриваются в нескольких направлениях: – постепенное смягчение денежно-кредитных условий по мере закрепления инфляции у цели в 4%; – перенос центра тяжести с процентной политики на меры предложения – поддержку инвестиций и технологического суверенитета; – сдерживание дефицита через налоговую донастройку без обращения к резервам; – адресная поддержка отраслей, наиболее уязвимых к стоимости заемных средств.

Экономическая политика России к 2026 году описывается через парадокс устойчивого кризиса. Внешнее давление, начавшееся в 2022 году, не привело к коллапсу, которого ожидали его инициаторы, – система адаптировалась, переориентировав торговлю и перестроив финансовые каналы. Цена адаптации, однако, оказалась высокой и отложенной во времени.

Денежно-кредитный контур прошел полный цикл: от экстренного ужесточения до пика в 21% и последующего смягчения до 14,5% к апрелю 2026 года. Бюджетный контур ответил на сжатие нефтегазовых доходов ростом дефицита до 2,6% ВВП, повышением НДС и опорой на внутренние заимствования. Два блока государственного управления – финансовый и экономический – расходятся в оценке допустимой жесткости, и это расхождение само по себе свидетельствует, что простого решения у задачи нет. Картина к тому же неоднородна по отраслям: оборонный сегмент и гражданский сектор живут в разных денежных условиях.

Практическая значимость наблюдений сводится к одному выводу: успех политики 2026 года измеряется не темпом снижения инфляции, а способностью не переохладить экономику в погоне за ценовой стабильностью. Линия между дисциплиной и спадом тонка.

Дальнейшие исследования логично направить на оценку эффективности немонетарных инструментов – промышленной и инвестиционной политики, – а также на сравнительный анализ адаптационных стратегий отраслей с разной зависимостью от заемного финансирования. Отдельного внимания заслуживает вопрос о долгосрочных издержках продолжительно высоких ставок для накопления основного капитала.

Список литературы

1. Ключевая ставка Банка России: динамика. Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/ (дата обращения: 30.05.2026).

2. О ключевой ставке Банка России: пресс-релиз Совета директоров от 13 февраля 2026 г. Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=13022026_133000key.htm (дата обращения: 30.08.2026).

3. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов. Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2026_2028/ (дата обращения: 30.08.2026).

4. Песоцкий А.А. Экономика России против санкционных угроз: взгляд из 2025 года // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 4. С. 125–131. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-rossii-protiv-sanktsionnyh-ugroz-vzglyad-iz-2025-goda (дата обращения: 30.08.2026).

5. Предварительная оценка исполнения федерального бюджета за 2025 год. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/ (дата обращения: 30.05.2026).

6. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения: 30.08.2026).

7. Трегуб И.В., Фунтова Д.В. Денежно-кредитная политика как инструмент обеспечения экономической стабильности в Российской Федерации в условиях изменяющейся внешней среды // Экономика. Налоги. Право. 2025. Т. 18. № 2. С. 57–66. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/denezhno-kreditnaya-politika-kak-instrument-obespecheniya-ekonomicheskoy-stabilnosti-v-rossiyskoy-federatsii-v-usloviyah (дата обращения: 30.0.2026)

УДК 336.7

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ ПИЛОТИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Гатауллин Амир Шамилевич,
студент 4 курса бакалавриата по специальности «Инноватика»
Научный руководитель:
Шипшова Ольга Александровна,
к.э.н., доцент, доцент кафедры «Цифровая экономика»
ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ»
(420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 10.
Email:realistfan2005@mail.ru)

Аннотация. В статье анализируются промежуточные итоги пилотирования цифрового рубля - новой формы национальной валюты, разрабатываемой Банком России. Рассмотрены ключевые параметры платформы: динамика операций, тарифные модели для физических и юридических лиц, практические сценарии использования, включая смарт-контракты и «безопасные сделки». Особое внимание уделено механизмам интеграции цифрового рубля в бюджетный процесс и перспективам его масштабирования в корпоративном и розничном сегментах. Выявлены основные барьеры внедрения - технические, регуляторные и поведенческие - и предложены пути их преодоления. Сделан вывод о том, что цифровой рубль может стать полноценным платёжным инструментом, способным повысить скорость, прозрачность и доступность расчётов в российской экономике при условии последовательного развития инфраструктуры и адаптации участников рынка.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровая валюта центрального банка, пилотирование, платёжная инфраструктура, смарт-контракты, тарифная модель, безопасная сделка, бюджетные платежи, финансовые инновации, цифровая трансформация.

DIGITAL RUBLE: INTERIM RESULTS OF PILOTING AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Gataullin Amir Shamilevich,
4th year bachelor student in the specialty «Innovatics»
Scientific Supervisor: **Olga Alexandrovna Shipshova,**
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Digital Economy
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «A.N. Tupolev Kazan National Research Technical University -KAI»
(420111, Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan, Karl Marx Street, 10) Email: realistfan2005@mail.ru

Annotation. The article analyzes the interim results of the piloting of the digital ruble - a new form of the national currency being developed by the Bank of Russia. The key parameters of the platform are examined: transaction dynamics, tariff models for individuals and legal entities, practical use scenarios including smart contracts and «secure transactions». Special attention is paid to the mechanisms for integrating the digital ruble into the budget process and the prospects for its scaling in corporate and retail segments. The main implementation barriers - technical, regulatory, and behavioral - are identified, and ways to overcome them are proposed. It is concluded that the digital ruble can become a full-fledged payment instrument capable of increasing the speed,

transparency, and accessibility of settlements in the Russian economy, provided that infrastructure development and market participants' adaptation are consistently pursued.

Keywords: digital ruble, central bank digital currency, piloting, payment infrastructure, smart contracts, tariff model, secure transaction, budget payments, financial innovations, digital transformation.

Цифровые валюты центральных банков сегодня входят в число главных мировых трендов. Россия – не исключение. Проект цифрового рубля стартовал в апреле 2021 года. С августа 2023 года Банк России проводит его пилотирование на реальных денежных средствах, чтобы создать удобную, безопасную и недорогую форму расчётов – для людей, бизнеса и государства.

На май 2025 года платформой пользуются 15 банков. География – больше 150 городов. За всё время сделали 63 тысячи переводов, почти 13 тысяч покупок и 17 тысяч смарт-контрактов. Для пилота это неплохо. До массовости пока далеко, но тренд растущий – и это обнадёживает. Также к маю 2025 года на платформе открыто около 2500 кошельков – и у граждан, и у компаний. Динамика переводов показана на рисунке 1. Рост заметный, хотя стартовали с нуля.

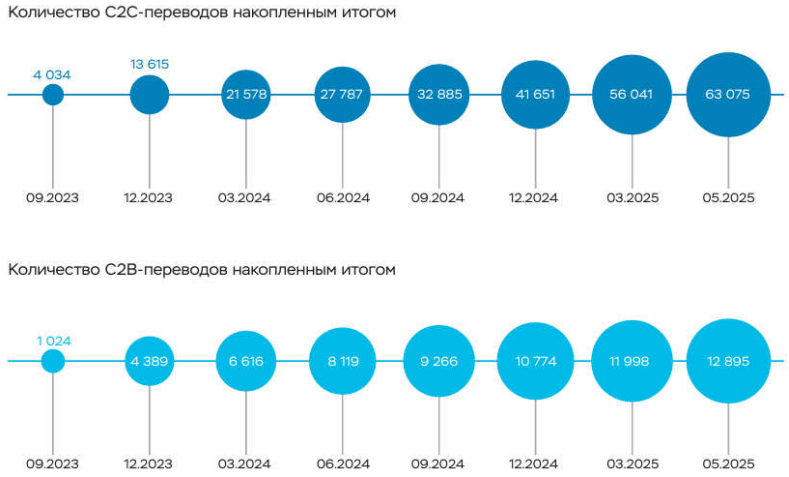

Рисунок 1 – Динамика переводов по операциям C2C и C2B на платформе цифрового рубля (количество накопленным итогом)

Здесь важно понять главное: цифровой рубль работает по розничной двухуровневой модели. Банк России – оператор платформы, но доступ к кошелькам граждане и компании получают через свои обычные банки. Никаких новых интерфейсов учить не нужно.

Для граждан все операции абсолютно бесплатны. Это принципиальная позиция ЦБ. Для бизнеса комиссии ниже, чем в Системе быстрых платежей или при обычном эквайринге. В таблице 1 всё наглядно видно.

Таблица 1

Тарифы на услуги оператора платформы для пользователей

№	Перечень тарифов	Тарифы
1	За перевод цифровых рублей физическими лицами в пользу физических лиц (операция C2C) или в пользу юридических лиц (операция C2B)	оплачивается плательщиком – 0,00% от суммы перевода
2	За перевод цифровых рублей физическими лицами в пользу юридических лиц (операция C2B), за исключением переводов по оплате жилищно-коммунальных услуг	оплачивается получателем средств – 0,30% от суммы перевода, но не более 1 500,00 руб. за 1 перевод
3	За перевод цифровых рублей физическими лицами в пользу юридических лиц (операция C2B) в оплату жилищно-коммунальных услуг	оплачивается получателем средств – 0,20% от суммы перевода, но не более 10,00 руб. за 1 перевод

4	За перевод цифровых рублей юридическими лицами в пользу физических лиц с целью возврата цифровых рублей по ранее совершенному переводу (операция B2C-возврат)	оплачивается плательщиком – 0,00% от суммы перевода
5	За перевод цифровых рублей юридическими лицами в пользу юридических лиц (операция B2B)	оплачивается плательщиком – 15,00 руб. за 1 перевод

Как именно движутся деньги при переводах между юр. лицами или от гражданина в магазин. Это показано на рисунках 2 и 3.

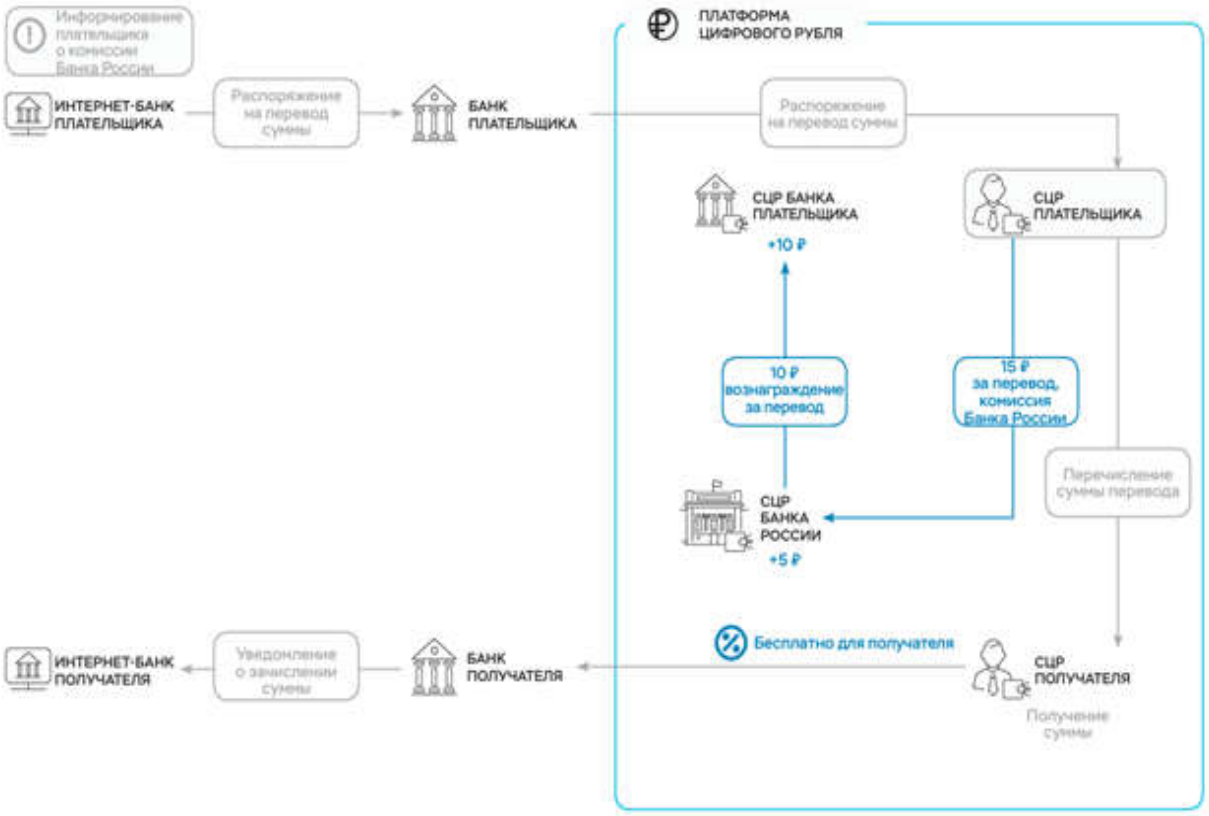

Рисунок 2 – Тарифная модель по операциям B2B (перевод между юридическими лицами)

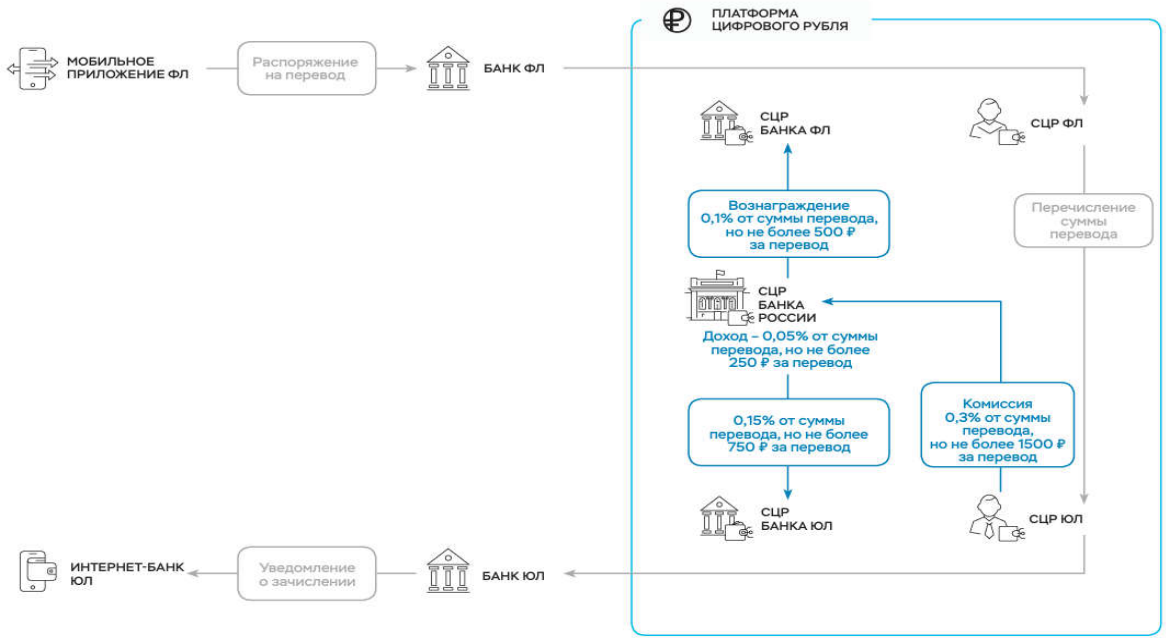

Рисунок 3 – Тарифная модель по операциям C2B (перевод физического лица в пользу юридического лица)

Самое интересное в цифровом рубле – смарт-контракты, т.е. программы, которые сами переводят деньги, как только наступают оговорённые условия.

В 2024 году вместе с Федеральным казначейством уже протестировали выплату стипендий и оплату штрафов в цифровых рублях. Всё прошло успешно. Сейчас похожие пилоты запускают регионы. В Татарстане и Чувашии, например, с помощью смарт-контрактов проверяют, на что именно ушли бюджетные деньги.

А для бизнеса разработали механизм «безопасной сделки». Допустим, грузоперевозчик получает оплату только после того, как заказчик подтвердит доставку. Схема – на рисунке 4.

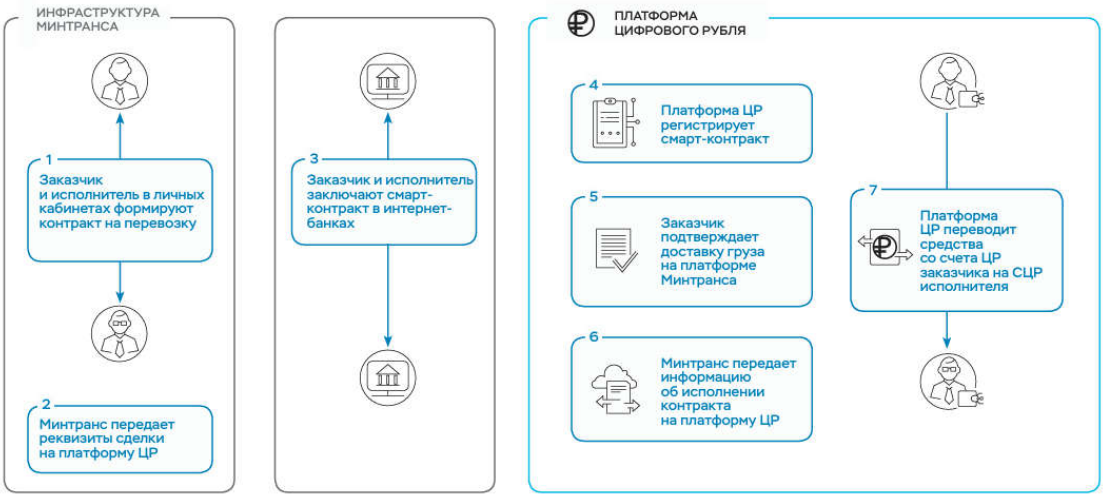

Рисунок 4 – Сценарий «безопасная сделка» на примере грузоперевозок

Не обошлось без трудностей. Первая – как совместить удобство для пользователя и строгие требования к информационной безопасности? Вторая – недоверие людей к новой форме денег. Многие боятся, сложно привыкнуть.

Регулятор на это ответил выпуском единого стандарта платформы и интеграцией с универсальным QR-кодом через НСПК. Теперь платить можно любым способом, а интерфейс одинаков во всех банках.

Планы на ближайшие годы – масштабировать пилот, добавить поддержку интернет-магазинов, массовые выплаты по реестрам (например, зарплаты), а также шире использовать цифровой рубль в бюджете. По оценкам Банка России, через 5–7 лет цифровой рубль должен стать привычным способом расчётов – как безналичные деньги сегодня.

Таким образом, проект цифрового рубля уже перешёл от слов к делу. Отработаны базовые переводы (C2C, C2B, B2B), работают смарт-контракты, налажено взаимодействие с бюджетной системой. Тарифы сделаны так, чтобы бизнесу было выгодно, а гражданам – бесплатно.

Дальше – масштабирование, новые сервисы и международное сотрудничество. Успех проекта укрепит технологическую независимость России и сделает платежи быстрее и дешевле. А главное – у людей появится ещё один удобный инструмент, которым они смогут пользоваться каждый день.

Список литературы

1. Цифровой рубль: текущий статус проекта: информационно-аналитический материал / Центральный банк Российской Федерации. – Москва: Банк России, 2025. – 24 с. – URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/134170/digital_ruble_30062025.pdf (дата обращения: 05.09.2026). – Текст: электронный.https://cbr.ru/StaticHtml/File/ 134170/digital_ruble_30062025.pdf

УДК 336.22

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ: РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОСЛЕЖИВАЕМОСТИ ИМПОРТНЫХ ТОВАРОВ

Герасименко Ольга Александровна,
к.э.н., доцент кафедры бизнес-процессов
и экономической безопасности
НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга
и социально-информационных
технологий - ИМСИТ» (г. Краснодар).
Половкова Арина Александровна,
студентка 5 курса специальности
38.05.01 Экономическая безопасность.
(350010, Российская Федерация, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Зиповская 5, e-mail: nalogi-imsit@mail.ru).

Аннотация. Актуальность исследования заключается в том, что цифровая трансформация экономики и увеличение объема импортируемых товаров создают новые вызовы для налогового контроля и требуют внедрения современных систем прослеживаемости. Увеличение объемов импортируемых товаров сопровождается рисками незаконного оборота продукции, уклонения от уплаты налогов и использования различных схем сокрытия доходов. В этой связи государство активно внедряет цифровые инструменты контроля, позволяющие отслеживать движение товаров и обеспечивать прозрачность экономических операций. Одним из таких инструментов является национальная система прослеживаемости импортных товаров, которая позволяет налоговым органам получать достоверную информацию о товарных потоках и повышать эффективность налогового администрирования.

Ключевые слова: Прослеживаемость импортных товаров, цифровой налоговый контроль, налоговое администрирование, цифровизация экономики, импортные товары, электронный документооборот, налоговые поступления, теневой оборот, экономическая безопасность, государственный финансовый контроль.

DIGITAL TRANSFORMATION OF TAX ADMINISTRATION: THE ROLE OF THE NATIONAL SYSTEM FOR TRACING IMPORTED GOODS

Gerasimenko Olga Alexandrovna,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor at the Department of
Business Processes and Economic Security of
the National Academy of
NAN PEIHE Academy of Marketing and
Social Information Technologies – IMSIT (Krasnodar).
Polovkova Arina Alexandrovna,
5th-year student, majoring in 38.05.01 Economic Security
(350010, Russian Federation, Krasnodar Krai,
Krasnodar, Zipovskaya Street, 5,
e-mail: nalogi-imsit@mail.ru).

Annotation. The relevance of the study lies in the fact that the digital transformation of the economy and the increase in the volume of imported goods create new challenges for tax control and require the implementation of modern traceability systems. The increase in the volume of imported goods is accompanied by the risks of illegal product circulation, tax evasion, and the use of various schemes to conceal income. In this regard, the state is actively implementing digital control tools that make it possible to track the movement of goods and ensure the transparency of economic transactions. One such tool is the national traceability system for imported goods, which

enables tax authorities to obtain reliable information about commodity flows and improve the efficiency of tax administration.

Keywords: traceability of imported goods, digital tax control, tax administration, digitalization of the economy, imported goods, electronic document management, tax revenues, shadow turnover, economic security, state financial control.

Современное развитие мировой экономики характеризуется значительным увеличением объемов международной торговли. Рост импорта товаров способствует расширению товарного ассортимента на внутреннем рынке и развитию экономических связей между государствами. Однако одновременно с этим возникают определенные риски, связанные с нелегальным оборотом товаров, контрафактной продукцией и уклонением от уплаты налогов. В таких условиях государству необходимо сформировать эффективные механизмы контроля за перемещением товаров и финансовыми потоками [2;3].

Одним из наиболее эффективных направлений совершенствования налогового администрирования является внедрение цифровых технологий. Цифровизация позволяет автоматизировать процессы сбора и анализа информации о хозяйственной деятельности предприятий. В результате налоговые органы получают возможность оперативно выявлять нарушения законодательства и предотвращать использование незаконных схем уклонения от налогообложения [6].

Важную роль в системе цифрового налогового контроля играет национальная система прослеживаемости импортных товаров. Данная система представляет собой комплекс информационных и организационных мер, направленных на контроль движения товаров на всех этапах их оборота. Основной целью системы является обеспечение прозрачности товарных потоков и предотвращение незаконного оборота продукции. Система прослеживаемости функционирует на основе использования электронных информационных технологий и автоматизированных баз данных. Каждая партия импортируемых товаров получает уникальный регистрационный номер, который позволяет отслеживать ее дальнейшее перемещение по всей цепочке поставок. Участники хозяйственной деятельности обязаны отражать операции с такими товарами в электронных документах, которые передаются в налоговые органы через системы электронного документооборота. Использование электронного документооборота значительно повышает эффективность налогового контроля. Информация о каждой операции с товаром фиксируется в информационной системе и может быть проанализирована налоговыми органами. Это позволяет выявлять несоответствия между фактическим движением товаров и данными налоговой отчетности [1;2].

Одним из основных преимуществ системы прослеживаемости является возможность контроля товарных потоков в режиме реального времени. Налоговые органы получают оперативную информацию о движении товаров, что позволяет своевременно выявлять нарушения законодательства. Кроме того, внедрение цифровых технологий способствует снижению административной нагрузки на бизнес и упрощению процедур налогового администрирования. Система прослеживаемости импортных товаров выполняет несколько важных функций. Она обеспечивает контроль за законностью оборота товаров на внутреннем рынке, способствует выявлению незаконных схем уклонения от налогообложения и защищает интересы добросовестных участников рынка. Благодаря использованию цифровых технологий повышается прозрачность экономических операций и снижается вероятность сокрытия доходов [4;6].

Анализ эффективности внедрения цифровых инструментов налогового контроля показывает, что использование системы прослеживаемости способствует увеличению налоговых поступлений в государственный бюджет РФ. По оценкам специалистов в сфере налогового администрирования, внедрение современных цифровых механизмов контроля может приводить к увеличению налоговых поступлений от операций с импортными товарами в среднем на 10–15 % за счет сокращения теневого оборота и повышения прозрачности экономической деятельности. Данные официальной статистики показывают устойчивый рост

налоговых поступлений в России за последние годы. Например, общий объём администрируемых доходов ФНС увеличился на более чем 20% в 2024 году по сравнению с 2023 г., достигнув 56,3 трлн рублей. Аналогично, за первые 10 месяцев 2024 года федеральные налоговые поступления выросли на 30%, что свидетельствует о нарастающем влиянии механизмов цифрового контроля и усиления администрирования. Динамика условных показателей налоговых поступлений от операций с импортными товарами демонстрирует устойчивую тенденцию роста. Если принять 2019 год за базовый уровень (индекс 100), то в 2020 году показатель увеличился до 108, в 2021 году — до 125, в 2022 году — до 140, в 2023 году — до 158, в 2024 году — до 172, а в 2025 году достиг 190. Эти значения используются для иллюстрации возможного эффекта внедрения системы прослеживаемости. Данные показатели свидетельствует о постепенном повышении эффективности налогового контроля и росте поступлений в бюджет [6;7].

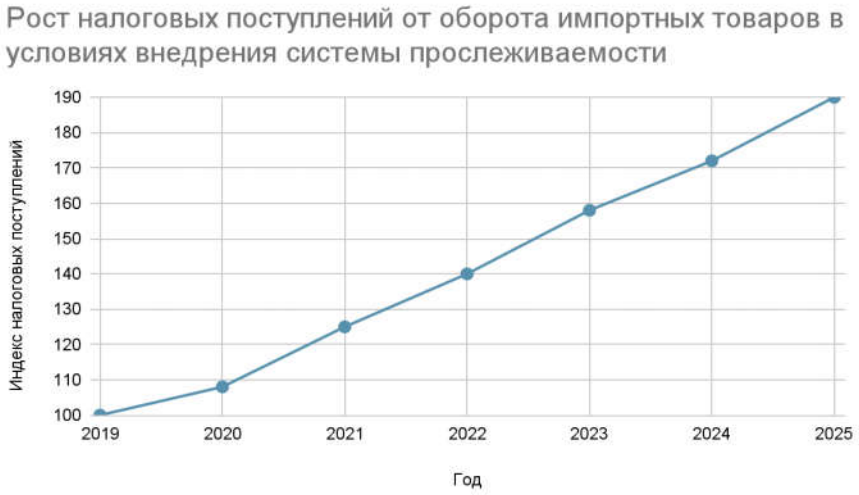

График 1 – Динамика роста налоговых поступлений от операций с импортными товарами в условиях внедрения системы прослеживаемости 2019-2025 гг.

Одновременно с ростом налоговых поступлений наблюдается сокращение доли теневого оборота импортных товаров. До внедрения современных цифровых механизмов контроля доля нелегального оборота отдельных категорий импортной продукции могла достигать 25 %. Однако по мере развития системы прослеживаемости данный показатель постепенно снижается. Так, в 2019 году доля теневого оборота составляла около 25 %, в 2020 году — 23 %, в 2021 году — 21 %, в 2022 году — 18 %, в 2023 году — 16 %, в 2024 году — 14 %, а в 2025 году снизилась примерно до 12 %. Данные показатели свидетельствуют о том, что внедрение цифровых инструментов контроля способствует постепенному сокращению объемов нелегального оборота товаров [3;5].

Дополнительно важным направлением развития национальной системы прослеживаемости импортных товаров является её практическое значение для совершенствования механизмов государственного финансового контроля и повышения эффективности взаимодействия между участниками экономических отношений. В современных условиях цифровой экономики государственные органы стремятся не только фиксировать факты совершения хозяйственных операций, но и проводить их комплексный анализ с использованием информационных технологий. Это позволяет выявлять потенциальные налоговые риски на ранних этапах и предотвращать нарушения налогового законодательства. Практическая значимость системы прослеживаемости проявляется прежде всего в возможности проведения автоматизированного контроля за движением товаров. В отличие от традиционных методов налоговых проверок, которые проводятся после завершения отчетного периода, цифровые системы позволяют отслеживать операции практически в режиме реального времени. Это значительно повышает эффективность государственного контроля, поскольку позволяет оперативно реагировать на выявленные несоответствия в данных отчетности [1;7].

Еще одним важным аспектом практического применения системы прослеживаемости является формирование единой информационной базы данных о движении импортных товаров. Такая база данных содержит сведения о поставщиках, покупателях, характеристиках продукции, а также о стоимости и объемах поставок. Использование этих данных позволяет налоговым органам проводить аналитические исследования, выявлять нетипичные хозяйственные операции и оценивать налоговые риски отдельных категорий налогоплательщиков [2].

Особое значение система прослеживаемости имеет для борьбы с так называемыми «разрывами» в цепочке поставок. В практике налогового администрирования нередко возникают ситуации, когда товар проходит через несколько посредников, что усложняет контроль за его реальным движением. Использование регистрационных номеров партий товаров и электронных документов позволяет проследить всю цепочку поставок и установить фактических участников хозяйственных операций. Это способствует предотвращению использования фиктивных компаний и схем незаконного возмещения налогов. Система прослеживаемости также оказывает положительное влияние на развитие добросовестной конкуренции на рынке. Предприятия, осуществляющие законную хозяйственную деятельность, получают дополнительные гарантии защиты от недобросовестных участников рынка, которые ранее могли использовать незаконные схемы для снижения налоговой нагрузки.

Повышение прозрачности оборота товаров способствует формированию равных условий ведения бизнеса и укреплению доверия между участниками экономических отношений. Кроме того, внедрение цифровых систем контроля стимулирует предприятия к совершенствованию внутреннего учета и управленческих процессов. Для корректной работы с системой прослеживаемости организациям необходимо внедрять современные информационные системы учета, автоматизировать документооборот и повышать уровень квалификации сотрудников. В долгосрочной перспективе это способствует повышению эффективности управления предприятиями и улучшению качества финансовой отчетности. Таким образом, национальная система прослеживаемости импортных товаров имеет не только контрольное, но и значительное практическое значение для развития современной экономики РФ. Она способствует повышению прозрачности хозяйственной деятельности, снижению уровня налоговых правонарушений и формированию эффективной цифровой инфраструктуры налогового администрирования. В условиях дальнейшей цифровизации государственного управления развитие таких систем становится важным фактором обеспечения устойчивости финансовой системы и повышения эффективности государственного регулирования экономики [3;4].

Правовое регулирование системы прослеживаемости осуществляется на основе налогового и таможенного законодательства. Нормативные акты устанавливают порядок учета товаров, требования к электронному документообороту и обязанности участников хозяйственной деятельности. Организации и индивидуальные предприниматели обязаны отражать операции с прослеживаемыми товарами в налоговой отчетности и предоставлять соответствующую информацию налоговым органам [2].

Несмотря на значительные преимущества системы прослеживаемости, ее внедрение сопровождается определенными трудностями. Одной из основных проблем является необходимость модернизации информационных систем предприятий. Для многих организаций переход на электронный документооборот требует дополнительных финансовых затрат и изменения внутренних бизнес-процессов. Кроме того, определенные сложности могут возникать при интеграции различных информационных систем. Для эффективного функционирования системы необходимо обеспечить взаимодействие между информационными ресурсами налоговых органов, таможенных служб и участников хозяйственной деятельности. Однако развитие современных технологий постепенно позволяет решать данные проблемы и совершенствовать систему цифрового контроля [1;6].

В перспективе национальная система прослеживаемости импортных товаров может получить дальнейшее развитие. Возможно расширение перечня товаров, подлежащих про-

слеживаемости, а также внедрение технологий анализа больших данных и элементов искусственного интеллекта. Использование таких технологий позволит более эффективно выявлять налоговые правонарушения и повышать качество государственного контроля.

Таким образом, можно сделать вывод, что национальная система прослеживаемости импортных товаров является важным инструментом цифрового налогового контроля. Ее внедрение способствует повышению прозрачности экономических операций, сокращению теневого оборота товаров и увеличению налоговых поступлений в государственный бюджет. В условиях цифровизации экономики развитие подобных информационных систем становится одним из ключевых направлений совершенствования налогового администрирования и обеспечения экономической безопасности государства. Внедрение цифровых инструментов контроля способствует формированию единой базы данных о движении продукции и упрощает аналитическую работу налоговых органов. Практическое применение системы стимулирует предприятия к совершенствованию внутреннего учета и внедрению современных информационных технологий. Моделируемые показатели, использованные в статье для иллюстрации динамики налоговых поступлений и снижения доли теневого оборота, позволяют наглядно оценить потенциал системы.

Список литературы

1. Герасименко, О. А. Налоговая политика и цифровая экономика в России: перспективы и современная реальность / О. А. Герасименко, М. В. Гавшин // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 1-2(119). – С. 41-44. – DOI 10.24412/2411-0450-2025-1-2-41-44. – EDN RBUHGD.

2. Горских, Д. А. Экономическая безопасность и внешнеэкономическая политика страны / Д. А. Горских, Т. Г. Маглинова // Юность и Знания - Гарантия Успеха - 2025 : Сборник научных статей 12-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах, Курск, 25–26 сентября 2025 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2025. – С. 127-130.

3. Кононова, Е. А. Развитие интеграционных процессов в различных направлениях ЕАЭС / Е. А. Кононова, Т. Г. Маглинова // Будущее науки - 2025 : Сборник научных статей 12-й Международной молодежной научной конференции. В 5-х томах, Курск, 17–18 апреля 2025 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2025. – С. 229-232.

4. Мадатова, О. В. Преобразование трансграничных финансовых операций в условиях санкционного давления: анализ альтернативных платежных механизмов и стратегии обеспечения экономической устойчивости России / О. В. Мадатова // Финансы и управление. – 2025. – № 1.

5. Маглинова, Т. Г. Инвестиционные стратегии транснациональных корпораций в условиях глобальной трансформации / Т. Г. Маглинова, А. О. Текинбаш // Дорожная карта мировой экономики : Сборник научных трудов X Международной научно-практической интернет-конференции, Донецк, 28 ноября 2025 года. – Донецк: ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», 2025. – С. 243-248.

6. Нефедова, А. В. Влияние цифровизации российской экономики на эффективность осуществления налогового контроля / А. В. Нефедова, О. А. Герасименко // Юность и Знания - Гарантия Успеха - 2025 : Сборник научных статей 12-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах, Курск, 25–26 сентября 2025 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2025. – С. 217-220.

7. Цешковский, Д. В. О возникающих проблемах в системе российского налогового контроля в условиях современной реальности / Д. В. Цешковский, О. А. Герасименко // Теоретические и прикладные вопросы экономики, управления и образования : Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 12–13 июня 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 639-644.

УДК 338.12

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: РАЗВИТИЕ ЗЕЛЁНЫХ ОТРАСЛЕЙ КАК ОТВЕТ НА СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Гирфанова Ирина Насхетдиновна,
к. э. н., доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента,
Башкирский государственный аграрный университет (Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50 лет Октября, 34, e-mail: irina1309197@mail.ru)

Аннотация. В настоящей статье исследуются актуальные аспекты обеспечения устойчивого развития территориальных образований. Особое внимание уделено потенциалу финансового сектора как ключевого института, способного содействовать имплементации методологических принципов концепции «зелёной экономики» в российских реалиях. В рамках проведённого анализа сформулированы практические предложения по инструментальному обеспечению перехода к устойчивому развитию, включающие внедрение системы «зелёных сертификатов» как механизма верификации экологичности производственных и хозяйственных процессов, эмиссию «зелёных облигаций» в качестве инструмента привлечения инвестиций в экологически ориентированные проекты, формирование специализированного «зелёного фонда» для консолидации финансовых ресурсов, направляемых на реализацию инициатив в сфере устойчивого развития. Предложенные механизмы рассматриваются как взаимосвязанные элементы комплексной системы финансирования «зелёной» трансформации экономики, способной обеспечить сбалансированное сочетание экологических, социальных и экономических целей развития территориальных систем.

Ключевые слова: устойчивое развитие, зелёная экономика, финансовые инструменты, зелёные сертификаты, зелёные облигации, зелёный фонд, территориальное развитие.

MECHANISMS FOR BUILDING A SUSTAINABLE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX: DEVELOPING GREEN SECTORS AS A RESPONSE TO MODERN ECONOMIC CHALLENGES

Girfanova Irina Naskhetdinovna,
candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Management,
Bashkir State Agrarian University, Republic of Bashkortostan,
Ufa, st. 50 years of October, 34, e-mail:irina1309197@mail.ru.

Annotation. This article explores the current aspects of ensuring sustainable development in territorial entities. Special attention is given to the potential of the financial sector as a key institution that can contribute to the implementation of the methodological principles of the green economy concept in Russian realities. As part of the analysis, practical proposals have been formulated for the instrumental support of the transition to sustainable development, including the introduction of a system of "green certificates" as a mechanism for verifying the environmental friendliness of production and economic processes, the issuance of "green bonds" as a tool for attracting investment in environmentally oriented projects, and the formation of a specialized "green fund" for consolidating financial resources allocated to the implementation of sustainable development initiatives. These proposed mechanisms are considered as interconnected elements of a comprehensive system for financing the "green" transformation of the economy.

Keywords: sustainable development, green economy, financial instruments, green certificates, green bonds, green fund, territorial development.

Агропромышленный комплекс (АПК) — один из ключевых секторов экономики, оказывающий значительное воздействие на окружающую среду, заключающуюся в потребление 70 % пресной воды, 24–30 % глобальных выбросов парниковых газов, деградация почв (эро-

зия, засоление, истощение), загрязнение водоёмов агрохимикатами. Несмотря на то, что за последние годы наблюдается тренд к снижению этой доли, агропромышленный сектор все еще слишком ориентирован на поставку сырья и полуфабрикатов, что существенно ограничивает возможности получения высокой экономической отдачи и конкурентоспособности на международных рынках. Кроме того, трансформация глобального агропродовольственного рынка диктует необходимость глубоких и системных реформ в российском АПК, которые смогут учитывать современные тенденции в области устойчивого развития, цифровизации, климатических изменений и международного сотрудничества. Чтобы добиться этого эффективно и рационально, необходимо объединить ряд стратегий во всех сообществах, учреждениях и организациях. Ниже предложены некоторые стратегии, которые могут послужить основой для разработки эффективной продовольственной и сельскохозяйственной политики [1, с.560].

В этих условиях внедрение принципов устойчивого развития в АПК становится императивом продовольственной безопасности и экологической стабильности.

«Зелёная» трансформация АПК предполагает снижение экологической нагрузки, повышение ресурсоэффективности, сохранение биоразнообразия, обеспечение продовольственной безопасности. Целью исследования является систематизация механизмов внедрения устойчивого развития и выявление ключевых факторов становления «зелёных» отраслей АПК [2, с.140].

Концепция устойчивого развития в агропромышленном комплексе прошла длительный путь трансформации — от фрагментарных экологических инициатив до системной парадигмы, интегрирующей экономические, экологические и социальные аспекты. Рассмотрим ключевые этапы её становления [3, с.14].

1. 1980-е годы: зарождение идеи устойчивого земледелия
В этот период Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (FAO) впервые сформулировала концепцию *устойчивого земледелия* (Sustainable Agriculture). Её базовыми постулатами выступали необходимость сохранения плодородия почв как главного ресурса аграрного производства, минимизация негативного воздействия агротехнологий на экосистемы, баланс между продуктивностью и экологической безопасностью.

На практике это выразилось в продвижении почвозащитных методов обработки земли, агролесоводства (совмещения деревьев и сельхозкультур), биологических методов защиты растений вместо пестицидов.

2. 1992 год: институционализация на глобальном уровне
На Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992) сельское хозяйство было включено в *Повестку дня на XXI век* — программный документ, определивший принципы устойчивого развития. Ключевыми положениями для АПК выступали признание сельского хозяйства как фактора глобальных экологических изменений, требование интегрировать экологические критерии в аграрную политику, акцент на сохранении генетического разнообразия сельскохозяйственных культур. Этот этап закрепил идею, что устойчивое развитие АПК — не локальная задача фермеров, а элемент глобальной экологической стратегии.

3. 2000-е годы: расцвет органического земледелия и агроэкологии
В начале XXI века концепция устойчивого АПК получила практическое воплощение через:

- Органическое земледелие — стандартизированные системы сертификации (EU Organic, USDA Organic), запрещающие синтетические удобрения и пестициды. К 2020 г. площадь органических угодий в мире превысила 70 млн га.
- Агроэкология — подход, объединяющий традиционные знания и научные инновации для создания устойчивых агроэкосистем. Принципами которого являются биоразнообразие на полях (смешанные посевы, севообороты), использование естественных хищников для борьбы с вредителями, замкнутые циклы переработки отходов (навоз → биогаз → удобрения).
- Точное земледелие (Precision Agriculture) — внедрение GPS, датчиков и дронов для

оптимизации расхода ресурсов (воды, удобрений, топлива).

4. 2015 год: интеграция в Цели устойчивого развития ООН Принятие 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) до 2 Newton 2030 года обозначило новые ориентиры для АПК:

Цель 2: Ликвидация голода — требование обеспечить продовольственную безопасность без истощения ресурсов.

Цель 12: Ответственное потребление и производство — сокращение потерь продовольствия, переход к циркулярным моделям в пищевой промышленности.

Цель 13: Борьба с изменением климата — снижение выбросов метана от животноводства, углеродное земледелие (sequestration of carbon in soils).

Эти цели связали аграрную политику с глобальными вызовами, обязав страны разрабатывать национальные стратегии «зелёного» АПК.

5. 2020-е годы: климатически оптимизированное сельское хозяйство (CSAS) Современная фаза эволюции концепции — *Climate-Smart Agriculture* (CSAS), предложенная FAO. Её три ключевых компонента:

Повышение продуктивности — обеспечение продовольственной безопасности при росте населения.

Адаптация к изменению климата — внедрение засухоустойчивых культур, систем капельного орошения, страхования от погодных рисков.

Снижение выбросов парниковых газов за счет оптимизации использования азотных удобрений (снижение выбросов N_2O), технологий улавливания метана на животноводческих фермах, восстановление торфяников и лесных массивов.

Примеры реализации CSAS:

- проекты «углеродных ферм» в ЕС (выплаты фермерам за секвестрацию углерода);
- внедрение рисовой системы SRI (System of Rice Intensification) в Азии, сокращающей выбросы CH_4 на 30–50 %;
- цифровые платформы для прогнозирования климатических рисков (например, Climate Corporation в США).

Механизмы внедрения устойчивого развития в АПК. Переход агропромышленного комплекса к модели устойчивого развития требует системной реализации комплекса взаимосвязанных механизмов — от нормативно-правового регулирования до технологических инноваций. Рассмотрим ключевые группы инструментов.

1. Институционально-правовые механизмы

Это фундамент, обеспечивающий легитимность и предсказуемость «зелёной» трансформации АПК.

Национальные стратегии и программы. Разработка государственных документов, интегрирующих ЦУР ООН в аграрную политику: целевые показатели по сокращению выбросов парниковых газов; планы расширения площадей под органическое земледелие; программы восстановления деградированных почв.

Нормативное регулирование использования ресурсов: квоты на водозабор для орошения; лимиты применения агрохимикатов (азотных удобрений, пестицидов); требования к утилизации отходов животноводства (навоз, сточные воды).

Системы сертификации и маркировки: органическая продукция (стандарты EU Organic, USDA Organic, российский ГОСТ 33980-2016); «низкоуглеродный след» (углеродная маркировка продукции); «справедливая торговля» (Fair Trade) для поддержки малых фермеров.

Механизмы межсекторной координации: межведомственные комиссии (сельское хозяйство + экология + экономика); платформы диалога с бизнесом и НКО для согласования стандартов.

2. Финансовые механизмы это экономические инструменты, стимулирующие инвестиции в устойчивые практики.

- «Зелёные» кредиты и займыкоторые подразумевают льготные ставки для внедрения биогазовых установок, финансирование систем точного земледелия (датчики, дроны), креди-

ты на переход к органическому земледелию (компенсации потерь урожая в переходный период).

- Субсидии и грантыпутем предоставления прямых выплат за применение почвозащитных технологий (минимальная обработка, сидераты), поддержки внедрения водосберегающих систем (капельное орошение), грантов на исследования в области биотехнологий (микробные удобрения, биопестициды).

- Страхование экологических рисков**:** защита от убытков из-за засух, наводнений, града, страхование урожая при отказе от пестицидов (компенсация потерь от вредителей).

- Рынки углеродных кредитов: оплата фермерам за секвестрацию углерода в почвах (через системы cover crops, агролесоводство) и выделение квотам на выбросы метана от животноводческих комплексов.

- Государственно-частное партнёрство (ГЧП)**:** совместное финансирование инфраструктуры (биогазовые станции, перерабатывающие заводы), софинансирование научных разработок в области агроэкологии.

3. Технологические и инновационные механизмы подразумевающих внедрение решений, повышающих ресурсоэффективность и снижающих экологическую нагрузку.

Цифровизация сельского хозяйства путем применения GPS-навигации и точное земледелие (дифференцированное внесение удобрений), датчиков влажности и плодородия почвы, дроны для мониторинга посевов и выявления болезней, цифровые платформы для прогнозирования урожайности и климатических рисков.

Биотехнологии**,** использование микробных удобрений (на основе азотфиксирующих бактерий), биопестицидов (например, на основе *Bacillus thuringiensis*), генетически модифицированных культур с повышенной засухоустойчивостью.

Возобновляемая энергетика в АПК - солнечная энергия для орошения, ветряные установки для энергообеспечения ферм, биогазовые реакторы (переработка навоза в энергию).

Переработка отходов и циркулярные модели как компостирование растительных остатков, производство биогаза из навоза, использование соломы для изготовления биоматериалов (упаковки, стройматериалов).

Умные теплицы и вертикальные фермы в виде гидропоники и аэропоники (выращивание без почвы); контроль микроклимата через IoT-датчики, локальное производство овощей в городах (снижение транспортных выбросов).

4. Образовательные и социальные механизмы путем формирования человеческого капитала и общественного спроса на устойчивую продукцию.

Обучение фермеров**,** путем организации курсов по органическому земледелию и агроэкологии, тренинги по использованию цифровых инструментов, обмен опытом через фермерские кооперативы. Потребительскую просвещенность повышать используя информационные кампании о пользе органической продукции, маркировки, объясняющие экологический след товара, продвижение локальных продуктов (farm-to-table). Поддержке сельских сообществ: будет способствовать создание «зелёных» рабочих мест (переработка отходов, биоэнергетика), развитие инфраструктуры (интернет, дороги) для доступа к рынкам, социальные программы для удержания молодёжи на селе.

5. Международные механизмы подразумевают глобальные инициативы, ускоряющие переход к устойчивому АПК. Например **п**рограммы FAO и Всемирного банка**,** такие как финансирование проектов по сохранению почв, техническая помощь в внедрении CSAS (климатически оптимизированное сельское хозяйство). Торговые соглашения, устанавливающие требования к экологическим стандартам импорта (например, запрет пальмового масла из вырубленных лесов), преференции для сертифицированной продукции (органической, Fair Trade). Научные коллаборации способствующие международным исследованиям в области селекции засухоустойчивых культур и обмену данными о климатических рисках и адаптациях.

Эффективное внедрение устойчивого развития в АПК требует комплексного применения механизмов:

Институциональные — создают правовую основу и стимулы.
Финансовые — обеспечивают доступность инвестиций.
Технологические — повышают ресурсоэффективность.
Социальные — формируют человеческий капитал и спрос.
Международные — интегрируют национальные усилия в глобальную повестку.

Ключевой фактор успеха — согласованность этих механизмов. Например, субсидии на биогазовые установки (финансовый механизм) работают только при наличии стандартов сертификации (институциональный механизм) и технических компетенций фермеров (образовательный механизм), углеродная маркировка продукции (институциональная мера) стимулирует спрос, если потребители осведомлены о её значении (социальный механизм).

Таким образом, устойчивое развитие АПК — не набор отдельных инициатив, а системная трансформация, требующая долгосрочного планирования и вовлечения всех заинтересованных сторон: государства, бизнеса, науки и общества.

Список литературы

1. Трансформация мирового производства и потребления продукции АПК как основа формирования новой глобальной архитектуры международной торговли сельхозпродукцией / И. С. Мога, И. С. Преснова, Е. А. Карелина, А. М. Канунникова // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2026. – № 1. – С. 556-563. – EDN DITUFP.

2. Зарипова, Г. М. Внедрение концепции устойчивого развития и формирование новых индустрий «зеленой экономики» / Г. М. Зарипова, И. Н. Гирфанова // Актуальные проблемы технологии продуктов питания, туризма и торговли : Материалы V Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Нальчик, 27 апреля 2023 года. – Нальчик: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова", 2023. – С. 139-142. – EDN HMZTUW.

3. Баловнева, А. Н. Модель реализации непрерывного образования на основе цифрового следа / А. Н. Баловнева, С. И. Колесникова // Инновационные, информационные и коммуникационные технологии. – 2018. – № 2. – С. 13-16. – EDN YVIGKT.

УДК 338

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТЕНДЕНЦИЙ

Гладких Виктория Евгеньевна,
Студент 2 курса,
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения» (630049, РФ, г. Новосибирск, ул. Д.Ковальчук,191, E-mail: vikagladkih07@icloud.com)
Литвинова Ксения Александровна,
Студент 2 курса,
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения» (630049, РФ, г. Новосибирск, ул. Д.Ковальчук,191, E-mail: Litvinovak125@mail.ru)
Окрестина Ольга Ревовна,
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения» (630049, РФ, г. Новосибирск, ул. Д.Ковальчук,191, E-mail: vikagladkih07@icloud.com)

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы и перспективы устойчивого экономиче-

ского развития Новосибирской области в условиях современных экономических тенденций. Проанализировано влияние технологических изменений, цифровизации, дефицита кадров и изменения инвестиционных условий на развитие региона. Рассмотрены основные характеристики экономики Новосибирской области, её промышленный, инвестиционный, научно-технологический и транспортно-логистический потенциал. Особое внимание уделено крупным инвестиционным проектам и направлениям развития, предусмотренным региональной стратегией. На основе SWOT-анализа определены сильные и слабые стороны региона, а также существующие возможности и угрозы. Предложены направления использования потенциала Новосибирской области для обеспечения устойчивого экономического роста, связанные с технологической модернизацией промышленности, развитием научно-производственной кооперации.

Ключевые слова: региональная экономика, устойчивое развитие, экономический рост, инвестиции, инновации, цифровизация, научно-технологический потенциал, региональная стратегия.

PROSPECTS FOR SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE NOVOSIBIRSK REGION IN THE CONTEXT OF MODERN ECONOMIC TRENDS

Gladkikh Viktoria,
2nd-year student,
Siberian State University of Railway Engineering
(630049, Russia, Novosibirsk, D. Kovalchuk St., 191;
E-mail: vikagladkih07@icloud.com)
Litvinova Ksenia,
2nd-year student,
Siberian State University of Railway Engineering
(630049, Russia, Novosibirsk, D. Kovalchuk St., 191;
E-mail: vikagladkih07@icloud.com)
Okrestina Olga,
FSBEI HE “Siberian State University of Railway Engineering” (630049, Russian Federation, Novosibirsk, D. Kovalchuk St., 191, E-mail: vikagladkih07@icloud.com)

Annotation. The article examines the problems and prospects of sustainable economic development of the Novosibirsk Region under modern economic trends. The influence of technological changes, digitalization, labor shortages and changing investment conditions on regional development is analyzed. The main characteristics of the regional economy, its industrial, investment, scientific and technological, transport and logistics potential are considered. Particular attention is paid to major investment projects and development priorities established by the regional strategy. Based on a SWOT analysis, the strengths and weaknesses of the region, as well as opportunities and threats, are identified. Directions for using the potential of the Novosibirsk Region to ensure sustainable economic growth are proposed, including technological modernization of industry, development of cooperation between science and production

Keywords: regional economy, sustainable development, economic growth, investment, innovation, digitalization, scientific and technological potential, regional strategy.

Современное экономическое развитие регионов происходит в условиях постоянного изменения внешней и внутренней среды. На экономику территорий влияют технологические изменения, цифровизация, изменение структуры спроса, состояние рынка труда, инвестиционная активность и изменение хозяйственных связей. В таких условиях устойчивость региональной экономики зависит не только от имеющихся ресурсов, но и от способности эффективно использовать существующий потенциал и адаптироваться к новым условиям.

Особое значение данная проблема имеет для Новосибирской области. Регион является

одним из крупнейших экономических и научно-образовательных центров Сибири и обладает развитой промышленностью, транспортной инфраструктурой, системой высшего образования и значительным научно-технологическим потенциалом. Вместе с тем в экономике области сохраняются проблемы, связанные с неоднородностью промышленного развития, необходимостью технологической модернизации, привлечением инвестиций и обеспечением экономики квалифицированными кадрами.

Актуальность исследования определяется необходимостью поиска новых возможностей экономического роста Новосибирской области с учётом современных тенденций и имеющихся региональных преимуществ.

Целью исследования является рассмотрение проблем и перспектив устойчивого экономического развития Новосибирской области в условиях современных экономических тенденций и определение направлений эффективного использования потенциала региона.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть основные современные тенденции, влияющие на развитие региона; охарактеризовать современное состояние экономики Новосибирской области; определить основные проблемы и конкурентные преимущества региона; рассмотреть значение инвестиционных, инфраструктурных и научно-технологических проектов; определить перспективные направления устойчивого экономического роста области.

Объектом исследования является социально-экономическое развитие Новосибирской области.

Предмет исследования — проблемы, возможности и направления устойчивого экономического развития Новосибирской области в условиях современных экономических тенденций.

В работе используются методы анализа, сравнения, обобщения и статистического анализа.

Одним из основных факторов, определяющих современное развитие регионов, является технологическое обновление экономики. Распространение цифровых технологий изменяет способы организации производства, управления и оказания услуг. Для региональной экономики это создаёт возможность повысить производительность труда, сократить издержки и сформировать новые виды деятельности. При этом эффективность цифровой трансформации зависит от наличия соответствующей инфраструктуры, квалифицированных кадров и взаимодействия органов власти, бизнеса и образовательных организаций.

Для Новосибирской области данный тренд имеет особое значение, поскольку регион обладает развитой научно-образовательной базой. Исследователи отмечают, что научно-технологический потенциал является одним из важных ресурсов регионального развития, а его реализация связана не только с количеством научных организаций и специалистов, но и с возможностью превращения научных результатов в новые технологии и экономические проекты [1].

Другой важной тенденцией является изменение ситуации на рынке труда. Дефицит работников становится ограничением для расширения производства и реализации инвестиционных проектов. Для региона с крупным промышленным и научно-образовательным комплексом данная проблема имеет особое значение. Поэтому развитие человеческого капитала должно рассматриваться как одна из составляющих устойчивого экономического роста.

Важное значение сохраняет и инвестиционная активность. Инвестиции позволяют создавать новые предприятия, модернизировать существующие производства и развивать инфраструктуру. При этом научные исследования по региональной экономике отмечают необходимость совершенствования механизмов инвестиционной политики и создания условий, при которых вложения способствуют расширению экономической базы региона [2].

Новосибирская область имеет значительный потенциал для привлечения инвестиций. Её преимущества связаны с географическим положением, транспортной инфраструктурой, развитой промышленностью, научно-образовательным комплексом и наличием инвестиционных площадок. В научной литературе также отмечается сочетание в регионе производ-

ственного, инфраструктурного, трудового и инновационного потенциала [3].

Важным преимуществом региона является его положение на пересечении крупных транспортных направлений. Новосибирск является крупным транспортным узлом Западной Сибири, что создаёт условия для развития торговли, логистики и деловой активности [4].

Одновременно существенное значение имеет научно-технологический потенциал региона. В Новосибирской области сформирована крупная научно-образовательная среда, включающая научные организации, университеты, технопарки и инновационные предприятия. Наличие такой базы создаёт возможности для развития высокотехнологичных производств и формирования новых направлений региональной экономики [1].

Однако наличие потенциала само по себе не обеспечивает устойчивого роста. Важной проблемой является необходимость более тесной связи между научными разработками, образовательной системой и предприятиями. Научные исследования могут становиться источником экономического роста только в том случае, если результаты разработок находят практическое применение и превращаются в новые товары, услуги и технологии.

Определённые сложности наблюдаются и в промышленном секторе. По итогам 2025 года индекс промышленного производства Новосибирской области составил 97,9% к уровню предыдущего года. При этом динамика отдельных отраслей была различной: производство в обрабатывающей промышленности снизилось на 2,4%, в энергетическом секторе — на 1,2%, а в сфере водоснабжения, водоотведения и утилизации отходов — на 10,5%. Одновременно добыча полезных ископаемых показала рост на 0,8% [5]. Эти данные показывают, что промышленное развитие региона является неоднородным и требует дальнейшей модернизации отдельных производств.

При этом снижение общего промышленного индекса не означает отсутствия точек роста. В 2025 году в области наблюдался рост производства по отдельным высокотехнологичным направлениям, в том числе транспортных средств и оборудования, машин и оборудования, металлургической продукции и фармацевтической продукции. Это позволяет сделать вывод о наличии отдельных производственных направлений, которые могут стать основой дальнейшего технологического развития региона.

Существенным показателем состояния экономики является инвестиционная активность. В 2025 году в экономику Новосибирской области было привлечено 586,3 млрд рублей инвестиций в основной капитал. Однако по сравнению с 2024 годом, когда объём инвестиций составлял 591,7 млрд рублей, произошло снижение. Индекс физического объёма инвестиций составил 90,6% [6].

Для решения этой задачи в Новосибирской области используются различные механизмы поддержки инвестиционной деятельности и создаются специальные территории для размещения новых производств. В частности, в области действуют территории опережающего развития «Линево» и «Горный». ТОР «Линево» ориентирована на размещение проектов в сфере производства машин и оборудования, металлических изделий, химической и лёгкой промышленности, а ТОР «Горный» — на производство строительных материалов, переработку полезных ископаемых и производство неметаллической минеральной продукции [7]. Создание инфраструктуры для инвесторов снижает часть барьеров для реализации проектов и может способствовать появлению новых рабочих мест.

Перспективы развития региона также необходимо рассматривать с учётом действующей Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области до 2030 года. В качестве одного из вариантов развития в ней рассматривается инновационный сценарий «Сибирский центр роста», основанный на внедрении научно-технологических разработок, развитии новых видов экономической деятельности и повышении роли высокотехнологичных отраслей. Среди стратегических направлений выделяются развитие конкурентоспособной экономики, использование знаний и технологий, укрепление транспортно-логистической функции региона и развитие современной инфраструктуры [8].

Для более полной оценки перспектив Новосибирской области целесообразно провести SWOT-анализ, позволяющий сопоставить внутренние преимущества и проблемы региона с

внешними возможностями и угрозами.

Сильные стороны Новосибирской области: выгодное географическое и транспортное положение; промышленный комплекс; значительный научно-образовательный потенциал; наличие Академгородка и инновационной инфраструктуры; развитая система высшего образования; наличие инвестиционных площадок и механизмов поддержки бизнеса; крупный рынок товаров и услуг.

Слабые стороны Новосибирской области: неоднородная динамика отдельных отраслей промышленности; необходимость технологической модернизации предприятий; снижение физического объёма инвестиций в 2025 году; дефицит квалифицированных кадров; необходимость более тесного взаимодействия науки и бизнеса; неравномерность развития отдельных территорий области.

Возможности Новосибирской области: развитие высокотехнологичных производств; цифровая трансформация экономики; развитие транспортно-логистического комплекса; расширение инвестиционной деятельности; развитие территорий опережающего развития; реализация проектов в научно-технологической инфраструктуре; развитие сотрудничества с другими регионами Сибири и странами Азии.

Угрозы Новосибирской области: изменение внешних экономических условий; рост стоимости финансирования инвестиционных проектов; усиление конкуренции регионов за квалифицированных специалистов; ускорение технологических изменений; возможное снижение инвестиционной активности; увеличение нагрузки на инфраструктуру при ускоренном росте экономики.

Проведённый анализ показывает, что сильные стороны Новосибирской области во многом соответствуют современным направлениям экономического развития.

В связи с этим одним из основных направлений развития может стать формирование более тесной связи между наукой, образованием и производством. Для этого необходимо расширять совместные проекты университетов, научных организаций и предприятий, поддерживать создание инновационных компаний и облегчать внедрение результатов научных разработок в производство. Такой подход позволит использовать научный потенциал не только как характеристику региона, но и как непосредственный источник экономического роста.

Вторым направлением является технологическая модернизация промышленности. Снижение общего индекса промышленного производства при одновременном росте отдельных высокотехнологичных отраслей показывает, что в регионе уже существуют точки роста, которые могут быть расширены. Поддержка предприятий, внедряющих современные технологии, может способствовать повышению производительности труда и конкурентоспособности региональной продукции.

Третьим направлением является развитие инвестиционной инфраструктуры. Для привлечения новых проектов необходимо не только предоставлять финансовую поддержку, но и обеспечивать инвесторов готовыми площадками, инженерной и транспортной инфраструктурой.

Четвёртым направлением является решение кадровой проблемы. Для устойчивого развития региона важно согласовывать подготовку специалистов с потребностями предприятий и перспективными направлениями экономики. Особое значение имеет подготовка специалистов в области информационных технологий, инженерии, промышленного производства, транспорта и других сфер, связанных с технологическим развитием.

Наконец, отдельным направлением может стать дальнейшее развитие транспортно-логистического потенциала области. Выгодное положение Новосибирска создаёт возможности для развития межрегиональных и внешнеэкономических связей. При этом развитие логистики должно сопровождаться модернизацией складской, транспортной и цифровой инфраструктуры.

Следовательно, устойчивый рост Новосибирской области может быть основан не на развитии одного отдельного сектора, а на сочетании нескольких направлений. Научно-

технологический потенциал может обеспечивать развитие инноваций, промышленность — производство, транспортная инфраструктура — движение товаров и связей с другими территориями, а образовательная система — подготовку необходимых кадров. Взаимодействие этих элементов способно сформировать более устойчивую региональную экономическую систему.

Из всего выше сказанного можно сделать вывод о том, что Новосибирская область обладает значительным потенциалом для экономического развития благодаря выгодному транспортно-географическому положению, развитой промышленности, крупному научно-образовательному комплексу, инновационной инфраструктуре и инвестиционному потенциалу.

Современные тенденции создают для региона одновременно вызовы и возможности. Цифровизация повышает требования к технологиям и кадрам, но открывает новые направления бизнеса. Изменение инвестиционных условий усложняет реализацию проектов, но усиливает роль региональных властей в создании инфраструктуры и улучшении условий для инвесторов. Развитие технологических отраслей требует ресурсов, но позволяет задействовать научно-образовательный потенциал области.

SWOT-анализ показывает, что основой устойчивого роста может стать сочетание существующих преимуществ с современными направлениями развития. Приоритетами должны стать технологическая модернизация промышленности, развитие научно-производственной кооперации, поддержка инвестиционных проектов, подготовка кадров и развитие транспортно-логистической инфраструктуры.

В результате использование научно-технологического, промышленного, кадрового и транспортного потенциала в сочетании с современными экономическими тенденциями может создать условия для устойчивого роста Новосибирской области и укрепления её роли как одного из значимых экономических и научно-технологических центров Сибири.

Список литературы

1. Гулин Константин Анатольевич, Мазилов Евгений Александрович, Кузьмин Илья Владимирович, Алферьев Дмитрий Александрович, Ермолов Александр Петрович Научно-технологический потенциал территорий и его сравнительная оценка // Проблемы развития территории. 2017. №1 (87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-tehnologicheskiy-potentsial-territoriy-i-ego-sravnitelnaya-otsenka (дата обращения: 22.09.2026).

2. Ждан Г. В. Механизмы и инструменты реализации инвестиционной политики на субфедеральном уровне: предложения по совершенствованию // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2013. №17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-i-instrumenty-realizatsii-investitsionnoy-politiki-na-subfederalnom-urovne-predlozheniya-po-sovershenstvovaniyu (дата обращения: 22.09.2026).

3. Ильющенко Анастасия Вячеславовна Оценка инвестиционного потенциала регионов Сибирского Федерального округа // Бизнес-образование в экономике знаний. 2017. №2 (7). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-investitsionnogo-potentsiala-regionov-sibirskogo-federalnogo-okruga-1 (дата обращения: 22.09.2026).

4. Битков А. С. Предложения по повышению эффективности работы и развития промышленности Новосибирской области // Скиф. 2020. №3 (43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predlozheniya-po-povysheniyu-effektivnosti-raboty-i-razvitiya-promyshlennosti-novosibirskoy-oblasti (дата обращения: 22.09.2026).

5. Новосибирская область: инвестиционный паспорт и показатели промышленного развития. 2026. URL: https://www.novosibirsk.ru/upload/iblock/187/74yd0ivuvkgzrqpyav7troleb4pj4leh/ITOGOVYY-invest-pasport-2026-opublikovannyy.pdf (дата обращения: 22.09.2026).

6. Постановление Законодательного Собрания Новосибирской области от 25.06.2026 № 124. URL: https://novosibirsk-pravo.ru/postanovlenie/2026/06/25/n-124/ (дата обращения: 22.09.2026).

7. Границы территорий опережающего развития Новосибирской области «Линево» и «Горный» включены в ЕГРН // Официальный сайт города Новосибирска. 2025. URL: https://novo-sibirsk.ru/news/416692/ (дата обращения: 22.09.2026).

8. Постановление Правительства Новосибирской области от 19.03.2019 № 105-п «О Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2030 года». URL: https://base.garant.ru/47542312/ (дата обращения: 22.09.2026).

УДК 338.46

ДРАЙВЕРЫ РОСТА И БАРЬЕРЫ НА ГЛОБАЛЬНОМ РЫНКЕ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ

Градинарова Арина Александровна,
д.э.н., доцент, профессор кафедры туризма
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
(283050, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк,
г. Донецк, улица Щорса, дом 31. E-mail: 555arina@mail.ru)
Корниенко Светлана Владимировна,
соискатель кафедры туризма
ФГБОУ ВО ««Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
(283050, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк,
г. Донецк, улица Щорса, дом 31. E-mail: svetko.1981@mail.ru)

Аннотация. В статье проанализированы драйверы роста и барьеры на мировом рынке юридических услуг. Выявлены ключевые факторы динамики: регуляторное усложнение, глобализация, технологическая трансформация (LegalTech, ИИ), рост судебной активности и развитие новых секторов экономики. Систематизированы шесть барьеров цифровой трансформации юридических предприятий, включая консервативность профессионального мышления, отсутствие стандартизированных процессов и фрагментированность локальных рынков. Проведен сравнительный анализ мировых рынков, выявлены общие тенденции и национальные особенности. Установлено, что российский рынок переживает структурную перестройку под влиянием санкционного давления. Определены такие перспективные направления для России как адаптация к новым геополитическим реалиям, развитие специализированных практик и цифровизация внутреннего рынка

Ключевые слова: рынок юридических услуг, драйверы роста, цифровая трансформация, LegalTech, искусственный интеллект, бизнес-процесс.

DRIVERS OF GROWTH AND BARRIERS IN THE GLOBAL MARKET OF LEGAL SERVICES: PROSPECTS FOR RUSSIA

Arina Aleksandrovna Gradinarova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Professor at the Department of Tourism
FSBEI HE “Donetsk National University of Economics and Trade named after Mykhailo Tugan-Baranovsky” (283050, Donetsk People’s Republic, Donetsk, Shchorsa Street, 31. E-mail: 555arina@mail.ru)
Kornienko Svetlana Vladimirovna,
Applicant at the Department of Tourism
FSBEI HE “Donetsk National University of Economics and Trade named after Mykhailo Tugan-Baranovsky” (283050, Donetsk People’s Republic, Donetsk, Shchorsa Street, 31. E-mail: svetko.1981@mail.ru)

Annotation. The article analyzes the growth drivers and barriers in the global legal services market. The key factors driving this dynamics are identified: regulatory complexity, globalization, technological transformation (LegalTech, AI), the growth of judicial activity, and the development of new economic sectors. Six barriers to the digital transformation of law firms are systematized, including the conservatism of professional thinking, the lack of standardized processes, and the fragmentation of local markets. A comparative analysis of global markets is conducted, and common trends and national characteristics are identified. It has been established that the Russian market is undergoing structural restructuring under the influence of sanctions pressure. Promising areas for Russia have been identified: adaptation to new geopolitical realities, development of specialized practices, and digitalization of the domestic market.

Keywords: legal services market, growth drivers, digital transformation, LegalTech, artificial intelligence, business process.

Глобальный рынок юридических услуг представляет собой крупный и устойчиво растущий сектор мировой экономики, объем которого, по оценкам экспертов, в 2023 г. составлял порядка 900 млрд долл., а к 2027 г. может превысить 1,1 трлн долл. IBISWorld оценивает среднегодовой темп роста (CAGR) отрасли на период 2023–2028 гг. на уровне 5,2 %, что выше средних темпов роста мировой экономики [1]. Мировой рынок юридических услуг уверенно растет как в абсолютном выражении, так и относительно ВВП развитых стран, что подтверждает устойчивый спрос на правовое сопровождение экономической деятельности.

Аналитические отчеты выделяют несколько основных факторов, определяющих динамику глобального рынка юридических услуг:

1. Усиление требований в сферах налогового администрирования, противодействия отмыванию доходов, защиты персональных данных (GDPR в Европе, CCPA в США, 152-ФЗ в России), экологического регулирования и ESG-стандартов стимулирует спрос на специализированное консультирование. На фоне ужесточения надзорных требований во всем мире растет спрос на экспертные стратегические рекомендации.
2. Рост числа международных сделок, совместных предприятий и инвестиционных проектов требует правового сопровождения в юрисдикциях разных стран. Юридические услуги все чаще требуются в высокоспециализированных сегментах: слияния и поглощения (M&A), наследование активов, защита интеллектуальной собственности, налоговое структурирование и сопровождение экономических преступлений.
3. Внедрение искусственного интеллекта, машинного обучения и автоматизации в юридические процессы (LegalTech) меняет структуру издержек и создает новые сегменты рынка (платформы онлайн-консультаций, автоматизированные сервисы Due Diligence). Интеграция ИИ, машинного обучения и автоматизации повышает эффективность и снижает издержки, а цифровые платформы расширяют возможности удаленного консультирования и управления документами. Согласно оценкам, к 2030 году до 30-40 % рутинных задач, выполняемых младшими юристами могут быть автоматизированы.
4. Увеличение объемов судебных разбирательств, включая международный арбитраж, стимулирует спрос на услуги судебного представительства.
5. Зеленая энергетика, цифровые активы, кибербезопасность, биотехнологии создают потребность в специализированной юридической экспертизе, ранее не существовавшей. Крупные игроки наращивают глобальное присутствие через партнерства и M&A, осваивая кибербезопасность, защиту персональных данных, ESG-комплаенс и цифровые активы.

Экономический рост Китая и Индии, которые остаются главными локомотивами регионального спроса, как за счет роста внутреннего рынка, так и за счет экспансии национальных корпораций. Развитие финансовых центров (Сингапур, Шанхай, Гонконг, Мумбаи) привлекает транснациональные корпорации, создавая спрос на услуги международного уровня.

Несмотря на значительный потенциал, трансформация бизнес-процессов на рынке юридических услуг сталкивается с рядом фундаментальных проблем. Как показали исследо-

вания [2], юридические компании заметно отстают от других игроков рынка интеллектуальных деловых услуг по уровню внедрения технологических инноваций. В результате количественного анализа 258 юридических фирм и серии интервью с 28 участниками рынка было выявлено шесть ключевых барьеров:

- индивидуальный характер профессиональной деятельности;
- отсутствие достаточной технологической компетенции у практикующих юристов;
- консервативность профессионального мышления, препятствующая принятию технологических изменений;
- фрагментированность локальных рынков, не позволяющая достичь экономии на масштабе;
- отсутствие стандартизированных процессов, что затрудняет автоматизацию и внедрение технологических решений;
- глобальный, преимущественно англоязычный контекст развития LegalTech, неадаптированный к национальным правовым системам.

Кроме того, существуют барьеры, связанные с самой природой юридической услуги. Специфика юридической услуги как экономического продукта определяется высокой степенью неопределенности и неоднородности. Это обусловливает необходимость выстраивания особых отношений доверия и накладывает ограничения на стандартизацию и формализацию процесса оказания услуг [3, с. 235]. Право как социокультурный феномен не может быть измерено исключительно утилитарными категориями стоимости и распределения риска, поскольку его назначение состоит в обеспечении баланса множества разнонаправленных интересов участников общественных отношений, включая публичные интересы и интересы слабой стороны [4, с. 103; 4, с. 289].

Сравнительный анализ рынков юридических услуг в США, Китае и России выявляет общие для всех трех стран тенденции: рост числа юристов, поляризация доходов, коммерциализация профессии, влияние технологий. Однако национальные контексты придают этим тенденциям уникальные черты. США представляют собой зрелый, высококонкурентный рынок с доминированием крупных фирм, либеральным регулированием и эталонной ролью в глобальной юридической профессии. Китай демонстрирует ускоренную модернизацию при активной поддержке государства, превращающего корпоративных юристов в инструмент экономической и геополитической экспансии. Россия находится в состоянии посткризисной трансформации, изолируясь от глобальных рынков и переориентируясь на внутренние задачи при сохраняющейся высокой роли государства.

Российский рынок юридических услуг пережил трансформацию, не имеющую аналогов в отечественной истории. Если в советский период профессия юриста была преимущественно государственно-бюрократической и немногочисленной, то к 2025 г. Россия столкнулась с феноменом, который западные исследователи фиксировали на 20 лет раньше: взрывной рост числа юристов на фоне высокой волатильности доходов, поляризации сегментов рынка и активной экспансии цифровых игроков [6].

По данным Министерства юстиции и Росстата, количество дипломированных юристов в стране превысило 1,5 млн. чел., при этом численность практикующих адвокатов и корпоративных юристов составляет около 700000. Для сравнения, в 1990 г. общее число юристов в РСФСР не превышало 80000. Рост происходил на фоне демографического спада, что делает ситуацию уникальной: количество студентов на юридических факультетах в 2000-е гг. росло в 3-4 раза быстрее, чем общая численность населения. В период с 1995 по 2015 гг число выпускников-юристов увеличилось почти в 6 раз, тогда как население страны сократилось примерно на 5 % [7, с. 55].

Этот разрыв стал результатом сразу нескольких факторов: образовательная политика (открытие сотен государственных и негосударственных юридических вузов и факультетов без учета реальных потребностей рынка труда); социальный статус (профессия юриста воспринималась как престижная, высокооплачиваемая и защищенная, что привлекало абитуриентов); ограниченность альтернатив (на фоне слабого развития высокотехнологичных отрас-

лей и производств юридическое образование стало массовым для гуманитариев).

По оценкам экспертов, объем российского рынка юридических услуг (включая внутренний и аудиторско-консалтинговый сегменты) в 2024 г. достиг 450 млрд руб., что составляет около 0,4 % ВВП (рис. 1).

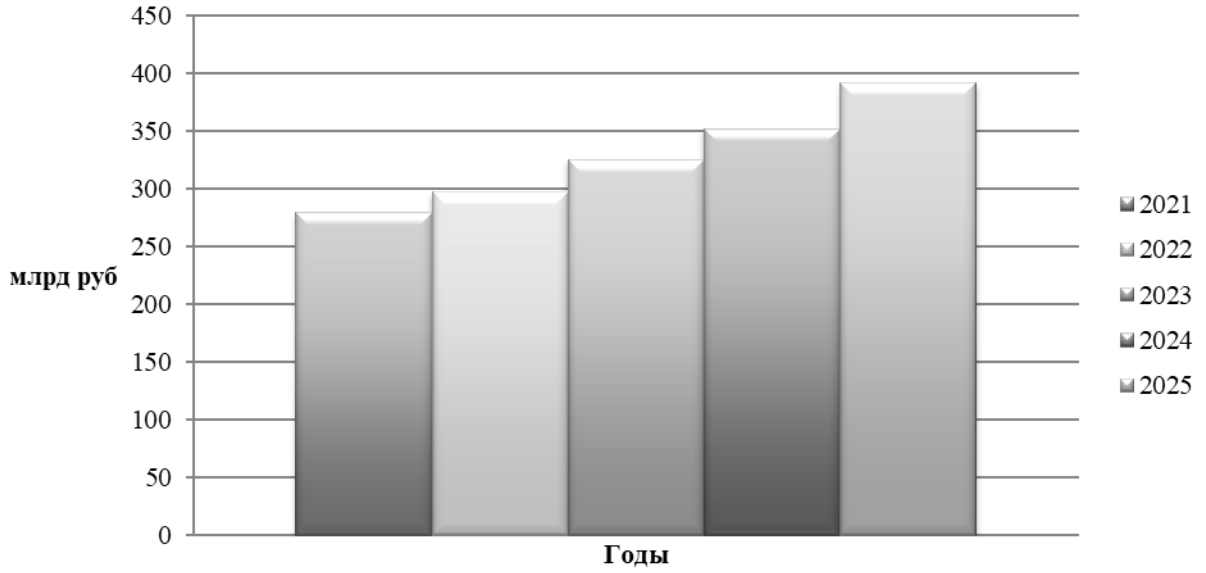

Рисунок 1 – Оборот рынка юридических услуг в России в 2021-2025 гг.
Источник: составлено по данным аналитической компании BusinesStat [6]

Как видно из данных рис. 1, за период 2021–2025 гг. оборот российского рынка юридических услуг вырос на 41% (с 279 до 392 млрд руб. Перспективные направления для России связаны с адаптацией к новым геополитическим реалиям, развитием специализированных практик и цифровизацией внутреннего рынка. Ключевые вызовы: избыток низкоквалифицированных юристов, дефицит специалистов в сложных нишах (санкционное право, международный арбитраж), технологическое отставание, сокращение глобальной практики и усиление государственного контроля.

В современных условиях спрос на юридические услуги демонстрирует устойчивую положительную динамику. В научной литературе выделяются следующие ключевые причины роста спроса: во-первых, при трансформации структуры доходов (расходов) у юридических и физических лиц возникает необходимость облегчить выполнение рутинных задач, что стимулирует расширение спектра юридических услуг, позволяющих делегировать часть направлений деятельности профессиональным субъектам рынка; во-вторых, в современных динамичных условиях жизни нехватка свободного времени у населения вынуждает обращаться к специалистам в той или иной отрасли; в-третьих, в связи с развитием технологий и цифровизацией всего спектра социально-экономических отношений возникает необходимость в квалифицированных специалистах, профессионализм которых соответствует реальным потребностям рынка; в-четвертых, предприятия и население нуждаются в различных специализированных юридических услугах, которые помогают бизнесу и гражданам эффективно адаптироваться к изменениям, происходящим в социально-экономической жизни региона и государства; и наконец, руководство предприятий стремится к оптимизации структуры расходов и вместо создания внутренних подразделений для выполнения специализированных задач предпочитает заказывать соответствующие услуги, особенно в сфере юриспруденции.

Таким образом, для России ключевыми драйверами роста остаются внутренний спрос со стороны бизнеса, вынужденного адаптироваться к санкционным ограничениям и новым регуляторным требованиям, а также цифровизация внутреннего рынка. Барьеры связаны с избытком низкоквалифицированных кадров, технологическим отставанием, ограниченным

доступом к глобальным рынкам и высокой ролью государства в регулировании профессии. Преодоление этих барьеров требует разработки системной стратегии развития отрасли, включающей как меры по повышению качества юридического образования и специализации, так и стимулирование внедрения LegalTech-решений и развитие практик работы с «дружественными» юрисдикциями.

Список литературы

1. Размер и доля рынка юридических услуг, анализ роста на период 2025-2034 гг. - URL: https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/legal-services-market (дата обращения 05.08.2026) - Текст: электронный

2. Капранова, Л. Д. Реакция российского бизнеса на санкции в цифрах: путь к росту и развитию в условиях давления / Л. Д. Капранова, Е. Р. Шеховцова // Экономинфо. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 60-68. – EDN KVOWMM.

3. Градинарова, А. А. Модель оптимизации бизнес-процессов в сфере юридических услуг / А. А. Градинарова, С. В. Корниенко // Научный журнал "Государственное управление и право". – 2025. – № 4(8). – С. 234-247. – EDN RZQCPH.

4. Ангелина, И. А. Основные характеристики механизма формирования и использования публичных финансов / А. А. Градинарова, И. А. Ангелина // Финансовые исследования. – 2024. – Т. 25, № 1(82). – С. 101-111. – DOI 10.54220/finis.1991-0525.2024.82.1.008. – EDN XSPOMO.

5. Градинарова, А. Основы развития публичных финансов: теория, методология, практика / А. Градинарова. – Луганск : ИП Орехов, 2024. – 462 с. – ISBN 978-5-605-27426-1. – EDN XOABJV.

6. За 2021-2025 гг. оборот рынка юридических услуг в России вырос на 41%: с 279 до 392 млрд рублей. [Электронный ресурс]. – https://businesstat.ru/news/legal_services/ (дата обращения 05.08.2026) - Текст: электронный

7. Неверов, А.Я. О месте и роли юридического образования в образовательной системе Российской Федерации / А.Я. Неверов // Российская юстиция. – 2024. - № 6. – С. 54-61. - DOI 10.52433/01316761_2024_06_54. – EDN IOVMXS.

УДК 332.1:332.8

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ НЕДВИЖИМОСТЬЮ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Гракова Марина Анатольевна,
к.э.н., доцент, профессор отдела междисциплинарных научных исследований, инноваций и подготовки научно-педагогических кадров
ГБУ «Институт экономических исследований»
(283048, Российская Федерация, Донецкая Народная Республика,
г. Донецк, ул. Университетская, 77. E-mail: marina_grakova@mail.ru)

Аннотация. В статье обоснована необходимость дифференцированного подхода к управлению недвижимостью различного функционального назначения в системе социально-экономического развития региона. Выделены типовые группы недвижимости, различающиеся по содержательным, информационно-аналитическим и управленческим критериям. Предложена концептуальная матрица дифференцированного управления, устанавливающая взаимосвязь между функциональным назначением объектов, их ролью в развитии региона, системой показателей, результатами диагностики, приоритетами и инструментами управленческого воздействия.

Определена последовательность трансформации исходной информации об объектах недвижимости в аналитические данные, используемые для обоснования управленческих ре-

шений. Матрица рассматривается как начальный элемент формирования информационно-аналитического инструментария управления недвижимостью региона. Обозначены направления дальнейшего развития инструментария, предусматривающие формирование системы индикаторов, разработку методики интегральной оценки и алгоритма выбора управленческих решений.

Ключевые слова: управление недвижимостью, функциональное назначение, регион, дифференцированный подход, информационно-аналитический инструментарий, матрица управления, управленческие решения, социально-экономическое развитие.

A DIFFERENTIATED APPROACH TO REAL ESTATE MANAGEMENT AS AN ELEMENT OF INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT FOR THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Marina Grakova ,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Interdisciplinary Scientific Research, Innovation, and Training of Scientific and Pedagogical Personnel
State Budgetary Institution “Institute of Economic Research”
(283048, Russian Federation, Donetsk People's Republic, Donetsk, Universitetskaya St., 77.
E-mail: marina_grakova@mail.ru)

Annotation. The article substantiates the need for a differentiated approach to managing real estate of various functional purposes within the system of socio-economic development of the region. Typical groups of real estate are identified, differing in terms of substantive, information-analytical and management criteria. A conceptual matrix of differentiated management is proposed, establishing the relationship between the functional purpose of objects, their role in the region’s development, the system of indicators, the results of diagnostics, priorities and tools of managerial influence. The sequence for transforming initial information about real estate objects into analytical data used to substantiate management decisions has been defined. The matrix is considered to be the initial element in the formation of an information and analytical toolkit for managing real estate in the region. The directions for further development of the toolkit are outlined, including the creation of a system of indicators, the development of a methodology for integral assessment, and an algorithm for selecting management decisions.

Keywords: real estate management, functional purpose, region, differentiated approach, information and analytical toolkit, management matrix, management decisions, socio-economic development.

Одним из важнейших элементов региона как территориальной социально-экономической системы является недвижимость. Высокий уровень значимости определяется непосредственным участием недвижимости как ресурса при реализации широкого спектра функций региона: от экономических и производственных, до социальных и инфраструктурных.

Экономическая литература традиционно рассматривает недвижимость с точки зрения физического объекта, экономического актива, объекта правовых отношений и управления. Однако с точки зрения региональной экономики, недвижимость имеет более широкое содержание, чем обеспечение эффективности отдельного объекта. Пространственное размещение, техническое состояние, функциональное использование, а также степень вовлечения объектов недвижимости в хозяйственный оборот оказывают непосредственное влияние на развитие производственно-экономического потенциала региона, инвестиционную и предпринимательскую активность, и в дальнейшем влияют на качество региональной и городской среды, уровень жизни населения через занятость и обеспеченность социальными услугами.

В этой связи особое значение приобретает определение функционального назначения объектов недвижимости, а также формирование предпосылок управления отдельными груп-

пами таких объектов, поскольку цели управления каждой группы отличаются по содержательным, аналитико-управленческим и информационным критериям. Это позволяет говорить о необходимости различия в методах и методиках оценки состояния отдельных функциональных групп недвижимости, показателях эффективности использования, приоритетах развития, а также применяемых управленческих инструментах. Данная предпосылка объективирует необходимость перехода от унифицированного к дифференцированному подходу рассмотрения недвижимости, ориентированному на функциональное назначение как ключевой признак формирования системы управления. Такой подход приобретает дополнительное значение в рамках информационно-аналитического обеспечения регионального управления, когда управленческое решение основывается не только на наличии информации об объектах недвижимости, но и обеспечивает ее систематизацию, выявление проблем, интерпретацию их влияния на региональную экономическую систему, а также определение объективно-необходимых инструментов воздействия.

В этой связи, *целью данного исследования* является обоснование целесообразности дифференцированного подхода к управлению недвижимостью различного функционального назначения, а также формирование матрицы, связывающей функциональный тип недвижимости с ролью в социально-экономическом развитии региона через призму показателей состояния, основных проблем, приоритетов и инструментов управления.

Исследование научных трудов показывает, что недвижимость рассматривается современными исследователями не только как самостоятельный экономический актив, но и как значимый элемент социально-экономического и пространственного развития территории. В исследовании С. Н. Максимова [1] раскрываются экономическая природа недвижимости и ее роль в комплексном развитии территорий; исследования Т. С. Коростелевой и В. Е. Целина [2] обосновывают необходимость применения информационно-аналитических методов при исследовании региональных рынков жилья; А. О. Муравьева [3] и В. В. Хубулова [4] показывают влияние инфраструктурного и социального обеспечения на инвестиционную привлекательность и социально-экономическое развитие региона. Зарубежные исследования B. Derudder, D. Bailey [5], O. Crevoisier и соавторов [6] расширяют данную позицию, рассматривая недвижимость во взаимосвязи с территориальными экономическими процессами и как фактор развития городов и регионов. Совокупность представленных подходов формирует теоретическую основу для предлагаемого в исследовании дифференцированного подхода, предполагающего учет различной роли жилой, промышленной, коммерческой, социальной и инфраструктурной недвижимости при формировании информационно-аналитического инструментария регионального управления.

В обобщенном виде недвижимость региона – это неоднородная совокупность объектов, выполняющих различные социально-экономические функции в территориальной системе. В рамках данного исследования целесообразно выделить пять укрупненных групп недвижимости: жилая, промышленная, коммерческая, социальная и инфраструктурная. Данная группировка имеет преимущественное управленческое назначение, поскольку в связи с однородностью выполняемых функций существуют различия в целях и задачах методах и инструментах управления, и соответственно, информационной базе, необходимой для обоснования решений (таблица 1).

Таблица 1

Характеристика недвижимости функционального назначения в контексте регионального развития

Функциональный тип недвижимости	Информация, актуальная для регионального развития
Жилая недвижимость	Обеспеченность населения жильем; доступность и качество жилья; состояние жилищного фонда; соответствие размещения объектов жилой недвижимости потребностям населения
Промышленная недвижимость	Степень использования производственных площадей; техническое стояние объектов; обеспеченность инженерной и транспортной ин-

Функциональный тип недвижимости	Информация, актуальная для регионального развития
	фраструктурой; возможности модернизации и/или перепрофилирования; инвестиционная привлекательность; потенциал вовлечения неиспользуемых объектов в хозяйственный оборот
Коммерческая недвижимость	Обеспечение предпринимательской активности; эффективность использования площадей; территориальная дифференциация и обеспеченность объектами; способность генерировать экономический результат
Социальная недвижимость	Территориальная доступность социально-значимых услуг; обеспеченность населения объектами образования, здравоохранения, культуры, спорта, иных социальных функций; техническое состояние объектов; соответствие мощности объектов потребностям территории
Инфраструктурная недвижимость	Обеспеченность территории объектами; использование проектной мощности; территориальная доступность объектов; уровень обеспеченности территории инфраструктурой

Таким образом, применение единой системы показателей и критериев эффективности для всех функциональных групп недвижимости объективно приведет к искажению результатов. Эффективность управления должна рассматриваться сквозь призму функций, которые реализует группа в региональной социально-экономической среде. В этой связи, для систематизации взаимосвязей функционального назначения недвижимости, выполняемой роли, информационных показателей и возможных управленческих решений предлагается матрица дифференцированного управления (таблица 2).

Таблица 2

Матрица дифференцированного управления недвижимостью в региональной социально-экономической системе

Критерий	Тип недвижимости				
	жилая	промышленная	коммерческая	социальная	инфраструктурная
Роль в региональном развитии	Формирование условий проживания и воспроизводства	Формирование пространственной базы производства	Формирование базы бизнес-активности	Формирование у населения полного перечня социальных услуг	Бесперебойное функционирование региональной социально-экономической системы
Важнейшие показатели	Обеспеченность жильем; ввод, износ и качество жилья; доступность	Загрузка площадей; техническое состояние; инфраструктурная обеспеченность	Обеспеченность площадями; загрузка площадей; доходность; территориальная дифференциация	Обеспеченность; доступность; мощность объектов; территориальная доступность	Мощность; износ; доступность; пропускная способность; обеспеченность
Основные проблемы	Территориальные диспропорции; дефицит; износ	Недоиспользование; износ; инфраструктурные ограничения	Диспропорции размещения; низкая загрузка отдельных объектов	Недостаточная доступность; износ; несоответствие потребностям	Техническое состояние; дефицит мощности; инфраструктурные ограничения
Приоритет управления	Рост доступности и качества	Вовлечение в оборот; модернизация	Рост эффективности использования	Рост доступности и качества объектов инфраструктуры	Модернизация; развитие
Инструменты управления	Государственные программы; инфраструктур-	Инвестиционные, инфраструктурные,	Инвестиционные, инфраструктурные,	Бюджетные инвестиции; государствен-	Государственные инвестиции; инфраструктур-

Критерий	Тип недвижимости				
	жилая	промышленная	коммерческая	социальная	инфраструктурная
	ные проекты	организационные механизмы; перепрофилирование	организационные механизмы	ные программы; ГЧП	ные проекты; ГЧП
Ожидаемый эффект	Улучшение условий проживания и качества среды	Рост производственной и инвестиционной активности	Развитие деловой активности	Рост качества жизни населения	Повышение инвестиционной привлекательности и связанности территории

Предложенная матрица не должна рассматриваться как классификационная таблица, ее назначение – структурирование информации таким образом, чтобы обеспечить переход от описания объекта недвижимости к формированию эффективного управленческого решения. Логика применения матрицы состоит в последовательном выполнении взаимосвязанных действий: формирование исходной информации об объекте недвижимости (их совокупности) – использование системы показателей – оценка состояния объекта (совокупности объектов) – идентификация проблематики – определение приоритетного направления управленческого воздействия – выбор действенного инструмента воздействия – оценка ожидаемого социально-экономического эффекта. Таким образом, предлагаемая матрица базируется на последовательной трансформации исходных данных об объектах недвижимости в информацию, пригодную для принятия управленческих решений. В отличие от традиционного описательного подхода функциональное назначение недвижимости определяет не только состав показателей для анализа, но и критерии интерпретации, характер выявляемой проблемы и выбор управленческого решения (рисунок 1).

Наличие аналитических взаимосвязей между информацией и принимаемым управленческим решением позволяет идентифицировать матрицу как первоначальный элемент информационно-аналитического инструментария: матрица выполняет функции первичного накопления информации, ее систематизации и типологизации. Таким образом, предлагаемая матрица формирует базис единой логики анализа недвижимости региона при сохранении специфики отдельных функциональных типов объектов.

Перспектива дальнейших исследований в рамках предложенного в работе подхода видится в переходе от концептуальной матрицы к созданию формализованного информационно-аналитического инструментария поддержки управленческих решений в сфере недвижимости. Исходной точкой может стать формирование системы количественных и качественных показателей (индикаторов) для каждого функционального типа недвижимости при определении источников данных, единиц измерения, нормативных или целевых значений. Далее возможна разработка методических подходов к нормированию и интегральной оценке в сегменте, что позволит проводить пространственно-объектный анализ, выявлять проблемные элементы и формировать рейтинги приоритетности управленческих решений. В дальнейшем возможно формирование типового перечня управленческих ситуаций с формированием рекомендуемого набора мер воздействия (сохранение текущего режима эксплуатации; модернизация; перепрофилирование; вовлечение в хозяйственный оборот; инфраструктурная поддержка и др.). Таким образом, предлагаемая в работе матрица может стать основой цифрового информационно-аналитического модуля, объединяющего информацию об объектах недвижимости, их текущем состоянии, аналитических оценках и наборе рекомендуемых управленческих воздействий.

Рисунок 1 – Архитектура инструментария дифференцированного управления недвижимостью в региональной социально-экономической системе

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о целесообразности дифференцированного подхода к управлению недвижимостью в рамках региональной социально-экономической системы, поскольку это позволит обеспечить ускоренный структурированный переход от разрозненной информации о состоянии отдельных объектов недвижимости/их групп к выбору направлений управленческого воздействия. Перспектива дальнейших исследований видится в формализации системы показателей, разработке подходов к их агрегированию, формирование алгоритма выбора управленческих решений в сфере недвижимости и апробация инструментария на отдельных сегментах недвижимости в рамках различных региональных социально-экономических систем.

Список литературы

1. Максимов, С. Н. Комплексное развитие территорий и его «болевые точки» / С. Н. Максимов // Недвижимость: экономика, управление. – 2023. – № 1. – С. 54-58. – DOI 10.22337/2073-8412-2023-1-54-58.

2. Коростелева, Т. С. Региональные рынки жилья в Российской Федерации: вопросы моделирования рейтинговых оценок, прогноз, управление / Т. С. Коростелева, В. Е. Целин // Жилищные стратегии. – 2021. – Т. 8, № 3. – С. 257-282. – DOI 10.18334/zhs.8.3.113156.

3. Муравьева, А. О. Инструменты и методы повышения инвестиционной привлекательности региона на основе его инфраструктурного развития / А. О. Муравьева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 5. – DOI 10.24412/2220-2404-2024-5-20.

4. Хубулова, В. В. Социальная инфраструктура как фактор социально-экономического развития региона / В. В. Хубулова // Вестник экспертного совета. – 2018. – № 1-2 (12-13).

5. Derudder, B. Real estate and regional studies / B. Derudder, D. Bailey // Regional Studies.

– 2021. – Vol. 55, № 4. – P. 571-574. – DOI 10.1080/00343404.2021.1889189.

6. Crevoisier, O. The role of real estate in the development of cities and regions: Territorial real estate and economic systems / O. Crevoisier, T. Theurillat, M. Rota, A. Segessemann, A. Merckhoffer // Progress in Economic Geography. – 2025. – Vol. 3, № 1. – Art. 100040. – DOI 10.1016/j.peg.2025.100040.

УДК 338.46

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РФ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Гребеникова Полина Сергеевна,
студент, Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ
(350010,Российская Федерация г. Краснодар, зиповская ул., 5
e-mail:shapovalpol@yandex.ru)
Строцкая Татьяна Владимировна,
Студент, Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ
(350010,Российская Федерация г. Краснодар, зиповская ул., 5
e-mail:t.strotskaya@mail.ru)
Научный руководитель -
Белухин Валерий Викторович,
к.э.н., доцент, Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ
(350010,Российская Федерация г. Краснодар, зиповская ул., 5
e-mail:alenbi@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается влияние санкций на инвестиционную политику. В статье дается характеристика понятия «инвестиционной политики». Отмечается, что трактовки данного понятия у зарубежных и российских авторов отличаются. В статье подробно освещаются динамика инвестиций в основной капитал. В заключение кратко выделяются основных направлениях инвестиционной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная политика, инвестиционная активность, инвестиции в основной капитал, инвестиции в период пандемии

MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION'S INVESTMENT POLICY UNDER SANCTIONS

Grebenikova Polina Sergeevna, student
Academy of Marketing and Social Information Technologies – IMSIT (350010, Russian Federation, Krasnodar, Zipovskaya Street, 5
e-mail: shapovalpol@yandex.ru)
Strotskaya Tatyana Vladimirovna, student
Academy of Marketing and Social Information Technologies – IMSIT (350010, Russian Federation, Krasnodar, Zipovskaya Street, 5; e-mail: t.strotskaya@mail.ru)
Scientific supervisor –
Belukhin Valery Viktorovich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor. Academy of Marketing and Social Information Technologies – IMSIT (350010, Russian Federation, Krasnodar, Zipovskaya Street, 5; e-mail: alenbi@yandex.ru)

Annotation. The article examines the impact of the pandemic and sanctions on investment policy. The article provides a characterization of the concept of "investment policy." It is noted that interpretations of this concept differ among foreign and Russian authors. The article provides a detailed overview of the dynamics of investment in fixed capital. In conclusion, the main directions

of the investment policy of the Russian Federation are briefly highlighted.

Keywords: investments, investment policy, investment activity, investment in fixed capital, investments during the pandemic.

Современное состояние экономики Российской Федерации характеризуется высокой степенью турбулентности и пребыванием в фазе трансформации. Ключевыми детерминантами данной ситуации выступает санкционное давление со стороны ряда европейских государств и США. Эти факторы оказывают существенное влияние на инвестиционную политику государства в текущих реалиях. В связи с этим, возникает закономерный вопрос о методологии проведения инвестиционной политики в условиях неблагоприятной внешней среды.

Данное обстоятельство также обусловливает необходимость обращения к анализу феномена "инвестиционной политики" и его специфических черт в российской практике. Следовательно, представляется целесообразным последовательное рассмотрение концепции инвестиций и инвестиционной политики, изучение динамики инвестиционной активности в России, а также мер, реализуемых государством в сложившихся условиях.

В рамках определения термина "инвестиционная политика" инвестиции рассматриваются как основной источник ресурсного обеспечения. Полноценная характеристика сущности и содержания инвестиционной политики невозможна без детального анализа таких фундаментальных понятий, как "инвестиции" и "инвестиционная политика".

Исследование отечественной и зарубежной экономической литературы выявило, что концепция "инвестиций" была предметом изучения таких авторов, как А. Тюрго, К. Маркс, Дж. Кейнс, Л.И. Юзвович, М.С. Марамыгин, Е.Г. Князева, М.И. Львова, Ю.В. Куваева, М.В. Чудиновских и др [1]. На основе обобщения представленных материалов, инвестиции могут быть определены как вложение капитала в различных его формах в экономическую деятельность с целью получения в будущем ожидаемого полезного эффекта. Поэтому представляется логичным последовательно рассмотреть понятие «инвестиции» и особенности механизма формирования инвестиционной политики, а также меры государства по совершенствованию инвестиционной деятельности.

Теоретические подходы к трактовке инвестиций, несмотря на их разнообразие, способствуют формированию наиболее точного представления об этом экономическом явлении охарактеризовать данное понятие наиболее точно. Исходя из данных определений можно выделить основные признаки инвестиций (рисунок 1).

В экономической науке нет единого определения инвестиционной политики. Российские ученые, включая П.Л. Виленского [2], трактуют ее как стратегию, направленную на наращивание рыночного потенциала. Иной взгляд предлагают зарубежные авторы, такие как Б.А. Райзберг [3], рассматривающий инвестиционную политику через призму интересов инвесторов, ставя во главу угла получение максимальной прибыли.

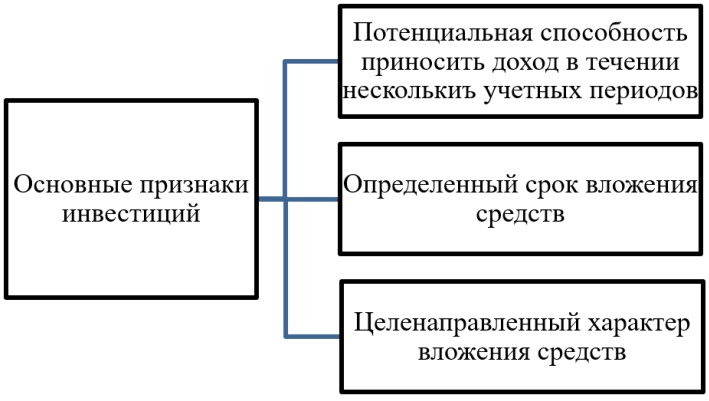

Рисунок 1 – Основные признаки инвестиций [1]

На государственную инвестиционную политику в России оказывают влияние следующие факторы:

1. Макроэкономические условия. Стабильность экономики, уровень инфляции, динамика ВВП, курс национальной валюты, ключевая ставка Центрального банка. Например, высокая инфляция усложняет долгосрочное планирование инвестиций.

2. Внешнеэкономические и геополитические условия. Санкционные режимы, ограничения на доступ к технологиям и финансовым ресурсам, ситуация на мировых рынках (например, цены на сырьё), торговые дисбалансы. Всё это формирует риски для инвесторов и влияет на выбор направлений для государственной поддержки.

3. Отраслевые особенности. Привлекательность той или иной сферы для инвестиций. В России часто отмечают низкую инвестиционную привлекательность сельского хозяйства, промышленного строительства и социальной сферы из-за высоких издержек, дотационности, наличия монополий. В то же время государство активно стимулирует вложения в высокотехнологичные отрасли, импортозамещение, инфраструктурные проекты.

Меры инвестиционной политики в отношении предприятий ориентированы на создание благоприятного бизнес-климата и снижение неопределённости. Сюда относится стандартизация процедур взаимодействия бизнеса и власти (например, через региональные инвестиционные стандарты), обеспечение прозрачности правил игры, защита прав собственности, стабильность законодательства и антимонопольного регулирования. Когда бизнесу понятны и предсказуемы правила, он охотнее идёт на инвестиции.

Реализация данных мер находит своё отражение в динамике и структуре инвестиционных потоков. Так, согласно рисунку 2, можно проследить, как меры по улучшению инвестиционного климата влияют на распределение капитала между частными, государственными и иностранными инвесторами, а также на отраслевую структуру вложений (рисунок 2).

Рисунок 2 – Инвестиции по отраслям

Помимо общего анализа инвестиционного климата, необходимо рассмотреть динамику вложений по отдельным видам экономической деятельности, поскольку санкционное давление оказало асимметричное воздействие на различные секторы экономики [4]. В одних отраслях зафиксированы заметные сокращения, в других — напротив, наблюдается устойчивый рост.

По данным Росстата, в 2023 году инвестиции в основной капитал в России выросли на 9,8% в реальном выражении, а их номинальный объём достиг 34,0 трлн руб. В 2024 году рост продолжился, хотя и замедлился — до 8,4%, при этом в номинальном выражении объём составил около 39,5 трлн руб. Однако в 2025 году впервые за пять лет был зафиксирован спад: инвестиции сократились на 2,3% в реальном выражении [7]. Падение было ожидаемым. Это связывают с завершением цикла ускоренного роста 2023–2024 годов, когда экономику поддерживали государственные расходы, импортозамещение и масштабная модернизация производств. Кроме того, рост в 2023–2024 годах во многом обеспечивался проектами, начатыми в предшествующие периоды.Тем не менее, инвестиции в основной капитал остаются одним из ключевых драйверов экономического роста и формируют примерно пятую часть ВВП страны

Подводя итог, можно отметить, что инвестиционная политика является важнейшей и одновременно уязвимой сферой экономики, требующей гибкого и профессионального подхода. Несмотря на беспрецедентное внешнее давление, Россия смогла адаптировать свою стратегию, переориентировать рынки и выработать новые инструменты управления. Вместе с тем, динамика инвестиций в основной капитал в ряде отраслей остается сдержанной, что свидетельствует о необходимости дальнейшей интенсификации принимаемых мер. Следовательно, государству следует продолжать пересмотр инвестиционной политики, углублять сотрудничество с новыми международными партнерами и создавать максимально благоприятные условия для притока капитала в отечественную экономику.

Список литературы

1. Юзвович Л.И. Инвестиции и инвестиционная деятельность [Текст] / Л.И. Юзвович, М.С. Марамыгин, Е.Г. Князева и др. // 2-е изд. – Екатеринбург: Флинта, 2022. 498 с.

2. Виленский П. Л. Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика. - 5-е изд., перераб. и доп. / П. Л. Виленский, В. Н. Лившиц, С. А. Смоляк. - М. : Поли Принт Сервис, 2015. - 1300 с.

3. Инвестиционная политика: Министерство экономического развития [Электронный ресурс] – URL: http://www.economy.gov.ru/minec/main (дата обращения: 18.08.2023).

4. Методология и инструментарий анализа ресурсного потенциала отраслей национальной экономики: монография/ Климовец О.В., Бондаренко И.А., Герасименко О.А., Глечян Э.Р., Маглинова Т.Г., Бризицкая А.В., Олейников О.В., Шупило О.М., Белухин В.В., Горшунова И.В., Кесян С.В., Костышина Е.Я., Мадатова О.В., Субачев С.Ю., Мусиенко С.А. – Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2026 – 169 с.

5. Горбунова О.А. Привлечение прямых иностранных инвестиций в российскую экономику в условиях действия санкций // Российское предпринимательство. – 2018. №8. – [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/privlechenie-pryamyh inostrannyh-investitsiy-v-rossiyskuyu-ekonomiku-v-usloviyah-deystviya sanktsiy (дата обращения: 30.07.2023).

6. Фролова, А. В. Государственная инвестиционная поддержка реального сектора экономики в условиях санкционных ограничений в Российской Федерации: вызовы и возможности / А. В. Фролова, В. В. Белухин // Молодежь и системная модернизация страны : Сборник научных статей 10-й Международной научной конференции студентов и молодых ученых. В 5-ти томах, Курск, 14–15 мая 2026 года. Том 1. Экономика. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2026. – С. 475-483.

7. Горелова, П. А. Неэкологичное потребление в современной России: детерминанты спроса на "быструю моду" / П. А. Горелова // Актуальные проблемы современной экономики: новые решения в новой реальности : Сборник научных работ молодых исследователей, Санкт-Петербург, 12–13 апреля 2024 года. – Санкт-Петербург: ИП Сергеев, 2024. – С. 301-305.

УДК 336.71:004

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ ТУРКМЕНИСТАНА

Гурбанов Сулейман,
Гокиев Сердаргелди,
Ходжаева Тазегуль,
преподаватели, Туркменский сельскохозяйственный институт
(Туркменистан, г. Дашогуз. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)

Аннотация. Анализируется роль банковского сектора в обеспечении устойчивого экономического развития, инвестиционной активности, кредитовании предпринимательства и совершенствовании денежного обращения. Особое внимание уделяется внедрению цифро-

вых банковских технологий, развитию безналичных расчетов, банковских карт, интернет- и мобильного банкинга, платежных терминалов и QR-платежей. Рассматриваются возможности цифровизации банковских услуг для повышения качества обслуживания клиентов, снижения операционных издержек и расширения доступности финансовых услуг. Отмечается значение совершенствования информационной безопасности, корпоративного управления и системы управления банковскими рисками. Определяются основные направления дальнейшего развития цифровой банковской системы и повышения ее роли в модернизации национальной экономики Туркменистана.

Ключевые слова: банковская система, цифровые технологии, банковские услуги, банковские карты, интернет-банкинг, мобильный банкинг, QR-платежи.

MODERN DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF THE BANKING SYSTEM OF TURKMENISTAN

Gurbanov Suleyman,
Gokiyev Serdargeldi,
Khojayeva Tazegul,
Lecturers, Turkmen Agricultural Institute,
(Dashoguz, Turkmenistan. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)

Annotation. The article analyzes the role of the banking sector in ensuring sustainable economic development, investment activity, business lending, and improving monetary circulation. Special attention is paid to the implementation of digital banking technologies, the development of cashless payments, bank cards, internet and mobile banking, payment terminals, and QR payments. The opportunities of digitalizing banking services to improve customer service quality, reduce operational costs, and expand the accessibility of financial services are considered. The importance of enhancing information security, corporate governance, and the banking risk management system is highlighted. The main directions for further development of the digital banking system and increasing its role in modernizing the national economy of Turkmenistan are identified.

Keywords: banking system, digital technologies, banking services, bank cards, internet banking, mobile banking, QR payments.

В современных условиях устойчивое развитие национальной экономики невозможно без эффективной банковской системы, обеспечивающей движение финансовых ресурсов, кредитование предприятий и населения, проведение платежей и поддержку инвестиционной деятельности. В условиях ускоренной цифровой трансформации роль банковского сектора значительно возрастает, поскольку современные информационные технологии позволяют расширять перечень банковских услуг, ускорять финансовые операции и повышать доступность банковского обслуживания. В Туркменистане последовательно создаются условия для развития предпринимательской и инвестиционной активности. Значительное внимание уделяется совершенствованию банковской инфраструктуры, расширению кредитования, развитию безналичных расчетов и внедрению современных цифровых технологий. Экономические ресурсы страны включают природные, трудовые и производственные ресурсы, эффективное использование которых непосредственно связано с развитием финансовой системы. Банковский сектор обеспечивает перераспределение денежных ресурсов между различными субъектами экономики и тем самым способствует финансированию производства, торговли, предпринимательства и инвестиционных проектов. В результате фундаментальных реформ, происходящих в банковской системе, происходит ее цифровизация системы Интернет и предоставления интернет-услуг в Туркменистане» Министерством торговли и внешнеэкономических связей Туркменистана разработано и внедрено Введены «Правила о дистанционной торговле товарами». Его целью является регулирование бизнеса в сфере интернет-торговли. Положение включает общие правила организации торговли, в том числе продвижения товаров, заключения договоров купли-продажи товаров, правила. Банковская система

играет важную роль в проектном финансировании, программном развитии нашей национальной экономики, сотрудничестве с международными финансовыми институтами, обеспечении стабильного экономического развития. Новые заводы, построенные в последние годы, оснащены современным оборудованием перерабатывающих предприятий постоянно совершенствовать структуру производства отраслей, улучшать качество продукции, увеличивать ее ассортимент, расширять международные связи, это позволяет добиться высоких экономических показателей во внутренней и внешней торговле, на товарно-сырьевых рынках за счет увеличения объемов экспорта. Центральное место в финансовой системе любой страны занимает банковская система. Поэтому динамичное развитие банковской системы является главным условием укрепления экономической системы страны.

«Государственная программа развития банковской системы Туркменистана на 2011-2030 годы», и «Возрождение новой эры стабильного государства: Туркменистан в 2022-2052 в социальном и экономическом плане в соответствии с Национальной программой развития банковская деятельность постоянно увеличивается. Цифровые технологии широко интегрированы в банковскую систему. Цифровизация является важным аспектом развития банковского дела. Потому что цифровизация помогает трансформировать банковскую систему за счет улучшения услуг и расширения их видов. Деятельность в этой сфере в стране направлена на успешную реализацию инвестиционной политики, стимулирование активности бизнес-сектора, обеспечение стабильного экономического развития. Увеличение инвестиционной активности страны направлено на увеличение экономической мощи страны и обеспечение более эффективной и гармоничной интеграции страны в мировое экономическое пространство [1, с. 59].

В кредитных организациях Туркменистана постоянно используются современные цифровые возможности в развитии взаимодействия с клиентами. Кредитные организации адаптируют свой банковский бизнес к меняющимся требованиям времени, используя современные методы комплексного обслуживания клиентов. Среди основных задач внедрения новых технологий в банковский бизнес особое значение имеет совершенствование методов защиты информации. Внедрение этих технологий способствует снижению издержек при различных операциях, совершенствованию методов обслуживания клиентов и усилению роли банковской системы в экономике. Отметив, что задачи, вытекающие из концепции развития цифровой экономики в стране, успешно реализуются, он подчеркивает, что проводимая в этой сфере деятельность имеет большое значение в дальнейшем совершенствовании банковской системы и поручает соответствующим руководителям продолжать мероприятия, проводимые в этом направлении. В целях дальнейшего повышения эффективности денежного обращения в стране банковская система проводит необходимые мероприятия по расширению безналичных расчетов на основе ведущих мировых технологий. В связи с этим банки Туркменистана устанавливают банкоматы и платежные терминалы в крупных торговых центрах и зданиях министерств и ведомств, а также эффективно внедряется практика выплаты заработной платы посредством банковских карт [2, с. 48].

По соответствующей информации, дело обстоит именно так результаты экономического анализа подтверждают это. Важным фактором формирования устойчивой цифровой банковской системы и постепенного перехода системы управления на электронную форму является массовое внедрение банковских карт как основного платежного инструмента в национальной валютной системе. Здесь необходимо отметить работу Акционерного коммерческого банка «Рысгал». Разработанный ими способ оплаты с помощью QR-кодов позволяет владельцам мобильных телефонов оплачивать любые товары и услуги в безналичной форме и с помощью банковских карт. Когда дело доходит до цифровизации, торговая система играет важную роль. В стране осуществляются комплексные меры, направленные на развитие интернет-торговли и повышение конкурентоспособности местных производителей. Как и в других отраслях экономики, в этой системе с учетом внедрения цифровых технологий создается и постоянно совершенствуется эффективная правовая база. В числе задач, включающих общеэкономические принципы устойчивого развития страны, в целях достижения целей

устойчивого развития Туркменистана было определено повышение вклада высоких технологий в развитие экономики. Текущая работа по повышению надежности банковской системы имеет особое значение в государственной стратегии. В связи с этим важными направлениями считаются внедрение технологий цифрового финансирования, повышение эффективности системы управления активами и раннего предупреждения рисков, создание системы корпоративного управления, а также совершенствование бизнес-системы, повышение рентабельности и рентабельности банков. Система корпоративного управления – это система корпоративного управления, в которой участвуют участники корпоративных отношений (акционеры, совет директоров, менеджмент) и распределяет права и обязанности система, которая управляет и контролирует деятельность компании. Насколько нам известно, в стране созданы благоприятные правовые, экономические, финансовые и социальные условия для плавного развития малого и среднего бизнеса, поддержки частных инициатив. Результаты и обсуждение. Это отражается на совершенствовании структуры бизнеса, налоговой системы, экспортно-импортных операций, порядка предоставления земельных участков, упрощении льготного кредитования, упрощении правил оформления кредитов для предпринимателей, таможенных и торговых процедур. Увеличение привлечения инвестиционных средств для модернизации частного сектора экономики страны имеет положительные результаты. Займы – это средства, предоставляемые банками и другими финансово-кредитными учреждениями, уполномоченными кредитовать юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и население с условием возвратности, срока и выплаты процентов. Как показывает опыт, деятельность, связанная с использованием цифровых возможностей в банковской системе зарубежных стран, устанавливается в зависимости от особенностей организации банковского дела их налогово-бюджетных, денежно-кредитных учреждений. Эффективное использование цифровых технологий в банковском бизнесе в кредитных организациях развитых стран мира считается источником устойчивого развития [3, с. 146].

Повышение эффективности и надежности банковских операций, совершенствование расчетно-платежной системы на основе мирового опыта, развитие кредитования производственной системы экономики, стимулирование малых производств, предоставление кредитных ресурсов построение доступа, улучшение качества услуг, крупные финансовые институты. Ведется соответствующая работа по приведению его в соответствие с международными стандартами. Плавное и устойчивое развитие экономики в стране направлено на повышение общей занятости и доходов населения, а также макроэкономическое балансирование стабильности ценообразования. Следует отметить развитие электронной банковской структуры, увеличение объемов безналичных расчетов, увеличение капитала банков, увеличение кредитования среднего и малого бизнеса, внедрение новых видов банковских продуктов [4, с. 48].

Таблица 1

Основные направления цифровизации банковской системы

№	Направление	Основные инструменты	Экономический эффект
1.	Безналичные расчеты	Банковские карты, терминалы	Ускорение платежей
2.	Интернет-банкинг	Онлайн-банковские системы	Дистанционное обслуживание
3.	Мобильный банкинг	Мобильные приложения	Повышение доступности услуг
4.	QR-платежи	QR-коды, мобильные устройства	Упрощение расчетов
5.	Электронные платежи	Платежные платформы	Снижение операционных затрат
6.	Цифровое кредитование	Электронные заявки и сервисы	Ускорение предоставления кредитов
7.	Защита информации	Системы идентификации и защиты данных	Снижение цифровых рис

Например, увеличилось количество безналичных расчетов через системы «Алтын Асыр», «Милли Карт», «Машгала», «Гойюм Банковская Карта» и «Интернет-Банк», «Мо-

бильный-Банк» и «Безналичный Платеж» можно упомянуть. В настоящее время кредитные организации Туркменистана расширяют спектр безналичных расчетов, повышают эффективность денежного обращения, оказывают онлайн-услуги, расширяют спектр системы расчетов посредством банковских карт. В частности, посредством услуг «Интернет-банк» и «Мобильный-банк» клиенты могут совершать платежи из любой точки мира, не посещая банк. Кроме того, в целях предоставления клиентам современных технологий в расчетно-платежной системе в системе розничной торговли и обслуживания клиентам предлагаются международные банковские услуги через Интернет, а оплата осуществляется посредством QR-кода (кода, проверяющего рисунок) в системе розничной торговли и обслуживания. Туркменистан. Товары, приобретенные в торговых и сервисных центрах через специальные терминалы и коммунальные услуги, коммунальные услуги (газ, вода, электричество), полиция. Осуществляются платежи за сопутствующие услуги службы регулирования дорожного движения и другие. Люди Использование международных платежных систем Visa и MasterCard для денежного обращения. Это был еще один важный этап в его развитии [5, с. 336].

Список литературы

1. Гурбангулы Бердымухамедов. Туркменистан находится на пути к достижению целей устойчивого развития. – А.: ТДНГ, 2018. с. 20-30. – 59 с.
2. Национальная программа социально-экономического развития Туркменистана на 2022–2052 годы. – Ашхабад, 2022. – 213 с.
3. Гельдымухамедова О. и др. Цифровая экономика. Учебник для вузов. – А.: ТДНГ, 2021. –146 с.
4. Тайхаров Б., Ходжанепесова А. Социально-экономическая эффективность инвестиционных проектов. // Наука и технологии в Туркменистане. – 2023. – № 2. с. 40-50.
5. Балабанов И. Т. Электронная коммерция. – СПб.: Питер, 2001. – 336 с.

УДК 339.9

ГЛОБАЛЬНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Гутлыева Алтын,
преподаватель, Кафедра организации и управления сельским хозяйством,
Туркменский сельскохозяйственный институт
(Туркменистан, г. Дашогуз. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)
Атамурадова Азиза,
студент 4-го курса направления подготовки «Бухгалтерский учет и аудит (сельское хозяйство)», Туркменский сельскохозяйственный институт
(Туркменистан, г. Дашогуз. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)

Аннотация. Основное внимание уделяется динамике мирового экономического роста, инфляционным процессам, трансформации международной торговли, инвестиционной активности, изменению глобальных производственных цепочек и усилению региональной экономической дифференциации. Исследуется влияние цифровизации, искусственного интеллекта и инновационных технологий на производительность и конкурентоспособность национальных экономик. Анализируются особенности экономического развития отдельных регионов и факторы, обусловливающие различия в темпах их роста. В исследовании используются методы системного, сравнительного, статистического и структурного анализа. Информационную основу составляют актуальные статистические и аналитические материалы международных экономических организаций. Результаты исследования показывают, что современная мировая экономика характеризуется сочетанием умеренного экономического роста, региональной неоднородности, технологической трансформации и изменения структуры между-

народных экономических связей.

Ключевые слова: глобальные экономические тенденции, международная торговля, инфляция, инвестиции, глобализация, региональная дифференциация, технологическое развитие.

GLOBAL, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMIC TRENDS IN THE CONTEXT OF THE CONTEMPORARY TRANSFORMATION OF THE WORLD ECONOMY

Gutlyyeva Altyn,
Lecturer, Department of Organization and Management of Agriculture,
Turkmen Agricultural Institute, (Turkmenistan, Dashoguz. E-mail:
gozelabdullayewa8@gmail.com)
Atamuradova Aziza,
4th-year student, Bachelor's Program in «Accounting and Auditing (Agriculture)»,
(Turkmen Agricultural Institute, Turkmenistan, Dashoguz.
E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)

Annotation. The article focuses on the dynamics of global economic growth, inflationary processes, the transformation of international trade, investment activity, changes in global production chains, and the growing regional economic differentiation. It examines the impact of digitalization, artificial intelligence, and innovative technologies on the productivity and competitiveness of national economies. The study analyzes the specific features of economic development in different regions and the factors determining differences in their growth rates. The research employs methods of systemic, comparative, statistical, and structural analysis. The information base consists of up-to-date statistical and analytical materials from international economic organizations. The findings demonstrate that the contemporary world economy is characterized by a combination of moderate economic growth, regional heterogeneity, technological transformation, and changes in the structure of international economic relations.

Keywords: global economic trends, international trade, inflation, investment, globalization, regional differentiation, technological development.

Современное мировое хозяйство представляет собой сложную, динамично развивающуюся и взаимозависимую систему, в которой экономические процессы на глобальном, национальном и региональном уровнях оказывают непосредственное влияние друг на друга. Изменения темпов экономического роста, инфляции, международной торговли, инвестиционной активности, движения капитала, состояния финансовых рынков, энергетических и продовольственных рынков формируют новую структуру экономических отношений между государствами и регионами. В этих условиях исследование современных экономических тенденций приобретает особую научную и практическую значимость, поскольку устойчивость отдельных национальных экономик все в большей степени зависит не только от внутренних факторов, но и от процессов, происходящих в мировой экономической системе.

Актуальность исследования глобальных, национальных и региональных экономических тенденций обусловлена одновременно несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, мировая экономика продолжает адаптироваться к последствиям масштабных экономических и геополитических потрясений последних лет. Во-вторых, сохраняется высокая неопределенность в области международной торговли, инвестиционных потоков, энергетической безопасности и экономической политики. В-третьих, ускоренное развитие цифровых технологий, искусственного интеллекта и автоматизации постепенно меняет структуру производства, занятости и международной конкуренции. В-четвертых, усиливается значение региональной экономической интеграции и формирования новых торгово-экономических связей. В совокупности эти процессы приводят к изменению традиционной модели глобализации и требуют нового подхода к анализу факторов экономического развития [1].

Состояние мировой экономики в 2026 г. характеризуется относительно устойчивой, но неравномерной динамикой. Согласно обновлению *World Economic Outlook* Международного валютного фонда от июля 2026 г., мировой экономический рост прогнозируется на уровне 3,0 % в 2026 г. и 3,4 % в 2027 г. При этом МВФ подчеркивает существенную неоднородность экономического развития между странами. На динамику отдельных экономик одновременно воздействуют геополитические риски, состояние энергетических рынков и растущий спрос, связанный с развитием технологий и искусственного интеллекта [2, с. 392].

Отдельного внимания заслуживает проблема неравномерности экономического развития. Средние показатели мировой экономики не отражают существенных различий между отдельными группами государств. Развитые экономики, крупные развивающиеся страны и государства с низким уровнем дохода обладают различными возможностями для адаптации к внешним экономическим шокам. Существенную роль играют доступ к финансовым ресурсам, уровень технологического развития, качество инфраструктуры, состояние государственных финансов, структура экспорта и импорта, а также способность национальной экономической политики реагировать на изменения внешней среды.

Региональная дифференциация становится одной из наиболее заметных характеристик современной мировой экономики. По оценкам Всемирного банка, экономическая динамика в 2026 г. различается между регионами: в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе рост ожидается на уровне около 4,4 %, в Южной Азии – 6,3 %, в Европе и Центральной Азии – 2,1 %, в Латинской Америке и Карибском бассейне – 2,2 %, в странах Ближнего Востока, Северной Африки, Афганистана и Пакистана – 1,6 %, а в странах Африки к югу от Сахары – около 4,0 %. Эти различия свидетельствуют о неодинаковой реакции региональных экономик на внешние шоки, торговые ограничения, изменения цен на сырьевые товары и внутренние структурные факторы.

Особое значение в современных условиях приобретает положение региона Европы и Центральной Азии. Согласно июньскому прогнозу Всемирного банка, рост экономики региона в 2026 г. может замедлиться до 2,1 %, после чего ожидается постепенное восстановление. При этом внутри региона сохраняется существенная дифференциация. Центральная Азия рассматривается как одна из наиболее быстро растущих частей региона, тогда как многие экономики сталкиваются с воздействием высоких энергетических цен, инфляционного давления и более жестких финансовых условий. Национальный уровень экономического развития является третьим важнейшим элементом рассматриваемой системы. Макроэкономические процессы отдельных государств формируются под воздействием сочетания внутренних и внешних факторов. К внутренним факторам относятся бюджетная и денежно-кредитная политика, состояние рынка труда, инвестиционная активность, производительность труда, демографическая ситуация, структура экономики и качество институтов. К внешним факторам относятся изменение мировых цен на сырье, состояние международной торговли, движение капитала, валютные курсы, геополитическая ситуация и экономическая политика крупнейших торговых партнеров [3].

Для стран с высокой зависимостью от экспорта природных ресурсов особенно важное значение имеют изменения на мировых сырьевых рынках. Колебания цен на нефть, природный газ, металлы и другие виды сырья способны существенно влиять на государственные доходы, валютные поступления, инвестиции и темпы экономического роста. Одновременно развитие несырьевых отраслей, повышение производительности, цифровизация и развитие человеческого капитала позволяют снизить зависимость национальной экономики от внешней конъюнктуры. Важной тенденцией становится также изменение роли технологий в экономическом развитии. Искусственный интеллект, автоматизация, цифровые платформы, облачные вычисления и современные информационные технологии постепенно превращаются в самостоятельные факторы экономической конкурентоспособности.

Таблица 1

Основные экономические тенденции по регионам мира

№	Регион	Основная тенденция	Ключевые факторы	Характер экономической динамики
1.	Северная Америка	Технологическое развитие и устойчивый внутренний спрос	Цифровизация, инвестиции, инновации	Относительно устойчивый рост
2.	Европа и Центральная Азия	Замедление экономической активности и структурная адаптация	Энергетические цены, инфляция, внешняя торговля	Умеренный рост
3.	Восточная Азия и Тихоокеанский регион	Высокая промышленная и экспортная активность	Производство, торговля, технологии	Высокие темпы роста
4.	Южная Азия	Быстрое расширение внутреннего спроса	Инвестиции, демография, услуги	Высокие темпы роста
5.	Латинская Америка и Карибский бассейн	Постепенное восстановление	Инвестиции, сырьевой сектор, внутренний спрос	Умеренный рост
6.	Ближний Восток и Северная Африка	Зависимость от энергетического сектора	Цены на энергоносители, инвестиции, геополитические факторы	Неравномерная динамика

Исследование глобальных, национальных и региональных экономических тенденций требует применения комплексного методологического подхода, позволяющего учитывать взаимосвязь макроэкономических, структурных, финансовых, технологических и внешнеэкономических факторов. В рамках настоящего исследования экономическое развитие рассматривается как многоуровневый процесс, включающий глобальный уровень мировой экономики, национальный уровень отдельных государств и региональный уровень групп стран, объединенных географическими, торговыми, институциональными или экономическими связями. В качестве основного временного периода исследования рассматривается современный этап развития мировой экономики с особым вниманием к 2024–2026 гг. Такой период позволяет охарактеризовать последствия предыдущих глобальных экономических потрясений и одновременно рассмотреть новые тенденции, связанные с изменениями в мировой торговле, энергетических рынках, инвестиционной активности и технологическом развитии. Особое внимание уделяется анализу темпов роста валового внутреннего продукта, инфляции, состояния внешней торговли, инвестиционной активности, государственного долга и других макроэкономических показателей. Данные показатели позволяют комплексно оценить не только количественную динамику экономики, но и степень ее устойчивости к внешним воздействиям [4].

Для характеристики региональной дифференциации используются данные Всемирного банка по основным регионам мировой экономики. Согласно прогнозу июня 2026 г., темпы роста в 2026 г. существенно различаются: в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе ожидается рост около 4,2%, в Европе и Центральной Азии – 2,1%, в Латинской Америке и Карибском бассейне – 2,2%, в Южной Азии – 6,3%, а в странах Африки к югу от Сахары – около 4,0%.

В национальном разрезе экономические результаты определяются сочетанием внешних и внутренних факторов. Среди внутренних факторов ключевое значение имеют качество экономической политики, инвестиционный климат, производительность труда, состояние государственного бюджета, уровень развития человеческого капитала и степень диверсификации экономики.

Для стран – экспортеров сырьевых товаров существенным фактором остается изменение мировых цен на энергоносители и другие виды сырья. Высокие цены могут временно поддерживать экспортные доходы и бюджетные поступления, однако зависимость от сырье-

вого экспорта одновременно повышает чувствительность экономики к внешним ценовым колебаниям.

Еще одной существенной тенденцией является рост значения государственного долга. Всемирный банк отмечает, что совокупный государственный долг развивающихся экономик увеличился с менее чем 40% ВВП в 2010 г. до более чем 70% ВВП. Рост долговой нагрузки ограничивает возможности правительств финансировать инфраструктурные проекты и реагировать на новые экономические кризисы. Региональный анализ подтверждает, что географическая принадлежность сама по себе не определяет экономические результаты. Внутри одного региона могут существовать существенные различия между отдельными странами. На них влияют структура производства, качество институтов, инвестиционная активность, уровень человеческого капитала, демографическая ситуация и степень интеграции в международные цепочки создания стоимости. Перспективы дальнейшего экономического развития будут зависеть от способности государств одновременно обеспечивать макроэкономическую стабильность, развивать человеческий капитал, стимулировать инвестиции, внедрять цифровые технологии и диверсифицировать производственную структуру. Поэтому дальнейшее исследование глобальных, национальных и региональных тенденций должно учитывать не только количественные показатели экономического роста, но и структурные изменения, происходящие в мировой экономической системе [5, с. 19].

Список литературы

1. Всемирный банк. Индикаторы мирового развития [Электронный ресурс]. – Вашингтон: Всемирный банк. – URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (дата обращения: 28.09.2026).

2. Беккер Г. С. Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ, главным образом в отношении образования / Г. С. Беккер; пер. с англ. – 3-е изд. – М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2018. – 392 с.

3. Международная организация труда. Статистическая база данных ИЛОСТАТ [Электронный ресурс]. – Женева: Международная организация труда. – URL: https://ilostat.ilo.org/ (дата обращения: 28.09.2026).

4. Европейский банк реконструкции и развития. Региональные экономические перспективы [Электронный ресурс]. – Лондон: Европейский банк реконструкции и развития. – URL: https://www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/forecast.html (дата обращения: 28.09.2026).

5. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. ГОСТ Р 7.0.5–2008. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. – М.: Стандартинформ, 2008. – 19 с.

УДК 629.35

ПОСТСАНКЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ТРАНСПОРТА

Девликамова Галина Владимировна,
к.э.н., доцент, доцент «Уфимской Высшей Школы Экономики и Управления»,
ФГБОУ ВО «Уфимский Государственный Нефтяной Технический Университет» (УГНТУ),
(450064 Россия, г.Уфа, ул.Космонавтов, 1.
E-mail: devlikamova.g@mail.ru)

Аннотация. статья посвящена проблемам, рискам и возможностям развития российских грузовых автоперевозок в условиях воздействия антироссийских санкций.

Ключевые слова: транспорт, санкции, риск, вызов, логистика, трансформация маршрута.

POST-SANCION PROBLEMS OF RUSSIAN TRANSPORT

Devlikamova Galina Vladimirovna,
candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the chair «Ufa School of Excellence»
FSBEI HE "Ufa State Petroleum Technical University"
(450064 Russian Federation, Ufa, Kosmonavtov street, 1.
E-mail: devlikamova.g@mail.ru)

Annotation. The article is devoted to the problems, risks, and opportunities for the development of Russian freight road transport under the influence of anti-Russian sanctions.

Key words: transport, sanctions, risk, challenge, logistics, route transformation.

С 2014 Россия действует в условиях западных экономических санкций, которые включают в себя следующие ограничения:

- в Россию не разрешается поставлять товары двойного назначения, передовые технологии, транспортные средства, машины и стратегически важные товары,
- ограничены закупки российских нефти, алмазов, угля,
- России не разрешено искать пути обхода санкций,
- Страны ЕС предпринимают действия по защите своих инфраструктурных объектов и информационного пространства.

Анализ ситуации, сложившейся в российских грузовых автоперевозках в условиях санкционной агрессии, стал задачей данного исследования.

Российские автоперевозчики также подверглись санкционной атаке:

- На территории стран Западной Европы не дозволяется работа российских и белорусских автоперевозчиков,
- Транзит через территории стран ЕС автотранспорта из России и Белоруссии чрезвычайно ограничен,
- Автотранспортные компании России предельно ограничены в закупках зарубежных деталей и комплектующих для западных моделей, входящих в автопарки. Это моментально повысило стоимость техобслуживания и ремонта автотранспорта и отразилось на их качестве. Прямо запрещены поставки в Россию автотранспортных средств марок MAN, Volvo, Mercedes Benz, Scania, Renault, Iveco (грузовики большой мощности), комплектующих и запчастей для их ремонта.
- Очень осложнилась работа российских банковских систем и оплата товаров и услуг.

Итогом этих противоправных санкционных действий стали:

- рост сроков грузопоставок и их стоимости,
- вынужденная смена традиционных маршрутов и обращение к азиатским рынкам,
- потеря традиционных поставщиков транспортных средств и комплектующих, обращение к китайским производителям, стимулирование разработки и производства отечественных моделей.

В таблице 1 подробно рассмотрены экономические санкции в отношении разных секторов экономики [1].

Таблица 1.

Содержание экономических санкций

Отрасли	Содержание санкции
Экономика. Банковский сектор. Финансы	Санкции против банковского сектора, суверенного долга перед Россией, замораживание резервов ЦБ РФ, отключение от финансовой системы SWIFT, запрет на ведение российскими компаниями операций в долларах, евро, фунтах и йенах. Заморозка активов нефтехимических компаний, аэрокосмической отрасли, производителей грузовых автомобилей, судов и др. Вторичные санкции против компаний, которые не зарегистрированы в РФ, но могут помогать России уклоняться от санкций. Приостановка деятельности зарубежных компаний на российском рынке, их инвестиций, поставок технологий, запчастей и оборудования.
Транспортная логистика	Запрет на лизинг самолетов, на страхование, техобслуживание, закрытие воздушного пространства ЕС для самолетов России, приостановка действия летных сертификатов, Запрет российским судам заходить в порты ЕС (за исключением доставки агропродукции и пищевых товаров, гуманитарных и энергетических грузов). Запрет российским автокомпаниям автомобильных грузоперевозок по территории ЕС, в т.ч.: транзитных (за исключением доставки фармацевтической, медицинской, пищевой и сельскохозяйственной продукции, энергоносителей, цветных металлов и удобрений). Прекращение грузового железнодорожного сообщения Финляндии с Россией. Приостановка операций глобальных контейнерных линий, логистических операторов. Санкции против компаний «НМТП», «РЖД», «Совкомфлот», «Аэрофлот», «Волга-Днепр» и др.
Внешнеэкономические связи	Приостановка действия режима наибольшего благоприятствования в торговле, применение пошлины со ставкой 35 % ко всему импорту из России. Запрет на экспорт в Россию оборудования и технологий. Приостановка поставок коммерческого автотранспорта и запчастей. Отказ от российских энергоресурсов, стальной продукции и др. со стороны США, Канады, Великобритании.

Из таблицы видно, что санкции множественны, болезненны, и значительная их часть воздействует на логистику России как на стратегически важный сегмент экономики. Однако Россия предпринимает попытки нивелировать вред и ущерб, нанесенный недружественными действиями, изменить многие позиции в промышленности, логистике, на транспорте. Подобные возможности есть, другие будут созданы [2]. В таблице 2 представлены риски и возможности их преодоления.

Таблица 2.

Риски и возможности развития транспортной системы России в условиях санкций

Риски	Возможности
Снижение ВВП, сокращение спроса на грузоперевозки. Высокая стоимость заемных средств, проблемы с ликвидностью компаний. Разрыв логистических цепочек поставок, нехватка грузовиков для перевозок, рост сроков и стоимости перевозки.	Авиатранспорт: •Допуск самолетов зарубежных авиакомпаний к перевозке на территории России (каботаж), использование малой авиации, развитие собственного авиапроизводства. • Предоставление авиакомпаниям права перевода в российский реестр иностранных самолетов, взятых в лизинг,

Риски	Возможности
Снижение нагрузки на транспортную сеть России и ее эффективности, Отрицательная динамика международных грузопотоков. Долгосрочный характер санкций.	возможностей расчетов по обязательствам перед зарубежными компаниями по воздушным судам в рублях. Железнодорожный: •Переориентация экспортных поставок с западного направления на Восток и Юг: рост поставок через Азербайджан, Монголию, Казахстан, Китай, увеличение контейнерных перевозок по сети. Автомобильный: •Резкое сокращение перевозок на европейском направлении (привлечение сторонних перевозчиков, использование транзитного маршрута через Турцию), переориентация на восточное направление и внутренний рынок. Морской: • Переориентация на порты Дальнего Востока. •Выстраивание новых цепей поставок [3].
Зеркальный ответ России на 5-й пакет санкций в отношении иностранных перевозчиков: Отслеживание властями ЕС товарных потоков, идущих в сопредельные дружественные России страны. Введение вторичных санкций в отношении стран, помогающих РФ в обходе первичных санкций. Отказ дружественных стран (компаний) от участия в схемах поставок товаров из-за угрозы вторичных санкций.	
Повышение стоимости товара из-за дополнительных финансовых транзакций (таможенные пошлины, двойное налогообложение НДС и др.). Рост логистических расходов из-за удлинения цепочек поставок, увеличения времени транспортировки и дополнительных таможенных процедур. Риск разрыва цепочек поставок из-за их сложности и многокомпонентности.	Создание альтернативных маршрутов и погранпереходов в азиатском и южном направлениях (например, МТК «Север-Юг» через Иран, Азербайджан с выходом на Среднюю Азию, Индию, страны Персидского залива и др., развитие паромных переправ на Каспии). Организация неаффилированных с РФ цепочек поставок, перевод зарубежной части бизнеса (холдинговых, трейдинговых, торгово-закупочных компаний) в нейтральные юрисдикции. Создание центров для проведения транзитных сделок в Турции, Казахстане, Узбекистане, ОАЭ, организация импорта в эти страны из стран, признанных недружественными, с последующим экспортом в Россию. Организация экспорта продукции РФ через независимых трейдеров, создание неаффилированных торговых структур в Турции, Казахстане, ОАЕ, Китае, Индии. Автомобильная перевозка в «два плеча» перевозчиком страны ЕС (по территории ЕС) и перевозчиком РФ (по территории России и Беларуси) с перегрузкой на границе, комбинированная перевозка транзитом через Турцию с использованием морского и автомобильного транспорта. Развитие логистической инфраструктуры (складов, пунктов пропуска) на границе с Казахстаном, Монголией и КНР. Поиск аналогов портового, перегрузочного и терминального оборудования в Китае, покупка и строительство новых судов, контейнеров и т.д.

Риски	Возможности
	Льготные ставки по кредитам и лизингу для транспорта, ускорение таможенного оформление грузов. Отмена транспортного налога и платы за пользование системой «Платон».

Помимо прочего транспортная логистика в России столкнулась со следующими вызовами:

неспособность терминалов обработать увеличенный объем контейнерного потока;

нехватка сотрудников из-за их частичной мобилизации;

накопление грузов не только в портах выгрузки, но и в портах перегрузки в зарубежных портах;

нехватка подвижного состава для возможности своевременного вывоза контейнеров из порта. При перевозке контейнеров железнодорожным сервисом из Европейского Союза в Российскую Федерацию основным фактором, увеличивающим транзитное время, стали регулярные запросы европейской таможни, а также досмотры грузов на пограничном переходе из Польши в Белоруссию, где сменяется ширина железнодорожной колеи.

Выводы: установлены основные и наиболее значимые проблемы, риски и вызовы, сложившиеся в российских грузовых автоперевозках в результате введения экономических санкций. Множественность и внезапность наступления проблем определяет, в свою очередь, множественность и этапность их решения.

Список литературы

1. Щербанин Ю.А. Транспорт России: девять лет экономических санкций // Проблемы прогнозирования. – 2023. - № 5. – С. 45 – 58. – Текст непосредственный.

2. Батарон Д. Итоги 2025 года на рынке грузоперевозок: баланс спроса и новые вызовы. [Э.ресурс]. URL: https://monopoly.ru/blog/rynki/itogi-2025-goda-na-rynke-gruzoperevozok-balans-sprosa-i-novye-vyzovy/?ysclid=mtw962y8pg436555433 (дата обращения 11.09.2026). – Текст электронный.https://monopoly.ru/blog/rynki/itogi-2025-goda-na-rynke-gruzoperevozok-balans-sprosa-i-novye-vyzovy/?ysclid=mtw962y8pg436555433

3. Девликамова Г.В. Проблемы транспортной логистики углеводородов // Матер. YIII Межд.науч.-прак.конф. Актуальные проблемы научного знания. Новые технологии ТЭК-2024». – Тюмень, ТИУ. – С. 157 – 161. – Текст: непосредственный.

УДК 330.12

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕЧНОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Делиева Анна Петровна,
научный сотрудник отдела «ЦНТБ»,
ФГБНУ «Институт научно-технической информации»,
(Российская Федерация, Донецкая Народная Республика,
г. Донецк, ул. Артема, 60. E-mail: okaryachenko@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается комплекс вызовов, которые информационное общество предъявляет традиционным социокультурным институтам, и прежде всего библиотекам. Показано, что стремительное развитие цифровых технологий и изменение информационных потребностей пользователей делают невозможным дальнейшее развитие библиотек в рамках модели приспособления и догоняющей модернизации. Обосновывается необходимость перехода библиотек к роли лидера в проектировании собственного цифрового развития. Подчёркивается важность осознанного осмысления и последовательного воплощения специфики библиотечной деятельности — сохранения и передачи знания, обеспечения рав-

ного доступа к достоверной информации, формирования информационной культуры. Делается вывод о том, что только проактивный подход позволяет библиотекам сохранить институциональную субъектность и усилить свою социальную значимость в цифровой экосистеме современного общества.

Ключевые слова: цифровизация, технологии, библиотечное дело, трансформация.

ANALYSIS OF DEVELOPMENT OF RUSSIA'S LIBRARY SECTOR IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Delieva Anna Petrovna
Researcher, Department of the Central Scientific and Technical Library,
Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Scientific and Technical Information",
(Russian Federation, Donetsk People's Republic,
Donetsk, Artema Street, 60. E-mail: okaryachenko@mail.ru).

Annotation. The article examines the complex challenges that the information society poses to traditional sociocultural institutions, particularly libraries. It demonstrates that the rapid advancement of digital technologies and shifting user information needs render it impossible for libraries to continue developing within a framework of mere adaptation and "catch-up" modernization. The author argues for the necessity of libraries assuming a leadership role in shaping their own digital evolution. Emphasis is placed on the importance of consciously understanding and consistently implementing the core tenets of library work: preserving and transmitting knowledge, ensuring equal access to reliable information, and fostering information literacy. The article concludes that only a proactive approach enables libraries to maintain their institutional agency and enhance their social significance within the digital ecosystem of modern society.

Keywords: digitalization, technologies, librarianship, transformation.

Цифровизация кардинально преобразует библиотечную сферу России: традиционные функции библиотек изменяются, возникают новые формы обслуживания, а технологии начинают играть ключевую роль.

Библиотека является одним из социальных институтов, обеспечивающих важнейшие социокультурные процессы, которые поддерживают существование и развитие информационного пространства. Она собирает и систематизирует документированное общественное знание, обеспечивает его хранение и сохранность, а также организует распространение и воспроизводство. В современных условиях библиотеки испытывают значительное влияние цифровизации, что прямо зафиксировано в «Стратегии развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года».

Создание цифровых ресурсов можно считать одним из направлений деятельности современной библиотеки как генератора информационных ресурсов. Размещенные на официальных и тематических сайтах электронные каталоги [5] и базы данных (БД), электронные издания [3] и цифровые коллекции, виртуальные выставки [6] и виртуальные экскурсии по библиотеке, видеотрансляции мероприятий в режиме онлайн и офлайн становятся неотъемлемым атрибутом интернет-контента современных библиотек.

В ходе цифровой трансформации библиотек предполагается:

− создание цифровой среды, отвечающей запросам разных категорий пользователей,

− перевод основных процессов функционирования на цифровые технологии,

-формирование у IT-сообщества представления о библиотеке как о равноправном и перспективном партнёре с её последующей полной интеграцией в цифровую экосистему,

- выравнивание показателей активности и уровня цифровизации библиотек по сравнению с иными учреждениями культуры и науки.

Цифровая трансформация библиотек носит системный характер и охватывает не толь-

ко технологическую составляющую, но и организационные, образовательные и социальные стороны их работы. Библиотеки будущего представляют собой гибкие многопрофильные центры знаний, органично включённые в цифровую экосистему современного общества.

Результаты проведённого исследования показывают, что успешная цифровизация библиотек становится возможной при наличии комплексной государственной и институциональной стратегии, стабильного финансирования цифровых проектов, кадровой политики, ориентированной на развитие ИТ-компетенций, а также активного вовлечения пользователей в проектирование цифровых сервисов.

В качестве перспективных направлений дальнейших исследований выделяются разработка национальных и транснациональных стандартов цифровизации, изучение влияния цифровых библиотек на читательскую активность молодёжи, создание моделей гибридных библиотек, сочетающих локальное и виртуальное обслуживание, а также внедрение метрик эффективности цифровых библиотечных сервисов [1].

Несмотря на широкие возможности, путь цифровой трансформации остаётся непростым и сопряжён с рядом рисков. Его часто осложняют технические и финансовые препятствия. Обеспечение цифровой инклюзивности требует предоставления ресурсов всем пользователям вне зависимости от физических, экономических или социальных ограничений. При этом важно сохранять баланс между активным внедрением инноваций и бережным отношением к ключевым ценностям и традициям, определяющим сущность библиотек. Преодоление этих сложностей предполагает стратегическое планирование, активное участие профессионального сообщества и готовность к постоянному обучению и адаптации.

В последние десятилетия российские библиотеки столкнулись с комплексом технологических и общественных вызовов [4]:

− стремительное развитие информационных технологий, вызвавшее беспрецедентный рост объёмов информации, быстрое изменение способов её производства и распространения, а также появление широкого многообразия форматов использования;

− переход страны к инновационной модели социально-экономического развития;

− усиление роли некоммерческого сектора в создании культурного продукта и оказании услуг в сфере культуры, а также формирование новых форм партнёрства;

− передача ответственности за поддержку и развитие общедоступных библиотек на региональный и муниципальный уровни;

− сохранение за библиотеками статуса незаменимого социально-коммуникативного института, который в условиях кардинальных технологических перемен, глобализации и стремительного увеличения объёмов информации призван обеспечивать возможности для самореализации и личностного развития;

− недостаточный уровень цифровой компетентности персонала;

− фрагментарный характер финансирования цифровых проектов;

− слабая интеграция библиотек с образовательными платформами;

−отсутствие согласованности действий между участниками информационного пространства.

Несмотря на предпринимаемые усилия, развитие библиотек в стране сопровождается рядом негативных тенденций:

1.Прежде всего сохраняется недостаточный уровень информатизации. Библиотеки существенно отстают во внедрении современных информационно-коммуникационных и цифровых технологий, что снижает качество предоставляемых информационно-библиотечных услуг.

2.Отмечается также сокращение времени работы библиотек.

3.Серьёзной проблемой остаётся недофинансирование комплектования фондов. За последние два десятилетия объём новых поступлений в государственные и муниципальные библиотеки сократился на 20,3 %, а коэффициент обновляемости фонда упал до 1,9 %. Между тем спрос на библиотечные документы остаётся высоким: с начала XXI века книговыдача выросла на 53 %. Однако в настоящее время из-за нехватки новых изданий наблюдается тен-

денция к её снижению.

4.Продолжается сокращение библиотечной сети. За последние 20 лет число общедоступных библиотек уменьшилось почти на 30 %. Значительно сократилась и сеть научных, научно-технических, а также других ведомственных библиотек.

5.Отсутствует единая государственная система статистического учёта. Форма 6-НК полностью заполняется только в системе общедоступных библиотек, подведомственных Министерству культуры. Ведомственные и отраслевые библиотечные сети представлены в ней неполно либо не представлены вовсе.

6.Материальная база библиотек находится в неудовлетворительном состоянии. Признание зданий аварийными или нуждающимися в капитальном ремонте нередко искусственно сдерживается.

7.Остро стоит кадровый вопрос. Состав работников общедоступных библиотек быстро стареет: доля сотрудников старше 55 лет достигает 26,2 %, в то время как специалистов в возрасте до 30 лет насчитывается всего 7,2 %. Это существенно затрудняет превращение библиотек в современные социально-культурные центры, востребованные всеми категориями населения и особенно молодёжью.

Можно выделить несколько ключевых направлений цифровизации библиотек, которые позволяют по-новому позиционировать их в глобальном информационном пространстве [2]:

– оцифровка фондов;

– дистанционное обслуживание пользователей через интернет (ведение библиотечных веб-сайтов, создание блогов и аккаунтов в социальных сетях, предоставление услуг в режиме 24/7);

– роботизация библиотечных процессов (внедрение чат-ботов, автоматизированных компактных фондохранилищ, технологий интернета вещей и др.);

– использование технологий мобильной связи (крупные университетские библиотеки предлагают более десяти мобильных сервисов: информирование о книжных новинках, доступ к электронному каталогу и другим базам данных, заказ и продление книг, доставка электронных копий документов, служба «вопрос–ответ», виртуальные видео- и аудиоэкскурсии, QR-кодирование информации, создание личного кабинета пользователя и т. д.);

– применение дополненной реальности и RFID-технологий (использование интерфейсов дополненной реальности для навигации внутри библиотек, предоставление дополнительной аудиовизуальной и текстовой информации на книжных выставках и в ходе библиографических обзоров; радиочастотная идентификация (RFID), обеспечивающая бесконтактный обмен данными и контроль перемещения фондов, а также внедрение систем самообслуживания при приёме и выдаче книг).

Развитие библиотечной отрасли России в условиях цифровой трансформации имеет в целом позитивные перспективы, несмотря на наличие определённых вызовов.

Ключевые направления развития включают:

1. Углублённую цифровизацию процессов и сервисов – формирование единого цифрового пространства знаний, развитие электронных каталогов и полнотекстовых ресурсов, внедрение интеллектуальных технологий, расширение дистанционных услуг и развитие гибридных форматов обслуживания.

2. Решение социальных задач – создание инклюзивной среды, преодоление информационного неравенства и повышение цифровой грамотности населения.

3. Модернизацию инфраструктуры и нормативной базы – обеспечение широкополосного доступа к интернету, разработку единых стандартов, внедрение облачных решений и создание сервисов «одного окна».

4. Кадровое обновление и формирование новых профессиональных ролей – системную переподготовку специалистов, расширение спектра библиотечных профессий и усиление гуманитарной составляющей деятельности.

Цифровая трансформация выступает не самоцелью, а средством адаптации библиотек

к новой информационной реальности. Будущее библиотечного дела в значительной мере зависит от того, насколько успешно библиотеки сумеют стать инновационными, открытыми и технологически развитыми учреждениями.

Список литературы

1.Атаева Г., Мухамметназарова Г., Керимова Э., Башимова О. Цифровая трансформация библиотек: современные тенденции, проблемы и перспективы. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-bibliotek-sovremennye-tendentsii-problemy-i-perspektivy/viewerhttps://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-bibliotek-sovremennye-tendentsii-problemy-i-perspektivy/viewer

2.Власюк Л. И., Чхотуа И. З., Хворостяная А. С. Стратегические возможности библиотек в эпоху цифровизации и экономики впечатлений // Стратегирование: теория и практика. 2022. Т. 2. № 1. С. 31–48. https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-1-31-48https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-1-31-48

3.Горбунова А. В. Электронные издания по культуре и искусству в библиотеках России (по материалам всероссийских смотров-конкурсов) // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 658–667.

4.Стратегия развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года. URL: https://lala.lanbook.ru/rubrika-liderstvo/tpost/js7tsshao1-strategiya-razvitiya-bibliotechnogo-dela

5.Стукалова А. А. Проблемы поиска информации в электронных каталогах библиотек различных типов // Труды ГПНТБ СО РАН. 2019. № 4. С. 63–67

6.Титова А. А. От виртуальных выставок до SMM: опыт работы РГБ по раскрытию фондов в Интернете // Электронный век культуры : сб. тез. докл. XVI ежегод. Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 18–22 сент. 2017 г.). Москва, 2017. С. 68–71.

7.Тикунова И. П. Библиотека в контексте Четвертой промышленной революции: основные направления цифровизации // Библиотечное дело. 2020. № 2. С. 21–26.

УДК 332.146:330.341.2

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНА

Дударева Анжелика Борисовна,
к.э.н., доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета и финансов,
ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина»
(302019, Российская федерация, Орловская область,
г. Орел, ул. Генерала Родина, д. 69. E-mail: dudareffa@mail.ru

Аннотация. Необходимость изучения институциональной памяти как особого регионального ресурса обусловлена нарастающей конкуренцией регионов за инвестиции в условиях ограниченности материальных источников роста: когда налоговые льготы и инфраструктурные преимущества всё активнее тиражируются и перестают быть уникальным конкурентным преимуществом, именно нематериальные, трудно копируемые активы – в том числе институциональная память – становятся решающим фактором дифференциации территорий. В результате построена модель механизма влияния институциональной памяти на инвестиционную привлекательность и авторская система оценочных показателей. Научная новизна состоит в разработке концептуальной модели её капитализации в инвестиционное преимущество.

Ключевые слова: институциональная память; инвестиционная привлекательность; региональное развитие; нематериальные активы; территориальный капитал; институциональная среда; региональная экономика; инвестиционный климат; социальный капитал; ин-

теллектуальный капитал; региональное управление; устойчивое развитие.

THE IMPACT OF INSTITUTIONAL MEMORY ON THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE REGION

Angelika Borisovna Dudareva,
PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Accounting and Finance, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin" (69 Generala Rodina str., Orel, 302019, Russian Federation, Oryol Region. E-mail: dudareffa@mail.ru

Annotation. The need to study institutional memory as a special regional resource is caused by the growing competition of regions for investments in conditions of limited material sources of growth: when tax incentives and infrastructural advantages are increasingly replicated and cease to be a unique competitive advantage, that is, intangible, hard–to–copy assets, including institutional memory, become a decisive factor in territorial differentiation. As a result, a model of the mechanism of influence of institutional memory on investment attractiveness and an author's system of evaluation indicators are constructed. The scientific novelty consists in the development of a conceptual model of its capitalization into an investment advantage.

Keywords: institutional memory; investment attractiveness; regional development; intangible assets; territorial capital; institutional environment; regional economy; investment climate; social capital; intellectual capital; regional governance; sustainable development.

Снижение институциональной неопределённости выступает первым и наиболее очевидным механизмом влияния институциональной памяти на инвестиционную привлекательность: инвестор, оценивающий перспективы вложений, ориентируется не только на действующие формальные правила, но и на устойчивость их применения во времени. Исследования подтверждают, что качество институтов и региональные условия существенно влияют на характер и объём инвестиционных потоков, причём инвестиции в регионах с низким институциональным качеством демонстрируют устойчиво более слабые результаты по сравнению с регионами со «здоровыми» институтами, что справедливо и для случая, когда формальные показатели инвестиционного климата этих регионов сопоставимы.

Повышение доверия инвесторов реализуется через репутационный механизм: устойчивая институциональная память формирует у потенциальных инвесторов ожидание предсказуемости будущих решений региональной власти на основе наблюдаемой истории прошлых решений. Сохранение управленческих компетенций – второй значимый канал: О.В. Недолужко справедливо связывает результативность региональной экономики со структурным компонентом интеллектуального капитала, ключевым носителем которого выступают именно управленческие команды, аккумулирующие практический опыт сопровождения инвестиционных проектов. [6]

Обеспечение преемственности инвестиционной политики предотвращает характерный для российской региональной практики эффект «обнуления» договорённостей с инвесторами при смене руководства региона; накопленная институциональная память снижает вероятность подобного разрыва, поскольку часть управленческого знания оказывается кодифицирована в регламентах, стандартах и, что не менее важно, в неформальных нормах аппарата регионального управления. Формирование устойчивой деловой среды и накопление успешных практик взаимодействия власти и бизнеса завершают перечень механизмов: чем больше в регионе накоплено успешно реализованных прецедентов сопровождения инвестиционных проектов, тем ниже воспринимаемый инвестором риск вход на территорию – данный эффект носит кумулятивный характер и усиливается со временем. [7]

Схема, представленная на рисунке 1, демонстрирует, что влияние институциональной памяти на инвестиционную привлекательность реализуется опосредованно – через промежуточную переменную «воспринимаемый инвестиционный риск», а не напрямую, что методо-

логически важно для последующей операционализации данной связи.

Таблица 1 систематизирует конкретные, операционализируемые следствия институциональной памяти для инвестора, что позволяет перейти от абстрактного теоретического механизма к измеримым факторам, используемым далее при построении системы оценочных показателей.

Качественные методы оценки институциональной памяти основаны на анализе документальных источников – архивов управленческих решений, истории реализации инвестиционных проектов, кейс-стади конкретных территорий – и позволяют реконструировать историю институциональных практик региона, однако обладают ограниченной сопоставимостью между территориями. Экспертные методы, предполагающие структурированный опрос представителей бизнеса и органов власти относительно устойчивости и предсказуемости регионального управления, обеспечивают большую сопоставимость, но несут риск субъективности и должны дополняться объективными индикаторами.

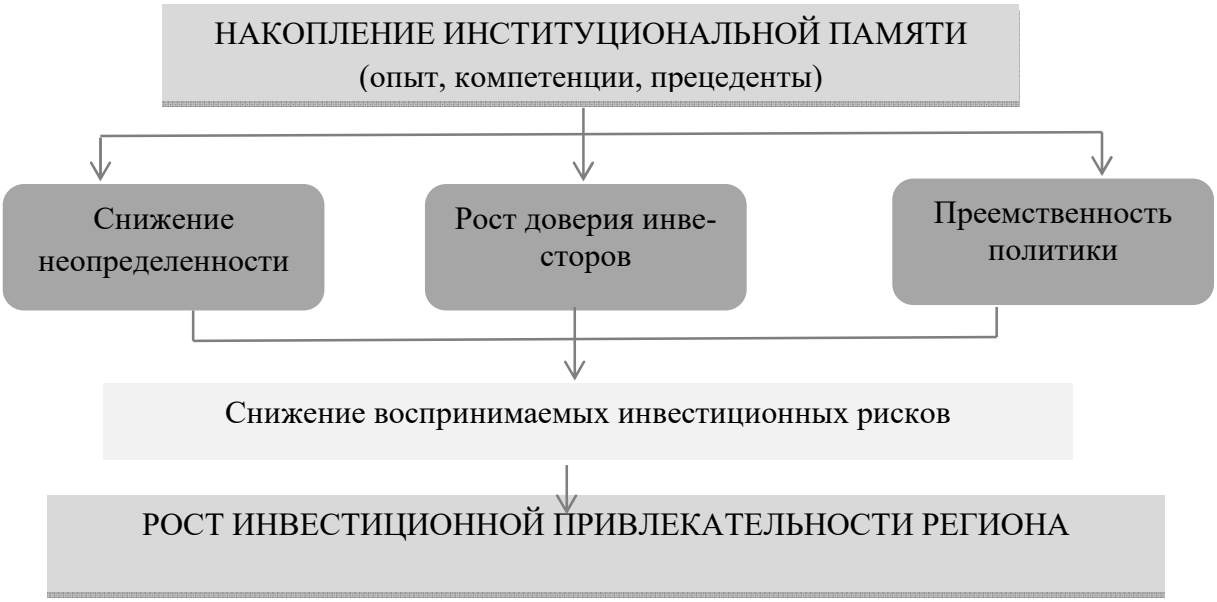

Рисунок 1 – Механизм влияния институциональной памяти на инвестиционную привлекательность региона

Таблица 1

Факторы инвестиционной привлекательности, формируемые институциональной памятью

Фактор	Механизм формирования	Эффект для инвестора
Предсказуемость решений власти	Устойчивость применения формальных правил во времени	Снижение регуляторного риска
Репутация региона	Накопленная история успешных инвестиционных кейсов	Снижение издержек due diligence
Компетентность сопровождения	Сохранение опыта управленческих команд	Сокращение сроков реализации проектов
Устойчивость договорённостей	Кодификация практик, преемственность политики	Снижение риска пересмотра условий

Источник: составлено автором.

Индексный подход к оценке институциональной устойчивости предполагает построение композитных индикаторов на основе статистически измеримых прокси-показателей: длительности пребывания в должности ключевых региональных управленцев инвестиционного блока, доли инвестиционных соглашений, исполненных без пересмотра условий, количества лет непрерывного функционирования региональных институтов развития. Оценка

преемственности региональной политики может строиться на анализе содержательной устойчивости стратегических документов региона при смене политического руководства – доли целевых показателей и приоритетных направлений, сохранённых в последовательных редакциях стратегии социально-экономического развития. [2]

Показатели качества государственного управления, используемые в международной практике (Worldwide Governance Indicators Всемирного банка) и в отечественных рейтингах, измеряют преимущественно текущее состояние институтов и в ограниченной степени учитывают временную протяжённость и устойчивость соответствующих практик. По нашей критической оценке, данное обстоятельство составляет методологический пробел, устранение которого требует введения специального показателя временной глубины и устойчивости институциональных практик – то есть индикатора институциональной памяти в узком смысле, дополняющего, а не заменяющего традиционные индексы институционального качества.

Таблица 2

Система показателей оценки институциональной памяти региона (авторская)

Блок показателей	**Индикатор**	**Метод расчёта / источник**
Кадровая устойчивость	Средний срок пребывания в должности управленцев инвестиционного блока	Статистика кадрового состава региональных органов
Устойчивость договорённостей	Доля инвестсоглашений, исполненных без пересмотра условий	Данные региональных корпораций развития
Преемственность стратегии	Доля целевых показателей, сохранённых в последовательных редакциях стратегии региона	Контент-анализ стратегических документов
Институциональная зрелость	Срок непрерывного функционирования институтов развития региона	Реестры региональных институтов развития
Репутационный индикатор	Экспертная оценка предсказуемости регионального управления бизнес-сообществом	Структурированный опрос инвесторов

Источник: составлено автором

Представленная в таблице 2 система показателей сочетает объективные статистические индикаторы с экспертными оценками, что позволяет частично преодолеть ограничения как чисто качественных, так и узко статистических подходов, рассмотренных выше, и обеспечивает операционализируемость категории институциональной памяти для целей регионального управления.

Модель, представленная на рисунке 2, предполагает агрегирование пяти блоков показателей в единый интегральный индекс, что открывает возможность межрегиональных сопоставлений и последующей эконометрической проверки связи индекса с фактической динамикой привлечённых инвестиций. [3]

Возможности использования накопленного управленческого опыта наиболее полно реализуются через институционализацию практик его передачи – регламенты сопровождения инвесторов, базы данных прецедентов, программы наставничества внутри органов управления инвестиционным блоком. Роль региональных институтов развития – корпораций развития, агентств привлечения инвестиций, проектных офисов – состоит не только в текущем сопровождении проектов, но и в функции институционального «накопителя» памяти: в отличие от политических должностей, аппарат таких институтов обладает большей кадровой устойчивостью и, соответственно, лучше сохраняет практический опыт между избирательными циклами. [4]

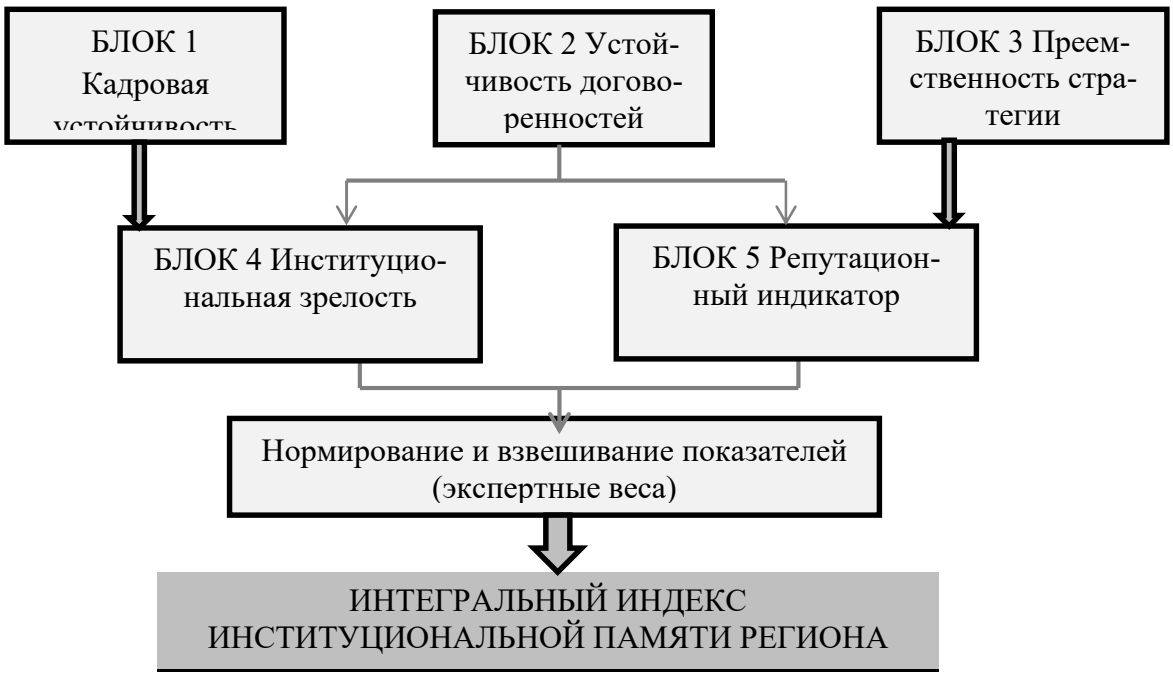

Рисунок 2 – Авторская модель оценки институциональной памяти региона

Значение инвестиционных агентств и корпораций развития как хранителей институциональной памяти подтверждается практикой регионального инвестиционного стандарта, внедряемого с 2021 г. по инициативе Агентства стратегических инициатив совместно с Министерством экономического развития Российской Федерации и предполагающего унификацию и последующую институционализацию лучших региональных практик сопровождения инвесторов. Влияние региональных практик сопровождения инвесторов на инвестиционную привлекательность территории проявляется прежде всего через сокращение сроков прохождения административных процедур и снижение числа конфликтных ситуаций между инвестором и региональной властью – показателей, которые статистически коррелируют с длительностью функционирования соответствующих институтов развития. [5]

Использование лучших практик инвестиционной политики предполагает не механическое копирование инструментов регионов-лидеров, а институционализацию механизма обучения на собственном опыте – систематизацию причин успеха и неудачи ранее реализованных проектов и включение соответствующих выводов в регламенты работы с инвесторами. Особое значение приобретает формирование долгосрочной институциональной устойчивости территории как конкурентного преимущества: в условиях, когда материальные факторы инвестиционной привлекательности регионов сближаются, именно устойчивость институтов во времени становится решающим фактором в борьбе за инвестиционные ресурсы, что подтверждает центральный тезис настоящей статьи. [1]

Таблица 3

Инструменты капитализации институциональной памяти региона

Инструмент	Содержание	Эффект капитализации
Региональные корпорации развития	Кадровая преемственность вне политических циклов	Сохранение практического опыта сопровождения проектов
Базы данных инвестиционных прецедентов	Систематизация успешных и неудачных кейсов	Снижение издержек повторного «изобретения» решений
Региональный инвестиционный стандарт	Унификация лучших практик сопровождения инвесторов	Институционализация накопленного опыта
Программы наставничества в органах управления	Передача неформального знания между поколениями управленцев	Снижение риска утраты компетенций при ротации кадров

Источник: составлено автором.

Таблица 3 показывает, что капитализация институциональной памяти достигается не автоматически, а требует целенаправленного институционального проектирования – создания специализированных структур и регламентов, переводящих неявное, персонифицированное знание в кодифицированную, устойчивую к кадровой ротации форму.

Модель отражает ключевую авторскую идею: институциональная память сама по себе не гарантирует роста инвестиционной привлекательности – требуется целенаправленный перевод неявного управленческого опыта в институционализированную, кодифицированную форму, устойчивую к смене конкретных носителей.

Рисунок 3 – Авторская концептуальная модель трансформации институциональной памяти в инвестиционное преимущество

Институциональная память способна выступать реальным ресурсом повышения инвестиционной привлекательности российских регионов при условии её целенаправленной институционализации через корпорации развития, инвестиционные стандарты и программы передачи управленческого знания. Без такой институционализации накопленный опыт остаётся уязвимым к утрате при смене региональных управленческих команд и не капитализируется в устойчивое конкурентное преимущество территории.

Список литературы

1. Багрецов Д.Н. Интеллектуальный капитал современной России: цифровизация и проблема искусственного интеллекта // Региональная и отраслевая экономика. 2026. № 1. С. 149–154.

2. Инвестирование расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве: опыт зарубежных стран и возможности адаптации к современным условиям в России / А. Б. Дударева, Т. С. Кравченко, Н. В. Алентьева, А. А. Сидорин // Вестник техносферной безопасности и сельского развития. – 2025. – № 3(42). – С. 24-27.

3. Кравченко, Т. С. Инвестиции в инновационном развитии АПК / Т. С. Кравченко, А. Б. Дударева // Развитие отраслей АПК на основе формирования эффективного механизма хозяйствования: сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции, Киров, 16 ноября 2022 года. – Киров: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Вятский государственный агротехнологический университет, 2022. – С. 126-130.

4. Маньковский И.А. Потенциал применения институционализма в качестве теоретической основы государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 59–66.

5. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации: ежегодный доклад / АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов». М.: АСИ, 2024.

6. Недолужко О.В. Декомпозиционная модель оценки интеллектуального капитала: региональный аспект // Мир новой экономики. 2025. Т. 19, № 4. С. 76–87.

7. Сапронова, А. Б. Концептуальные подходы к исследованию эквивалентности в воспроизводственном процессе / А. Б. Сапронова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 14(195). – С. 20-26.

УДК 339.7:336.77

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРЕДИТ КАК ИНСТРУМЕНТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ЕГО РОЛЬ В ЭКОНОМИКЕ ТУРКМЕНИСТАНА

Дурдыева Акылджан,
преподаватель, Кафедра организации и управления сельским хозяйством,
Туркменский сельскохозяйственный институт
(Туркменистан, г. Дашогуз. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)
Гурбанов Эзиз,
Оразмаммедов Ыхлас,
Овезгелдиев Перман,
студенты 4-го курса направления подготовки «Гидромелиорация».
Туркменский сельскохозяйственный институт
(Туркменистан, г. Дашогуз. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)

Аннотация. Раскрываются основные условия международного кредита, включая сумму, срок, стоимость и валюту кредитования. Особое внимание уделяется роли международного кредита в развитии внешнеэкономических связей Туркменистана, расширении экспортных операций и привлечении финансовых ресурсов для модернизации экономики. Рассматриваются особенности краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного кредитования, а также основные экономические и политические риски внешнеторговых операций. Определяются возможные направления совершенствования механизмов финансирования внешней торговли и повышения эффективности использования международных кредитных ресурсов.

Ключевые слова: международный кредит, внешняя торговля, кредитование, факторинг, форфейтинг, лизинг, инвестиции, финансовые риски.

INTERNATIONAL CREDIT AS A TOOL FOR STIMULATING FOREIGN TRADE AND ITS ROLE IN THE ECONOMY OF TURKMENISTAN

Durdyyeva Akyljan,
Lecturer, Department of Agricultural Organization and Management, Turkmen Agricultural Institute, (Dashoguz, Turkmenistan. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)
Gurbanov Eziz,
Orazmammedov Yhlas,
Ovezgeldiyev Perman,
4th-year students, «Hydromelioration» major,
Turkmen Agricultural Institute,
(Dashoguz, Turkmenistan. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)

Annotation. The main conditions of international credit, including the amount, term, cost, and currency of lending, are revealed. Special attention is paid to the role of international credit in the development of Turkmenistan's foreign economic relations, the expansion of export operations, and the attraction of financial resources for economic modernization. The features of short-term, medium-term, and long-term lending are considered, as well as the main economic and political risks of foreign trade operations. Possible directions for improving foreign trade financing mechanisms and enhancing the efficiency of using international credit resources are identified.

Keywords: international credit, foreign trade, lending, factoring, forfeiting, leasing, investments, financial risks.

В современных условиях международные кредитные отношения являются важным инструментом развития внешней торговли и международного экономического сотрудничества. Расширение внешнеторговых операций требует наличия эффективных механизмов финансирования экспортно-импортных сделок, позволяющих предприятиям осуществлять поставки товаров, оборудования и сырья на условиях отсрочки платежа. Международный кредит представляет собой форму движения ссудного капитала между государствами, банками, предприятиями и международными финансовыми организациями. Его использование способствует ускорению международного товарооборота, расширению производства и перераспределению финансовых ресурсов между странами. Важное значение имеют различные формы кредитования внешней торговли. К ним относятся коммерческий кредит, банковское кредитование, факторинг, форфейтинг, лизинг и государственное экспортное кредитование. Каждая из данных форм имеет определенные особенности, преимущества и риски.

Кредитная форма открытого счета используется между постоянными торговыми партнерами. В этом случае импортер стремится погасить долг из своего ежемесячного или квартального дохода в течение указанного срока. Другой тип кредитов компании является авансовый кредит. В этом случае покупатель вносит предоплату 10-15% от общей стоимости машин и оборудования, указанной в контракте. Следует отметить, что корпоративный кредит имеет недостатки для экспортеров. Это подвергает экспортера кредитным и валютным рискам. Это отрицательно влияет на денежный поток и платежеспособность фирмы. Факторинг – это форма краткосрочного кредитования в брокерском бизнесе. Факторинговая компания обязуется выплатить экспортеру 80% от общей стоимости покупки в течение 30-120 дней [1, с. 19].

Остальная часть оплаты производится в течение срока действия договора. Кредитование Фортетор включает среднесрочные кредиты. В этом случае банк или финансовое учреждение покупает вексель экспортера. После того, как импортер погашает задолженность, векселедатель возвращает вексель экспортеру с определенными процентами. Форфетор также имеет право продать вексель другому лицу. Размер комиссии за конфискацию определяется исходя из рыночных условий. При этом виде кредита экспортер не сталкивается с кредитными рисками. Денежный поток и платежеспособность фирмы не пострадают. В современном мире важная роль во внешнеторговом кредитовании принадлежит государству. Эта ситуация стала более распространенной после Второй мировой войны. Это связано с тем, что долгосрочное кредитование увеличивает риск данного кредита [2, с. 47].

Он также предусматривает ряд мер с вмешательством государства. Во первых, оно рефинансируется с помощью государственного бюджета для стимулирования национального экспорта. Во вторых, ставка государственного кредитования ниже рыночной. Кроме того, государственное кредитование часто связано с заимствованием денег у правительства. В третьих, государство осуществляет страхование кредитов через собственное страховое агентство. Государственная страховая организация покрывает все возможные убытки.

Страховой бизнес в международных отношениях связан с экономическими и политическими рисками. Экономические риски включают время выполнения заказа, рост цен, колебания обменного курса, неплатежеспособность, отказ покупателя платить и т. д. м. принадлежит К политическим рискам относятся невыполнение покупателем своих обязательств из-за военных действий, начало национализации в штатах, конфискация (передача имущества государству), односторонний запрет (мораторий), введение валютных ограничений и т.д. м. можно сказать. В некоторых случаях собственные средства страховой компании не могут покрыть расходы. В таком случае убытки компенсируются за счет средств государственного бюджета. Основными условиями международного кредита являются сумма, срок, цена и валюта. Сумма кредита (лимит) – обозначает сумму кредита, предоставленного заемщику. Сумма экспортного кредита не достигает общей суммы кредитного соглашения. Часть суммы оплачивает заемщик. Сумма кредита разделена на три периода.

– Период, в течение которого кредит будет использоваться по целевому назначению.

– Грейс-период – льготный период по кредиту.

– Срок погашения – период полного погашения кредита.

Как правило, экспортный кредит заемщику не предоставляется на определенный срок. Покупатель покупает товар поэтапно [3, с. 800].

К недвижимому имуществу относятся дома, строения, здания, движимое имущество, транспортные средства, строительное оборудование, средства связи, машины, механизмы, оборудование. В европейской практике лизинг автомобиля считается удобным на срок от двух до пяти лет. Доля лизинговых сделок, заключенных на срок более пяти лет, составляет 14,2 процента. В Европе лизинг является основным бенефициаром: на промышленность и строительство приходится 38,1 процента, а на частный сектор - 42,4 процента. Лизинговые операции удобны для всех сторон договора. Одна сторона продает производимое ею оборудование, другая берет необходимое ей оборудование в кредит и платит в рассрочку, а другая сторона способствует финансированию под гарантию погашения кредита и получает процентную выплату на вложенный капитал. Рынок лизинговых услуг характеризуется большим разнообразием видов лизинга, моделей лизинговых договоров и правовых норм, регулирующих лизинговые операции. Отрадно, что внешнеэкономические связи Туркменистана с каждым годом расширяются. Бурное развитие наших внешних связей ведет к расширению и углублению позиций нашей страны в мировой экономике. Теперь перед нами стоит вопрос о том, как увеличить внешнюю торговлю нашей страны.

Во внешней торговле любых развитых стран, особенно в экспорте, товары, реализуемые в кредит, составляют значительную часть общего объема экспорта. Эти банки имеют большое значение в развитии экономики страны. Кредит для международной торговли выполняет ряд важных функций во внешнеэкономических связях. Его основная функция – обеспечение перераспределения материальных и финансовых ресурсов между государствами и их эффективное использование. Вторая функция международного долга заключается в том, что средства, временно простаивающие в одной стране, используются для различных целей в экономике другой страны. Третья его функция – ускорение международной торговли и развитие непрерывного производства. Международный долг делится на три группы в зависимости от срока его погашения. Это краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные кредиты. Краткосрочные кредиты обычно выдаются на срок до одного года и в основном используются для финансирования закупок сырья. Среднесрочные кредиты – до 5-7 лет, под которые кредитуют в основном машины и оборудование. Долгосрочные кредиты имеют срок более 5-7 лет и используются в основном с целью реализации масштабных проектов. Независимый Туркменистан богат различными природными ресурсами. Если посмотреть на состав экспорта страны, то видно, что значительную его часть занимают сырье. В основном это природный газ и нефть. В нашей стране сосредоточен ряд других крупных запасов природных ресурсов. Важно, чтобы мы широко использовали международные кредиты, чтобы мы могли модернизировать эти природные ресурсы. То есть мы считаем, что широкое использование международного кредита при поставке иностранным покупателям различных видов товаров, производимых в стране, является одним из направлений, на которое нам сегодня следует обратить внимание. Мы считаем, что Туркменистану будет более выгодно использовать краткосрочные кредиты [4, с. 560].

Потому что, как известно, к основным экспортным товарам страны не относятся машины и оборудование. Осуществление долгосрочных инвестиций в зарубежную экономику также неприемлемо в нашей нынешней ситуации. Потому что в период великих Возрождений наша страна нуждается в огромных инвестициях. Поэтому среди международных кредитов нам удобнее всего использовать краткосрочные кредиты. Есть несколько преимуществ использования краткосрочных кредитов в финансировании международной торговли. Во-первых, при этом виде кредита структура нашей внешней торговли соответствует направлению кредитования. Во-вторых, краткосрочные кредиты быстро погашаются. Это помогает быстро собирать средства и направлять их в более ценные направления. В-третьих, процентные ставки по краткосрочным кредитам выше. Это обеспечивает более быстрый рост креди-

та. Теперь давайте посмотрим на суть нашей проблемы. Допустим, понятно, что в нашей внешней торговле удобно использовать международный кредит. Теперь, как это сделать. Как найти кредиты для финансирования нашей внешней торговли. Для решения этой проблемы я хотел бы предложить следующее.

– Согласно опыту развитых стран, государственный бюджет является первым источником кредитования внешней торговли государства. Поэтому ежегодно из государственного бюджета на эту работу

средства должны быть выделены. Более того, необходимо направить бюджетное преимущество страны в это русло.

– Мы должны добиться того, чтобы более богатые отрасли экономики выделили на эти цели специальные средства.

– Банк, осуществляющий внешнеэкономическую деятельность, должен для этой цели выпускать специальные акции [5, с. 916].

Если возникнет необходимость в финансировании нашей внешней торговли, можно найти и другие источники. Но перед этим нам нужно наладить выгодный бизнес в этом году. В целом, если мы широко будем использовать кредит во внешнеэкономических связях, то мы сделаем еще один решительный шаг на пути к ускорению развития экономики и расширению позиций нашей страны в мировой экономике и международной торговле.

Список литературы

1. «Национальная программа социально-экономического развития Туркменистана на 2011-2030 годы», А.: ТДНГ. 2022. С. 19 – 32.

2. Гельдымухамедова О. и др. Цифровая экономика. Учебник для вузов. – А.: ТДНГ, 2021. С. 47–55.

3. Лаврушин О. И. Банковское дело: учебник / О. И. Лаврушин. – Москва: КНОРУС, 2019. – 800 с.

4. Международные валютно-кредитные отношения: учебник / под ред. Л. Н. Красавиной. – Москва: Юрайт, 2021. – 560 с.

5. Булатов А. С. Мировая экономика: учебник / А. С. Булатов. – Москва: КНОРУС, 2020. – 916 с.

УДК 336.143.01

ФЕДЕРАЛЬНОЕ КАЗНАЧЕЙСТВО КАК УЧАСТНИК ФИНАНСОВОГО РЫНКА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УПРАВЛЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ ЛИКВИДНОСТЬЮ

Зайнутдинова Эмилия Сергеевна,
Студент 4 курса бакалавриата направления «Экономика»
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» Оренбургский филиал
(460000, Россия, г. Оренбург, ул. Пушкинская, 53.
Email: emilia.yakovleva.2004@gmail.com)
Снатенков Артём Александрович,
к. э. н., доцент
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова» Оренбургский филиал
(460000, Россия, г. Оренбург, ул. Пушкинская, 53.
Email: Snatenkov-03@rambler.ru)

Аннотация. В статье рассматривается трансформация роли Федерального казначейства Российской Федерации из пассивного хранителя бюджетных средств в активного участ-

ника финансового рынка. Особое внимание уделено механизму единого казначейского счёта (ЕКС) как основе бюджетной системы, обеспечивающей аккумулирование, перераспределение и временное размещение свободных государственных средств. А также были проведены статистические данные за 2021-2025 гг. и на их основе выявлены устойчивые тенденции.

Ключевые слова: Федеральное казначейство, единый казначейский счёт, облигации федерального займа, денежно-кредитная политика.

THE FEDERAL TREASURY AS A PARTICIPANT IN THE FINANCIAL MARKET: NATIONAL AND REGIONAL TRENDS IN BUDGET LIQUIDITY MANAGEMENT

Zaynutdinova Emilia Sergeevna,
4th-year undergraduate student in Economics
Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg Branch,
(460000, Russia, Orenburg, Pushkinskaya St., 53.
Email: emilia.yakovleva.2004@gmail.com)
Snatenkov Artyom Alexandrovich,
Ph.D in Economics, Associate Professor,
Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg Branch,
(460000, Russia, Orenburg, Pushkinskaya St., 53
Email: Snatenkov-03@rambler.ru)

Annotation. The article looks at the transformation of the role of the Federal Treasury of the Russian Federation from a passive keeper of budget funds to an active participant in the financial market. Special attention is given to the mechanism of the single treasury account (STA) as the foundation of the budget system, which provides for the accumulation, redistribution, and temporary placement of free government funds. Statistical data for 2021-2025 were also analyzed, and stable trends were identified based on them.

Keywords: Federal Treasury, single treasury account, federal loan bonds, monetary policy.

Развитие финансовых рынков и экономики – это непрерывный процесс, который длится ещё со времён Древней Руси. Без такого развития невозможно тесное взаимодействие между управлением ликвидными активами государства, реализацией денежно-кредитной политики (ДКП) и основными направлениями долговой стратегии. При этом, во внимание часто берётся регулирование государственного долга, чем управление бюджетными средствами, что является не совсем правильным, поскольку именно от рационального применения бюджетных средств будет зависеть уровень государственного долга и других аспектов государственной политики. Повышенные интерес международных агентов, финансовых институтов и экспертного сообщества к накопленным государственным долговым обязательствам обусловлен их потенциальной угрозой экономической устойчивости, в то время как неэффективное управление бюджетными средствами традиционно рассматривается как менее критический фактор. Тем не менее Всемирный Банк признаёт, что нерациональное использование бюджетных средств препятствует развитию финансового рынка и снижает эффективность денежно-кредитной политики.

Федеральное казначейство – это не просто «бухгалтерия бюджета». Это активный участник финансового рынка, который ежедневно работает с большими объёмами государственных средств. С 1 января 2005г. Федеральное казначейство подчиняется Министерству финансов РФ, соответственно у него появляются целенаправленные задачи, среди них:

1) сопровождение кассовых операций в рамках исполнения федерального бюджета;

2) контролирование соблюдения законодательства участниками бюджетного процесса;

3) распределение доходов между бюджетами разных уровней;

4) осуществление кассового обслуживания исполнения бюджетов субъектов РФ и

местных бюджетов;

5) своевременное составление отчётности об исполнении федерального бюджета [1].

Основа всей бюджетной системы – единый казначейский счёт (ЕКС). Единый казначейский счёт – это специальный счёт, который открывается Федеральным казначейством РФ для контроля над всеми денежными потоками бюджетной системы страны, а именно приём налогов, осуществление государственных закупок, выплаты из бюджета, финансирование различного рода программ и т.д. Суть ЕКС проста – все денежные средства, собранные со всех бюджетных организаций различных уровней аккумулируются на одном счёте, что даёт государству полный контроль за движением бюджетных средств и возможность своевременно их перераспределять, а банку, открывший такой счёт, дополнительно повысить свою ликвидность [2]. В случае если денежные средства не требуются для проведения различных операций, то они на время размещаются на финансовом рынке, что также подтверждает взаимодействие государства и банковской структурой.

С точки зрения системного подхода финансовый рынок включает в себя 4 элемента: участники финансового рынка, экономические отношения между ними, финансовые продукты и финансовые инструменты. Центральный Банк России трактует финансовый рынок так – это система экономических и правовых отношений, регулирующих использование денежных средств в качестве средства накопления и платежа, обращение финансовых инструментов, а также формирует правовую и культурную бизнес-среду для деятельности её участников. Финансовый рынок выступает как посредник между поставщиками и получателями временно свободных финансовых ресурсов. Продолжая говорить о финансовом рынке как системе, в зависимости от вида финансовых инструментов финансовый рынок представляет собой совокупность ряда рынков: кредитный, валютный, страховой, рынок ценных бумаг и рынок драгоценных металлов [3]. Соответственно Федеральное казначейство РФ обладает преимуществом осуществлять регулирование во всех разновидностях финансового рынка. Рассмотрим основные из них.

На кредитном рынке осуществляются операции по предоставлению временно свободных денежных средств одними экономическими субъектами другим в ссуду. Со стороны Федерального казначейства России могут осуществляться сделки по предоставлению бюджетных кредитов на пополнение местных бюджетов – инструмент, решающий задачу как поддержки регионов, так и управления ликвидностью. Это элемент системы перераспределения ликвидности внутри бюджетной системы.

На кредитном рынке производятся операции по купле-продажи иностранной валюты в наличной и безналичной формах, а на страховом заключаются различные страховые контракты и осуществляются инвестирования страховыми компаниями в финансовые инструменты, однако Федеральное казначейство не регулирует данные рынки, так как его полномочия сосредоточены на исполнении федерального бюджета, кассовом обслуживании контроле операций и т.д., также в его сферу деятельности не входит рынок драгоценных металлов, поскольку в структуре Минфина РФ имеется специальный орган – Департамент государственного регулирования отрасли драгоценных металлов и драгоценных камней, который и занимается выработкой НПА в этой сфере.

На рынке ценных бумаг большую популярность набирают операции РЕПО с государственными ценными бумагами. Операция РЕПО – это финансовый инструмент, который включает в себя две части. Первая – когда продавец, у которого появляется необходимость в дополнительных деньгах, продаёт ценные бумаги покупателю и получает за них выплату, плюс ко всему право собственности на них тоже переходит покупателю. Вторая – через определённый срок продавец выкупает, проданные им ценные бумаги, и платит ту же сумму, за которую продал и сверху доплачивает дисконт (%). В настоящий момент, в государственной структуре операция РЕПО осуществляется следующим образом: Федеральное казначейство покупает (продаёт) облигации федерального займа (ОФЗ) у кредитных организаций с обязательством обратной сделки. По сути – краткосрочное кредитование пол залог государственных бумаг или, наоборот, привлечение средств под залог. Преимущества такого ин-

струмента – высокая надёжность и гибкость сроков. Также существует нововведение: биржевое РЕПО с участием центрального контрагента, что снижает риски контрагентов и повышает эффективность операций.

Более сложный инструмент, который используется для расширения залоговой базы и управления ликвидностью. Клиринговые сертификаты участия (КСУ) позволяет казначейству получать доход, используя ценные бумаги, которые иначе не были задействованы в операциях. Главное преимущество данного инструмента – гибкость и потенциал расширения залоговой базы. По данным московского финансового форума с 2008 года управление временно свободными государственными средствами принесло бюджетной системе Российской Федерации около 5,91 трлн. рублей. В том числе более 5 трлн. руб. было получено после создания единого казначейского счёта [4].

На сегодняшний день Федеральное казначейство активно ведёт свою финансовую деятельность. В таблице 1 представлены статистические итоги результатов распределения средств, которые были получены от размещения временно свободных средств ЕКС за последние 5 лет.

Таблица 1

Динамика доходов бюджета Российской Федерации, млрд. руб.

Статьи доходов	2021г.	2022г.	2023г.	2024г.	2025г.
Всего доходов	131,4	400,9	667,2	1102,1	1499,7
Организации	-	-	9,5	0,1	0,2
Всего доходов бюджета	131,4	400,9	657,7	1102,0	1499,5
Федеральный бюджет	94,2	233,1	513,8	872,3	1171,4
Бюджет субъектов РФ	37,2	167,8	143,9	229,7	328,1

За рассматриваемый период наблюдается устойчивый и кратный рост доходов бюджета: совокупный объём доходов увеличился с 131,4 млрд. руб. в 2021 году до 1499,7 млрд. руб. в 2025 году. Основным драйвером роста выступает федеральный бюджет, поступления в который выросли с 94,2 до 1171,4 млрд. руб., тогда как доходы бюджетов субъектов РФ также демонстрируют положительную динамику, увеличившись с 37,2 до 328,1 млрд. руб., хотя и с некоторым снижением в 2023 году. Поступления от организаций в общем объеме доходов появились лишь в 2023 году и остаются незначительными (0,2 млрд. руб. в 2025 году), не оказывая существенного влияния на общую картину.

По состоянию на 1 января 2026 г. действует 37 Генеральных соглашений о покупке (продаже) ценных бумаг по договорам РЕПО. Информация о результатах проведения операций покупки (продаж) ценных бумаг по договорам РЕПО за 2021-2025 гг. представлена в таблице 2.

За рассматриваемый период наблюдается значительная волатильность как по видам используемых механизмов (ЕСФБ и ЕКС), так и по объёмным показателям. Количество проведённых отборов выросло с 139 в 2021 году до 541 в 2023 году, затем несколько снизилось до 340 в 2025 году, при этом число кредитных организаций-участников увеличилось с 16 до 35, что свидетельствует о расширении круга участников и устойчивом интересе банков к данному инструменту. Количество заключённых договоров РЕПО также существенно возросло – с 284 до 584, а пиковое значение (875) зафиксировано в 2024 году. Доход, полученный в результате размещения, устойчиво рос – с 47,0 млрд руб. в 2021 году до 306,4 млрд руб. в 2024 году, что подтверждает рост эффективности операций. Следовательно, ключевыми тенденциями являются расширение участников, рост числа сделок и доходов при сохранении высокой волатильности объёмных параметров и сроков размещения.

Таблица 2

Результат отборов заявок кредитных организаций на размещение денежных средств по договорам РЕПО

Год	2021		2022		2023	2024	2025
Вид средств	ЕСФБ	ЕКС	ЕСФБ	ЕКС	ЕКС	ЕКС	ЕКС
Проведено отборов	139	304	44	400	541	521	340
Количество кредитных организаций, принявших участие в отборах заявок и разместивших средства по договорам РЕПО	16	29	12	30	36	35	35
Заключено договоров РЕПО	284	662	83	697	869	875	584
Срок размещения средств по депо, дней	34-98	1-273	35-91	1-42	1-91	1-103	1-91
Предложено к размещению, млрд. руб.	7065,0	68284,0	630,0	41765,0	75866,0	46434,9	11461,0
Спрос со стороны кредитных организаций, млрд. руб.	8169,1	44971,2	813,2	44149,3	90041,8	34119,2	13329,1
Объём размещённых средств, млрд. руб.	6237,2	34570,5	565,3	31636,2	60962,8	27716,9	8675,4
Доход, млрд. руб.	47,0	40,0	24,9	116,9	274,0	306,4	132,3

Таким образом, казначейская система РФ трансформировалась из пассивного хранителя бюджетных средств в активного участника финансового рынка, и дальнейшее развитие этой роли.

Список литературы

1. Казначейство России. История казначейской системы : официальный сайт. – URL: https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/istoriya-kaznachejskoj-sistemy?ysclid=mucjk9tke0377479693#top (дата обращения: 22.09.2026). – Текст : электронный.

2. Осипова, О. Единый казначейский счет — что это и как с ним работать? / О. Осипова // KaznaHelp. – 31.10.2025. – URL: https://www.kaznahelp.ru/eks?ysclid=muckzook4849129612#glava4 (дата обращения: 22.09.2026). – Текст : электронный.

3. Крупенина, М. Размещение свободных госсредств принесло бюджетам 5,91 трлн рублей / М. Крупенина // KU66.RU. – 22.09.2026. URL: https://ku66.ru/news/razmeshchenie_svobodnykh_gossredstv_prineslo_byudzhetam_591_trln_rublej?ysclid=mucjwheg8558158829 (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

4. Кроливецкая В.Э. Регулирование финансового рынка в России: учебное пособие для бакалавров / В.Э. Кроливецкая, И.В. Солдатенкова. – Гатчина : Изд-во ГИЭФПТ, 2020. – С. 13–14.

5. Казначейство России. Итоговый доклад о результатах деятельности Федерального казначейства за 2025 год и основных направлениях деятельности на среднесрочную перспективу : официальный сайт. – 13.03.2026. – URL: https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/plany-i-otchety/o-rezultatakh-raboty-fk?filter_year=2026 (дата обращения: 23.09.2026). – Текст : электронный.

УДК 331.5

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ РАБОЧИХ ПРОФЕССИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА

Зверева Юлия Денисовна,
студент бакалавриата,
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»
(115054, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36. E-mail: julia_zver_00@mail.ru)
Хоменко Екатерина Борисовна,
доктор экон. наук, профессор,
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»
(115054, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36. E-mail: Homenko.EB@rea.ru)

Аннотация. В статье рассматривается роль региональных практик популяризации рабочих профессий как инструмента регулирования кадрового дефицита. На примере Ярославской области анализируются целевые аудитории, ключевые смыслы, каналы коммуникации и инструменты продвижения, направленные на преодоление стереотипов о непрестижности рабочих специальностей и формирование нового позитивного образа рабочего профессионала. Приводятся конкретные количественные показатели, характеризующие масштаб и эффективность реализуемых практик. Делается вывод о том, что системная коммуникационная работа является не вспомогательным инструментом, а ключевым элементом трансформации системы среднего профессионального образования и обеспечения кадрового суверенитета региона.

Ключевые слова: популяризация рабочих профессий, кадровый дефицит, среднее профессиональное образование (СПО), профориентация, коммуникационная стратегия, технологический суверенитет.

REGIONAL PRACTICES OF POPULARIZING WORKING PROFESSIONS AS A TOOL FOR REGULATING STAFF SHORTAGE

Zvereva Yulia Denisovna,
Bachelor's student,
Plekhanov Russian University of Economics
(115054, Moscow, Stremyanny Lane, 36. E-mail: julia_zver_00@mail.ru)
Khomenko Ekaterina Borisovna,
Doctor of Economics, Professor,
Plekhanov Russian University of Economics
(115054, Moscow, Stremyanny Lane, 36. E-mail: Homenko.EB@rea.ru)

Annotation. The article examines the role of regional practices of popularizing working professions as a tool for regulating staff shortage. Using the example of the Yaroslavl region, target audiences, key messages, communication channels, and promotion tools aimed at overcoming stereotypes about the low prestige of working specialties and forming a new positive image of a working professional are analyzed. Specific quantitative indicators characterizing the scale and effectiveness of the implemented practices are provided. It is concluded that systematic communication work is not an auxiliary tool but a key element in transforming the secondary vocational education system and ensuring the region's personnel sovereignty.

Keywords: popularization of working professions, staff shortage, secondary vocational education (SVE), career guidance, communication strategy, technological sovereignty.

Актуальность настоящего исследования обусловлена трансформацией российского рынка труда и системы профессионального образования в условиях решения задач технологического суверенитета и импортозамещения. Президент России В.В. Путин обозначил достижение технологического лидерства одной из национальных целей развития России. В

этом контексте среднее профессиональное образование (СПО) перестает быть «запасным вариантом», превращаясь в важнейший социальный лифт и кадровый фундамент экономики. Как отмечается в научной литературе, ключевая роль в обеспечении технологического суверенитета отводится когнитивной составляющей и сбалансированной системе образования, включая трансформацию подходов к подготовке инженерных кадров [1].

Однако объективные экономические потребности сталкиваются с субъективными барьерами восприятия. Стереотипы о рабочих профессиях как о непрестижных и низкооплачиваемых, укорененные в общественном сознании, требуют целенаправленной и системной работы по их преодолению. Как показывают экспертные опросы, популяризация рабочих профессий среди молодежи затрудняется низким уровнем комфортности условий труда и низкой заработной платой рабочих на промышленных предприятиях (90% экспертов). При этом консолидация сил предприятий и системы образования в организации мероприятий по популяризации рабочих профессий оценивается экспертами как недостаточная (82,5%) [2].

В Ярославской области ситуация с кадровым дефицитом стоит особенно остро. Безработица в регионе составляет 2,2% — это самый низкий уровень с 1990-х годов, а 58% всех вакансий размещено для «синих воротничков». Главный тренд современности — бережное отношение к людям, и кадровый голод будет сохраняться [3]. Предприятиям региона не хватает почти 700 различных специалистов, в списке самых востребованных — инженер, рабочий, слесарь, продавец, повар, швея [4].

Коммуникационная стратегия в сфере образования не является набором разрозненных PR-акций. Это комплексный план, направленный на формирование и продвижение определенного ценностного предложения для различных целевых групп. В случае с популяризацией рабочих профессий таким предложением является тезис о том, что рабочая профессия – это гарантия самореализации, материальной стабильности и вклада в технологический суверенитет страны, доступная для всех, включая людей с инвалидностью.

Как отмечается в исследованиях, проблема профессиональной ориентации становится все более важным условием повышения эффективности и конкурентоспособности любого предприятия, поскольку производительность труда работников, соответствующих по своим качественным характеристикам выбранной профессии, в среднем на 20% выше [5].

Интеграция с национальными проектами и усиление роли регионального компонента является одним из ключевых векторов развития коммуникационной стратегии. Ярославская область демонстрирует системный подход к обеспечению технологического суверенитета: создается образовательно-производственный кластер «Машиностроение (судостроение)», научно-образовательным ядром которого станет РГАТУ имени П.А. Соловьева. Губернатор Ярославской области Михаил Евраев отметил: «Решение продиктовано и государственными задачами по обеспечению технологического суверенитета, и потребностями региона. У нас мощный кадровый, промышленный и научный потенциал» [6].

Ключевым же инструментом популяризации рабочих профессий выступает чемпионатное движение. В 2025 году в региональном этапе чемпионата «Профессионалы» приняли участие более 400 ярославцев: студенты - по 67 компетенциям, школьники - по 10. Региональный чемпионат был пополнен новыми компетенциями: «Обслуживание устройств тягового электроснабжения», «Разработка компьютерных игр и мультимедийных приложений», «Проводник пассажирского вагона», «Бережливое производство», «Охрана труда», «Управление локомотивом» [7].

Более того, важнейшим элементом коммуникационной стратегии является профориентационная работа. Ярославская область вошла в число 11 пилотных регионов, в которых стартовал федеральный проект по профориентации и маршрутизации молодежи к работодателям в рамках нацпроекта «Кадры» [8]. За время реализации проекта специалисты кадровых центров «Работа России» создали единую систему профессиональной ориентации: более 12 тысяч учеников 8–9-х классов и 10,7 тысячи студентов выпускных курсов познакомились с различными работодателями. С момента запуска проекта кадровые центры области провели 133 профтура, в которых приняли участие более 7 тысяч молодых людей. В ходе экскурсий

они получили представление о специфике работы 42 ведущих предприятий. Ребята познакомились с востребованными в регионе специальностями и рабочими профессиями, такими как токарь, фрезеровщик, электромонтажник, шлифовщик, оператор станков с ПУ, слесарь механосборочных работ. Как подчеркнула заместитель председателя правительства Ярославской области Вера Даргель, ранняя профориентация является ключевым инструментом профилактики молодежной безработицы и дефицита кадров [9].

Реализация стратегии в Ярославской области опирается на развитую систему среднего профессионального образования, представленную 31 профессиональной образовательной организацией, где обучается более 27 тысяч студентов по 150 специальностям [10]. Эффективное функционирование такой системы обеспечивается кластерным подходом, который в мировой и отечественной практике признаётся действенным инструментом организации инновационной деятельности и подготовки специалистов, позволяющим скоординировать усилия государства, образования, науки и бизнеса [11]. Именно на основе этого подхода в 2025 году в колледжах региона были сформированы пять кластеров: машиностроительный, биофармацевтический, железнодорожный, педагогический и сельскохозяйственный [10]. В рамках же федерального проекта «Профессионалитет» в государственных и муниципальных организациях региона обучается 16 356 студентов [12].

Значимую роль в популяризации рабочих профессий играет также целевое обучение. В 2025 году 140 работодателей Ярославской области направили порядка 700 предложений о целевом обучении по программам высшего и среднего профессионального образования, заявления подали более тысячи человек. На единой цифровой платформе «Работа в России» опубликованы предложения целевого обучения, в том числе около 200 программ — от Ярославской области. Среди крупных работодателей-заказчиков — АО «Ярдормост», ООО «Красный маяк», АО «Русская механика», ООО «Транснефть-Балтика» и другие. Всего в Ярославской области готовы обучать специалистов 28 компаний [13].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что коммуникационная стратегия по популяризации рабочих профессий в Ярославской области является системной и многоуровневой. Она выстроена от анализа общественного запроса через сегментацию аудитории к подбору точных инструментов и оценке эффективности. Мультиканальность: использование всего спектра каналов коммуникации: от традиционных СМИ до таргетированной интернет-рекламы и социальных сетей. Целенаправленность и адаптивность: для каждой аудитории разработаны уникальные ключевые смыслы. Измеримость: наличие конкретных количественных KPI по всем проектам свидетельствует о профессиональном подходе к управлению коммуникациями.

Подводя итоги, региональные практики популяризации рабочих профессий в Ярославской области представляют собой комплексный, системный ответ на вызовы кадрового дефицита. Сочетание федеральных коммуникационных стратегий, реализуемых через экосистему чемпионатов и проект «Профессионалитет», с региональными инициативами в сфере профориентации и целевого обучения создает ко всему прочему мультипликативный эффект. Ключевым выводом является то, что популяризация рабочих профессий перестает быть вспомогательным инструментом и становится системообразующим элементом трансформации системы СПО. Эффективная коммуникация выступает связующим звеном, которое синхронизирует запросы экономики, образовательные практики и ценностные ориентиры молодежи.

Список литературы

1. Горин, Е. А. Технологический суверенитет: от рецепции к идентичности / Е. А. Горин // Экономическое возрождение России. – 2024. – № 3(81). – С. 24-42. – DOI 10.37930/1990-9780-2024-3-81-24-42. – EDN RVGPUQ.

2. Федорова, Е. А. Перспективы промышленного сектора России: опрос экспертов накануне кризиса / Е. А. Федорова, К. А. Мазаева, С. В. Сигова // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 3(45). – С. 142-154. – EDN UILCTJ.

3. Неделя промышленности, день пятый: кадры, внешнеэкономическая деятельность, защита от контрафакта [Электронный ресурс] // Ярославская торгово-промышленная палата. – 2025. – URL: https://yartpp.ru/news/detail/den-pyatyy-kadry-vneshneekonomicheskaya-deyatelnost-zashchita-ot-kontrafakta/ (дата обращения: 16.09.2026).

4. Требуются 700 специалистов: предприятия региона готовы оплатить обучение ярославских студентов [Электронный ресурс] // Телеканал «ЯПервый». – 2025. – URL: https://1yar.tv/article/trebuetsya-700-specialistov-predpriyatiya-gotovy-oplatit-obuchenie-yaroslavskih-studentov/ (дата обращения: 16.09.2026).

5. Лыжин, А. И. Многоуровневая профориентация как основа развития кадрового потенциала экономики региона / А. И. Лыжин, А. А. Шаров // Профессиональное образование и рынок труда. – 2019. – № 3. – С. 105-112. – DOI 10.24411/2307-4264-2019-10314. – EDN MCFWWF.

6. Судостроительный кластер создают в Ярославской области [Электронный ресурс] // Яррег. – 2026. – URL: https://yarreg.ru/articles/sudostroitelnyy-klaster-sozdayut-v-yaroslavskoy-oblasti/ (дата обращения: 16.09.2026).

7. В Ярославской области стартовали Чемпионат по профессиональному мастерству «Профессионалы» и Чемпионат высоких технологий [Электронный ресурс] // Портал органов власти Ярославской области. – 2025. – URL: https://portal.yarregion.ru/depts-dobr/press-center/news/detail.php?SECTION_CODE=&ELEMENT_CODE=v-yaroslavskoy-oblasti-startovali-chempionat-po-professionalnomu-masterstvu-professionaly-i-chempion (дата обращения: 16.09.2026).

8. Ярославская область вошла в пилотный федеральный проект по профориентации молодежи [Электронный ресурс] // Яррег. – 2025. – URL: https://yarreg.ru/articles/yaroslavskaya-oblast-voshla-v-pilotnyy-federalnyy-proekt-po-proforientacii-molodeji/ (дата обращения: 16.09.2026).

9. Около 22 тысяч юных ярославцев прошли профориентацию в службе занятости [Электронный ресурс] // Яррег. – 2025. – URL: https://yarreg.ru/articles/okolo-22-tysyach-yunyh-yaroslavcev-proshli-proforientaciyu-v-slujbe-zanyatosti/ (дата обращения: 16.09.2026).

10. Колледжи и техникумы Ярославской области отмечают День СПО [Электронный ресурс] // Портал органов власти Ярославской области. – 2025. – URL: https://portal.yarregion.ru/depts-dobr/press-center/news/detail.php?SECTION_CODE=novosti-organizatsii&ELEMENT_CODE=kolledzhi-i-tekhnikumy-yaroslavskoy-oblasti-otmechayut-den-spo (дата обращения: 16.09.2026).

11. Зверева, Ю. Д. Кадровое обеспечение развития инновационного кластера беспилотных авиационных систем в Ярославской области / Ю. Д. Зверева, Е. Б. Хоменко // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения: Сборник научных статей 16-й Международной научно-практической конференции, Курск, 25 июня 2026 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2026. – С. 122-125. – EDN XGUBSF.

12. Мониторинг качества подготовки кадров. Ярославская область. 2025 [Электронный ресурс] // МИКЦЕДУ. – 2025. – URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2025/_spo/material.php?type=2&id=10313 (дата обращения: 16.09.2026).

13. Ярославские работодатели предлагают молодежи около 200 программ целевого обучения [Электронный ресурс] // Яррег. – 2026. – URL: https://yarreg.ru/articles/yaroslavskie-rabotodateli-predlagayut-molodeji-okolo-200-programm-celevogo-obucheniya/ (дата обращения: 16.09.2026).

УДК: 339.543

МЕХАНИЗМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ОБМЕНА ДАННЫМИ В ТАМОЖНЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Земскова Ирина Анатольевна,
Старший преподаватель кафедры «Таможенного дела и товароведения»
ФГБОУ ВО «Саратовский государственный
технический университет имени Ю.А. Гагарина».
(410054, Российская Федерация, г. Саратов,
ул. Политехническая, 77. E-mail: zemskova.iren@mail.ru)

Аннотация. В статье исследуются организационно-технологические механизмы межрегионального обмена данными в системе таможенных органов Российской Федерации в контексте реализации Стратегии развития таможенной службы до 2030 года. Особое внимание уделено архитектуре Единой автоматизированной информационной системы таможенных органов нового поколения (ЕАИС ТО 2.0), технологическим картам информационного взаимодействия между центрами электронного декларирования (ЦЭД) и региональными таможенными управлениями, а также интеграционным решениям в рамках системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). На основе анализа нормативно-правовой базы и практики функционирования таможенной инфраструктуры 2025–2026 гг. выявлены ключевые проблемы синхронизации данных в распределённой среде и предложены направления совершенствования механизмов диспетчеризации декларационных массивов.

Ключевые слова: межрегиональный обмен данными, цифровая трансформация, ЕАИС ТО 2.0, центр электронного декларирования, система межведомственного электронного взаимодействия, таможенный контроль, реинжиниринг процессов, ФТС России.

MECHANISMS OF INTERREGIONAL DATA EXCHANGE IN CUSTOMS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Zemskova Irina Anatolyevna,
Senior Lecturer, Department of Customs Affairs and Commodity Science, Yuri A. Gagarin Saratov State Technical University. (410054, Russian Federation, Saratov, 77 Polytechnic St. Email: zemskova.iren@mail.ru)

Annotation. The article examines the organizational and technological mechanisms of interregional data exchange within the system of customs authorities of the Russian Federation in the context of implementing the Customs Service Development Strategy up to 2030. Special attention is given to the architecture of the new generation Unified Automated Information System for Customs Authorities (UAIS CA 2.0), the technological interaction maps between electronic declaration centers (EDCs) and regional customs administrations, as well as integration solutions within the framework of the interagency electronic interaction system (IES). Based on the analysis of the regulatory framework and the practice of customs infrastructure operation in 2025–2026, key problems of data synchronization in distributed environments have been identified, and directions for improving the dispatching mechanisms of declaration arrays have been proposed.

Keywords. interregional data exchange, digital transformation, EAIS TO 2.0, electronic declaration center, interagency electronic interaction system, customs control, process reengineering, FCS of Russia.

Цифровая трансформация таможенной службы Российской Федерации, реализуемая в рамках Стратегии развития до 2030 года[1], предполагает переход от фрагментарной автоматизации отдельных функций к формированию целостной цифровой экосистемы, обеспечивающей сквозной обмен данными между всеми структурными подразделениями ФТС России независимо от их территориальной принадлежности. Ключевым вызовом в данном контексте становится организация эффективного межрегионального информационного взаимодействия

между центрами электронного декларирования (ЦЭД), региональными таможенными управлениями (РТУ) и таможенными постами, особенно в условиях роста объёмов декларационных документов и усложнения логистических цепочек поставок [2, с. 75].

Актуальность исследования обусловлена тем, что к 2026 году более 85% деклараций на товары оформляются в электронной форме, при этом значительная часть из них регистрируется в ЦЭД, территориально удалённых от места фактического нахождения товара или участника внешнеэкономической деятельности (ВЭД). В таких условиях качество и скорость межрегионального обмена данными становятся критическими факторами, определяющими как время выпуска товаров, так и эффективность последующего таможенного контроля.

Цель настоящей работы — проанализировать существующие механизмы межрегионального обмена данными в таможенных органах РФ, выявить системные ограничения текущей архитектуры и обосновать направления их устранения в рамках внедрения ЕАИС ТО 2.0.

Правовой фундамент межрегионального обмена данными в таможенной сфере формируют следующие нормативные акты:

- Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) [3], устанавливающий общие принципы электронного декларирования и информационного взаимодействия между таможенными органами государств-членов;
- Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», определяющий требования к созданию и эксплуатации государственных информационных систем [4];
- Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Об утверждении Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года»[1], закрепляющее приоритет цифровой трансформации и реинжиниринга процессов;
- Приказы Министерства финансов РФ, ФТС России, регламентирующие порядок функционирования ЦЭД, технологические карты обмена данными и правила диспетчеризации декларационных массивов [5].

Особое значение имеет соглашение об информационном взаимодействии между ФТС и ФНС России, подписанное 3 декабря 2025 года [6], которое предусматривает обмен тридцатью видами сведений в режиме реального времени через СМЭВ, включая данные о декларациях, транзитных грузах и финансовом состоянии участников ВЭД. Данное соглашение фактически создало единый контур проверок, в котором межрегиональный обмен данными стал неотъемлемым элементом администрирования импортных операций.

В период 2020–2025 гг. в таможенных органах РФ функционировала распределённая архитектура ЕАИС ТО, в которой обмен данными между регионами осуществлялся через централизованные узлы коммутации, расположенные в Центральном информационно-техническом таможенном управлении (ЦИТТУ) и Межрегиональной инспекции ФНС по централизованной обработке данных. Плановый обмен информацией в электронном виде осуществлялся на федеральном уровне через указанные структуры с последующим доведением данных до территориальных органов по ведомственной принадлежности[6].

Ключевыми компонентами системы межрегионального обмена являлись:

- автоматизированная система управления декларационными потоками (АС УДП), обеспечивающая маршрутизацию электронных деклараций на товары (ЭДТ) между ЦЭД в зависимости от кода региона места прибытия товара, специализации ЦЭД и текущей загрузки;
- подсистема межрегиональной диспетчеризации, позволяющая передавать декларации из одного ЦЭД в другой при возникновении нештатных ситуаций (технические сбои, превышение нормативов времени выпуска, необходимость специализированного контроля);
- единый реестр участников ВЭД, синхронизируемый между всеми региональными узлами ЕАИС ТО и содержащий актуальные сведения о статусе декларантов, наличии разрешительных документов и истории таможенных операций.

Несмотря на достигнутый уровень автоматизации, в практике функционирования си-

стемы выявлен ряд системных ограничений. Во-первых, отсутствует реализованный механизм получения уполномоченными экономическими операторами (УЭО) сведений о транзитных декларациях, зарегистрированных таможенными органами других государств-членов ЕАЭС, что требует доработки информационно-программных средств ЕАИС. Во-вторых, подразделения таможенного контроля после выпуска товаров сталкиваются с ограничениями доступа к некоторым программным комплексам, используемым в других регионах, что снижает эффективность постконтрольных мероприятий [7].

В 2025–2026 гг. ФТС России внедрила уточнённые технологические карты межрегионального информационного взаимодействия, которые регламентируют следующие сценарии обмена данными:

Маршрутизация ЭДТ между ЦЭД. При регистрации декларации система автоматически определяет целевой ЦЭД на основе кода региона места прибытия, специализации ЦЭД (например, ЦЭД по контролю за подакцизными товарами) и текущей операционной загрузки. В случае невозможности обработки в назначенном ЦЭД декларация перенаправляется в резервный центр с фиксацией причины перемаршрутизации.

Запрос дополнительных сведений у территориальных таможенных органов. Если в процессе проверки декларации инспектору ЦЭД требуются данные, находящиеся в распоряжении таможенного поста или РТУ (например, результаты физического досмотра, сведения о месте доставки), формируется автоматизированный запрос через внутренний контур ЕАИС ТО с нормативным сроком ответа 2 часа.

Синхронизация данных о результатах контроля. После завершения таможенного контроля результаты (выпуск, отказ в выпуске, назначение дополнительной проверки) в режиме реального времени передаются в региональный узел ЕАИС ТО, к которому прикреплён участник ВЭД, а также в ФНС через СМЭВ для целей администрирования НДС[6].

Обмен данными в рамках правоохранительной деятельности. В соответствии с мероприятием 3.8.2 Плана деятельности ФТС на 2025–2030 гг. расширяется система внутриведомственного и межведомственного взаимодействия в части расследования уголовных дел и дел об административных правонарушениях, включая оперативное получение информации, требуемой для расследования[8].

Важно отметить, что с 2026 года ФТС перестала запрашивать у декларантов данные, которые могут быть получены от других ведомств через СМЭВ, что существенно снизило административную нагрузку на участников ВЭД и ускорило процесс выпуска товаров [9].

В июле 2026 года руководитель ФТС России В. И. Пикалёв анонсировал переход к следующему этапу цифровой реформы — созданию Единой автоматизированной информационной системы таможенных органов нового поколения (ЕАИС ТО 2.0). Данная платформа призвана устранить выявленные ограничения текущей архитектуры и обеспечить [10]:

- быстрый обмен информацией между подразделениями службы за счёт внедрения шины корпоративной интеграции и микросервисной архитектуры;
- повышенную защищённость государственных информационных систем через применение отечественных криптографических средств и технологий доверенной среды исполнения;
- переход на отечественные программные платформы (ОС «Альт», СУБД Postgres Pro, middleware на базе российских решений) в рамках импортозамещения;
- интеграцию действующих цифровых сервисов в единую среду, включая системы предварительного информирования, электронного транзита, таможенного мониторинга и межпостовой диспетчеризации.

Особое значение в контексте межрегионального обмена имеет внедрение «умной» диспетчеризации между ЦЭД, которая на основе алгоритмов машинного обучения динамически перераспределяет декларационные потоки с учётом прогнозной загрузки, специализации инспекторского состава и исторических данных о времени обработки. Это позволяет минимизировать нештатные ситуации, связанные с превышением нормативов выпуска, и снизить нагрузку на отдельные регионы за счёт балансировки потоков [11].

Несмотря на достигнутый прогресс, в практике межрегионального обмена данными сохраняются следующие проблемы:

1. Гетерогенность информационных систем. Различные регионы используют модифицированные версии программных комплексов, что приводит к несовместимости форматов данных и необходимости ручной конвертации при обмене.

2. Задержки синхронизации реестров. В отдельных случаях актуализация сведений о статусе участника ВЭД или наличии разрешительных документов занимает до 24 часов, что критично для скоропортящихся грузов.

3. Ограниченный доступ подразделений постконтроля к данным. Сотрудники отделов таможенного контроля после выпуска товаров не всегда имеют прямой доступ к системам, используемым в других регионах, что вынуждает направлять официальные запросы и увеличивает время проверки [12, с. 50].

4. Отсутствие сквозной аналитики. Данные о движении товаров, зафиксированные в разных регионах, не агрегируются в едином аналитическом контуре, что затрудняет выявление трансрегиональных схем уклонения от уплаты таможенных платежей.

Для устранения указанных ограничений целесообразно:

Унификация программных сред в рамках ЕАИС ТО 2.0 с обязательным применением единых стандартов обмена данными (REST API, JSON Schema, ГОСТ Р 57580-2017).

Внедрение механизма реального времени для синхронизации реестров на основе технологии event-driven architecture, когда любое изменение в центральном реестре мгновенно реплицируется на все региональные узлы.

Расширение прав доступа подразделений постконтроля к информационным системам других регионов через систему ролевой модели с аудитом всех операций.

Создание федерального аналитического центра данных ФТС, агрегирующего информацию о всех таможенных операциях независимо от региона регистрации и обеспечивающего выявление трансрегиональных рисков.

Механизмы межрегионального обмена данными в таможенных органах Российской Федерации прошли значительную эволюцию от фрагментарных решений начала 2020-х гг. до комплексной платформы ЕАИС ТО 2.0, внедряемой с 2026 года. Ключевым достижением стало создание распределённой архитектуры, обеспечивающей маршрутизацию декларационных потоков между ЦЭД, синхронизацию данных с ФНС и другими ведомствами через СМЭВ, а также автоматизацию запросов дополнительных сведений.

Тем не менее, для полного соответствия требованиям Стратегии развития до 2030 года необходимо устранить сохраняющиеся проблемы гетерогенности систем, задержек синхронизации и ограниченного доступа к данным. Реализация предложенных направлений совершенствования позволит сформировать действительно единую цифровую экосистему таможенных органов, в которой межрегиональный обмен данными станет прозрачным, быстрым и безопасным, что в конечном итоге повысит эффективность таможенного администрирования и снизит издержки участников ВЭД.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Об утверждении Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353557/ (дата обращения: 06.09.2026).

2. Начкин А.И. Совершенствование организации цифрового взаимодействия таможенных органов и участников внешнеэкономической деятельности: практический аспект // Бюллетень инновационных технологий. – 2025. – Т. 9. – № 4 (36). – С. 74-78.

3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о ЕАЭС) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 05.09.2026).

4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // https://www.consultant.ru/document/

cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 05.09.2026).

5. Приказ Минфина России от 08.04.2025 N 45н (ред. от 02.03.2026) "Об определении полномочий таможенных органов по регистрации таможенных деклараций и утверждении порядка совершения таможенными органами таможенных операций, связанных с распределением деклараций на товары в виде электронного документа между таможенными постами посредством информационной системы таможенных органов без участия должностных лиц таможенных органов" (Зарегистрировано в Минюсте России 03.09.2025 N 83458) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_513838/ (дата обращения: 07.09.2026).

6. Соглашение об информационном взаимодействии между Федеральной таможенной службой и Федеральной налоговой службой (утв. ФТС России N 01-70/0016, ФНС России N ЕД-22-15/61@ от 03.12.2025) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_524624/ (дата обращения: 09.09.2026).

7. Письмо ФТС России от 29.07.2026 № 04-71/47319 «О направлении информации» // https://base.garant.ru/414733615/ (дата обращения: 09.09.2026).

8. План деятельности Федеральной таможенной службы на 2025 год и плановый период 2026 - 2030 годов (утв. Минфином России 9 июля 2025 г.) / ГАРАНТ // https://base.garant.ru/412304316/ (дата обращения: 08.09.2026).

9. ФТС раскрыла карты по цифровизации границ. Что изменится для фур в 2026 году // https://dzen.ru/a/aUvL73jJpVfwfFR_ (дата обращения: 08.09.2026).

10. ФТС переходит к следующему этапу цифровой реформы // https://www.tks.ru/news/nearby/2026/07/03/0008/fts-perehodit-k-sleduyuschemu-etapu-tsifrovoj-reformyi/ (дата обращения: 05.09.2026).

11. Цифровизация ФТС России: скорость и прозрачность // https://planetaved.ru/news/tamozhnya/strategiya-fts-rossii-tsifrovaya-transformatsiya-tamozhni-dlya-skorosti-i-prozrachnosti/ (дата обращения: 05.09.2026).

12. Малиновская И.Н., Клевцов С.М., Чухлебова А.Р. Программные средства, применяемые таможенными органами в рамках контроля после выпуска товаров // Управление и учёт. 2026. № 7. С. 45–52.

УДК 330.34

РОЛЬ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Зинченко Татьяна Александровна,
старший преподаватель кафедры «Экономика и транспорт»,
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В. Даля», Антрацитовский институт геосистем и технологий (филиал).
(294613, Россия, Луганская Народная Республика,
г. Антрацит, ул. Ильича, д. 1[а]. E-mail: malinka81@bk.ru)

Аннотация. В статье представлены результаты анализа понятия «инвестиционная деятельность» в отечественной и зарубежной экономической литературе, выявляются концептуальные подходы к его трактовке. Автором выделены несколько концептуальных подходов, каждый из которых акцентирует внимание на различных аспектах данного явления, при этом каждый подход имеет достоинства, но ограничен узкой специализацией. Их разрозненность не позволяет сформировать целостное представление об инвестиционной деятельности, особенно на региональном уровне, где она приобретает специфические черты из-за территориальной дифференциации условий хозяйствования. Эволюция взглядов на инвестиции показывает, как понимание инвестиционной деятельности изменилось: от простого описания действий к анализу её интенсивности и эффективности. На основе проведённого анализа автором предлагается интегративная трактовка, позволяющая преодолеть фрагментарность

существующих определений и сформировать категориальный аппарат, адекватный современным реалиям, что создаёт методологическую основу для последующего анализа инвестиционной активности региона и разработки практических рекомендаций по её повышению.

Предложенная трактовка экономической категории служит теоретической основой для последующего построения методики оценки инвестиционной активности региона и формирования системы мер по её повышению с целью повышения темпов социально-экономического развития.

Ключевые слова: инвестиция, инвестиционная деятельность, регион, социально-экономическое развитие, капитал, инвестиционная активность, инвестиционный проект.

THE ROLE OF INVESTMENT ACTIVITY IN SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT: A THEORETICAL ASPECT

Zinchenko Tatyana Alexandrovna,
Senior Lecturer at the Department of Economics and Transport,
V. Dal Luhansk State University,
Antratsit Institute of Geosystems and Technologies (branch).
(294613, Russia, Luhansk People's Republic,
Antratsit, Ilyich Street, building 1a. E-mail: malinka81@bk.ru)

Annotation. The article presents the results of an analysis of the concept of «investment activity» in domestic and foreign economic literature and identifies conceptual approaches to its interpretation. The author identifies several conceptual approaches, each of which focuses on different aspects of this phenomenon; each approach has its advantages, but is limited by its narrow specialization. Their fragmentation does not allow for the formation of a holistic understanding of investment activity, especially at the regional level, where it acquires specific features due to the territorial differentiation of economic conditions. The evolution of views on investment demonstrates how the understanding of investment activity has changed: from a simple description of actions to an analysis of its intensity and effectiveness. Based on the analysis conducted, the author proposes an integrative interpretation that makes it possible to overcome the fragmentation of existing definitions and to form a categorical framework that is adequate to modern realities, which creates a methodological basis for the subsequent analysis of the region's investment activity and the development of practical recommendations for its enhancement.

The proposed interpretation of the economic category serves as a theoretical foundation for the subsequent development of a methodology for assessing the region's investment activity and for creating a system of measures to enhance it in order to increase the pace of socio-economic development.

Keywords: investment, investment activity, region, socio-economic development, capital, investment activity, investment project.

Эволюция экономической мысли в области инвестиций характеризуется постепенным переходом от рассмотрения инвестиционной деятельности как совокупности действий к изучению инвестиционной активности как качественной и количественной характеристики этой деятельности. Данный анализ прослеживает трансформацию понятийного аппарата, выявляя ключевые этапы и подходы в интерпретации категории «инвестиционная активность» в научной литературе.

С развитием экономической теории возникает потребность в характеристике не только самого процесса инвестирования, но и его интенсивности, результативности и динамики. Это знаменует переход к категории «инвестиционная активность», которая первоначально рассматривалась как синоним инвестиционной деятельности или как ее качественная характеристика [7].

В российской научной литературе сложилось понимание, что инвестиционная активность представляет собой многофакторную категорию, отражающую в динамике интенсив-

ность инвестиционной деятельности, масштабность, направленность и эффективность инвестиционных вложений [9]. Характерной особенностью многих трактовок является отождествление инвестиционной активности с совокупностью действий, обусловленных движением объемов инвестиционных вложений, прежде всего реальных.

Систематизация трактовок понятия «инвестиционная деятельность», представленных в отечественной и зарубежной литературе, позволяет выделить несколько концептуальных подходов, каждый из которых акцентирует внимание на различных аспектах данного явления [10]. В целях обеспечения комплексного анализа представляется целесообразным обобщить их в виде таблицы 1.

Таблица 1

Систематизация трактовок понятия «инвестиционная деятельность» на основе отечественной и зарубежной литературы

Подходы	Авторы/ Источники	Суть определения	Акцент
1	2	3	4
Нормативно-правовой	Федеральный закон № 39-ФЗ (1999), Закон РСФСР № 1488-1 (1991), А.М. Лаптева (2025)	Инвестиционная деятельность – это вложение инвестиций и совокупность практических действий по их реализации, осуществляемых в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [1]	Целевая направленность (прибыль/полезный эффект); формально-юридическое закрепление; разграничение инвестиционной деятельности от иных видов экономической активности [7, с. 180]
Ресурсно-финансовый	Ю.М. Неуймин (2025), зарубежные авторы	Инвестиционная деятельность рассматривается как процесс аккумуляции, распределения и вложения финансовых и материальных ресурсов в объекты предпринимательской деятельности [8, с. 338]	Ресурсное обеспечение, источники финансирования, формы инвестиций (реальные и финансовые), количественные объёмы вложений
Процессно-трансформационный	В. Кузменко (2025), зарубежные экономисты	Инвестиционная деятельность – это последовательный, циклический процесс трансформации инвестиционных ресурсов в прирост капитала, включающий этапы: формирование ресурсов → вложение → преобразование → получение результата [11]	Динамика трансформации, этапность, временная протяжённость, взаимосвязь инвестиционных циклов
Капитало ориентированный	О. Левченко (2025), А.А. Айгумов, И.А. Пшеноко-ва (2025)	Инвестиционная деятельность – это способ наращения и воспроизводства капитала, обеспечивающий рост рыночной стоимости бизнеса, обновление основных фондов и повышение капиталоотдачи [12]	Прирост капитала, рыночная стоимость, воспроизводственные процессы, доходность инвестиций, капитализация активов
Субъектно-деятельностный	А.М. Лаптева (2025), поведенческая экономика	Инвестиционная деятельность – это целенаправленная, осознанная и рисковая деятельность субъектов, основанная на принятии управленческих решений в условиях неопределённости [8]	Субъект и его компетенции, принятие решений, инвестиционное поведение, риски, когнитивные аспекты
Проектно-программный	Проектный менеджмент (PMI, IPMA), современные исследования	Инвестиционная деятельность реализуется через систему инвестиционных проектов и программ, имеющих цели, сроки, бюджет и критерии оценки эффективности [3]	Проектная форма реализации, управление проектами, бюджетирование, контроль рисков, оценка эффективности
Стратегически-ориентированный	О. Левченко (2025), зарубежные классификации	Инвестиционная деятельность – это часть общей финансовой стратегии, инструмент реализации стратегических целей развития, обеспечивающий воспроизводство ресурсов и инновационное развитие [12]	Стратегическая направленность, долгосрочные цели, инновационный эффект, устойчивое развитие

Каждый из рассмотренных подходов, обладая несомненными достоинствами, имеет

определённые ограничения, обусловленные его узкой специализацией. Нормативно-правовой подход фиксирует лишь формальные характеристики инвестиционной деятельности, не раскрывая её внутренней структуры. Ресурсно-финансовый подход акцентирует внимание на источниках ресурсов, но не учитывает динамику их трансформации.

Процессно-трансформационный подход описывает этапы инвестиционного цикла, но не уделяет должного внимания субъектному фактору и организационным формам.

Капиталоориентированный подход делает акцент на целевых ориентирах, но не рассматривает механизмы их достижения.

Субъектно-деятельностный подход достаточно значим при проведении анализа управленческих процессов. Однако подход ограничен микроуровнем, и не отражает макроэкономические показатели, которые определяют поведения инвесторов.

В рамках проектно-программного метода подробно описывается архитектура инвестиционных проектов. Однако подробное описание не является гарантом успешного достижения макроэкономических показателей: устойчивости или инвестиционной привлекательности региона.

Что касается стратегически-ориентированного подхода, то в процессе его применения эффективно определяется вектор развития. Однако есть риск, что отрыв от конкретизации необходимых ресурсов, механизмов управления и моделирования субъектов приведет к номинальному положению.

Таким образом, анализ методов и подходов позволяет сделать вывод, что для более эффективного результата исследуемые подходы необходимо использовать в совокупности. Так как ни один из подходов не обеспечивает системное представление об инвестиционной деятельности. Разрозненность представленных подходов является причиной теоретического недостатка. Особенно остро это можно наблюдать при переходе от макроэкономического анализа к анализу на региональном уровне, так как инвестиционные процессы зависят от факторов: условия хозяйствования на территории, структурные особенности экономики, качество институциональной среды.

Современное определение должно быть гибридным. Оно должно отражать сильные стороны каждого подхода и при этом отвечать на вызовы цифровой трансформации, глобальных цепочек поставок и поиска баланса между прибылью и устойчивым развитием.

Автором предлагается восполнить данные пробелы, интегрируя следующие составляющие:

- нормативно-правовой фундамент (позволит обеспечить легитимность и юридическую определённость различных инвестиционных процессов);

- ресурсно-финансовая база (выявит источники и формы, в том числе и инвестиционных ресурсов);

- процессно-трансформационная динамика (можно будет описать этапы трансформации затраченных ресурсов в конечный результат);

- капиталоориентированная цель (зафиксирует прирост капитала как одного из ключевых ориентиров);

- субъектный и управленческий контексты (зафиксирует роль каждого лица, принимающего решения, в том числе его компетенций и поведенческие установки);

- проектно-программная организация (структуризация инвестиционной деятельности, конечный результат которой - система проектов с фиксацией конкретных параметров);

- стратегическая направленность (устойчивая привязка принимаемых инвестиционных решений и долгосрочных целей устойчивого развития конкретной территории).

Синтез существующих парадигм позволяет преодолеть их ограниченность и выстроить современную систему категорий, отвечающую требованиям современной глобальной среды. Созданная концептуальная основа позволит осуществить переход от теории к практике: объективно оценить потенциал региона и сформулировать конкретные стимулы для наращивания капиталовложений.

Таким образом, предлагаем следующее раскрытие данного экономического понятия.

Инвестиционная деятельность - это процесс трансформации различных ресурсов в прирост физического, человеческого и интеллектуального капитала, реализация которого осуществляется с помощью портфеля стратегических проектов и системы управленческих решений хозяйствующих субъектов. Данный процесс генерирует комплексные экономические, социальные, экологические и цифровые эффекты, обеспечивающие переход территориальной социально-экономической системы к траектории устойчивого развития региона.

Предложенная формулировка понятия:

- фиксирует институциональные и нормативные условия, так как в их отсутствии реализация инвестиционной деятельности будет происходить без легитимности и предсказуемости;
- происходит акцентирование динамического характера инвестиционной деятельности как результата трансформации;
- вводится смысл многополярности и управленческого измерения, что наблюдается в реальной практике принятия инвестиционных решений в современных условиях;
- расширяется целевая структура инвестиционной деятельности, так как включается экологический, социальный и цифровой эффекты.

Данная интерпретация признает правомерным разработку практических инструментов: индекса инвестиционной активности региона и соответствующего портфеля управленческих интервенций.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.02.1999 №39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.

2. Закон РСФСР от 26.06.1991 №1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1005.

3. Айгумов А.А., Пшенокова И.А. Концептуальная модель мультиагентной системы инновационного инвестирования с использованием нейрокогнитивных архитектур // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2025. Т. 27, № 5. С. 13-25.

4. Иванов П.А. Инвестиционная активность территории: понятие и оценка // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. Т.10. №3 (36). С. 84–89.

5. Клишина Ю.Е., Углицких О.Н. Инновационно-инвестиционная привлекательность региона и проблемы ее повышения // Экономика и управление. 2024. № 3. С. 184-191.

6. Крутских Д.Б. Сущность инвестиционной активности региона // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2011. № 1. С. 24-31.

7. Лаптева А.М. Понятие и признаки инвестиционной деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. №1. С. 179-189.

8. Неуймина Ю.М. Инвестиции и инвестиционная деятельность: сущность, классификация и стратегии // Развитие теории и механизмов повышения устойчивости, инновационности и конкурентоспособности пространственного развития экономики регионов: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Самара: Самар. нац. исслед. ун-т, 2025. С. 337-342.

9. Синицына И.В., Резвая А.Д., Томайлы А.Е., Богачева Е.А. Инвестиционная привлекательность региона и её влияние на формирование конкурентных преимуществ // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. Ставрополь. 2026. №2 (78). С. 124-132.Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки№2 (78)

10. Трубицын А.Р. Инвестиционная активность субъектов хозяйствования как экономическая категория // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. Т.9. Вып. 2. С. 29-34.

11. Kuzmenko V. Investment Activity as the Basis for Enterprise Development // Securities Market of Ukraine. 2025. URL: http://securities.usmdi.org/en/ (дата обращения: 10.08.2026).

12. Levchenko O. Enterprise Investment Activity and Investment Performance: Theoretical and Methodological Discrepancies and Interrelationship // Theoretical and Applied Issues of Economics. 2025. Iss. 2 (51). P. 12-24.

УДК 351.311

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА

Ишназарова Разиля Рифовна,
аспирант,
ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы
и управления при Главе Республики Башкортостан»
(450008, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 40. E-mail: zemfira-2601@mail.ru)

Аннотация. Современное библиотечное дело является важной частью культурной, образовательной и информационной системы общества. Библиотеки выполняют функции хранения, систематизации и предоставления доступа к знаниям, а также способствуют развитию образования, науки и культуры. В условиях цифровизации и расширения информационных технологий роль библиотек трансформируется, однако их значимость как социального института сохраняется и усиливается.

Нормативно-правовые основы государственного регулирования библиотечного дела представляют собой совокупность законодательных актов, государственных программ и управленческих механизмов, направленных на организацию, поддержку и развитие библиотечной системы. Они определяют правовой статус библиотек, принципы их функционирования, порядок финансирования, а также гарантии доступа граждан к информационным ресурсам.

Государственное регулирование в данной сфере обеспечивает единые стандарты деятельности библиотек на территории страны, способствует их модернизации и внедрению цифровых технологий, а также регулирует взаимодействие между различными уровнями власти. Особое значение имеет формирование устойчивой системы управления библиотечным делом, позволяющей учитывать как общегосударственные задачи, так и региональные особенности.

Ключевые слова: библиотечное дело, государственное регулирование, внедрение электронных библиотек, практические аспекты деятельности библиотек, развитие образования, обновление фондов, модернизация библиотек

STATE REGULATION OF THE DEVELOPMENT OF MODERN LIBRARY WORK

Ishnazarova Razilya Rifovna,
Postgraduate Student
Bashkir Academy of Public Service and Management
under the Head of the Republic of Bashkortostan
(450008, Russian Federation, Republic of Bashkortostan,
Ufa, Zaki Validi Street, 40. E-mail: zemfira-2601@mail.ru)

Annotation. Modern librarianship is an important part of the cultural, educational, and information system of society. Libraries perform the functions of storing, systematizing, and providing access to knowledge, and also contribute to the development of education, science, and culture. In the context of digitalization and the expansion of information technologies, the role of libraries is transforming, but their significance as a social institution is being preserved and strengthened.

The regulatory and legal framework for state regulation of librarianship consists of a set of legislative acts, government programs, and management mechanisms aimed at organizing, supporting, and developing the library system. They define the legal status of libraries, the principles of their operation, the procedure for financing them, as well as guarantees of citizens' access to information resources.

State regulation in this area ensures uniform standards for the activities of libraries across the country, promotes their modernization and the introduction of digital technologies, and also regulates the interaction between different levels of government. Of particular importance is the formation of a stable system for managing library services, which makes it possible to take into account both nationwide tasks and regional specifics.

Keywords: library science, government regulation, implementation of electronic libraries, practical aspects of library activities, education development, updating of collections, modernization of libraries.

Нормативно-правовая база библиотечного дела в РФ представляет собой систему законов и подзаконных актов, регулирующих деятельность библиотек как части культурной и информационной сферы. Она определяет их статус, функции, обязанности и гарантирует гражданам доступ к информации и культурным ценностям.

Основным документом является Федеральный закон «О библиотечном деле», который закрепляет принципы работы библиотек, право граждан на библиотечное обслуживание и обязанности государства по их развитию [2]. Важную роль также играет Конституция РФ, а также законы в сфере культуры и образования [1-3].

Дополняют систему государственные программы, включая «Развитие культуры», направленные на модернизацию библиотек, цифровизацию и расширение доступа к электронным ресурсам. Подзаконные акты (постановления, приказы, стандарты) регулируют практические аспекты деятельности библиотек: комплектование фондов, учет, хранение и обслуживание пользователей.

На региональном и муниципальном уровнях принимаются собственные нормативные акты, учитывающие местные особенности и обеспечивающие работу библиотек на практике.

В целом нормативно-правовая база представляет собой многоуровневую систему, обеспечивающую стабильное функционирование и развитие библиотечного дела в современных условиях.

Федеральный уровень государственного регулирования библиотечного дела является основным и определяет общие принципы функционирования библиотечной системы России. Он базируется на Конституции РФ, Федеральном законе «О библиотечном деле», а также государственных программах развития культуры [1; 2].

На этом уровне устанавливаются единые стандарты библиотечной деятельности, направления развития и ключевые приоритеты, включая цифровизацию и развитие электронных ресурсов. Федеральные органы власти, в частности Министерство культуры РФ, разрабатывают нормативные документы, методические рекомендации и обеспечивают реализацию государственных программ.

Также на федеральном уровне осуществляется финансирование крупных проектов, поддержка национальных библиотек и развитие единого информационного пространства страны.

Региональный уровень адаптирует федеральные нормы к условиям конкретных субъектов РФ. Органы власти регионов разрабатывают собственные программы развития библиотек с учётом местных особенностей.

Основные функции включают распределение финансирования, поддержку муниципальных библиотек, модернизацию инфраструктуры и внедрение цифровых технологий. Также региональный уровень отвечает за повышение квалификации библиотечных кадров и координацию библиотечной сети внутри региона.

Муниципальный уровень обеспечивает непосредственную работу библиотек на ме-

стах. Здесь функционируют городские, районные и сельские библиотеки, предоставляющие доступ населению к информационным и культурным ресурсам.

Основные задачи включают обслуживание населения, обновление фондов, проведение культурных мероприятий и обеспечение доступности библиотек. Муниципальные органы также отвечают за материально-техническое оснащение и взаимодействие библиотек с местными учреждениями образования и культуры.

Государство играет ключевую роль в развитии библиотечного дела, обеспечивая правовые, организационные и финансовые условия для работы библиотек.

Основной функцией является нормативно-правовое регулирование, включающее разработку законов, стандартов и правил, определяющих деятельность библиотек и их развитие.

Важную роль выполняет финансовое обеспечение — государство финансирует библиотеки, поддерживает программы модернизации, развитие инфраструктуры и цифровых ресурсов.

Организационно-управленческая функция заключается в координации работы библиотек на федеральном, региональном и муниципальном уровнях и обеспечении их взаимодействия.

Также выделяется культурно-образовательная функция, направленная на развитие просвещения, повышение уровня чтения и доступ к знаниям.

Отдельно можно выделить цифровую трансформацию, связанную с внедрением электронных библиотек, цифровых каталогов и онлайн-доступа к ресурсам.

Таким образом, государственные функции обеспечивают стабильное развитие и модернизацию библиотечной системы.

Государственное регулирование библиотечного дела в Российской Федерации является важным фактором развития культурной и информационной среды общества. Оно формируется на основе нормативно-правовой базы и реализуется через систему федерального, регионального и муниципального управления [5].

Анализ показал, что федеральный уровень задаёт стратегические направления развития библиотек, региональный обеспечивает их адаптацию к условиям субъектов РФ, а муниципальный отвечает за практическую реализацию библиотечного обслуживания населения [4]. Такая многоуровневая система позволяет учитывать как общегосударственные задачи, так и местные особенности.

Основные функции государства — нормативно-правовое регулирование, финансирование, управление, культурно-образовательная поддержка и цифровая трансформация — обеспечивают стабильное развитие библиотечной системы. Однако сохраняются и определённые проблемы, связанные с неравномерностью развития регионов и необходимостью дальнейшей модернизации инфраструктуры.

В целом библиотечное дело в России находится в процессе трансформации, где ключевую роль играет государственная политика, направленная на расширение доступа к информации, внедрение цифровых технологий и повышение значимости библиотек как современных культурно-образовательных центров.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / Конституция Российской Федерации. — Москва : Эксмо, 2020. — 64 с. — ISBN 978-5-04-111779-2.

2. Федеральный закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле».

3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

4. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 31.10.2014 № 2463 «Об утверждении модельного стандарта деятельности общедоступной библиотеки».

5. Социальная политика государства в контексте долгосрочных национальных целей раз-

вития / И. Ю. Карелин, Б. Р. Юлдыбаев, Г. А. Мусина [и др.]. – Уфа : Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, 2024. – 412 с. – EDN NUKGED.

УДК 332.1

РЕСУРСНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РЕГИОНА В СФЕРЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Канцеров Рашид Александрович,
к.э.н., профессор, профессор кафедры «Финансы и кредит»,
директор Института Экономики и управления
ФГБОУ ВО «Северо -Кавказская государственная академия» (СКГА), (369001, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Ставропольская дом 36
E-mail: kancerovr@mail.ru)
Хутов Алим Рустамович,
магистрант 2 курса
ФГБОУ ВО «Северо -Кавказская государственная академия» (СКГА), (369001, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Ставропольская дом 36
E-mail: al.hutoff2015@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов наличия и использования ресурсного потенциала АПК на примере аграрно - ориентированного региона (субъекта Северо – Кавказского федерального округа) – Карачаево – Черкесской Республики. Показано, что потенциал АПК региона включает комплекс различных элементов. Авторами прослеживается наличие и динамика его основных составляющих. В частности, дана оценка структуры населения региона по типу поселения и уровню безработицы. Приведены статистические данные количества и состава посевных площадей, поголовья скота. Отмечено, что Карачаево – Черкесская Республика обладает благоприятными природно – климатическими условиями для развития сельского хозяйства, в том числе растениеводства и животноводства. Подчеркнута важность государственного регулирования развития АПК региона. В заключение дана информация о наиболее крупных инвестиционных проектах, способствующих реализовать имеющийся ресурсный потенциал АПК Карачаево – Черкесской Республики.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, агропромышленный комплекс, население, посевные площади, поголовье скота, государственная аграрная политика, инвестиционный проект.

RESOURCE CAPABILITIES OF THE REGION IN THE FIELD OF AGRIBUSINESS AND THE MAIN DIRECTIONS OF THEIR IMPLEMENTATION

Kantserov Rashid Alexandrovich,
Ph.D., Professor, Professor, Department of Finance and Credit,
Director of the Institute of Economics and Management
FSBEI HE «North Caucasus State Academy» (SKGA), (369001, Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, ul. Stavropol house 36
E-mail: kancerovr@mail.ru)
Khutov Alim Rustamovich,
master's student of 2 courses
FSBEI HE «North Caucasus State Academy» (SKGA), (369001, Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, ul. Stavropol house 36
E-mail: al.hutoff2015@yandex.ru)

Annotation. The article is devoted to the study of the availability and use of the resource potential of the agro-industrial complex on the example of an agrarian-oriented region (subject of

the North Caucasus Federal District) - the Karachay-Cherkess Republic. It is shown that the potential of the agro-industrial complex of the region includes a complex of various elements. The authors trace the presence and dynamics of its main components. In particular, an assessment of the structure of the region's population by type of settlement and unemployment rate is given. Statistical data on the number and composition of sown areas, livestock are given. It was noted that the Karachay-Cherkess Republic has favorable natural and climatic conditions for the development of agriculture, including crop production and animal husbandry. The importance of state regulation of the development of the agro-industrial complex of the region was emphasized. In conclusion, information is given on the largest investment projects that contribute to realizing the existing resource potential of the agro-industrial complex of the Karachay-Cherkess Republic.

Key words: resource potential, agro-industrial complex, population, sown areas, livestock, state agrarian policy, investment project.

Наличие ресурсного потенциала – необходимое условие развития аграрного сектора экономики. Возможности регионов по повышению доли сельского хозяйства в ВРП значительно различаются. В приоритете – регионы с благоприятными климатическими условиями, наличием плодородных земель и пастбищ. «Эффективность функционирования и устойчивость развития отечественного агропромышленного комплекса (АПК) во многом определяются его обеспеченностью ресурсами, их состоянием и структурой, динамикой обновления, эффективностью использования. Ресурсный потенциал - главная материальная основа экономического роста АПК, от его состояния зависит не только производство качественной и доступной продукции, но и социально-экономическое развитие сельских территорий. Имеющийся ресурсный потенциал определяет реализацию целей современной аграрной политики, направления и эффективность регионального развития» [1, с.110].

«Ресурсный потенциал складывается на основе сочетания природных условий определенного региона, а также органически связанных трудовых, материально-технических ресурсов и финансово-экономических условий. При этом ресурсный потенциал - более емкая категория по сравнению с совокупностью разных категорий ресурсов. Ресурсный потенциал учитывает не только объемы используемых ресурсов, но и определяет эффект их согласованного взаимодействия, оценивает возможность адаптации к изменению факторов внешней и внутренней среды» [1, с.111].

Карачаево-Черкесская Республика - индустриально-аграрный регион Российской Федерации. Этот субъект РФ располагается в предгорьях северо-западного Кавказа. Климат умеренно тёплый, зима короткая, лето тёплое, продолжительное, достаточно увлажнённое. Для климата показательна большая продолжительность солнечного сияния.

Сельское хозяйство представлено животноводством мясомолочного направления, овцеводством (тонкорунным и полутонкорунным), коневодством, птицеводством, пчеловодством и растениеводством (зерновыми, техническими, овощными культурами, картофелем).

Оценка состава населения Карачаево – Черкесской Республики типу поселения приведена в таблице 1.

Таблица 1

Анализ состава населения Карачаево – Черкесской Республики по типу поселения в 2025 г. [2]

Показатели	Всего	в том числе:	
		городское население	сельское население
1. Численность населения, тыс. чел.	468,6	194,3	274,3
2. Состав населения по типу поселения, %	100	41,5	58,5
3. Численность безработных, тыс. чел.	14,1	5,2	8,9
4. Состав безработных по типу поселения, %	100	36,9	63,1

Трудовой потенциал агропромышленного комплекса КЧР можно определить исходя

из особенностей расселения граждан. Так, в 2025 г. численность сельского населения (194,3 тыс. чел.) значительно превышает численность городского (274,3 тыс. чел.) – на 80,0 тыс. чел.

В процентном отношении это составляет 63,1% и 36,9%, соответственно. Число зарегистрированных безработных, проживающих в сельских поселениях также выше, чем в городах. При этом, как правило, официальные данные численности нетрудоустроенного населения намного меньше реальных. Краткая демографическая характеристика состава населения Карачаево – Черкесской Республики показывает имеющиеся демографические резервы для развития агропромышленного комплекса.

Анализируя посевные площади сельхозкультур Карачаево – Черкесской Республики следует отметить резкий скачок (на 16,9%) с 121,5 тыс. га в 2010 г. до 142 тыс. га в 2015 г. В последующие годы наблюдается некоторое снижение – до 115,4 тыс. га в 2025 г. Важно подчеркнуть, что более 70% площадей приходится на зерновые и зернобобовые сельхозкультуры. Статистические данные свидетельствуют о сокращении площадей, занятых под сахарной свеклой, подсолнечником, картофелем (табл.2).

Таблица 2

Посевные площади сельскохозяйственных культур Карачаево – Черкесской Республики (в хозяйствах всех категорий; тыс. га) [2,3]

Показатели	2010	2015	2020	2025
Вся посевная площадь – всего из них:	121,5	142,0	130,2	115,4
- зерновых и зернобобовых	59,0	93,7	104,2	86,6
- сахарной свеклы	10,1	6,8	3,9	3,9
- подсолнечника	11,4	12,2	5,7	9,9
- картофеля	17,1	13,2	7,9	7,7

В таблице 3 приведены сведения о динамике поголовья скота в сельхозорганизациях, крестьянских (фермерских) хозяйствах и хозяйствах населения Карачаево – Черкесской Республики. В частности, поголовье крупного рогатого скота за период с 2010 по 2025 г. сократилось на одну четвертую. Поголовье свиней снизилось в 12,6 раз. Поголовье овец и коз кратно превышает поголовье КРС и в 2025 г. возросло на 14,1% относительно 2010 г. Поголовье овец и коз в 2025 г. составило 1081,9 тысяч голов (по данному показателю республика входит в ТОП-5 регионов России).

Таблица 3

Поголовье скота Карачаево – Черкесской Республики (в хозяйствах всех категорий; тыс. голов) [2,3]

Показатели	2010	2015	2020	2025
1.Поголовье крупного рогатого скота	199,7	184,3	153,5	152
2. Поголовье свиней	21,4	5,5	2,0	1,7
3. Поголовье овец и коз	947,8	1143,4	1109,7	1081,9

Таким образом, Карачаево – Черкесской Республики обладает разнообразными перспективными возможностями по интенсификации аграрного сектора экономики (в том числе трудовыми ресурсами, земельными угодьями, пригодными для растениеводства и животноводства).

Важную роль для полноценной реализации ресурсного потенциала региона по повышению эффективности развития сельского хозяйства играет государственное регулирование. «В основе механизма управления ресурсным потенциалом агропромышленного комплекса должно лежать понимание того, что управление ресурсным потенциалом это не только управление имеющимися в наличии и применяемыми в аграрном производстве ресурсами, а еще и управление потенциальными, не реализуемыми в настоящее время возможностями ре-

зультативного использования ресурсов. Здесь отражается ресурсная природа потенциала как совокупности скрытых возможностей в развитии АПК региона» [4, с.8].

Согласно «Модели экономического развития Карачаево-Черкесской Республики на период до 2030 года» в регионе планируется реализовать ряд инвестиционных проектов в сфере АПК (табл.1). Наиболее крупным является проект «Закладка фруктового сада на 600 га интенсивного типа на территории КЧР» и строительство фруктохранилища на 50000 тонн с сортировочно-упаковочным оборудованием ООО «Архыз-Фрут Логистик» с объемом инвестиций 10,1 млрд. руб. и числом новых рабочих мест более трехсот. По всем реализуемым проектам планируемая сумма инвестиций превышает 20 млрд. руб.

Проект ООО «Архыз-Фрут Логистик». Предусматривает выращивание высокопродуктивных интенсивных садов с перспективной урожайностью до 100 тыс. тонн фруктов в год. По состоянию на 16 июля 2026 года высажено 493 га из 1000 га запланированных садов. Завершить проект планируется в 2030 году.

Таблица 5

Перечень основных инвестиционных проектов АПК, включенных в приоритетные направления «Модели экономического развития Карачаево-Черкесской Республики на период до 2030 года» [5]

Наименование проекта	Объём инвестиций, млрд. руб.	Число новых рабочих мест, ед.
1.ООО «Архыз-Фрут Логистик» «Закладка фруктового сада интенсивного типа на территории КЧР»	0,7	61
2.«Создание агрокомплекса по производству и переработке сельхозпродукции» ООО «Дадым»	0,6	200
3.ООО Эркен - Шахарский сахарный завод	1,8	400
4. «Закладка фруктового сада на 600 га интенсивного типа на территории КЧР» и строительство фруктохранилища на 50000 тонн с сортировочно-упаковочным оборудованием ООО «Архыз-Фрут Логистик»	10,1	334
5.Закладка фруктового сада интенсивного типа «Новый сад», «Строительство фруктохранилища с сортировочно - упаковочным оборудованием» ООО КФХ «Мичуринский»	4,5	151
6.Строительство комплекса по откорму овец на 50 000 скотомест в пгт. Ударный, КЧР	0,5	103
7.Строительство объектов молочного комплекса для увеличения поголовья коров и нетелей ООО «Рея»	0,2	7
8.ООО «Кавказ-Мясо» (животноводческий комплекс + переработка)	2,3	380
Итого	20,7	1636

В сфере сельского хозяйства с 1 января 2025 года республика участвует в двух федеральных проектах со сроком до 2030 года: «Экспорт продукции агропромышленного комплекса» в рамках национального проекта «Международная кооперация и экспорт»; «Кадры в агропромышленном комплексе» в рамках нового национального проекта «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности». По итогам 2025 года основными экспортными позициями КЧР стали: мясная и молочная продукция, сахар. Основными импортерами были Иран, Турция, Саудовская Аравия, Беларусь и Казахстан. За 2025 год экспортировано продукции агропромышленного комплекса на сумму 6,5 млн. долларов США, что в 13 раз больше установленного годового плана. Большое внимание уделяется привлечению молодежи в агропромышленный сектор. Так, в 2025 г. ключевым событием стало создание в 12 школах республики новых агротехнологических классов.

Согласно Стратегии социально-экономического развития Карачаево-Черкесской Республики на период до 2035 года «основными целями развития сельского хозяйства является:

- создание современного конкурентоспособного агропромышленного комплекса, который позволит обеспечить приток инвестиций в республику и модернизацию существующих производств;

- сохранение и развитие благоприятной социально-экономической среды сельскохозяйственных товаропроизводителей КЧР;

- повышение устойчивости развития сельских территорий, уровня и качества жизни в сельской местности, обеспечение продовольственной безопасности;

- увеличения роли личных подсобных хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции и их трансформация в крестьянские (фермерские) хозяйства» [5, с.244].

«Результатом применения механизма управления ресурсным потенциалом регионального АПК должно стать устойчивое социально-экономическое развитие сельских территорий и повышение качества жизни населения посредством повышения эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения, решения проблем с недостатком и квалификационными характеристиками кадровых ресурсов, роста инвестиционной и инновационной активности предпринимателей, преодоления инфраструктурных ограничений, решения проблем финансовой несостоятельности сельхозпроизводителей, а также материального обеспечения сельскохозяйственного производства» [4, с.10].

Ключевые ориентиры развития аграрного сектора КЧР: «повышение эффективности сельхозпроизводства и обеспечение продовольственной безопасности; развитие экспорта продукции АПК; содействие по повышению кадровой обеспеченности предприятий АПК; развитие малого бизнеса в АПК; восстановление и повышение плодородия земель сельхозназначения» [6, с.13].

Список литературы

1. Прущак О.В. Методические подходы к комплексной оценке ресурсного потенциала АПК региона // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2017. №5(69). С.110 -115Промышленность: экономика, управление, технологии

2. Карачаево-Черкесия в цифрах, 2026: краткий стат. сб./ ОП Северо-Кавказстата по КЧР - Черкесск, 2026. – 104с.

3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Стат. сб. / Росстат. М., 2025. 1035с.

4. Баширова А. А., Садыкова А.М. Механизм управления ресурсным потенциалом в региональном // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. - №4. С.5 -11 Региональные проблемы преобразования экономики.

5. Постановление Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 2.10.2023 г. № 275 «О стратегии социально-экономического развития Карачаево-Черкесской Республики на период до 2035 года»5. Постановление Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 2.10.2023 г. № 275 «О стратегии социально-экономического развития Карачаево-Черкесской Республики на период до 2035 года»

6. Постановление Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 28.12. 2023 № 385 «О государственной программе Карачаево-Черкесской Республики «Развитие сельского хозяйства Карачаево-Черкесской Республики» (ред. от 15. 07. 2026 г.)

УДК 332.1

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ОТРАСЛЬ В СИСТЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ

Киричук Денис Владимирович,
аспирант кафедры «Учет, аудит и статистика»
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
(283001, Российская Федерация, Донецкая Народная Республика,
г. Донецк, ул. Университетская, д. 24. E-mail: kirichukdenis@mail.ru)

Аннотация. Работа посвящена исследованию роли железнодорожной отрасли в пространственном развитии и экономике регионов России. Цель работы заключается в систематизации теоретических подходов и выявлении направлений воздействия железнодорожной инфраструктуры на территориальную организацию народного хозяйства. Методологическую основу составили исторический, сравнительный и системный анализ, а также индукция и дедукция. Установлено, что железнодорожный транспорт выступает фактором размещения производительных сил, интеграции территорий, формирования межрегиональных связей и освоения периферийных пространств. Показано, что расширение и модернизация железнодорожной сети предшествовали возникновению новых промышленных районов и центров экономического роста. Сделан вывод о системообразующей роли железнодорожной инфраструктуры в обеспечении связанности и устойчивого развития регионов России.
Ключевые слова: железнодорожная отрасль, пространственное развитие, экономика регионов, пространственная связанность.

THE RAILWAY INDUSTRY IN THE SYSTEM OF SPATIAL DEVELOPMENT AND ECONOMICS OF REGIONS

Kirichuk Denis Vladimirovich,
postgraduate student at the Department of Accounting, Audit and Statistics
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Donetsk State University»
(283001, Russian Federation, Donetsk People's Republic, Donetsk,
Universitetskaya Street, house 24. E-mail: kirichukdenis@mail.ru)

Annotation. The work is devoted to studying the role of the railway industry in the spatial development and economy of Russian regions. The aim of the work is to systematize theoretical approaches and identify the areas in which railway infrastructure influences the territorial organization of the national economy. The methodological basis consists of historical, comparative, and systemic analysis, as well as induction and deduction. It has been established that railway transport acts as a factor in the location of productive forces, the integration of territories, the formation of interregional ties, and the development of peripheral areas. It has been shown that the expansion and modernization of the railway network preceded the emergence of new industrial areas and centers of economic growth. It has been concluded that railway infrastructure plays a system-forming role in ensuring connectivity and sustainable development of Russia’s regions.
Keywords: the railway industry, spatial development, regional economies, spatial connectivity.

Пространственное развитие регионов представляет собой сложный многофакторный процесс, в котором транспортная инфраструктура занимает особое место: она не просто обслуживает существующие хозяйственные взаимосвязи, но активно формирует факторы развития экономического пространства. Железнодорожный транспорт, в силу своих технологических и экономических характеристик, исторически являлся значимым инструментом пространственной интеграции территорий России – особенно там, где другие виды транспорта неэффективны или невозможны.

Научные исследования в области пространственной организации экономики имеет длительную историю. Теоретическое осмысление транспорта как фактора пространственного развития восходит к классическим теориям размещения производственных сил. И. Тюнен (1826) в труде «Теории сельскохозяйственного штандорта» первым обосновал зависимость пространственной организации производства от транспортных издержек: цена каждого продукта в любой точке пространства отличается от его цены в центре сбыта на величину транспортных затрат, пропорциональных весу груза и расстоянию, что порождает концентрические зоны специализации вокруг рыночных центров. Снижение транспортных издержек

расширяет радиус хозяйственно освоенной территории и трансформирует специализацию регионов – заключение, которое справедливо и актуально и в современных условиях. А. Вебер (1909), развивая данный подход применительно к промышленному производству, выявил экономические рычаги, которые увеличивают или сокращают уровень производства в рамках сокращения затрат при размещении промышленных предприятий, в том числе, он показал, что транспортные издержки определяют оптимальное местоположение предприятия [1]. Так, уже на этом этапе транспортные издержки признавались одним из ключевых факторов пространственной организации хозяйства: именно их минимизация лежала в основе моделей оптимального размещения производства.

Качественно иную интерпретацию роли транспортной инфраструктуры предложила теория полюсов роста Ф. Перру (1950-е гг.), в основе которой лежат понятия «полюса» или «точки роста», под которыми он понимал компактно размещенные и динамично развивающиеся отрасли промышленности, порождающие цепную реакцию возникновения и роста промышленных центров. Ж. Будвиль придал теории Перру географическое измерение, соотнеся полюсы роста с конкретными городами-центрами. П. Потье в дополнение к этому ввел категорию «осей развития», обозначив, что территории, расположенные между полюсами роста и связывающими их транспортными коридорами, также получают импульсы к развитию: возникновение новой инфраструктуры, нарастание грузопотоков и распространение инноваций – это создает пространственный каркас экономического роста страны и региона [2]. Данное положение непосредственно применимо к российской железнодорожной сети: Транссибирская магистраль, Байкало-Амурская магистраль, транспортный коридор «Север-Юг» исторически выступали именно такими «осями развития», вдоль которых формировались зоны хозяйственного освоения.

Работа П. Кругмана «Возрастающая отдача и экономическая география» (1991) положила начало новому аналитическому направлению, позволяющему моделировать пространственную концентрацию производства через взаимодействие транспортных издержек, возрастающей отдачи от масштаба и мобильности факторов производства. Принципиальным выводом данного направления стало то, что снижение транспортных издержек ниже определенного порога может приводить не к выравниванию регионального развития, а к его поляризации: производство концентрируется в доступных транспортных узлах, тогда как периферийные регионы проигрывают в конкуренции за счет привлечения инвестиций [3]. Следовательно, в таком случае железнодорожная инфраструктура – не нейтральный технический компонент, а активный фактор формирования региональных конкурентных преимуществ и диспропорций.

В отечественном научном пространстве теоретический фундамент изучения роли транспорта в пространственной организации экономики, прежде всего, отражен в трудах Н.Н. Колосовского, разработавшего концепцию территориально-производственных комплексов, в которых транспорт выступает системообразующим звеном межотраслевых связей, и А.Г. Гранберга, который определил экономическое пространство как «насыщенную территорию, вмещающую множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети». Так, транспортная инфраструктура выступает одной из частей структуры экономического пространства, а не просто отраслью экономики государства, ее недостаточное развитие рассматривается А.Г. Гранбергом как одно из главных препятствий для устранения пространственных диспропорций в стране [4].

Развивая данные концепции в современных условиях, Т.В. Ускова обосновывает, что недостаточный уровень развития транспортной инфраструктуры сдерживает инвестиции и размещение производственных сил, а ее стремительное развитие способно трансформировать экономико-географические особенности России в ее конкурентные преимущества. Е.С. Заколюкина подтверждает устойчивую прямую зависимость между эффективностью транспортной инфраструктуры и уровнем социально-экономического развития региона, обозначая при этом, возможность появления как положительных, так и отрицательных эффектов от ее

развития [5, 6].

Итак, совокупность рассмотренных теоретических подходов позволяет сформировать многоуровневую аналитическую рамку (рисунок 1), в которой железнодорожная отрасль одновременно выступает как фактор размещения производственных сил, ось пространственного развития регионов и структурообразующий элемент экономического пространства России.

Рис. 1. Железнодорожная отрасль России как системообразующий элемент пространственного развития (составлено автором)

История российских железных дорог, охватывающая почти два столетия, позволяет проследить, как последовательное расширение транспортной сети преобразовывало экономическое пространство страны, интегрировало отдаленные территории и выступало важным фактором региональной специализации. Начало положили отдельные заводские рельсовые дороги и Царскосельская линия, затем Николаевская магистраль и сеть концессионных дорог, которые связали ключевые центры Европейской России и портовые узлы, сформировав единый внутренний рынок.

Расширение сети во второй половине XIX - начале XX в. усилило межрегиональные хозяйственные связи и способствовало пространственной специализации территорий. Унификация технических стандартов и тарифов позволила преобразовать отдельные железнодорожные линии в единую транспортную систему, а строительство Транссибирской и других магистралей обеспечило вовлечение Сибири, Дальнего Востока и иных периферийных территорий в общенациональный хозяйственный оборот. Вдоль железных дорог формировались новые центры промышленности, торговли и расселения, что свидетельствует о непосредственном влиянии транспортной инфраструктуры на пространственную организацию экономики. В постсоветский период приоритеты сместились от масштабного расширения сети к сохранению единого транспортного пространства, институциональному реформированию и модернизации наиболее загруженных направлений.

В советский период железнодорожный транспорт стал важнейшим инструментом размещения производительных сил и освоения ресурсных территорий. Развитие Урало-Кузбасского комплекса, транспортное обеспечение Западно-Сибирского нефтегазового бассейна, строительство БАМа и масштабная электрификация способствовали смещению эко-

номической активности на восток, возникновению новых промышленных центров и повышению провозной способности сети

Каждый период существенной модернизации или расширения железнодорожной отрасли предшествовал или совпадал со значимыми изменениями в экономическом пространстве страны – формированием новых промышленных районов, открытием периферийных территорий для хозяйственного освоения. Это свидетельствует о том, что железнодорожная инфраструктура выступала не следствием, а опережающим фактором пространственного развития.

Сегодня железнодорожная отрасль находится в условиях повышенной турбулентности, вызванной как переориентацией внешнеторговых потоков с западного на восточное и южное направление, что привело к резкому росту нагрузки на ключевые транспортные коридоры, обозначив накопившиеся инфраструктурные ограничения, так и введением западных санкций, которые создали трудности с привлечением инвестиций и импортом технологий для модернизации. Это нашло отражение в снижении абсолютных показателей объемов погрузки в грузовых перевозках: по итогам 2024 года погрузка грузов железнодорожным транспортом общего пользования составила 1183,8 млн. т., что на 4,1% меньше показателя 2023 года; в 2025 году снижение составило 5,7% - до 1116,8 млн. т. Ключевыми факторами спада стали: сокращение перевозок каменного угля, строительных материалов, кокса и черных металлов на фоне падения спроса и ограничений пропиской способности Восточного полигона. Возрос экспорт химических и минеральных удобрений, руды цветных металлов и серного сырья, что отражает структурную переориентацию внешней торговли.

Вместе с тем железнодорожный транспорт по-прежнему занимает важнейшее место в транспортной системе России, так по итогам 2025 года на железнодорожный транспорт пришлось 2479,8 млрд тонно-километров. - более 82% грузооборота транспортной системы страны (без учета трубопроводного) и 144,3 млрд пассажиро-километров - более 27% пассажирооборота [7].

Несмотря на краткосрочные негативные тенденции, государство неизменно рассматривает опережающее развитие железнодорожной инфраструктуры как стратегическую макроэкономическую задачу. Перспективы развития железнодорожной отрасли, в том числе в контексте пространственного развития страны, определяются совокупностью долгосрочных стратегических документов (далее – Стратегические документы), их анализ позволяет выделить ключевые концептуальные положения, в которых развитие железнодорожного транспорта рассматривается как драйвер пространственного и экономического развития регионов России.

Стратегия развития железнодорожного транспорта до 2030 года (далее – Стратегия) прямо устанавливает в числе центральных задач «необходимость снижения территориальных диспропорций в развитии инфраструктуры железнодорожного транспорта, улучшения транспортной обеспеченности регионов и развития пропускных способностей железнодорожных линий». Документ обозначает, что от состояния железнодорожного транспорта зависит возможность государства эффективно выполнять важнейшие функции, в числе которых – создание «условий для выравнивания социально-экономического развития регионов». Реализация Стратегии предполагает освоение новых месторождений в Сибири, на Дальнем Востоке и в Арктике, где ключевым фактором выступает строительство новых железнодорожных подходов [8].

Транспортная стратегия до 2030-2035 годов дополнительно обозначает проблему территориальных диспропорций в развитии железнодорожной инфраструктуры, наличие узких мест по пропускной способности, высокий износ основных средств на ряде участков, техническое и технологическое отставание от ведущих стран мира. Следовательно, выделяются приоритетные направления развития железнодорожной инфраструктуры, и в том числе обозначается необходимость строительства и реконструкции [9]: грузообразующих линий – для транспортного обеспечения новых месторождений и промышленных зон; технологических линий – для оптимизации сети и развития межрегиональных связей; социально значимых линий –

для улучшения транспортного обслуживания населения и регионов.

В целом, в документе железнодорожный транспорт рассматривается системно - как стержневой инфраструктурный элемент, без развития которого невозможны ни пространственная интеграция страны, ни выравнивание межрегионального неравенства, ни реализация экспортного и транзитного потенциала.

Стратегия пространственного развития до 2030–2036 годов наиболее последовательно формулирует роль железнодорожной инфраструктуры как инструмента снижения пространственного неравенства. Документ закрепляет обеспечение транспортной связанности опорных населённых пунктов в качестве базового принципа развития транспортной инфраструктуры:

- для Дальневосточного федерального округа и Арктической зоны обозначено развитие Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей как условие реновации дальневосточных опорных населённых пунктов;

- для Центрального федерального округа предусматривается развитие транспортной инфраструктуры в целях «перевода миграции из прилегающих субъектов в статус маятниковой», что позволит малым и средним городам снизить отток населения и получить экономические преимущества;

- для Северо-Западного федерального округа - снятие инфраструктурных ограничений за счёт ликвидации узких мест на железнодорожных подходах к морским портам;

- для Северо-Кавказского федерального округа - «раскрытие транзитного и логистического потенциала.

Документ закрепляет также формирование единого экономического пространства Приазовья к 2028 году посредством повышения транспортной связанности новых субъектов РФ с Крымом и регионами Юга.

Таким образом, железнодорожная отрасль занимает системообразующую позицию в пространственном развитии России, выступая одновременно фактором размещения производственных сил, инструментом территориальной интеграции и основой формирования межрегиональных хозяйственных связей. Теоретический, исторический и нормативно-стратегический анализ показывает, что развитие железнодорожной инфраструктуры определяет не только ее доступность, но и возможность освоения периферийных территорий, снижения пространственных диспропорций и формирования новых точек экономического роста.

Исторический опыт развития железных дорог в России подтверждает их ключевую роль в хозяйственном освоении страны, интеграции отдельных регионов в единое экономическое пространство. На современном этапе, несмотря на инфраструктурные ограничения и внешнеэкономические вызовы, железнодорожный транспорт сохраняет ведущие позиции в транспортной системе страны и остается базовым условием устойчивого функционирования экономики регионов.

Список литературы

1. Наумов, И. В. Эволюция теорий пространственного размещения: принципиальные особенности современные задачи исследования / И. В. Наумов, В. М. Седельников, Л. М. Аверина // Журнал экономической теории. - № 2. – М.: ИЭ УрО РАН, 2020. – С. 383 – 398.

2. Шкодинский, С. В. Становление и развитие теорий кумулятивного роста / С. В. Шкодинский, Ю. Ю. Болотов // Вестник академии права и управления. - № 2(39). – 2015. – С.134-141.

3. Вей-Бин, Чжан Возрастающая отдача и экономическая география, объединение моделей Солоу-Узавы, Диксит-Стиглиц и Кругмана / Вей-Бин Чжан // Пространственная экономика. - № 2. – 2020. – С. 19 – 38.

4. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики: учеб. пособие / А. Г. Гранберг. - 2-е изд.. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.

5. Заколюкина, Е. С. Транспортная инфраструктура региона как фактор пространственного развития территории / Е. С. Заколюкина // Проблемы развития территории. - 2023. - Т. 27, № 5. - С. 79–95. - DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.6.

6. Ускова, Т. В. Транспортная инфраструктура как фактор развития территорий и связанности экономического пространства / Т. В. Ускова // Проблемы развития территории. - 2021. - Т. 25, № 3. - С. 7–22. - DOI: 10.15838/ptd.2021.3.113.1.
7. Транспорт России : информационно-статистический бюллетень. Январь – декабрь 2025 года / Министерство транспорта Российской Федерации. - Москва, 2026. - 26 с. - URL: https://mintrans.gov.ru/file/557796 (дата обращения: 27.08.2026). - Текст : электронный.
8. Об утверждении Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 июня 2008 г. № 877-р // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2008. - № 26. - с. 3048. - URL: https://docs.cntd.ru/document/902111037 (дата обращения: 30.08.2026).
9. О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р : (с изменениями на 6 ноября 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2021. - № 50. - Ст. 8556. - URL: https://docs.cntd.ru/document/727294161 (дата обращения: 30.08.2026).

УДК 338.43(571.13)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ В ЭКОНОМИКЕ АПК ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Корчинская Ольга Вирославовна,
Старший преподаватель кафедры
«Математических и естественнонаучных дисциплин»,
ФГБОУ ВО «Омский государственный
аграрный университет имени П.А. Столыпина».
(644008, Российская Федерация, г. Омск, Институтская площадь, 1.
E-mail: ov.korchinskaya@omgau.org)
Орлова Влада Сергеевна,
студентка ФГБОУ ВО «Омский государственный
аграрный университет имени П.А. Столыпина».
(644008, Российская Федерация, г. Омск, Институтская площадь, 1.
E-mail: vs.litovchenko2311@omgau.org)

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции развития агропромышленного комплекса Омской области как одного из ведущих аграрных регионов Сибирского федерального округа. Проанализирована динамика объёмов производства сельскохозяйственной продукции, структурные сдвиги в растениеводстве и животноводстве, инвестиционная активность и экспортная ориентация отрасли. Выявлены региональные особенности цифровой трансформации АПК, проблемы вовлечения в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель, а также направления государственной поддержки. Обоснованы перспективные векторы развития агропромышленного комплекса региона в контексте обеспечения продовольственной безопасности и повышения конкурентоспособности на внутреннем и внешних рынках.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, Омская область, сельское хозяйство, растениеводство, животноводство, инвестиции, экспорт, цифровизация, государственная поддержка, продовольственная безопасность.

REGIONAL TRENDS IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX ECONOMY OF THE OMSK REGION

Korchinskaya Olga Viroslavovna,
Senior Lecturer at the Department of “Mathematical and Natural Sciences”
FSBEI HE «Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin».
(644008, Russian Federation, Omsk, Institutskaya Square, 1.
E-mail: ov.korchinskaya@omgau.org)

Orlova Vlada Sergeevna,
Student,
FSBEI HE «Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin».
(644008, Russian Federation, Omsk, Institutskaya Square, 1.
E-mail: vs.litovchenko2311@omgau.org)

Annotation. The article discusses the key trends in the development of the agro-industrial complex of the Omsk region as one of the leading agricultural regions of the Siberian Federal District. The dynamics of agricultural production volumes, structural shifts in crop production and animal husbandry, investment activity and export orientation of the industry are analyzed. Regional features of digital transformation of the agro-industrial complex, problems of involving unused agricultural land in turnover, as well as directions of state support are identified. Promising vectors for the development of the regional agro-industrial complex in the context of ensuring food security and increasing competitiveness in domestic and foreign markets are substantiated.

Keywords: agro-industrial complex, Omsk region, agriculture, crop production, animal husbandry, investment, export, digitalization, state support, food security.

Агропромышленный комплекс Омской области представляет собой одну из ведущих отраслей региональной экономики, во многом определяющей социально-экономическое положение территории и динамику развития сельских территорий. Регион располагает благоприятными агроклиматическими, почвенными, земельными и трудовыми ресурсами, что обеспечивает ему конкурентные преимущества в производстве сельскохозяйственной продукции. Площадь сельскохозяйственных угодий составляет около 6,2 млн га, или 48% территории области, площадь пашни составляет 4,02 млн га. Сельское хозяйство Омской области производит 6,3 % валового регионального продукта и обеспечивает занятость 7,8 % трудоспособного населения [1, 2]. Доля региона в общем объёме валовой продукции сельского хозяйства Российской Федерации составляет 1,6 %, а в Сибирском федеральном округе — 15 % [3]. Изучение региональных трендов развития АПК приобретает особую актуальность в условиях необходимости обеспечения продовольственной безопасности, импортозамещения и повышения конкурентоспособности отечественной продукции на внешних рынках.

Динамика объёмов производства сельскохозяйственной продукции в Омской области демонстрирует устойчивую положительную тенденцию. Если в 2019 году объём валовой продукции сельского хозяйства составлял 98,0 млрд рублей, то по итогам 2022 года он достиг 127,8 млрд рублей, в 2024 году - 141,2 млрд рублей, а в 2026 году, по предварительным данным территориального органа Росстата, составит 159,3 млрд рублей [4]. Индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий в 2025 году составил 109 % к уровню предыдущего года, в том числе по растениеводству — 114,1 %, по животноводству — 102,3 %. По итогам 2024 года индекс сельхозпроизводства в регионе достиг 117%, что значительно превышает средние показатели как по Сибирскому федеральному округу, так и по России в целом [5].

Структура производства сельскохозяйственной продукции характеризуется паритетом растениеводства и животноводства. В разрезе категорий хозяйств по итогам 2025 года сельскохозяйственные организации произвели продукцию на 73,2 млрд рублей, хозяйства населения — на 42,9 млрд рублей, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели — на 43,2 млрд рублей.

В растениеводческой подотрасли ведущую роль играет производство зерновых и зернобобовых культур. По итогам 2025 года валовой сбор зерна составил 4000,8 тыс. тонн при средней урожайности 23,1 ц/га, что стало третьим результатом за всю историю области [6]. Основную долю в структуре зерновых занимает яровая пшеница, валовой сбор которой достиг 2688,3 тыс. тонн. Существенную роль играют также ячмень (788,1 тыс. тонн), овёс (169,9 тыс. тонн) и горох (253,1 тыс. тонн). Омская область занимает второе место в Сибирском федеральном округе и двадцатое — в Российской Федерации по производству зерна [3].

Животноводство Омской области представлено молочным и мясным скотоводством, свиноводством, птицеводством, овцеводством и другими направлениями. По состоянию на первую половину 2026 года в хозяйствах всех категорий региона содержалось 324 тыс. голов крупного рогатого скота, 361 тыс. голов свиней, 214,5 тыс. голов овец и коз, 6770 тыс. голов птицы. По итогам 2025 года производство молока составило 585,2 тыс. тонн (четвёртое место в СФО), мяса - 183,5 тыс. тонн (четвёртое место в СФО), яиц - 816,9 млн штук (шестое место в СФО) [7]. В январе 2025 года введён в эксплуатацию свинокомплекс на 60 тыс. голов откорма в год в Кормиловском районе, завершены две очереди животноводческого комплекса на 1800 голов в Марьяновском районе, проведена реконструкция Чунаевского свинокомплекса в Омском районе. В стадии реализации находятся восемь крупных проектов в животноводстве с общим объёмом инвестиций порядка 29 млрд рублей.

Инвестиционная активность в АПК Омской области демонстрирует восходящую траекторию.

Экспортная ориентация АПК Омской области является одним из значимых трендов последних лет. По итогам 2025 года объём экспорта продукции АПК в действующих ценах составил 431,0 млн долларов США, что обеспечило региону четвёртое место в Сибирском федеральном округе. Основу экспортной номенклатуры составляют зерновые, зернобобовые и масличные культуры, растительные масла, продукты переработки зерна, кондитерские изделия и напитки [8]. Ключевыми импортёрами продукции омского АПК выступают Казахстан, Китай, Индия, Южная Корея и Киргизия [9]. В 2024 году продукция региона поставлялась в 43 государства, а в первом полугодии 2026 года экспорт составил свыше 242 млн долларов, что более чем на 60 % превысило аналогичный период предыдущего года. Расширяются географические поставки, в 2026 году начался экспорт в страны Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. Валовой объём производства продукции АПК Омской области по итогам 2025 года достиг 339 млрд рублей, а индекс сельхозпроизводства к уровню 2021 года превысил 119 %.

Вовлечение в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель является одним из приоритетных направлений развития АПК региона. По состоянию на 1 января 2025 года в Омской области не использовалось около 240 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения, преимущественно в северной и северо-лесостепной природно-климатических зонах [8]. В 2025 году в сельскохозяйственный оборот введено 24,5 тыс. га, из которых свыше 1,7 тыс. га за счёт культуртехнических мероприятий. На 2026 год предусмотрено введение не менее 25 тыс. га пашни.

Государственная поддержка АПК Омской области осуществляется по широкому спектру направлений и играет существенную роль в обеспечении устойчивого развития отрасли. В 2025 году из федерального бюджета на развитие АПК региона выделено более 2 млрд рублей, а в 2026 году объём федеральных средств составил 1,8 млрд рублей. Меры поддержки включают субсидии на развитие растениеводства и животноводства, техническую и технологическую модернизацию, поддержку малых форм хозяйствования, развитие мелиоративного комплекса, комплексное развитие сельских территорий.

Действенным инструментом привлечения инвестиций стало предоставление земельных участков в долгосрочную аренду без проведения торгов для реализации масштабных инвестиционных проектов, что стимулирует эффективное землепользование и повышает финансовую устойчивость регионального АПК.

Проведённый анализ позволяет выделить следующие региональные тренды в экономике АПК Омской области. Во-первых, наблюдается устойчивый рост объёмов производства сельскохозяйственной продукции, обусловленный как благоприятными погодными условиями, так и системными инвестиционными вложениями и мерами государственной поддержки. Во-вторых, происходит структурная трансформация отрасли: наращивается производство масличных культур, расширяются посевные площади, модернизируются животноводческие комплексы. В-третьих, усиливается экспортная ориентация АПК с диверсификацией географических направлений поставок.

Перспективными направлениями развития АПК региона представляются дальнейшая модернизация производства, расширение применения технологий точного земледелия, углубление переработки сельскохозяйственной продукции, наращивание экспортного потенциала и повышение инвестиционной привлекательности отрасли, что в совокупности должно способствовать достижению прогнозируемого объёма производства сельскохозяйственной продукции в 209 млрд рублей к 2030 году.

Список литературы

1. Григорьева, Е. А. Роль АПК в экономике страны и финансовая устойчивость предприятий АПК на примере ЗАО «Ирмень» / Е. А. Григорьева // Территория науки. – 2024. – № 5. – С. 14-21.

2. «АГРОС-2025» как возможность оценить тренды рынка АПК // Комбикорма. – 2025. – № 2. – С. 2-20.

3. Шамсутдинова, Т. М. Технологические тренды в цифровизации АПК / Т. М. Шамсутдинова // Российский электронный научный журнал. – 2025. – № 3(57). – С. 155-162. – DOI 10.31563/2308-9644-2025-57-3-155-162.

4. Карпович, Н. В. Мировая торговля агропродовольственными товарами: тренды и перспективы реализации экспортного потенциала национального АПК / Н. В. Карпович, Е. П. Макуценя // Экономические вопросы развития сельского хозяйства Беларуси. – 2025. – № 53. – С. 179-195.

5. Новые тренды развития отраслей АПК и их влияние на трансформацию отраслевых стратегий / С. В. Ламанов, М. Р. Ли, Р. А. Ромашкин, Т. В. Сурганова // Использование и охрана природных ресурсов в России. – 2023. – № 2(174). – С. 92-99.

6. ПМЭФ-2026: главные тренды для пищевой промышленности и АПК // Пищевая промышленность. – 2026. – № 7. – С. 156-157.

7. Оробинская, И. В. Современные тренды в АПК и их влияние на хозяйствующие субъекты / И. В. Оробинская, И. П. Литвинов // Финансовый менеджмент. – 2026. – № 2. – С. 135-140.

8. Омская область : статистический ежегодник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. – Омск, 2025. – URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/omsk_obl-2025.pdf (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

9. Долгих, В. А. Основные направления развития отечественного агропродовольственного рынка и поддержки экспорта продукции АПК в контексте мировых технологических трендов / В. А. Долгих, Ю. А. Романова, Д. Е. Морковкин // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № S1.

УДК 332.1

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ И РИСКОВ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2010–2020-Х ГОДАХ)

Красовский Дмитрий Николаевич,
студент факультета истории и социальных коммуникаций,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева».
(414056, Российская Федерация, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.
dima.krasovskii2005@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу тенденций и рисков социально-экономического развития Астраханской области в период 2010–2020-х годов на основе статистических данных, научных публикаций и документов стратегического планирования. Исследование базируется на ретроспективном анализе макроэкономических показателей, оценке динамики ключевых отраслей и результатах стратегического планирования региона. Вы-

явлены системные противоречия между уникальным геостратегическим положением области и ее интегральными показателями развития. Определены основные драйверы роста и дестабилизирующие факторы, среди которых сырьевая моноструктура экономики, высокий износ основных фондов, низкая инновационная активность и миграционный отток населения. Проанализировано состояние нефтегазового, рыбохозяйственного и агропромышленного комплексов. На основе сопоставления сценариев стратегического развития сделан вывод о необходимости диверсификации экономики, активизации инновационной деятельности и цифровой трансформации для перехода к устойчивой модели роста.

Ключевые слова. Астраханская область, региональная экономика, валовой региональный продукт, инвестиции, инновационное развитие, пространственная поляризация, стратегическое планирование, экономические риски.

ANALYSIS OF TRENDS AND RISKS IN REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT (USING THE EXAMPLE OF THE ASTRAKHAN REGION IN THE 2010–2020S)

Krasovsky Dmitry Nikolaevich,
student, Faculty of History and Social Communications,
FSBEI HE "Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev".
(414056, Russian Federation, Astrakhan region, Astrakhan, Tatishchev str., 20a.
dima.krasovskii2005@mail.ru)

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of trends and risks in the socio-economic development of the Astrakhan Region in the 2010s–2020s, based on statistical data, scientific publications, and strategic planning documents. The research is grounded in a retrospective analysis of macroeconomic indicators, an assessment of the dynamics of key sectors, and the results of strategic planning in the region. Systemic contradictions between the unique geostrategic position of the region and its integral development indicators are revealed. The main growth drivers and destabilizing factors, including the raw material mono-structure of the economy, high depreciation of fixed assets, low innovation activity, and migration outflow of the population, are identified. The state of the oil and gas, fisheries, and agro-industrial complexes is analyzed. Based on a comparison of strategic development scenarios, it is concluded that it is necessary to diversify the economy, activate innovation activity and digital transformation for the transition to a sustainable growth model.

Keywords. Astrakhan Region, regional economy, gross regional product, investment, innovative development, spatial polarization, strategic planning, economic risks.

В условиях современной геополитической и экономической турбулентности вопросы устойчивого и сбалансированного развития регионов приобретают критическое значение для национальной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации. Астраханская область, занимая уникальное геостратегическое положение в Прикаспийском регионе, представляет собой показательный пример субъекта РФ, где потенциал экономического роста существенно ограничен накопленными структурными дисбалансами [1; 2, с. 180].

Ретроспективный анализ экономики Астраханской области за период 2005–2021 годов выявляет ряд устойчивых негативных тенденций, свидетельствующих о стагнации и снижении конкурентоспособности региона. Ключевым индикатором здесь выступает валовой региональный продукт (ВРП). Несмотря на рост абсолютных значений, его доля в общероссийском ВРП остается крайне незначительной. В 2005 году доля региона составляла 0,39%, достигнув максимума в 0,64% в 2018 году, после чего последовало снижение до 0,56% в 2020 году [2, с. 179]. Это указывает на более медленные темпы экономического роста по сравнению со средними показателями по стране. Схожая динамика наблюдается и для ВРП на душу населения, где относительное отставание от среднероссийского уровня в 2018–2020 годах составило 7–18 процентных пунктов [2, с. 179].

Наиболее ярко системные проблемы региона проявляются в состоянии основных

фондов. Стоимость основных фондов в регионе растет, однако их доля в общероссийских показателях неуклонно снижается: с 0,66% в 2005 году до 0,55% в 2021 году [2, с. 180]. Критической угрозой является сверхвысокая степень износа основных фондов. Удельный вес полностью изношенных основных фондов в Астраханской области систематически превышает среднероссийские показатели. В 2019 году этот показатель составил 59,3%, а соотношение с общероссийским уровнем выросло с 101% в 2005 году до 112% в 2019 году [2, с. 180]. Это свидетельствует о глубокой деградации производственного потенциала и инвестиционном голоде в реальном секторе.

Инвестиционная активность и инновационное развитие представляют собой наиболее слабые стороны региональной экономики. Объем инвестиций в основной капитал на душу населения в Астраханской области, хотя и вырос в абсолютном выражении, в относительном выражении сократился с 85,7% от среднероссийского уровня в 2010 году до 81% в 2021 году [2, с. 181]. Уровень инновационной активности организаций в регионе обвалился с 12,8% в 2010 году до 7,7% в 2021 году, при этом с 2018 года он стабильно ниже среднероссийских значений [2, с. 181]. Еще более плачевная ситуация с результативностью инноваций. Объем отгруженных инновационных товаров в Астраханской области составляет лишь 0,013% от общероссийского объема в 2021 году, а их удельный вес в общем объеме отгруженных товаров региона сократился до 0,2%, что в пять раз ниже среднего показателя по РФ (5,0%) [2, с. 181-182]. Высокий уровень износа фондов, низкая инновационная активность и слабая отдача от инноваций напрямую влияют на производительность труда. В 2021 году производительность труда (оборот на одного работающего) в Астраханской области без учета малого бизнеса составила всего 1,1 тыс. руб., что в три раза ниже среднероссийского показателя (3,1 тыс. руб.) [2, с. 180]. Особенно критична ситуация в ключевых для региона отраслях: в сельском хозяйстве (0,1 тыс. руб.) и обрабатывающей промышленности (0,2 тыс. руб.), что кардинально отличает область от других регионов ЮФО, таких как Краснодарский край и Ростовская область [2, с. 180]. Результатом этих процессов является высокая доля убыточных предприятий, которая в регионе выросла с 35,7% в 2005 году до 46,9% в 2021 году, значительно превышая среднероссийский показатель (29,2%) [2, с. 182].

Экономика Астраханской области характеризуется выраженной моноструктурностью, что делает её крайне уязвимой к внешним шокам. Основной вклад в ВРП региона (свыше 47%) вносит добывающий сектор, в первую очередь нефтегазовая отрасль [1]. На государственном балансе области числятся значительные запасы углеводородов: более 4,7 трлн м³ газа и 1 млрд тонн конденсата и нефти на суше, а также более 570 млрд м³ газа и 320 млн тонн углеводородов на морском шельфе [3, с. 163]. Это создает иллюзию экономического благополучия, однако, как отмечают исследователи, регион сталкивается с «выраженной индустриально-сырьевой специализацией» при попытках диверсификации [3, с. 163]. Высокая зависимость от конъюнктуры рынка углеводородов и деятельности нескольких крупных корпораций является ключевым риском для бюджетной системы региона [3, с. 165]. В то же время логистический и транспортный потенциал региона оценивается как один из наиболее перспективных. Астраханская область является критически важным звеном международного транспортного коридора «Север – Юг» [1; 3, с. 163]. На ее территории формируется Каспийский кластер, включающий портовую особую экономическую зону (ОЭЗ) в пос. Оля и промышленно-логистическую ОЭЗ «Лотос» [1; 3, с. 163]. Анализ, проведенный с использованием модели ромба М. Портера, показывает, что факторные условия для развития транспортно-логистического кластера являются благоприятными: наличие крупных морских и речных портовых мощностей, развивающейся складской инфраструктуры и образовательных программ в сфере логистики [4, с. 2757-2759]. Однако "узкими местами" остаются недостаточная интеграция различных видов транспорта, высокий уровень износа инфраструктуры и неопределенность нормативно-правовой базы, что сдерживает реализацию кластерного потенциала [4, с. 2764].

Рыбохозяйственный комплекс, являющийся традиционной и исторически значимой отраслью, переживает системный кризис. Проведенный анализ отрасли выявляет тревожные

тенденции. Несмотря на незначительный рост объемов выращивания товарной рыбы (с 17,2 тыс. тонн в 2015 г. до 22,0 тыс. тонн в 2019 г.), производственные показатели в секторе нестабильны и зависят от природно-климатических факторов [5, с. 15]. Критическим фактором, препятствующим развитию, является сверхвысокий износ основных фондов: в рыбопереработке он достиг 72,8% в 2019 году [5, с. 26]. Низкий уровень заработной платы (на 56,35% ниже средней по региону в рыбопереработке) приводит к оттоку кадров и, как следствие, высокой теневизации отрасли [5, с. 21-22]. Доля рыбы, направляемой на глубокую переработку, составляет лишь 32%, что говорит о сырьевой направленности экспорта и низкой добавленной стоимости [5, с. 23]. При этом почти все региональные предприятия не могут полностью освоить выделенные им квоты на вылов водных биоресурсов [5, с. 20].

Агропромышленный комплекс (АПК) демонстрирует неоднозначную картину. С одной стороны, регион является крупнейшим производителем овощей и бахчевых культур в РФ [1]. С другой, эффективность растениеводства может быть значительно повышена за счет структурной оптимизации. Исследование, проведенное на основе оптимизационной модели, показало, что фактическая структура посевов не является оптимальной. Расчетная модель (вариант с параметром qm=4) позволяет достичь рентабельности в 54,7% по сравнению с фактической убыточностью [6, с. 265]. Анализ выявил, что производство зерновых крайне неэффективно для структуры активов региона, а потенциал таких культур, как морковь, лук и томаты, используется не в полной мере [6, с. 265-266]. Животноводство и птицеводство имеют потенциал роста, но сдерживаются недостатком перерабатывающих мощностей.

Астраханская область вписана в контекст высокой межрегиональной дифференциации, характерной для России в целом. Исследования показывают, что за 2000–2020 годы разрыв между регионами-лидерами и отстающими субъектами не только сохранился, но и по некоторым показателям усилился. Размах поляризации по ВРП, рассчитанный как отношение максимального показателя к минимальному, хотя и сократился с 442,6 в 2000 г. до 294,2 в 2020 г., остается чрезвычайно высоким [7, с. 1332]. Это означает, что экономическая мощь сконцентрирована в небольшой группе регионов-локомотивов, в то время как большинство субъектов, включая Астраханскую область, зависят от трансфертов федерального бюджета [7, с. 1322]. Внутри Южного федерального округа Астраханская область занимает промежуточное положение. По итоговому рейтингу регионов за 2024 год, учитывающему качество жизни и материальное благополучие, она находится на 65-м месте из 85, что является одним из самых низких показателей в ЮФО. Область опережает только Крым, Севастополь и Калмыкию, но существенно уступает Краснодарскому краю (8-е место) и Ростовской области (12-е место) [3, с. 164]. Это указывает на недостаточность усилий по сглаживанию социально-экономических диспропорций. Демографическая ситуация является одним из главных долгосрочных вызовов. Численность населения Астраханской области неуклонно сокращается: с 1,007 млн человек в 2015 году до 946,4 тыс. на начало 2024 года [1]. Ключевыми причинами являются естественная убыль населения и миграционный отток трудоспособного населения. Миграционная убыль в 2023 году составила 2 355 человек, и этот отток приходится в основном на население в трудоспособном возрасте (65,3% от общей численности мигрантов) [1]. Основной причиной миграции является низкий уровень заработной платы. Среднемесячная номинальная заработная плата в Астраханской области (62 551 руб. в 2024 г.) в 1,42 раза ниже среднероссийского уровня (89 069 руб.) [1]. Это создает "кадровый голод" в ключевых отраслях, что замыкает порочный круг низкой производительности и экономической стагнации.

В ответ на выявленные вызовы Правительством Астраханской области разработана и утверждена Стратегия социально-экономического развития до 2036 года. Основной целью Стратегии является «народосбережение, направленное на сохранение и увеличение численности населения, укрепление человеческого капитала». Для достижения этой цели выделены четыре стратегических приоритета: «Повышение качества жизни», «Рациональное природопользование и обеспечение экологической безопасности», «Устойчивый экономический рост» и «Эффективное управление регионом» [1].

Однако реализация Стратегии сопряжена с высокими рисками, что отражено в двух сценариях развития: базовом и консервативном. Ключевые риски для Астраханской области лежат в плоскости сохранения сырьевой зависимости, низкой диверсификации и слабой инновационной активности. Внешние риски включают геополитическую напряженность, санкционное давление, нестабильную конъюнктуру на мировых сырьевых рынках и ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации. Внутренние риски связаны с дефицитом бюджета, инфраструктурной уязвимостью, оттоком квалифицированных кадров и социальной напряженностью [1]. Особую тревогу вызывает низкий уровень цифровой зрелости и инновационного развития. Рейтинг инновационного развития регионов, составленный НИУ ВШЭ, показывает, что позиции Астраханской области значительно ухудшились с 2017 года. Если в 2017–2021 годах регион занимал 48–49 места, то в 2023–2024 годах опустился на 60-е и 65-е места соответственно [8, с. 78]. Анализ показывает, что сильные стороны региона (высокий ВРП на одного занятого, образовательный потенциал) нивелируются слабыми: крайне низкий уровень затрат на цифровые технологии, на исследования и разработки, низкая доля инновационной продукции и неконкурентная зарплата в науке [8, с. 87]. Одной из причин низких позиций является также некорректное заполнение статистических форм предприятиями, что говорит о недостаточной методической работе и низкой вовлеченности бизнеса в инновационные процессы [8, с. 82-85].

Смягчению негативных тенденций могла бы способствовать целенаправленная политика по повышению финансового потенциала региона. Прогнозные расчеты показывают, что реализация комплекса мер государственной поддержки, включая развитие особых экономических зон и стимулирование экспорта, может привести к росту объема инвестиций в основной капитал на 19,61% к 2027 году и значительному увеличению экспорта продукции рыбохозяйственного комплекса [9, с. 62-71]. Однако, как подчеркивается в исследовании, для этого необходимо не только финансирование, но и преодоление административных барьеров, улучшение делового климата и системная работа по повышению инновационной активности бизнеса [9, с. 72].

Подводя итоги, стоит заметить, что анализ социально-экономического развития Астраханской области в 2010–2020-х годах выявил ряд системных дисбалансов, представляющих собой угрозу для долгосрочного устойчивого развития. Ключевая проблема региона – глубокая сырьевая зависимость и моноструктурность экономики, что на фоне высокой степени износа основных фондов и крайне низкой инновационной активности порождает стагнацию и снижение производительности труда. Усилению негативных тенденций способствует значительный миграционный отток населения, обусловленный низкой конкурентоспособностью заработной платы и неразвитостью социальной инфраструктуры. Стратегия развития региона до 2036 года, несмотря на правильно обозначенные цели "народосбережения" и диверсификации, сталкивается с высокой степенью неопределенности. Реализация амбициозных планов по развитию транспортно-логистического узла и АПК сдерживается ресурсными ограничениями, управленческими рисками и недостаточной скоростью цифровой трансформации. Для преодоления стагнации необходима не просто реализация программных документов, а кардинальная смена модели управления, ориентированная на создание условий для частных инвестиций в высокотехнологичные производства, стимулирование деловой активности и, самое главное, на создание человекоцентричной экономики, способной удержать и привлечь квалифицированные кадры. Первоочередными задачами должны стать модернизация инфраструктуры, снижение износа основных фондов и прорыв в инновационной сфере.

Список литературы

1. Астраханская область. Правительство. О Стратегии социально-экономического развития Астраханской области на период до 2036 года: постановление Правительства Астраханской области № 78-П : [утверждена 19 марта 2026 года]. - Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации органов государственной власти Астраханской области. - URL: https://pravo-astrobl.ru/documents/document-0002202603200001/ (дата обращения: 04.09.2026).

2. Зайцев, С.В., Степанова, Д.И. Ретроспективный анализ экономики Астраханской области / С.В. Зайцев, Д.И. Степанова. - Текст : электронный // Аудиторские ведомости. - 2024. - № 3. - С. 178-184. https://elibrary.ru/HCLKBR (дата обращения: 04.09.2026). - Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

3. Карташова, О.И. Экономика Астраханской области. Вызовы и перспективы / О.И. Карташова, О.А. Харченко - Текст : электронный // Современные проблемы логистики, экономики, управления в эпоху глобальных вызовов : Сборник материалов V Международной заочной научной конференции, Астрахань, 28 ноября 2025 года. - Астрахань: Индивидуальный предприниматель Сорокин Роман Васильевич (Издатель: Сорокин Роман Васильевич), 2025. - С. 162-166. https://elibrary.ru/item.asp?id=89036782 (дата обращения: 04.09.2026). - Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

4. Томашевская, Ю.Н. Потенциал развития логистических кластеров в России: пример Астраханской области / Ю.Н. Томашевская - Текст : электронный // Экономика, предпринимательство и право. - 2022. - Т. 12, № 10. - С. 2751-2772. https://elibrary.ru/item.asp?id=49851264 (дата обращения: 04.09.2026). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

5. Современные тенденции устойчивого развития ведущих отраслей экономики Астраханской области: теория и практика / Р.К. Арыкбаев, Н.В. Гориславская, Е.Н. Дербенева [и др.] ; Астрахань : Индивидуальный предприниматель Сорокин Роман Васильевич (Издатель: Сорокин Роман Васильевич), 2025. - 168 с. - ISBN 978-5-00201-267-1. - URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82524926 (дата обращения: 04.09.2026). - Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. - Текст : электронный.

6. Влияние структуры растениеводства на экономику агропромышленного комплекса Астраханской области / Н.И. Матвеева, В.М. Роткин, А.В. Головин, В.Г. Головин - Текст : электронный // Современная наука и инновации. - 2023. - № 3(43). - С. 260-272. https://elibrary.ru/item.asp?id=55996573 (дата обращения: 04.09.2026). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

7. Алтунина, В.В. Оценка уровня пространственной поляризации российских регионов / В.В. Алтунина, Д.А. Анучина - Текст : электронный // Экономика, предпринимательство и право. - 2023. - Т. 13, № 5. - С. 1319-1340. https://elibrary.ru/item.asp?id=53965287 (дата обращения: 04.09.2026). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

8. Абдулова, С.Ю. Позиции Астраханской области в рейтинге инновационного развития субъектов Российской Федерации: анализ и пути повышения инновационного потенциала Астраханской агломерации / С.Ю. Абдулова - Текст : электронный // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. - 2025. - № 2. - С. 76-89. https://elibrary.ru/item.asp?id=82561614 (дата обращения: 04.09.2026). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

9. Набиев, Р.А. Управление развитием Астраханской области в условиях становления цифровой экономики / Р.А. Набиев, Т.В. Лунева, В.В. Зверев - Текст : электронный // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. - 2021. - № 4. - С. 22-27. https://elibrary.ru/item.asp?id=47716138 (дата обращения: 04.09.2026). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

УДК 336.14

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОХОДНОЙ БАЗЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СНИЖЕНИЕ НЕФТЕГАЗОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ И РОСТ РОЛИ ВНУТРЕННИХ НАЛОГОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Кудашева Виктория Сергеевна,
студент,
Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ в г. Шахты.
(346500, Ростовская область, г. Шахты, ул. Шевченко, д. 147.

E-mail: kudasheva-viktoria@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается изменение структуры доходов федерального бюджета Российской Федерации в 2018–2027 гг. Проведен анализ соотношения нефтегазовых и ненефтегазовых поступлений, динамики их абсолютных объемов, а также показателей с учетом инфляции и валового внутреннего продукта. Особое внимание уделено изменению роли внутренних налоговых источников, прежде всего налога на добавленную стоимость. Установлено, что сокращение доли нефтегазовых доходов сопровождается ростом значения ненефтегазовых поступлений, что свидетельствует о постепенном изменении структуры доходной базы федерального бюджета. Сделан вывод о формировании более диверсифицированной модели бюджетных доходов при одновременном усилении значения внутренней экономической активности. Определены основные условия сохранения устойчивости доходной базы бюджета в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: федеральный бюджет, доходы бюджета, НДС, бюджетная система, налоговая политика, ВВП, инфляция.

TRANSFORMATION OF THE REVENUE BASE OF THE FEDERAL BUDGET OF THE RUSSIAN FEDERATION: REDUCING OIL AND GAS DEPENDENCE AND INCREASING THE ROLE OF DOMESTIC TAX SOURCES

Kudasheva Victoria Sergeevna,
Student, Institute of Service and Entrepreneurship
(a branch of Don State Technical University) in Shakhty
(147 Shevchenko St., Shakhty, Rostov Region, 346500, Russian Federation
E-mail: kudasheva-viktoria@mail.ru)

Annotation. The article examines changes in the structure of federal budget revenues of the Russian Federation in 2018–2027. The analysis focuses on the ratio of oil and gas and non-oil and gas revenues, changes in their absolute amounts, as well as indicators adjusted for inflation and gross domestic product. Particular attention is paid to the changing role of domestic tax sources, primarily value added tax. It is established that the decline in the share of oil and gas revenues is accompanied by an increase in the importance of non-oil and gas revenues, indicating a gradual transformation of the federal budget revenue structure. The study concludes that a more diversified model of budget revenues is being formed, accompanied by the growing importance of domestic economic activity. The main conditions for maintaining the stability of the budget revenue base in the long term are identified.

Keywords. federal budget, budget revenues, value added tax, budget system, tax policy, GDP, inflation.

В современных условиях одним из наиболее значимых направлений трансформации бюджетной системы Российской Федерации становится изменение структуры федеральных доходов. Если на протяжении длительного времени устойчивость федерального бюджета в значительной степени определялась состоянием нефтегазового сектора и динамикой мировых цен на углеводороды, то в последние годы наблюдается постепенное ослабление данной зависимости. Одновременно сохраняется положительная динамика совокупных бюджетных поступлений, что позволяет предположить формирование новых механизмов компенсации выпадающих нефтегазовых доходов. Это обусловливает необходимость комплексной оценки изменений, происходящих в структуре доходной базы федерального бюджета.

В целях выявления указанных закономерностей совокупный объём доходов федерального бюджета принят за 100 %, после чего произведено их разделение на нефтегазовые и ненефтегазовые поступления (рис. 1).

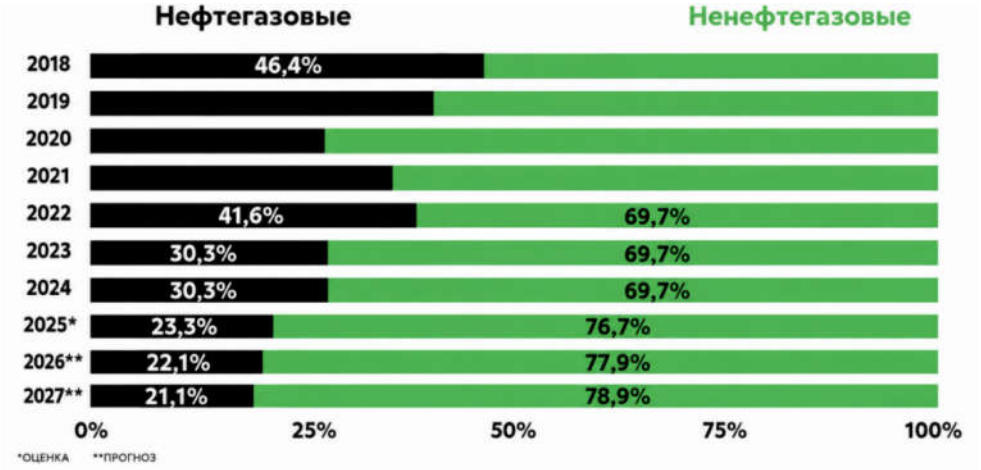

Рис. 1. Динамика структуры доходов федерального бюджета Российской Федерации в 2018–2027 гг., %

Проведённый анализ свидетельствует, что за рассматриваемый период структура федеральных доходов претерпела существенные изменения. Если в 2018 году нефтегазовые поступления обеспечивали почти половину доходной части бюджета, то к 2024 году их удельный вес сократился более чем вдвое. Наиболее высокое значение показателя зафиксировано в 2022 году, когда вследствие благоприятной ценовой конъюнктуры мирового рынка энергоносителей доля нефтегазовых доходов приблизилась к 40 %. Однако данный рост носил краткосрочный характер и отражал влияние внешних факторов, а не изменение долгосрочных тенденций развития бюджетной системы. Уже в последующие годы наблюдается последовательное сокращение нефтегазовой составляющей, тогда как основную часть федеральных поступлений начинают формировать ненефтегазовые источники [1].

Таким образом, изменение структуры федеральных доходов свидетельствует не только о снижении зависимости бюджетной системы от экспорта углеводородов, но и о формировании иной модели её финансового обеспечения. Вместе с тем относительные показатели не позволяют оценить масштаб происходящих изменений, поскольку перераспределение долей ещё не означает увеличения или сокращения общего объёма располагаемых бюджетных ресурсов. Для проверки данного предположения целесообразно обратиться к анализу абсолютных показателей (рис. 2).

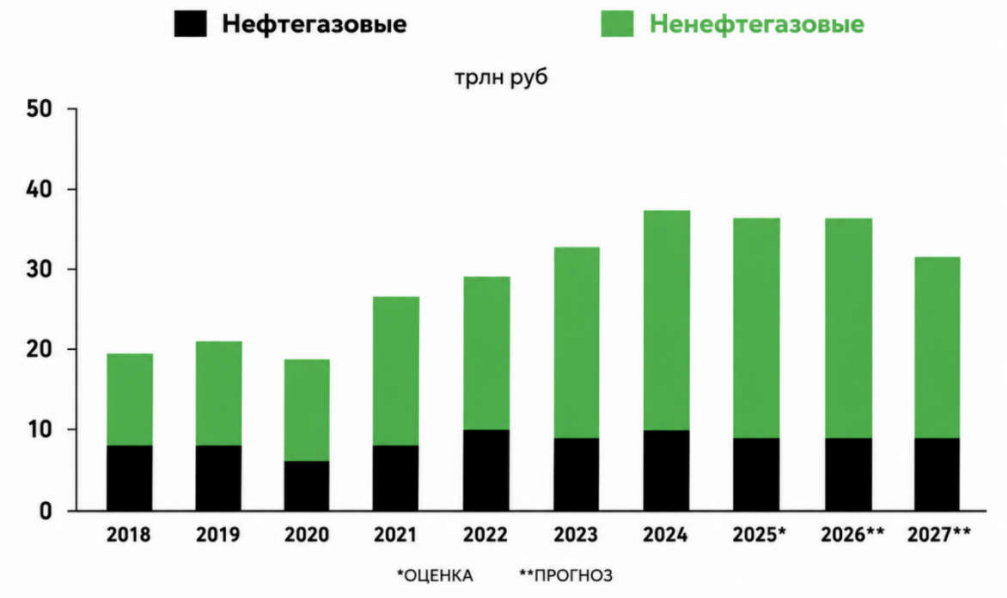

Рис. 2. Абсолютные объёмы доходов федерального бюджета Российской Федерации в 2018–2027 гг., трлн руб.

Расчёты показывают, что сокращение доли нефтегазовых доходов сопровождается устойчивым увеличением совокупного объёма федеральных поступлений. На первый взгляд подобная динамика может свидетельствовать об успешном расширении ненефтегазовой доходной базы. Однако интерпретация полученных результатов требует определённой осторожности. Рост абсолютных показателей отражает номинальное увеличение доходов и не учитывает влияние инфляционных процессов, способных существенно исказить представление о реальной динамике бюджетных ресурсов.

По этой причине дальнейшая оценка предполагает сопоставление темпов роста федеральных доходов с динамикой индекса потребительских цен (рис. 3).

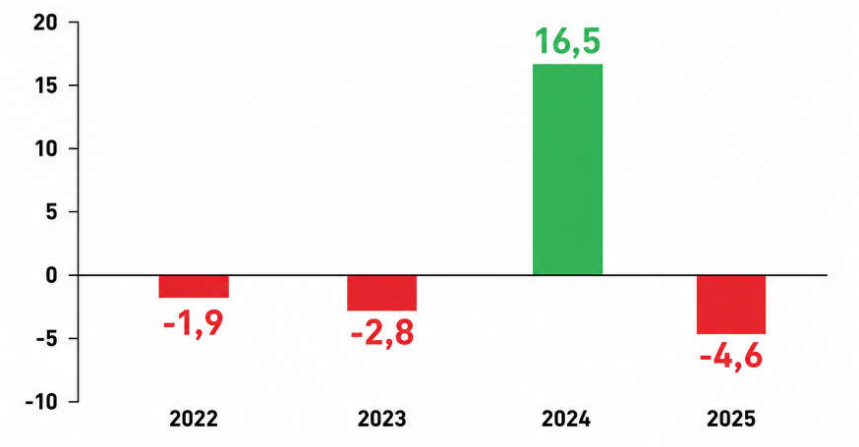

Рис. 3. Отклонение темпов прироста номинальных доходов федерального бюджета в 2022–2025 гг., процентных пунктов

Сравнительный анализ показывает, что в большинстве рассматриваемых периодов инфляционные процессы развивались более высокими темпами, чем увеличение доходов федерального бюджета. Лишь в 2024 году прирост бюджетных поступлений оказался существенно выше уровня инфляции, превысив его на 16,5 процентного пункта. Следовательно, номинальный рост доходной части бюджета не всегда сопровождается соответствующим увеличением её реальной стоимости, что ограничивает возможность оценки эффективности бюджетной политики исключительно на основе абсолютных показателей [2].

Вместе с тем даже корректировка доходов с учётом инфляции не позволяет определить их место в системе национальной экономики. Более объективную характеристику масштабов перераспределения финансовых ресурсов обеспечивает анализ доходов федерального бюджета в сопоставлении с валовым внутренним продуктом (рис. 4).

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что увеличение абсолютного объёма бюджетных поступлений не сопровождается ростом их удельного веса в экономике. Так, если в 2021 году через федеральный бюджет перераспределялось 18,8 % валового внутреннего продукта, то к 2024 году данный показатель снизился до 18,2 %. Иными словами, наблюдаемое увеличение доходов обусловлено преимущественно расширением номинального объёма экономики, тогда как степень бюджетного перераспределения создаваемой добавленной стоимости остаётся практически неизменной [3].

Несмотря на это, федеральный бюджет демонстрирует способность компенсировать сокращение нефтегазовых поступлений без существенного снижения общего объёма доходов. Следовательно, принципиальное значение приобретает определение тех налоговых инструментов, которые обеспечивают устойчивость доходной базы в новых экономических условиях (рис. 5).

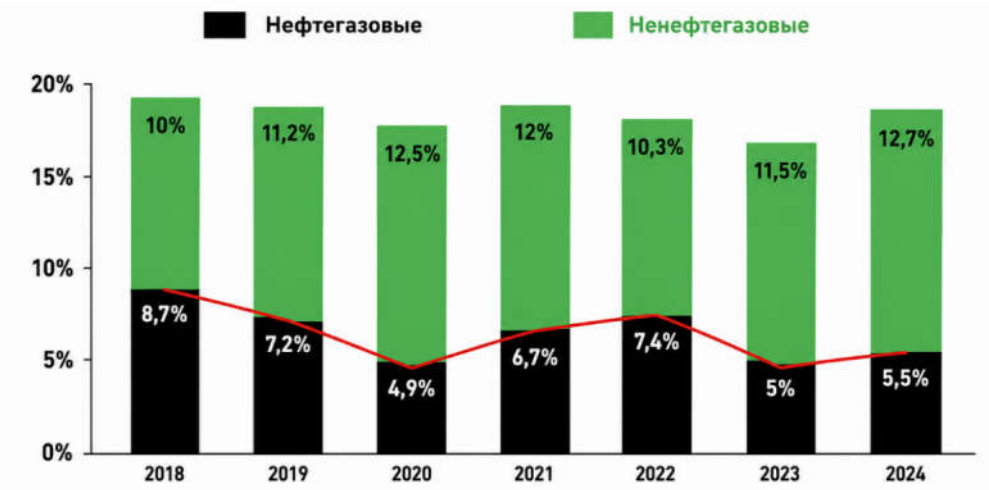

Рис. 4. Отношение структуры доходов федерального бюджета к валовому внутреннему продукту РФ в 2018–2024 гг., %

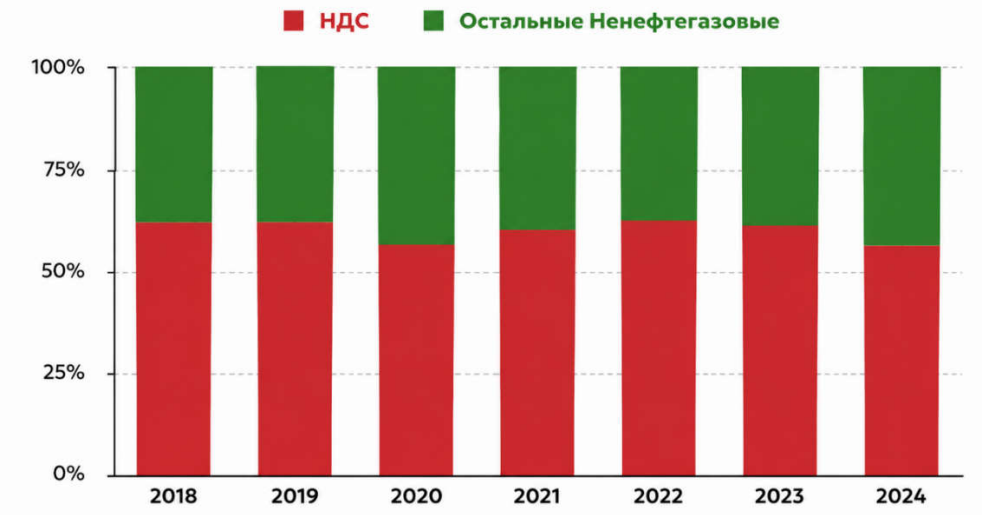

Рис. 5. Удельный вес НДС в структуре доходов федерального бюджета РФ в 2018–2024 гг., %

Проведённые расчёты позволяют утверждать, что ведущим источником формирования ненефтегазовых доходов федерального бюджета выступает налог на добавленную стоимость. По итогам 2024 года поступления по НДС превысили 13,5 трлн руб., обеспечив более половины всех ненефтегазовых доходов. Для сравнения, совокупный объём нефтегазовых поступлений составил около 11 трлн. руб., следовательно, именно НДС фактически занял позицию крупнейшего источника формирования федерального бюджета, превзойдя по объёму поступлений нефтегазовый сектор.

В этом контексте решение о повышении базовой ставки НДС с 2025 года и расширении круга налогоплательщиков следует рассматривать не как изолированную меру налоговой политики, а как закономерный этап адаптации бюджетной системы к изменившейся структуре доходов. Согласно расчётам Правительства Российской Федерации, реализация указанных изменений позволит обеспечить дополнительные поступления в федеральный бюджет в размере 1,187 трлн. руб. [4].

Проведённое исследование показывает, что ключевой тенденцией развития современной бюджетной системы является не столько сокращение нефтегазовых доходов, сколько изменение механизмов их замещения. Фактически происходит переход от модели, основанной на высокой зависимости федерального бюджета от экспортной сырьевой ренты, к модели, в которой определяющее значение приобретают внутренние налоговые источники.

Вместе с тем выявленная трансформация имеет неоднозначные последствия. Снижение чувствительности бюджетной системы к колебаниям мировых цен на углеводороды объ-

ективно повышает её устойчивость, однако возрастающая роль косвенного налогообложения означает усиление фискальной нагрузки на внутренний сектор экономики. В этих условиях долгосрочная устойчивость федеральных финансов будет определяться не столько возможностями дальнейшего увеличения налоговых ставок, сколько способностью государства обеспечить расширение налоговой базы посредством роста инвестиционной активности, производительности труда и выпуска конкурентоспособной продукции. Именно такой подход позволит сохранить сбалансированность бюджетной системы без усиления налогового давления на экономическое развитие.

Список литературы

1. Мастеров, А. И. Доходы федерального бюджета в 2025–2027 годах: риски и перспективы / А. И. Мастеров. — Текст: электронный // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 12. — С. 1–8. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id= (дата обращения: 22.07.2026). — Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

2. TAdviser. Бюджет России. — Москва. — Обновляется в течение суток. — URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Бюджет_России (дата обращения: 22.07.2026). — Текст: электронный.

3. Министерство финансов Российской Федерации. Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2024 год. — Москва. — Обновляется в течение суток. — URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/08/main/Ispolnenie_2024.pdf (дата обращения: 22.07.2026). — Текст: электронный.

4. Бюджетный прогноз Российской Федерации на период до 2036 года: утвержден Распоряжением Правительства РФ от 29.03.2019 № 558-р. — Приложение № 9–10. — Текст: непосредственный.

УДК 336.22(575.4)

НАЛОГОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ ТУРКМЕНИСТАНА

Матниязов Башим,
преподаватель, Кафедра тракторов и сельскохозяйственной техники,
Туркменский сельскохозяйственный институт
(Туркменистан, г. Дашогуз. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)
Ёлдурдыев Вепа,
Анваров Атабег,
Ходжамедов Ысламберди,
студенты 1-го курса специальности «Механизация сельского хозяйства».
Туркменский сельскохозяйственный институт
(Туркменистан, г. Дашогуз. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности формирования и функционирования налоговой системы Туркменистана. Анализируются прямые и косвенные налоги, фискальная и регулирующая функции налогообложения, принципы построения налоговой системы и особенности распределения налоговых поступлений между уровнями бюджета. Особое внимание уделяется роли налогового регулирования в стимулировании предпринимательской деятельности, инвестиций, занятости и развития производства. Рассматриваются основные положения налогового законодательства Туркменистана, налоговые ставки и льготы, а также вопросы совершенствования налоговых отношений в условиях развития рыночной экономики.

Ключевые слова: налоговая система, налогообложение, налоговая политика, налоговое регулирование, налоговые льготы, государственный бюджет.

TAX REGULATION OF THE ECONOMY OF TURKMENISTAN

Matniyazov Bashim,
Lecturer, Department of Tractors and Agricultural Machinery, Turkmen Agricultural Institute,
(Dashoguz, Turkmenistan. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)
Yoldurdyyev Vepa,
Anvarov Atabeg,
Hojamedov Yslamberdi,
1st-year students «Agricultural Mechanization» major,
Turkmen Agricultural Institute, (Dashoguz, Turkmenistan.
E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)

Annotation. The article considers the main features of the formation and functioning of the tax system of Turkmenistan. Direct and indirect taxes, fiscal and regulatory functions of taxation, principles of structuring the tax system, and the specifics of tax revenue distribution among budget levels are analyzed. Special attention is paid to the role of tax regulation in stimulating business activity, investments, employment, and production development. The main provisions of the tax legislation of Turkmenistan, tax rates and incentives, as well as issues of improving tax relations under market economy development are examined.

Keywords: tax system, taxation, tax policy, tax regulation, tax incentives, state budget.

Налоговая система является одним из важнейших элементов финансово-экономического механизма государства. Посредством налогов формируется значительная часть доходов государственного бюджета, обеспечивается финансирование социальных и экономических программ, а также осуществляется регулирование деятельности хозяйствующих субъектов. В условиях развития рыночной экономики особое значение приобретает формирование эффективной и сбалансированной налоговой системы, способной одновременно обеспечивать бюджетные потребности государства и создавать благоприятные условия для развития предпринимательства и инвестиционной активности. От уровня налоговой нагрузки, структуры налогов и механизмов налогового администрирования во многом зависят финансов включает совокупность установленных законодательством налогов и сборов, а также соответствующие механизмы их исчисления и уплаты. Важными принципами её функционирования являются единство налоговой системы, правовое регулирование налоговых отношений, обеспечение сбалансированности налоговой нагрузки и сочетаные результаты предприятий, деловая активность и темпы экономического развития.

Налоговая система Туркменистана включает совокупность установленных законодательством налогов и сборов, а также соответствующие механизмы их исчисления и уплаты. Важными принципами её функционирования являются единство налоговой системы, правовое регулирование налоговых отношений, обеспечение сбалансированности налоговой нагрузки и сочетание фискальной и регулирующей функций налогов.

Налоговая система Туркменистана включает в себя прямые и косвенные налоги. Косвенные налоги состоят из налога на добавленную стоимость и дополнительных сборов.

Прямые налоги включают следующие виды:

1. Налог на прибыль юридических лиц;
2. Налог на имущество;
3. Налог на доходы физических лиц;
4. Налог на использование недр.

Наука о налогообложении уточняет организационно-правовые принципы функционирования налоговой системы, разрабатывает методику расчета различных налоговых платежей. Однако в то же время уровень развития человеческого общества все еще далек от высоких целей. Каждое государство ведет хозяйство в соответствии с собственными национальными законами, которые могут сильно отличаться друг от друга. Для экономически развитых стран эти принципы соответствуют общим стандартам. Для стран, не полностью применяю-

щих законы рыночной экономики, возникают трудности при реализации общих принципов структуры налоговой системы [1, с. 123].

В большинстве налоговых систем иностранных государств полномочия центральных и местных властей юридически уточняются, и структура налоговых отношений определяется. Налоговая система Туркменистана централизована, то есть государственные налоги, установленные центральными органами, зачисляются в доходы Государственного бюджета Туркменистана, а местные сборы, собираемые в районах и городах, составляют часть доходов местных бюджетов. Однако одновременно проводится налоговое регулирование государством. Например, согласно статье 4 Закона Туркменистана «О Государственном бюджете Туркменистана на 2010 год», налог на добавленную стоимость делится между бюджетами по следующим пропорциям: 12% для города Ашхабад, 95% для Ахалского, 30% для Балканского, 95% для Дашогузского, 95% для Лебапского и 95% для Мары.

Таблица 1

Основные виды налогов в налоговой системе Туркменистана

№	Вид налога	Характеристика	Основная функция
1.	Налог на прибыль	Взимается с прибыли юридических лиц	Фискальная и регулирующая
2.	Налог на доходы физических лиц	Взимается с доходов граждан	Фискальная
3.	Налог на добавленную стоимость	Косвенный налог на товары, работы и услуги	Фискальная
4.	Налог на имущество	Взимается с объектов имущества	Фискальная и регулирующая
5.	Налог за пользование недрами	Связан с использованием природных ресурсов	Фискальная
6.	Налоговые льготы	Предоставляются отдельным категориям налогоплательщиков	Стимулирующая
7.	Местные сборы	Устанавливаются в соответствии с законодательством	Регулирующая

Выбор видов налогов является началом реализации внутренних возможностей экономических категорий «налог» и «налогообложение». Теоретическая необходимость действия налогов расширяется на все их возможные виды, которые могут быть использованы в налоговом опыте. На практике эта связь реализуется при соблюдении всех необходимых условий для применения видов налогов, выражающих их внутренние возможности. В совершенной налоговой системе среди участников, участвующих в непрерывном производственном процессе, не должно быть налоговых видов, которые препятствуют сбору финансовых средств. В противном случае налоги будут называться просто «налогами», а на самом деле они превратятся в способ принудительного изъятия финансовых средств из хозяйственного оборота. Налоговая система не должна включать в себя налоговые виды, которые требуют значительных расходов на их сбор, то есть, налогов, которые сильно усложняют процесс взимания налогов и сборов [2, с. 213].

Налоги в Туркменистане считаются одними из самых низких по всему миру. Например, согласно статье 172 Закона Туркменистана «О налогах», юридические лица частной собственности уплачивают налог на прибыль по ставке 2%, а индивидуальные предприниматели, использующие систему налогообложения с льготами, уплачивают тот же налог. (Закон Туркменистана «О налогах», статья 200). Согласно статье 192 того же закона, налог на доходы физических лиц рассчитывается с учетом увеличения налоговой базы на 10%. Это означает, что низкие ставки налогов создают большие возможности для сбора налогов с населения, стимулирования частного предпринимательства, создания новых рабочих мест, технического и технологического обновления производства, финансирования инвестиций, перестройки отраслей.

Налоги в налоговой системе Туркменистана считаются одними из самых низких в ми-

ре. Например, согласно статье 172 Закона Туркменистана «О налогах», юридические лица частной собственности уплачивают налог на прибыль по ставке 2%, а те, кто применяет упрощённую систему налогообложения, также уплачивают этот налог по той же ставке. Согласно статье 200 того же закона, индивидуальные предприниматели, использующие упрощённую систему налогообложения, уплачивают налог на доходы физических лиц по ставке 2%. Согласно статье 192 того же Закона, налог на доходы физических лиц определяется как 10% от налогооблагаемой базы. Это значит, что низкие ставки налогообложения создают большие возможности для сбора налогов с населения, стимулирования частного предпринимательства, создания новых рабочих мест, технической и технологической модернизации производства, финансирования инвестиций и реформирования отраслей экономики. В то же время это способствует выравниванию личных доходов граждан [3, с. 472].

Закон Туркменистана «О налогах» закрепляет принцип единства налоговой системы. Этот закон играет важную роль в системе, обеспечивающей правовое регулирование налоговых отношений. Он определяет общий механизм функционирования налоговой системы, её принципы и структуру. Налоговое законодательство Туркменистана основывается на Конституции Туркменистана и в статье 2 Закона Туркменистана «О налогах» говорится: «Нормативные акты, регулирующие налоговые правоотношения, принимаются на основе настоящего единого закона и не могут противоречить его положениям».

Ещё одним важным принципом организации налоговых отношений является обеспечение сбалансированности налоговой нагрузки для всех участников налоговых правоотношений и стремление к достижению равенства между функциями налогов. Налоговое законодательство Туркменистана обеспечивает равновесие налоговой нагрузки для всех участников налоговых отношений. Например, в статье 171 Закона Туркменистана «О налогах» указано, что для юридических лиц частной собственности налоговая база рассчитывается без уменьшений на вычеты из общей суммы доходов, в то время как для других юридических лиц согласно статье 1 той же главы налогооблагаемая база для налога на прибыль уменьшается с учётом предусмотренных налоговых льгот.

Кроме того, в налоговом законодательстве Туркменистана установлены ставки налога на добавленную стоимость (15%), налога на имущество (1%) и налога на доходы физических лиц (10%). Также налоговое законодательство Туркменистана учитывает равенство между фискальными и регулирующими функциями налогов. Собранные налоги покрывают расходы, предусмотренные социально-экономическими планами государства, и при этом для определённых групп налогоплательщиков используются стимулирующие меры [4, с. 591].

Налоговое законодательство Туркменистана обеспечивает экономические интересы всех участников налоговых правоотношений. В этом контексте предусмотрены налоговые льготы и установлены низкие ставки налога. Например, статья 105 Закона Туркменистана «О налогах» предусматривает нулевую ставку для операций, облагаемых налогом на добавленную стоимость, статья 106 – налоговые льготы для операций, облагаемых налогом на добавленную стоимость, а статья 170 – льготы для налога на прибыль.

В системе налоговых органов важно исключение применения санкций, что свидетельствует о совершенствовании налогового законодательства. Штрафы за нарушение налогового законодательства определены статьями 88–94 Закона Туркменистана «О налогах». Однако, по сравнению с налоговыми законодательствами других стран, финансовые штрафы, предусмотренные налоговым законодательством Туркменистана, не имеют большого воздействия на финансово-экономическую деятельность юридических и физических лиц.

Это свидетельствует о том, что экономическая организация налоговых правоотношений в Туркменистане выполняется на удовлетворительном уровне. В будущем есть надежда на развитие многообразных форм налогообложения, то есть появление возможности применения различных видов налогов для одного дохода в зависимости от условий и возможностей [5, с. 408].

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Туркменистана: Закон Туркменистана от 1 октября 2010 г. №

271-IV. – Ашхабад, 2010. – 123 с.
2. Концепция развития цифровой экономики в Туркменистане на 2019 –2025 годы, 2018. – 213 с.
3. Пансков В. Г. Налоги и налогообложение: теория и практика: учебник для вузов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2020. – 472 с.
4. Майбуров И. А. Налоги и налогообложение: учебник для студентов вузов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 591 с.
5. Черник Д. Г. Налоги и налогообложение: учебник и практикум. – Москва: Юрайт, 2019. – 408 с.

УДК 332.1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ КЛЮЧЕВЫХ СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ РОССИИ И КАНАДЫ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ КЛИМАТИЧЕСКОГО ФАКТОРА

Кузнецова Елена Владимировна,
к.с.н., доцент, доцент кафедры стратегического управления
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
(450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. E-mail: 5kuznetsova@mail.ru)
Кузнецов Ярослав Владиславович,
студент факультета географии
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена»
(191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
набережная реки Мойки, д. 48. E-mail: ufayaroslav.mudri@mail.ru)

Аннотация. В статье проводится анализ влияния климатических изменений на экономику России и Канады, имеющих схожие географические условия. Актуализируется необходимость модернизации государственной политики под новые климатические риски и возможности развития экономики. С помощью авторской матрицы кросс-национальной уязвимости детально рассматриваются четыре сектора: сельское хозяйство, лесная индустрия, топливно-энергетический комплекс, логистика. Особо выделяются проблемы таяния мерзлоты в Арктике для РФ и засухи и сокращение сезона зимних дорог для Канады. Исследование выявляет полярные подходы к адаптации отраслей. РФ применяет реактивную модель, ликвидируя уже возникшие разрушения. Канада внедряет упреждающую стратегию через зеленые инвестиции, углеродный контроль и обязательное страхование инфраструктуры. Аргументируется польза интеграции канадского опыта риск-менеджмента в российское планирование.

Ключевые слова: отраслевая экономика, климатический фактор, сельское хозяйство, лесная промышленность, топливно-энергетическая отрасль, логистика, Россия, Канада.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF KEY ECONOMIC SECTORS IN RUSSIA AND CANADA UNDER THE INFLUENCE OF THE CLIMATE FACTOR

Kuznetsova Elena Vladimirovna
PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor,
Department of Strategic Management
Ufa University of Science and Technology
(450076, Russian Federation, Republic of Bashkortostan,
Ufa, Zaki Validi Street, Bldg. 32. Email: 5kuznetsova@mail.ru)
Kuznetsov Yaroslav Vladislavovich
Student, Faculty of Geography

Herzen State Pedagogical University of Russia
(191186, Russian Federation, St. Petersburg, Moika River Embankment 48.
E-mail: ufayaroslav.mudri@mail.ru)

Annotation. This article analyzes the impact of climate change on the economies of Russia and Canada, two nations sharing similar geographical conditions. It highlights the urgent need to modernize state policy to address emerging climate risks and economic development opportunities. Using a proprietary cross-national vulnerability matrix, the study examines four key sectors in detail: agriculture, the forestry industry, the fuel and energy complex, and logistics. Particular attention is paid to specific challenges: permafrost thawing in the Russian Arctic, and droughts and the shortening of the winter road season in Canada. The research reveals contrasting approaches to sectoral adaptation: Russia employs a reactive model, addressing damage after it has occurred, whereas Canada implements a proactive strategy through green investments, carbon controls, and mandatory infrastructure insurance. The study argues for the benefits of integrating Canadian risk management practices into Russian planning.

Keywords: sectoral economy, climate factor, agriculture, forestry industry, fuel and energy sector, logistics, Russia, Canada.

Актуальность темы исследования. Растущее влияние климатических сдвигов на мировую хозяйственную систему диктует необходимость модернизации отраслевых стратегий государственного развития. Трансформация природной среды опосредованно меняет структуру отраслевой экономики. Как подчеркивает М. Е. Кадомцева, интенсификация негативных экологических последствий выводит климатическую повестку на первый план в парадигме устойчивого развития, поскольку экологические угрозы сегодня подрывают стабильность национальных социально-экономических систем [1, с. 255].

Россия и Канада характеризуются близкими пространственно-географическими масштабами, суровостью природных условий и преобладанием сырьевой компоненты в структуре национального богатства. С одной стороны, экономические комплексы обеих стран несут убытки из-за разрушения инфраструктурных объектов в зонах вечной мерзлоты и высокой уязвимости аграрного сектора перед аномальными погодными явлениями. С другой стороны, потепление климата открывает новые перспективы, связанные с вовлечением в оборот северных земель, технологическим обновлением добывающей промышленности и расширением транспортно-логистических коридоров.

Цель исследования: выявление специфики климатического воздействия на ключевые секторы экономики России и Канады на основе сравнительного анализа, а также разработка рекомендаций по оптимизации российской адаптационной политики с использованием эффективных инструментов канадского опыта.

Научная новизна исследования:

– предлагается оригинальная матрица кросс-национальной уязвимости экономик РФ и Канады, обеспечивающая секторальную дифференциацию климатических рисков и выгод по вектору их воздействия;

– уточняются модели государственного регулирования климатических изменений. В РФ преобладает реактивная модель, сфокусированная на защите инфраструктуры преимущественно в Арктике. В Канаде – проактивная модель, опирающаяся на механизмы «зеленого» инвестирования на федеральном и местном уровнях.

Методы исследования. Методологический аппарат исследования базируется на принципах системного, сравнительного и статистического анализа. В качестве инструментария применяется контент-анализ научной литературы и аналитическая обработка климатограмм.

Результаты и обсуждение. Проведем сравнительный анализ климатического воздействия на базовые отрасли экономики России и Канады.

1. Сельское хозяйство и агропромышленный комплекс (АПК). На территории России климатические сдвиги приводят к пространственному смещению зон тепло- и влагообеспе-

ченности. Рост среднегодовых температур расширил ареал устойчивого вызревания озимой пшеницы в Приволжском и Центральном регионах приблизительно на 4,5 млн. гектаров [2, с. 430]. Главной деструктивной стороной потепления выступают участившиеся засухи и прогрессирующее иссушение земель. Недобор зерновых культур в Краснодарском и Ставропольском краях доходит до 15–20 млн. тонн. Это лишает государство около 3,5–4,2 млрд. долл. потенциальной экспортной выручки и обостряет риски в сфере национальной продовольственной безопасности. Государственная поддержка российского АПК со стороны профильных ведомств фокусируется на прямом субсидировании, развитии отечественной селекции в рамках импортозамещения, квотировании экспорта и финансировании мелиоративных систем [3, с. 16]. В сельскохозяйственных провинциях Канады также фиксируется пролонгация вегетационного периода. За последнее десятилетие канадские фермеры увеличили валовый сбор сои и кукурузы на 32%. Однако резкие температурные колебания в сочетании с низким плодородием почв северных территорий ограничивают урожайность сельскохозяйственных культур. Стратегия государственного регулирования в Канаде имеет выраженную экологическую направленность. Делается упор на административное ограничение и жесткое квотирование использования азотных удобрений, провоцирующих парниковые выбросы. Выделяются бюджетные субсидии на развитие «адаптивных» фермерских хозяйств.

2. Лесная индустрия и лесопромышленный комплекс (ЛПК). На территории России летний зной и снижение уровня влажности вызывают длительные и масштабные возгорания в сибирской тайге и дальневосточных регионах. В результате государство несет колоссальные финансовые убытки, достигающие 90 млрд. руб. ежегодно, из-за расходов на ликвидацию пожаров, восполнение лесного фонда, потерю древесины. Аномально теплые зимы способствуют массовому размножению насекомых, разрушающих хвойную тайгу. Подобные проблемы наблюдаются и в Канаде, где лесные пожары и нашествие жука-лубоеда губят лесные массивы (до 40%) [4, с. 24]. Это запускает острый кризис, выражающийся в остановке работы фабрик по производству бумаги и целлюлозы. В итоге экологические и биологические угрозы на канадской территории перерастают в глобальный кризис промышленного масштаба. Тем не менее в долгосрочной перспективе климатические изменения способны дать мощный импульс для развития таежных экосистем обоих государств. Увеличение продолжительности теплого сезона, продвижение лесной полосы в заполярные широты, повышенная концентрация углекислого газа, стимулирующая фотосинтез, ускоряют прирост древесной массы. В результате открываются новые возможности для освоения труднодоступных лесных пространств, а структура лесов меняется в пользу быстрорастущих хвойных деревьев, которые представляют наибольшую ценность для экономики.

3. Топливно-энергетический комплекс (ТЭК). Энергетический сектор служит главным локомотивом экономического роста для обеих стран. Заполярные территории России обеспечивают около 11% ВВП, концентрируя в себе почти 90% газодобычи и 17% нефтедобычи страны [5, с. 103]. Однако деградация вечной мерзлоты в ЯНАО и ХМАО вызывает опасные сдвиги грунта, из-за чего разрушаются резервуары и компрессорные узлы на газоперерабатывающих предприятиях. Деформациям из-за геокриологических процессов подвержено свыше 40% портовых объектов и промышленных мощностей на Ямале. Это вынуждает «Газпром» и «Роснефть» нести огромные расходы на искусственное охлаждение почв и непрерывный инженерный контроль. С другой стороны, глобальное потепление открывает новые горизонты для морских грузоперевозок. Период безледной навигации на Северном морском пути сейчас длится до 110 суток, что избавляет компании от необходимости постоянно использовать дорогостоящие суда ледового класса и сокращает транспортные расходы на 14–18%. При этом государственное экологическое регулирование в России развито недостаточно из-за приоритета защиты внутреннего рынка, в связи с чем эксперты рекомендуют внедрять гибкие системы энергопотребления, подстраивающиеся под текущие погодные условия [6, с. 196]. В Канаде специфика ТЭК несколько иная. Основные запасы углеводородов сосредоточены в провинции Альберта (знаменитые нефтеносные пески), поэтому они не зависят

от состояния мерзлых грунтов. Тем не менее местная нефтедобыча страдает от других погодных катаклизмов. Извлечение тяжелых сортов нефти технологически требует значительного количества водных ресурсов, из-за чего засушливые периоды буквально парализуют производство. В северных регионах (Нунавут и Северо-западные территории) корпорации Rio Tinto Group, De Beers добывают драгоценные металлы и алмазы в сезон зимних автодорог. Из-за недостаточной толщины льда время работы ледовых дорог сокращается на три недели. Канадские компании испытывают давление со стороны экологического законодательства, т, к. в стране действует фискальный сбор за выбросы углерода от 95 до 170 долл., что существенно отпугивает крупных инвесторов.

4. Логистика. Изменение климата выступает серьезным дестабилизирующим фактором для транспортных артерий России и Канады. На территории РФ железнодорожные магистрали БАМ и Транссиб пролегают через зоны прерывистого залегания вечной мерзлоты. Таяние подземных льдов вызывает просадку почвы под путями, перекосы рельсового полотна и разрушение опор мостов. Железнодорожные составы вынуждены снижать скорость, что в условиях масштабной ориентации отечественного экспорта на азиатское направление приводит к недополученной прибыли в размере 120 млрд. руб. в год. В то же время в южных регионах РФ летняя жара разрушает асфальтовое покрытие автомагистралей, поэтому ремонтировать дороги приходится в полтора раза чаще. Климатический фактор приводит также к положительной динамике. Объем перевозок по Северному морскому пути стабилизируется в пределах 36–40 млн. тонн, а глубоководные проливы позволяют принимать крупнотоннажные корабли Suezmax. В Канаде региональные дороги представляют собой временные трассы, проложенные по замерзшей поверхности озер из-за чего их эксплуатация полностью привязана к зимним температурам и прочности льда. В западной части страны обостряется проблема масштабных паводков, которые размывают федеральные трассы и сносят мостовые переходы. Существует реальная угроза, что порт Ванкувер окажется отрезанным от материковой транспортной сети государства. Канадские морские перевозки в Арктике сталкиваются с такими трудностями как блокировка узких участков Канадского архипелага дрейфующими вековыми льдами. Местный грузооборот характеризуется 3–5 млн. тонн, навигация супертанкеров невозможна, а собственного атомного флота у страны нет. Чтобы снизить зависимость от климатического фактора, мировая транспортная индустрия активно переходит на «зеленые» технологии [7, с. 92].

Проведенный сравнительный анализ влияния климатического фактора на экономику приводит к необходимости создания матрицы кросс-национальной уязвимости, сочетающей выгоды и потери отраслей (рис. 1). К выгодам и появлению новых стратегических возможностей отнесем отрасли АПК и ЛПК. К потерям и деструктивным рискам отнесем ТЭК и логистику.

Государственное регулирование и стратегическое планирование [8, с. 38]. РФ традиционно использует реактивную модель. Госпрограммы в РФ направлены на ликвидацию уже случившихся последствий, компенсацию ущерба и защиту действующих объектов в сельском и лесном хозяйстве, энергетике, логистике. Канада применяет проактивную модель.

Среди ключевых рычагов регулирования выделяются углеродный налог, субсидии на внедрение экологически чистых технологий для снижения выбросов при добыче сырья, а также финансирование Канадского климатического института. В стране развита система страхования критически важной инфраструктуры. Местные власти обязаны страховать муниципальные сооружения (дороги, мосты, очистные станции) только после комплексной оценки их климатической уязвимости на протяжении всего периода эксплуатации.

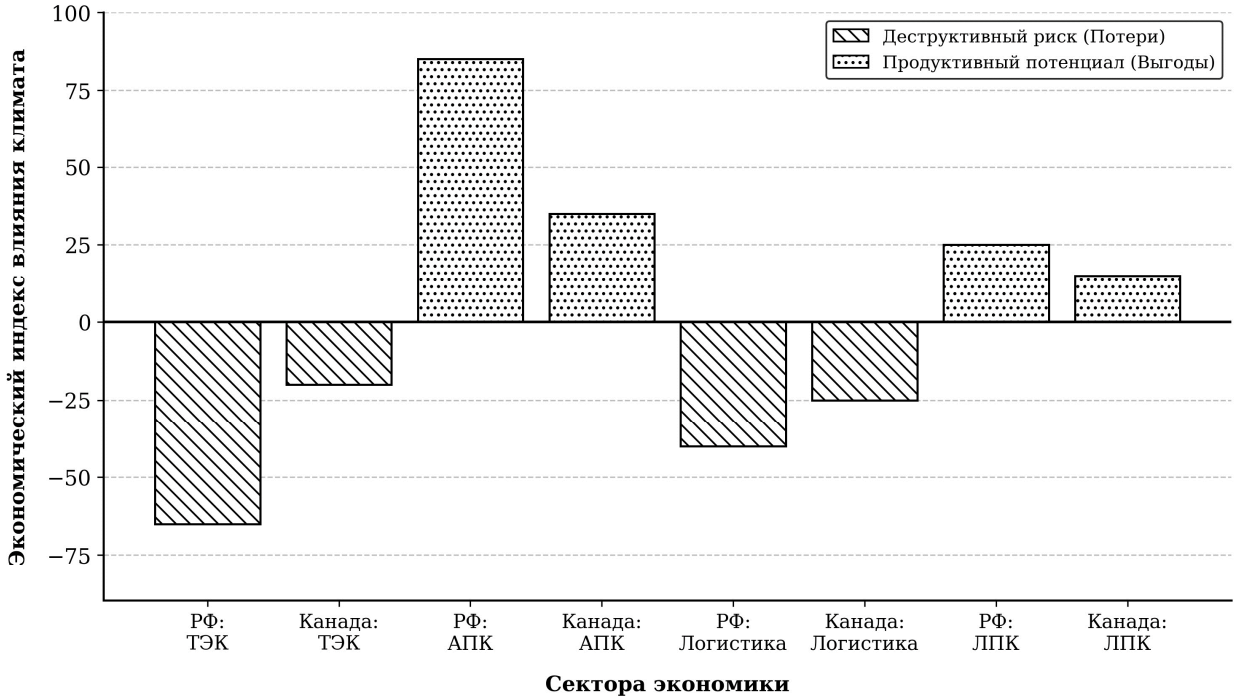

Рисунок 1 – Матрица кросс-национальной уязвимости отраслей России и Канады, составлено авторами

Для России актуально перенять этот опыт и внедрить аналогичные стандарты в систему государственного и муниципального управления. Такой шаг позволит запустить обязательный климатический аудит инфраструктурных проектов Сибири и Арктике, минимизировать финансовые риски, точнее планировать капитальные затраты с опорой на геокриологические карты. В рамках долгосрочного стратегического планирования важно уделить внимание созданию и продвижению маркетинговых стратегий для «зеленых» проектов [9, с. 25].

Заключение. Климатический фактор оказывает существенное влияние на развитие секторов экономики России и Канады. В сельском хозяйстве обе страны выигрывают от продвижения земледелия на север. В лесной индустрии рост температур активизируют пожары и нашествия насекомых-паразитов, с другой стороны, климатические сдвиги ускоряют созревание древесины и расширяют лесные зоны. Для РФ деградация вечной мерзлоты оборачивается инфраструктурными разрушениями ТЭК, тогда как для Канады риски ниже, а потепление открывает новые ресурсы и судоходные пути на севере. В логистике обе страны несут серьезные потери из-за повреждения автомагистралей, сокращения сроков работы зимников и удорожания транспортно-логистических операций. Для снижения масштабных потерь, вызванных погодными и климатическими аномалиями, РФ рекомендуется внедрить опыт отдельных элементов канадского риск-менеджмента с целью перехода от реактивной к проактивной модели государственной политики.

Список литературы

1. Кадомцева, М. Е. Влияние глобального изменения климата на устойчивое развитие социально-экономических систем / М. Е. Кадомцева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2024. – Т. 24. – № 3. – С. 250-261.

2. Идрисов Р. М. Влияние глобального потепления на агропромышленный комплекс / Р. М. Идрисов // Продовольственная политика и безопасность. – 2023. – Т. 10. – № 3. – С. 423-436.

3. Афанасьев, А. С. Политика Арктических государств в борьбе с изменением климата на примере Канады и России / А. С. Афанасьев // XIX Семеновские чтения: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. – Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, 2024. – С. 15-19.

4. Григорьев А. Влияние изменения климата на лесной сектор Канады и меры адаптации к этим изменениям / А. Григорьев // Устойчивое лесопользование. – 2019. – № 11(57). – С. 21-27.

5. Быстров, А. И. Модель потребления электроэнергии в зависимости от природных условий / А. И. Быстров, Р. З. Гильмутдинов // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2025. – № 2(67). – С. 98-105.

6. Некрич, А. С. Изучение нарушений природной среды и изменения климата слабоосвоенных регионов России и Канады / А. С. Некрич // Природопользование. – 2010. – № 6. – С. 195-198.

7. Кузнецова Е. В. Технологии зеленой логистики как фактор обеспечения экономической безопасности / Е. В. Кузнецова // Экономическая безопасность: концепция, стандарты: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию Великой Победы. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 90-93.

8. Социальная политика государства в контексте долгосрочных национальных целей развития / И. Ю. Карелин, Б. Р. Юлдыбаев, Г. А. Мусина и др. – Уфа, 2024. – 410 с.

9. Бикметов, Е. Ю. Основы стратегического маркетингового управления / Е. Ю. Бикметов, Е. В. Кузнецова, И. Я. Рувенный – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – 150 с.

УДК 332.1:330.322

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Лазич Юлия Вячеславовна,
к. экон. н., доцент, доцент кафедры цифровой экономики и управления
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого», Великий Новгород
(173003, Российская Федерация, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41,
E-mail: Yuliya.Kolmagorova@novsu.ru)

Аннотация. Статья посвящена систематизации современных подходов к оценке устойчивости региональной инвестиционной модели. На основе анализа отечественных и зарубежных научных исследований рассмотрены количественный, рейтинговый, индексный, институциональный и проектный подходы, определены их возможности и ограничения. Установлено, что применение каждого из подходов по отдельности не обеспечивает комплексной оценки способности региона поддерживать инвестиционную активность в долгосрочной перспективе. Предложено выделять динамическую, структурную, финансовую, институциональную, ресурсную и проектную составляющие устойчивости. Для каждой составляющей определены содержание оценки и основные показатели. Предложенный подход основан на сопоставлении различных характеристик инвестиционного процесса и выявлении несоответствий между ними. Результаты исследования могут использоваться органами государственной власти и институтами развития при анализе региональной инвестиционной политики.

Ключевые слова: региональная инвестиционная модель, устойчивость, инвестиционная политика, инвестиционная активность, инвестиционный климат, инвестиционные проекты, региональное развитие.

CONTEMPORARY APPROACHES TO ASSESSING THE SUSTAINABILITY OF A REGIONAL INVESTMENT MODEL

Yulia Vyacheslavovna Lazich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Associate Professor at the Department of Digital Economy and Management
FSBEI HE “Yaroslav-the-Wise Novgorod State University”, Veliky Novgorod
(41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation,
e-mail: Yuliya.Kolmagorova@novsu.ru)

Annotation. This article systematizes contemporary approaches to assessing the sustainability of a regional investment model. Based on a review of Russian and international studies, quantitative, rating-based, index-based, institutional, and project-based approaches are examined, and their possibilities and limitations are identified. It is shown that none of these approaches, when used separately, provides a comprehensive assessment of a region’s ability to maintain investment activity in the long term. The study proposes six components of sustainability: dynamic, structural, financial, institutional, resource-related, and project-based. The scope of assessment and the main indicators are specified for each component. The proposed approach compares different characteristics of the investment process and identifies inconsistencies between them. The results can be used by public authorities and development institutions to assess regional investment policy.

Keywords: regional investment model, sustainability, investment policy, investment activity, investment climate, investment projects, regional development.

Введение

В условиях усиления межрегиональной конкуренции за инвестиционные ресурсы эффективность инвестиционной политики становится одним из факторов социально-экономического развития территории. Привлечение инвестиций способствует обновлению производственного потенциала, развитию инфраструктуры и увеличению доходной базы региональных бюджетов. В связи с этим органы государственной власти уделяют значительное внимание формированию благоприятного инвестиционного климата и развитию институтов сопровождения инвестиционных проектов.

Для оценки результатов инвестиционной политики обычно используют объём и индекс физического объёма инвестиций в основной капитал, величину инвестиций на душу населения, количество проектов и объём заявленных вложений. По этим показателям оцениваются масштабы и динамика инвестиционного процесса. Однако рост перечисленных показателей не всегда свидетельствует о формировании устойчивой инвестиционной модели: высокие значения могут быть связаны с реализацией отдельных крупных проектов, бюджетным финансированием или активностью ограниченного круга инвесторов.

В данной статье региональная инвестиционная модель рассматривается как сложившаяся система привлечения, распределения и использования инвестиционных ресурсов. В её состав входят инвесторы, источники финансирования, структура вложений, действующие институты развития и меры государственной поддержки. Устойчивость такой модели предполагает, что региональная экономика способна поддерживать инвестиционную активность, адаптироваться к изменению внешних условий и обеспечивать воспроизводство инвестиционного процесса.

В отечественной научной литературе рассматривается влияние инвестиционной политики на устойчивое социально-экономическое развитие территорий [1], анализируется неоднородность развития российских регионов [2], предлагаются методики оценки эффективности инвестиционной политики и инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации [3–5]. Зарубежные исследования показывают, что результаты региональных инвестиционных программ определяются не только объёмом финансирования, но и качеством управления, порядком распределения ресурсов и структурными характеристиками экономики [6; 7]. Вместе с тем количественные показатели, состояние инвестиционного климата, ресурсная база и структура проектного портфеля нередко рассматриваются обособленно, что затрудняет комплексную оценку долгосрочной устойчивости инвестиционного процесса.

Целью данной статьи является систематизация современных подходов к оценке

устойчивости региональной инвестиционной модели, а также обоснование направлений её комплексной оценки. Для достижения поставленной цели проведены анализ и обобщение отечественных и зарубежных научных исследований, выполнено сопоставление применяемых подходов и сгруппированы показатели, характеризующие различные составляющие устойчивости инвестиционного процесса.

Результаты и их обсуждение

Анализ научной литературы позволил выделить количественный, рейтинговый, индексный, институциональный и проектный подходы к оценке региональной инвестиционной модели [3–5; 8–10]. Каждый из них характеризует отдельную сторону инвестиционного процесса.

При количественном подходе используются статистические данные об объёме, динамике и структуре инвестиций [3; 4; 8]. Эти данные применяются для межрегионального сравнения, но не всегда раскрывают факторы инвестиционного роста. Одинаковая динамика показателей может наблюдаться и при активности значительного числа хозяйствующих субъектов, и при реализации одного крупного проекта [2; 9]. Во втором случае инвестиционный процесс в большей степени зависит от отдельного инвестора.

В рамках рейтингового подхода регионы сопоставляются по состоянию инвестиционного климата, качеству регуляторной среды, доступности инфраструктуры и ресурсов [3; 10]. На этой основе выявляются сильные и слабые стороны региона. Результат зависит от состава показателей и методики расчёта, изменение которой может повлиять на позицию региона и затруднить анализ в динамике [3].

В рамках индексного подхода частные характеристики инвестиционной деятельности объединяются в интегральную оценку [3–5; 8]. Межрегиональное сравнение в этом случае упрощается, но итоговое значение зависит от состава показателей, способа их нормирования и установленных весов. Кроме того, положительная динамика одной составляющей может компенсировать ухудшение другой и скрывать отдельные ограничения инвестиционного процесса.

Институциональный подход направлен на оценку качества государственного управления, сопровождения проектов, мер поддержки и региональных институтов [1; 9; 10]. Зарубежные исследования также подтверждают зависимость результатов инвестиционных программ от качества институтов и распределения ресурсов [6; 7]. Ограничением данного подхода является сложность количественного измерения отдельных институциональных характеристик.

Проектный подход предусматривает анализ состава инвесторов, количества и стоимости проектов, их отраслевого и территориального распределения, стадий реализации и концентрации ресурсов [11]. Он позволяет оценить диверсификацию инвестиционной деятельности и её зависимость от отдельных крупных проектов, но пока редко включается в комплексную оценку долгосрочной устойчивости региональной инвестиционной модели.

Ограничения отдельных подходов связаны также с различиями между категориями «инвестиционная активность», «инвестиционная привлекательность», «эффективность инвестиционной политики» и «устойчивость инвестиционной модели». Инвестиционная активность характеризует интенсивность текущего инвестиционного процесса. Инвестиционная привлекательность отражает совокупность условий для вложения капитала, а эффективность политики — соотношение полученных результатов и применяемых мер государственного воздействия [1; 3; 4]. Понятие устойчивости имеет более широкое содержание, поскольку предполагает способность региональной системы поддерживать инвестиционный процесс в долгосрочной перспективе, адаптироваться к изменению внешних условий и восполнять портфель проектов.

Достигнутого объёма капиталовложений недостаточно для оценки устойчивости. Необходимо учитывать происхождение инвестиционных ресурсов, степень их концентрации, распределение по отраслям и территориям, состояние ресурсной базы, качество институциональной среды и наличие проектов, способных поддержать инвестиционную активность в

последующие периоды. Значение структурных и институциональных характеристик подтверждают отечественные исследования регионального развития [2; 9; 12], а также результаты изучения региональной инвестиционной политики в зарубежных странах [6; 7].

На основе обобщения рассмотренных подходов предлагается выделить шесть взаимосвязанных составляющих устойчивости региональной инвестиционной модели (табл. 1).

Таблица 1

Направления комплексной оценки устойчивости региональной инвестиционной модели

Составляющая	Содержание оценки	Основные показатели
Динамическая	Масштабы и стабильность инвестиционной активности	объём и индекс физического объёма инвестиций; инвестиции на душу населения; продолжительность и равномерность инвестиционного роста
Структурная	Распределение и диверсификация инвестиций	структура инвестиций по видам экономической деятельности и территориям; концентрация вложений по крупнейшим инвесторам и проектам
Финансовая	Состав и устойчивость источников финансирования	соотношение собственных, привлечённых и бюджетных средств; доля частных инвестиций; доступность кредитов, гарантий и иных мер финансовой поддержки
Институциональная	Качество условий осуществления инвестиционной деятельности	эффективность сопровождения проектов; доступность мер поддержки; продолжительность административных процедур; оценка институтов для бизнеса
Ресурсная	Обеспеченность инвестиционного процесса необходимыми ресурсами	наличие кадров требуемой квалификации; доступность инженерной, транспортной и цифровой инфраструктуры; обеспеченность земельными и энергетическими ресурсами
Проектная	Состояние и воспроизводство портфеля инвестиционных проектов	количество и стоимость проектов по стадиям реализации; доля новых и приостановленных проектов; отраслевая и территориальная диверсификация портфеля

Источник: составлено автором.

Предложенная система показателей не предполагает их механического объединения в единый интегральный индекс. На первом этапе целесообразно оценивать состояние и динамику каждой составляющей, после чего выявлять взаимосвязи и возможные несоответствия между ними. Например, рост объёма инвестиций при одновременном повышении их концентрации в одном проекте свидетельствует об увеличении инвестиционной активности, но не обязательно означает повышение устойчивости региональной инвестиционной модели.

Устойчивой может считаться модель, в которой положительная динамика Модель может считаться устойчивой, если положительная динамика инвестиций сопровождается диверсификацией источников и направлений вложений, достаточной ресурсной обеспеченностью и формированием портфеля проектов, находящихся на разных стадиях реализации. Важна также способность региональных институтов своевременно устранять административные и инфраструктурные ограничения, препятствующие реализации инвестиционных инициатив.

Информационной базой оценки выступают данные официальной статистики, результаты национальных и региональных рейтингов, сведения институтов развития и цифровых инвестиционных платформ, а также информация о составе и стадиях реализации проектов. Устойчивые изменения можно отделить от краткосрочных колебаний и разовых эффектов при анализе показателей за несколько лет. Подход применим как к оценке инвестиционной

модели отдельного субъекта Российской Федерации, так и к сопоставлению регионов, различающихся структурой экономики и масштабами инвестиционной деятельности.

Заключение

Анализ существующих подходов показал, что каждый из них раскрывает отдельные характеристики регионального инвестиционного процесса. При их обособленном применении комплексная оценка долгосрочной устойчивости инвестиционной модели не обеспечивается. Количественные показатели отражают масштабы и динамику инвестиций. Рейтинговые и институциональные оценки характеризуют условия инвестиционной деятельности, а индексный и проектный подходы используются для оценки совокупности отдельных параметров и структуры реализуемых инициатив.

По результатам исследования выделены динамическая, структурная, финансовая, институциональная, ресурсная и проектная составляющие устойчивости. При их совместном анализе учитываются объём и диверсификация инвестиций, источники финансирования, состояние ресурсной базы, качество институциональной среды и воспроизводство портфеля проектов. Органы государственной власти и институты развития могут применять предложенный подход при оценке региональной инвестиционной политики и выявлении условий сохранения инвестиционной активности в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Иваненко, О. Б. Инвестиционная политика региона как фактор устойчивого социально-экономического развития / О. Б. Иваненко, М. Д. Шадрина // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 5. – С. 1863–1878. – DOI 10.18334/epp.14.5.120841.
2. Лаврикова, Ю. Г. Неоднородность экономического развития российских макрорегионов / Ю. Г. Лаврикова, А. В. Суворова // Экономика региона. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 934–948. – DOI 10.17059/ekon.reg.2023-4-1.
3. Мякшин, В. Н. Методика оценки эффективности региональной инвестиционной политики субъектов Российской Федерации / В. Н. Мякшин, В. Н. Петров, Т. Н. Песьякова // Экономика региона. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 259–273. – DOI 10.17059/ekon.reg.2023-1-20.
4. Невьянцева, Л. С. Разработка и апробация методического подхода к оценке эффективности региональной инвестиционной политики / Л. С. Невьянцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2022. – Т. 24, № 1. – С. 68–80. – DOI 10.15688/ek.jvolsu.2022.1.7.
5. Бородин, С. Н. Модель оценки устойчивого развития региона на основе индексного метода / С. Н. Бородин // Экономика региона. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 45–59. – DOI 10.17059/ekon.reg.2023-1-4.
6. Spilioti, N. European Structural and Investment Funds (ESIFs) and Regional Development across the European Union (EU) / N. Spilioti, A. Anastasiou // Journal of Risk and Financial Management. – 2024. – Vol. 17, no. 6. – Article 228. – DOI 10.3390/jrfm17060228.
7. López-Villuendas, A. M. The impact of European regional cohesion policy on NUTS 3 disparities / A. M. López-Villuendas, C. del Campo // The Annals of Regional Science. – 2024. – Vol. 73, no. 3. – P. 1297–1319. – DOI 10.1007/s00168-024-01291-0.
8. Серова, В. А. Методические аспекты оценки эффективности региональной инвестиционной политики / В. А. Серова, Н. А. Серова // Фундаментальные исследования. – 2021. – № 1. – С. 95–99. – DOI 10.17513/fr.42956.
9. Инвестиционная привлекательность российских регионов в условиях трансформации экономики / О. Е. Подвербных, А. А. Лукьянова, Е. В. Щербенко [и др.] // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 1435–1452. – DOI 10.18334/epp.12.4.114631.
10. Гараев, О. Р. Исследование инвестиционного климата в субъектах РФ как инструмент оценки эффективности региональной экономической политики / О. Р. Гараев, Х. М. Мусаева // Деловой вестник предпринимателя. – 2022. – № 9 (3). – С. 42–46. – DOI 10.24412/2687-0991-2022-9-3-42-46.
11. Aghajani, M. An integrative review of project portfolio management literature: thematic

findings on sustainability mindset, assessment, and integration / M. Aghajani, G. Ruge, K. Jugdev // Project Management Journal. – 2023. – Vol. 54, no. 6. – P. 629–650. – DOI 10.1177/87569728231172668.
12. Дубовик, М. В. Анализ диспропорций регионального развития в Центральном федеральном округе Российской Федерации / М. В. Дубовик, С. Г. Дмитриев // Финансовый менеджмент. – 2022. – № 6. – С. 40–51.

УДК 338.24

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СТРУКТУРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Магомедов Магомедзагид Анварович,
канд. экон. наук, доцент кафедры экономических дисциплин
филиала ДГУ в г. Хасавюрте.
(367008, Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Хасавюрт, ул. Аксаевская 36. E-mail: zagid1962@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции структурного развития российской экономики в условиях внешних и внутренних вызовов. Анализируются изменения отраслевой структуры экономики, динамика промышленного производства, инвестиционной активности, технологического развития и занятости. Выделяются основные направления структурных преобразований, связанные с расширением производственного потенциала, развитием обрабатывающих отраслей, импортозамещением, технологической модернизацией и повышением роли человеческого капитала. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования структурной политики для обеспечения устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности российской экономики.

Ключевые слова: российская экономика, структурное развитие, структурные изменения, структурная трансформация, промышленность, инвестиции, технологическое развитие, импортозамещение, человеческий капитал, экономический рост.

MODERN TRENDS IN THE STRUCTURAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY

Magomedov Magomedzagid Anvarovich,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economic Disciplines,
Branch of Dagestan State University in Khasavyurt.
(36 Aksaevskaya St., Khasavyurt, Republic of Dagestan, 367008, Russian Federation. E-mail: zagid1962@mail.ru)

Annotation. The article examines modern trends in the structural development of the Russian economy amid external and internal challenges. It analyzes changes in the sectoral structure of the economy, the dynamics of industrial production, investment activity, technological development, and employment. The main areas of structural transformation are identified, including the expansion of production capacity, the development of manufacturing industries, import substitution, technological modernization, and the increasing role of human capital. The article substantiates the need for further improvement of structural policy to ensure sustainable economic growth and enhance the competitiveness of the Russian economy.

Keywords: russian economy, structural development, structural changes, structural transformation, industry, investment, technological development, import substitution, human capital, economic growth.

Современный этап развития российской экономики характеризуется существенными изменениями условий хозяйственной деятельности. На динамику экономических процессов одновременно воздействуют внешнеэкономические ограничения, изменение структуры мировой торговли, трансформация логистических цепочек, изменение направления инвестиционных потоков, ускорение технологического развития, рост значения национальных производственных и финансовых возможностей.

В этих условиях структурная трансформация экономики приобретает стратегическое значение. Ее содержание не ограничивается изменением отраслевых пропорций. Она предполагает комплексную перестройку механизмов производства, инвестирования, внешнеэкономического взаимодействия, занятости и технологического развития.

Особенностью современного периода является необходимость сочетания текущей экономической устойчивости с формированием долгосрочной модели роста. В 2025 г. российская экономика продолжила демонстрировать положительную динамику: по оценке Росстата объем ВВП составил 214,3 трлн руб., а индекс физического объема ВВП достиг 101,0% к уровню 2024 г. [4].

При этом замедление темпов роста по сравнению с 2024 г. свидетельствует о переходе от фазы ускоренного восстановления и расширения внутреннего спроса к более сложному этапу развития, в котором решающую роль начинают играть производительность труда, инвестиции, технологические изменения и эффективность использования ресурсов.

Структурная трансформация представляет собой длительный процесс изменения соотношения между отдельными элементами экономической системы под воздействием технологических, инвестиционных, институциональных, демографических и внешнеэкономических факторов.

В широком смысле структура экономики включает отраслевую, технологическую, территориальную, институциональную, инвестиционную, внешнеэкономическую и социально-трудовую составляющие. Изменение одной из них оказывает воздействие на другие элементы экономической системы [5, 214].

Отраслевая структура характеризует распределение экономической активности между добывающей промышленностью, обрабатывающим производством, строительством, сельским хозяйством, транспортом, торговлей и сферой услуг. Технологическая структура отражает соотношение различных технологических укладов и степень использования современных производственных технологий.

Для современной российской экономики особое значение приобретает переход от преимущественно ресурсной модели развития к более диверсифицированной структуре, в которой возрастают роль перерабатывающих производств, высокотехнологичных отраслей, цифровой экономики и отраслей, формирующих высокую добавленную стоимость.

Структурные изменения могут происходить как под воздействием рыночных механизмов, так и в результате целенаправленной государственной политики. В современных условиях государственное воздействие приобретает особую значимость в сферах технологического развития, инфраструктуры, промышленной политики, подготовки кадров и стимулирования инвестиций.

Важнейшим показателем структурной трансформации является изменение источников экономического роста. Если рост обеспечивается преимущественно расширением использования труда и капитала, его возможности ограничены. Более устойчивой является модель, основанная на росте производительности, технологическом обновлении и повышении эффективности использования ресурсов.

Структурная трансформация должна рассматриваться не как разовое изменение отраслевых пропорций, а как системный процесс качественного преобразования экономики.

В последние годы российская экономика функционировала в условиях значительной неопределенности. Несмотря на внешние ограничения и изменение структуры внешнеэкономических связей, экономика сохранила способность адаптироваться за счет внутреннего спроса, инвестиционной активности, расширения отдельных производственных направлений

и перестройки внешней торговли.

Таблица 1

Динамика макроэкономических показателей Российской Федерации

Показатель	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Темп изменения физического объема ВВП, %	105,9	98,5	103,6	104,3	101,0
Индекс промышленного производства, % к пред. году	106,3	100,7	103,7	104,6	101,3
Инвестиционная активность	рост	рост	рост	рост	положительная динамика
Основная тенденция	восстановление	адаптация	ускорение	высокий рост	замедление

Источник: составлено автором по данным Росстата и Минэкономразвития России.

В 2024 г. российская экономика продемонстрировала достаточно высокие темпы роста. Индекс промышленного производства составил 104,6% по сравнению с 2023 г.

В 2025 г. темпы промышленного роста снизились. По итоговым данным Росстата, индекс промышленного производства составил 101,3% к уровню 2024 г. Это свидетельствует о переходе экономики к более умеренной динамике после периода значительного расширения производства.

При этом снижение темпов роста не следует интерпретировать исключительно как негативное явление. Оно отражает изменение характера экономического развития: возможности экстенсивного расширения спроса постепенно сокращаются, а значение производительности, инвестиций и технологических факторов возрастает [3].

Важной особенностью современной российской экономики является высокая роль промышленного производства. В 2024 г. промышленность демонстрировала устойчивый рост, причем существенный вклад в общую динамику внесли обрабатывающие производства. В 2025 г. промышленная динамика стала более неоднородной, что связано с различиями в спросе, инвестиционных циклах и доступности производственных ресурсов.

Промышленность является одним из ключевых элементов структурной трансформации российской экономики. Современные изменения проявляются в изменении производственной специализации, расширении отдельных сегментов обрабатывающей промышленности и увеличении спроса на отечественные товары и технологии.

По данным Росстата, индекс промышленного производства в 2024 г. составил 104,6%, а в 2025 г. - 101,3% [4].

Таблица 2

Динамика промышленного производства в Российской Федерации в 2024–2025 гг.

Вид деятельности	2024 г., % к 2023 г.	2025 г., % к 2024 г.	Общая тенденция
Промышленность в целом	104,6	101,3	замедление роста
Добыча полезных ископаемых	положительная	неоднородная	стабилизация
Обрабатывающие производства	высокий рост	положительная динамика	структурное усиление
Энергетика	положительная	умеренная	стабильность
Водоснабжение и утилизация отходов	положительная	положительная	постепенное развитие

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Одной из наиболее существенных тенденций является повышение значения обрабатывающих производств. В условиях ограничений на импорт ряда товаров и технологий внутренние предприятия получили дополнительный стимул для освоения новых видов продукции.

Однако импортозамещение нельзя рассматривать исключительно как механическую замену зарубежных товаров отечественными аналогами. В долгосрочной перспективе оно должно сопровождаться повышением технологического уровня производства, развитием собственной научно-технологической базы и созданием конкурентоспособных продуктов.

Особое значение приобретают отрасли машиностроения, радиоэлектроники, химической промышленности, фармацевтики, приборостроения, информационных технологий, транспортного машиностроения и производства оборудования [6, с 344].

Структурная перестройка промышленности предполагает постепенное увеличение доли продукции с высокой добавленной стоимостью. Это способствует росту производительности труда, расширению налоговой базы, повышению качества занятости и увеличению экспортного потенциала.

Одновременно сохраняется значительная роль добывающего сектора. Поэтому важнейшей задачей структурной политики становится не сокращение ресурсного сектора как такового, а повышение степени переработки сырья и увеличение доли продукции более высоких переделов.

Инвестиции выступают одним из основных механизмов структурной перестройки экономики. Именно инвестиционные решения определяют, какие производственные мощности будут созданы, какие технологии внедрены и какие отрасли получат возможность расширения.

В современных условиях значение инвестиций существенно возрастает, поскольку технологическая перестройка требует значительных капитальных затрат.

Росстат отмечает, что инвестиции в основной капитал включают затраты на строительство, реконструкцию и модернизацию объектов, приобретение машин, оборудования, транспортных средств, а также инвестиции в отдельные виды интеллектуальной собственности.

Важной особенностью инвестиционного процесса является изменение его отраслевой направленности. В условиях структурной трансформации инвестиции концентрируются в промышленности, инфраструктуре, энергетике, транспорте, строительстве, оборонно-промышленном комплексе, информационных технологиях и других стратегически значимых направлениях.

Таблица 3

Динамика инвестиционной активности в России

Год	Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, % к предыдущему году	Характеристика
2021	положительная динамика	восстановление инвестиционной активности
2022	положительная/умеренная	адаптация инвестиционных процессов
2023	рост	ускорение инвестиционной активности
2024	высокий рост	расширение капитальных вложений
2025	сохраняющийся инвестиционный спрос	постепенное замедление

Источник: Росстат. Официальная статистика инвестиций в основной капитал.

При этом перед российской экономикой сохраняется проблема стоимости финансовых ресурсов. Жесткие денежно-кредитные условия ограничивают инвестиционную активность предприятий, особенно компаний, которые обладают недостаточным объемом собственных финансовых ресурсов.

Банк России в рамках денежно-кредитной политики ориентируется на возвращение инфляции к целевому уровню около 4%, одновременно учитывая необходимость сохранения макроэкономической устойчивости.

Структурная политика и денежно-кредитная политика должны быть взаимосвязаны. С одной стороны, необходимо обеспечение ценовой стабильности, с другой - создание условий для финансирования долгосрочных инвестиционных проектов.

Технологический фактор становится центральным элементом структурной перестройки. Современная конкурентоспособность определяется не столько объемом производства, сколько способностью создавать и внедрять новые технологии.

Технологическая трансформация включает [6]:

1. цифровизацию производственных процессов;
2. автоматизацию и роботизацию;
3. внедрение искусственного интеллекта;
4. развитие отечественного программного обеспечения;
5. модернизацию оборудования;
6. развитие микроэлектроники;
7. совершенствование энергетических технологий;
8. развитие новых материалов;
9. повышение эффективности использования ресурсов.

Росстат выделяет технологическое развитие отраслей экономики в качестве самостоятельного направления статистического наблюдения, включая показатели инвестиций, производства высокотехнологичной продукции и технологического обновления.

Одновременно технологическая трансформация связана с изменением требований к трудовым ресурсам. Автоматизация не только сокращает потребность в отдельных видах стандартных операций, но и увеличивает спрос на специалистов, способных работать с цифровыми системами, современным оборудованием и информационными технологиями.

В связи с этим структурная перестройка экономики должна сопровождаться развитием системы профессионального образования и дополнительной подготовки кадров.

Особенно важным становится соответствие образовательных программ потребностям реального сектора. Современная экономика предъявляет повышенные требования к инженерным, техническим, цифровым и управленческим компетенциям.

Человеческий капитал становится одним из важнейших факторов структурной трансформации.

Несмотря на положительную динамику ряда показателей, российская экономика сталкивается с комплексом структурных ограничений.

Во-первых, сохраняется высокая зависимость отдельных сегментов экономики от экспорта сырьевых товаров. Данная зависимость делает экономику чувствительной к изменению внешнего спроса и мировых цен. Поэтому стратегически важно увеличивать глубину переработки ресурсов и развивать несырьевой экспорт.

Во-вторых, существует проблема технологической зависимости.

Ограниченный доступ к некоторым зарубежным технологиям, оборудованию и компонентам повышает требования к развитию отечественной научно-технологической базы.

В-третьих, усиливается дефицит трудовых ресурсов.

Демографические ограничения и высокая потребность предприятий в квалифицированных работниках формируют структурный дефицит кадров. В этих условиях увеличение численности занятых не может быть единственным источником расширения производства. Следовательно, возрастает значение производительности труда.

В-четвертых, сохраняется проблема территориальной неоднородности развития. Российские регионы существенно различаются по уровню инвестиционной активности, производительности, инфраструктурному обеспечению и качеству человеческого капитала. Поэтому структурная трансформация должна учитывать региональные особенности.

В-пятых, сохраняются инфляционные риски. Банк России указывает, что основной задачей денежно-кредитной политики является обеспечение ценовой стабильности. В августе 2026 г. инфляция составляла 6,3%, при цели 4%, что свидетельствует о сохраняющемся отклонении инфляции от целевого ориентира. Инфляционные процессы оказывают непосред-

ственное влияние на инвестиционные решения, себестоимость производства и реальные доходы населения [2].

С учетом выявленных тенденций можно выделить следующие приоритетные направления структурной перестройки российской экономики.

Таблица 4

Приоритетные направления структурной трансформации российской экономики

Направление	Основное содержание	Ожидаемый результат
Диверсификация экономики	Развитие несырьевых отраслей	Снижение зависимости от сырьевого экспорта
Промышленная модернизация	Обновление оборудования и производственных мощностей	Рост производительности
Технологическое развитие	Цифровизация, автоматизация, ИИ	Повышение конкурентоспособности
Импортозамещение	Создание отечественных товаров и технологий	Повышение технологической устойчивости
Развитие человеческого капитала	Подготовка и переподготовка кадров	Снижение дефицита квалифицированных работников
Инвестиционное развитие	Стимулирование долгосрочных инвестиций	Расширение производственного потенциала
Развитие инфраструктуры	Транспортная, энергетическая и цифровая инфраструктура	Снижение территориальных диспропорций
Расширение внешнеэкономических связей	Освоение новых рынков	Диверсификация экспорта

Источник: составлено автором.

Особое значение имеет переход от политики преимущественного реагирования на внешние ограничения к формированию долгосрочной стратегии структурного развития.

Важнейшим условием такой стратегии является согласование промышленной, инвестиционной, научно-технологической, образовательной и региональной политики.

Структурная трансформация должна обеспечивать не только увеличение объемов производства, но и повышение качества экономического роста.

Поэтому в качестве ключевых индикаторов необходимо рассматривать производительность труда, долю высокотехнологичной продукции, инвестиции в основной капитал, инновационную активность предприятий, уровень локализации производства и качество создаваемых рабочих мест.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что российская экономика находится в процессе масштабной структурной трансформации, обусловленной совокупностью внешних и внутренних факторов.

Современные изменения характеризуются несколькими взаимосвязанными тенденциями. Во-первых, происходит адаптация экономики к изменившимся внешнеэкономическим условиям. Во-вторых, возрастает значение внутреннего инвестиционного и производственного спроса. В-третьих, усиливается роль обрабатывающей промышленности и производства продукции с более высокой добавленной стоимостью. В-четвертых, существенно возрастает значение технологической самостоятельности и развития отечественной научно-технологической базы.

По данным Росстата, в 2025 г. объем ВВП России составил 214,3 трлн руб., а физический объем ВВП увеличился на 1,0%. Одновременно промышленное производство сохранило положительную динамику, хотя темпы роста снизились до 101,3% по сравнению с 2024 г. [4].

Это свидетельствует о переходе экономики к более сложному этапу развития. Если на предыдущем этапе существенную роль играло расширение спроса и производственной активности, то в дальнейшем устойчивость экономического роста будет все больше зависеть от производительности труда, технологического обновления, инвестиционной эффективности и

качества человеческого капитала.

Главной задачей структурной политики становится формирование диверсифицированной экономики, способной обеспечивать устойчивый рост на основе внутренних факторов развития. Для этого необходимо стимулировать инвестиции в модернизацию производства, поддерживать высокотехнологичные отрасли, развивать инфраструктуру, повышать эффективность системы подготовки кадров и создавать условия для роста производительности труда.

Особое значение имеет развитие человеческого капитала. В условиях дефицита рабочей силы экономический рост невозможно обеспечить исключительно увеличением численности занятых. Поэтому основным резервом расширения производственного потенциала становится повышение производительности труда, автоматизация и цифровизация производства, а также повышение квалификации работников.

Таким образом, структурная трансформация российской экономики должна рассматриваться как долгосрочный процесс перехода к более технологичной, диверсифицированной и устойчивой модели развития. Ее результативность будет определяться не только объемом государственных мер поддержки, но и способностью обеспечить взаимодействие государства, бизнеса, научно-образовательной системы и регионов.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26, ч. I. – Ст. 3378.

2. Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов. – М.: Банк России, 2025.

3. Министерство экономического развития Российской Федерации. О текущей ситуации в российской экономике. Итоги 2025 года. – М., 2026.

4. Росстат. Социально-экономическое положение России. 2025 год. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2025.

5. Аганбегян А.Г. Финансово-промышленная модернизация российской экономики. – М.: Дело, 2019. – 320 с.

6. Глазьев С.Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? – М.: Книжный мир, 2016. – 640 с.

7. Ленчук Е.Б., Власкин Г. А. Технологическая модернизация российской экономики: проблемы и перспективы // Экономист. – 2020. – № 4. – С. 3–15.

УДК 338.2

ЭКОНОМИКА ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Малова Анастасия Сергеевна,
студент 5 курса кафедры «Экономическая безопасность и налогообложение» Института управления, экономики и финансов
Казанского (Приволжского) федерального университета.
(420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп.1.
E-mail: malova.malova-nastya@yandex.ru)
Научный руководитель:
Салмина Светлана Витальевна,
к.э.н., доцент кафедры «Экономическая безопасность и налогообложение»
Института управления, экономики и финансов
Казанского (Приволжского) федерального университета.
(420008, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп.1.)

Аннотация. В статье исследуется роль и потенциал экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) как стратегического элемента обеспечения национальной и экономической безопасности Российской Федерации в условиях геополитической турбулентности и структурной трансформации хозяйственной системы. Обоснована эволюция парадигмы национальной безопасности, в которой ресурсная уязвимость и деградация природного капитала приобретают статус экзистенциальных угроз. Систематизирован вклад отечественной научной школы в концептуализацию циркулярных моделей и адаптацию зарубежных метрик к российским реалиям. Особое внимание уделено анализу развернувшейся в академической среде дискуссии относительно темпов и целесообразности «зеленого» перехода. Выявлен дуальный характер влияния экологического фактора на экономическую безопасность, а также критически оценены макроэкономические, институциональные и термодинамические ограничения внедрения замкнутых материальных потоков.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла, циркулярная экономика, национальная безопасность, экономическая безопасность, технологический суверенитет, устойчивое развитие, институциональные ограничения, критические материалы, промышленный симбиоз, зеленая экономика.

THE CLOSED-LOOP ECONOMY AS AN ELEMENT OF NATIONAL SECURITY

Malova Anastasia Sergeevna,
5th-year student of the Department of Economic Security and Taxation, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan Federal University.
(420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya St., 18, building1. E-mail: malova.malova-nastya@yandex.ru)
Academic supervisor:
Khisamutdinova Elmira Nailevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economic Security and Taxation, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan Federal University. (420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya St., 18, building1.)

Annotation. The article examines the role and potential of the closed-loop economy (circular economy) as a strategic element for ensuring the national and economic security of the Russian Federation in the context of geopolitical turbulence and structural transformation of the economic system. The evolution of the national security paradigm is substantiated, in which resource vulnerability and the degradation of natural capital acquire the status of existential threats. The contribution of the domestic scientific school to the conceptualization of circular models and the adaptation of foreign metrics to Russian realities is systematized. Special attention is paid to the analysis of the debate unfolding in the academic community regarding the pace and feasibility of the “green” transition. The dual nature of the impact of the environmental factor on economic security is identified, and macroeconomic, institutional, and thermodynamic limitations to the implementation of closed material flows are critically assessed.

Keywords: closed-loop economy, circular economy, national security, economic security, technological sovereignty, sustainable development, institutional limitations, critical materials, industrial symbiosis, green economy.

Трансформация глобальной архитектуры международных отношений, обострение конкурентной борьбы за технологическое лидерство и нарастающая хрупкость мировых цепочек поставок обусловливают необходимость фундаментального пересмотра парадигмы национальной безопасности. Если в классических теоретических конструкциях доминировали военно-политические и макроэкономические индикаторы, то в современных условиях ресурсная уязвимость, деградация природного капитала и климатические сдвиги приобретают статус экзистенциальных угроз, сопоставимых по масштабу последствий с традиционными

военными вызовами. В этом контексте экономика замкнутого цикла (циркулярная экономика) эволюционирует из периферийной экологической повестки в стратегический элемент обеспечения экономического суверенитета государства, что требует системного осмысления в рамках отечественной научной школы экономической безопасности.

Концептуализация данной проблемы в российской традиции опирается на труды основоположников теории экономической безопасности. В.К. Сенчагов определял устойчивость национальной экономики как ее способность к расширенному воспроизводству и независимости от деструктивных внешних шоков, подчеркивая при этом, что безопасность не сводится к простой защищенности, а предполагает наличие внутренних механизмов адаптации и саморазвития. Л.И. Абалкин развивал эту мысль, указывая на то, что экономическая безопасность есть состояние хозяйственной системы, при котором обеспечивается ее способность противостоять внутренним и внешним угрозам, сохраняя при этом целостность и функциональность. С.Ю. Глазьев, в свою очередь, акцентировал внимание на технологическом суверенитете как ядре экономической безопасности, аргументируя, что страна, не контролирующая критические звенья производственных цепочек, обречена на периферийное положение в мировом разделении труда. Применительно к циркулярной модели эти теоретические положения означают переход от экстенсивной эксплуатации первичных ресурсов к созданию замкнутых материальных потоков, что формирует внутренний, суверенный рынок вторичного сырья и снижает зависимость от конъюнктуры мировых товарных рынков.

Фундаментальный вклад в адаптацию концепции циркулярной экономики к российским условиям внесли С.Н. Бобылев и С.В. Соловьева, которые в своей работе, получившей широкий научный резонанс, обосновали необходимость разработки специфических индикаторов циркулярной экономики для России. Авторы показали, что механический перенос западных метрик, в частности показателей, используемых Евростатом и ОЭСР, не учитывает структурных особенностей отечественной сырьевой модели, где доля добывающих отраслей в ВВП и экспорте остается критически высокой. С.Н. Бобылев и С.В. Соловьева предложили многоуровневую систему индикаторов, охватывающую макро-, мезо- и микроуровни, и продемонстрировали, что Россия по ряду ключевых параметров циркулярности - доля вторичных материальных ресурсов в общем объеме потребления, уровень рециклинга твердых коммунальных отходов, степень замкнутости промышленных циклов - существенно отстает от стран Европейского союза. Это отставание, по их оценке, не является фатальным, но требует целенаправленной государственной политики, поскольку стихийное развитие циркулярных практик в условиях доминирования линейной модели не способно обеспечить качественный перелом.

О.В. Кудрявцева, рассматривая циркулярную экономику как инструмент устойчивого развития России, дополнила данный анализ, обратив внимание на то, что переход к замкнутому циклу сопряжен не только с технологическими, но и с глубокими социокультурными трансформациями. Автор подчеркивает, что без изменения моделей потребления, без формирования экологической ответственности на уровне домохозяйств и малого бизнеса любые инфраструктурные инвестиции в рециклинг окажутся недостаточно эффективными. Этот тезис находит подтверждение в исследованиях О.А. Кальченко, которая в работе, посвященной институциональному развитию экономики замкнутого цикла, показала, что формальные институты (законы, стандарты, нормативы) в России развиваются опережающими темпами по сравнению с неформальными (нормы поведения, доверие, привычки), что создает системный разрыв между декларируемыми целями и реальной практикой.

Вместе с тем в академической среде развернулась дискуссия относительно темпов, механизмов и целесообразности интеграции принципов замкнутого цикла в национальную экономику. Наиболее системно дуальный характер «зеленого» перехода был исследован И.А. Кругловой, которая эмпирически доказала наличие двух разнонаправленных механизмов влияния экологического фактора на экономическую безопасность. Первый механизм связан с ростом антропогенной нагрузки: автор выявила статистически значимую экспоненциальную зависимость ($R^2 = 0,94$) между объемом ВВП России и образованием отходов производства и

потребления за период 2011–2020 годов, что свидетельствует о том, что экономический рост в существующей модели неизбежно генерирует экологический ущерб, который, в свою очередь, снижает качество человеческого капитала и производительность труда. Второй механизм действует через рост природоохранных расходов, которые отвлекаются от производственного использования и фактически представляют собой вычет из национального продукта. Круглова также ввела в научный оборот концепт «зеленого неравенства», указав на то, что форсированная «зеленая» трансформация экономик развитых стран создает для России специфическую угрозу: изменение структуры мирового спроса на традиционные экспортные товары (углеводороды, металлы) может привести к эрозии доходной базы бюджета и, как следствие, к ослаблению экономической безопасности. При этом автор парадоксальным образом заключает, что и замедление «зеленого» перехода несет не меньшие риски, поскольку консервация неэффективных технологий усиливает технологическое отставание.

Критическую позицию в отношении безоговорочного принятия циркулярной парадигмы занимает Е.А. Третьякова, которая в работах по макроэкономическому аспекту экономики замкнутого цикла обращает внимание на фундаментальное противоречие: в стране с относительно низкой стоимостью первичных природных ресурсов и обширной ресурсной базой экономические стимулы к рециклингу объективно слабее, чем в странах, лишенных собственных запасов сырья, таких как Япония или Южная Корея. Исследователь аргументирует, что политика циркулярности не должна подменять собой промышленную политику в целом и что слепое копирование европейских директив без учета факторных преимуществ России может привести к неэффективному распределению ограниченных инвестиционных ресурсов. Эту позицию частично разделяет Е.Д. Королева, которая в анализе отечественного опыта внедрения бизнес-моделей циркулярной экономики зафиксировала значительный разрыв между нормативными установками и реальной хозяйственной практикой. Королева показала, что большинство российских предприятий, декларирующих приверженность принципам замкнутого цикла, фактически ограничиваются фрагментарными мерами (утилизация части отходов, энергоэффективность отдельных процессов), не выстраивая системных замкнутых цепочек создания стоимости. Автор также обращает внимание на проблему «гринвошинга» - использования циркулярной риторики в корпоративной отчетности без реальных структурных изменений, что дискредитирует саму идею и затрудняет выработку адекватной государственной политики.

Л.А. Ишин, анализируя преимущества и недостатки экономики замкнутого цикла, указывает на ряд технологических ограничений, которые часто остаются за рамками оптимистических прогнозов. В частности, автор отмечает, что термодинамические законы накладывают объективные ограничения на возможность полного замыкания материальных потоков: при каждом цикле рециклинга происходит деградация качества материала (энтропийные потери), что требует постоянного дозированного ввода первичного сырья. Кроме того, сложность современных композитных материалов и многосоставных изделий делает их глубокую переработку экономически нецелесообразной при текущем уровне технологий. Эти аргументы не опровергают саму идею циркулярности, но задают реалистичные границы ее применимости и предостерегают от утопических ожиданий полного отказа от добычи первичных ресурсов.

Несмотря на наличие обоснованной критики, игнорирование потенциала экономики замкнутого цикла несет прямые и измеримые риски для национальной безопасности, что особенно отчетливо проявляется в сфере обеспечения критическими материалами. Современный технологический уклад, опирающийся на микроэлектронику, «зеленую» энергетику, робототехнику и оборонно-промышленный комплекс, критически зависит от редкоземельных металлов, лития, кобальта, никеля и ряда других элементов. Т. Грейдел и его коллеги в фундаментальном исследовании методологии оценки критичности металлов продемонстрировали, что концентрация добычи и переработки этих ресурсов в ограниченном числе юрисдикций создает неприемлемые риски для технологического суверенитета государств-импортеров. Для России эта проблема имеет двойственную природу: с одной стороны, стра-

на обладает значительными запасами ряда критических материалов, с другой - перерабатывающие мощности и технологии глубокого обогащения во многих сегментах остаются неразвитыми, что вынуждает экспортировать сырье и импортировать готовую продукцию с высокой добавленной стоимостью. Развитие технологий городской добычи (urban mining) - извлечения ценных компонентов из отходов электроники, промышленных шлаков и выведенных из эксплуатации объектов инфраструктуры - позволяет диверсифицировать сырьевую базу и создать дополнительный, внутренний источник стратегических материалов, не зависящий от геополитической конъюнктуры.

Особую актуальность циркулярная повестка приобретает в контексте санкционного давления и структурной перестройки российской экономики. Разрыв логистических цепочек, ограничение доступа к западным технологиям и комплектующим, заморозка части золотовалютных резервов - все эти факторы обострили проблему импортозависимости и поставили вопрос о физической непрерывности производственных процессов. В этих условиях локализация производственных циклов, неизбежная при внедрении моделей промышленного симбиоза, продуктно-сервисных систем и совместного потребления, сокращает логистические плечи и снижает уязвимость от внешних шоков.

Продовольственная безопасность - еще одно измерение национальной безопасности, в котором циркулярные подходы демонстрируют значимый потенциал. Л.Х. Джандарова в исследовании бизнес-моделей циркулярной экономики в сельском хозяйстве показала, что каскадное использование биомассы, рециклинг органических отходов в биоудобрения, замкнутые системы водопользования и агроэкологические практики способны существенно повысить ресурсную автономность аграрного сектора. Для России, где деградация почв, истощение водных ресурсов и зависимость от импорта семян и средств защиты растений остаются острыми проблемами, внедрение циркулярных принципов в АПК имеет не просто экономическое, но и стратегическое значение. Ю.Н. Арай на примере компании СИБУР продемонстрировал, что создание замкнутых циклов переработки полимеров способно одновременно снизить экологическую нагрузку и сократить зависимость от импорта специализированных пластиков, что особенно важно для пищевой упаковки и медицинского оборудования.

Нормативно-правовая база для развития экономики замкнутого цикла в России начала формироваться сравнительно недавно. В 2022 году стартовал федеральный проект «Экономика замкнутого цикла» в составе национального проекта «Экология», предусматривающий работу по нескольким направлениям: создание инфраструктуры обращения с отходами, стимулирование вторичного использования материалов, развитие экотехнопарков и внедрение расширенной ответственности производителей. Однако, как справедливо отмечают критики, нормативное регулирование пока носит фрагментарный характер и не образует целостной системы. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, среди угроз экономической безопасности называет «установление избыточных требований в области экологической безопасности, рост затрат на обеспечение экологических стандартов производства и потребления», но не рассматривает деградацию природной среды как самостоятельную угрозу. Круглова убедительно аргументирует некорректность такого подхода, демонстрируя, что механизм вредного воздействия загрязнений на экономическую безопасность аналогичен по структуре инфляционной спирали и требует включения экологических индикаторов в систему мониторинга угроз.

Региональный аспект проблемы также заслуживает отдельного внимания. Россия характеризуется колоссальной пространственной дифференциацией как по уровню экономического развития, так и по степени экологической нагрузки. Моноспециализированные регионы, экономика которых исторически выстроена вокруг одного-двух добывающих или перерабатывающих предприятий, оказываются в наиболее уязвимом положении: исчерпание ресурсной базы или ужесточение экологических требований может привести к социально-экономической деградации целых территорий. Циркулярная модель, предполагающая диверсификацию хозяйственной деятельности через создание цепочек добавленной стоимости на

основе вторичных ресурсов, способна смягчить эти риски. Вместе с тем, как показывает Т.Н. Несиоловская в сравнительном анализе мирового опыта, успешная региональная циркулярная трансформация требует не только инвестиций в инфраструктуру, но и развития человеческого капитала, формирования предпринимательской инициативы на местах и налаживания межмуниципальной кооперации, что в российских условиях осложняется слабой развитостью институтов местного самоуправления и хроническим дефицитом региональных бюджетов.

Список литературы

1. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.

2. Арай Ю.Н. Создание экономики замкнутого цикла с пластиком и без него: стратегический вызов для компании СИБУР // Корпоративные финансы. 2022. Т. 16. № 2. С. 85–102.

3. Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Циркулярная экономика и ее индикаторы для России // Мир новой экономики. 2020. Т. 14. № 1. С. 6–15.

4. Глазьев С.Ю. Экономическая теория технологического развития и политика экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5. С. 3–15.

5. Джандарова Л.Х. Применение бизнес-моделей циркулярной экономики в сельском хозяйстве // Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 8. С. 62–69.

6. Ишин Л.А. Преимущества и недостатки экономики замкнутого цикла // Экономические системы. 2024. Т. 17. № 1. С. 45–58.

7. Кальченко О.А. Институциональное развитие экономики замкнутого цикла // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2022. Т. 84. № 1. С. 282–290.

8. Клейнер Г.Б. Системная экономика: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2022. 340 с.

9. Королева Е.Д. Циркулярная экономика: отечественный опыт, основные бизнес-модели и проблемы их внедрения в Российской Федерации // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 3. С. 1455–1470.

10. Круглова И.А. Обеспечение национальной экономической безопасности в условиях развития зеленой экономики: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. СПб., 2022. 340 с.

11. Кудрявцева О.В., Митенкова В.В. Циркулярная экономика как инструмент устойчивого развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 161–175.

12. Паспорт федерального проекта «Экономика замкнутого цикла» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 27.05.2022 № 7).

13. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник. 3-е изд. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. 831 с.

14. Третьякова Е.А. Экономика замкнутого цикла: макроэкономический аспект // Актуальные проблемы развития экономики и управления: сб. науч. тр. СПб., 2021. С. 46–51.

УДК 338.1

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Матниязов Башим,
преподаватель, Кафедра тракторов и сельскохозяйственной техники, Туркменский сельскохозяйственный институт,
(Туркменистан, г. Дашогуз. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)
Годжаков Джумагелди,
Тойлыева Алтын,
Ылхамов Шукур,
студенты 1-го курса специальности «Механизация сельского хозяйства».
Туркменский сельскохозяйственный институт
(Туркменистан, г. Дашогуз. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)

Аннотация. В статье рассматриваются современные глобальные, национальные и региональные тенденции развития мировой экономики. Анализируются динамика экономического роста, инфляционные процессы, международная торговля, инвестиционная активность, изменение глобальных производственных цепочек и усиление региональной экономической дифференциации. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации, искусственного интеллекта, технологических инноваций и геоэкономических изменений на развитие национальных экономик. Рассматриваются особенности развития развитых, развивающихся и региональных экономик, а также основные факторы, определяющие различия в темпах экономического роста. Исследование основано на системном, сравнительном и статистическом анализе современных международных экономических данных. Определены основные направления дальнейшей трансформации мировой экономики и факторы устойчивого экономического развития.

Ключевые слова: мировая экономика, экономический рост, инфляция, международная торговля, инвестиции, глобализация, региональная экономика.

MODERN TRENDS IN THE GLOBAL ECONOMY

Matniyazov Bashim,
Lecturer, Department of Tractors and Agricultural Machinery,
Turkmen Agricultural Institute, (Turkmenistan, Dashoguz)
Gojakov Jumageldi,
Toylyyeva Altyn,
Ylhamov Shukur,
1st-year students, specialty «Agricultural Mechanization», Turkmen Agricultural Institute,
(Turkmenistan, Dashoguz. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)

Annotation. The article examines current global, national, and regional trends in the development of the world economy. It analyzes economic growth dynamics, inflationary processes, international trade, investment activity, changes in global production chains, and increasing regional economic differentiation. Particular attention is paid to the impact of digitalization, artificial intelligence, technological innovation, and geoeconomic changes on the development of national economies. The study considers the characteristics of developed, developing, and regional economies, as well as the main factors determining differences in economic growth rates. The research is based on systematic, comparative, and statistical analysis of current international economic data. The main directions of further transformation of the world economy and the factors contributing to sustainable economic development are identified.

Keywords: world economy, economic growth, inflation, international trade, investment, globalization, regional economy.

Современная мировая экономика развивается в условиях глубоких структурных изменений, связанных с технологической трансформацией, изменением международных торговых отношений, ростом геополитической неопределенности и повышением значения цифровых технологий. Экономические процессы становятся все более взаимосвязанными, вследствие чего изменения в одной группе стран способны оказывать существенное влияние на другие регионы. В 2026 году мировая экономика продолжает демонстрировать способность адаптироваться к внешним шокам, однако темпы роста остаются умеренными. Согласно июльскому прогнозу Международного валютного фонда, мировой ВВП может увеличиться на 3,0% в 2026 году и на 3,4% в 2027 году. При этом глобальная инфляция в 2026 году ожидается на уровне 4,7%, а темпы снижения инфляции остаются неодинаковыми по странам и регионам [1, с. 424].

Одновременно международная торговля подвергается воздействию изменения тарифной политики, перестройки производственных цепочек и роста неопределенности. По оценке UN Trade and Development (UNCTAD), мировая торговля сохраняла устойчивость в 2025 го-

ду, однако ее дальнейшая динамика зависит от торговой политики, финансовых условий и геополитической ситуации. Одной из главных тенденций современной мировой экономики является сохранение умеренных темпов экономического роста при значительной региональной дифференциации. Развитые экономики характеризуются относительно стабильными институтами и высоким уровнем технологического развития, однако сталкиваются с проблемами старения населения, высокой долговой нагрузки и замедления производительности. Развивающиеся страны демонстрируют более высокие потенциальные темпы роста, однако их экономическое развитие в большей степени зависит от внешнего спроса, цен на сырьевые товары, стоимости международного финансирования и состояния мировой торговли.

Важным фактором современных изменений является развитие искусственного интеллекта и цифровых технологий. Инвестиции в технологический сектор способны поддерживать экономическую активность и производительность, однако эффект цифровой трансформации распределяется между странами неравномерно. МВФ отмечает, что различия в степени интеграции экономик в технологические цепочки влияют на результаты их развития [2, с. 232].

Национальные экономические тенденции. На национальном уровне важнейшими задачами остаются повышение производительности труда, развитие человеческого капитала, диверсификация экономики и укрепление финансовой устойчивости. Для стран с сырьевой специализацией особое значение имеет снижение зависимости от ограниченного количества экспортных товаров. Диверсификация позволяет расширять производственную базу, создавать новые рабочие места и повышать устойчивость экономики к изменениям мировых цен. Одновременно государства увеличивают внимание к развитию цифровой экономики. Цифровизация государственного управления, финансовой сферы, промышленности, торговли и образования способствует формированию новых экономических возможностей. Региональные экономические тенденции. Региональная дифференциация остается важной особенностью современной мировой экономики. Различия между регионами проявляются в уровне доходов населения, производительности труда, технологическом развитии, доступе к инвестициям и инфраструктуре.

В Азии продолжается активное развитие производственных и технологических центров. Регион сохраняет значительную роль в мировой торговле и производстве, одновременно усиливая значение цифровых технологий и региональной экономической интеграции. В Европе большое внимание уделяется энергетической безопасности, технологической модернизации и повышению конкурентоспособности. В Северной Америке значительную роль играют инвестиции в высокотехнологичные отрасли, искусственный интеллект и цифровую инфраструктуру. Для стран Центральной Азии актуальными направлениями являются развитие транспортной инфраструктуры, расширение региональной торговли, цифровизация, привлечение инвестиций и диверсификация национальных экономик [3, с. 608].

Таблица 1

Региональные особенности экономического развития

№	Регион	Основные тенденции	Ключевые факторы
1.	Северная Америка	Технологическое развитие и инвестиции	ИИ, инновации, финансовый сектор
2.	Европа	Модернизация и энергетическая трансформация	Технологии, энергетика, торговля
3.	Азия	Производственный и технологический рост	Экспорт, инвестиции, цифровизация
4.	Центральная Азия	Диверсификация и региональная интеграция	Инвестиции, торговля, инфраструктура
5.	Ближний Восток	Структурная диверсификация	Энергетика, инвестиции, новые отрасли
6.	Африка	Расширение внутреннего рынка	Демография, инфраструктура, инвестиции
7.	Латинская Америка	Развитие сырьевого и аграрного экспорта	Ресурсы, торговля, инвестиции

Важной тенденцией становится изменение глобальных производственных цепочек.

Компании стремятся повысить устойчивость поставок и диверсифицировать источники производства. Это создает новые возможности для отдельных стран, способных предложить конкурентоспособную инфраструктуру, квалифицированную рабочую силу и благоприятные условия для инвестиций [4, с. 767].

Международная торговля при этом становится все более тесно связанной с финансовыми потоками и цифровыми технологиями. UNCTAD отмечает, что более 90% мировой торговли зависит от торгового финансирования, поэтому изменения финансовых условий непосредственно влияют на возможности предприятий участвовать в международной торговле.

Проведенный анализ показывает, что современная мировая экономика развивается под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов. К основным тенденциям относятся умеренные темпы глобального экономического роста, неоднородность инфляционных процессов, изменение международной торговли, перестройка производственных цепочек, рост значения цифровых технологий и усиление региональной дифференциации. На национальном уровне особое значение приобретают диверсификация экономики, повышение производительности труда, развитие человеческого капитала и внедрение инноваций. Для региональных экономик важными задачами становятся развитие инфраструктуры, расширение торгового сотрудничества и повышение инвестиционной привлекательности.

В этих условиях устойчивость национальных и региональных экономик зависит от способности адаптироваться к структурным изменениям, развивать человеческий капитал, укреплять инфраструктуру и поддерживать инновационную активность. Международное экономическое сотрудничество при этом остается важным механизмом снижения рисков и формирования более устойчивой мировой экономической системы [5, с. 256].

Список литературы

1. Абалкин Л. И. Россия: поиск самоопределения. – М.: Наука, 2002. – 424 с.
2. Глазьев С. Ю. Экономическая теория технического развития. – М. Наука, 1990. – 232 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
4. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – 767 с.
5. Столяров А. И. Современные тенденции развития мировой экономики. – М.: Инфра-М, 2020. – 256 с.

УДК 519.8:330.43

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРНЫХ РАЗРЫВОВ БЮДЖЕТА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ИНТЕГРАЦИЯ СТОХАСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ В ОПТИМИЗАЦИЮ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Нгуен Вьет Ань,
Студент, Факультет математики и информатики
Ханойский национальный педагогический университет
(Вьетнам, г. Ханой, ул. Суан Тхюи, д. 136. E-mail: stu755101016@hnue.edu.vn)

Аннотация. В данном исследовании разрабатывается математическая модель для оптимизации бюджетов цифровой трансформации малых и средних предприятий (МСП) в условиях финансовых ограничений. Хотя государственное софинансирование обеспечивает финансовую поддержку, коэффициенты его выплат подвержены неопределенности. Традиционные детерминированные модели часто опускают эти стохастические колебания, что может привести к неоптимальному распределению ресурсов. Для решения этой проблемы предлагается модель стохастического программирования с вероятностными ограничениями, преобразующая дискретные границы бюджета в структуру конического программирования второго порядка (SOCP). Этот метод моделирует неопределенность финансирования как случайные величины с целью максимизации индекса цифровой зрелости в пределах заданного уровня доверия. Аналитические ре-

зультаты предоставляют количественную основу, которая помогает менеджерам перейти от интуитивного принятия решений к алгоритмическим стратегиям. Кроме того, выводы модели предполагают, что динамические механизмы финансирования могут иметь преимущества перед фиксированными пределами субсидий в использовании макроэкономической поддержки.

Ключевые слова: стохастическое программирование, цифровая трансформация, софинансирование, вероятностные ограничения, SOCP, управление МСП.

MODELING BUDGETARY STRUCTURAL BREAKS UNDER UNCERTAINTY: INTEGRATING STOCHASTIC PROGRAMMING INTO DIGITAL TRANSFORMATION OPTIMIZATION

Nguyen Viet Anh,
Student, Faculty of Mathematics and Informatics
Hanoi National University of Education
(136 Xuan Thuy street, Hanoi, Vietnam. E-mail: stu755101016@hnue.edu.vn)

Annotation. This study develops a mathematical model for optimizing digital transformation budgets in small and medium-sized enterprises (SMEs) under financial constraints. Although government matching funds provide financial support, their disbursement ratios are subject to uncertainty. Conventional deterministic models often omit these stochastic variations, which can lead to suboptimal resource allocation. To address this issue, a Chance-Constrained Stochastic Programming model is proposed, converting discrete budgetary boundaries into a Second-Order Cone Programming (SOCP) framework. This method models funding uncertainties as random variables, aiming to maximize the digital maturity index within a specified confidence level. The analytical results provide a quantitative framework that assists managers in shifting from intuitive decision-making to algorithmic strategies. Additionally, the model implications suggest that dynamic funding mechanisms may offer advantages over fixed subsidy caps in utilizing macroeconomic support.

Keywords: stochastic programming, digital transformation, matching funds, chance constraints, SOCP, SME management.

1. Introduction

Digital transformation is an operational necessity for SMEs. Acquiring technologies, including enterprise resource planning (ERP) systems and cloud infrastructure, requires capital expenditures that frequently exceed their internal cash flow capacities. Research indicates that financial constraints represent a barrier to technological inclusion for SMEs [1]. To address this limitation, macroeconomic policies implement matching fund mechanisms. Current regulations in Vietnam, for example, stipulate that the state budget co-finances a proportion of the costs for leasing or purchasing digital solutions up to a defined threshold [2]. Although this mechanism improves liquidity, it adds complexity to budget formulation.

Resource allocation models conventionally utilize deterministic frameworks, such as Linear Programming (LP) and Mixed-Integer Linear Programming (MILP). An assumption of these models is that parameters, including internal budgets and external funding limits, act as fixed constants. In practice, the disbursement of matching funds and overall investment conditions display volatility. When applied to conditions of uncertainty, deterministic optimization models cannot capture parameter fluctuations, which yields suboptimal or infeasible investment portfolios [3].

To resolve this gap, this study proposes a framework based on a Chance-Constrained Stochastic Programming model. By converting discrete funding boundaries into a SOCP structure, the model represents the uncertainty of matching funds through random variables. This algorithmic approach provides a tool for enterprise management. The implementation of such optimization algorithms facilitates the transition of management practices from heuristic methods to empirical, data-driven decision-making processes [4].

2. Mathematical Formulation

2.1. Decision Variables and Objective Function

The optimization problem utilizes two sets of decision variables to model the investment portfolio. Let $i \in \{1, 2, 3, 4, 5\}$ denote the index of the core digital transformation solutions. The continuous variable $x_i \in \mathbb{R}^+$ represents the internal capital allocated to project i. The binary variable $y_i \in \{0,1\}$ serves as a logical decision indicator, where $y_i = 1$ if the enterprise invests in project i, and $y_i = 0$ otherwise.

The objective function maximizes the total Digital Maturity Index of the organization. It is formulated as a linear combination of the allocated internal budgets and their respective marginal maturity coefficients:

$$\max Z = \sum_{i=1}^{5} c_i x_i$$

In this equation, c_i denotes the marginal maturity coefficient, defined as $c_i = \frac{e_i}{1+\mu_i}$. The parameter e_i represents the base evaluation score of the technological solution i, and μ_i indicates the expected value of the state matching fund ratio for that specific category.

2.2. Deterministic Constraints

The feasible region of the optimization problem is partially defined by deterministic boundaries. The primary financial constraint ensures that the total internal capital disbursed by the enterprise does not exceed its available budget capacity, denoted as B. This condition is expressed as follows:

$$\sum_{i=1}^{5} x_i \leq B$$

Furthermore, digital assets such as software modules or cybersecurity networks possess discrete characteristics and cannot be infinitely fragmented. To model this lumpy investment nature and establish the logical relationship between the continuous variables x_i and the binary variables y_i, the Big-M method is applied. The physical scale of a project is bounded by a technical capacity ceiling M_i and a minimum viable operational threshold m_i. Based on the expected matching fund ratio μ_i, the structural boundaries are formulated through the following inequality:

$$m_i y_i \leq (1 + \mu_i) x_i \leq M_i y_i \quad \forall i \in \{1,2,3,4,5\}$$

These equations dictate the investment logic. If a project is selected $(y_i = 1)$, the expected total investment must satisfy the minimum operational requirement m_i and remain within the upper technical limit M_i. If the project is rejected $(y_i = 0)$, the constraints force the continuous variable $x_i \to 0$. This mechanism prevents fragmented capital allocation and ensures the structural integrity of the mathematical model.

2.3. Chance-Constrained Formulation and SOCP Transformation

The deterministic model operates under the assumption that the matching fund ratios act as fixed parameters. In practical financial environments, the disbursement process and the approval rates are subject to uncertainty. To capture this stochastic nature, the actual matching fund ratio for project i is defined as a random variable $\tilde{\gamma}_i$. It is assumed that $\tilde{\gamma}_i$ follows a normal distribution with an expected value of μ_i and a variance of σ_i^2, denoted mathematically as $\tilde{\gamma}_i \sim \mathcal{N}(\mu_i, \sigma_i^2)$. Furthermore, these random variables are assumed to be statistically independent.

The aggregate matching fund requested from the state budget is calculated as the sum of $\tilde{\gamma}_i x_i$. Due to the volatility of the parameters, the strict enforcement of the government subsidy limit G is structurally impossible. To resolve this, a chance-constrained programming approach is integrated into the model. The formulation requires that the probability of the total requested matching fund not exceeding the predefined threshold G must be at least $1 - \alpha$. In this context, α represents the risk tolerance level of the management regarding budget overruns. This probabilistic boundary is formulated as follows:

$$P\left(\sum_{i=1}^{5} \tilde{\gamma}_i x_i \leq G\right) \geq 1-\alpha$$

Since the independent random variables $\tilde{\gamma}_i$ follow normal distributions, their linear combination is also normally distributed. Applying the inverse cumulative distribution function Φ^{-1} of the standard normal distribution yields the final deterministic equivalent of the budget constraint:

$$\sum_{i=1}^{5} \mu_i x_i + \Phi^{-1}(1-\alpha)\sqrt{\sum_{i=1}^{5} \sigma_i^2 x_i^2} \leq G$$

The parameter $\Phi^{-1}(1-\alpha)$ functions as a risk multiplier. Under the standard assumption that the enterprise management is either risk-averse or risk-neutral, the tolerance parameter α is restricted to $\alpha \leq 0.5$. This condition ensures that $\Phi^{-1}(1-\alpha) \geq 0$

The emergence of the L_2-norm term $\sqrt{\sum_{i=1}^{5} \sigma_i^2 x_i^2}$ in the constraint fundamentally alters the mathematical topology of the optimization problem. The constraint is no longer linear but takes the form of a Second-Order Cone (SOC). Consequently, the overarching framework evolves from a standard Mixed-Integer Linear Programming structure into a Mixed-Integer Second-Order Cone Programming (MISOCP) model. This structural transformation is highly significant from a methodological perspective. It mathematically guarantees that the continuous relaxation of the feasible region remains convex, allowing the optimization problem to be solved efficiently to global optimality using advanced interior-point algorithms [5].

3. Computational Results and Sensitivity Analysis

3.1. Parameter Configuration

To validate the proposed MISOCP framework, a numerical simulation is configured utilizing representative financial data from small and medium-sized enterprises. The internal budget capacity of the enterprise is constrained at $B = 400$ million VND. The maximum allowable government subsidy limit for the financial cycle is set to $G = 150$ million VND.

The simulated investment portfolio comprises five core technological solutions, with parameters detailed in Table 1. For each proposed project, the technical capacity ceiling M_i, the minimum operational threshold m_i, and the base maturity score e_i are calibrated based on current market deployment costs. The minimum operational threshold is uniformly fixed at 10% of the maximum technical capacity to prevent fragmented capital allocation.

Regarding the funding structure, projects involving ERP systems, cloud infrastructure, and cybersecurity are eligible for state matching funds. Consequently, their expected matching fund ratios are established at $\mu_1 = \mu_2 = \mu_4 = 1.0$. Conversely, digital payment platforms and personnel training projects are entirely self-funded, maintaining expected ratios of $\mu_3 = \mu_5 = 0.0$.

To operationalize the chance-constrained condition, standard deviations σ_i are introduced to represent the disbursement volatility inherent in the public funding mechanism. Projects requiring complex appraisal processes, such as cloud infrastructure and ERP systems, are assigned higher variance levels to reflect regulatory uncertainties. Non-subsidized projects maintain a standard deviation of zero. The complete parameter matrix is detailed in Table 1.

Table 1.

Parameter configuration for the digital transformation portfolio

Project (i)	M_i (mil VND)	m_i (mil VND)	Score (e_i)	Expected Ratio (μ_i)	Standard Deviation (σ_i)
1. ERP System	200	20	2.0	1.00	0.15
2. Cloud Infrastructure	100	10	1.2	1.00	0.20
3. Digital Payment	50	5	0.8	0.00	0.00
4. Cybersecurity	150	15	1.5	1.00	0.10
5. Digital Training	100	10	1.0	0.00	0.00

3.2. Optimization Results under Varying Risk Tolerances

The MISOCP model is executed to determine the optimal capital allocation vector. To demonstrate the impact of stochastic parameters on the decision-making process, the algorithm is evaluated under two distinct risk tolerance configurations: a risk-neutral scenario ($\alpha = 0.5$) and a risk-averse scenario ($\alpha = 0.05$). The resulting resource distributions and constraint variations are documented in Table 2.

Table 2.

Optimization results under varying risk tolerance levels.

Output Variable	**Risk-Neutral (α=0.5)**	**Risk-Averse (α=0.05)**
Capital Allocation (mil VND)		
x_1 (ERP System)	100.00	78.50
x_2 (Cloud Infrastructure)	0.00	0.00
x_3 (Digital Payment)	50.00	50.00
x_4 (Cybersecurity)	50.00	45.30
x_5 (Digital Training)	100.00	100.00
System Constraints & Objective		
Expected Subsidy Demand ($\sum \mu_i x_i$)	150.00	123.80
Risk Buffer ($\Phi^{-1}\sqrt{\sum \sigma_i^2 x_i^2}$)	0.00	26.20
Total Subsidy Constraint Utilization	150.00	150.00
Total Internal Capital Deployed ($\sum x_i$)	300.00	273.80
Objective Value (Z_{max})	**277.50**	**250.75**

Under the risk-neutral configuration, the probability tolerance parameter α is defined at 0.5. Consequently, the inverse standard normal function evaluates to zero ($\Phi^{-1}(0.5) = 0$). This parameter neutralizes the L_2-norm term within the Second-Order Cone constraint, collapsing the probabilistic framework into a deterministic Mixed-Integer Linear Programming structure. In this state, the algorithm allocates 100 million VND to the ERP system and 50 million VND to cybersecurity, deliberately exhausting the expected public funding limit ($G = 150$). The objective function achieves an unconstrained maximum value of 277.50 points. However, this configuration assumes perfect disbursement certainty, exposing the enterprise to structural budget deficits if the actual funding ratios deviate from expectations.

Conversely, the risk-averse configuration imposes a strict 95% confidence level ($\alpha = 0.05$) on the subsidy constraint, activating the risk multiplier $\Phi^{-1}(0.95) \approx 1.645$. The activation of the SOCP constraint fundamentally alters the optimal portfolio. To accommodate the generated risk buffer of 26.20 million VND, the algorithm autonomously scales down capital exposure to subsidized projects. The allocation for the ERP system contracts from 100.00 to 78.50 million VND, while the cybersecurity budget is reduced to 45.30 million VND. Unsubsidized projects, specifically digital payments (x_3) and training (x_5), sustain their maximum theoretical limits, confirming their structural independence.

The divergence between the two scenarios mathematically quantifies the fundamental trade-off in financial optimization under uncertainty. To guarantee a 95% probability of financial compliance, the enterprise must deliberately forfeit 26.75 maturity points, shifting the objective value from 277.50 to 250.75. This empirical evidence validates the utility of the SOCP formulation, enabling modern management teams to visualize the precise cost of risk mitigation before capital deployment.

3.3. Sensitivity Analysis on the Subsidy Threshold

To evaluate the macroeconomic leverage effect of the matching fund mechanism, a sensitivity analysis is conducted on the government subsidy limit parameter (G). The risk-averse configuration ($\alpha = 0.05$) is maintained as the computational baseline. The analysis simulates three regulatory conditions: a constrained scenario ($G = 100$ million VND), the baseline scenario ($G = 150$ million

VND), and an expanded scenario ($G = 250$ million VND). The resulting algorithmic responses are presented in Table 3.

Table 3.

Sensitivity analysis matrix across varying subsidy thresholds.

Output Variable (mil VND)	**Constrained (G=100)**	**Baseline (G=150)**	**Expanded (G=250)**
Capital Allocation Vector			
x_1 (ERP System)	59.80	78.50	100.00
x_2 (Cloud Infrastructure)	0.00	0.00	23.40
x_4 (Cybersecurity)	26.50	45.30	75.00
System Aggregates			
Total Internal Capital Deployed	236.30	273.80	348.40
Unutilized Internal Budget	163.70	126.20	51.60
Objective Value Z_{max})	**206.15**	**250.75**	**315.40**
(Note: Variables x_3 and x_5 are omitted as they remain fixed at optimal bounds across all iterations due to their independence from parameter G).			

The data indicates a positive correlation between the expansion of the public funding threshold and the mobilization of internal corporate capital. Under the constrained scenario ($G = 100$), the algorithm confronts dual structural pressures from a restricted public budget and the mandatory L_2-norm risk buffer. To maintain mathematical feasibility, it forces drastic reductions in ERP and cybersecurity allocations, plummeting total deployed internal capital to 236.30 million VND. Conversely, the expanded scenario ($G = 250$) provides sufficient margin to satisfy the probabilistic risk buffer without compromising the capital base. The algorithm maximizes internal capital for variables x_1 and x_4, and reactivates variable y_2 for cloud infrastructure, driving total deployed internal capital to a peak of 348.40 million VND.

The variations observed across the simulation configurations provide quantitative evidence regarding the nature of matching funds. The mechanism functions as an investment catalyst, generally inducing a crowding-in effect rather than crowding out private capital. The implementation of fixed, static thresholds restricts the technological absorption capacity of enterprises.

4. Conclusions

This study developed a Mixed-Integer Second-Order Cone Programming model to optimize digital transformation budgets under matching fund uncertainty. Converting probabilistic constraints into a deterministic Second-Order Cone equivalent addressed the limitations of traditional frameworks by encoding disbursement volatility as random variables while maintaining computational convexity. The results provide a quantitative basis for enterprise administration, mathematically quantifying the trade-off between maximizing the digital maturity index and securing financial compliance. Such algorithmic tools assist young managers in transitioning from heuristic methods to empirical decision-making, processing complex variance structures that intuition cannot accurately evaluate.

Regarding macroeconomic policy, the sensitivity analysis indicates that fixed subsidy thresholds restrict the technological absorption capacity of enterprises. Empirical data suggests that matching funds induce a crowding-in effect on private capital when boundary conditions are sufficiently expanded. Consequently, policymakers should transition from static subsidy caps to dynamic funding mechanisms scaling proportionally with actual internal capital deployment, maximizing public financial leverage efficiency.

References

1. Bui, T. Q. Does technological inclusion reduce financial constraints on small and medium sized

enterprises? The case of Vietnam / T. Q. Bui, A. V. P. Do. – Text : electronic // Finance Research Letters. – 2022. – Vol. 47, Part A. – P. 102534. – URL: https://doi.org/10.1016/j.frl.2021.102534.
2. Vietnam. Government. Decree No. 80/2021/ND-CP detailing and guiding the implementation of a number of articles of the Law on Support for Small and Medium-Sized Enterprises : [issued August 26, 2021]. – Hanoi, 2021. – Text : electronic.
3. Two-Stage Robust Optimization Model for Uncertainty Investment Portfolio Problems / D. Luan, C. Wang, Z. Wu, Z. Xia. – Text : electronic // Journal of Mathematics. – 2021. – Vol. 2021. – P. 3087066. – URL: https://doi.org/10.1155/2021/3087066.
4. Zaitsava, M. Is data-driven decision-making driven only by data? When cognition meets data / M. Zaitsava, E. Marku, M. C. Di Guardo. – Text : electronic // European Management Journal. – 2022. – Vol. 40, Issue 5. – P. 656-670. – URL: https://doi.org/10.1016/j.emj.2022.01.003.
5. Montoya, O. D. On the Conic Convex Approximation to Locate and Size Fixed-Step Capacitor Banks in Distribution Networks / O. D. Montoya, W. Gil-González, A. Garcés. – Text : electronic // Computation. – 2022. – Vol. 10, Issue 2. – P. 32. – URL: https://doi.org/10.3390/computation10020032.

УДК 338.1

САНКЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Омаров Заур Залумханович,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономика и дорожное хозяйство»
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет» (МАДИ), Прикаспийский межрегиональный институт (филиал)
(367015 Россия, г. Махачкала, проспект Имама Шамиля, 1б,
E-mail: e-mail: econ77@mail.ru)
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономические дисциплины»,
ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет,
филиал в г. Хасавюрте
(368009, Россия, г. Хасавюрт, ул. А. Абукова, 36. E-mail: econ77@mail.ru)
Гаджидадаев Каримула Гаджимурадович,
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет» (МАДИ), Прикаспийский межрегиональный институт (филиал)
(367015, Россия, г. Махачкала, проспект Имама Шамиля, 1б,
E-mail: gadzidadaevka@gmail.com)
Тотушев Али Мурадович,
студент 3 курса, направление «Экономика»
ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет,
филиал в г. Хасавюрте.
(368009, Россия, г. Хасавюрт, ул. А. Абукова, 36)

Аннотация. В статье анализируются изменения санкционной политики в отношении России в 2026 году и их экономические последствия. Показано смещение акцента ЕС и Великобритании к контролю обходных схем, финансовых посредников, криптоинфраструктуры, морской логистики и поставщиков из третьих стран. Американская практика сохраняет базовый ограничительный режим, одновременно используя общие лицензии для отдельных операций. Сопоставление данных Банка России, МВФ и Всемирного банка показывает переход от высоких темпов роста 2023-2024 годов к умеренной динамике в 2026 году. Санкции рассматриваются как один из факторов замедления наряду с жесткими денежно-кредитными условиями, бюджетными ограничениями и дефицитом производственных ресурсов. Выделены ключевые каналы долгосрочного воздействия: удорожание расчетов и логистики, ограничение технологического импорта, сужение доступа к капиталу и концентрация внешней тор-

говли. Сделан вывод о необходимости перехода от краткосрочной адаптации к повышению технологической и финансовой устойчивости.

Ключевые слова: санкции, российская экономика, внешняя торговля, финансовые ограничения, технологический импорт, импортозамещение, адаптация, экономическая безопасность.

SANCTION RESTRICTIONS AND ADAPTATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Zaur Zalumkhanovich Omarov,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Road Management
Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI),
Caspian Interregional Institute (branch)
(1b Imam Shamil Avenue, Makhachkala, 367015 Russia,
E-mail: e-mail: econ77@mail.ru)
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economic Disciplines,
Dagestan State University, branch in Khasavyurt
(36 A. Abukova str., 368009, Russia, Khasavyurt. E-mail: e-mail: econ77@mail.ru)
Gadzhidadaev Karimula Gadzhimuradovich,
Moscow Automobile and Road Engineering State Technical University (MADI),
Caspian Interregional Institute (branch)
(1b Imam Shamil Avenue, Makhachkala, 367015, Russia,
E-mail: gadzidadaevka@gmail.com)
Totushev Ali Muradovich,
3rd-year student, majoring in “Economics”
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Dagestan State University”,
branch in the city of Khasavyurt
(368009, Russia, Khasavyurt, A. Abukov St., 36)

Annotation. The article examines changes in sanctions policy toward Russia in 2026 and their economic effects. The EU and the United Kingdom increasingly target circumvention channels, financial intermediaries, crypto infrastructure, maritime logistics and third-country suppliers. U.S. policy preserves the core restrictions while using general licenses for selected transactions. Data from the Bank of Russia, IMF and World Bank indicate a shift from rapid growth in 2023-2024 to much weaker expansion in 2026. Sanctions are treated as one factor alongside tight monetary conditions, fiscal constraints and supply limitations. The main long-term channels are higher payment and logistics costs, restricted technology imports, narrower access to capital and greater trade concentration. The paper concludes that resilience increasingly depends on technological capability, diversified external links and efficient domestic investment.

Keywords: sanctions, Russian economy, foreign trade, finance, technology imports, import substitution, adaptation, economic security.

После 2022 года характер санкционного давления на российскую экономику заметно менялся. На первом этапе доминировали прямые запреты в финансовой, торговой, транспортной и технологической сферах. К 2026 году к ним добавился более сложный контур ограничений, ориентированный на практику исполнения санкций: выявление обходных маршрутов, контроль посредников, морских перевозок и международных расчетов. В результате меняется и структура издержек. Если первоначальный эффект во многом был связан с разрывом привычных связей, то теперь все большую роль играют накопленные расходы на логистику, платежи, страхование и поиск технологически приемлемых поставщиков.

В исследованиях, посвященных адаптации российской экономики, ее устойчивость обычно

связывают с переориентацией внешней торговли, перестройкой платежной инфраструктуры, внутренним спросом и мерами государственной поддержки. Вместе с тем сохранение объемов выпуска само по себе не означает отсутствия среднесрочных потерь: они могут проявляться через рост себестоимости, снижение эффективности и ограничения доступа к современным технологиям [11, с. 7-15; 12, с. 5-28]. Поэтому при оценке ситуации 2026 года важно сопоставлять не только темпы ВВП, но и стоимость сложившейся модели адаптации.

Цель исследования состоит в том, чтобы выделить основные изменения санкционной политики в 2026 году, соотнести их с текущей макроэкономической динамикой и определить наиболее уязвимые элементы российской модели адаптации. В работе использованы сравнительный, институциональный и структурно-функциональный подходы. Информационную основу составили официальные материалы Банка России, МВФ, Всемирного банка, Совета ЕС, Правительства Великобритании и Управления по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (OFAC).

1. Санкционная политика в 2026 году: основные изменения

В европейском санкционном режиме 2026 года особое значение имеют

20 и 21 пакеты. Принятый 23 апреля 20 пакет расширил ограничения в энергетике, банковском секторе, криптоопераций и экспортном контроле. Еще 46 судов подпали под запрет на доступ в порты и получение ряда морских услуг; для продажи танкеров были введены дополнительные требования должной осмотрительности, а обслуживание российских СПГ - танкеров и ледоколов ограничено. Впервые был задействован специальный антиобходной инструмент в отношении высокорисковых поставок через третью страну [5].

21 пакет, принятый 23 июля 2026 года, продолжил эту линию. Меры были распространены на новые кредитные и финансовые организации, криптоплатформы, суда и отдельные объекты инфраструктуры. Пакет включил 218 индивидуальных включений, транзакционные ограничения для дополнительных банков и платформ, а также еще 41 судно. Одновременно расширился экспортный контроль в отношении товаров и технологий промышленного и двойного назначения; часть новых адресатов ограничений находится за пределами России [6]. Отдельно следует отметить решение от 25 июня 2026 года о продлении базовых секторальных экономических мер ЕС до 31 июля 2027 года [7].

Британская практика в 2026 году развивалась в сходном направлении. Санкционные списки и уведомления регулярно обновлялись, а крупные решения были связаны с морскими перевозками, финансовыми и криптовалютными сервисами, а также с закупочными цепочками товаров, потенциально используемых российским оборонно-промышленным комплексом. 16 июня Великобритания объявила 70 новых мер, затрагивающих суда, закупочные сети и каналы финансирования [8; 9]. Тем самым акцент также смещается с отдельной сделки на инфраструктуру, без которой проведение этой сделки становится затруднительным или экономически менее выгодным.

Таблица 1

Основные направления санкционных изменений в 2026 году

Юрисдикция	**Изменения 2026 года**	**Основной экономический канал**
ЕС	20 и 21 пакеты: банки, криптосервисы, суда, порты, энергетическая инфраструктура, товары двойного назначения, антиобходные меры.	Платежи, логистика, экспортная выручка, технологический импорт.
Великобритания	Новые обозначения и ограничения против судов, финансовых сетей и закупочных цепочек; регулярное обновление списка санкций.	Активы, страхование, морские перевозки, расчеты.
США	Сохранение базового режима при выдаче и корректировке общих лицензий для отдельных энергетических и финансовых операций.	Точечное лицензирование при сохранении общего санкционного контроля.

Источник: составлено авторами по официальным материалам [5-10].

Американский подход в 2026 году выглядел несколько иначе. Базовый режим, основанный на Executive Order 14024, сохранялся, однако OFAC одновременно продлевало и

корректировало общие лицензии для отдельных операций. В частности, соответствующие разрешения касались проекта «Сахалин - 2», гражданской атомной энергетики и отдельных сделок с активами российских компаний [10]. Это показывает, что американская санкционная модель сочетает широкий запретительный контур с точечными исключениями, определяющими допустимый объем операций в конкретных секторах.

2. Макроэкономическая динамика и роль санкционного фактора

К 2026 году российская экономика вышла из фазы быстрого восстановительного роста и перешла к заметно более сдержанной динамике. В сентябрьском макроэкономическом опросе Банка России медианная оценка роста ВВП составляет 0,5 % в 2026 году и 1,2 % в 2027 году [1]. Всемирный банк в июньском выпуске Global Economic Prospects приводит соответственно 0,8 и 0,7 % [3, с. 25, 86], тогда как июльское обновление прогноза МВФ оценивает рост в 2026 году в 1,1 % [4]. Разброс оценок невелик; гораздо существеннее их отличие от темпов, наблюдавшихся в 2023-2024 годах.

При этом было бы неверно объяснять замедление только санкциями. На экономическую динамику одновременно влияют денежно-кредитные условия, бюджетная политика, ограничения со стороны предложения и внешняя ценовая конъюнктура. 11 сентября 2026 года Банк России сохранил ключевую ставку на уровне 14 % годовых. Регулятор указывал на ускорение устойчивого роста цен до 5-6 % в пересчете на год и прогнозировал инфляцию 6-7 % по итогам 2026 года [2]. Такая стоимость кредита повышает требования к окупаемости инвестиций, в том числе проектов, связанных с технологическим замещением и модернизацией производства.

Таблица 2

Актуальные оценки роста ВВП России

Источник	**2026, %**	**2027, %**
Банк России, макроопрос, сентябрь 2026 г.	0,5	1,2
Всемирный банк, июнь 2026 г.	0,8	0,7
МВФ, июль 2026 г.	1,1	-

Источник: [1; 3, с. 25, 86; 4].

Санкционный фактор наиболее отчетливо проявляется через стоимость и доступность внешних ресурсов. Даже если физический объем импорта удается сохранить, альтернативная поставка часто предполагает большее число посредников, более сложные расчеты и дополнительные страховые расходы. Для массовой стандартной продукции это прежде всего означает удорожание. В случае сложного оборудования последствия иные: формально доступный аналог может уступать по производительности, надежности или совместимости с действующей технологической базой. Поэтому оценивать санкционные издержки только по стоимостным или физическим объемам импорта недостаточно.

Отдельная проблема связана с международными платежами. Расширение ограничений на банки и криптосервисы, в-третьих, странах повышает риск задержек, отказа посредников и блокировки операций. Причем дополнительные издержки возникают и тогда, когда сама сделка прямо не запрещена: банки и контрагенты учитывают комплаенс-риск и могут требовать более сложной проверки либо вовсе отказываться от операции. По существу, часть санкционной нагрузки принимает форму дополнительного трансакционного издержания, распределенного между экспортерами, импортерами и конечными потребителями.

Еще один эффект связан с концентрацией внешней торговли. Переориентация на азиатские и ближневосточные рынки позволила компенсировать значительную часть утраченных европейских связей и стала важной частью адаптации. Однако более высокая зависимость от ограниченного круга крупных партнеров усиливает чувствительность к решениям банков, перевозчиков и регуляторов этих стран. В такой ситуации формальная доступность рынка еще не гарантирует возможности провести платеж, застраховать груз или приобрести технологически сложный товар на приемлемых условиях.

3. Механизмы адаптации и их ограничения

Сложившаяся модель адаптации опирается прежде всего на перенастройку внешней торговли и логистики. За несколько лет компании освоили новые маршруты, расширили круг посреднических юрисдикций и стали активнее использовать альтернативные формы расчетов. На первоначальном этапе это позволило сравнительно быстро восстановить многие хозяйственные связи. Однако по мере распространения европейских и британских ограничений на банки, порты, криптоплатформы и поставщиков из третьих стран стоимость такого механизма возрастает, а его возможности становятся менее универсальными.

Импортозамещение дает неодинаковый результат в разных сегментах. Там, где технология стандартизирована и существует емкий внутренний спрос, замещение может происходить сравнительно быстро. В производстве сложного оборудования, микроэлектроники, авиационных компонентов и промышленного программного обеспечения ситуация иная. Здесь необходимо воспроизводить не отдельный товар, а целую технологическую цепочку: инженерные компетенции, сервис, стандарты качества и достаточный масштаб выпуска. Именно поэтому долгосрочные риски в значительной степени связаны с производительностью и обновлением основного капитала, а не только с текущим наличием продукции [12, с. 5-28].

Ограниченный доступ к зарубежному капиталу одновременно повышает роль внутренних источников финансирования: банковского кредита, облигационного рынка, собственных средств предприятий и бюджетных инструментов. Но при ключевой ставке 14 % заемные ресурсы остаются дорогими [2]. Возникает очевидное противоречие: технологическая адаптация требует крупных и часто долгосрочных инвестиций, тогда как высокая стоимость капитала особенно жестко ограничивает проекты с продолжительным сроком окупаемости.

Заметную стабилизирующую роль сыграл и государственный спрос, поддержавший загрузку ряда отраслей и занятость. Однако рассматривать его как универсальный источник длительного роста было бы неверно. При ограниченном предложении труда и производственных мощностей дальнейшее расширение расходов усиливает конкуренцию за ресурсы и может поддерживать инфляционное давление. Для устойчивого эффекта важен не сам объем инвестиций, а их способность повышать производительность и расширять предложение.

С учетом этих ограничений приоритеты дальнейшей адаптации, на наш взгляд, должны смещаться в сторону диверсификации расчетной и логистической инфраструктуры, развития собственных компетенций в критически зависимых технологиях, расширения конкуренции между поставщиками и формирования внутренних источников длинного капитала. Не менее важна более строгая оценка импортозамещающих проектов по их экономической эффективности. Такие меры не устраняют внешние ограничения, но уменьшают зависимость от отдельных банков, маршрутов и технологических поставщиков.

Выводы

Материалы 2026 года показывают, что санкционная политика в отношении России все в большей степени затрагивает инфраструктуру внешнеэкономических операций. ЕС и Великобритания расширяют меры, касающиеся банков, морских сервисов, криптоплатформ, судов и посредников из третьих стран [5-9]. США, сохраняя общий санкционный каркас, продолжают использовать механизм общих лицензий для отдельных операций [10]. В результате значение имеют уже не только прямые запреты, но и условия, при которых внешнеторговая сделка может быть профинансирована, оплачена, застрахована и физически исполнена.

Такое изменение санкционного режима делает экономический эффект менее одномоментным и более накопительным. Дополнительные расходы возникают на каждом этапе внешнеэкономической операции и со временем отражаются на стоимости импорта, доступности оборудования и инвестиционных решениях предприятий.

Одновременно макроэкономические данные не позволяют связывать текущее замедление исключительно с санкционным фактором. Оценки роста ВВП России на 2026 год

находятся примерно в диапазоне 0,5-1,1 %, при этом сохраняются жесткие денежно-кредитные условия и ограничения со стороны предложения [1-4]. Поэтому корректнее говорить о совместном воздействии нескольких факторов. Санкции прежде всего увеличивают трансакционные издержки, усложняют технологический импорт и расчеты и усиливают концентрацию внешних связей; наиболее чувствительно эти эффекты проявляются в инвестиционной и технологической сферах.

Российская экономика в значительной степени приспособилась к первоначальному внешнему шоку, однако дальнейшая устойчивость зависит уже не столько от простой замены одних контрагентов другими. На первый план выходят качество собственной технологической базы, разнообразие финансовых и торговых партнеров, эффективность инвестиций и надежность платежно-логистической инфраструктуры. Именно эти параметры будут определять долгосрочную цену адаптации при сохранении санкционных ограничений.

Список литературы

1. 21-й пакет санкций: ЕС сильно бьет по российской энергетике, финансовым услугам и криптовалютам: пресс-релиз от 23 июля 2026 года / Совет Европейского союза. - Текст: электронный. - URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/07/23/21st-package-of-sanctions-eu-hits-russian-energy-financial-services-and-crypto-hard/ (дата обращения: 18.09.2026).

2. Аганбегян, А. Г. О преодолении санкционного давления и перспективах экономического роста России / А. Г. Аганбегян. - Текст: непосредственный // Экономические стратегии. - 2024. - № 2 (190). - С. 7-15.

3. Агрессивная война России против Украины: 20-й раунд жестких санкций ЕС затрагивает доходы от энергетики, военно-промышленный комплекс, торговлю и финансовые услуги, включая криптовалюту: пресс-релиз от 23 апреля 2026 года / Совет Европейского союза. - Текст: электронный. - URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/04/23/russia-s-war-of-aggression-against-ukraine-20th-round-of-stern-eu-sanctions-hits-energy-military-industrial-complex-trade-and-financial-services-including-crypto/ (дата обращения: 18.09.2026).

4. Агрессивная война России против Украины: Совет Ес продлевает экономические санкции еще на год: пресс-релиз, 25 июня 2026 г. / Совет Европейского союза. - Текст: электронный. - URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/06/25/russia-s-war-of-aggression-against-ukraine-council-extends-economic-sanctions-for-another-year/ (дата обращения: 18.09.2026).

5. Банк России принял решение сохранить ключевую ставку на уровне 14,00 % годовых: информационное сообщение от 11.09.2026 / Банк России. - Текст: электронный // Банк России: официальный сайт. - URL: https://www.cbr.ru/press/pr?file=11092026_133000key.htm (дата обращения: 18.09.2026).

6. Великобритания вводит новый пакет санкций в отношении сетей, снабжающих Россию: пресс-релиз от 16 июня 2026 г. / Министерство иностранных дел, по делам содружества и развития. - Текст: электронный // GOV.UK. - URL: https://www.gov.uk/government/news/uk-clamps-down-on-shady-networks-supplying-putins-illegal-war-with-new-sanctions-package (дата обращения: 18.09.2026).

7. Макроэкономический опрос Банка России: результаты сентября 2026 года / Банк России. - Текст: электронный // Банк России: официальный сайт. - 2026. - URL: https://www.cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (дата обращения: 18.09.2026).

8. Обновленный обзор мировой экономики: Глобальная экономика на стыке войн и технологий. Июль 2026 г. / Международный валютный фонд. - Вашингтон, округ Колумбия: МВФ, 2026. - Текст: электронный. - URL: https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2026/07/08/world-economic-outlook-update-july-2026 (дата обращения: 18.09.2026).

9. Перспективы мировой экономики. Июнь 2026 г. / Всемирный банк. - Вашингтон, Округ Колумбия: Всемирный банк, 2026. - 200 с. - Текст: электронный. - URL:

https://thedocs.worldbank.org/en/doc/2b672b3b0415d6b66c45b66579db4ef5
0050012026/original/GEP-Jun-2026.pdf (дата обращения: 18.09.2026).

10. Порфирьев, Б. Н. Адаптация российской экономики к санкционным ограничениям: сценарные оценки и факторы устойчивости / Б. Н. Порфирьев, А. А. Широв, М. С. Гусев. - Текст: непосредственный // Вопросы экономики. - 2024. - № 5. - С. 5-28.

11. Россия: список обозначений и уведомления о санкциях / Министерство иностранных дел, по делам содружества и развития. - Текст: электронный // GOV.UK. - Обновлено 11 сентября 2026 г. - URL: https://www.gov.uk/guidance/russia-list-of-designations-and-sanctions-notices (дата обращения: 18.09.2026).

12. Санкции против вредной зарубежной деятельности России: программные материалы и генеральные лицензии / Министерство финансов США, Управление по контролю за иностранными активами. - Текст: электронный. - URL: https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/russian-harmful-foreign-activities-sanctions (дата обращения: 18.09.2026).

УДК 338.2:656

ГРАВИТАЦИОННОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОБЪЕМОВ ПАССАЖИРСКИХ АВИАПЕРЕВОЗОК В ТУРИСТИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Погудалова Юлия Юрьевна,
старший преподаватель кафедры № 23 «Аэропортов и авиаперевозок»,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова»,
(г. Санкт-Петербург. E-mail: pogudalovayy@spbguga.ru)

Аннотация. В статье отражен подход к гравитационному прогнозированию объемов авиаперевозок в развивающиеся туристические локации на основе адаптации известной модели гравитации к исследованию взаимодействий в сегменте воздушный транспорт / внутренний туризм. Приводится математический аппарат модели прогнозного пассажиропотока региональных аэропортов, уточняется параметр модели «сопротивление».

Ключевые слова: гравитационная модель, воздушный транспорт, внутренний туризм, пассажиропоток, развитие

GRAVITY FORECASTING OF PASSENGER VOLUMES AIR TRANSPORTATION IN THE TOURIST REGIONS OF RUSSIA

Yulia Pogudalova,
Senior Lecturer at the Department No. 23 of Airports and Air Transportation,
St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov,
(St. Petersburg. E-mail: pogudalovayy@spbguga.ru)

Annotation. The article presents an approach to gravitational forecasting of air traffic volumes in developing tourist destinations, based on adapting a well-known gravity model to study interactions in the air transport / domestic tourism segment. The mathematical framework of the model for forecasting passenger traffic at regional airports is presented, and the “resistance” parameter of the model is refined.

Keywords: gravity model, air transport, domestic tourism, passenger traffic, development.

К задачам стратегического развития туризма в РФ отнесены создание конкурентоспособного отечественного турпродукта, а также стимулирование спроса и рост доступности турпродукта РФ на внутреннем и внешнем рынках, что невозможно без соответствующего совершенствования рынка авиаперевозок и инфраструктуры воздушного транспорта.

Особенностью концепции устойчивого развития является применение системного подхода к развитию экономики, при котором экономическое развитие рассматривается не изолированно, а в совокупности с другими системами, в том числе и пространственной. Особым звеном теории взаимодействий является теория гравитационного прогноза.

Гравитационное моделирование и прогнозирование движения взаимосвязанных объектов в экономике основывается на аналогии с законом всемирного тяготения Ньютона. Использование гравитационного моделирования в анализе пространственных взаимодействий в ходе литературного обзора обнаружено в составе зарубежных и отечественных научных исследований в качестве методологического фундамента. В работе Я. Тинбергене использовано гравитационное уравнение к потокам международной торговли [5, 6, 7, 8, 10], что заложило основу для применения таких моделей в анализе взаимодействий экономических систем. В контексте оценки взаимосвязанного развития отраслей она используется для моделирования интенсивности потоков между различными экономическими агентами или секторами: идея заключается в том, что сила взаимодействия между двумя экономическими объектами прямо пропорциональна их «экономической массе» (объему выпуска, ВВП, количеству занятых) и обратно пропорциональна «расстоянию» (ограничениям) между ними (транспортные издержки, тарифные барьеры, культурные или технологические различия).

Материалы Андерсена Дж. [5] включили теоретическое обоснование эмпирической модели, использующей свойства функций расходов. П. Кругман в работе [9] развил идеи «новой экономической географии», где гравитационные силы играют значимую роль в концентрации производства, объяснив причину взаимодействия и группировки отраслей (эффект «центра-периферии») на основе масштаба рынка и его влияния на специализацию и темпы роста взаимосвязанных секторов экономики. В исследовании [7] авторов Т. Гроше, Ф. Ротлауф, А. Хайнцль выполнен расчет параметров гравитационной модели для рынка авиаперевозок для прогнозирования объемов перевозок пассажиров авиакомпаний для более чем 20 000 пар городов. Кроме того, в фокусе исследования является влияние качества транспортной инфраструктуры (включая аэропортовую) на туристическую привлекательность дестинации. Авторы используют данные 28 стран для доказательства большей чувствительности турпотока к качеству аэропортовой инфраструктуры, нежели к цене проживания.

В отечественной литературе также представлены результаты исследований пространственного взаимодействия регионов на основе гравитационного моделирования. Так, в работах С.Н. Леонова [1,2] выполнен анализ взаимосвязей регионов ДФО на основе «эффекта границы», специфики огромных расстояний при анализе северных и дальневосточных аэропортов, неравномерности распределения на Дальнем Востоке ресурсов и капитала в крупных центрах (полюсах роста). В работе Мачерета Д. А., Кудрявцевой А. В. [3] приводится математическая интерпретация гравитационного подхода на железнодорожном транспорте, отражены вопросы снижения «экономического расстояния» и стимуляции роста ВРП. Прогнозирование спроса на авиаперевозки в РФ, выполненное Пятницким А. А. [4] на основе гравитационной модели как инструмента среднесрочного прогнозирования пассажирского спроса, позволило сделать вывод о применимости данной модели к российскому рынку авиаперевозок в условиях санкций и кризисов на основе расчета коэффициентов эластичности спроса по доходу и цене для внутренних линий РФ.

Идея настоящего исследования основывается на том предположении, что спрос на авиаперевозки является вторичным (производным), так как пассажиры используют услуги авиаперевозчика не ради самого полета, а ради достижения цели в пункте прибытия (внутреннего туризма). В этом случае применение гравитационной модели для прогнозирования пассажиропотока на воздушном транспорте в зависимости от взаимосвязанного показателя турпотока позволит обосновать объем спроса на турпродукт, включающий авиаперевозки, а также оценить возможность его увеличения при снижении стоимости авиабилетов (к примеру, за счет субсидий) либо строительства новых средств размещения в регионах России. Использование гравитационной модели предполагает выполнение следующих этапов работ по прогнозированию:

1. Сбор ретроспективных данных по показателям пассажиропотока, стоимости авиабилетов, емкости средств размещения туристов и пр.

2. Определение параметров модели с помощью регрессионного анализа.

3. Разработка сценариев развития: задаются будущие изменения параметров (к примеру, запуск программы субсидирования авиаперевозок в туристский либо строительство нового курорта).

4. Формирование прогноза в созданной модели, расчет прогнозного объема авиаперевозок пассажиров.

Использование и корректировка гравитационной модели для решения задачи взаимосвязанного развития авиаперевозок и точек роста внутреннего туризма предполагает модификацию основной формулы следующим образом:

$$F_{ij} = G \cdot \frac{M_i^{\alpha} \cdot T_j^{\beta}}{C_{ij}^{\gamma}} \quad (1)$$

где F_{ij} — прогнозируемый годовой поток туристов-пассажиров из i-города отправления (город отправления массового турпотока, например, Москва или Санкт-Петербург) в туристический j-регион через местный региональный аэропорт;

M_i - выталкивающая сила (потенциал спроса, масса отправления) i-города отправления.

T_j - емкость дестинации (туристический потенциал - привлекательность туробъекта / туристского региона), измеряется числом мест размещения в гостиницах/отелях или емкостью туристической инфраструктуры региона j.

C_{ij} – параметр сопротивления в модели (обобщенная стоимость поездки). Для авиаперевозок она включает стоимость авиабилета туда-обратно (P_{ij}) и времени в пути с учетом пересадок (t'_{ij}), т.е. определяется как

$$C_{ij} = f(P_{ij}, t'_{ij}) \quad (2)$$

G — глобальная константа масштаба.

M_i рассчитывается как произведение населения города на средний уровень дохода:

$$M_i = H_i \cdot Д_i , \quad (3)$$

где H_i – население региона;

$Д_i$ - средний уровень дохода (среднемесячной заработной платы). Индекс определяется соотношением среднегодовой заработной платы в Санкт-Петербурге (95 тыс. руб.) к среднегодовому уровню заработной платы в РФ.

α, β, γ — коэффициенты эластичности, которые показывают, насколько сильно поток реагирует на изменение доходов населения (α), расширение мест размещения в туризме региона (эффект масштаба отелей, β) или изменение цен на авиабилеты (эффект снижения барьера цены, γ).

Рассчитанное по данной формуле (1) значение F_{ij} - прогнозируемого годового потока туристов-пассажиров из i-города отправления может оценить прогнозное его значение за период, равный месяцу (сезон пикового спроса), так как емкость дестинации, выраженная в показателе $ЧМ_{ксp}$ показывает, сколько туристов одновременно могут принять все отели, санатории и базы отдыха региона в любой фиксированный день месяц. Кроме того, расчет показателя по этой формуле производится без учета транзитного турпотока (*Tr*) в крупных аэропортах-хабах, при условии полного заполнения $ЧМ_{ксp}$ и без учета оборота турпотока, т.е. сменяемости туристов, обратно пропорциональной числу дней посещения туристского региона.

В целом модель прогнозирования пассажиропотока аэропорта за период времени T' (t=1…T', мес.) из i-города отправления в туристический j-регион емкостью T_j через местный региональный аэропорт может быть представлена в следующем виде:

$$F_{ijt} = \sum_{t=1}^{T'} \left(G_{jt} \cdot \frac{(M_{it} + Tr_t)^{\alpha} \cdot (ЧМ_{ксp_{jt}} \cdot О_{п_{jt}} \cdot Кз_{ксp_{jt}})^{\beta}}{C_{ijt}^{\gamma}} \right) \quad (4)$$

Годовой пассажиропоток аэропорта, связанный с перевозкой пассажиров-туристов, из

разных городов РФ при реализации программ развития внутреннего туризма и стимулирования пассажиропотока в период времени Т' составит:

$$F_j^{T'} = \sum_{i=1}^{n} \sum_{t=1}^{T} F_{ijt} \quad (5)$$

Важным параметром модели является сопротивление G_{jt}, а его выбор определяет точность и значимость гравитационной модели для практического применения. Поведение пассажира в современных условиях не всегда определяется расстоянием, ограничителя его поведения часто зависят от региона проживания, уровня платежеспособного спроса и прочих факторов. Ситуационная матрица формирования показателя G_{jt} приведена в таблице 4. Кроме заложенной в формулах стоимости авиабилета либо времени в пути, могут быть применены также и другие параметры сопротивления, по-разному значимые для пассажира в разных ситуациях. Среди них можно отметить следующие (табл.1).

С1. Суммарные транспортные расходы, включающие в себя платежи, время, которое также можно перевести в денежный эквивалент (например, через сопутствующие расходы при более длительном периоде поездки).

С2. Показатель, отражающий частоту и регулярность авиарейсов. Например, для Дальнего Востока и регионов Крайнего Севера критичным параметром является регулярность полетов. Стоимость ожидания также может быть рассчитана на основе модели в денежном эквиваленте.

С3. Показатель, отражающий риск задержки. В условиях Крайнего Севера нередко метеоусловия парализуют авиасообщение. Пассажир (особенно деловой или турист с жесткими датами) закладывает риск задержки рейса как барьер. Расчет строится на основе оценки исторической вероятности отмены либо задержки рейса более 6 часов в аэропорту, а денежная оценка задержки на основе субъективных потерь пассажира.

С4. Условия поездки (с пересадкой, стыковкой и пр.). Прямой рейс и рейс с пересадкой по-разному воспринимаются пассажирами. Каждая пересадка — это стресс, риск потери багажа и утомляемость.

С5. Инфраструктурное «сопротивление», включающее время и стоимость «последней мили», т.е. пути от аэропорта прилета до конечной точки (например, до КСР).

Таблица 1

Ситуационная матрица формирования показателя G_{jt}

Сегмент авиапассажиров / клиенты внутреннего туризма	Показатель G_{jt}	Примечания
Бюджетный туризм (молодежный, семейный)	С1, С5	Чувствительность к цене авиабилета за счет стыковок, пересадок
Регионы Крайнего Севера, Дальнего Востока	С2, С3	При субсидировании авиаперелетов ограничителем является отсутствие ВС или неблагоприятные погодные условия, препятствующие перелету.
Аэропорты-хабы в туристских локациях	С4, С5	Планирование пассажиропотока и его распределения по прямым рейсам и с пересадками в хабах.
Аэропорты с неразвитым сообщением «последней мили»	С5	Модернизация терминала аэропорта не создаст синергии в сегменте ВТ-ВнТ без возможности оптимизации сообщения (АТ, ЖД) до мест размещения туристов

Оптимальным вариантом включения в модель показателя G_{jt} будет использование параметра обобщенных транспортных затрат с учетом специфики отдаленный регионов, например, Дальнего Востока. Тогда модель G_{jt} будет выражена зависимостью от следующих параметров:

$$G_{jt} = f(C1, C3) \quad (6)$$

Таким образом, применительно к отраслевому развитию гравитационная модель позволяет оценить синергетический эффект, выявить барьеры, прогнозировать создание кластеров, т.е. выполнять моделирование оптимального пространственного размещения объектов для минимизации «расстояния». Как доказано авторами, этот метод в сравнении с экстраполяционным прогнозированием позволяет успешно использовать факторное эконометрическое моделирование для обоснования проектов развития на воздушном транспорте.

Список литературы

1. Леонов С.Н. Опыт реализации концепции полюсов роста в развитии Дальнего Востока России // Регионалистика, 2019, т.6, № 6, с.88-101.

2. Леонов С.Н., Барабаш Е.С. Стратегическое управление развитием территории. М: КНОРУС, 2020, с.24-36

3. Мачерет Д. А., Кудрявцева А. В. (2017). Оценка влияния транспортной доступности на экономические связи регионов // Экономика железных дорог, 2017 - №6.- с.12-23.

4. Пятницкий А. А. Гравитационная модель как инструмент среднесрочного прогнозирования пассажирского спроса на авиаперевозки // Научный Вестник МГТУ ГА, 2020. - №23(1). С. 54-65.

5. Anderson, James E. A Theoretical Foundation for the Gravity Equation. The American Economic Review 69, no. 1 (1979): 106–116.

6. Chaney, Thomas. "Distorted Gravity: The Intensive and Extensive Margins of International Trade." The American Economic Review 98, no. 4 (2008): 1707–1721.

7. Grosche, T., Rothlauf, F., & Heinzl, A. (2007). Gravity models for airline passenger volume estimation. Journal of Air Transport Management, 13(4), 175-183. DOI: 10.1016/j.jairtraman.2007.02.001

8. Head, Keith, and Thierry Mayer. "Gravity Equations: Workhorse, Toolkit, and Cookbook." In Handbook of International Economics, edited by Gopinath, Gita, Isard, Walter. "Location Theory and Trade Theory: Short-Run Analysis." The Quarterly Journal of Economics 68, no. 2 (1954): 305–320.

9. Krugman, P. Increasing Returns and Economic Geography. Journal of Political Economy, 1991. 99(3), 483–499.

10. Tinbergen, Jan. Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy. New York: The Twentieth Century Fund, 1962.

УДК 339.92

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ РОССИЙСКИЕ ИТ-КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ: ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И РОЛЬ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА

Полонец Арина Александровна,
студент 3 курса бакалавриата,
направления «Экономика», профиль «Финансы и кредит»
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова», Оренбургский филиал
(460000, Россия, г. Оренбург, ул. Пушкинская, 53
e-mail: arina.polonets@mail.ru)
Колодяжная Анна Юрьевна,
кандидат экономических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова», Оренбургский филиал
(460000, Россия, г. Оренбург, ул. Пушкинская, 53
e-mail: kolodyazhnaya_89@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается роль российских транснациональных ИТ-компаний в условиях глобальных экономических тенденций. На примере Reksoft Group и ПАО «Софтлайн» проанализированы факторы их становления, динамика развития и вклад в национальную экономику. Особое внимание уделено роли иностранного капитала как одному из факторов транснационализации и источнику компетенций для выхода на зарубежные рынки. Показано, что российские корпорации не только успешно экспортируют отечественные технологии в страны Востока, но и участвуют в программах импортозамещения, обеспечивая цифровую независимость России.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, ИТ-сектор, экспортный потенциал, иностранный капитал, импортозамещение, Reksoft, Softline.

TRANSNATIONAL RUSSIAN IT COMPANIES IN THE CONTEXT OF GLOBAL ECONOMIC TRENDS: EXPORT POTENTIAL AND THE ROLE OF FOREIGN CAPITAL

Polonets Arina Alexandrovna,
3rd year bachelor student, Economics program, Finance and Credit profile Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg branch
460000 Russia, Orenburg, Pushkinskaya str., 53
e-mail: arina.polonets@mail.ru
Kolodyazhnaya Anna Yurievna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg branch
460000 Russia, Orenburg, Pushkinskaya str., 53
e-mail: kolodyazhnaya_89@mail.ru

Annotation. The article examines the role of Russian transnational IT companies in the context of global economic trends. Using the examples of Reksoft Group and Softline PJSC, the factors of their formation, development dynamics and contribution to the national economy are analyzed. Particular attention is paid to the role of foreign capital as one of the factors of transnationalization and a source of competencies for entering foreign markets. It is shown that Russian corporations not only successfully export domestic technologies to Eastern countries, but also participate in import substitution programs, ensuring Russia's digital independence.

Keywords: transnational corporations, IT sector, export potential, foreign capital, import substitution, Reksoft, Softline.

В условиях трансформации мировой экономики особую значимость приобретает деятельность российских транснациональных корпораций (ТНК). Согласно теории международных финансов, ТНК выступают ключевыми участниками глобального движения капитала и технологий, а их деятельность напрямую влияет на конкурентоспособность национальных экономик. Транснациональная корпорация определяется как компания, имеющая активы за рубежом и ведущая зарубежную деятельность [1].

В связи со структурной трансформацией российской экономики после 2022 года географическая структура иностранных инвестиций претерпела изменения. Происходит переориентация с западных рынков на страны Ближнего Востока и Азии. Для России, стремящейся укрепить технологический суверенитет и увеличить экспорт высоких технологий, ИТ-сектор становится стратегическим. Проанализируем стратегию развития российских транснациональных ИТ-компаний, на примере Рексофт и Софтлайн.

Reksoft (Рексофт) - это российская многопрофильная технологическая группа, основанная в Санкт-Петербурге. Холдинг располагает девятью отраслевыми центрами экспертизы, которые включают в себя металлургию, энергетику, нефтегазовый сектор, логистику, финансы, страхование, торговлю и государственные инициативы [2]. Основные этапы развития корпорации обозначены на рисунке 1.

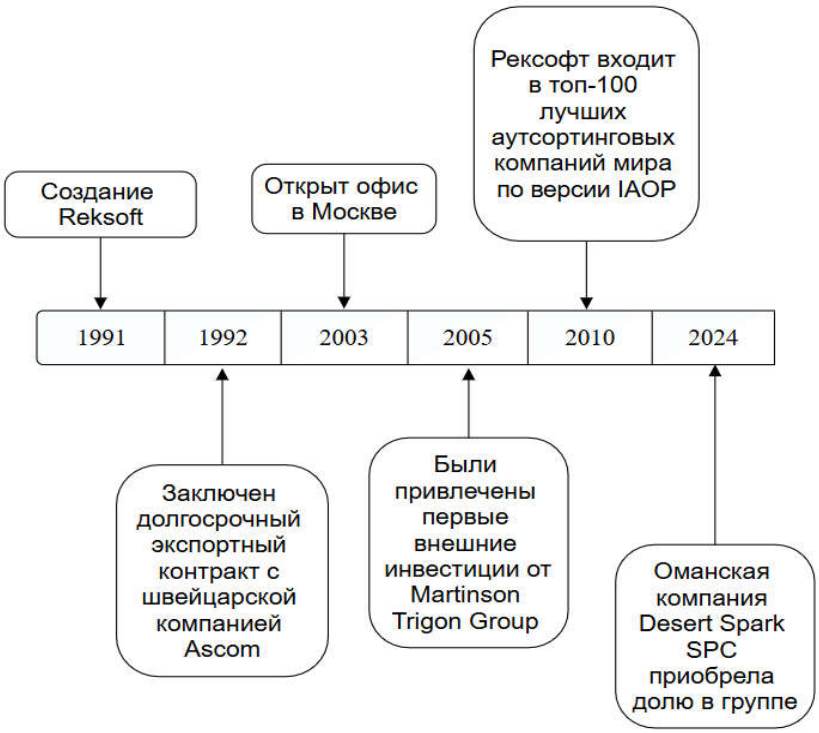

Рисунок 1. Этапы развития компании «Рексофт»

Одним из ключевых факторов транснационализации выступает наличие иностранного капитала. По данным на 2026 год, 16,5% группы Рексофт принадлежит организации Desert Spark SPC, зарегистрированной в Омане. Оставшиеся доли распределены между российскими компаниями. Иностранный капитал открывает Рексофт доступ к рынкам Ближнего Востока и Африки через оманского партнера. В июне 2026 года BankDhofar - крупнейший банк Султаната Оман по размеру филиальной сети - объявил об успешном завершении первого этапа масштабной модернизации своей технологической инфраструктуры, выполненной совместно с российским холдингом. Масштаб проекта подтверждает высокую компетенцию команды Рексофт, которая провела обследование ИТ-ландшафта банка, охватив более 70 систем и свыше 1000 интеграционных потоков. Применение ИИ-инструментов сократило время подготовки технической документации более чем на 70%. Этот пример демонстрирует, что Рексофт является полноценной транснациональной корпорацией, которая реализует технологические проекты для крупнейших финансовых институтов других стран. Успех в Омане укрепляет позиции России как поставщика высоких технологий на международной арене [3].

На территории нашей страны Рексофт активно участвует в процессе импортозамещения, выполняя высокотехнологичные проекты для промышленности и финансового сектора. Холдинг проводит полный цикл перехода с зарубежных систем (SAP, Oracle, Microsoft Dynamics) на отечественное программное обеспечение - 1С, «Турбо», «Галактика», Optimacros и другие. Это обеспечивает 100% сохранность исторических данных, а также соответствие требованиям безопасности объектов критической информационной инфраструктуры. Бизнес-эффекты от импортозамещения включают в себя сокращение закупочного цикла в 2 раза, снижение затрат на снабжение на 20%, а затрат на функцию по подбору персонала на 30% [2].

В 2025 году была создана «Рексофт ИИ Хаб» - технологическая платформа для контролируемого применения генеративного искусственного интеллекта в масштабе российских компаний. Платформа включала в себя более 15 готовых приложений для оптимизации задач. «Рексофт ИИ Хаб» выполняла миссию по обеспечению безопасности и прозрачности работы с искусственным интеллектом. Платформа способствовала ускорению запуска продуктов и минимизировала риски утечек данных. Это особенно важно в условиях, когда в российском бизнесе происходили процессы цифровой трансформации. Рексофт не просто замещала ино-

странное программное обеспечение, но и создавала собственные продукты, способствующие укреплению технологического суверенитета России [2].

Рассмотрим деятельность группы компаний Softline (Софтлайн), которая была основана в Москве как поставщик лицензионного программного обеспечения. Сначала она специализировалась на дистрибуции продуктов Wolfram Research, Mathsoft и других вендоров, что позволило сформировать устойчивую клиентскую базу, а также активно вести международную торговлю [4]. Становление ИТ-холдинга отражено на рисунке 2.

До 2022 года Софтлайн являлась классической транснациональной корпорацией. Головная структура Softline Holding plc была зарегистрирована на Кипре. Бизнес охватывал более 50 стран мира. Акции торговались на Лондонской бирже. Иностранный капитал обеспечивал доступ к глобальным финансовым ресурсам, а зарубежные офисы к международным рынкам.

В 2022 году в результате геополитических изменений ИТ-бизнес был разделен на две независимые структуры. Международная часть продолжила работу под брендом Noventiq, сохранив зарубежные активы и штаб-квартиру в Лондоне. Российская часть осталась в юрисдикции РФ под брендом ПАО «Софтлайн» и стала независимой компанией. Иностранного капитала на 2026 год в текущей структуре собственности нет. Однако несмотря на его отсутствие Софтлайн сохранила ключевой признак ТНК - международную деятельность. После 2024 года ИТ-холдинг расширил горизонты мировой торговли и открыл офисы в ОАЭ, Индонезии. Они выполняют функцию проводников российских ИТ-проектов на рынки Востока: компания экспортирует собственные продукты в области кибербезопасности и цифровой трансформации [4].

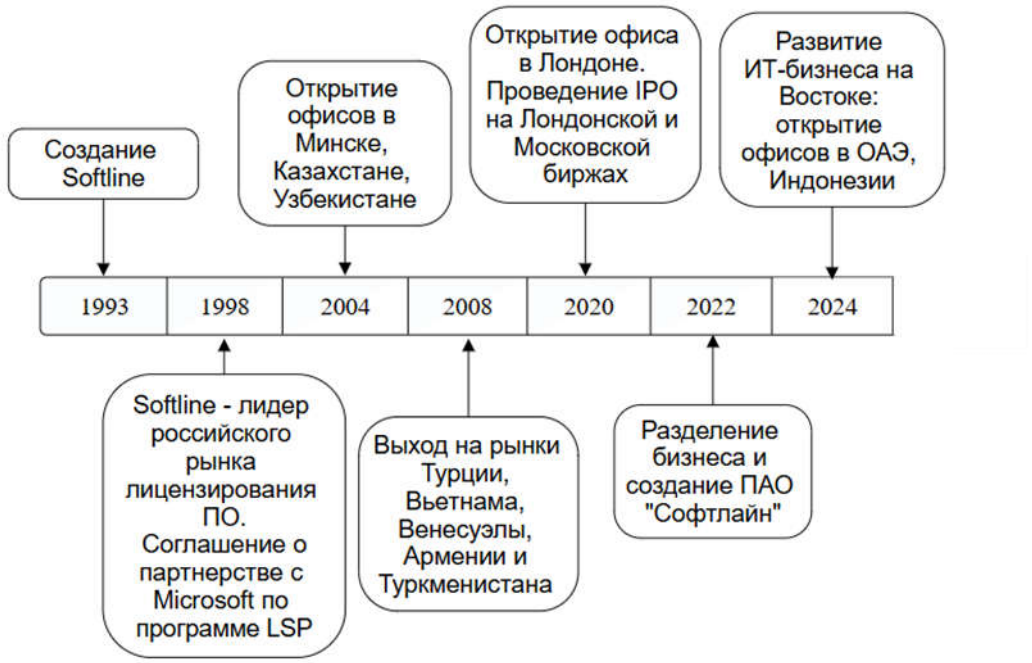

Рисунок 2. Этапы развития компании «Софтлайн»

Софтлайн реализует стратегию открытия хабов - центров экспертизы для продвижения российских ИТ-решений. Через казахстанский офис корпорация предоставляет полный комплекс услуг от пилотирования и внедрения до технического сопровождения и обучения. Холдинг продвигает собственные флагманские разработки (AiLine, Robin RPA, Proteqta, CyberDef) и решения российских вендоров через хаб в Дубае. Офис в Хошимине (Вьетнам) сфокусирован на AI и кибербезопасности. Офисы в Ташкенте и Индонезии предоставляют решения местным заказчикам в области искусственного интеллекта, кибербезопасности и цифровизации промышленности. Софтлайн не просто продает лицензии, а создает центры компетенций на целевых рынках, что обеспечивает устойчивый доступ к корпоративному

сегменту за рубежом. Экономическим результатом становится диверсификация выручки и формирование долгосрочных контрактных обязательств с зарубежными заказчиками. Для России это означает экспорт высокотехнологичных услуг и укрепление позиций на рынках Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, что соответствует стратегическим интересам страны в условиях переориентации внешнеэкономических связей [4].

Деятельность ПАО «Софтлайн» охватывает ключевые отрасли российской экономики: государственное управление, образование, промышленность и финансовый сектор. Результаты внедрения решений говорят о вкладе в повышение эффективности отечественных организаций. В государственном секторе и образовании Softline реализует проекты импортозамещения в рамках сервиса Softline Enterprise Agreement. В НИЯУ «МИФИ» была внедрена система управления ИТ-активами через единый Лицензионный центр, что обеспечило полную картину закупок лицензий по всем филиалам. Проект для промышленных объектов «Портэнерго» по автоматизации учета и инвентаризации позволил сократить трудозатраты в пять раз и обеспечить получение данных о местоположении оборудования в режиме реального времени. В финансовом секторе для МБ РУС Банка внедрена BPM-система, ускорившая обработку клиентских обращений и автоматизировавшая управление лизинговыми контрактами. Софтлайн обеспечивает комплексную цифровую трансформацию отраслей и укрепление технологической независимости России [4].

Софтлайн за 33 года прошел путь от небольшого российского реселлера до ИТ-группы, которая смогла сохранить международные торговые связи и адаптироваться к новым экономическим условиям. Холдинг получил международный статус, что обеспечило ему доступ к мировому рынку инноваций. Софтлайн стала новой моделью ТНК - национальную по капиталу, но глобальную по масштабу операций. Это выразило трансформацию понятия транснациональности в условиях геополитических ограничений. Ключевым критерием выступила географическая диверсификация операций. Для систематизации данных о двух корпорациях и оценки их вклада в экономику нашей страны составим таблицу 1.

Таблица 1.

Роль транснациональных ИТ-компаний в укреплении технологического суверенитета России

Компания	Reksoft Group	Softline
Характеристика деятельности	Заказная разработка ПО, промышленная автоматизация, финтех	Инвестиционно-технологический холдинг: цифровая трансформация, кибербезопасность
Доля иностранного капитала	16,5% — Desert Spark SPC (Оман)	Иностранный капитал присутствовал до 2022 года. Акционеры на 2026 год: ООО «Алварус Капитал» - 46,4%, институциональные владельцы - 26,3%, прочие акционеры - 21,0%, члены органов управления - 1,6%.
Страны присутствия	Оман, страны Ближнего Востока	Казахстан, Узбекистан, ОАЭ, Вьетнам, Индонезия
Вклад в экономику России	Импортозамещение в промышленности и авиации; укрепление экспортного потенциала	Системообразующее предприятие; экспортный хаб для российских IT-решений
Ключевые проекты	Проект для BankDhofar (Оман), платформа «Рексофт ИИ Хаб»	Softline Enterprise Agreement, SaluteJazz – AI-платформа коммуникаций

Источник: составлено автором на основе данных [2,3,4].

Проведенный анализ двух российских ИТ-компаний Reksoft Group и ПАО «Софтлайн» отражает роль транснациональных корпораций в укреплении технологического суверенитета России. Рексофт представляет собой классический тип ТНК, где иностранный капитал присутствует в структуре собственности: 16,5% принадлежит оманской Desert Spark SPC. Это обеспечивает компании прямой доступ к рынкам Ближнего Востока и Африки, что подтвер-

ждается успешной реализацией продуктов для BankDhofar - крупнейшего банка Омана. Reksoft сохраняет все признаки ТНК: иностранный капитал, зарубежные проекты.

Софтлайн демонстрирует иную модель. До 2022 года компания являлась классической ТНК, акции которой торговались на Лондонской бирже. Торговля велась в более чем 50 странах. После разделения бизнеса иностранный капитал был утрачен, однако международная деятельность сохранялась. Офисы в Казахстане, Узбекистане, ОАЭ, Вьетнаме и Индонезии продолжают функционировать и сейчас. Экспорт российских ИТ-решений в области кибербезопасности и цифровой трансформации наращивает обороты. Это позволяет рассматривать Софтлайн как «новую модель ТНК» с национальным капиталом и осваивающую мировую торговлю благодаря инновациям.

Корпорации активно участвуют в цифровой трансформации экономики России. Рексофт укрепляет экспортный потенциал через участие в международных проектах, демонстрируя способность разработчиков нашей страны конкурировать на глобальном рынке высоких технологий. Softline реализует заказы импортозамещения в госсекторе, образовании, промышленности и представляет достижения отечественных разработок на рынках Востока.

Таким образом, российские транснациональные ИТ-корпорации адаптировались к новым геополитическим условиям, сохранив ключевой признак - международную деятельность. Отечественные ИТ-компании вносят значительный вклад в укрепление технологического суверенитета России и развитие экспорта в сфере высоких технологий. Их опыт демонстрирует, что транснациональность в новых экономических условиях определяется не столько структурой капитала, сколько способностью организации осваивать международные рынки, создавать зарубежные центры компетенций и реализовывать уникальные решения за рубежом.

Список литературы

1. Международные финансы : учебник и практикум для вузов / В. Д. Миловидов [и др.] ; ответственные редакторы В. Д. Миловидов, К. Е. Мануйлов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 528 с. — (Высшее образование). — Текст : непосредственный.

2. Reksoft: официальный сайт. - URL: https://www.reksoft.com/ (дата обращения: 14.09.2026). - Текст: электронный.

3. Группа Рексофт. Сведения из Единого государственного реестра юридических лиц // Федеральная налоговая служба - URL: https://egrul.nalog.ru/index.html (дата обращения: 13.09.2026). - Текст: электронный.

4. Софтлайн Решения: официальный сайт. - URL: https://softline.ru/ (дата обращения: 14.09.2026). - Текст: электронный.

УДК 332.146.2

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Ремкевич Михаил Дмитриевич,
магистрант,
ФГБОУ ВО Вологодская ГМХА имени Н.В. Верещагина
(160555, Российская Федерация, Вологодская область,
городской округ город Вологда, село Молочное,
улица Шмидта, дом 2. E-mail: ddd.kkkl@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу кластерного подхода как инструмента структурной модернизации региональных агропромышленных комплексов (АПК).

В работе рассматриваются теоретические основы кластеризации применительно к специфике сельскохозяйственного производства и перерабатывающей промышленности.

Автором обосновывается тезис о том, что в условиях высокой волатильности рынков

и санкционного давления именно кластерная форма организации позволяет региональным АПК преодолеть фрагментарность хозяйствующих субъектов и выйти на новый уровень переработки сырья.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, кластерная политика, региональная экономика, конкурентоспособность, импортозамещение, кооперация, добавленная стоимость, продовольственная безопасность.

CLUSTER APPROACH AS A MECHANISM FOR THE DEVELOPMENT OF REGIONAL AGRO-INDUSTRIAL COMPLEXES

Remkevich Mikhail Dmitrievich,
Master's student,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vologda State Agricultural Academy named after N.V. Vereshchagin"
(160555, Russian Federation, Vologda Oblast, urban district of the city of Vologda, village of Molochnoye, Schmidt Street, house 2. E-mail: ddd.kkkl@yandex.ru)

Annotation. The article is devoted to the analysis of the cluster approach as a tool for the structural modernization of regional agro-industrial complexes (AICs).

The paper examines the theoretical foundations of clustering in relation to the specifics of agricultural production and the processing industry.

The author substantiates the thesis that, in conditions of high market volatility and sanctions pressure, it is the cluster form of organization that enables regional AICs to overcome the fragmentation of economic entities and reach a new level of raw material processing.

Keywords: agro-industrial complex, cluster policy, regional economy, competitiveness, import substitution, cooperation, added value, food security.

Современный этап развития отечественной экономики характеризуется поиском новых источников роста на региональном уровне. Агропромышленный комплекс здесь занимает особое положение. С одной стороны, это сфера обеспечения базовых потребностей и продовольственной безопасности. С другой — это сложная многоуровневая система, объединяющая производство сырья, переработку, логистику и сбыт. Долгое время развитие АПК во многих субъектах федерации носило экстенсивный характер, а производители сельхозпродукции оставались в роли поставщиков сырья с минимальной долей маржинальности. Преодоление этой модели невозможно без системной интеграции участников рынка, и кластерный подход в этих условиях рассматривается как один из наиболее действенных механизмов.

Актуальность темы обусловлена не только макроэкономическими вызовами, но и необходимостью комплексного развития сельских территорий. В отличие от разрозненных мер поддержки, кластерная политика нацелена на создание внутренних связей и мультипликативного эффекта.

Теоретические аспекты формирования агропромышленных кластеров. Понятие кластера достаточно прочно вошло в научный и управленческий оборот со времен работ М. Портера, трактовавшего его как географическую концентрацию взаимосвязанных компаний и институтов в определенной сфере. Применительно к АПК это определение приобретает свою специфику. В силу природно-климатических особенностей и привязки к земельным ресурсам агрокластеры, как правило, имеют четкую региональную локализацию.

В структуру агропромышленного кластера входят не только крупные агрохолдинги, но и фермерские хозяйства, перерабатывающие заводы, логистические центры, научные учреждения (аграрные вузы, селекционные центры), а также организации финансовой поддержки [1]. Ценность кластерного подхода для АПК заключается в возможности сгладить противоречие между малым бизнесом и крупным капиталом. Малые формы хозяйствования (КФХ, ЛПХ) получают гарантированный рынок сбыта и доступ к технологиям, а крупные

переработчики — стабильную сырьевую базу без необходимости скупать земельные паи или строить непрофильные активы.

Современные исследования все чаще указывают на то, что эффективность кластера напрямую зависит от уровня развития кооперационных связей. Как отмечают авторы монографии по управлению промышленностью, кластер не работает как механическая сумма участников: необходим центр компетенций, обеспечивающий трансфер знаний и технологий [2].

В АПК таким центром часто выступает перерабатывающее предприятие или оптово-распределительный центр (ОРЦ), который диктует стандарты качества и берет на себя логистические функции.

Практическая значимость и эффекты кластеризации для экономики регионов. Оценка результатов функционирования агрокластеров в последние годы становится предметом активных эмпирических исследований. В связи с политикой импортозамещения и смещением фокуса на глубокую переработку сырья, интерес представляет опыт регионов, где кластеризация была запущена не сверху, а инициирована снизу, то есть самими товаропроизводителями.

Показательным является исследование, проведенное в 2024 году коллективом экономистов на базе данных по нескольким регионам Приволжского и Центрального федеральных округов. Авторы проанализировали динамику выручки и инвестиций в основной капитал предприятий, входящих в состав агропромышленных кластеров, по сравнению с аналогичными предприятиями, работающими вне кластерной инфраструктуры. Результаты показали, что у компаний-участников объединений темпы роста производительности труда оказались в среднем на 14–18% выше. Основным фактором такого разрыва была названа возможность совместного использования дорогостоящей инфраструктуры (элеваторов, холодильных мощностей, сертифицированных лабораторий), которая в одиночку недоступна малому бизнесу [3].

Еще один свежий срез проблемы касается цифровизации. В исследовании 2025 года, посвященном отраслевым кейсам, подчеркивается, что агрокластеры становятся драйверами внедрения цифровых сервисов «от поля до прилавка». Речь идет о системах прослеживаемости продукции, агроскаутинге и платформенных решениях для сбыта. Кластерный каркас позволяет стандартизировать данные, поступающие от множества разрозненных поставщиков, что делает цифровую трансформацию экономически целесообразной. Авторы делают вывод, что без горизонтальной интеграции цифровизация АПК так и осталась бы уделом крупных холдингов, тогда как кластеры позволяют масштабировать технологии на малые формы [3].

Однако было бы неверно идеализировать модель. На практике при создании кластеров возникает ряд проблем. Часто инициатива исходит от региональных администраций, которые стремятся «освоить» субсидии, но не прорабатывают бизнес-модель ядра кластера. В результате получается формальное объединение, подписавшее соглашения о намерениях, но не ведущее совместной хозяйственной деятельности. Экономический эффект от таких псевдокластеров стремится к нулю, а имиджевые риски для самой идеи кластеризации возрастают.

Организационно-управленческие механизмы развития. Исходя из анализа существующих практик, можно выделить несколько условий, при которых кластер становится реальным инструментом развития регионального АПК. В первую очередь, это наличие якорного инвестора, обладающего компетенциями в переработке и выходе на федеральные торговые сети. Во-вторых, это глубокая вовлеченность научно-образовательного блока. Аграрные университеты в структуре кластера играют роль поставщика кадров и технологий, а не просто номинального участника соглашения [1].

Кроме того, современная кластерная политика должна учитывать изменение логистических маршрутов. Традиционные схемы «регион-центр» уступают место межрегиональной

кооперации. Поэтому в последние годы перспективной формой считается формирование межрегиональных агропромышленных кластеров, объединяющих сырьевые зоны одного субъекта федерации и перерабатывающие мощности другого. Это требует разработки гибких межбюджетных механизмов, но позволяет избежать дублирования производств.

С точки зрения управления, важно также переходить от прямого субсидирования к софинансированию сервисной инфраструктуры. Опыт показывает, что вложения в строительство общих логистических хабов или центров коллективного пользования техникой дают больший мультипликативный эффект, чем раздача грантов отдельным хозяйствам [2]. Это смещает фокус с поддержки «точек» на поддержку «сетей».

Кластерный подход зарекомендовал себя как эффективный инструмент структурной перестройки региональных АПК. Он позволяет преодолеть сырьевую направленность агропрома, замкнуть цепочку добавленной стоимости внутри региона и создать устойчивые стимулы для технологического развития. Как показывает анализ недавних публикаций, предприятия, включенные в кластерные сети, демонстрируют более высокую динамику производительности и быстрее адаптируются к цифровой среде. Однако успех кластеризации напрямую зависит от качества управления процессами интеграции. Только при условии наличия мотивированного ядра, реальной кооперации и вложений в общественную инфраструктуру агрокластер становится не просто модной экономической категорией, а рабочим механизмом экономического роста территории.

Список литературы

1. Современные проблемы экономики, организации и управления предприятиями, отраслями и комплексами : сборник научных трудов по материалам конференции / под общ. ред. И. А. Минакова. — Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. техн. ун-та, 2024. — 212 с. — ISBN 978-5-8265-2654-0. — Текст : непосредственный.

2. Управление промышленностью в России: экономика, экология и общество : монография / А. А. Гибадуллин, В. Н. Пуляева, Е. Н. Харитонова, Н. А. Харитонова ; Государственный университет управления. — Москва : Издательский дом ГУУ, 2019. — 184 с. — ISBN 978-5-215-03192-6. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=41482763 (дата обращения: 27.06.2026). — Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. — Текст : электронный.

3. Дорман, В. Н. Экономика организации. Ресурсы коммерческой организации : учебное пособие / В. Н. Дорман ; под ред. Н. Р. Кельчевской. — Москва : Юрайт ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 134 с. — (Профессиональное образование). — ISBN 978-5-534-10585-8. — Текст : непосредственный.

4. Смирнов А. В., Тарасов Е. И., Мельникова О. С. Оценка эффективности кластерной политики в АПК: анализ данных регионов Приволжского и Центрального федеральных округов // Региональная экономика: теория и практика. — 2024. — № 11 (530). — С. 2119–2134.

УДК 330.34

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Синицына Ирина Викторовна,
канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и транспорт»,
Крохмалева Елена Георгиевна,
канд. пед. наук, доцент, заведующая кафедрой
инженерии и общеобразовательных дисциплин
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В. Даля», Антрацитовский институт геосистем и технологий (филиал).
(294613, Россия, Луганская Народная Республика,
г. Антрацит, ул. Ильича, д. 1[а]. E-mail: malinka81@bk.ru)

Аннотация. В статье анализируется ключевая роль инвестиционного климата в обеспечении инвестиционной безопасности региона. Автор рассматривает инвестиционный климат как комплексную характеристику, которая формируется под воздействием множества факторов: экономических (инфраструктурных и финансовых), институциональных (качество государственного управления, прозрачность законодательства) и социальных.

Сделаны выводы, что необходимо учитывать влияние кадрового потенциала на конфигурацию делового климата территории. Присутствие высококвалифицированной рабочей силы, продвинутой образовательной инфраструктуры и научно-исследовательской базы усиливает конкурентные позиции локации и расширяет горизонты привлечения наукоемких инвестиций. Новейшие исследования акцентируют усиливающуюся значимость человеческого капитала в качестве драйвера устойчивого хозяйственного прогресса.

Предпринимательский климат выполняет структурообразующую миссию в гарантировании инвестиционной безопасности территории. Его состояние напрямую проецируется на масштабы и качественный состав финансовых потоков, глубину инвестиционных угроз, резистентность хозяйственного развития и потенциал локации в противостоянии экзогенным и эндогенным вызовам. Комфортная деловая атмосфера катализирует подъем инвестиционной активности, формирование долгосрочных конкурентных преимуществ и укрепление стабильности территориальной экономической системы. В текущих условиях обеспечение защищенности капиталовложений недостижимо без целенаправленного курса на совершенствование инвестиционной среды, демонтаж бюрократических барьеров и развитие институциональной поддержки инвесторов.

Ключевые слова: инвестиция, инвестиционный климат, регион, социально-экономическое развитие, капитал, инвестиционная активность, инвестиционный проект.

INVESTMENT CLIMATE AS A FACTOR ENSURING REGIONAL INVESTMENT SECURITY

Sinitsyna Irina Viktorovna,
candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Economics and Transport;
Elena Georgievna Krokhamleva,
candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Engineering and General Education Disciplines.
V. Dal Luhansk State University,
Antratsit Institute of Geosystems and Technologies (branch).
(294613, Russia, Luhansk People's Republic,
Antratsit, Ilyich Street, building 1a. E-mail: malinka81@bk.ru)

Annotation. The article analyzes the key role of the investment climate in ensuring the investment security of the region. The author considers the investment climate as a complex characteristic that is formed under the influence of many factors: economic (infrastructural and financial), institutional (quality of public administration, transparency of legislation) and social.

It is concluded that it is necessary to take into account the influence of human resources on the configuration of the business climate of the territory. The presence of a highly qualified workforce, an advanced educational infrastructure and a research base strengthens the competitive position of the location and expands the horizons for attracting high-tech investments. The latest research highlights the growing importance of human capital as a driver of sustainable economic progress..

The business climate plays a structuring role in ensuring the investment security of a territory. Its state directly affects the scale and qualitative composition of financial flows, the depth of investment threats, the resilience of economic development, and the location's potential to withstand exogenous and endogenous challenges. A comfortable business environment catalyzes an increase in investment activity, the formation of long-term competitive advantages, and the

strengthening of the stability of the territorial economic system. In the current conditions, ensuring the security of capital investments is unattainable without a targeted approach to improving the investment environment, dismantling bureaucratic barriers, and developing institutional support for investors.

Keywords: investment, investment climate, region, socio-economic development, capital, investment activity, investment project.

На текущем этапе общественно-хозяйственной эволюции деловая среда территории трансформируется в один из базовых детерминант, предопределяющих резистентность локальной экономической системы и результативность воплощения приоритетных векторов пространственного процесса. Обострение конкуренции за ресурсы на фоне распада старых логистических и технологических цепочек кратно повышает ценность внутренних факторов успеха - комфорта и безопасности предпринимательской среды. В новой реальности инвестиционная безопасность доминирует над инвестиционной активностью, превращая качество институтов из фактора развития в фактор национального и регионального выживания.

В новой реальности функция защиты капитала в рамках инвестиционного климата становится гарантом экономической субъектности региона. Согласно актуальным исследованиям, благоприятный инвестиционный климат трансформируется из фактора количественного роста в базовый элемент антикризисного иммунитета региональной экономики.

Научное понимание инвестиционного климата охватывает всю полноту условий ведения бизнеса - от макропоказателей до социальной стабильности, - влияющих на логику распределения капитала [1, 5]. Инвестиционный климат отличается от отдельных показателей тем, что оценивает не столько текущее состояние экономики, сколько качество и связность всех условий, необходимых для реализации проектов. Основы инвестиционного климата составляют следующие группы факторов: инфраструктура, законодательство, качество управления, налоговая политика, административный прессинг и меры господдержки. Выступая комплексной характеристикой территории, инвестиционный климат определяет её ёмкость для капитала, конвертируя общее состояние среды в реальные финансовые потоки.

Инвестиционная безопасность представляет собой антикризисный иммунитет территории, гарантирующий сохранение темпов развития вопреки внутренним шокам и внешнему давлению. Это такое состояние защищенности, при котором угрозы не способны деформировать структуру регионального капитала или прервать цикл его воспроизводства.

Поскольку ресурсы являются следствием активности, а активность - следствием климата, любые провалы в защите инвестиций лежат в плоскости неэффективности предпринимательской среды. Снижение инвестиционной активности вследствие неблагоприятных условий выступает катализатором долгосрочной стагнации: дефицит капитала подрывает экономическую динамику, лишая территорию механизмов саморегуляции и делая неизбежным возникновение глубоких структурных кризисов. Значимость инвестиционного климата определяется его способностью конвертировать текущие вложения в будущий экономический суверенитет и устойчивость региона к любым шокам.

Реализация инвестиционных проектов активизирует цепочку макроэкономических эффектов: от восстановления изношенных фондов и наращивания производственных мощностей до распространения использования инноваций и повышения емкости локального рынка труда. Нехватка капитала переводит региональную экономику в режим активного использования собственных активов, где падение темпов роста сопровождается разрушением производственной базы и социальным расслоением.

Внешние ограничения обесценивают традиционные методы стимулирования, требуя перехода к мобилизационной модели управления внутренним инвестиционным спросом. Анализ функциональных связей между качеством бизнес-среды и уровнем защиты капитала является критически важным пробелом в современной экономической науке. Полноценная инвестиционная среда реализует себя через нормативный, стимулирующий, адаптивный, информационный и защитный контуры. Реализация ключевых функций деловой среды пере-

водит потенциальную нестабильность в управляемую устойчивость, снижая частоту и глубину хозяйственных спадов на территории. Качество институциональной среды функционирует как коэффициент-множитель для инвестиций: эффективные институты ускоряют капитал, неэффективные - обнуляют его движение.

Параметры функционирования капитала устанавливаются административным путем, объединяющим прямое регулирование и косвенное воздействие через инструменты промышленной политики. Качество государственного регулирования является главным мультипликатором антикризисного иммунитета территории. Побудительная функция конвертирует потенциал территории в реальную инвестиционную активность через систему материальных и нематериальных выгод. Стимулировать инвестиции позволяют такие меры, как снижение налоговой нагрузки, поддержка заемщиков, формирование особых режимов предпринимательства и развитие форматов государственно-частного партнерства. На практике доказано: комплексные меры поддержки обеспечивают региону, как количественный рост инвестиций, так и качественное усиление его позиции среди конкурентов. Когда внешние условия становятся нестабильными (санкции, кризисы, изменение цен на сырье), именно способность экономики быстро адаптироваться выходит на первый план. Приспособительная функция перестаёт быть просто полезным свойством - она становится условием выживания инвестиций.

Экономика региона находится под постоянным влиянием внешних факторов: это и изменения в глобальной экономике (макроэкономические параметры), и колебания спроса на товары и услуги (конъюнктурные сдвиги), а также неустойчивость налоговых поступлений и политические ограничения со стороны других стран. В условиях повышенной неопределённости инвестиционный климат должен обеспечивать динамическую адаптацию системы капиталовложений к внешним шокам и сохранение её устойчивости в долгосрочном периоде. Гибкие инструменты поддержки бизнеса выступают в качестве амортизатора, сглаживающего деструктивное воздействие кризисных явлений и обеспечивающего поддержание целевого уровня инвестиционной активности. Реализация осведомительной функции инвестиционного климата заключается в обеспечении информационной прозрачности территории. Для потенциальных инвесторов критически значимым является наличие релевантной информации о локальных инвестиционных возможностях, действующих режимах преференций, объектах инфраструктурного развития и перечне перспективных проектных инициатив.

Эмпирические наблюдения подтверждают, что в современной практике территориального развития регионы активно используют цифровые платформы и специализированные сервисы сопровождения инвесторов для повышения эффективности инвестиционного маркетинга. Повышение информационной прозрачности способствует снижению уровня неопределённости и формированию институционального доверия между органами власти и потенциальными субъектами инвестиционной деятельности. Защитная функция инвестиционного климата реализуется через институциональные механизмы, обеспечивающие снижение уровня инвестиционных рисков. Формирование зрелой институциональной среды, наличие эффективных механизмов защиты прав собственности, оптимизация регуляторных процедур и развитие инструментов хеджирования инвестиционных рисков являются необходимыми предпосылками для обеспечения инвестиционной безопасности территории. При анализе инвестиционного климата необходимо принимать во внимание, как объективные признаки, так и субъективные факторы восприятия инвесторами рисков и возможностей территории. К объективным факторам формирования инвестиционного климата относятся географическое положение территории, обеспеченность природными ресурсами, уровень экономического развития и демографическая структура населения. Указанные характеристики обладают высокой инерционностью и характеризуются низкой динамикой изменений, что обусловливает их относительную стабильность во времени. В то же время значимое влияние оказывают субъективные факторы, обусловленные качеством государственного администрирования, результативностью региональной экономической политики и степенью зрелости институциональной среды.

Современные исследования показывают, что именно субъективные факторы стано-

вятся определяющими в условиях конкуренции между регионами. Территории, обладающие сопоставимыми ресурсными возможностями, могут существенно различаться по объемам привлекаемых инвестиций вследствие различий в качестве инвестиционной политики и уровне развития институциональной среды [2, 5].

Важную роль в обеспечении инвестиционной безопасности играет система оценки состояния инвестиционного климата. Для определения уровня благоприятности инвестиционной среды используются различные методические подходы, основанные на анализе количественных и качественных показателей. В современной практике применяются рейтинговые, индексные и интегральные методы оценки.

Среди наиболее распространенных показателей выделяются объем инвестиций в основной капитал, темпы экономического роста, уровень развития инфраструктуры, состояние рынка труда, показатели предпринимательской активности, административная эффективность и уровень инвестиционных рисков. Комплексная оценка данных показателей позволяет своевременно выявлять негативные тенденции и определять направления совершенствования инвестиционной политики региона.

Следовательно, формирование благоприятного предпринимательского климата следует рассматривать не как вспомогательную меру экономической политики, а как базовый механизм конструирования инвестиционного суверенитета региона. Именно через состояние предпринимательского климата преломляются все ключевые экономические процессы. В том числе от него зависит, притекает ли в регион долгосрочный капитал или это краткосрочные спекуляции; является ли развитие территории устойчивым к сбоям или ломается при первом кризисе; и обладает ли территория реальной способностью трансформироваться перед внешней агрессией.

Комфортная деловая атмосфера катализирует подъем инвестиционной активности, формирование долгосрочных конкурентных преимуществ и укрепление стабильности территориальной экономической системы. В текущих условиях обеспечение защищенности капиталовложений недостижимо без целенаправленного курса на совершенствование инвестиционной среды, демонтаж бюрократических барьеров и развитие институциональной поддержки инвесторов.

Список литературы

1. Асаул А.Н., Пасяда Н.И. Инвестиционная привлекательность региона: современные подходы к оценке // Региональная экономика. 2022. № 3. С. 67-76.

2. Дьяков С.А. Разработка методики оценки инвестиционной безопасности региона как составляющей его экономической безопасности // Экономическая безопасность. 2023. № 2. С. 45–59.

3. Зинченко Т.А. Эффективность инвестиционных вложений: региональный аспект // Региональная экономика: проблемы и перспективы развития в современных условиях: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Невинномысск, 19 декабря 2024 года. – Невинномысск: Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2025. С. 51-54.

4. Петрова Н.В. Интегральные индексы в оценке инвестиционного климата // Региональные исследования. 2025. № 2. С. 33-41.

5. Руднева Н.И., Шпаковская В.С., Захарова О.И. Инвестиционный климат как фактор экономической безопасности региона // Экономические науки. 2023. № 5. С. 78-89.

6. Синицына И.В., Резвая А.Д., Томайлы А.Е., Богачева Е.А. Инвестиционная привлекательность региона и её влияние на формирование конкурентных преимуществ // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. Ставрополь. 2026. №2 (78). С. 124-132.Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки№2 (78)

7. Скипин Д.Л. Инновационно-инвестиционная безопасность региона: риски и воз-

можности // Инновации и инвестиции. 2024. № 1. С. 44–53.

УДК 330.34

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ДРАЙВЕР ГЛОБАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Славиогло Егор Андреевич,
студент,
Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н. Туполева (КАИ)
(420111, Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. К. Маркса, 10. E-mail: slavioglo@mail.ru)
Научный руководитель:
Филина Ольга Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономической теории и управления ресурсами
Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н. Туполева (КАИ)
(420111, Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. К. Маркса, 10.)

Аннотация. В статье рассматривается цифровая трансформация как один из главных факторов современного экономического развития на глобальном и национальном уровнях. Анализируется сущность цифровой трансформации, её влияние на структуру экономики, производительность труда, формирование новых бизнес-моделей и изменение конкурентных преимуществ стран. Особое внимание уделяется российскому опыту, включая динамику затрат на цифровую экономику, вклад сектора информационно-коммуникационных технологий в валовой внутренний продукт и реализацию национальных проектов. Показано, что цифровая трансформация одновременно создаёт новые возможности для роста и порождает серьёзные вызовы, связанные с неравенством, кадровым обеспечением и технологическим суверенитетом.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая экономика, экономический рост, национальные проекты, информационно-коммуникационные технологии, бизнес-модели, технологический суверенитет.

DIGITAL TRANSFORMATION AS A KEY DRIVER OF GLOBAL AND NATIONAL ECONOMIC PROCESSES

Slavioglo Egor Andreevich
Student,
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev (KAI)
(420111, Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan, K. Marx str., 10.
E-mail: slavioglo@mail.ru)
Scientific supervisor: **Filina Olga Vladimirovna,**
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of the Department of Economic Theory and Resource Management
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev (KAI)
(420111, Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan, K. Marx str., 10.)

Annotation. The article examines digital transformation as one of the main factors of modern economic development at the global and national levels. The essence of digital transformation, its impact on the structure of the economy, labor productivity, the formation of new business models and the change in the competitive advantages of countries are analyzed. Special attention is paid to the Russian experience, including the dynamics of costs for the digital economy,

the contribution of the information and communication technology sector to the gross domestic product and the implementation of national projects. It is shown that digital transformation simultaneously creates new opportunities for growth and generates serious challenges related to inequality, human resources and technological sovereignty.

Keywords: digital transformation, digital economy, economic growth, national projects, information and communication technologies, business models, technological sovereignty.

В современной мировой экономике цифровая трансформация стала одним из ключевых драйверов структурных изменений и экономического роста. Под цифровой трансформацией понимают качественные изменения в бизнес-процессах, моделях управления и способах создания стоимости, происходящие в результате широкого внедрения цифровых технологий [5]. В отличие от простой цифровизации, которая сводится к переводу отдельных операций в электронный вид, трансформация затрагивает саму логику функционирования экономических систем и приводит к появлению принципиально новых форм организации хозяйственной деятельности.

На глобальном уровне цифровая трансформация проявляется в нескольких взаимосвязанных процессах. Во-первых, происходит ускоренный рост сектора информационно-коммуникационных технологий и связанных с ним отраслей. Во-вторых, традиционные отрасли экономики -промышленность, сельское хозяйство, транспорт, финансы и торговля - активно внедряют цифровые решения, что приводит к повышению производительности труда и снижению транзакционных издержек. В-третьих, формируются новые платформенные и экосистемные бизнес-модели, которые меняют характер конкуренции и создают дополнительные источники дохода. В-четвёртых, усиливается роль данных как самостоятельного экономического ресурса [1].

Многие исследователи отмечают, что цифровые технологии выступают не просто инструментом повышения эффективности, а фактором, способным изменить траекторию экономического развития стран. Страны, которые успешно проводят цифровую трансформацию, получают конкурентные преимущества в производительности, инновациях и качестве государственного управления. Напротив, отставание в этой сфере грозит закреплением технологической зависимости и снижением конкурентоспособности национальной экономики. Цифровая трансформация становится одним из главных факторов, определяющих место страны в глобальном разделении труда.

В России цифровая трансформация закреплена в качестве одного из стратегических приоритетов государственной политики. С 2025 года реализуется национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», который сменил предыдущую национальную программу «Цифровая экономика» [6]. По предварительным оценкам Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, объём валовых внутренних затрат на развитие цифровой экономики в 2025 году достиг 7,1 трлн рублей, что составляет около 3,3 % валового внутреннего продукта [2;4]. За период с 2019 по 2024 годы эти затраты выросли примерно в 1,7 раза. Вклад сектора информационно-коммуникационных технологий в валовой внутренний продукт страны в последние годы устойчиво растёт и достиг уровня около 3,5 %.

Особое значение имеет то, что цифровая трансформация затрагивает не только высокотехнологичные отрасли, но и традиционные секторы экономики. Внедрение цифровых двойников, систем управления на основе данных, платформенных решений и искусственного интеллекта позволяет повышать эффективность производственных процессов, оптимизировать логистику, улучшать качество услуг и создавать новые продукты. В финансовом секторе цифровая трансформация уже привела к появлению экосистем, которые объединяют банковские, страховые, инвестиционные и нефинансовые сервисы [3;7]. В торговле доминирующее положение заняли маркетплейсы, существенно изменившие структуру розничного рынка и логистических цепочек.

Важным эффектом цифровой трансформации является изменение характера конку-

ренции. Компании, которые раньше конкурировали преимущественно за счёт масштаба производства или доступа к ресурсам, теперь всё чаще конкурируют за счёт скорости адаптации, качества данных и способности выстраивать цифровые экосистемы. Это приводит к перераспределению рыночной власти и появлению новых лидеров, которые ещё недавно не существовали. Одновременно усиливается концентрация в отдельных сегментах цифровой экономики, где несколько крупных игроков контролируют значительную долю рынка.

Вместе с тем цифровая трансформация порождает ряд серьёзных вызовов. Во-первых, она усиливает неравенство между компаниями и регионами, которые способны быстро внедрять новые технологии, и теми, кто остаётся в стороне от этих процессов. Во-вторых, возникает острая потребность в кадрах, обладающих цифровыми компетенциями. Дефицит квалифицированных специалистов становится одним из главных ограничений роста. В-третьих, обостряется проблема технологического суверенитета. В условиях геополитической напряжённости зависимость от иностранных программных продуктов, оборудования и облачных сервисов создаёт дополнительные риски для национальной экономики. В-четвёртых, цифровая трансформация меняет структуру занятости: часть традиционных профессий сокращается, появляются новые, а требования к квалификации работников постоянно растут [1;5].

Отдельно следует отметить влияние цифровой трансформации на государственное управление. Государство выступает одновременно регулятором, заказчиком и активным участником процессов цифровизации. Развитие государственных цифровых платформ, перевод услуг в электронный вид, создание инфраструктуры данных и поддержка отечественных разработок становятся необходимыми условиями успешной трансформации экономики. При этом важно сохранять баланс между стимулированием инноваций и обеспечением информационной безопасности, защитой персональных данных и предотвращением монополизации рынков крупными цифровыми платформами.

Ещё одним важным аспектом является изменение логики экономического роста. Если раньше рост во многом определялся накоплением физического капитала и увеличением занятости, то в условиях цифровой трансформации всё большее значение приобретают нематериальные активы: данные, алгоритмы, цифровые платформы и человеческий капитал. Это требует пересмотра традиционных подходов к измерению экономического развития и оценке эффективности инвестиций.

Таким образом, цифровая трансформация выступает ключевым драйвером как глобальных, так и национальных экономических процессов. Она создаёт новые возможности для повышения производительности, формирования современных бизнес-моделей и укрепления конкурентоспособности. Однако реализация этих возможностей требует системного подхода, включающего инвестиции в инфраструктуру и кадры, развитие отечественных технологий, совершенствование нормативно-правовой базы и повышение уровня цифровой грамотности населения и бизнеса. Только при выполнении этих условий цифровая трансформация сможет стать устойчивым источником экономического роста, а не фактором углубления существующих диспропорций.

Список литературы

1. Варнавский В. Г. Цифровизация как источник экономического роста // Общество и экономика. -2024. -№ 2. -Режим доступа: https://imemo.ru/files/File/ru/Articles/2024/ONS-02-2024-Varnavskii.pdf (дата обращения: 06.09.2026). -Текст : электронный.

2. Индикаторы цифровой экономики: 2026 : статистический сборник / НИУ ВШЭ. - Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2026. -Режим доступа: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1122445658.pdf (дата обращения: 06.09.2026). -Текст : электронный.

3. Крупнейшие российские цифровые экосистемы в 2025–2026 годах // ICT.Moscow. -2026. -Режим доступа: https://ict.moscow/analytics/krupneishie-rossiiskie-tsifrovye-ekosistemy-v-2025-2026-godakh/ (дата обращения: 06.09.2026). -Текст : электронный.

4. Рост расходов компаний «на цифру» замедлился // Коммерсантъ. -2026. -2 марта. -

Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8477068 (дата обращения: 06.09.2026). -Текст : электронный.

5. Цифровая трансформация: теоретико-методологический подход, драйверы и эффекты внедрения // КиберЛенинка. -Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-teoretiko-metodologicheskiy-podhod-drayvery-i-effekty-vnedreniya (дата обращения: 06.09.2026). -Текст : электронный.

6. Цифровая экономика: технологии и стратегии // Росконгресс. -Режим доступа: https://roscongress.org/materials/tsifrovaya-ekonomika-razvitie-klyuchevye-tekhnologii-i-novaya-logika-rosta/ (дата обращения: 06.09.2026). -Текст : электронный.

7. Ягупова Е. А. Цифровая трансформация банковской системы России // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. -2021. -№ 2. -С. 48–55. -Текст : непосредственный.

УДК: 338.24: 332.05

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Тараш Лидия Ивановна,
д.э.н., с.н.с., главный научный сотрудник отдела государственного регулирования и планирования экономики
ГБУ «Институт экономических исследований»
(283048, Российская Федерация, Донецкая Народная Республика
г. Донецк, ул. Университетская, д. 77. E-mail: tarashiep@gmail.com)
Голоднюк Роман Александрович,
к.э.н., доцент, старший научный сотрудник отдела государственного регулирования и планирования экономики
ГБУ «Институт экономических исследований»
(283048, Российская Федерация, Донецкая Народная Республика
г. Донецк, ул. Университетская, д. 77. E-mail: r.a.golodnyuk@mail.ru)

Аннотация. Достижение технологического суверенитета Российской Федерации обусловливает необходимость совершенствования региональных механизмов государственного регулирования научно-технологического развития. Выявление эффективных алгоритмов управления научно-технологического развития в регионах-лидерах имеет как теоретическое, так и прикладное значение для всей системы государственного управления. Сформулированы рекомендации по совершенствованию механизма на основе механизма государственного регулирования научно-технологического развития Новосибирской области, носящие универсальный характер и применимые к другим субъектам РФ.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, государственное регулирование, механизм.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF STATE REGULATION OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

Tarash Lidia Ivanovna,
Doctor of Economic Sciences, Senior Researcher, Chief research associate of the Department of economic planning and governmental regulation
SFI «Economic Research Institute»
(283048, Russian Federation, Donetsk People’s Republic, Donetsk, 77 Universitetskaya St. E-mail: tarashiep@gmail.com)
Golodnyuk Roman Aleksandrovich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior research associate of the Department of economic planning and governmental regulation
SFI «Economic Research Institute»

(283048, Russian Federation, Donetsk People's Republic, Donetsk, 77 Universitetskaya St. E-mail: r.a.golodnyuk@mail.ru)

Annotation. Achieving technological sovereignty of the Russian Federation necessitates the improvement of regional mechanisms for state regulation of scientific and technological development (STD). Identifying effective algorithms for managing STD in leading regions has both theoretical and practical significance for the entire system of public administration. Recommendations have been formulated to improve the mechanism based on the mechanism of state regulation of scientific and technological development in the Novosibirsk Region; these recommendations are of a universal nature and can be applied to other constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: scientific and technological development, state regulation, mechanism.

Достижение технологического суверенитета России, закреплённое в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, актуализирует вопрос об эффективности региональных механизмов государственного регулирования научно-технологического развития (НТР). Вместе с тем результативность государственного управления в сфере НТР существенно варьируется от региона к региону, что обусловлено различиями в научно-производственной базе, качестве институциональной среды и степени согласованности федерального и регионального уровней управления.

Новосибирская область занимает устойчивые позиции среди лидеров национального рейтинга научно-технологического развития субъектов РФ. Регион выработал характерную модель государственного регулирования НТР, опирающуюся на специфику своего научно-производственного комплекса. Анализ и сопоставление данных моделей позволяет выявить наиболее эффективные элементы алгоритма реализации регионального механизма НТР. В этой связи цель исследования заключается в разработке и верификации алгоритма реализации механизма государственного регулирования НТР на примере Новосибирской области.

Механизм государственного регулирования НТР региона представляет собой многоуровневую систему, в которой федеральный уровень задаёт стратегические ориентиры и создаёт нормативно-правовую рамку, а региональный уровень обеспечивает их операционализацию через конкретные инструменты и институты. Исходя из анализа научной литературы и нормативных документов, механизм включает три взаимосвязанных блока: организационный, экономический и информационно-аналитический [1, с. 81].

Организационный блок охватывает нормативно-правовую базу, институциональную подсистему (учреждения высшего образования, НИИ, институты развития) и стратегические документы, определяющие вектор НТР.

Экономический блок включает инфраструктурные объекты (технопарки, особые экономические зоны, ИНТЦ), финансовые инструменты (гранты, субсидии, льготное кредитование, налоговые преференции) и программы развития кадрового потенциала.

Информационно-аналитический блок формирует систему мониторинга и оценки результативности НТР, обеспечивая обратную связь для корректировки управленческих решений.

Центральным элементом механизма является алгоритм его реализации − последовательность управленческих действий, обеспечивающих перевод научно-технологического потенциала региона из текущего состояния в целевое. Данный алгоритм включает следующие этапы.

Первый этап алгоритма в Новосибирской области реализуется через систему стратегических документов, прежде всего Стратегию социально-экономического развития региона до 2030 г. и государственную программу «Научно-технологическое развитие Новосибирской области». С 2024 г. область участвует в пилотном проекте Минобрнауки, ориентированном на двадцать ведущих по научно-технологическому развитию субъектов РФ, что знаменует переход к более тесной вертикальной координации с федеральным уровнем [2, с. 211].

Диагностика (второй этап) показывает, что, несмотря на сокращение числа организаций, выполнявших НИР (с 118 в 2013 г. до 109 в 2023 г.), внутренние затраты на НИР выросли более чем в 2,5 раза − с 16,4 до 41,6 млрд руб. Регион удерживает позиции в топ-5 по национальному рейтингу научно-технологического развития, однако уровень инновационной активности организаций в 2023 г. составил лишь 12,2%, а удельный вес инновационных товаров в общем объёме отгрузки снизился до 5,8% [2, с. 209]. Это сигнализирует о разрыве между наращиванием ресурсного потенциала и его коммерциализацией.

На третьем этапе формирование институциональной среды обеспечивается прежде всего через Академгородок − уникальный научно-образовательный комплекс, объединяющий Сибирское отделение РАН, Новосибирский государственный университет и высокотехнологичные компании. К ключевым институтам относятся также Сибирский биотехнологический научно-образовательный центр (СиббиоНОЦ), пять зарегистрированных инновационных кластеров и регулярные форумы: «Технопром», «OpenBio», Сибирская венчурная ярмарка.

Инструментальное обеспечение (четвёртый этап) формируется преимущественно за счёт бюджетных средств: в структуре финансирования ГП «Научно-технологическое развитие Новосибирской области» более 80% приходится на средства областного бюджета. Фактически использованный объём финансирования вырос с 334,7 млн руб. в 2020 г. до 1 320,6 млн руб. в 2023 г. [2, с. 211]. Гранты Российского научного фонда поддерживают фундаментальные исследования, тогда как механизм государственно-частного партнёрства пока задействован недостаточно.

Пятый этап − кадровое воспроизводство − остаётся проблемным: численность работников, выполнявших НИР, сократилась на 918 человек за 2013–2023 гг. Прогнозные модели указывают на продолжение этой тенденции вплоть до 2026 г. Программа «Приоритет-2030», площадки «Точки кипения» и форум «Технопром» частично компенсируют отток молодых кадров, однако системного решения пока нет.

Мониторинг (шестой этап) осуществляется через систему из 19 целевых индикаторов ГП: в 2023 г. 18 из них были достигнуты или перевыполнены. Внешней оценочной системой служит национальный рейтинг научно-технологического развития субъектов РФ, составляемый Минобрнауки. Вместе с тем снижение суммарного балла Новосибирской области с 163,2 в 2021 г. до 142,8 в 2023 г. свидетельствует о необходимости корректировки механизма [2, с. 212].

Седьмой этап − адаптация механизма − реализуется через обновление ГП с 2024 г., расширение участия в федеральных пилотных инициативах и проработку перспективы создания регионального НОЦ по модели ведущих субъектов РФ. Ключевой проблемой остаётся плановое сокращение объёма федерального финансирования ГП с 2025 г., что при сохраняющейся зависимости от бюджетных средств создаёт серьёзные риски для устойчивости механизма.

Проведенное исследование позволяет сделать рад выводов.

Механизм государственного регулирования НТР региона представляет собой систему, интегрирующую организационный, экономический и информационно-аналитический блоки. Его реализация разворачивается как последовательный алгоритм из семи этапов: стратегическое целеполагание, диагностика потенциала, формирование институциональной среды, инструментальное обеспечение, кадровое воспроизводство, мониторинг результативности и адаптивная корректировка.

Механизм государственного регулирования научно-технологического развития Новосибирской области функционирует в соответствии с федеральными стратегическими ориентирами при сохранении региональной специфики. Опора осуществляется на крупные научно-образовательные комплексы как ядро инновационной экосистемы, используются применение такие инструменты поддержки в сфере НТР как гранты, ГЧП, технопарки, Новосибирская область ориентирована на фундаментальную науку и биотехнологии.

Вместе с тем существует проблема конвертации ресурсного потенциала в коммерче-

ские результаты. Регион взаимодействует преимущественно с федеральным центром и зарубежными партнёрами, тогда как потенциал межрегионального трансфера технологий остаётся незадействованным [3].

Новосибирская область демонстрирует модель, ориентированную на поддержание мощного фундаментального сектора при опоре на бюджетные источники. Сильная сторона модели − разветвлённая инфраструктура Академгородка и высокая степень интеграции с федеральными инициативами. Слабая сторона − зависимость от бюджетного финансирования и незавершённость цепочки от исследований к коммерциализации.

Для совершенствования алгоритма государственного регулирования НТР рекомендуется: дополнить систему мониторинга тактическими индикаторами, связывающими затраты с коммерческими результатами НТР; развить механизмы межрегиональной кооперации в научно-технической сфере, опираясь на платформы типа «Технопром»; включить в алгоритм самостоятельный этап управления кадровым потенциалом с конкретными целевыми показателями удержания исследователей; обеспечить диверсификацию источников финансирования путём расширения ГЧП и налоговых стимулов для корпоративного НИОКР.

Предложенный алгоритм имеет универсальный характер и может быть адаптирован для новых субъектов РФ, сталкивающихся с сокращением и примитивизацией промышленного производства, разрушением инфраструктуры и стремящихся выстроить эффективный механизм государственного регулирования НТР [4, с. 70]. В частности, для Донецкой Народной Республики, где действующая система государственного регулирования научно-технологического развития находится на начальной стадии формирования, является фрагментарной, состоящей из отдельных недостаточно связанных звеньев [5, с. 40]. Первоначальным импульсом для начала функционирования механизма государственного регулирования научно-технологического развития может служить формирование приоритетных для ДНР направлений научно-технологического развития.

Список литературы

1. Руденко, Л. Г., Цзу К. Ч. Формирование организационно-экономического механизма развития научно-технологического потенциала региона на примере Кировской области / Л. Г. Руденко, К. Ч. Цзу. – Текст : электронный // Управление. – 2026. – Т. 14, № 1. – С. 75–87. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89318039 (дата обращения: 04.09.2026). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

2. Терешкина, Н. Е. Научно-технологическое развитие Новосибирской области: состояние и проблемы / Н. Е. Терешкина, О. А. Халтурина. – Текст : электронный // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2025. – № 5-1. – С. 207–212. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82384918 (дата обращения: 04.09.2026). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

3. Медведев, В. В. Актуальные подходы к разработке методов и механизмов управления научно-технологическим развитием регионов РФ / В. В. Медведев // Вестник РАЕН. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 11–15. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54975559 (дата обращения: 04.09.2026). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

4. Голоднюк, Р. А. Промышленная политика: формирование и реализация в условиях реиндустриализиации экономики: монография / Р. А. Голоднюк. –Краснодар : Новация, 2023. – 269 с. – ISBN: 978-5-00179-356-4. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54067140 (дата обращения: 04.09.2026). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. – Текст : электронный.

5. Тараш, Л. И. О системе государственного регулирования научно-технологического развития нового субъекта Российской Федерации / Л. И. Тараш, Р. А. Голоднюк. – Текст : электронный // Вестник Института экономических исследований. – 2026. – №1 (41). – С. 23–42. https://journals.econri.org/index.php/journal/ru/issue/view/46/59 (дата обращения: 04.09.2026). – Режим доступа: Вестник Института экономических исследований.

УДК 332.1

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

Теньковская Юлия Денисовна,
Студент второго курса группы ТБб-25-1
кафедры «Техносферная безопасность
ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»
(625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38, E-mail: tenkovskaya07@bk.ru)

Аннотация. В статье рассмотрена нефтегазодобывающая отрасль России. Приведены актуальные макроэкономические и отраслевые данные. Выявлены основные причины изменений в нефтедобывающей отрасли. Рассмотрена динамика добычи и экспорта нефти и газа за период 2016-2025 годов. Представлен анализ динамики цен на нефть и газ за период с 2016 по 2025 гг. Обозначены основные достижения в импортозамещении.

Ключевые слова: планирование, стратегический анализ, стратегия, динамика, внешняя и внутренняя среда, угрозы и возможности, нефтегазовая отрасль.

THE CURRENT STATE AND DEVELOPMENT DYNAMICS OF RUSSIA'S OIL AND GAS INDUSTRY

Tenkovskaya Yulia Denisovna,
Student of group TBb-25-1
of the Department of "Technospheric Safety"
Tyumen Industrial University
(625000, Tyumen, Volodarskogo Street, 38,
E-mail: tenkovskaya07@bk.ru)

Annotation. The article examines Russia's oil and gas production sector. Current macroeconomic and industry data are presented. The main reasons for changes in the oil production sector are identified. The dynamics of oil and gas production and exports for the period 2016-2025 are examined. An analysis of the dynamics of oil and gas prices for the period from 2016 to 2025 is presented. The main achievements in import substitution are outlined.

Keywords: planning, strategic analysis, strategy, dynamics, external and internal environment, threats and opportunities, oil and gas industry.

Нефтегазовая отрасль остаётся одним из приоритетных секторов экономики России, хотя её роль в формировании бюджета снизилась. В 2025 году показатели доходов нефтегазовой индустрии достигли минимальных показателей с 2020 года – 8,48 трлн рублей, по данным Минфина. Это связано с несколькими факторами: снижение мировых цен на нефть, санкционным давлением и укреплением рубля.

В 2025 году добыча нефти в России составила около 510-516 млн тонн, что незначительно ниже уровня 2024 года (516,1 млн тонн). С апреля 2025 года страны ОПЕК+ и другие крупные нефтедобывающие государства (включая Россию) для стабилизации мирового рынка нефти координируют объемы добычи, контролируя более 90% мировых запасов нефти и обеспечивая около 52,5% её поставок. В настоящее время начали постепенно увеличивать квоты добычи, но фактически она не достигла максимально разрешенных уровней.

Экспорт нефти в 2025 году, по базовому прогнозу Минэкономразвития, остался почти на уровне 2024 года – около 240 млн тонн (Рис. 1). Однако в октябре 2025 года экспорт сократился на 2% по сравнению с сентябрём, а общая выручка от экспорта уменьшилась на 2,81%. Цены на нефть Urals в 2025 году существенно сократились. В январе средняя стоимость составляла около $67,7 за баррель, к лету-осени она опустилась до $55-58 за баррель. Дисконт на Urals к Brent достиг максимума: в конце 2025 года он составлял $20-25 за баррель.

Рисунок 1 – Объем добычи, транспортировки и экспорта нефти в период с 2016 по 2025 гг.

По данным Росстата, за январь – октябрь 2025 года добыча газа в России (горючего природного и попутного нефтяного) выросла на 4,3% по сравнению с аналогичным периодом 2024 года и составила 540,2 млрд куб. м (Рис. 2). Однако по итогам всего года, по прогнозам Центра ценовых индексов (ЦЦИ), добыча снизится на 2% по сравнению с 2024 годом и составит около 673 млрд куб. м.

Экспорт трубопроводного газа в 2025 году составил около 114 млрд куб. м, а СПГ – около 44 млрд куб. м. Поставки СПГ в Китай в ноябре 2025 года установили новый рекорд – 1,629 млн тонн. Это позволило России выйти на второе место по объему поставок СПГ в КНР после Катара, опередив Австралию.

Рисунок 2 – Объем добычи, транспортировки и экспорта газа в период с 2016 по 2025 гг.

Анализ динамики цен на нефть и газ за период с 2016 по 2025 (Рис. 3) годы показывает, что на рынок влияли как краткосрочные события, так и долгосрочные структурные изменения. Рассмотрим причины колебания стоимости нефти и газf.

Рисунок 3 - Анализ динамики цен на нефть и газ за период с 2016 по 2025 гг.

На рисунке 4 представлены причины изменения цен нефти и газа, а также изменения объемов их добычи.

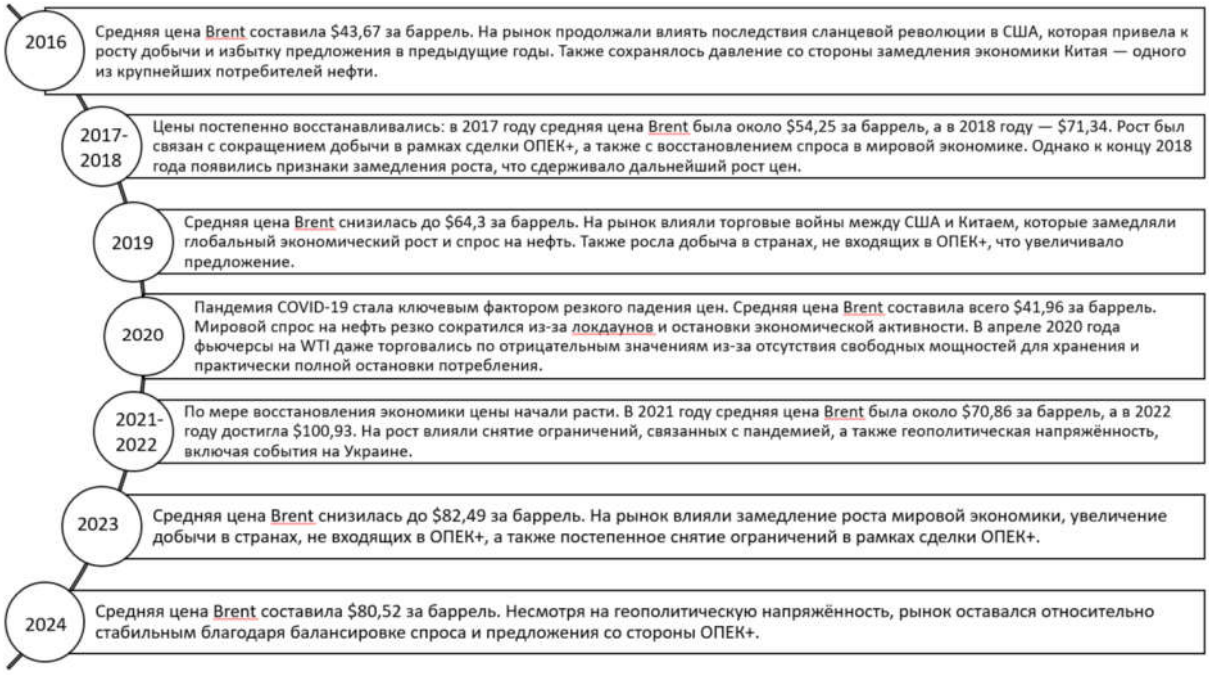

Рисунок 4 - Причины изменения цен и объемов добычи нефти и газа

Проведённый анализ предприятий нефтегазового сектора России на фоне кризисных явлений 2025 года (падение доходов, санкционное давление, атаки БПЛА, дисконт на нефть) позволяет сделать следующие обобщения:

- Несмотря на серьезные вызовы, отрасль сохраняет потенциал развития. Снижение бюджетных доходов (до 8,48 трлн руб.) и экспортной выручки компенсируется переориентацией на Азию (рекордные поставки СПГ в Китай), ростом добычи газа (на 4,3%) и активным импортозамещением (70% локализации, 140 видов продукции, 77 патентов «Роснефти»).
- Ключевые внутренние проблемы носят системный характер:
- Кадровый дефицит ослабляет технологическую безопасность.
- Низкое качество части отечественной продукции снижает конкурентоспособность даже при ценовом преимуществе.

• Преобладание краткосрочных контрактов создает нестабильность в логистике поставок и планирования.

• Внешние угрозы требуют постоянного мониторинга и адаптации: геополитические риски, новые коэффициенты расчета на газ, колебания мировых цен, ограниченность к технологиям. Однако те же факторы формируют и возможности – открытие азиатских рынков, разработку новых месторождений, внедрение цифровых продуктов.

• Стратегические приоритеты, вытекающие из матрицы:

• В краткосрочном периоде – организовать курсы импортозамещения на базе вузов-партнеров, внедрить входной контроль качества, начать переговоры о долгосрочных контрактах с азиатскими покупателями.

• В среднесрочной перспективе – создать отраслевые центры компетенций по цифровым технологиям добычи, качества по стандартам ВИНК, довести уровень локализации до 90%.

• В долгосрочной перспективе – сформировать консорциумы для унификации оборудования и запчастей, внедрить предиктивную аналитику на базе ИИ, полностью заместить критический импорт в геологоразведке и шельфовых проектах.

Предприятия нефтегазового сектора в России, несмотря на беспрецедентное внешнее давление, располагают сильными сторонами, которые позволяют превратить угрозы в возможности. Ключевым условием успеха является переход от реактивного управления к системному стратегическому планированию, инструментом которого является SWOT-анализ. При грамотной реализации предложенных мер отрасль способна не только сохранить позиции на мировом рынке, но и технологический суверенитет.

Список литературы

1. Ермоленко В. В., Ланская Д. В., Геращенко М. М. Методы диагностики внешней среды региона и корпорации в стратегическом управлении/ В. В. Ермоленко, Д. В. Ланская, М. М. Геращенко // Научный журнал КубГАУ. 2017. №129. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-diagnostiki-vneshney-sredy-regiona-i-korporatsii-v-strategicheskom-upravlenii (дата обращения: 06.05.2026)

2. Кузнецова Е. Ю. Современный стратегический анализ : учебное пособие / Е.Ю. Кузнецова; под общей ред. проф., д-ра экон.наук Е.Ю. Кузнецова.— Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016.— 131 с.

3. Логинов А. Н. Региональная экономика. SWOT-анализ и практика его применения при стратегическом планировании на примере субъектов Центрального федерального округа [Электронный ресурс] : учеб. пособие / А. Н. Логинов ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2023. – 238 с. –ISBN 978-5-9984-1849-5.ISBN 978-5-7996-1832-2– Электрон. дан. (9,8 Мб). – 1 электрон. опт.диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; WindowsXP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

4. Фадеева А. Н. SWOT-анализ как инструмент управления качеством/ А. Н. Фадеева // Огарёв-Online. 2023. №10 (195). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/swot-analiz-kak-instrument-upravleniya-kachestvom (дата обращения: 06.05.2026).

УДК 332.72

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Тилинина Стелла Андреевна,
студентка 3 курса, направление «Экономика»
Краснодарский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, Краснодар
(350024, Российская Федерация, Краснодарский край, г. Краснодар ул. Рахманинова 33. E-mail: s.tt.ll.aa.261s@bk.ru)
Научный руководитель:
Козловская Светлана Алексеевна,
к.э.н., доцент кафедры экономики и цифровых технологий
Краснодарский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, Краснодар
E-mail: sa_kozlovskaya@mail.ru

Аннотация. Статья направлена на изучение основных направлений трансформации рынка недвижимости под влиянием инновационных технологий. Проводится теоретическая оценка роли цифровизации в изменении российского рынка недвижимости, выполняется статистический анализ за 2023-2025 гг. Выделяются ключевые проблемы, тормозящие трансформацию рынка недвижимости.

Ключевые слова. рынок недвижимости, цифровизация, PropTech, искусственный интеллект, BIM

TRANSFORMATION OF THE REAL ESTATE MARKET IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Titinina Stella Andreevna,
3rd-year student, majoring in “Economics”
Krasnodar Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Krasnodar
(350024, Russian Federation, Krasnodar Krai, Krasnodar, Rakhmaninova Street, 33. E-mail: s.tt.ll.aa.261s@bk.ru)
Academic supervisor: **Svetlana Alekseevna Kozlovskaya,**
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Digital Technologies Krasnodar Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Krasnodar
E-mail: sa_kozlovskaya@mail.ru

Abstract. This research work is aimed at studying the main directions of the real estate market transformation under the influence of innovative technologies. The work provides a theoretical assessment of the role of digitalization in changing the Russian real estate market, performs a statistical analysis for 2023–2025. As a result, key problems slowing down the digital transformation of the industry are identified.

Key words. real estate market, digitalization, PropTech, artificial intelligence, BIM.

Цифровизация представляет собой глобальный экономический, политический и социальный процесс, охвативший практически все аспекты жизни общества. Процесс цифровой трансформации значительную роль сыграл в формировании сегодняшнего представления рынка недвижимости, решив многие ранее существовавшие проблемы [3].

В Российской Федерации процессы цифровой трансформации рынка недвижимости стали активно развиваться с 2017 г., когда совместно с введением цифровых новшеств происходило изменение законодательной основы государства. Главной особенностью современного рынка российской недвижимости с этого момента является формирование перехода от географической цены к технологическому оснащению, суть которого заключалась в новой системе формирования стоимости жилья, складывающейся из двух факторов: географическое положение и технологическое оснащение [5].

После 2018 г. посредством распоряжения Правительства России были введены инновационные стандарты технологий с целью модернизации инфраструктуры, например, «умный город», «безопасный город», «умный дом». В основе цифровой трансформации отрасли лежит интернет вещей (IoT), создание «цифровых двойников» объектов и искусственный интеллект (ИИ). Совокупность технологических инструментов для проектирования, создания IT-систем, внедрения стандартов связи и устройств «умного» дома получила название PropTech. Рынок PropTech уже прошел фазу становления и демонстрирует двузначные темпы роста: объем ввода «умного жилья» в России увеличился более чем в 4 раза, а доля домов с элементами «умного дома» превысила 10% [16].

Логическим продолжением цифровизации стало появление доступных и безопасных онлайн-инструментов. Одним из главных индикаторов цифровизации является доля сделок с недвижимостью, зарегистрированных в электронном виде через Росреестр. По данным ведомства, в 2023 году она составляла около 22% на первичном рынке и 8% – на вторичном. В 2024 г. эти показатели выросли до 34% и 12%, а в 2025 г. – до 48% и 15% [9].

Однако следует рассмотреть динамику договоров долевого участия (ДДУ) – ключевого инструмента на рынке новостроек. В 2025 г. количество зарегистрированных ДДУ выросло на 29% по сравнению с 2024 г., достигнув значения в 148 тыс. экземпляров. Это подтверждает активный переход именно первичного рынка в цифровую среду. Общее количество электронных заявлений на заключение сделок купли–продажи (всех типов) выросло с 1,2 млн. до 1,5 млн. за 2024-2025 гг. [2]. Таким образом, большинство сделок включает онлайн–инструменты как минимум на одном из этапов (выбор, бронирование, регистрация и т.д.), что ускоряет процесс в 2-3 раза и позволяет избежать трудностей с оформлением бумажных документов [2].

Важным шагом в развитии онлайн–сделок стало законодательное изменение: с 1 июля 2026 г. вступает в силу закон, позволяющий удостоверять переход прав на недвижимость в онлайн–формате через Единую биометрическую систему (ЕБС) [15].

Также принят закон, который освобождает стороны сделки от обязанности иметь отметку в ЕГРН о возможности электронной регистрации, если они подтвердили личность через биометрию [1].

Ключевой особенностью современного этапа является переход от отдельных цифровых инструментов к комплексным IT–экосистемам, объединяющим бизнес–процесс в единую цифровую среду. Развитие рынка цифровых решений сегодня насчитывается около 800 IT–решений для цифровизации, из которых около 460 ориентированы на первичный рынок многоквартирного жилья. Такие платформы строятся по принципу единой цифровой среды: все данные о сделках, клиентах и объектах хранятся централизованно, а различные сервисы (подбор жилья, проверка документов, оформление ипотеки, регистрация сделки) обмениваются информацией в реальном времени через автоматизированные интерфейсы. Это позволяет избежать дублирования информации, ручного переноса данных между разными программами и ускоряет процесс обработки заявок [17].

Рассмотрим основные технологические категории, из которых складывается эта трансформация:

1. CRM и IT–экосистемы. Современные решения для застройщиков и агентов (например, от компаний JoyWork или Pampadu) превратились в комплексные IT–экосистемы. Они интегрируют классифайды (Авито, Циан), сервисы электронной регистрации, мессенджеры и инструменты интернет–маркетинга (Roistat, Яндекс Метрика), предоставляя единое окно управления всеми каналами продаж [18]. Эффект от такого подхода – ускорение обработки заявок на 25%, а на этапе продаж – повышение конверсии на 8-15% [175].

2. Искусственный интеллект. ИИ берет на себя значительную часть операционной работы. Например, платформа «ОнлайнСделка» внедряет ИИ, который распознает договор, автоматически заполняет данные и формирует заявку на регистрацию, экономия до 15 минут на каждой сделке [19]. В банковском секторе алгоритмы машинного обучения анализируют сотни параметров для принятия решений о выдаче ипотеки или проектного финансирования.

3. Технологии информационного моделирования (BIM). BIM (российский аналог – ТИМ) создает единую информационную 3D–модель, которая содержит данные о геометрии, конструкциях, сметах и инженерных системах. Это позволяет выявлять несостыковки между разными частями проекта еще на этапе проектирования. Результатом данного внедрения является сокращение бумажного документооборота до 85%, уменьшение ошибок при проектировании на 80%, повышение точности расчета объемов работ на 45% [20].

4. «Домклик» и «9R. Фабрика сделок» являются конкретными примерами российских компаний, демонстрирующие практическую реализацию описанных технологий. «Домклик» от Сбербанка–полностью цифровой сервис покупки квартиры в новостройке, объединяющий ипотеку, аккредитив и регистрацию. Данный сервис охватывает более 600 жилых комплексов [14]. «9R. Фабрика сделок» от группы SRG – B2B–платформа, которая объединяет девелоперов, риелторов, брокеров, банки и страховые компании для автоматизации корпоративных сделок [10].

Наиболее масштабное применение ИИ на российском рынке демонстрирует Сбербанк. В 2025 году около 60% решений о финансировании жилищного строительства принимались с использованием алгоритмов ИИ. Общий объем одобренных сделок с применением таких технологий превысил 1,3 трлн рублей, что на 300 млрд рублей больше, чем за весь 2024 год [11].

Поведение конечных потребителей также меняется. Согласно исследованию ГК «Садовое кольцо», каждый третий россиянин использует генеративный ИИ для решения жилищных вопросов [12]. Это тенденции подтверждаются количественными данными, отражающими масштабы внедрения цифровых технологий на рынке недвижимости.

В таблице 1 на основе проведенного теоретического анализа представлена оценка роли цифровых технологий в формировании рынка недвижимости.

Таблица 1.

Оценка роли цифровых технологий в формировании рынка недвижимости [8]

Наименование показателя	Годы		
	2023	2024	2025
1.Доля сделок с электронной регистрацией (первичный рынок), %	22	34	48
2.Доля девелоперов, использующих ИИ в ценообразовании и финансировании,	6	14	35
3.Доля компаний, внедривших BIM на этапе проектирования, %	28	37	50
4.Объём рынка PropTech-решений в РФ, млрд руб.	12,4	18,1	24,6

Как показывают данные таблицы 1, за короткий период 2023-2025 гг., отмечается активная трансформация рынка, переход от экспериментов к масштабным интеграциям цифровых технологий в решения глобальных бизнес - задач.

На основе проведенной оценки динамики цифровой трансформации рынка недвижимости установим ключевые факторы, уменьшающие темпы преобразований:

- Отставание цифровизации вторичного рынка. Если на рынке новостроек онлайн-сделки уже стали нормой (доля электронной регистрации достигает 48–60%), то на «вторичке» этот показатель пока не превышает 10-15%. Это связано с высокой волатильностью цен, большим объёмом бумажных документов у собственников и более низкой правовой защищённостью [2].
- Дефицит квалифицированных кадров. Рынку не хватает специалистов с компетенциями в области BIM–моделирования, Data Science и PropTech-менеджмента, что тормозит внедрение комплексных IT–решений [3].
- Барьеры в цифровизации вторичного жилья. Старая инфраструктура и экономическая нерентабельность модернизации жилых объектов, построенных на 20-30 лет назад, создают серьезные препятствия для их полноценного включения в цифровую экосистему [6].

Таким образом, на основе проведенного анализа устанавливаются ключевые направления развития рынка недвижимости в условиях цифровизации. Цифровая трансформация в

России перешла в активную фазу внедрения, где главным аспектом становится модернизация традиционной системы взаимодействия клиента и продавца в онлайн – режиме с опорой на технологии ИИ, BIM и новые инструменты на базе биометрии. Для удержания достигнутых темпов и распространения их на вторичный рынок необходима целенаправленная государственная поддержка и подготовка квалифицированных кадров [15].

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.12.2025 № 123-ФЗ «О внесении изменения в статью 362 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» (об использовании Единой биометрической системы). Принят Государственной Думой 22.12.2025, одобрен Советом Федерации 26.12.2025 // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://council.gov.ru/events/news/166960/http://council.gov.ru/events/news/166960/

2. Иванов М. В. Новая экосистема цифровой недвижимости: этапы развития, технологии и перспективы / М. В. Иванов, С. Ю. Румянцева // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 524-533.

3. Катунин В. В. Цифровые инновации в сфере недвижимости: эволюция и основные тренды / В. В. Катунин, Е. В. Груздева, М. А. Собко // Инновации и инвестиции. – 2024. – № 6. – С. 10-14.

4. Максимова Э.С., Марташевский Д.Д. ЦИФРОВЫЕ ИННОВАЦИИ В БИЗНЕС-ПРОЦЕССАХ. В сборнике: Наука, технологии и инновации: стратегии развития в современном мире. сборник статей II Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 180-185.

5. Макарова Д.С., Погосова Л.В. ЖИЛАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЧАСТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ. В сборнике: V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА". Сборник научных трудов студентов. 2021. С. 377-383.

6. Нечетный Н.Ю. Внедрение современных технологий для изучения, прогнозирования показателей рынка недвижимости и влияние инноваций на процессы, сопровождающие жизненный цикл зданий / Н. Ю. Нечетный, О. А. Дубейко // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 3. – С. 45-52.

7. Собко М.А. Современные тенденции и инновации на рынке жилой недвижимости России / М. А. Собко, В. В. Катунин, Е. В. Груздева // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 4. – С. 25-29.

8. Цифровая трансформация рынка недвижимости: вызовы и перспективы / В. К. Шайдуллина [и др.] // Экономика. Бизнес. Право. – 2025. – № 1. – С. 33-40.

9. Шайдуллина В. К. Цифровые платформы на рынке недвижимости: трансформация клиентского пути / В. К. Шайдуллина // Финансы и кредит. – 2025. – Т. 31, № 2. – С. 112-119.

10. Группа SRG. IT-решения в жилой недвижимости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://srgroup.ru/services/it-resheniya-v-zhiloy-nedvizhimosti/ . https://srgroup.ru/services/it-resheniya-v-zhiloy-nedvizhimosti/

11. СберПро. Сбер: 60% сделок по финансированию девелоперов одобряется с помощью AI [Электронный ресурс] / 17.10.2025. – Режим доступа: https://sber.pro/publication/sber-60-sdelok-po-finansirovaniyu-developerov-odobryaetsya-s-pomoschyu-ai/ .https://sber.pro/publication/sber-60-sdelok-po-finansirovaniyu-developerov-odobryaetsya-s-pomoschyu-ai/

12. CNews. ИИ в роли риелтора: каждый третий россиянин консультируется с нейросетями по вопросам недвижимости [Электронный ресурс] / 19.12.2025. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/line/2025-12-19_ii_v_roli_rieltora_kazhdyj.https://www.cnews.ru/news/line/2025-12-19_ii_v_roli_rieltora_kazhdyj

13. Tadviser. «Домклик» запустил цифровой сервис полного цикла для покупки квар-

тиры в новостройке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Сбербанк_ДомКликhttps://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Сбербанк_ДомКлик

14. РосРеал (restate.ru). «Домклик» внедрил онлайн-подписание передачи квартир — офис больше не нужен [Электронный ресурс] / 10.04.2026. – Режим доступа: https://www.restate.ru/material/domklik-vnedril-onlaynpodpisanie-peredachi-kvartir-ofis-bolshe-ne-nuzhen-186650.html.restate.ruhttps://www.restate.ru/material/domklik-vnedril-onlaynpodpisanie-peredachi-kvartir-ofis-bolshe-ne-nuzhen-186650.html

15. СПРОСИ.ДОМ.РФ. С 1 июля 2026 можно будет продавать жилье по биометрии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--h1alcedd.xn--d1aqf.xn--p1ai/news/s-1-iyulya-2026-mozhno-budet-prodavat-zhile-po-biometrii/.https://xn--h1alcedd.xn--d1aqf.xn--p1ai/news/s-1-iyulya-2026-mozhno-budet-prodavat-zhile-po-biometrii/

16. DK.RU. Рынок недвижимости в цифре: тренды 2025 года [Электронный ресурс] / 28.04.2025. – Режим доступа: https://nn.dk.ru/news/237221525.DK.RUhttps://nn.dk.ru/news/237221525

17. ЦифраСтрой. Цифровизация недвижимости — стратегия, рынок, ошибки для застройщиков и управляющих. – 2025. – Режим доступа: https://cifrastroy.ru/reviews/tsifrovizatsija-nedvizhimosti-v2025godu/.https://cifrastroy.ru/reviews/tsifrovizatsija-nedvizhimosti-v2025godu/

18. JoyWork. Цифровые технологии в недвижимости: инновации, тренды и решения для вашего бизнеса. – 2024. – Режим доступа: https://joywork.ru/cifrovye-tehnologii-v-nedvizhimosti.php.https://joywork.ru/cifrovye-tehnologii-v-nedvizhimosti.php

19. Урбан Медиа. «Квадратный метр станет токеном»: как цифровизация изменит рынок недвижимости. – 2025. – Режим доступа: https://urban-media.ru/blog/vnikaem/kvadratnyy-metr-stanet-tokenom-kak-tsifrovizatsiya-izmenit-rynok-nedvizhimosti/.https://urban-media.ru/blog/vnikaem/kvadratnyy-metr-stanet-tokenom-kak-tsifrovizatsiya-izmenit-rynok-nedvizhimosti/

20. Pampadu. Цифровые технологии в недвижимости: как автоматизация бизнес-процессов помогает агентствам и риэлторам. – 2024. – Режим доступа: https://pampadu.ru/blog/5239-tsifrovye-tehnologii-v-nedvizhimosti-kak-avtomatizatsiya-biznes-protsessov-pomogaet-agentstvam-i-rieltoram/.https://pampadu.ru/blog/5239-tsifrovye-tehnologii-v-nedvizhimosti-kak-avtomatizatsiya-biznes-protsessov-pomogaet-agentstvam-i-rieltoram/

УДК 330.1:336

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СЕКТОРА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Хайдаров Мухабатхон Маъруфхонович,
ассистент кафедры «Производственный менеджмент»,
Таджикский технический университет имени академика М.С. Осими. (734042, г. Душанбе-42, ул. Айни, 6. E-mail: Xajdarov1111@mail.ru).

Аннотация. В статье исследуются институциональные механизмы финансирования производственного сектора Республики Таджикистан. Финансовое обеспечение рассматривается как результат взаимодействия финансовых инструментов, экономических институтов, правил и организационных процедур. На основе институционального подхода и предложенного автором подхода к оценке потенциала инструменты финансового обеспечения рассматриваются по критериям доступности, спецификации, оперативности и результативности, при этом неопределенность учитывается как дополнительный корректирующий параметр. С учетом официальных данных о развитии промышленности и кредитовании производственного предпринимательства обоснована необходимость совершенствования механизмов доступа

предприятий к долгосрочным финансовым ресурсам. Сформулированы направления повышения прозрачности процедур, снижения трансакционных издержек, цифровизации взаимодействия и развития гарантийных механизмов.

Ключевые слова: институты, институциональные механизмы, финансовое обеспечение, производственный сектор, кредитование, инвестиции, лизинг, государственная поддержка, трансакционные издержки, неопределенность.

INSTITUTIONAL MECHANISMS FOR FINANCING THE MANUFACTURING SECTOR OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: PROBLEMS AND AREAS OF IMPROVEMENT

Mukhabathon Marufkhonovich Khaidarov,
Assistant Professor of the Department of "Production Management", Tajik Technical University named after Academician M.S. Osimi.
(734042, Dushanbe-42, Aini St., 6. E-mail: Xajdarov1111@mail.ru).

Annotation. The article examines institutional mechanisms of financing the productive sector of the Republic of Tajikistan. Financial support is considered as the interaction of financial instruments, economic institutions, rules, and organizational procedures. Within the institutional approach, the author's assessment framework evaluates financial instruments by four basic criteria—accessibility, specificity, procedural speed, and effectiveness—while uncertainty is treated as an additional corrective parameter. Based on official data on industrial development and lending to productive entrepreneurship, the article substantiates the need to improve access to long-term financial resources and identifies directions for greater procedural transparency, lower transaction costs, digital interaction, and stronger guarantee mechanisms.

Keywords: institutions, institutional mechanisms, financial support, productive sector, lending, investment, leasing, government support, transaction costs, uncertainty.

Введение

Развитие производственного сектора является одним из ключевых условий структурной модернизации национальной экономики. Для производственных предприятий финансовые ресурсы необходимы не только для текущих операций, но и для обновления основных фондов, внедрения технологий, расширения выпуска и повышения конкурентоспособности. Поэтому проблема финансирования должна рассматриваться не только с позиции объема доступных денежных средств, но и с учетом институциональных условий, определяющих возможность их получения и эффективного использования.

Актуальность проблемы подтверждается динамикой промышленного развития Таджикистана. По данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, в 2025 г. промышленными предприятиями совместно с частными предпринимателями произведено продукции на 66,7261 млрд сомони, а темп роста в сопоставимых ценах составил 22,1%. При этом в обрабатывающей промышленности рост составил 10,5% [9]. Одновременно в Послании Президента Республики Таджикистан отмечено, что за последние десять лет общий объем выданных кредитов достиг 143 млрд сомони, однако на производственное предпринимательство приходилось только 38% этого объема; в связи с этим предложено создать Фонд гарантии кредитов [10].

По данным официальной статистики, в 2025 году в промышленности Республики Таджикистан действовали 3972 производственных цеха и предприятия, из которых 3437 относились к обрабатывающей промышленности [9].

Цель исследования состоит в уточнении институциональной природы финансового обеспечения производственного сектора и определении направлений совершенствования механизмов его финансирования. Методологическую основу составляют институциональный, системный и сравнительный подходы, а также методы анализа, обобщения и сопоставления.

1. Институциональная природа финансового обеспечения

В традиционном подходе финансовое обеспечение может быть представлено как

формирование и использование денежных ресурсов. Однако такой подход не полностью объясняет различия между предприятиями, имеющими сходные производственные возможности, но различный доступ к кредиту, инвестициям или мерам государственной поддержки. На практике доступ определяется не только финансовым продуктом, но и правилами взаимодействия участников, требованиями к заемщику, качеством отчетности, обеспечением, длительностью процедур и уровнем неопределенности.

Институциональная среда финансового обеспечения включает государственные органы, банки, микрофинансовые и инвестиционные организации, нормативные правила, договорные механизмы и процедуры контроля. Д. Норт связывает результаты экономического развития с качеством институтов, а Р. Коуз — с характером институциональной организации взаимодействий и трансакционными издержками [1; 2]. Подход О. Уильямсона дополняет эту логику акцентом на механизмах управления взаимодействиями [3]. В применении к финансированию это позволяет разграничить институт и инструмент: банк является финансовым институтом, кредит — финансовым инструментом; государство выступает институтом, а субсидия, гарантия или программа поддержки — инструментом. Нормативная основа деятельности финансовых институтов и государственной поддержки предпринимательства определяется соответствующими законодательными нормами [4; 5].

Следовательно, институциональный механизм финансирования можно определить как систему правил, организаций и организационно-финансовых процедур, посредством которых формируется доступ производственного предприятия к финансовым ресурсам и обеспечивается их целевое использование. В этом случае эффективность финансирования зависит от согласованности действий предприятия, финансовой организации и государства [6].

2. Основные инструменты финансирования производственного сектора

Производственные предприятия используют внутренние и внешние источники финансового обеспечения. К внутренним относятся нераспределенная прибыль и амортизационные ресурсы; к внешним — банковский кредит, инвестиции, лизинг, государственные программы, гарантии и другие механизмы. Их эффективность неодинакова, поскольку определяется стоимостью ресурса, сроком, требованиями к обеспечению, спецификой проекта и институциональными рисками [6; 8].

Нераспределенная прибыль обеспечивает относительную финансовую самостоятельность и не требует согласования условий с внешним кредитором, но ее объем ограничен финансовыми результатами предприятия. Банковский кредит позволяет мобилизовать значительный объем средств, однако доступ к нему связан с платежеспособностью, кредитной историей, обеспечением и условиями возврата. Лизинг особенно значим для модернизации оборудования, поскольку позволяет распределить финансовую нагрузку во времени [6].

Государственная поддержка может снижать отдельные ограничения доступа к финансированию посредством субсидирования, гарантий, льготных механизмов и поддержки приоритетных проектов. Вместе с тем ее результативность зависит от прозрачности и предсказуемости процедур. Официальная позиция, изложенная в Послании Президента Республики Таджикистан, дополнительно указывает на необходимость расширения предложения кредитов в приоритетные сферы, особенно в производственное предпринимательство [10].

3. Авторский подход к оценке потенциала финансовых инструментов

В рамках проведенного автором диссертационного исследования предложен подход к оценке потенциала финансовых инструментов. В настоящей статье данный подход адаптирован для сравнительного анализа инструментов финансирования производственного сектора и дополнен акцентом на институциональные условия их применения. Оценивание проводится по четырем базовым критериям: доступность, спецификация, оперативность и результативность. Неопределенность используется как дополнительный корректирующий параметр.

Доступность характеризует вероятность фактического получения ресурса предприятием при существующих институциональных условиях. Спецификация показывает, насколько параметры инструмента соответствуют срокам, масштабу и технологическим особенно-

стям проекта. Оперативность отражает скорость прохождения процедур и поступления средств. Результативность показывает способность привлеченного ресурса обеспечить экономический эффект. Неопределенность учитывает возможность изменения условий взаимодействия до заключения соглашения, в процессе его исполнения и после завершения обязательств.

Для сопоставления инструментов применяется матричная форма (табл. 1). В авторской шкале каждому базовому критерию присваивается балльное значение по предусмотренной методике трехуровневой шкалы; сумма баллов по четырем критериям формирует базовую оценку инструмента. Для неопределенности аналогично суммируются баллы по факторам Ex Ante, Ex Contract и Ex Post. При этом направление шкалы по критерию неопределенности является обратным: 1 балл соответствует высокой, 2 — средней, 3 — низкой неопределенности. Следовательно, более высокая сумма баллов по данному корректирующему параметру означает меньшую неопределенность и большую устойчивость условий применения инструмента, а не повышенный риск. Диапазон базовой оценки составляет 9–27 баллов: доступность — 3–9, спецификация — 1–3, оперативность — 3–9, результативность — 2–6. Корректирующая оценка по критерию неопределенности также составляет 9–27 баллов и включает Ex Ante (4–12), Ex Contract (2–6) и Ex Post (3–9). Таким образом, координаты инструмента в матрице отражают две самостоятельные суммы: базовую оценку и оценку по критерию неопределенности [6]. В представленном сопоставлении это дает 25 баллов для нераспределенной прибыли (9+3+9+4), 19 — для банковского кредита (6+3+6+4) и 13 — для государственной программы (6+2+3+2). Оценки по критерию неопределенности соответственно составляют 26 (12+6+8), 16 (8+3+5) и 20 (9+5+7) баллов. Таким образом, высокий результат 26 баллов для нераспределенной прибыли отражает относительно низкую неопределенность ее применения, что соответствует внутренней природе данного источника финансирования [6].

Таблица. 1.

Матричная форма сопоставления инструментов финансирования

Инструмент	**Базовая оценка, баллы (4 критерия)**	Оценка по критерию неопределенности, баллы (чем выше, тем ниже неопределенность)
Нераспределенная прибыль	25	26
Банковский кредит	19	16
Государственная программа	13	20

Источник: составлено автором на основе результатов диссертационного исследования [6].

Приведенные значения относятся к иллюстративному сопоставлению трех инструментов, представленному в диссертационном исследовании; они не интерпретируются в статье как самостоятельная статистическая выборка. Их назначение — показать применение предложенного автором матричного подхода к сравнительной оценке финансовых инструментов.

4. Институциональные ограничения финансирования

Первое ограничение связано с доступностью. Формальное наличие кредитного продукта еще не означает возможности его использования предприятием. Требования к обеспечению, финансовой отчетности, платежеспособности и обоснованию инвестиционного проекта сокращают круг потенциальных заемщиков.

Второе ограничение связано со спецификацией финансового инструмента применительно к производственному проекту. Производственные инвестиции часто характеризуются длительным циклом окупаемости, значительными первоначальными затратами и технологическими рисками. Поэтому краткосрочные финансовые продукты не всегда соответствуют реальным потребностям модернизации.

Третье ограничение — продолжительность процедур. Согласование заявки, проверка

документов, оценка обеспечения и заключение договора увеличивают временные и организационные издержки. Для производственного предприятия задержка финансирования может привести к удорожанию проекта или потере рыночной возможности [8].

Четвертое ограничение связано с неопределенностью. Она может возникать из-за изменения требований, условий договора, стоимости ресурсов, регуляторных процедур или ожидаемого результата проекта. Поэтому снижение неопределенности является самостоятельным направлением институционального совершенствования.

5. Направления совершенствования институционального механизма

Первое направление — повышение доступности долгосрочного финансирования. Для производственных предприятий целесообразно развивать инструменты, параметры которых соответствуют длительности инвестиционного цикла и характеру финансируемых активов. Такая настройка снижает трансакционные издержки поиска и согласования подходящего финансового ресурса и уменьшает несоответствие между сроком проекта и сроком привлеченного финансирования [7].

Второе направление — развитие гарантийных механизмов. Предложение о создании Фонда гарантии кредитов, высказанное в Послании Президента, непосредственно связано с ограничениями доступа производственных предпринимателей к долгосрочным кредитам [10]. Гарантийный механизм способен снижать трансакционные издержки предоставления обеспечения и частично компенсировать информационную асимметрию между предприятием и кредитной организацией, расширяя круг потенциальных заемщиков.

Третье направление — цифровизация взаимодействия предприятий с финансовыми институтами. Стандартизация документов, электронный обмен данными и более прозрачная последовательность рассмотрения заявок способны сокращать временные и организационные трансакционные издержки, а также уменьшать неопределенность на этапах подачи, рассмотрения и исполнения финансового соглашения.

Четвертое направление — повышение предсказуемости государственной поддержки. Для предприятий важны стабильность критериев отбора, понятные сроки рассмотрения заявок и прозрачность условий предоставления поддержки. Это снижает информационную асимметрию и издержки предварительного планирования, связанные с подготовкой инвестиционного проекта и выбором источника финансирования.

Пятое направление — развитие координации между государственными институтами, финансовыми организациями и предприятиями. Регулярный мониторинг потенциала отдельных источников финансирования, обмен информацией о доступных инструментах и согласование требований к предприятиям позволяют сокращать дублирование процедур, снижать трансакционные издержки и переходить от разрозненного применения отдельных инструментов к более согласованной институциональной архитектуре финансирования [6].

Заключение

Проведенное исследование показывает, что эффективность финансирования производственного сектора Республики Таджикистан определяется не только объемом привлеченных ресурсов, но и институциональными условиями их получения и использования. Применение матричного подхода позволяет одновременно учитывать базовые характеристики финансового инструмента и неопределенность условий его использования, что дает основание для выбора направлений институционального совершенствования [6; 8].

Авторский подход позволяет сопоставлять финансовые инструменты по доступности, спецификации, оперативности и результативности с учетом неопределенности. В рассмотренном сопоставлении более высокая базовая оценка нераспределенной прибыли по сравнению с кредитом и государственной программой показывает значение доступности и оперативности внутреннего источника; одновременно оценка неопределенности позволяет учитывать институциональные риски применения инструментов. На этой основе обоснованы направления совершенствования: развитие долгосрочного финансирования и гарантийных механизмов, цифровизация процедур, снижение трансакционных издержек и повышение предсказуемости государственной поддержки [6; 8; 10].

Таким образом, устойчивое финансирование производственного сектора определяется не только объемом привлеченных средств, но и качеством институциональной среды. Улучшение этой среды создает предпосылки для дальнейшей модернизации производственной базы, роста инвестиционной активности и повышения вклада производственного сектора в долгосрочное экономическое развитие Республики Таджикистан.

Список литературы

1. Коуз Р. Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пинскера. – М.: Дело ЛТД, 1993. – 192 с.

2. Норт Д. К. Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. – М.: Catallaxy, 1993. – С. 307–319.

3. Уильямсон О. Исследования стратегий фирм: возможности концепции механизмов управления и концепции компетенций // Российский журнал менеджмента. – 2003. – Т. 1. – № 2. – С. 79–114.

4. Закон Республики Таджикистан «О Национальном банке Таджикистана» от 28 июня 2011 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – Душанбе, 2011. – № 722.

5. Закон Республики Таджикистан от 26 июля 2014 г. № 1107 «О государственной защите и поддержке предпринимательства» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2014. – № 7 (ч. 2).

6. Хайдаров М. М. Институциональные инструменты финансового обеспечения экономики Республики Таджикистан: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.01 – Экономическая теория. – Душанбе, 2025.

7. Хайдаров М. М., Хайдарзода Б. М. Институциональные механизмы стимулирования инновационной активности в промышленном секторе Республики Таджикистан // Инновации в науке и практике: сборник трудов по материалам XXV Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ. – Уфа, 2026. – С. 5–9.

8. Хайдаров М. М., Лолаев З. Х. Институциональные ограничения и трансакционные издержки в системе финансового обеспечения производственных предприятий Таджикистана // Материалы I Международной научно-практической конференции. – Душанбе, 2026. – С. 396–399.

9. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Темпы роста промышленности страны в 2025 году обеспечены на уровне 22,1 процента. – 04.02.2026. – URL: https://www.stat.tj/ru/tempy-rosta-promyshlennosti-strany-v-2025-godu-obespecheny-na-urovne-221-proczenta/ (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

10. Президент Республики Таджикистан. Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики республики. – 16.12.2025. – URL: https://president.tj/event/missives/54185 (дата обращения: 15.09.2026). – Текст : электронный.

УДК 339.72

ДЕДОЛЛАРИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЁТОВ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Шахбанова Гюлизар Палатовна,
Студентка 1 курса магистратуры по направлению подготовки «Финансы и кредит»,
ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства»,
(367008, Российская Федерация, Республика Дагестан,
г. Махачкала, ул. Д. Атаева, д.5. e-mail: shakhbanovag44@mail.ru)
Научный руководитель:
Тажудинова Джамиля Авачараевна,
к.э.н., доцент кафедры финансово-экономических дисциплин,
Дагестанский государственный университет народного хозяйства (ДГУНХ),

(367008, Российская Федерация, Республика Дагестан,
г. Махачкала, ул. Д. Атаева, д.5. E-mail: tajydinovada@mail.ru)

Аннотация. В статье анализируются тенденции, причины и риски дедолларизации международных расчётов России в условиях санкционных ограничений. Сопоставлены подходы к оценке процесса: концепция инерционности резервных валют Б. Эйхенгрина, стратегический взгляд на дедолларизацию БРИКС и российские исследования, по-разному оценивающие роль юаня. Раскрыты причинно-следственные связи между отключением от SWIFT, ростом торговли с Китаем и изменением валютной структуры расчётов. Использованы актуальные данные Банка России, аналитических центров и научных журналов за 2024-2026 годы.

Ключевые слова: дедолларизация; международные расчёты; валютная структура внешней торговли; юань; рубль; санкции; резервная валюта; валютные риски.

DE-DOLLARIZATION OF RUSSIA'S INTERNATIONAL PAYMENTS: TRENDS, RISKS AND PROSPECTS

Shakhbanova Gyulizar Palatovna,
1st-year master's student in the field of study "Finance and Credit", Dagestan State University of National Economy,
(367008, Russian Federation, Republic of Dagestan, Makhachkala, D. Ataev St., 5. e-mail: shakhbanovag44@mail.ru)
Academic supervisor:
Tazhudinova Djamilay Avacharaevna,
candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Financial and Economic Disciplines,
Dagestan State University of National Economy (DGUNX),
(367008, Russian Federation, Republic of Dagestan,
Makhachkala, st. D. Ataeva, 5. E-mail: tajydinovada@mail.ru)

Annotation. The article analyzes the trends, causes, and risks of the dedollarization of Russia's international settlements under sanctions restrictions. Approaches to assessing the process are compared: B. Eichengreen's concept of the inertia of reserve currencies, a strategic perspective on the dedollarization of BRICS, and Russian studies that offer different assessments of the role of the yuan. The causal relationships between being cut off from SWIFT, the growth of trade with China, and changes in the currency structure of settlements are revealed. Current data from the Bank of Russia, analytical centers, and scientific journals for 2024–2026 were used.

Keywords: dedollarization; international settlements; currency structure of foreign trade; yuan; ruble; sanctions; reserve currency; currency risks.

Отключение крупнейших российских банков от SWIFT и заморозка валютных резервов в 2022 году сделали дедолларизацию международных расчётов не теоретическим, а вынужденным практическим процессом. К августу 2026 года доля национальных валют во внешнеторговых расчётах России достигла 89%, а доля рубля в экспортной выручке в первом квартале 2026 года рекордных 62% [5]. Одновременно схожие процессы идут в масштабе БРИКС в целом: доля юаня в трансграничных платежах Китая к марту 2024 года составила 52,9% против 46,7% у доллара [1].

Классическое объяснение устойчивости доллара как резервной валюты дал Б. Эйхенгрин в книге «Exorbitant Privilege». Как отмечается в обзоре этой работы, после краха Бреттон-Вудской системы в 1971 году у доллара не было полноценной альтернативы, а закрепившаяся практика его использования порождала сетевые эффекты и инерцию: участники рынка продолжали полагаться на доллар как резервную валюту по привычке даже при появлении конкурентов, а полноценная альтернатива в виде евро возникла лишь в 1999 году [9].

Отсюда следует методологическая рамка: смена резервной валюты - процесс инерционный и растянутый на десятилетия, а не одномоментный, поэтому дедолларизация отдельной страны не тождественна ослаблению глобальной роли доллара, а происходит там, где инерция нарушена внешним шоком, например, санкциями.

Р.Рена, Л.Пол и Ф.Г.Нетсвера, анализируя стратегию БРИКС, выделяют два канала дедолларизации:

- «территориальную диверсификацию» - переход на национальные валюты во взаимной торговле (свыше 90% товарооборота России и Китая);
- «функциональные инновации» - цифровые платёжные системы и цифровые валюты центральных банков.

Авторы подчёркивают, что доллар сохраняет доминирование, а инициативы БРИКС создают «постепенные изменения», а не крах его гегемонии. Доля юаня в глобальных платежах выросла с 2% в 2019 году до 4,6% к концу 2024 года, но затем снизилась до 3,5% в апреле 2025 года, то есть процесс не является линейным [8].

На уровне российских исследований позиции расходятся сильнее. Е.И. Лизун, А.В. Шершкина и О.И. Костина рассматривают рост доли юаня в резервах и сбережениях как преимущественно позитивный процесс: снижение санкционных рисков, приток инвестиций, более высокие процентные ставки по юаневым вкладам, а сам юань как потенциальную единую валюту БРИКС в перспективе [2]. Противоположную оценку даёт И. Хорушевский: рост доли юаня в резервах и расчётах означает не снижение, а перенос валютного риска, поскольку курс юаня, в отличие от доллара, регулируется государством, а не рынком, а Банк России в собственном стресс-сценарии допускает его ослабление на 14% как «серьёзный, но вероятный шок» [7]. Таким образом, один и тот же эмпирический факт (рост доли юаня) интерпретируется одними авторами как диверсификация риска, а другими как его концентрация в новой форме.

Расширение расчётов в национальных валютах в России обусловлено цепочкой взаимосвязанных факторов. Во-первых, отключение системообразующих российских банков от SWIFT и риск блокировки корреспондентских счетов в долларах и евро сделали расчёты в валютах недружественных государств операционно ненадёжными. Перечень таких государств закреплён распоряжением Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р и лёг в основу официальной статистики Банка России по географическим зонам расчётов [4]. Во-вторых, это вынудило переориентировать расчёты на альтернативные каналы: систему CIPS, своплинии между центробанками (свыше 4 трлн юаней) и двусторонние клиринговые соглашения [1]. В-третьих, следствием стал рост транзакционных издержек: по оценке Д. Некрасова, ежегодные комиссии по альтернативным платёжным каналам превышают 10 млрд долларов, а российский бизнес отвлёк порядка 200 млрд долларов на погашение кредитов и наращивание валютных запасов из-за нестабильности новых каналов расчётов [3].

Также рост доли Китая во внешней торговле России сделал юань естественным кандидатом на роль основной альтернативной валюты, однако этот же фактор поставил валютную структуру расчётов России в зависимость от одной страны-партнёра, а не от диверсифицированного набора валют. Наконец, в 2025-2026 годах наметилась новая тенденция: доля именно рубля в расчётах начала расти быстрее - с 46,0% в 1 квартале 2025 года до 62,0% в 2 квартале 2026 года по экспорту, что говорит о постепенном выстраивании прямых рублёвых каналов расчётов с дружественными странами в обход как доллара, так и юаня [5].

Рассмотрим динамику доли рубля в расчётах по экспорту и импорту представленную в таблице 1.

Таблица 1.

Доля рубля в расчётах за российский экспорт и импорт

Показатель	**1 кв. 2025 г.**	**2 кв. 2026 г.**
Доля рубля в экспортных расчётах, %	Рост более чем на треть	62,0
Доля рубля в импортных расчётах, %	52,7	56,3

Источник: составлено автором на основе изученных данных https://finance.mail.ru/article/platnyie-zaslugi-rubl-zanyal-rekordnyie-62-v-eksportnyih-raschetah-69216390/.

Для сравнения, роль юаня в валютных операциях по данным годового отчёта Банка России представлена в таблице 2. На пике 2023-2024 годов именно он, а не рубль, обеспечивал основную часть замещения доллара и евро.

Таблица 2.

Доля юаня в валютных операциях России

Показатель (по данным годового отчёта Банка России)	**Значение, %**
Доля юаня в экспортной выручке	36
Доля юаня в расчётах за импорт	37
Доля юаня в сбережениях граждан	25

Источник: составлено автором на основе изученных данных https://www.kommersant.ru/doc/6609060.

По итогам 2025 года и первого полугодия 2026 года - 84% внешнеторгового оборота России пришлось на дружественные страны , а общая доля национальных валют во внешнеторговых расчётах достигла 89% [6]. При этом эксперты отмечают, что инфраструктурные ограничения - это незавершённая конвертируемость юаня по счёту капитала, слабое развитие рынков хеджирования в третьих странах сдерживают превращение этой национальной тенденции в полноценную региональную или глобальную роль юаня.

Проведённый анализ позволяет выделить несколько проблем, а именно:

- снижение зависимости от доллара и евро сопровождается ростом концентрации на одной альтернативной валюте и одном торговом партнёре, что воспроизводит, а не устраняет структурный валютный риск;
- часть новых каналов расчётов сопряжена с повышенными издержками и операционной непрозрачностью;
- рост доли рубля, при всей его позитивной динамике, пока опирается преимущественно на двусторонние договорённости, а не на инфраструктуру, сопоставимую по глубине и ликвидности с долларовой.

Направления совершенствования:

- ✓ диверсификация не только валют, но и платёжной инфраструктуры, развитие клиринговых механизмов вне зависимости от одного партнёра;
- ✓ развитие внутреннего рынка инструментов хеджирования валют дружественных стран;
- ✓ последовательное наращивание доли расчётов именно в рублях как единственной валюте, которой Россия управляет самостоятельно;
- ✓ участие в многосторонних инициативах БРИКС по платёжным технологиям как способ снижения зависимости от какой-либо одной иностранной валюты.

Дедолларизация международных расчётов России - это результат не столько целенаправленной стратегии, сколько вынужденной адаптации к отключению от долларовой и евровой инфраструктуры. Количественно процесс успешен, так как доля национальных валют во внешнеторговых расчётах достигла 89%, а доля рубля в экспортной выручке рекордных 62%. Однако сопоставление подходов показывает, что успех измерим по-разному. С точки зрения Б. Эйхенгрина, смена резервной валюты инерционный процесс, и региональный сдвиг России не равнозначен глобальному ослаблению доллара. Снижение одной зависимости сопровождалось ростом другой - от юаня и от инфраструктуры одного торгового партнёра.

Устойчивость новой валютной структуры будет зависеть от того, удастся ли перевести её из режима вынужденной адаптации в режим диверсифицированной, инфраструктурно обеспеченной политики.

Список литературы

1. Алиев М., Сяо Ю., Рязанова С. Механизмы дедолларизации КНР в рамках стратегии интернационализации юаня: доклад № 98/2024 - М.: НП РСМД, 2024. - 27 с. - URL: https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-China-Dedollarizaion-Report98.pdf

2. Лизун Е. И., Шершкина А. В., Костина О. И. Юань как новая валюта в российской экономике // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2024. - № 11-1. - С. 64-68. - URL: https://vaael.ru/article/view?id=3822

3. Некрасов Д. Международные расчёты в условиях санкций. - Кипр: CASE (Европейский центр анализа и стратегий), 2025. - URL: https://case-center.org/wp-content/uploads/2025/03/INTERNATIONAL-SETTLEMENTS-case-250228-ru.pdf

4. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» (ред. от 29.10.2022) // КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/

5. Платные заслуги: рубль занял рекордные 62% в экспортных расчётах // Финансы Mail. - 2026. - 6июля. - URL: https://finance.mail.ru/article/platnyie-zaslugi-rubl-zanyal-rekordnyie-62-v-eksportnyih-raschetah-69216390/

6. Лазарева И. Россия перевела 89 процентов внешнеторговых расчётов в национальные валюты // ТКС.РУ. - 2026. - 20 авг. - URL: https://www.tks.ru/politics/2026/08/20/0013/rossiya-perevela-89-protsentov-vneshnetorgovyih-raschetov-v-natsionalnyie-valyutyi/

7. Оценка платежного баланса РФ: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/62277/Balance_of_Payments_2026-2_27.pdf?ysclid=mudps0y0v2200984713

8. Рена Р., Пол Л., Нетсвера Ф.Г. Стратегическая дедолларизация и финансовые инновации в странах БРИКС: переосмысление глобального монетарного суверенитета в многополярном мире // Современная мировая экономика. 2025. Том 3. No4(12). - URL: https://cwejournal.hse.ru/article/view/32052/25330

9. https://bankiros.ru/news/rubl-nuzhno-devalvirovat-na-20-44-ehkonomisty-nazvali-komfortnyj-kurs-dollara-22253

II.СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

УДК 304.42

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Алиева Зарема Багаутдиновна,
к.э.н., доцент, доцент кафедры финансово-экономических дисциплин,
ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства (ДГУНХ)», (367008, Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Д. Атаева, д.5. E-mail: aliza69@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем, с которыми сталкивается социальная политика России в нынешних социально-экономических реалиях. Цель работы — выявить, что именно ограничивает эффективность мер социальной поддержки населения, и наметить пути их совершенствования. Опираясь на данные Росстата и действующую нормативную базу, автор рассматривает динамику бедности, структуру распределения денежных доходов, степень адресности государственной помощи, механизм социального контракта, меры поддержки семей с детьми, а также процессы цифровизации в социальной сфере.

Анализ показывает: снижение уровня бедности само по себе не устраняет неравенства в доходах и различий между регионами. Отсюда вывод — одних денежных выплат недостаточно, необходимо сочетать их с мерами, стимулирующими рост трудовых доходов и экономическую самостоятельность граждан. Отдельно обосновывается мысль о том, что оценивать эффективность социальных программ нужно не по числу охваченных ими людей, а по тому, насколько устойчиво меняется их материальное положение в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: социальная политика, социальная защита, социальная поддержка, бедность, доходы населения, социальное неравенство, социальный контракт, цифровизация.

ACTUAL PROBLEMS OF SOCIAL POLICY OF RUSSIA

Aliyeva Zarema Bagautdinovna,
Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Financial and Economic Disciplines, SAOU HE "Dagestan State University of National Economy" (367008, Russian Federation, Republic of Dagestan, Makhachkala, st. D. Ataeva, 5. E-mail: aliza69@mail.ru)

Annotation. The article is devoted to an analysis of the problems that Russia's social policy faces in the current socio-economic context. The aim of the work is to identify what exactly limits the effectiveness of social support measures for the population and to outline ways to improve them. Based on data from Rosstat and the current regulatory framework, the author examines the dynamics of poverty, the structure of the distribution of monetary income, the degree of targeting of state aid, the mechanism of the social contract, measures to support families with children, as well as the processes of digitalization in the social sphere. The analysis shows that: reducing the level of poverty does not in itself eliminate income inequality and differences between regions. Hence, the conclusion is that monetary payments alone are not enough; they need to be combined with measures that stimulate the growth of labor incomes and the economic self-sufficiency of citizens. The idea is also substantiated that the effectiveness of social programs should be assessed not by the number of people they reach, but by how consistently their financial situation changes in the long term.

Keywords: social policy, social protection, social support, poverty, household incomes, social inequality, social contract, digitalization.

Введение

Социальная политика государства — это система взаимосвязанных мер, призванных обеспечить населению приемлемый уровень жизни, снизить социальные риски и поддержать граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Не менее важная её задача — создавать условия для развития человеческого потенциала. В России эта деятельность имеет конституционную основу: согласно статье 7 Конституции РФ, наша страна — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1].

Сегодня социальная политика решает сразу несколько задач параллельно: снижает уровень бедности, поддерживает семьи с детьми, сохраняет доступность социальных услуг, повышает адресность государственной помощи, подстраивается под изменения на рынке труда и в демографической структуре населения. Особую роль здесь играет цифровизация социальной сферы — она позволяет сократить административные издержки и расширить возможности межведомственного взаимодействия.

Стратегические ориентиры государственной политики закреплены, в частности, Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [2]. Среди целей социально-экономического развития — снижение уровня бедности и повышение качества жизни населения.

Цель исследования — выявить ключевые проблемы социальной политики России и определить направления повышения её результативности. Для этого поставлены следующие задачи: рассмотреть содержание социальной политики; проанализировать современные показатели бедности и распределения доходов; охарактеризовать проблемы адресности и доступности социальной поддержки; рассмотреть возможности социального контракта и цифровизации; сформулировать направления совершенствования государственной политики.

1. Теоретические основы и современные приоритеты социальной политики

Социальную политику можно рассматривать как систему государственных решений и инструментов, с помощью которых государство влияет на социальные отношения и распределяет общественные ресурсы между разными группами населения. Это довольно широкое понятие, объединяющее сразу несколько направлений: социальное обеспечение и социальное страхование, государственную социальную помощь, поддержку семьи и детства, содействие занятости населения, пенсионное обеспечение, социальное обслуживание граждан, а также создание условий для доступности базовых общественных благ — образования, здравоохранения, жилья. Каждое из этих направлений решает свою задачу, но вместе они формируют единый механизм социальной защиты граждан.

Отдельного внимания заслуживает принцип адресности, который занимает значимое место в российской системе социальной помощи. Речь идёт о том, что государственная поддержка должна доходить именно до тех, кто в ней реально нуждается, а не распределяться формально среди широкого круга получателей. Правовую основу этого принципа закладывает Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», который определяет порядок и условия предоставления такой помощи малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям населения, нуждающимся в поддержке [3]. Благодаря адресному подходу государство получает возможность направлять ограниченные бюджетные средства туда, где потребность в них выражена наиболее остро, тем самым повышая эффективность использования ресурсов и снижая риск их распыления между теми, кто в поддержке нуждается в меньшей степени.

2. Бедность и дифференциация доходов как ключевые проблемы

Бедность остаётся одним из центральных показателей, по которым оценивается результативность социальной политики. По данным Росстата, во II квартале 2026 года граница бедности в целом по Российской Федерации составила 17 816 рублей в месяц, а доля населения с денежными доходами ниже границы бедности — 7,0%. В I квартале 2026 года соответствующий показатель составлял 7,7%.

Для более полного анализа необходимо учитывать распределение доходов между группами населения. По данным Росстата, в 2025 году на 20% населения с наиболее высокими доходами приходилось 44,0% общего объёма денежных доходов, тогда как на 20% населения с наименьшими доходами — 6,3%. Коэффициент Джини в 2025 году составил 0,375. Данные показатели характеризуют сохраняющуюся дифференциацию денежных доходов и подтверждают необходимость комплексного подхода к социальной политике.

Одним из направлений повышения эффективности социальной политики является развитие механизмов адресной помощи. Важным инструментом в этой области выступает социальный контракт. В соответствии с Федеральным законом № 178-ФЗ государственная социальная помощь на основании социального контракта предоставляется, в частности, малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам в целях стимулирования их активных действий по преодолению трудной жизненной ситуации [3].

Особенность социального контракта состоит в сочетании финансовой поддержки с программой социальной адаптации. Она может включать мероприятия по поиску работы, осуществлению предпринимательской деятельности, ведению личного подсобного хозяйства или преодолению трудной жизненной ситуации [6]. Таким образом, данный механизм ориентирован не только на компенсацию текущих расходов, но и на формирование более устойчивого источника дохода.

По информации Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, за 2024 год было заключено 204,7 тыс. социальных контрактов, которые охватили около 552,1 тыс. человек. По данным Минтруда, около 75,5% граждан увеличили доходы, а почти 45% вышли из бедности [7]. Эти показатели демонстрируют потенциальную значимость инструмента, однако для корректной оценки необходимо учитывать методику расчёта результатов и длительность сохранения достигнутого эффекта.

Вместе с тем развитие социального контракта связано с рядом проблем. Во-первых, результаты предпринимательских и трудовых мероприятий зависят от состояния регионального рынка труда, доступности инфраструктуры и качества сопровождения граждан. Во-вторых, для части семей наиболее актуальными остаются текущие расходы, поэтому меры, ориентированные на долгосрочную экономическую самостоятельность, должны сочетаться с базовой социальной поддержкой. В-третьих, эффективность программы необходимо оценивать не только по факту заключения контракта, но и по устойчивости результата через определённый период после его завершения.

4. Социальная поддержка семей и демографические вызовы

В 2026 году в России действует комплекс федеральных и региональных мер поддержки семей с детьми. В конце 2025 года Правительством был утверждён порядок назначения ежегодной семейной выплаты для работающих родителей с двумя и более детьми, что расширило инструменты поддержки семейной политики [9]. Кроме того, в 2026 году были проиндексированы более 40 социальных выплат, пособий и компенсаций на 5,6% с 1 февраля [10].

Однако увеличение количества выплат не должно рассматриваться как единственный критерий результативности семейной политики. Для семьи важна совокупность факторов: уровень заработной платы родителей, доступность детских учреждений, жилищные условия, расходы на образование и здравоохранение, возможность совмещать занятость с воспитанием детей. Поэтому социальная политика должна сочетать денежные выплаты с инфраструктурными и трудовыми мерами.

5. Цифровизация социальной сферы: возможности и риски

Цифровизация становится важным элементом современной системы социальной защиты. Её потенциал связан с возможностью автоматизированного обмена сведениями между государственными информационными системами, сокращением числа документов, ускорением рассмотрения заявлений и повышением адресности предоставления отдельных мер поддержки.

В 2026 году развитие цифровой инфраструктуры социальной сферы получило допол-

нительное значение. Правительством предусмотрено использование государственной информационной системы «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» для процессов назначения, оказания и оценки эффективности государственной социальной помощи на основании социального контракта [11].

Одновременно цифровизация создаёт новые требования к защите персональных данных, информационной безопасности и цифровой грамотности населения. Часть граждан может испытывать сложности при использовании электронных сервисов. Поэтому цифровые каналы должны дополняться доступными способами обращения за помощью, особенно для пожилых граждан, людей с инвалидностью и других групп, для которых использование цифровых технологий может быть затруднено.

6. Основные направления совершенствования социальной политики России

Первое направление — повышение адресности. Необходимо совершенствовать методы оценки нуждаемости с использованием актуальных данных о доходах, составе семьи и иных обстоятельствах. При этом процедуры получения помощи должны оставаться понятными и доступными.

Второе направление — повышение трудовых доходов как основы долгосрочного снижения бедности. Социальные выплаты способны компенсировать часть дефицита доходов, однако устойчивый результат требует расширения возможностей занятости, профессионального обучения, переобучения и карьерного развития.

Третье направление — развитие социального контракта и иных активных мер. При их реализации целесообразно усиливать консультационное сопровождение получателей, особенно в вопросах трудоустройства, предпринимательства и финансового планирования. Эффективность следует оценивать по сохранению роста доходов после завершения программы.

Четвёртое направление — усиление регионального компонента. Федеральные стандарты социальной поддержки должны учитывать различия в стоимости жизни, состоянии рынка труда, доступности социальных услуг и инфраструктуры. Региональные программы позволяют адаптировать меры поддержки к конкретным условиям.

Пятое направление — комплексная поддержка семей с детьми. Приоритет должен уделяться не только выплатам, но и доступности дошкольного образования, медицинских и образовательных услуг, условиям занятости родителей и жилищным вопросам.

Шестое направление — развитие цифровых механизмов при сохранении офлайн-доступа. Цифровые технологии целесообразно использовать для автоматизации рутинных процедур, но возможность получить консультацию и подать заявление традиционным способом должна сохраняться для граждан, которым необходима дополнительная помощь.

Седьмое направление — совершенствование системы оценки эффективности. Результативность социальной программы целесообразно измерять не только количеством назначенных выплат или охватом получателей, но и изменением уровня бедности, устойчивостью доходов, занятостью, качеством жизни и снижением риска повторного возникновения трудной жизненной ситуации.

Заключение

Социальную политику можно рассматривать как систему государственных решений и инструментов, с помощью которых государство влияет на социальные отношения и распределяет общественные ресурсы между разными группами населения. Это довольно широкое понятие, объединяющее сразу несколько направлений: социальное обеспечение и социальное страхование, государственную социальную помощь, поддержку семьи и детства, содействие занятости населения, пенсионное обеспечение, социальное обслуживание граждан, а также создание условий для доступности базовых общественных благ — образования, здравоохранения, жилья. Каждое из этих направлений решает свою задачу, но вместе они формируют единый механизм социальной защиты граждан.

Отдельного внимания заслуживает принцип адресности, который занимает значимое место в российской системе социальной помощи. Речь идёт о том, что государственная поддержка должна доходить именно до тех, кто в ней реально нуждается, а не распределяться

формально среди широкого круга получателей. Правовую основу этого принципа закладывает Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», который определяет порядок и условия предоставления такой помощи малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям населения, нуждающимся в поддержке [3]. Благодаря адресному подходу государство получает возможность направлять ограниченные бюджетные средства туда, где потребность в них выражена наиболее остро, тем самым повышая эффективность использования ресурсов и снижая риск их распыления между теми, кто в поддержке нуждается в меньшей степени.

Социальная политика России сегодня формируется на пересечении сразу нескольких факторов — экономических, демографических и социальных, и это делает её развитие непростой задачей. Данные официальной статистики фиксируют позитивную динамику: уровень бедности в 2026 году снизился с 7,7% населения в I квартале до 7,0% во II квартале [4]. Однако за этими цифрами скрывается более сложная картина — дифференциация доходов никуда не исчезла. В 2025 году на 20% населения с наибольшими доходами приходилось 44,0% всех денежных доходов страны, а коэффициент Джини держался на уровне 0,375 [5]. Иначе говоря, снижение бедности само по себе не означает сокращения разрыва между богатыми и бедными.

Отсюда напрашивается вывод: современная социальная политика не может ограничиваться простым расширением охвата поддержкой — важнее становится её адресность и качество. Особенно перспективным инструментом в этом смысле выглядит социальный контракт, который увязывает государственную помощь с конкретными шагами получателя — трудоустройством, открытием своего дела, выходом из трудной жизненной ситуации [3; 6].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп.). — Официальный интернет-портал правовой информации.

2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». — Официальное опубликование правовых актов.

3. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (ред. от 26.07.2026).

4. Федеральная служба государственной статистики. О значении границ бедности и численности населения с денежными доходами ниже границы бедности во II квартале 2026 года в целом по Российской Федерации. — 2026.

5. Федеральная служба государственной статистики. Распределение общего объёма денежных доходов по 20-процентным группам населения. — 2026.

6. Правительство Российской Федерации. Правила оказания субъектами Российской Федерации государственной социальной помощи на основании социального контракта. — В редакции постановлений Правительства Российской Федерации от 02.02.2024 № 107, от 18.02.2025 № 173, от 29.12.2025 № 2191.

7. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Социальный контракт станет доступнее для участников СВО и их семей с 2026 года. — 01.11.2025.

8. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. С начала 2026 года более 54 тысяч граждан заключили соцконтракт на открытие собственного дела. — 17.08.2026.

9. Правительство Российской Федерации. Правительство утвердило порядок назначения новой ежегодной выплаты для семей с детьми. Постановление от 27.12.2025 № 2173.

10. Правительство Российской Федерации. Правительство проиндексировало социальные выплаты, пособия и компенсации. Постановление от 23.01.2026 № 30.

11. Правительство Российской Федерации. Постановление от 29.12.2025 № 2191 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». — 2025.

УДК: 378.14:004.9:796

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПРОФИЛЬНЫХ ВУЗОВ

Аманкулыев Эсен Мухаммедович,
преподаватель, Туркменский сельскохозяйственный институт,
(г. Дашогуз, Туркменистан
E-mail:muhammedowich.tohi@gmail.com)
Эрметова Вазира Илхамовна,
преподаватель, Туркменский сельскохозяйственный институт,
(г. Дашогуз, Туркменистан
E-mail:muhammedowich.tohi@gmail.com)

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы трансформации современного высшего образования под влиянием глобальной цифровизации. Автор анализирует возможности и перспективы внедрения интерактивных цифровых инструментов, таких как автоматизированные обучающие модули, специализированные программные калькуляторы и мультимедийные презентационные комплексы, в практику подготовки специалистов. В работе подробно исследуется педагогический потенциал информационных технологий в повышении мотивации обучающихся, оптимизации самостоятельной работы студентов и обеспечении непрерывного контроля качества усвоения теоретического и практического материала. Особое внимание уделено междисциплинарному подходу, позволяющему сочетать базовые дидактические принципы с современными техническими решениями для формирования профессиональных компетенций будущих специалистов в условиях высокотехнологичной образовательной среды.

Ключевые слова: цифровизация образования, информационные технологии, педагогические инструменты, интерактивное обучение, автоматизация дидактики, высшая школа, профессиональные компетенции.

INTEGRATION OF DIGITAL PEDAGOGICAL TOOLS INTO THE LEARNING PROCESS OF STUDENTS OF SPECIALIZED UNIVERSITIES

Amankulyev Esen Mukhammadovich,
lecturer, Turkmen Agricultural Institute,
Dashoguz, Turkmenistan
E-mail:muhammedowich.tohi@gmail.com
Ermetova Vazira Ilhamovna,
lecturer, Turkmen Agricultural Institute,
Dashoguz, Turkmenistan
E-mail:muhammedowich.tohi@gmail.com

Annotation. The article discusses current issues of the transformation of modern higher education under the influence of global digitalization. The author analyzes the possibilities and prospects of introducing interactive digital tools, such as automated training modules, specialized software calculators and multimedia presentation complexes, into the practice of training specialists. The paper examines in detail the pedagogical potential of information technology in increasing students' motivation, optimizing students' independent work and ensuring continuous quality control of the assimilation of theoretical and practical material. Special attention is paid to the interdisciplinary approach, which allows combining basic didactic principles with modern technical solutions for the formation of professional competencies of future specialists in a high-tech educational environment.

Keywords: digitalization of education, information technology, pedagogical tools, interactive learning, automation of didactics, higher school, professional competencies.

Современный этап развития высшего профессионального образования характеризуется глубокими структурными и содержательными изменениями, вызванными повсеместным внедрением информационных и коммуникационных технологий. Цифровая трансформация высшей школы диктует необходимость модернизации классических дидактических подходов и создания принципиально новых педагогических инструментов, способных обеспечить высокий уровень интенсификации образовательного процесса. В условиях динамично меняющихся требований рынка труда к квалификации выпускников, традиционные методы изложения материала, опирающиеся исключительно на лекционно-семинарскую систему, постепенно уступают место интерактивным, наукоемким и высокотехнологичным формам обучения [1, с. 54].

Педагогическая практика показывает, что одним из наиболее эффективных направлений совершенствования образовательного процесса является разработка и интеграция узкоспециализированных цифровых дидактических средств. К ним относятся автоматизированные макросы для презентационных материалов, веб-ориентированные калькуляторы для проведения проектных расчетов, а также интерактивные базы данных. Использование данных инструментов позволяет перевести студента из пассивного потребителя информации в активного участника исследовательского процесса. Как подчеркивают современные исследователи в области компьютерной дидактики, автоматизация рутинных элементов обучения высвобождает аудиторное время для глубокого творческого и критического анализа изучаемых явлений и процессов [2, с. 112].

При проектировании и внедрении цифровых педагогических инструментов в профильных вузах необходимо опираться на комплекс основополагающих дидактических принципов, адаптированных к условиям цифровой среды:

Принцип наглядности, реализуемый на качественно новом уровне за счет динамической инфографики, трехмерного моделирования и автоматизированных слайд-комплексов.

Принцип доступности и индивидуализации, обеспечивающийся возможностью построения персональных образовательных траекторий в рамках электронных обучающих систем.

Принцип интерактивности, предполагающий мгновенную обратную связь между программным обеспечением и обучающимся.

Рассмотрим практический аспект применения автоматизированных расчетных программ и специализированных веб-модулей в учебном процессе. Разработка и внедрение студентами и преподавателями прикладных программных решений (например, скриптов автоматизации или калькуляторов на базе HTML/JavaScript) в рамках практических занятий способствует формированию не только узкопрофессиональных, но и важнейших цифровых компетенций. Проводя комплексные расчеты или моделируя определенные процессы с помощью цифровых алгоритмов, студенты приобретают навыки системного анализа, алгоритмического мышления и прогнозирования результатов своей деятельности. Это имеет решающее значение для подготовки специалистов, готовых к работе в условиях реального инновационного производства и цифровой экономики [3, с. 87].

Важным социально-психологическим аспектом интеграции ИТ-технологий в образование является существенное повышение внутренней мотивации студентов. Использование интерактивных элементов, игровых механик (геймификации) и систем мгновенного тестирования снижает уровень тревожности учащихся перед контрольными мероприятиями и стимулирует познавательный интерес. Самостоятельная работа, подкрепленная качественным программным обеспечением, перестает быть механическим заучиванием и превращается в процесс самостоятельного научного поиска и экспериментирования [4, с. 42].

Однако процесс цифровизации образования сопряжен с определенными вызовами. К ним можно отнести необходимость непрерывного повышения ИКТ-компетентности профессорско-преподавательского состава, важность соблюдения гигиенических нормативов при работе со средствами вычислительной техники, а также риски чрезмерного увлечения формальной стороной технологий в ущерб фундаментальности знаний. Педагогическому сообществу необходимо соблюдать разумный баланс между традиционными академическими

ценностями и инновационными технологическими решениями [5, с. 104].

Таким образом, комплексная интеграция цифровых педагогических инструментов в образовательное пространство современного вуза является стратегически важным направлением развития высшей школы. Программные комплексы, автоматизированные дидактические материалы и интерактивные расчетные системы нового поколения позволяют значительно повысить качество академической подготовки, развить научно-исследовательский потенциал студентов и сформировать гибкие, адаптивные компетенции, необходимые будущему специалисту для успешной профессиональной самореализации в высокотехнологичном мире.

Список литературы

1. Роберт И. В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы; перспективы использования. М.: ИИО РАО, 2010. 204 с.
2. Захарова И. Г. Информационные технологии в образовании: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. 8-е изд. М.: Академия, 2013. 192 с.
3. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Академия, 2010. 368 с.
4. Красильникова В. А. Использование информационных и коммуникационных технологий в образовании: учебное пособие. Оренбург: ОГУ, 2012. 291 с.
5. Панюкова С. В. Использование информационных и коммуникационных технологий в образовании: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2010. 224 с.

УДК 378.147:004

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ВУЗОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Аманкулыев Эсен Аманкулыевич,
преподаватель кафедры «Растениеводство»
Туркменский сельскохозяйственный институт (ТСХИ),
(г. Дашогуз, Туркменистан
e-mail: muhammedowich.tohi@gmail.com)
Эрметова Вазира Илхамовна,
преподаватель кафедры «Компьютерная технология»
Туркменский сельскохозяйственный институт (ТСХИ),
(г. Дашогуз, Туркменистан
e-mail: muhammedowich.tohi@gmail.com)

Аннотация. В статье рассматривается интеграция цифровых педагогических инструментов в учебный процесс специализированных вузов. Автор анализирует внедрение интерактивных платформ, ГИС-технологий и элементов искусственного интеллекта для оптимизации обучения студентов. Обоснована прямая связь между цифровизацией образования и повышением производительности труда будущих специалистов, а также ускорением их профессиональной адаптации в условиях модернизации современной экономики.

Ключевые слова: цифровизация, образование, технологии, производительность, вуз, адаптация.

INTEGRATION OF DIGITAL PEDAGOGICAL TOOLS INTO THE LEARNING PROCESS OF STUDENTS AT SPECIALIZED UNIVERSITIES AS A FACTOR IN IMPROVING THE EFFICIENCY OF FUTURE SPECIALISTS' WORK

Amankulyev Esen Mukhammadovich,
lecturer, Turkmen Agricultural Institute,
Dashoguz, Turkmenistan

E-mail:muhammedowich.tohi@gmail.com
Ermetova Vazira Ilhamovna,
lecturer, Turkmen Agricultural Institute,
Dashoguz, Turkmenistan
E-mail:muhammedowich.tohi@gmail.com

Annotation. The article discusses the integration of digital pedagogical tools into the educational process of specialized universities. The author analyzes the introduction of interactive platforms, GIS technologies and elements of artificial intelligence to optimize student learning. A direct connection is substantiated between the digitalization of education and an increase in the labor productivity of future specialists, as well as the acceleration of their professional adaptation.

Keywords: digitalization, education, technologies, productivity, university, adaptation.

Модернизация современной глобальной экономики и стремительное проникновение высокотехнологичных решений во все сферы общественного производства предъявляют качественно новые, повышенные требования к подготовке кадров в системе высшей школы. В эпоху, когда концепция бережливого производства, автоматизация процессов управления и предиктивная аналитика становятся стандартами индустрии, выпускник специализированного высшего учебного заведения должен обладать не просто базовым набором теоретических знаний, но и устойчивым уровнем цифровой компетентности. Данный фактор напрямую детерминирует скорость его последующей социально-профессиональной адаптации на производстве, минимизирует риски возникновения психологического напряжения в трудовом коллективе и выступает главным катализатором роста производительности труда.

Цифровизация образовательной среды специализированного вуза представляет собой не механическое внедрение новых технических средств обучения или перевод бумажных носителей в электронный формат, а глубокую, коренную трансформацию дидактических подходов. Использование специализированных цифровых педагогических инструментов позволяет реализовать принципы индивидуализации и дифференциации траекторий обучения, визуализировать многоаспектные скрытые технологические процессы и максимально приблизить теоретические абстрактные модели к реальным производственным условиям [3, с. 58].

В контексте подготовки высококвалифицированных специалистов для агропромышленного комплекса, водного хозяйства и смежных отраслей производства, ключевое стратегическое значение приобретает интеграция в традиционный учебный процесс комплексных цифровых решений. К ним относятся профессиональные геоинформационные системы (ГИС-технологии), программные комплексы для точного цифрового картографирования полей, симуляторы систем автоматизированного управления техникой и элементы искусственного интеллекта для распознавания биологических объектов. Изучение и практическое освоение данных платформ в рамках университетских курсов позволяет будущим магистрам и инженерам осваивать передовые принципы рационального природопользования, ресурсосбережения и экологической безопасности еще до момента выхода на реальную производственную практику.

Развитие научно-исследовательского потенциала студентов в рамках деятельности Совета молодых ученых также претерпевает существенные качественные изменения под влиянием цифровой трансформации. Традиционная академическая работа трансформируется в гибкий исследовательский процесс: применение глобальных цифровых баз данных, облачных сервисов совместной работы, специализированных алгоритмов машинного обучения для биологической идентификации организмов и программ статистического анализа экспериментальных данных (например, при оценке динамики урожайности сельскохозяйственных культур, моделировании солевого режима почв или прогнозировании фитосанитарного состояния посевов) в разы повышает научную объективность, верифицируемость и практическую ценность получаемых результатов.

С точки зрения социологии и экономики труда, студент, прошедший комплексную

подготовку в цифровой образовательной среде, на выходе обладает более высоким уровнем профессиональной лабильности. Ему требуется значительно меньше времени на освоение рабочего места, он демонстрирует готовность к быстрой обработке больших массивов профессиональной информации, что снижает общие издержки предприятия на переподготовку кадров. Таким образом, инвестиции вуза в цифровые педагогические технологии трансформируются в прямой экономический эффект для реального сектора экономики в виде повышения нормы выработки и оптимизации рабочего времени сотрудников.

Для комплексной и объективной оценки эффективности внедрения современных цифровых педагогических инструментов в образовательную практику специализированного вуза нами было проведено лонгитюдное исследование. В рамках эксперимента анализировалась вовлеченность студентов старших курсов и профессорско-преподавательского состава в активное использование цифровых образовательных ресурсов (ЦОР), а также оценивалось влияние данных инструментов на результативность освоения специальных профильных дисциплин (в частности, связанных с растениеводством, селекцией и механизацией).

В ходе исследования фиксировались количественные и качественные показатели академической успешности, степень вовлеченности молодых исследователей в научно-исследовательскую работу студентов (НИРС), а также временные затраты на выполнение расчетно-графических и проектных задач. Сводные результаты проведенного многофакторного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Влияние внедрения цифровых педагогических инструментов на компоненты учебного процесса

№ п/п	**Наименование показателя**	**Значение до внедрения ЦОР**	**Значение после внедрения ЦОР**
1	Уровень академической успеваемости (средний балл)	3,8	4,4
2	Доля студентов, вовлеченных в НИРС, %	15%	32%
3	Время, затрачиваемое на рутинную обработку данных, ч	4,2	1,5
4	Индекс удовлетворенности студентов качеством подачи материала	68%	91%

Анализ эмпирических данных, приведенных в таблице 1, наглядно и убедительно демонстрирует, что направленная оптимизация учебного процесса с помощью современных интерактивных цифровых инструментов позволяет более чем в два раза сократить временные затраты студентов на выполнение рутинных, монотонных операций по обработке информации и составлению отчетов. Освободившийся временной ресурс перенаправляется на глубокую аналитическую, творческую и изобретательскую деятельность. Данная тенденция полностью коррелирует с базовыми принципами бережливого производства (Lean) в сфере интеллектуального труда и государственными стратегиями в области кадровой политики.

Эффективная, адаптивная цифровая образовательная среда современного специализированного вуза не может быть хаотичной. Она формируется на строгом системном стыке интеграции различных независимых технологических платформ и методических подходов. Структурная модель данной интеграции схематично отражена на рисунке 1.

Представленная на рисунке 1 иерархическая структура наглядно иллюстрирует, что цифровая среда вуза выступает в роли ядра, аккумулирующего возможности систем дистанционного обучения (СДО), интерактивных вебинаров, с одной стороны, и узкоспециализированных профессиональных симуляторов, интеллектуальных систем распознавания и ГИС-модулей — с другой. Именно дуальный характер этой среды обеспечивает гармоничное развитие как общекультурных (soft skills), так и узкопрофессиональных (hard skills) цифровых

компетенций будущих специалистов.

Рисунок 1. Структура интеграции цифровых инструментов в образовательную среду специализированного вуза [2].

Обсуждение. Рассматривая проблему интеграции цифровых инструментов с точки зрения медицины и охраны труда, необходимо подчеркнуть важность здоровьесберегающего вектора в совместной деятельности участников образовательного процесса. Интенсификация обучения с использованием компьютерной техники требует строгого соблюдения эргономических норм, оптимизации режимов труда и отдыха студентов, внедрения технологий защиты зрения и поддержания высокой физической активности. Организация рабочего пространства, чередование цифровых видов деятельности со стандартными практическими занятиями в полевых условиях или лабораториях позволяют минимизировать риски развития профессиональных заболеваний у будущих специалистов и формируют культуру безопасного высокотехнологичного труда.

Кроме того, важным аспектом является социальное партнерство в сфере высшего образования. Внедрение цифровых инструментов должно проходить в тесной связке с ведущими работодателями региона. Создание совместных цифровых лабораторий, использование программного обеспечения, реально применяемого на передовых предприятиях отрасли, позволяют снять проблему разрыва между академической теорией и реальной практикой. Профсоюзные организации и советы молодых ученых в данном контексте призваны выступать гарантами защиты прав обучающихся на получение качественного, актуального образования и создание безопасных, современных условий для научно-педагогической деятельности.

Заключение. Резюмируя вышесказанное, можно с уверенностью утверждать, что системная интеграция инновационных цифровых педагогических инструментов в образовательный процесс специализированных высших учебных заведений является критически важным и безальтернативным условием для подготовки высококонкурентоспособных специалистов нового поколения. Формирование развитых цифровых компетенций в стенах универси-

тета закладывает прочный фундамент для последующего стабильного профессионального и карьерного роста выпускника, минимизирует риски возникновения производственного травматизма за счет автоматизации опасных процессов, существенно снижает уровень социально-профессиональных конфликтов на рабочем месте и выступает ключевым стратегическим драйвером повышения производительности труда в наукоемких отраслях национальной экономики в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы // Вестн. Московского ун-та. Сер. 11: Право. 2015. № 5. С. 23-29.

2. Алексеев С. С., Прохоренко В. В., Пиликин Г. Г. и др. Гражданское право: учеб. / под общ. ред. С. С. Алексеева, С. А. Степанова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2017. 670 с.

3. Алексеева И. В. Стандартизация раскрытия информации в нефинансовой отчетности коммерческих организаций / И. В. Алексеева, Е. С. Попова // Учет. Анализ. Аудит. 2022. Т. 9, № 4. С. 57-67. DOI 10.26794/2408-9303-2022-9-4-57-67. - EDN GHRVVD.

4. Yeh, C. C., Lin, F., Wang, T. S., & Wu, C. M. (2020). Does corporate social responsibility affect cost of capital in China? Asia Pacific Management Review, 25(1), 1-12.

УДК 378.147:004

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИНТЕРАКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОБУЧЕНИЯ

Аманкулыев Эсен Аманкулыевич,
преподаватель кафедры «Растениеводство»
Туркменский сельскохозяйственный институт (ТСХИ),
(г. Дашогуз, Туркменистан
e-mail: muhammedowich.tohi@gmail.com)
Эрметова Вазира Илхамовна,
преподаватель кафедры «Компьютерная технология»
Туркменский сельскохозяйственный институт (ТСХИ),
(г. Дашогуз, Туркменистан
e-mail: muhammedowich.tohi@gmail.com)

Аннотация. В статье рассматриваются трансформационные процессы в структуре современного педагогического дискурса высшей школы, вызванные повсеместной цифровизацией образования. Автор анализирует специфику функционирования новых медиадидактических средств, включая автоматизированные обучающие модули и интерактивные презентационные комплексы. В работе подчеркивается важность адаптации учебного контента к запросам цифрового поколения студентов с целью повышения мотивации и эффективности академической коммуникации.

Ключевые слова: педагогический дискурс, медиаобразование, цифровая трансформация, интерактивные инструменты, высшая школа, дидактическая коммуникация.

PEDAGOGICAL DISCOURSE IN THE ERA OF DIGITALIZATION OF UNIVERSITY EDUCATION: INTERACTIVE LEARNING TOOLS

Amankulyev Esen Mukhammadovich,
lecturer, Turkmen Agricultural Institute,
Dashoguz, Turkmenistan
E-mail:muhammedowich.tohi@gmail.com
Ermetova Vazira Ilhamovna,
lecturer, Turkmen Agricultural Institute,
Dashoguz, Turkmenistan
E-mail:muhammedowich.tohi@gmail.com

Annotation. The article examines the transformational processes in the structure of modern pedagogical discourse of higher education caused by the widespread digitalization of education. The author analyzes the specifics of the functioning of new media-didactic tools, including automated learning modules and interactive presentation complexes. The paper emphasizes the importance of adapting educational content to the demands of the digital generation of students in order to increase motivation and effectiveness of academic communication.

Keywords: pedagogical discourse, media education, digital transformation, interactive tools, higher school, didactic communication.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, повсеместное внедрение программных комплексов искусственного интеллекта и глобальная медиатизация всех сфер человеческой деятельности оказывают глубокое, фундаментальное влияние на характер и структуру коммуникации в академической среде. Современный педагогический дискурс высшей школы уже не может оставаться в рамках классических, консервативных канонов и претерпевает существенные качественные изменения, динамично трансформируясь под воздействием новых медиаобразовательных платформ и цифровых дидактических инструментов. В эпоху, когда информация стала легкодоступным ресурсом, традиционная роль преподавателя как единственного и абсолютного транслятора готовых знаний подвергается серьезному переосмыслению. Происходит постепенный, но необратимый переход от жесткой монологовой модели передачи информации к гибкому интерактивному полилоговому взаимодействию, где ключевую и конструктивную роль начинают играть специализированные программные модули, автоматизированные макросы, интерактивные базы данных и веб-ориентированные прикладные калькуляторы-справочники [Володина 2005: 35].

Глубокая трансформация дидактической коммуникации ставит перед современным профессорско-преподавательским составом высших учебных заведений принципиально новые задачи. От преподавателя теперь требуется не просто глубокое владение теоретическим материалом своей предметной области, но и развитая способность эффективно, методологически грамотно упаковывать этот сложный научный контент в современные цифровые форматы, ментально и визуально понятные новому цифровому поколению студентов. В условиях высокотехнологичной образовательной среды текст лекции или практического задания полностью теряет свою прежнюю статичность. Он неизбежно приобретает выраженные свойства мультимодальности и гипертекстуальности, где традиционный вербальный компонент тесно и неразрывно переплетается с динамической инфографикой, трехмерным моделированием, анимационными эффектами и интерактивными элементами управления. Разработка и интеграция в учебный процесс интерактивных презентационных комплексов, программных скриптов автоматизации дидактических материалов и специализированных инженерно-агрономических или лингвистических веб-калькуляторов позволяет преподавателю говорить со студентами на «языке современных масс-медиа», полностью сохраняя при этом фундаментальную научную строгость, логику и глубину академического изложения. Как справедливо отмечает профессор Г.Я. Солганик, медиатекст в образовательной и просветительской сфере выполняет сегодня не только традиционную информирующую, но и важнейшую когнитивно-формирующую, смыслообразующую функцию, моделируя способ мышления обучающегося [Солганик 2005: 9].

Для детального понимания сущности происходящих изменений необходимо рассмотреть структуру обновленного педагогического дискурса с точки зрения теории коммуникации и социальной семиотики. Цифровой дидактический инструмент (например, веб-приложение для расчета чистоты семян, ГИС-карта или автоматизированный терминологический глоссарий) выступает в роли своеобразного медиатора, посредника между научным знанием и сознанием студента. Включаясь в работу с таким программным модулем, студент переходит из позиции пассивного слушателя (реципиента) в активную позицию исследователя и пользователя-экспериментатора. Педагогический дискурс приобретает деятельност-

ный характер. Преподаватель в этой системе больше не навязывает готовые дефиниции, а координирует траекторию самостоятельного поиска студента, задавая алгоритмы и параметры работы цифровой системы. При этом медийная грамотность самого педагога становится важнейшим фактором успешности дидактического процесса. Неумение использовать цифровой инструментарий или попытка механически перенести бумажные лекции на экран проектора без изменения структуры дискурса приводят к быстрому утомлению аудитории и потере познавательного интереса, поскольку нарушаются привычные для современного молодого человека каналы восприятия информации [Система средств массовой информации России 2001: 115].

Практический опыт проектирования и внедрения прикладных ИТ-инструментов в учебный процесс профильных вузов убедительно демонстрирует, что продуманная цифровизация дидактического контента способна радикально повысить внутреннюю академическую мотивацию учащихся. Автоматизация контроля и самоконтроля знаний с помощью интерактивных веб-модулей позволяет студентам самостоятельно, в индивидуальном темпе моделировать различные исследовательские и производственные задачи, оперативно проверять выдвигаемые научные гипотезы и наглядно видеть результаты своих расчетных манипуляций в режиме реального времени. Это формирует так называемый эффект мгновенной обратной связи, который является мощным психологическим стимулом для глубокого погружения в изучаемый предмет. Такая масштабная активизация самостоятельной работы студентов неизбежно видоизменяет и саму прагматическую позицию преподавателя в структуре педагогического дискурса: из авторитарной фигуры лектора он трансформируется в авторитетного эксперта-модератора, консультанта и навигатора в безграничном океане современных научных и медийных данных [Короченский 2009: 72].

Особое значение в контексте рассматриваемой проблемы имеет психологический аспект восприятия информации. Современные студенты — это поколение, выросшее в условиях избыточного информационного потока, обладающее так называемым «клиповым», мозаичным мышлением. Длинные линейные тексты без визуальных ориентиров и интерактивных переходов воспринимаются ими с трудом. Педагогический дискурс, адаптированный к вызовам цифровизации, преодолевает этот барьер путем фреймовой организации учебного материала. Информация разбивается на логические, завершенные цифровые блоки, каждый из которых подкреплен интерактивным заданием или мультимедийной иллюстрацией. Использование скриптов автоматизации для быстрой генерации слайдов или интерактивных расчетных программ позволяет преподавателю оперативно перестраивать структуру занятия прямо в аудитории, подстраиваясь под уровень подготовки и скорость восприятия конкретной студенческой группы. Это снижает уровень академического стресса у обучающихся и создает психологически комфортную среду для усвоения самых сложных научно-теоретических концепций.

Тем не менее, масштабный и лавинообразный процесс адаптации учебных материалов к цифровому медиапространству современного университета таит в себе и определенные риски, которые требуют глубокого осмысления со стороны академического сообщества. К числу таких вызовов можно отнести опасность чрезмерного увлечения внешней, развлекательной стороной цифровых технологий в ущерб глубине и фундаментальности получаемых знаний. Технологическая форма ни в коем случае не должна довлеть над научным содержанием. Педагогический дискурс новой цифровой эпохи обязан оставаться, прежде всего, пространством глубокого, серьезного академического диалога, интеллектуального поиска и формирования критического мышления. Инновационные информационные инструменты, веб-ориентированные глоссарии и автоматизированные презентационные комплексы должны позиционироваться не как замена классического образования, а как высокоэффективное, наукоемкое средство интенсификации учебного процесса, оптимизации индивидуальных образовательных траекторий и успешного формирования гибких, адаптивных профессиональных компетенций будущих специалистов, готовых к созидательной деятельности в условиях высокотехнологичного информационного общества.

Список литературы
1. Володина М.Н. СМИ как форма «общественного диалога» / М.Н. Володина // Язык современной публицистики. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 31-43.
2. Короченский, А. П. У истоков медиакритики: Хосе Марти о североамериканской прессе 1880-х гг. / А. П. Короченский, С. И. Шатохина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. № 15(70). С. 70-76.
3. Система средств массовой информации России: Учебное пособие / Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс: Издательство Московского университета, 2001. 259 с.
4. Солганик Г.Я. К определению понятий "текст" и "медиатекст" / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7-15.

УДК 811.161.1'243:004.9

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ СИСТЕМ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аманкулыев Эсен Аманкулыевич,
преподаватель кафедры «Растениеводство»
Туркменский сельскохозяйственный институт (ТСХИ),
(г. Дашогуз, Туркменистан
e-mail: muhammedowich.tohi@gmail.com)
Эрметова Вазира Илхамовна,
преподаватель кафедры «Компьютерная технология»
Туркменский сельскохозяйственный институт (ТСХИ),
(г. Дашогуз, Туркменистан
e-mail: muhammedowich.tohi@gmail.com)

Аннотация. В статье исследуются комплексные научно-методические, лингводидактические и лингвокультурологические аспекты интеграции современных информационных систем и цифровых технологий в практику преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Особое внимание уделяется обучению студентов неязыковых (в частности, аграрно-технических) профилей в условиях глобализации и интенсивной межкультурной коммуникации. Автор детально обосновывает педагогический потенциал веб-ориентированных расчетных модулей, интерактивных презентационных комплексов, программных макросов автоматизации дидактических материалов и цифровых терминологических баз данных. В работе всесторонне анализируются психологические и когнитивные механизмы повышения внутренней учебной мотивации обучающихся при работе в интерактивной цифровой среде. Предлагаются эффективные стратегии преодоления межъязыковой интерференции и организации продуктивной самостоятельной работы студентов в современных высокотехнологичных условиях высшей школы.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, межкультурная коммуникация, цифровая трансформация, интерактивные инструменты, лингводидактика, автоматизация обучения, высшая школа, мультимодальный текст, профессионально ориентированное обучение, фреймовая организация контента.

APPLICATION OF INTERACTIVE SYSTEMS AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Amankulyev Esen Mukhammadovich,
lecturer, Turkmen Agricultural Institute,
Dashoguz, Turkmenistan
E-mail:muhammedowich.tohi@gmail.com
Ermetova Vazira Ilhamovna,
lecturer, Turkmen Agricultural Institute,

Dashoguz, Turkmenistan
E-mail:muhammedowich.tohi@gmail.com

Annotation. The article examines the comprehensive scientific-methodological, linguodidactic, and linguocultural aspects of integrating modern information systems and digital technologies into the practice of teaching Russian as a foreign language (RFL). Particular attention is paid to teaching students enrolled in non-linguistic programs, especially agricultural and technical fields, in the context of globalization and intensive intercultural communication. The authors provide a detailed substantiation of the pedagogical potential of web-oriented computational modules, interactive presentation systems, software macros for automating didactic materials, and digital terminological databases. The study offers a comprehensive analysis of the psychological and cognitive mechanisms underlying increased intrinsic learning motivation among students working in an interactive digital environment. Effective strategies for overcoming cross-linguistic interference and organizing productive independent student work under the modern high-technology conditions of higher education are proposed.

Keywords: Russian as a foreign language, intercultural communication, digital transformation, interactive tools, linguodidactics, learning automation, higher education, multimodal text, professionally oriented education, frame-based content organization.

Глобальные интеграционные процессы, происходящие в современном мировом научно-образовательном пространстве, выдвигают принципиально новые, повышенные требования к качеству и структуре языковой подготовки иностранных специалистов. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, повсеместное внедрение интеллектуальных программных комплексов, систем искусственного интеллекта и тотальная медиатизация социума оказывают глубокое, преобразующее влияние на характер, динамику и структуру академического общения. В этих высокотехнологичных условиях методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ) неизбежно переживает период коренной парадигмальной модернизации. Успешная и безболезненная адаптация иностранных студентов к новой языковой, этнокультурной и профессиональной среде современного университета, а также их качественная подготовка как будущих конкурентоспособных специалистов невозможны без создания динамичной интерактивной образовательной среды, способной гибко и оперативно реагировать на познавательные и коммуникативные запросы обучающихся

Внедрение интерактивных систем в практику преподавания русского языка как иностранного требует глубокого теоретического обоснования с позиций когнитивной лингвистики и психолингвистики. Одной из ключевых проблем, с которой сталкивается иностранный студент при изучении специальной лексики, является информационная перегрузка. Традиционные методы презентации языкового материала часто предлагают учащемуся избыточный объем статической информации, что приводит к блокировке механизмов долговременной памяти. Интерактивные ИТ-инструменты позволяют реализовать принцип минимизации когнитивной нагрузки за счет дозированной, пошаговой подачи материала и автоматизации рутинных аналитических операций [1, с. 45].

Традиционные подходы к преподаванию РКИ, опирающиеся преимущественно на классическую лекционно-семинарскую систему, репродуктивные методы обучения и линейные печатные учебные пособия, в реалиях цифрового общества постепенно обнаруживают свою дидактическую ограниченность. В эпоху избыточных информационных потоков линейное изложение грамматического и лексического материала зачастую приводит к быстрому когнитивному утомлению иностранных учащихся, рассеиванию внимания и снижению их внутренней познавательной активности. Лингводидактическая наука сегодня стоит перед необходимостью преодоления этого барьера путем разработки и внедрения мультимодальных электронных учебных комплексов, в которых вербальный текст органично и неразрывно сочетается с динамическими визуальными алгоритмами, интерактивными тестовыми блока-

ми, анимационными эффектами и автоматизированными расчетными системами. Известный отечественный филолог Г. О. Винокур подчеркивал, что язык как целостная художественная и коммуникативная система обладает сложной внутренней динамикой, адекватное освоение которой носителями иных культур требует создания разветвленной системы разнородных семантических, ассоциативных и наглядных опор [2, с. 61]. Современные ИТ-инструменты позволяют реализовать этот классический дидактический принцип на качественно новом, интеллектуальном уровне.

Одним из наиболее инновационных и практически значимых векторов в современной методике преподавания РКИ является проектирование и интеграция в учебный процесс специализированных веб-ориентированных терминологических справочников-инкубаторов и прикладных интерактивных калькуляторов. Для студентов неязыковых профилей (в частности, инженерных, технологических, аграрных или экономических факультетов) первоочередной и наиболее сложной задачей становится освоение узкоспециализированного субъязыка выбранной профессии – его специфического понятийного аппарата, синтаксических стереотипов и терминосистем. Например, в процессе изучения агрономической или инженерной терминологии иностранный студент сталкивается с двойной когнитивной нагрузкой: ему необходимо одновременно понять физическую сущность производственного процесса и усвоить его вербальное выражение на русском языке.

Включение в структуру практических занятий по языку интерактивных цифровых модулей, где иностранный учащийся имеет возможность не только прочитать абстрактную дефиницию термина, но и самостоятельно ввести числовые или качественные параметры, рассчитать конкретные технологические показатели (например, норму высева, чистоту семян или параметры влажности почвы) с помощью встроенных макрокоманд и скриптов, превращает процесс освоения лексики в увлекательную учебно-исследовательскую деятельность. Студент начинает воспринимать русский язык не как объект механического заучивания и чуждую знаковую систему, а как эффективное, незаменимое и прикладное орудие своей будущей профессиональной деятельности [3, с. 112].

При проектировании инновационных цифровых дидактических материалов преподавателю необходимо детально учитывать психологические, психолингвистические и когнитивные особенности представителей современного цифрового поколения. Иностранные студенты XXI века – это так называемые «цифровые аборигены» (digital natives), выросшие в условиях перманентной мультимедийной насыщенности, обладающие специфическим фреймовым, мозаичным восприятием действительности. Они привыкли к высокой скорости получения информации, интерактивному отклику программных интерфейсов, многозадачности и максимальной визуализации контента. В связи с этим классический педагогический дискурс лектора должен подвергаться глубокой структурно-семантической перестройке. Академический текст должен фреймироваться – дробиться на логически завершенные, автономные цифровые блоки (кванты информации), каждый из которых подкреплен интерактивным заданием, динамической инфографикой, ментальной картой или мультимедийной иллюстрацией.

Применение автоматизированных скриптов (например, макросов VBA в среде Microsoft PowerPoint) для быстрой генерации и модификации презентационных комплексов позволяет преподавателю трансформировать структуру занятия непосредственно в аудитории, подстраиваясь под сиюминутный уровень понимания группы, осуществляя гибкую, ситуативную кросс-культурную адаптацию сложного научного контента [4, с. 87].

В контексте межкультурной коммуникации, развивающейся в цифровом пространстве современного высшего учебного заведения, кардинально меняется прагматическая роль преподавателя и характер его взаимодействия с обучающимися. Традиционная директивная, авторитарная позиция педагога как единственного транслятора знаний уступает место фасилитации и академическому тьюторству: преподаватель трансформируется в авторитетного эксперта, консультанта и навигатора в безграничном потоке информации. Иностранный студент, выполняя учебно-исследовательские задачи в интерактивной программной среде, по-

лучает мгновенную автоматизированную обратную связь. Этот эффект непрерывного, безоценочного «диалога» с интеллектуальной системой существенно снижает уровень психологической тревожности, снимает так называемый «языковой шок» и страх перед совершением ошибки, который традиционно блокирует речевую активность иностранных учащихся на начальных этапах обучения. Самостоятельный лингвистический эксперимент в цифровой среде способствует активизации глубоких когнитивных резервов личности, долгосрочному закреплению сложных лексико-грамматических конструкций в памяти и успешному преодолению деструктивного интерферирующего влияния родного языка [5, с. 142].

Особое место в структуре инновационной лингводидактики занимает лингвокультурологический аспект. Изучение русского языка как иностранного неразрывно связано с постижением концептов русской культуры, ментальности и национальных традиций. Использование интерактивных мультимедийных экскурсий, виртуальных музеев и лингвострановедческих цифровых викторин позволяет погрузить иностранного студента в аутентичную языковую среду без необходимости физического перемещения. Цифровые технологии позволяют визуализировать скрытые смыслы фразеологизмов, идиом, прецедентных текстов и онимов. Как отмечают исследователи литературной ономастики, имя собственное в художественном и публицистическом тексте является мощным концентратором культурной информации [11, с. 55]. Интерактивные глоссарии имен собственных и культурных реалий помогают иностранным студентам быстрее декодировать сложные подтексты русской речи, формируя развитую межкультурную компетенцию и готовность к полноценному диалогу культур.

Особое внимание в научно-методическом дискурсе РКИ должно быть уделено организации самостоятельной работы иностранных студентов, которая в условиях современных образовательных стандартов занимает до половины всего бюджетного учебного времени. Интерактивные обучающие платформы, развернутые на базе систем управления обучением (LMS), позволяют осуществлять непрерывный автоматизированный мониторинг учебных достижений каждого студента, фиксируя скорость выполнения заданий, типичные ошибки, количество попыток и общий уровень прогресса. На основе этих аналитических данных цифровая система может автоматически генерировать индивидуальные траектории повторения материала, предлагая студенту именно те адаптивные упражнения, которые направлены на личную ликвидацию его персональных пробелов в знаниях. Как справедливо утверждают современные исследователи в области компьютерной лингводидактики, такая глубокая персонализация самостоятельной работы превращает ее из рутинного выполнения домашних заданий в осознанный процесс самосовершенствования и академического роста, что напрямую сказывается на качестве конечных результатов обучения и темпах формирования языковой компетентности [6, с. 128].

Несмотря на очевидные и неоспоримые достоинства цифровизации, процесс тотального внедрения информационных технологий в практику преподавания РКИ таит в себе определенные серьезные риски и методологические вызовы, требующие взвешенного осмысления со стороны академического сообщества. К числу наиболее значимых рисков относится опасность избыточного увлечения формальной, развлекательной стороной компьютерных технологий (так называемым «эдьютейнментом») в ущерб глубине, системности и академической строгости получаемых лингвистических знаний. Технологическая форма, какой бы инновационной, геймифицированной и привлекательной она ни была, ни в коем случае не должна довлеть над научным содержанием образования. Компьютерные модули, автоматизированные системы контроля, веб-тренажеры и игровые механики должны позиционироваться в методической системе не как полная замена живого межкультурного общения, а как мощное, высокоэффективное интенсифицирующее средство.

Задача современного преподавателя высшей школы – выстроить гармоничный, синергетический образовательный процесс, в котором цифровые инструменты берут на себя рутинные, механические этапы тренировки, автоматизации и контроля языковых навыков, тем самым высвобождая драгоценное аудиторное время для живого, эмоционально насыщенного

речевого взаимодействия, творческих дискуссий, ролевых игр, круглых столов и совместной проектной научно-исследовательской деятельности [7, с. 272].

Резюмируя вышесказанное, можно с уверенностью констатировать, что комплексная, методологически выверенная интеграция интерактивных информационных систем и цифровых технологий в практику преподавания русского языка как иностранного является стратегически важным, высокоэффективным и безальтернативным направлением развития современной высшей школы. Программные комплексы нового поколения, веб-ориентированные калькуляторы и глоссарии, интерактивные презентации и автоматизированные расчетные модули позволяют существенно повысить качество языковой подготовки иностранных учащихся, развить их научно-исследовательский, профессиональный и творческий потенциал. Формируя у студентов гибкие, адаптивные профессионально-коммуникативные компетенции, цифровая лингводидактика закладывает прочный фундамент для успешной интеграции будущих специалистов в глобальное многоязычное информационное общество, обеспечивая их полную готовность к эффективному международному сотрудничеству и созидательному профессиональному диалогу.

Список литературы

1. Пассов Е. И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. Москва: Просвещение, 2000. 172 с.
2. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. Москва: Высшая школа, 1991. 448 с.
3. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие. Москва: Высшая школа, 2003. 334 с.
4. Митрофанова О. Д., Костомаров В. Г. Методика преподавания русского языка как иностранного. Москва: Русский язык, 1990. 268 с.
5. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: ИКАР, 2009. 448 с.
6. Крюкова О. П. Самостоятельное изучение иностранного языка в компьютерной среде. Москва: Логос, 1998. 128 с.
7. Капитонова Т. И., Московкин Л. В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. Санкт-Петербург: Златоуст, 2006. 272 с.
8. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. Москва: Высшая школа, 1987. 256 с.
9. Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учебное пособие. Москва: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007. 185 с.
10. Леонтьев А. А. Язык, speech, речевая деятельность. Москва: Красанд, 2010. 216 с.
11. Отин Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 55-72.
12. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Москва: Русский язык, 1990. 246 с.
13. Зимняя И. А. Психология слушания и говорения. Москва: Просвещение, 1973. 140 с.
14. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. Москва: Академия, 2006. 336 с.
15. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. Москва: Академия, 2002. 272 с.

УДК 330

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА И БЕДНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Амирова Эльвина Фаварисовна,
магистрант экономического факультета
ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной
службы и управления при Главе Республики Башкортостан»
(450008, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
город Уфа, ул. Заки Валиди, д. 40. E-mail: amirovae@list.ru)

Аннотация. В данной статье проведен комплексный анализ проблем социально-экономического неравенства и бедности в Республике Башкортостан в постпандемийный период и в условиях новых экономических вызовов. Рассматриваются ключевые индикаторы: уровень денежных доходов населения, коэффициент фондов, глубина и профиль бедности, региональная и внутрирегиональная дифференциация. Особое внимание уделяется факторам, усугубляющим неравенство: сырьевая ориентация экономики, диспропорции в развитии городских и сельских территорий, сегментация рынка труда. Автор обосновывает, что несмотря на относительную стабильность макроэкономических показателей региона, структурные проблемы ведут к консервации высокого уровня имущественного расслоения и устойчивой бедности отдельных категорий граждан. В заключении представлены стратегические направления политики снижения неравенства, адаптированные к специфике региона, включая диверсификацию экономики, развитие человеческого капитала и адресную социальную поддержку.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство, бедность, коэффициент фондов, региональная дифференциация, денежные доходы населения, сельские территории, социальная политика, уровень жизни, рынок труда.

SOCIOECONOMIC INEQUALITI AND POVERTY IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Amirova Elvina Favarisovna,
Master's student at the Faculty of Economics
SBEI HE "Bashkir Academy of State
service and administration under the Head of the Republic of Bashkortostan"
(450008, Russian Federation, Republic of Bashkortostan,
city Ufa, st. Zaki Validi, 40. E-mail: amirovae@list.ru)

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of socioeconomic inequality and poverty in the Republic of Bashkortostan in the post-pandemic period and in the face of new economic challenges. Key indicators are examined: household income level, the poverty ratio, the depth and profile of poverty, and regional and intraregional differentiation. Particular attention is paid to factors exacerbating inequality: the resource-based economy, disparities in urban and rural development, and labor market segmentation. The author argues that despite the relative stability of the region's macroeconomic indicators, structural problems lead to the persistence of high levels of income inequality and persistent poverty among certain categories of citizens. The conclusion presents strategic policy directions for reducing inequality, adapted to the specifics of the region, including economic diversification, human capital development, and targeted social support.

Keywords: socio-economic inequality, poverty, ratio of funds, regional differentiation, cash income of the population, rural areas, social policy, standard of living, labor market.

Социально-экономическое неравенство и бедность остаются одними из наиболее острых вызовов для устойчивого развития регионов Российской Федерации. Республика Башкортостан (далее – РБ), являясь одним из крупнейших и экономически значимых субъектов

Приволжского федерального округа, демонстрирует в этом контексте противоречивую динамику. С одной стороны, регион обладает мощным промышленно-ресурсным потенциалом и относительно диверсифицированной экономикой. С другой – здесь, как в зеркале, отражаются общероссийские проблемы глубокой имущественной поляризации и сохранения устойчивых очагов бедности, особенно в монопрофильных и сельских поселениях. [2]

Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от макроэкономического анализа к микроуровню региональной специфики для разработки эффективных мер социальной политики. Целью данной статьи является выявление структурных причин и пространственных проявлений неравенства и бедности в Республике Башкортостан на основе актуальных статистических данных и научных публикаций. Для ее достижения решаются следующие задачи: анализ ключевых статистических показателей, оценка внутрирегиональной дифференциации, изучение наиболее уязвимых групп населения и формулировка практических рекомендаций.

Для оценки масштабов проблемы в Республике Башкортостан применяется стандартный набор индикаторов, интерпретируемых с учетом региональной специфики [1]:

- уровень бедности (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума) – базовый, но недостаточный показатель, не учитывающий глубину (дефицит дохода) и остроту бедности;

- коэффициент фондов (децильный коэффициент) – соотношение средних доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения. Превышение значения 15-16 раз в регионе считается критическим порогом социальной напряженности;

- коэффициент Джини – интегральный показатель, отражающий степень отклонения фактического распределения доходов от абсолютного равенства (0 – полное равенство, 1 – полное неравенство);

- медианный доход – более репрезентативный, чем средний доход, показатель, характеризующий доход «среднего» человека, менее чувствительный к экстремальным значениям;

- субъективные оценки – данные социологических опросов о восприятии населением своего материального положения.

В условиях РБ особое значение приобретает пространственный (географический) аспект неравенства: разрыв между столицей (ГО г. Уфа), крупными городами республики (гг. Стерлитамак, Салават) и периферийными сельскими районами, а также депрессивными моногородами.

Анализ текущей ситуации раскрывает статистический портрет неравенства и бедности в РБ [6, 8].

По данным Башкортостанстата и Росстата, в 2022-2023 годах уровень бедности в Республике Башкортостан колебался в районе 12-13%, что близко к среднероссийскому показателю, но выше, чем в некоторых регионах-лидерах ПФО (например, Республика Татарстан). Однако эта усредненная цифра скрывает значительную внутреннюю вариативность. В сельской местности уровень бедности стабильно в 1,5-2,0 раза выше, чем в городах, достигая в отдельных аграрных и депрессивных районах (как, например, в некоторых районах Зауралья) 25,0-30,0%.

Коэффициент фондов в РБ на протяжении последних пяти лет сохраняется на высоком уровне – около 14-15. Это указывает на устойчивое и глубокое расслоение общества. Коэффициент Джини держится вблизи отметки 0.40, что также свидетельствует о значительном неравенстве в распределении доходов. Примечательно, что рост номинальных денежных доходов населения в последние годы, особенно на фоне индексации социальных выплат, не привел к существенному снижению этих коэффициентов. Это подтверждает тезис о структурном характере неравенства, слабо корректируемом лишь мерами прямой финансовой поддержки [4].

Основными факторами, детерминирующими высокий риск бедности в РБ, являются:

- сельская занятость и низкая продуктивность аграрного сектора: заработная плата в сельском хозяйстве РБ остается одной из самых низких среди всех видов экономической де-

ятельности;

- высокая иждивенческая нагрузка в семьях: бедность наиболее сконцентрирована в домохозяйствах с детьми, особенно многодетных и неполных. Доля детей, проживающих за чертой бедности, значительно превышает средний показатель по региону;

- занятость в бюджетной сфере с регулируемым уровнем оплаты труда: учителя, врачи, работники культуры в малых городах и селах часто имеют доходы, близкие к прожиточному минимуму;

- кризис моногородов: несмотря на программы поддержки, ряд монопрофильных населенных пунктов РБ (зависимых от одного градообразующего предприятия, часто в обрабатывающей или химической промышленности) остаются зонами социально-экономического риска, где сокращение на основном предприятии ведет к тяжелым последствиям для всего населения.

Пространственное неравенство является самой яркой чертой социально-экономического ландшафта Башкортостана. ГО г. Уфа как столица и город-миллионник аккумулирует основные финансовые, человеческие и инвестиционные ресурсы. Здесь концентрируются высокооплачиваемые рабочие места в управлении, IT-сфере, финансовых услугах и развитом секторе услуг. Уровень жизни и средние доходы в Уфе на 40-60% выше, чем в среднем по республике [3].

В то же время, сельские районы, особенно отдаленные от транспортных артерий, сталкиваются с комплексом депопуляционных проблем: старение населения, отток молодежи, сокращение доступности социальной инфраструктуры (школы, ФАПы, культурные учреждения), низкая мобильность. Это формирует ловушку территориальной бедности, где низкие доходы и низкое качество человеческого капитала взаимно воспроизводят друг друга.

Депрессивные промышленные города, чья специализация перестала быть конкурентоспособной, также демонстрируют высокие показатели неравенства: небольшая группа квалифицированных работников и управленцев может иметь высокие доходы, в то время как основная масса населения вынуждена довольствоваться низкооплачиваемой работой в сфере услуг или на подсобных предприятиях.

Преодоление сложившейся ситуации требует перехода от паллиативных мер к системной политике, нацеленной на устранение структурных причин. К таким мерам можно отнести следующие:

1) диверсификация экономики и создание качественных рабочих мест за пределами сырьевого сектора. Приоритет должен отдаваться не просто созданию рабочих мест, а созданию высокопроизводительных и высокооплачиваемых рабочих мест в малом и среднем бизнесе, в переработке сельхозпродукции, в туризме, в креативных индустриях. Необходима целевая поддержка локализованных производств в малых городах и селах;

2) инвестиции в человеческий капитал на всех территориях, что предполагает не только развитие образования, но и его качественную адаптацию к потребностям современной экономики (цифровые навыки, soft skills). Особое внимание – программам переобучения и повышения квалификации для взрослого населения депрессивных территорий;

3) совершенствование системы социальной поддержки. Перевод социальных пособий (особенно на детей) на принцип адресности и нуждаемости с использованием цифровых технологий и социальных реестров. Это позволит более эффективно направлять ресурсы реально нуждающимся семьям, а не «размазывать» их по широким категориям;

4) развитие пространственной связности и инфраструктуры: инвестиции в транспорт (дороги, общественный транспорт), цифровую инфраструктуру (широкополосный интернет на селе) и коммунальную сферу в малых городах и сельской местности. Это сократит «дистанцию до возможностей» и позволит жителям периферии интегрироваться в экономическую жизнь крупных центров;

5) поддержка местных инициатив и развитие социального капитала: стимулирование общественно-частного партнерства, поддержка кооперативов, НКО, проектов местного развития. Это способствует мобилизации внутренних ресурсов территорий [1, 5].

Отметим еще один вид неравенства и бедности, возникающий в результате роста в РБ, как и в среднем по России, в последние годы показателей инвалидности среди детей [7]. За последние 24 года число детей-инвалидов в Республике Башкортостан увеличилось с 17296 в 2000 г. до 19812 детей в 2024 году. Данная категория нуждается в особых мерах социальной защиты, так как детская инвалидность – это сложный социальный феномен, который выходит за рамки простого отсутствия денежных средств. Он представляет собой системное ограничение возможностей, при котором физические или ментальные особенности ребенка-инвалида накладываются на социальные и экономические барьеры. Бедность семей, имеющих в своем составе детей-инвалидов, складывается на пересечении экономических трудностей семьи, физической и социальной изоляции ребенка, а также системных барьеров в доступе к образованию, медицине и другим жизненно важным услугам. Для преодоления этого неравенства требуется как финансовая поддержка семей, так и кардинальное изменение социальной инфраструктуры – создания безбарьерного пространства, развития инклюзивного образования и формирования в обществе культуры принятия и уважения к разнообразию.

Проблемы социально-экономического неравенства и бедности в Республике Башкортостан носят системный и структурный характер. Они являются следствием не только общероссийских тенденций, но и внутренней региональной специфики: сырьевой модели экономики, усиливающейся пространственной поляризации, кризиса сельских территорий и моногородов. Существующая социальная политика, направленная в основном на поддержание минимальных гарантий, не в состоянии разорвать порочный круг воспроизводства бедности и неравенства.

Успешное решение этих проблем требует смены парадигмы регионального развития с экстенсивно-сырьевой модели на интенсивно-инновационную, ориентированную на человека и качество человеческого капитала. Ключевым становится принцип «опережающего инвестирования» в образование, здравоохранение и инфраструктуру на всех территориях, особенно отстающих. Только комплексный подход, сочетающий меры экономической диверсификации, пространственного развития и адресной социальной помощи, позволит обеспечить не только статистическое снижение уровня бедности, но и реальное повышение качества жизни для всех жителей Башкортостана, сокращение разрывов и создание условий для социальной мобильности.

Список литературы:

1. Гурова И.В., Ахметьянова А.Р. Бедность и социальное неравенство в регионах Приволжского федерального округа: сравнительный анализ // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 1240-1255.

2. Каримова Л.Ф. Особенности проявления бедности в сельской местности Республики Башкортостан // Башкирский экономический вестник. – 2020. – № 4(32). – С. 45-52.

3. Курганская М.Я. Территориальное неравенство как фактор социально-экономического развития региона (на примере Республики Башкортостан) // Региональная экономика: теория и практика. – 2023. – Т. 21, № 2(521). – С. 374-391.

4. Одинцова А.В., Сафиуллин А.Р. Оценка эффективности мер социальной поддержки населения в контексте снижения уровня бедности в Республике Башкортостан // Вопросы управления. – 2022. – № 5(78). – С. 112-123.

5. Ростовцев П.С., Михайлова А.А. Моногорода Республики Башкортостан: оценка социально-экономических рисков и пути диверсификации // Проблемы прогнозирования. – 2021. – № 5(188). – С. 134-145.

6. Социально-экономическое положение Республики Башкортостан: Статистический сборник / Башкортостанстат. – Уфа, 2023. – 187 с.

7. Скрябина Я.А., Комлева Р.Н. Инвалидизация детского населения Республики Башкортостан в контексте социальной политики государства // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 1. С. 156–164.

8. Тимофеев Д.Е. Влияние демографической структуры домохозяйств на уровень бед-

ности в регионах России (на примере ПФО) // Демографическое обозрение. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 89-107.

УДК: 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В СФЕРЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Биярсланова Асият Магомедовна,
к.п.н., доцент кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин,
«ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства»,
(367008 Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Махачкала,
ул. Джамалутдина Атаева, 5. E-mail:bruo2@mail.ru)

Аннотация. В статье исследуются административно-правовые аспекты противодействия коррупции в сфере дорожно-транспортных происшествий (ДТП). Анализируются актуальные статистические данные аварийности за 2024–2025 годы, изменения в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, вступившие в силу с 1 января 2025 года, а также положения Национального плана противодействия коррупции. Выявляются ключевые факторы, способствующие коррупционным проявлениям со стороны сотрудников ГИБДД и участников дорожного движения. Обосновывается необходимость комплексного подхода, включающего не только ужесточение административной ответственности, но и развитие правосознания государственных служащих, внедрение технических средств фиксации нарушений и повышение прозрачности процедур. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию антикоррупционной политики в рассматриваемой сфере. Особое внимание уделено анализу региональной специфики коррупционных проявлений в сфере ДТП на примере Республики Дагестан.

Ключевые слова: коррупция, дорожно-транспортные происшествия, административное правонарушение, КоАП РФ, ГИБДД, безопасность дорожного движения, антикоррупционная экспертиза, правосознание, Республика Дагестан.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF CORRUPTION MANIFESTATIONS IN THE SPHERE OF ROAD TRAFFIC ACCIDENTS: CURRENT STATE AND WAYS OF IMPROVEMENT

Biyarslanova Asiyat Magomedovna,
Candidate of Pedagogical Sciences (Ph.D. in Pedagogy), Associate Professor
Department of Criminal Law and State-Legal Disciplines
Dagestan State University of National Economy
(367008 Russian Federation, Republic of Dagestan,
Makhachkala, son. Jamalutdina Atayeva, 5. Email: bruo2@mail.ru)

Annotation. The article examines the administrative and legal aspects of combating corruption in the sphere of road traffic accidents (RTAs). It analyzes current statistical data on accident rates for 2024–2025, amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation that entered into force on January 1, 2025, as well as the provisions of the National Anti-Corruption Plan. The key factors contributing to corruption manifestations on the part of traffic police officers and road users are identified. The necessity of an integrated approach is substantiated, including not only stricter administrative liability but also the development of legal awareness among public servants, the introduction of technical means of recording violations, and increased transparency of procedures. Specific measures are proposed to improve anti-corruption policy in the sphere under consideration. Particular attention is paid to the analysis of regional specifics of corruption manifestations in the sphere of road traffic accidents using the example of

the Republic of Dagestan.

Keywords: corruption, road traffic accidents, administrative offence, Code of Administrative Offences of the Russian Federation, traffic police, road safety, anti-corruption expertise, legal awareness, Republic of Dagestan.

Введение

Проблема коррупции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения остаётся одной из наиболее острых для современной России. Несмотря на то что автомобильный парк страны превышает 15 млн единиц, а ежедневно на дорогах регистрируется множество ДТП, коррупционные механизмы продолжают подрывать эффективность правоприменения. Как справедливо отмечается в исследованиях, коррупция приводит к превращению правил дорожного движения из инструмента повышения безопасности в средство получения «арендной платы» [3, с. 45].

В последние годы государство предприняло ряд шагов по ужесточению ответственности за нарушения ПДД. В частности, с 1 января 2025 года вступил в силу Федеральный закон от 26.12.2024 № 490-ФЗ, существенно повысивший размеры административных штрафов [4]. Согласно данному нормативному акту, штраф за управление транспортным средством в состоянии опьянения повышен с 30 тыс. до 45 тыс. рублей, за нарушение правил применения ремней безопасности — с 1 тыс. до 1,5 тыс. рублей, за превышение скорости на величину более 80 км/ч — с 5 тыс. до 7,5 тыс. рублей. Кроме того, увеличен срок уплаты штрафа со скидкой: с 20 до 30 дней, однако сама скидка снижена с 50% до 25%.

Однако, как показывает практика, одни лишь репрессивные меры не способны устранить коррупционную составляющую. Цель настоящей работы — на основе анализа актуальных статистических данных и нормативных новелл определить наиболее перспективные направления административно-правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Основная часть

1. Динамика дорожно-транспортной аварийности и её связь с коррупцией

По данным МВД России, в 2025 году на дорогах страны произошло 128 тыс. ДТП, что на 3,1% меньше, чем в 2024 году. Число погибших составило 13,9 тыс. человек, раненых — 158 тыс. [9]. Положительная динамика наметилась после резкого роста аварийности в 2022–2023 годах. Вместе с тем в ряде регионов (Тува, Алтай, Орловская область) уровень смертности остаётся критически высоким [9].

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в 2025 году впервые за 15 лет зафиксировано снижение числа нарушений ПДД — на 9%, до 232 млн случаев. Эксперты связывают это с развитием систем фотовидеофиксации: 93% нарушений фиксируются автоматическими комплексами [9]. Это подтверждает гипотезу о том, что технологические решения способны снижать коррупционные риски, поскольку исключают непосредственный контакт водителя и инспектора.

Однако сохраняются и тревожные тенденции. На 11,6% увеличилось число ДТП с водителями, не имеющими прав, что может быть обратной стороной сокращения числа сотрудников ГИБДД на дорогах [9]. Кроме того, растёт число аварий с участием детей за рулём (мопеды, питбайки, электросамокаты).

2. Коррупционные проявления в сфере ДТП: статистика и формы

Коррупция в дорожной полиции имеет многообразные формы: от вымогательства взяток за непривлечение к ответственности до незаконной выдачи водительских удостоверений и регистрационных знаков. Так, в 2024 году в Ростовской области число выявленных взяточников выросло втрое — с 48 до 127 человек. В Красноярском крае бывший начальник УГИБДД обвиняется в получении взяток на общую сумму 1,3 млн рублей, в том числе за присвоение автомобилям «красивых» номеров.

В Новгородской области за 2025 год выявлено 40 фактов коррупционных проявлений со стороны участников дорожного движения, причём 45% из них совершены водителями транспортных средств. В Ульяновской области зафиксировано 80 случаев попытки дачи

взятки инспекторам ГИБДД.

Международные исследования также подтверждают корреляцию между уровнем коррупции и смертностью на дорогах: до 44% дорожных fatalities могут объясняться уровнем коррупции в стране [6, с. 59].

3. Региональная специфика коррупционных проявлений в сфере ДТП (на примере Республики Дагестан)

Республика Дагестан представляет собой показательный пример региона, где коррупционные проявления в сфере дорожного движения имеют системный характер и непосредственно влияют на уровень аварийности и смертности на дорогах.

По данным МВД России, за январь–ноябрь 2025 года на территории Республики Дагестан произошло 1 364 ДТП (– 11,2% по сравнению с аналогичным периодом 2024 года), в которых погиб 281 человек (– 3,1%) и ранено 1 901 человек (– 13,8%) [9]. Несмотря на положительную динамику, уровень аварийности в республике остаётся одним из самых высоких в стране. Так, Дагестан традиционно входит в число лидеров по количеству штрафов за выезд на встречную полосу [9].

Одной из ключевых причин столь высоких показателей аварийности является коррупция в среде чиновников и некоторых структурах, когда к управлению транспортными средствами допускаются психически нездоровые и неадекватные граждане. Речь идёт о незаконной выдаче медицинских свидетельств для получения водительских удостоверений в МРЭО ГИБДД. Известны случаи, когда в Карабудахкентском районе республики водительские удостоверения были выданы лицам, страдающим психическими расстройствами, состоящим на учёте у врача-психиатра и имеющим диагнозы «умственная отсталость легкой степени» и «шизофрения». Такие факты свидетельствуют о наличии устойчивых коррупционных схем, ставящих под угрозу жизнь и здоровье граждан.

Судебная практика последних лет подтверждает масштаб проблемы. В марте 2024 года старшие инспекторы ДПС, патрулировавшие трассу «Астрахань – Махачкала», остановили автомобиль водителя, совершившего обгон с пересечением сплошной полосы. Вместо составления протоколов сотрудники предложили нарушителю решить вопрос за деньги, продемонстрировав на экране телефона сумму в 20 тыс. рублей, которую после торга снизили до 17 тыс. рублей. Водитель, ранее столкнувшийся с вымогательством со стороны сотрудников ГИБДД, обратился в Службу безопасности МВД и при передаче денег выступил в роли закупщика. Верховный суд Республики Дагестан, рассмотрев апелляционное представление прокурора, заменил назначенный судом первой инстанции штраф в 3 млн рублей на реальные сроки лишения свободы — по 7 лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима каждому из осуждённых.

В октябре 2025 года были заключены под стражу сотрудники дорожно-патрульной службы ГИБДД МВД по Республике Дагестан, обвиняемые в получении взятки в крупном размере. В периоды с 16.09.2023 по 24.04.2024 и со 2.05.2023 по 04.10.2023 обвиняемые получили от лица «Б» лично в качестве взятки денежные средства в размерах 500 000 и 387 000 рублей за обеспечение беспрепятственного проезда используемых им автомобилей без досмотра и проверок документов на перевозимый груз.

В 2024 году в Дагестане был осуждён бывший старший инспектор дорожно-патрульной службы полка ДПС, подозреваемый в получении взяток почти на 5 млн рублей. По данным следствия, он получил от граждан в общей сумме 4,8 млн рублей за ускорение оформления и постановки на учёт автотранспортных средств.

Особую тревогу вызывает вовлечённость в коррупционные схемы руководящего состава республиканского ГИБДД. В феврале 2025 года внимание общественности привлёк случай с заместителем начальника ГИБДД Дагестана, который, по данным ряда источников, став фигурантом скандала, продолжил занимать высокую должность, что свидетельствует о формальном подходе кадровых служб к подбору руководящих кадров. Подобные факты подрывают доверие граждан к правоохранительной системе и создают условия для дальнейшего распространения коррупционных практик.

Таким образом, ситуация в Республике Дагестан наглядно демонстрирует, что коррупция в сфере дорожного движения имеет не только экономическое, но и прямое социальное измерение, выражающееся в человеческих жертвах на дорогах. Без системного реформирования кадровой политики и усиления контроля за выдачей водительских удостоверений и медицинских справок решение проблемы аварийности в регионе представляется невозможным.

4. Изменения в административном законодательстве в 2025 году

С 1 января 2025 года вступил в силу ряд поправок в КоАП РФ, ужесточающих ответственность за правонарушения в области дорожного движения [4]. В частности:

- штраф за управление транспортным средством в состоянии опьянения повышен с 30 тыс. до 45 тыс. рублей;
- штраф за проезд на запрещающий сигнал светофора — с 1 тыс. до 1,5 тыс. рублей;
- штраф за превышение скорости на 20–40 км/ч — с 500 до 750 рублей;
- штраф за нарушение правил применения ремней безопасности — с 1 тыс. до 1,5 тыс. рублей.

Кроме того, увеличен срок, в течение которого можно уплатить штраф со скидкой: с 20 до 30 дней, однако сама скидка снижена с 50% до 25%.

Эти меры направлены на повышение неотвратимости наказания, однако, как отмечалось ранее, без устранения коррупционной составляющей они могут привести лишь к увеличению размера взяток.

5. Национальный план противодействия коррупции и его проекция на сферу ДТП

Указом Президента РФ от 16.08.2021 № 478 утверждён Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы [5]. Среди приоритетных направлений — совершенствование порядка представления сведений о доходах, запрет на поступление на государственную службу лиц, осуждённых за коррупционные преступления, а также расширение полномочий прокуратуры по доступу к банковской тайне.

В контексте сферы ДТП особое значение приобретает антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, проводимая органами прокуратуры [3]. В 2025 году основные нарушения при разработке таких актов допускались исполнительными органами местного самоуправления. Это свидетельствует о необходимости усиления контроля за нормотворчеством на муниципальном уровне.

6. Пути совершенствования административно-правового регулирования

На основе проведённого анализа можно предложить следующие меры:

1. **Расширение системы автоматической фотовидеофиксации.** Уже сейчас 93% нарушений фиксируются камерами, что снижает коррупционные риски [9]. Целесообразно распространить эту практику на все виды нарушений ПДД, включая проверку наличия водительских прав.

2. **Развитие антикоррупционного правосознания государственных служащих.** Как показывает опыт скандинавских стран, ключевым фактором низкого уровня коррупции является управляемость и прозрачность. В систему подготовки сотрудников ГИБДД следует ввести спецкурсы по деонтологии и антикоррупционной этике [7, с. 89].

3. **Повышение прозрачности процедур.** Необходимо обеспечить обязательную видеофиксацию всех контактов инспекторов с водителями, а также публикацию статистики по выявленным коррупционным правонарушениям в открытом доступе.

4. **Совершенствование антикоррупционной экспертизы.** Следует усилить независимую экспертизу нормативных актов в сфере дорожного движения, привлекать к ней институты гражданского общества [3].

5. **Дифференциация ответственности.** Ужесточение штрафов должно сопровождаться неотвратимостью наказания. В случаях, когда нарушение зафиксировано автоматически, коррупционная составляющая исключена; в ситуациях же личного контакта необходимо минимизировать усмотрение должностного лица [8, с. 51].

6. **Усиление кадровой работы в регионах с высоким уровнем коррупции.** На примере Республики Дагестан очевидно, что формальный подход к подбору кадров на руководящие должности в ГИБДД создаёт предпосылки для коррупционных проявлений. Необходимо внедрить обязательную проверку кандидатов на должности в дорожной полиции с использованием полиграфа и расширенного анализа их предыдущей деятельности.

Заключение

Коррупция в сфере дорожно-транспортных происшествий остаётся серьёзным вызовом для правовой системы России. Обновление административного законодательства в 2025 году и реализация Национального плана противодействия коррупции создают институциональную основу для системных изменений. Однако эффективность этих мер будет зависеть от комплексного подхода, сочетающего технологические, образовательные и правовые инструменты. Предложенные в работе меры могут способствовать снижению коррупционных рисков и, как следствие, повышению безопасности дорожного движения. Особая роль в этом процессе принадлежит регионам с высоким уровнем аварийности и коррупции, где требуется не только ужесточение наказаний, но и глубокое реформирование кадровой политики и системы контроля за допуском водителей к управлению транспортными средствами.

Список литературы

1. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25) // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

3. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.

4. Федеральный закон от 26.12.2024 № 490-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2024.

5. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // СЗ РФ. 2021.

6. Грачев С. А., Лелетова М. В., Шерстнев В. Б. Расследование дорожно-транспортных преступлений: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2022. — 127 с.

7. Жеребцов А. Н., Булгаков А. Н., Павлов Н. В. Административное расследование правонарушений в области дорожного движения: учебное пособие для вузов. — М.: Юрайт, 2022. — 116 с.

8. Киселевич И. В., Демидова Т. В., Беляев М. В. Транспортно-трасологическая экспертиза. — М.: Юрайт, 2022. — 127 с.

9. Госавтоинспекция. Показатели статистики ДТП в России [Электронный ресурс]. URL: http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 15.11.2025).

УДК 336.02:343.35

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ПРЕВЕНТИВНЫЙ РЕСУРС ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ

Биярсланова Асият Магомедовна,
к.п.н., доцент кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин,
«ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства»,
(367008 Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Махачкала,
ул. Джамалутдина Атаева, 5. E-mail:bruo2@mail.ru)

Аннотация. В статье финансовое просвещение рассматривается как инструмент предупреждения коррупции, воздействующий на экономические механизмы воспроизводства коррупционных практик. Анализируются теоретические связи между ростом финансовой ком-

петентности населения и сокращением коррупционных рисков. Систематизируются подходы к измерению результативности антикоррупционных и просветительских программ. Особое внимание уделено методике оценки экономической отдачи, включающей прирост налоговых поступлений, снижение бюджетных расходов на правоохранительную и судебную реакцию, предотвращённый ущерб. Обосновывается необходимость проектирования оценки одновременно с разработкой программы. Научная новизна — адаптация методического подхода к регионам с повышенными коррупционными рисками, прежде всего к Республике Дагестан. Предложены рекомендации по включению антикоррупционных модулей в программы финансовой грамотности.

Ключевые слова: финансовая грамотность; профилактика коррупции; экономическая эффективность; антикоррупционная культура; информационная асимметрия; теневая экономика; Республика Дагестан; оценка программ.

FINANCIAL LITERACY AS A PREVENTIVE RESOURCE FOR COMBATING CORRUPTION: APPROACHES TO ASSESSING THE ECONOMIC EFFECTIVENESS OF EDUCATIONAL PROGRAMS

Biyarslanova Asiyat Magomedovna,
Candidate of Pedagogical Sciences (Ph.D. in Pedagogy), Associate Professor
Department of Criminal Law and State-Legal Disciplines
Dagestan State University of National Economy
(367008 Russian Federation, Republic of Dagestan,
Makhachkala, son. Jamalutdina Atayeva, 5. Email: bruo2@mail.ru)

Annotation. The article considers financial education as a tool for preventing corruption that affects the economic mechanisms reproducing corrupt practices. The author analyzes the theoretical links between the growth of financial competence of the population and the reduction of corruption risks, and systematizes approaches to measuring the effectiveness of anti-corruption and educational programs. Particular attention is paid to the methodology for assessing economic returns, including increased tax revenues, reduced budget expenditures on law enforcement and judicial response, and prevented damage. The necessity of designing evaluation simultaneously with the development of the program itself is substantiated. The scientific novelty consists in adapting the methodological approach to regions with elevated corruption risks, primarily the Republic of Dagestan. Recommendations are proposed for incorporating anti-corruption modules into financial literacy programs.

Keywords: financial literacy; corruption prevention; economic efficiency; anti-corruption culture; information asymmetry; shadow economy; Republic of Dagestan; program evaluation.

Введение

Коррупция продолжает оставаться одним из наиболее серьёзных вызовов для государственной политики: она снижает инвестиционную привлекательность, ослабляет качество институтов и усиливает социальное неравенство. Репрессивные и административные меры сами по себе не устраняют глубинные причины коррупционного поведения. Они способны ограничить отдельные проявления, но не формируют устойчивого общественного запроса на прозрачность, подотчётность и законность.

В этом контексте возрастает значение превентивных инструментов. Финансовая грамотность может рассматриваться как один из таких инструментов, поскольку она расширяет возможности граждан распознавать коррупционные схемы, понимать бюджетные процессы, защищать свои права и снижать зависимость от неформальных посредников. Однако в российской практике потенциал финансового просвещения как элемента антикоррупционной политики изучен недостаточно. Кроме того, отсутствует единая методика оценки экономической результативности таких программ, что затрудняет обоснование их бюджетного финансирования и масштабирования.

Цель статьи — определить механизмы воздействия финансовой грамотности на снижение коррупционных рисков и предложить методический подход к оценке экономической эффективности просветительских программ, ориентированный на регионы с высоким уровнем коррупционных рисков.

Для достижения цели поставлены задачи:

1. систематизировать теоретические основания связи финансовой грамотности и коррупции;
2. обобщить международный и российский опыт оценки антикоррупционных и просветительских программ;
3. предложить формулу и индикаторы оценки экономического эффекта;
4. адаптировать рекомендации к условиям Республики Дагестан.

1. Теоретические основания: как финансовое просвещение влияет на коррупционные риски

Влияние финансовой грамотности на коррупцию не является прямым и одномоментным. Оно реализуется через несколько взаимосвязанных каналов.

Ценностно-нормативный канал. Финансовое просвещение формирует у граждан представление о налогах, бюджете и государственных услугах как о взаимных обязательствах. Это способствует укреплению нетерпимости к коррупции как к социальной норме. Финансово грамотный человек понимает, что коррупционные платежи в конечном счёте отражаются на стоимости услуг, качестве инфраструктуры и уровне налоговой нагрузки.

Информационно-когнитивный канал. Коррупция часто сохраняется там, где существует информационная асимметрия: граждане не знают, как распределяются бюджетные средства, какие процедуры являются законными, куда обращаться при нарушении прав. Программы, включающие темы «Бюджет для граждан», «Инициативное бюджетирование», «Государственные закупки», снижают эту асимметрию и создают основу для общественного контроля.

Правозащитный канал. Знание механизмов защиты прав потребителей финансовых услуг позволяет противостоять незаконным комиссиям, вымогательству, навязанным услугам и иным злоупотреблениям. Это сокращает пространство для посреднической коррупции в сфере финансов.

Бюджетно-контрольный канал. Чем больше граждан понимают структуру бюджетных расходов и механизмы общественного участия, тем выше вероятность выявления неэффективных или коррупционных решений. Примеры школьных бюджетных проектов и молодёжных инициатив показывают, что такая грамотность формируется уже на этапе общего образования [4].

Таким образом, финансовая грамотность воздействует не только на моральные установки, но и на рациональные стратегии поведения: граждане начинают оценивать коррупцию как экономически невыгодную и рискованную практику.

2. Оценка антикоррупционных и просветительских программ: международный и российский опыт

Современная практика оценки антикоррупционных мер сталкивается с рядом методологических ограничений. Согласно обзору ОЭСР, опубликованному в 2025 году, большинство государств сталкиваются с нехваткой ресурсов, дефицитом экспертов и недостаточной цифровизацией при оценке антикоррупционных программ [6]. Оценка зачастую не имеет ясной концептуальной рамки и редко опирается на теорию изменений, что не позволяет выявлять долгосрочные эффекты. Это означает, что оценка должна закладываться в дизайн программы с самого начала.

Российский опыт оценки финансовой грамотности выглядит более системным. В рамках федерального проекта проводятся социологические измерения, лонгитюдные исследования финансового поведения домохозяйств, мониторинг образовательных результатов и участие в международных сопоставлениях [3; 5; 7]. Это позволяет фиксировать не только знания, но и поведенческие изменения.

Динамика отдельных индикаторов финансовой грамотности в регионах реализации проекта за период с 2013 по 2019 год показывает положительные сдвиги. Так, понимание связи «риск — доходность» выросло с 64% до 71% (прирост 7 п.п.). Осознание необходимости финансовой подушки увеличилось с 31% до 37% (+6 п.п.). Доля граждан, сравнивающих условия до оформления кредита, поднялась с 69% до 81% (+12 п.п.). Особенно заметен рост знания действий при нарушении прав финансовой организацией: с 32% до 52% (+20 п.п.) [7]. Эти данные свидетельствуют о том, что просветительские программы способны менять поведенческие установки. Однако для антикоррупционного эффекта важно дополнить такие измерения показателями прозрачности, налоговой дисциплины и доверия к институтам.

3. Методический подход к оценке экономической результативности

Экономический эффект от программ, объединяющих финансовое просвещение и антикоррупционную профилактику, целесообразно оценивать по расширенной формуле:

$$Э = (\Delta Н + \Delta С + \Delta П) - З,$$

где:

• Э — годовой экономический эффект;

• ΔН — прирост налоговых и неналоговых поступлений за счёт легализации части теневых доходов и повышения налоговой дисциплины;

• ΔС — снижение бюджетных расходов на следственные действия, судебные процессы и исполнение наказаний по коррупционным составам;

• ΔП — предотвращённый ущерб от недопущенных коррупционных сделок и неэффективных расходов;

• З — совокупные затраты на разработку, внедрение и сопровождение программы.

В отличие от узкой оценки только через налоговые поступления, такая формула учитывает превентивный характер просветительской работы. Для регионов с высоким уровнем теневой занятости и неформальных платежей особенно значим показатель ΔН.

Ключевые индикаторы для мониторинга:

• индекс финансовой грамотности по методике ОЭСР и Минфина России [3; 8];

• доля граждан, вовлечённых в теневые финансовые практики;

• динамика налоговых поступлений от МСП и самозанятых;

• количество обращений по фактам коррупции в финансовой сфере;

• уровень доверия к контролирующим и правоохранительным органам;

• региональный индекс восприятия коррупции.

4. Региональная проекция: Республика Дагестан

Для Дагестана характерны социально-экономические и институциональные особенности, которые усиливают коррупционные риски: высокая бедность, безработица, ограниченность промышленной базы, сильное влияние клановых и семейных связей, неформальные практики в бизнес-среде. В таких условиях финансовая грамотность может выполнять компенсаторную функцию, показывая легальные альтернативы неформальным схемам.

Согласно промежуточным результатам опроса «Административный климат в Республике Дагестан – 2025», 22,5% предпринимателей указали на наличие опыта столкновения с коррупцией, при этом 72,1% из них не обращались в правоохранительные органы, объясняя это недоверием к системе [13]. Более половины участников опроса (54,5%) затруднились дать оценку уровню коррупции в республике [13]. Эти данные свидетельствуют о высоком уровне латентности коррупционных практик и низком доверии к институтам, что подтверждает необходимость превентивных просветительских мер.

По данным МВД по Республике Дагестан, в 2025 году зарегистрировано 408 преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Средний размер взятки составил 425 тыс. рублей, что в четыре раза меньше, чем в 2024 году [14]. Фигурантами уголовных дел стали 337 должностных лиц, включая руководителей министерств и ведомств [14].

В социально-экономическом контексте, где распространены бедность, безработица и слабая промышленность, антикоррупционный потенциал финансового просвещения ре-

ализуется через обучение личному финансовому планированию, легальному предпринимательству, управлению семейным бюджетом. В сфере клановости и кумовства, где семейно-клановые связи влияют на распределение ресурсов, важны модули о честной конкуренции, прозрачности закупок, деловой репутации. В бизнес-среде, сталкивающейся с взятками за ускорение разрешений, «откатами», фиктивными контрактами, необходимы программы для МСП о защите от вымогательства, правилах госзакупок, финансовой безопасности. В области правосознания, где коррупция воспринимается как привычная практика, формирование антикоррупционных установок должно идти через демонстрацию ущерба для семьи и личного бюджета.

Система образования Дагестана может стать пилотной площадкой для интеграции антикоррупционного компонента в финансовое просвещение. Новые образовательные объекты и обновлённые программы позволяют апробировать модули без существенной перегрузки учебного плана.

5. Практические рекомендации

1. Включить в программы финансовой грамотности отдельные модули: «Коррупционные риски в финансовой сфере», «Защита прав потребителей финансовых услуг», «Налоговая грамотность и прозрачность», «Бюджет для граждан» [1; 2; 10].

2. Разработать дифференцированные треки для школьников, студентов, бюджетников, предпринимателей и самозанятых. Например, для школьников — игровые форматы, для предпринимателей — кейсы по госзакупкам.

3. Использовать интерактивные форматы: деловые игры, кейсы, симуляции коррупционных ситуаций, финансовые квизы [11].

4. Поддерживать молодёжные антикоррупционные инициативы, конкурсы социальной рекламы, олимпиады по финансовой безопасности [11; 12].

5. Встроить оценку в дизайн программы: определить базовые индикаторы до начала обучения, проводить промежуточные срезы и итоговое измерение.

6. Для Дагестана дополнительно использовать данные налоговых органов, правоохранительной статистики и регулярные опросы молодёжи [13; 14].

Заключение

Финансовая грамотность является не второстепенным, а системным инструментом профилактики коррупции. Она снижает информационную асимметрию, расширяет правовые возможности граждан, повышает налоговую дисциплину и формирует антикоррупционные установки. Экономический эффект таких программ может проявляться через прирост налоговых поступлений, сокращение расходов на правоприменение и предотвращение ущерба [9]. Для регионов с высоким уровнем коррупционных рисков, включая Республику Дагестан, особенно важна адаптация просветительских программ к местной специфике и создание системы мониторинга, основанной на теории изменений.

Список литературы

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 2024 г.) // СПС «Консультант Плюс».

2. Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 24.10.2023 № 2958-р // СПС «Консультант Плюс».

3. Официальный сайт Минфина России. Проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». URL: https://minfin.gov.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).

4. Портал «Петербургское образование». Проект «Твой бюджет в школах». URL: http://petersburgedu.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).

5. Федеральный методический центр по финансовой грамотности системы общего и среднего профессионального образования. URL: https://fmc.hse.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).

6. Governments' assessments of corporate anti-corruption compliance : OECD Report. Paris: OECD Publishing, 2025. 25 March. URL: https://repository.ach.gov.ru/show/8493/?lang=en (date of access: 20.09.2026).

7. Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ). Мониторинг финансовой грамотности. URL: https://nafi.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).

8. Результаты PISA-2018. Финансовая грамотность российских учащихся. М. : Минфин России, 2020.

9. Всемирный банк. Экономические последствия коррупции. URL: https://www.worldbank.org/ (дата обращения: 20.09.2026).

10. Методические материалы по финансовой грамотности для системы СПО и высшего образования / Министерство финансов Российской Федерации. М., 2022. URL: https://clck.ru/36VN8h (дата обращения: 20.09.2026).

11. Международная олимпиада по финансовой безопасности. URL: https://olimp.fingramota.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).

12. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Конкурс «Вместе против коррупции!». URL: https://epp.genproc.gov.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).

13. Промежуточные результаты опроса «Административный климат в Республике Дагестан – 2025» по вопросам коррупции // Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Республике Дагестан. Махачкала, 2025. URL: https://ombudsmanrd.ru/press-centr/oproscorruption/ (дата обращения: 20.09.2026).

14. В Дагестане средний размер взятки снизился за год в четыре раза // МД-газета. 2026. 26 марта. URL: https://md-gazeta.ru/news/176295 (дата обращения: 20.09.2026).

УДК 331.101.68

ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА ЧЕРЕЗ ИНВЕСТИЦИИ В ЗДОРОВЬЕ И ОБРАЗОВАНИЕ РАБОТНИКОВ

Буркавцова София Юрьевна,
студентка кафедры «Производственный менеджмент»,
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля»
(291034, Российская Федерация, Луганская Народная Республика,
г. Луганск, кв-л Молодежный 20а. E-mail: sburkavtsova07@mail.ru)
Научный руководитель:
Колесников Владимир Анатольевич,
старший преподаватель кафедры «Производственный менеджмент»
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля»
(291034, Российская Федерация, Луганская Народная Республика,
г. Луганск, кв-л Молодежный 20а. E-mail: zilliandorra@gmail.com)

Аннотация. В исследовании уделено внимание взаимосвязи между инвестициями в человеческий капитал и ростом производительности труда. Уточнены основные факторы влияния здоровья и образования работников на эффективность их трудовой деятельности.

Выявлено, что традиционные методы повышения производительности, такие как модернизация оборудования, автоматизация, требуют значительных затрат и не всегда доступны предприятиям, а инвестиции в здоровье и профессиональное развитие сотрудников обеспечивают практически равноценный экономический эффект при меньших начальных затратах. Проведён анализ отечественных и зарубежных исследований, подтверждающих прямую связь между уровнем здоровья, квалификацией работников и производительностью труда. Рассмотрены современные подходы к оценке эффективности вложений в человеческий капитал и представлены основные сдерживающие факторы, препятствующие долгосрочным вложениям в персонал.

Уточнены ключевые проблемы повышения производительности труда через развитие кадрового потенциала и приведены актуальные направления для работодателей и органов государственной власти по оптимизации инвестиций в здоровье и образование работников.

Ключевые слова: производительность труда, человеческий капитал, инвестиции в здоровье, профессиональное образование, эффективность труда, кадровый потенциал, экономический рост.

INCREASING LABOR PRODUCTIVITY THROUGH INVESTMENTS IN WORKERS' HEALTH AND EDUCATION

Burkavtsova Sofia Yuryevna,
student of the chair «Production Management»,
FSBEI HE «Lugansk State University named after V. Dahl»
(291034, Russian Federation, Lugansk People's Republic,
Lugansk, Molodezhny Block 20a. E-mail: sburkavtsova07@mail.ru)
Scientific supervisor:
Kolesnikov Vladimir Anatolyevich,
Senior Lecturer of the chair «Production Management»,
FSBEI HE «Lugansk State University named after V. Dahl»
(291034, Russian Federation, Lugansk People's Republic,
Lugansk, Molodezhny Block 20a. E-mail: zilliandorra@gmail.com)

Annotation. This study focuses on the relationship between investments in human capital and the growth of labor productivity. The main factors influencing the health and education of workers and their work performance have been clarified.

The article reveals that traditional methods of increasing productivity, such as equipment modernization and automation, require significant costs and are not always available to enterprises, while investments in employees' health and professional development provide an almost equivalent economic effect with lower initial costs. An analysis of domestic and foreign studies confirming the direct link between the level of health, workers' qualifications, and labor productivity has been carried out. Modern approaches to assessing the effectiveness of investments in human capital are examined, and the main constraints hindering long-term investments in personnel are presented.

The key problems of increasing labor productivity through the development of personnel potential are clarified and current directions for employers and public authorities to optimize investments in workers' health and education are given.

Keywords: labor productivity, human capital, health investment, professional education, labor efficiency, personnel potential, economic growth.

Производительность труда является одним из ключевых показателей конкурентоспособности национальной экономики. Её уровень определяет эффективность использования трудовых ресурсов, темпы экономического роста и благосостояние населения. В Российской Федерации, несмотря на реализацию ряда государственных программ, данный показатель остаётся значительно ниже, чем в развитых странах.

Традиционный подход к повышению производительности предполагает модернизацию, внедрение автоматизированных систем управления и оптимизацию технологических процессов. Однако такие меры требуют значительных капиталовложений, которые не всегда доступны для предприятий малого и среднего бизнеса [3, с. 15]. Кроме того, эффект от технической модернизации часто оказывается ниже ожидаемого из-за недостаточной квалификации персонала и низкой мотивации работников [4, с. 157].

В связи с этим всё более актуальным становится подход, ориентированный на развитие человеческого капитала. Инвестиции в здоровье и образование работников рассматриваются как долгосрочный и экономически эффективный инструмент повышения производительности труда [5, с. 154]. Данный подход опирается на теоретические положения о челове-

ческом капитале как важнейшем факторе экономического роста [8, с. 112].

Правовой основой для таких инвестиций выступают, в частности, Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1], который гарантирует право на непрерывное образование в течение всей жизни, и Федеральный закон № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» [2], который связывает условия труда с состоянием здоровья работников и обязательствами работодателя по организации медицинских осмотров.

Цель исследования заключается в обосновании эффективности инвестиций в здоровье и образование работников как способа повышения производительности труда. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: уточнить теоретические основы влияния человеческого капитала на производительность; выявить основные каналы воздействия здоровья и образования на трудовую эффективность; провести сравнительный анализ этих двух направлений; оценить экономическую эффективность инвестиций; определить барьеры, препятствующие системным вложениям в персонал; сформулировать практические рекомендации для работодателей и органов государственной власти.

Суть проблемы: почему традиционные методы повышения производительности не работают

Традиционные методы повышения производительности труда можно условно разделить на три группы: технические (модернизация оборудования, автоматизация), организационные (оптимизация бизнес-процессов) и управленческие (совершенствование систем мотивации и контроля).

Технические методы требуют значительных капиталовложений, которые окупаются в течение нескольких лет. Для малых и средних предприятий такие инвестиции часто недоступны [3, с. 16]. Но даже самое современное оборудование не даёт ожидаемого эффекта, если работники не обладают достаточной квалификацией для его эффективной эксплуатации. Организационные методы также имеют пределы: оптимизация процессов не может компенсировать низкий уровень здоровья работников или их недостаточную профессиональную подготовку [7, с. 2]. Управленческие методы, основанные на материальной мотивации, также имеют ограниченный эффект, поскольку после достижения определённого уровня дохода мотивация работника перестаёт расти пропорционально увеличению выплат.

Возникает вопрос: что выгоднее — вкладывать средства в технику или в людей? Работа с научной литературой показывает, что наиболее устойчивые результаты достигаются при комплексном подходе, однако в условиях ограниченных ресурсов инвестиции в человеческий капитал могут дать более быстрый эффект [6, с. 104].

Человеческий капитал представляет собой совокупность врождённых и приобретённых качеств работника, включая здоровье, знания, навыки, профессиональные компетенции и мотивацию [8, с. 113]. В отличие от физического капитала, человеческий капитал является неотъемлемым от личности работника и требует постоянного развития.

Человеческий капитал включает три основных элемента: здоровье, образование и мотивацию [9, с. 12]. Здоровье выступает основным условием реализации трудового потенциала. Образование определяет способность работника выполнять сложные задачи и осваивать новые технологии. Мотивация обеспечивает готовность работника прилагать усилия для достижения целей организации.

Влияние человеческого капитала на производительность труда реализуется через три основных канала. Первый - более образованные и здоровые работники обладают более высокими интеллектуальными способностями, которые позволяют им быстрее обрабатывать информацию и принимать оптимальные решения [4, с. 158]. Второе - инвестиции в здоровье снижают уровень неявки на работу и текучести кадров, что обеспечивает стабильность производственных процессов [10, с. 478]. Третье - образование способствует внедрению инновационных методов работы, повышению качества продукции и снижению брака [13, с. 277].

Здоровье работника напрямую влияет на его способность выполнять трудовые функции. Физическое и психическое состояние определяет уровень концентрации, скорость выполнения работы, выносливость и устойчивость к стрессам [6, с. 105]. Снижение уровня здо-

ровья ведёт к росту заболеваемости, увеличению числа пропусков рабочих дней и снижению производительности [7, с. 3].

По данным исследований, потери производительности, связанные с хроническими заболеваниями работников, составляют значительную долю экономических потерь как на уровне предприятия, так и на уровне национальной экономики [6, с. 106]. Эти потери складываются из прямых затрат на лечение и затрат на замену временно отсутствующих работников [10, с. 479].

Инвестиции в здоровье работников включают несколько направлений: организация профилактических медицинских осмотров, добровольное медицинское страхование, программы психологической поддержки, создание условий для здорового образа жизни [9, с. 13]. Стоимость таких программ колеблется в зависимости от размера предприятия и предоставляемых услуг.

Образование и профессиональная подготовка являются вторым ключевым элементом человеческого капитала. Уровень образования определяет способность работника осваивать новые технологии, приспосабливаться к изменениям и принимать нестандартные решения [11, с. 114].

Многочисленные эмпирические исследования подтверждают, что увеличение среднего уровня образования работников на один год приводит к росту производительности труда в среднем на 5–10% [8, с. 114]. При этом наиболее значимый эффект достигается не столько за счёт образования, сколько за счёт непрерывного профессионального развития [12, с. 154]. Программы повышения квалификации, наставничество и обучение смежным специальностям позволяют работникам быстрее адаптироваться к изменениям и эффективнее выполнять свои обязанности.

Инвестиции в образование включают затраты на образовательные программы, разработку учебных материалов и оплату времени, затраченного на обучение [3, с. 18]. Стоимость таких программ может различаться, однако их эффективность оценивается в диапазоне от 2 до 5 рублей дополнительного дохода на каждый вложенный рубль [11, с. 115]. Максимальный эффект дают программы, направленные на практическое применение знаний и связанные с текущими производственными задачами.

По скорости окупаемости инвестиции в здоровье дают более быстрый эффект. Снижение заболеваемости и текучести кадров проявляется уже в первые месяцы после внедрения программ [6, с. 107]. Инвестиции в образование имеют более длительный временной промежуток: эффект от обучения проявляется через несколько месяцев или даже лет [4, с. 159].

По стоимости инвестиции в здоровье требуют меньших первоначальных вложений. Программы медицинского страхования и профилактики могут быть реализованы при относительно небольших затратах [9, с. 14]. Образовательные программы, особенно связанные с длительным обучением или привлечением экспертов, требуют более значительных ресурсов [3, с. 19].

По длительности эффекта инвестиции в образование превосходят вложения в здоровье. Полученные знания и навыки сохраняются на протяжении всей жизни, тогда как эффект от программ здоровья требует постоянного поддержания [8, с. 115].

Оба направления являются необходимыми, однако их наилучшее соотношение зависит от конкретных условий: отрасли, состояния персонала, финансовых возможностей предприятия. Комплексный подход, сочетающий инвестиции в здоровье и образование, даёт максимальный эффект от совместного действия [9, с. 15].

Исследования показывают, что инвестиции в программы укрепления здоровья работников обеспечивают возврат в размере от 1,5 до 3 рублей на каждый вложенный рубль в течение 2–3 лет [6, с. 108]. Инвестиции в образование и повышение квалификации оцениваются выше: каждый рубль, вложенный в обучение сотрудников, приносит дополнительный доход в размере 2–5 рублей в долгосрочной перспективе [11, с. 117]. При подходе, сочетающем оба направления, затраты на одного работника в размере 50–80 тыс. рублей в год дают при-

рост производительности на 15–20%, что обеспечивает возврат инвестиций в 2,5–4 раза [10, с. 483].

Вместе с тем, существует ряд трудностей. Во-первых, трудно выделить чистый эффект именно от инвестиций в здоровье и образование, поскольку производительность зависит также от качества управления и внешних рыночных факторов [12, с. 155]. Во-вторых, отдача от инвестиций имеет временные рамки. В-третьих, часть выгод получает не только работодатель и сам работник, а также общество в целом [8, с. 116].

Несмотря на доказанную экономическую эффективность, инвестиции в здоровье и образование работников остаются недостаточно распространённой практикой. Можно выделить пять ключевых барьеров:

- Финансовый барьер. Многие предприятия, особенно малые и средние, сталкиваются с ограниченностью финансовых ресурсов. При ограниченном бюджете приоритет отдаётся текущим расходам и инвестициям в оборудование, которые дают более быструю и предсказуемую отдачу [3, с. 21].

- Институциональный барьер. Отсутствие развитой системы государственной поддержки (субсидии, налоговые льготы) для предприятий, инвестирующих в здоровье и обучение сотрудников, снижает стимулы к таким вложениям [2].

- Информационный барьер. Руководители предприятий не всегда обладают достоверной информацией о реальной экономической эффективности инвестиций в человеческий капитал. Отсутствие понятных методик расчёта создаёт иллюзию низкой окупаемости [4, с. 160].

- Организационный барьер. На многих предприятиях отсутствуют кадровые службы, способные разрабатывать и реализовывать программы повышения квалификации и укрепления здоровья сотрудников [9, с. 16].

- Культурный барьер. Во многих коллективах сохраняется отношение к обучению и заботе о здоровье как к личному делу каждого работника, а не как к инвестиционному проекту компании [5, с. 156].

Преодоление барьеров требует реализации мер на уровне отдельных предприятий и государственной политики.

На уровне предприятий:

1. Разработка индивидуальных программ медицинского сопровождения работников, включающих ежегодные профилактические осмотры, организацию диспансеризации и программы психологической поддержки [9, с. 17].

2. Формирование системы непрерывного профессионального обучения, включающей как внешние образовательные программы, так и внутреннее обучение (наставничество, обмен опытом) [12, с. 156].

3. Внедрение современных методов оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал, в частности, расчёт экономических показателей (снижение текучести, сокращение больничных) [3, с. 22].

4. Создание корпоративной культуры, ориентированной на развитие и заботу о здоровье сотрудников, включая систему нематериальной мотивации [9, с. 18].

На уровне государства:

1. Расширение налоговых льгот для предприятий, осуществляющих расходы на обучение и медицинское страхование работников [2].

2. Разработка типовых методик оценки экономической эффективности инвестиций в человеческий капитал [11, с. 118].

3. Включение показателей, характеризующих состояние здоровья и уровень квалификации работников, в систему критериев оценки эффективности деятельности предприятий [1].

4. Содействие развитию корпоративных университетов и учебных центров, создание отраслевых образовательных стандартов с участием работодателей [1].

Вложения в здоровье и образование работников являются эффективным способом по-

вышения производительности труда. По сравнению с традиционной модернизацией оборудования, данный подход обеспечивает сопоставимый экономический результат при меньших первоначальных затратах, усиливая эффект со временем.

Здоровье и образование влияют на производительность: растут интеллектуальные способности, снижаются неявки и текучесть, а также создаются условия для инноваций. Сравнительный анализ показал, что инвестиции в здоровье дают более быстрый эффект, а в образование – более длительный.

Системные инвестиции в персонал сдерживаются финансовыми, информационными, организационными и культурными барьерами. Чтобы их преодолеть работодатели и государство должны действовать согласованно. При кадровом дефиците и необходимости импортозамещения технологий повышение производительности труда через вложения в человеческий капитал становится необходимостью для предприятий всех отраслей.

Список литературы

Законодательные материалы

1. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон № 273-ФЗ : [принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года]. — Москва : Проспект, 2023. — 192 с. — ISBN 978-5-392-38157-5. — Текст : непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. О специальной оценке условий труда : Федеральный закон № 426-ФЗ : [принят Государственной Думой 23 декабря 2013 года : одобрен Советом Федерации 25 декабря 2013 года]. — Москва : Проспект, 2023. — 48 с. — ISBN 978-5-392-38012-7. — Текст : непосредственный.

Статьи из журналов

3. Боркова, Е. А. Инвестиции в человеческий капитал как основа устойчивого социально-экономического развития / Е. А. Боркова, Л. В. Ватлина // Экономика и управление. — 2025. — Т. 31, № 1. — С. 13–22. — ISSN 1998-1627. — Текст : непосредственный.

4. Великанова, С. С. Человеческий капитал как фактор экономического роста / С. С. Великанова, А. Г. Иванов // Экономика и предпринимательство. — 2024. — № 1 (162). — С. 156–160. — ISSN 1999-2300. — Текст : непосредственный.

5. Гишкаева, Л. Л. Человеческий капитал и его роль в современной экономике / Л. Л. Гишкаева // Экономика и предпринимательство. — 2024. — № 5 (166). — С. 153–155. — ISSN 1999-2300. — Текст : непосредственный.

6. Горчакова, Н. С. Инвестиции в здоровье как способ минимизации экономических потерь / Н. С. Горчакова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2021. — Т. 11, № 6-1. — С. 102–111. — ISSN 2222-9167. — Текст : непосредственный.

7. Качагина, О. В. Влияние состояния здоровья населения на производительность труда / О. В. Качагина, А. А. Качагин // Вектор экономики. — 2021. — № 7 (61). — С. 1–8. — eISSN 2500-3666. — Текст : электронный. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=46389754 (дата обращения: 13.09.2026). — Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

8. Максимова, И. В. Человеческий капитал и эффективность инвестиций в него / И. В. Максимова, Ю. А. Симагин // Народонаселение. — 2024. — Т. 27, № 3. — С. 111–123. — ISSN 1561-7785. — Текст : непосредственный.

9. Соловьева, Е. В. Инвестиции в здоровье сотрудников как направление развития человеческого капитала / Е. В. Соловьева, А. Б. Вешкурова // Экономика железных дорог. — 2023. — № 4. — С. 23–37. — ISSN 1727-6508. — Текст : непосредственный.

10. Тян, А. Ю. Стратегия повышения производительности труда на основе инвестиций в капитал здоровья / А. Ю. Тян, Н. Р. Кельчевская // Экономика промышленности. — 2024. — Т. 17, № 4. — С. 476–486. — ISSN 2072-1633. — Текст : непосредственный.

УДК 330.354

«ЦИФРОВОЙ ПРОВАЛ» КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СРЕДИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Гедуадже Джанета Рустамовна,
магистрант 2 курса факультета социальных технологий и туризма.
Адыгейский государственный университет
(Республика Адыгея, г. Майкоп, E-mail: geduazhed16@gmail.com)

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен «цифрового провала» как фактор, ограничивающий реализацию человеческого капитала среди граждан пожилого возраста. Ускоренная цифровизация государственных и социальных услуг создаёт барьеры для пожилых людей, не обладающих достаточными цифровыми компетенциями, что ведёт к их социальной изоляции и снижению качества жизни. Такой подход требует переориентации социальной работы с компенсации последствий цифрового неравенства на его активную профилактику через обучение и межпоколенческое наставничество.

Ключевые слова: цифровой провал, человеческий капитал, пожилые люди, цифровая инклюзия, социальная работа.

«DIGITAL GAP» AS A FACTOR IN THE DECLINE OF HUMAN CAPITAL AMONG ELDERLY PEOPLE

Geduadzhe Dzhaneta Rustamovna,
2nd year Master's student at the Faculty of Social Technologies and Tourism, Adyghe State University
(Republic of Adygea, Maykop, E-mail: geduazhed16@gmail.com)

Annotation. This article examines the phenomenon of the "digital gap" as a factor limiting the realization of human capital among elderly citizens. The accelerated digitalization of public and social services creates barriers for older people who lack sufficient digital competencies, which leads to their social isolation and a decline in quality of life. This approach requires a reorientation of social work from compensating for the consequences of digital inequality to its active prevention through training and intergenerational mentoring.

Keywords: digital gap, human capital, elderly people, digital inclusion, social work.

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни, будучи неоспоримым благом с точки зрения эффективности и доступности услуг, одновременно порождает новую форму социального неравенства. Речь идёт о феномене, который в современной научной литературе обозначается как «цифровой разрыв» или «цифровой провал» – ситуации, когда часть населения в силу объективных или субъективных причин оказывается отрезанной от возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями.

Наиболее уязвимой группой в этом контексте выступают граждане пожилого возраста, чей человеческий капитал – накопленные знания, опыт и навыки – остаётся невостребованным в условиях цифровой экономики. Цель настоящей статьи состоит в анализе влияния «цифрового провала» на человеческий капитал пожилых людей и обосновании роли социальной работы в преодолении этого феномена.

Понятие человеческого капитала традиционно связывается с совокупностью знаний, компетенций и способностей индивида, которые могут быть использованы для производства экономических и социальных благ. В цифровую эпоху эта категория приобретает новое измерение: цифровая грамотность становится не просто дополнительным навыком, а необходимым условием полноценного участия в жизни общества.

Человек, не владеющий базовыми цифровыми компетенциями, оказывается исключённым из множества социальных практик – от получения государственных услуг до поддержания коммуникации с близкими. Именно поэтому утрата или отсутствие цифровых

навыков у пожилых людей может рассматриваться как фактор снижения их человеческого капитала.

По данным, приводимым в исследовании Белогуда И. Н., «дистанционное обучение показало высокую эффективность в расширении доступа к образованию и развитии цифровой грамотности, особенно среди уязвимых групп, к которым относятся граждане старшего поколения» [1, с. 14]. Однако, несмотря на существующие образовательные возможности, значительная часть пожилых людей продолжает испытывать трудности при освоении современных технологий. Масштабы проблемы впечатляют: по данным на 2025 год, в России насчитывается около 25 миллионов граждан старше 65 лет, и значительная часть этого поколения, чья социализация проходила в доцифровую эпоху, сталкивается с серьёзными барьерами при взаимодействии с цифровой средой [3].

Одним из ключевых последствий цифрового провала становится ограничение доступа пожилых людей к социально значимым услугам. Запись к врачу, оплата коммунальных платежей, получение справок и пособий, вызов такси – всё это сегодня требует использования смартфона и интернета. Как отмечается в публикации «Цифровой разрыв: каждый третий россиянин старше 55 лет боится остаться за бортом технологий», даже простая процедура дозвона в учреждение с голосовым меню становится непреодолимым препятствием: пожилой человек «не выдерживает этих комбинаций, нервничает, расстраивается» [3].

Особенно остро проблема стоит в сельской местности, где доступ к интернету ограничен, а альтернативные каналы получения услуг практически отсутствуют [3]. Таким образом, пожилые люди оказываются в ситуации «принудительной цифровизации», когда выбор в пользу традиционных форм обслуживания у них фактически отнят.

В контексте человеческого капитала важно подчеркнуть, что речь идёт не только о потерях в экономической активности пожилых, но и о более глубоких социально-психологических последствиях. Отсутствие цифровых навыков ведёт к сужению социальных контактов, утрате чувства автономии и независимости, снижению самооценки. Как справедливо замечает И. Н. Белогруд, «межпоколенческие различия в освоении цифровых технологий могут быть существенно снижены при условии целенаправленного педагогического сопровождения, учитывающего возрастные особенности восприятия информации» [1, с. 17]. Однако на практике такое сопровождение доступно далеко не всем пожилым людям, что ведёт к нарастанию чувства беспомощности и зависимости от окружающих.

Примечательно, что многие пожилые люди сохраняют высокий уровень профессиональных и жизненных компетенций, которые могли бы быть востребованы в экономике и социальной сфере. Однако отсутствие цифровых навыков делает эти компетенции недоступными для использования в современной коммуникационной среде. Именно в этом заключается парадокс цифровой эпохи: человек, обладающий уникальным опытом и знаниями, оказывается исключённым из общественной жизни только потому, что не владеет интерфейсом смартфона.

Данное обстоятельство подводит к выводу о том, что цифровой провал выступает не просто технической проблемой, а серьёзным социальным барьером, ограничивающим реализацию человеческого капитала пожилых людей.

Исследования показывают, что мотивация пожилых людей осваивать цифровые технологии связана прежде всего с желанием сохранить независимость и самостоятельно справляться с бытовыми задачами. Однако на пути к этой цели возникают не только технические, но и психологические препятствия: страх перед новым, неуверенность в своих силах, отсутствие доверия к цифровым сервисам.

В этой связи особое значение приобретает вопрос о том, какие механизмы поддержки могут быть наиболее эффективными. Как отмечает И. Н. Белогруд, «эффективность дистанционного обучения для пожилых людей напрямую зависит от создания комфортной психологической среды и индивидуального подхода к каждому обучающемуся» [1, с. 19]. Это означает, что обучение пожилых людей не может быть сведено к формальному курсу лекций – оно требует живого человеческого участия и терпеливого наставничества.

Институциональные механизмы поддержки цифровой грамотности пожилых могут быть структурированы на различных уровнях: от государственной политики до непосредственной работы в учреждениях социального обслуживания. Как показывает анализ практики, наиболее результативными оказываются программы, сочетающие обучение с социальным сопровождением.

Так, по данным публикации «Масштабы цифрового неравенства: кому оказались недоступны современные услуги», в ряде регионов успешно реализуются проекты, в рамках которых социальные работники помогают пожилым людям преодолевать страх перед техникой, осваивать базовые операции и применять полученные навыки в повседневной жизни [2]. Однако такие практики, к сожалению, не носят массового характера и остаются локальными инициативами.

Важно подчеркнуть, что в условиях цифровизации социальная работа приобретает новую функцию – функцию «цифрового посредничества». Социальные работники становятся связующим звеном между пожилым человеком и цифровой средой, обеспечивая не столько техническое обучение, сколько эмоциональную поддержку и создание доверительной атмосферы, в которой пожилой человек чувствует себя в безопасности.

Как справедливо отмечается в публикации «Цифровой разрыв: каждый третий россиянин старше 55 лет боится остаться за бортом технологий», «задача социальных служб – не просто научить пользоваться приложениями, а вернуть человеку ощущение, что он способен справляться с современным миром самостоятельно» [3]. Эта задача требует от специалистов не только технической компетентности, но и развитых эмпатических и коммуникативных навыков.

Однако, несмотря на позитивные примеры, существует серьёзный институциональный разрыв. Законодательство не всегда регулирует требования к информационному обслуживанию, что позволяет организациям и ведомствам самостоятельно определять форматы взаимодействия с клиентами. В результате пожилые люди, не имеющие доступа к интернету или цифровым навыкам, оказываются в ситуации, когда их права на равный доступ к услугам фактически нарушаются.

Как подчёркивается в публикации «Масштабы цифрового неравенства», «в сельской местности, где интернет-покрытие оставляет желать лучшего, а альтернатив онлайн-сервисам практически нет, пожилые жители оказываются в изоляции не только от государства, но и от собственных детей и внуков, которые уже не представляют жизни без мессенджеров» [2]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что цифровой провал приобретает не только функциональный, но и экзистенциальный характер.

В контексте устойчивого развития общества преодоление цифрового провала среди пожилых людей приобретает стратегическое значение. Во-первых, это вопрос социальной справедливости: никто не должен быть исключён из общественной жизни по причине возраста или неспособности освоить технологии.

Во-вторых, это вопрос экономической эффективности: человеческий капитал пожилых, их опыт и знания остаются невостребованным ресурсом, который мог бы быть использован для решения общественных задач.

В-третьих, это вопрос межпоколенческой солидарности: создание условий для активного участия пожилых в жизни общества укрепляет социальную связь между поколениями и формирует основу для устойчивого развития.

В заключение следует подчеркнуть, что «цифровой провал» – это не просто техническая проблема, а вызов социальной справедливости и человеческому достоинству. Игнорирование этого вызова ведёт к постепенной маргинализации значительной части населения, снижению их человеческого капитала и, как следствие, к ослаблению социального капитала всего общества.

В то же время целенаправленная работа по вовлечению пожилых людей в цифровую среду открывает возможности для их активного долголетия, социальной включённости и сохранения чувства собственной значимости. Именно поэтому преодоление цифрового провала

должно стать одним из приоритетов социальной политики, а социальная работа – тем инструментом, который превращает цифровую угрозу в возможность для развития человеческого потенциала всех возрастных групп.

Список литературы

1. Белогруд, И. Н. Снижение межпоколенческих различий в освоении цифровых технологий средствами дистанционного обучения / И. Н. Белогруд // Вестник университета. – 2026. – № 5. – С. 12-21.

2. Масштабы цифрового неравенства: кому оказались недоступны современные услуги // Российская газета. – 2025. – 11 сентября.

3. Цифровой разрыв: каждый третий россиянин старше 55 лет боится остаться за бортом технологий // CNews.ru. – 2025. – 1 октября. – URL: https://corp.cnews.ru/news/line/2025-10-01_tsifrovoj_razryv (дата обращения: 06.09.2026).CNews.ruhttps://corp.cnews.ru/news/line/2025-10-01_tsifrovoj_razryv

УДК 330.35:314.116

СТАРЕЮЩИЙ МИР, СТАРЕЮЩАЯ РОССИЯ, МОЛОДОЙ ДАГЕСТАН: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ КАК РЕСУРС ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Дейнего Богдан Сергеевич,
магистрант,
Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: Bogdan.deinego@yandex.ru

Аннотация. Старение населения традиционно рассматривается как фискальная угроза устойчивости пенсионных систем. В статье предложена альтернативная оптика: демографический переход разворачивается неодинаково на глобальном, национальном и региональном уровнях одной и той же экономики, порождая не только риски, но и структурные возможности. На материалах глобальной статистики старения и «серебряной экономики», национальной демографической динамики России и контрастной демографической ситуации в Республике Дагестан показано, что внутри одной страны одновременно сосуществуют разные «демографические возрасты». Предложен индекс демографической комплементарности регионов, позволяющий сопоставлять молодые трудоизбыточные регионы со стареющими регионами дефицита рабочей силы. Сделан вывод о целесообразности перехода от стихийной трудовой миграции к управляемым программам подготовки кадров для сектора ухода за пожилыми людьми.

Ключевые слова: старение населения, серебряная экономика, демографический дивиденд, трудовая миграция, Республика Дагестан, региональная экономика, демографическая комплементарность.

AN AGEING WORLD, AN AGEING RUSSIA, A YOUNG DAGESTAN: THE DEMOGRAPHIC GAP AS A RESOURCE FOR ECONOMIC DEVELOPMENT

Deinego Bogdan Sergeevich,
Master’s student
National Research Tomsk State University
E-mail: Bogdan.deinego@yandex.ru

Annotation. Population ageing is usually treated as a fiscal threat to the sustainability of pension systems. This article proposes an alternative perspective: the demographic transition unfolds unevenly across the global, national and regional levels of one and the same economy, generating not only risks but also structural opportunities. Drawing on global ageing and silver-economy statistics, Russia’s national demographic dynamics, and the contrasting demographic

situation in the Republic of Dagestan, the article shows that different “demographic ages” coexist within a single country at the same time. A regional demographic complementarity index is proposed to match young, labour-surplus regions with ageing, labour-deficit regions. The article concludes that spontaneous labour migration should be transformed into managed workforce-training programmes for the elderly-care sector.

Keywords. population ageing, silver economy, demographic dividend, labour migration, Republic of Dagestan, regional economy, demographic complementarity.

Проблему старения населения принято обсуждать на языке фискальной угрозы: растёт нагрузка на пенсионную систему, сокращается доля трудоспособного населения, увеличиваются расходы на здравоохранение. Между тем один и тот же демографический переход выглядит совершенно по-разному в зависимости от масштаба наблюдения – глобального, национального или регионального. В статье предлагается рассматривать современную российскую экономику не как единый демографический организм, а как систему, в которой одновременно сосуществуют разные «демографические возрасты»: стремительно стареющий мир, умеренно, но неравномерно стареющая Россия и демографически молодой Северный Кавказ. Такое трёхуровневое прочтение позволяет увидеть в старении населения не только угрозу, но и структурный ресурс для экономического развития – при условии, что три уровня будут сознательно состыкованы политикой, а не оставлены на волю стихийных процессов.

На глобальном уровне старение населения является, пожалуй, самым предсказуемым экономическим трендом XXI века. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2024 г. среднемировая ожидаемая продолжительность жизни достигла 73,3 года, увеличившись на 8,4 года по сравнению с 1995 г., а численность людей в возрасте 60 лет и старше вырастет с 1,1 млрд в 2023 г. до 1,4 млрд к 2030 г. [1]. Организация Объединённых Наций прогнозирует, что к концу 2070-х гг. численность населения планеты в возрасте 65 лет и старше достигнет 2,2 млрд человек и впервые превысит число детей до 18 лет [2]. Принципиально, что этот процесс уже не сводится к нагрузке на бюджеты: совокупный объём мировой «серебряной экономики» – рынка товаров, услуг и занятости, ориентированных на людей старше 60 лет, – в 2025 г. оценивался в 4,2 трлн долл. и продолжает расти почти на 8% в год, а к 2040 г. потребители 60+ будут формировать до 31% мирового дохода при том, что уже сегодня на них приходится 27% глобальных потребительских расходов [3]. Даже такой узкий сегмент, как «серебряный» туризм, оценивался в 2025 г. в 2,15 трлн долл. с прогнозом роста до 8,26 трлн долл. к 2033 г. [3]. Иными словами, глобальное старение населения – это не только тема пенсионной реформы, но и один из крупнейших потребительских мегатрендов столетия.

На национальном уровне Россия воспроизводит глобальную тенденцию, хотя и с иной динамикой. На начало 2025 г. доля россиян в возрасте 65 лет и старше достигла почти 18%, а к середине века, по оценке Института демографии НИУ ВШЭ имени А. Г. Вишневского, может вырасти до 24% [4]. Показатель демографической нагрузки – число пенсионеров на 1000 работающих граждан – составлял в начале 2025 г. 414 человек, а к 2046 г., по прогнозу Росстата, вырастет до 468 [5]. При этом разрыв между средней зарплатой (96 тыс. руб. в первом полугодии 2025 г.) и средней пенсией (23 тыс. руб.) продолжает увеличиваться [5], что напрямую ставит вопрос об устойчивости пенсионной системы. Однако и здесь старение имеет оборотную, продуктивную сторону: по экспертным оценкам, российская «серебряная экономика» уже приносит экономике страны от 5 до 7 трлн руб. добавленной стоимости, а представители городских властей прямо называют расходы на активное долголетие не тратами, а инвестициями в человеческий капитал [6]. Таким образом, на национальном уровне старение населения одновременно наращивает фискальную нагрузку и формирует новый внутренний рынок.

Совершенно иначе выглядит третий, региональный уровень. Республика Дагестан и в целом республики Северного Кавказа демонстрируют демографическую динамику, обратную общероссийской. Коэффициент рождаемости в Дагестане составляет 19,1 на 1000 насе-

ления – четвёртый по величине показатель среди субъектов Российской Федерации, – а среднее число детей на одну женщину достигает 2 [7]. Суммарный коэффициент рождаемости в республике на 59,5% превышает среднероссийский уровень и на 7,2% – среднее значение по Северо-Кавказскому федеральному округу; в 2024 г. в Дагестане родилось более 43 300 детей, что на 1200 больше, чем годом ранее [8]. Иначе говоря, в то время как страна в целом смещается к возрастной структуре стареющего общества, отдельные её регионы сохраняют демографический профиль, характерный для развивающихся экономик с молодым и растущим населением.

Эта разница уровней – не абстрактная статистическая курьёзность, а уже действующий, хотя и стихийный, экономический механизм. Демографы отмечают, что Дагестан характеризуется высокой долей молодёжи среди трудоспособного населения при сравнительно низком уровне регионального экономического развития, вследствие чего трудовая миграция в другие регионы России выступает важным фактором снижения напряжённости на местном рынке труда [9]. По расчётам исследователей трудовой миграции в РФ, отрицательный трудовой баланс – превышение числа выбывающих трудовых мигрантов над прибывающими – для Республики Дагестан составляет порядка 133,2 тыс. человек [10]. Фактически регион уже сегодня экспортирует часть своего демографического дивиденда в другие субъекты федерации, но делает это преимущественно вне рамок целенаправленной государственной политики, через неформальные и слабо структурированные каналы трудоустройства.

Стыковка трёх уровней описанной картины позволяет сформулировать содержательный тезис: стареющие регионы России испытывают дефицит рабочей силы именно в тех сегментах – уходе за пожилыми людьми, социальном обслуживании, «серебряном» гостеприимстве, – которые быстрее всего растут в силу глобального и национального старения населения, тогда как демографически молодые регионы, включая Дагестан, обладают избытком трудоспособного населения, но ограниченными возможностями его продуктивного использования на месте. Российская экономика, таким образом, содержит внутри себя условия для собственного, внутреннего аналога тех межгосударственных партнёрств по обмену рабочей силой в сфере ухода за пожилыми, которые уже выстраивают стареющие экономики Восточной Азии. Так, Япония заключила с Вьетнамом, Индонезией и Филиппинами соглашения об экономическом партнёрстве, в рамках которых прошли подготовку и трудоустроились в японских больницах и учреждениях по уходу за престарелыми около 1700 вьетнамских медицинских работников [11]. Показательно, что речь идёт именно о межгосударственном канале того же рода дефицита кадров – в сфере ухода за пожилыми, – который сегодня складывается стихийно и внутри одной страны, между её молодыми и стареющими регионами.

Такое прочтение, однако, не должно превращаться в одностороннее оправдание вывоза рабочей силы из молодых регионов. Демографы отдельно подчёркивают, что миграционный отток из Дагестана связан не только с избытком молодёжи, но и со сравнительно низким уровнем регионального экономического развития [9], а значит, политика, ограничивающаяся лишь облегчением выезда трудоспособного населения, рискует закрепить регион в роли постоянного поставщика рабочей силы без собственного развития. Поэтому предлагаемый ниже подход имеет смысл только в связке с параллельными инвестициями в экономику самой республики – иначе управляемая трудовая мобильность обернётся управляемым обескровливанием региона, а не взаимовыгодным партнёрством территорий.

Для того чтобы перевести этот потенциал из стихийного состояния в управляемое, предлагается ввести в оборот индекс демографической комплементарности регионов (ИДКР). В его основе – четыре сопоставимых параметра: разница в темпах прироста трудоспособного населения между регионом-донором и регионом-реципиентом; разница в коэффициентах демографической нагрузки пожилыми; фактический объём межрегиональных трудовых миграционных потоков; и дефицит кадров в профессиях «серебряной экономики» (сиделки, социальные работники, специалисты по уходу, персонал гериатрических и туристических объектов) в регионе-реципиенте. Такой индекс не заменяет существующую стати-

стику миграции, но переводит её в плоскость целевого регионального планирования: он позволяет заранее определять пары «молодой регион – стареющий регион» и выстраивать под них образовательную и миграционную инфраструктуру, а не догонять уже сложившиеся стихийные потоки.

Практическое применение подобного подхода предполагает три взаимосвязанных направления. Во-первых, целесообразно развернуть в учреждениях среднего профессионального и высшего образования Дагестана и других республик Северного Кавказа целевые программы подготовки кадров именно под профессии растущей «серебряной экономики» – гериатрический уход, социальное сопровождение пожилых, индустрия активного долголетия, – ориентированные на трудоустройство в стареющих регионах страны. Во-вторых, действующие каналы трудовой миграции целесообразно постепенно формализовать через межрегиональные соглашения и целевые квоты, по аналогии с международными программами трудовой мобильности в сфере ухода, но в границах единого экономического пространства страны, что снижает издержки миграции для самих работников и повышает предсказуемость кадрового обеспечения для принимающих регионов. В-третьих, статистику и индекс демографической комплементарности регионов целесообразно включить в инструментарий регионального экономического планирования наравне с традиционными показателями миграционного и трудового баланса.

Таким образом, старение населения – это не единый процесс, а связка процессов, разворачивающихся с разной скоростью на разных уровнях одной и той же экономики. Российская экономика в этом смысле одновременно проживает три демографических возраста – глобальный, национальный и региональный, – и именно в зазоре между ними, а не в каждом уровне по отдельности, обнаруживается наиболее интересный экономический потенциал. Управляемая состыковка демографически молодых и демографически стареющих территорий страны способна превратить региональную демографическую асимметрию из фактора социального риска в осознанный инструмент национальной экономической политики.

Список литературы

1. Всемирная организация здравоохранения. Старение мирового населения [Электронный ресурс] // ВОЗ : официальный сайт. – URL: https://www.who.int/ru/news-room/questions-and-answers/item/population-ageing (дата обращения: 07.09.2026). https://www.who.int/ru/news-room/questions-and-answers/item/population-ageing

2. Организация Объединённых Наций. Старение [Электронный ресурс] // ООН : официальный сайт. – URL: https://www.un.org/ru/global-issues/ageing (дата обращения: 07.09.2026). https://www.un.org/ru/global-issues/ageing

3. Серебряная экономика: в чем суть тренда, как работать с клиентами 60+ [Электронный ресурс] // РБК Тренды. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/6a7202819a7947cc0f915b4f (дата обращения: 07.09.2026). https://trends.rbc.ru/trends/social/6a7202819a7947cc0f915b4f

4. На начало 2025 года люди 65 лет и старше составляли почти 18% от общей численности населения России, к середине века их доля может повыситься до 24% [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly / Институт демографии НИУ ВШЭ им. А. Г. Вишневского. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01079/barom01.php (дата обращения: 07.09.2026). https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01079/barom01.php

5. Население страны стареет: как это отразится на экономике России [Электронный ресурс] // Рамблер/Финансы. – URL: https://finance.rambler.ru/finansovaya-gramotnost/55780528-naselenie-strany-stareet-kak-eto-otrazitsya-na-ekonomike-rossii/ (дата обращения: 07.09.2026). https://finance.rambler.ru/finansovaya-gramotnost/55780528-naselenie-strany-stareet-kak-eto-otrazitsya-na-ekonomike-rossii/

6. Серебряная экономика России приносит от 5 до 7 трлн рублей к ВВП [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8726134 (дата обращения: 07.09.2026). https://www.kommersant.ru/doc/8726134

7. Население Дагестана [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энциклопедия. –

URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Дагестана (дата обращения: 07.09.2026). https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Дагестана

8. Демографическая яма. Рискует ли Дагестан скатиться в неё? [Электронный ресурс] // Дагестанская правда. – URL: https://dagpravda.ru/obshestvo/demograficheskaya-ya-ma-riskuet-li-dagestan-skatitsya-v-nejo/ (дата обращения: 07.09.2026). https://dagpravda.ru/obshestvo/demograficheskaya-ya-ma-riskuet-li-dagestan-skatitsya-v-nejo/

9. Трудовая миграция из Дагестана: формы организации и перспективы (опыт качественного социологического исследования) [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. – 2025. – URL: https://demreview.hse.ru/article/view/30416 (дата обращения: 07.09.2026).https://demreview.hse.ru/article/view/30416

10. Смелов, П. А. Трудовая миграция в Российской Федерации / П. А. Смелов, Е. А. Егорова, В. С. Изварина. – Текст : электронный // Федерализм. – URL: https://federalizm.rea.ru/jour/article/viewFile/114/115 (дата обращения: 07.09.2026).https://federalizm.rea.ru/jour/article/viewFile/114/115

11. Программа VJEPA предоставляет возможность долгосрочной работы медсестрой в Японии [Электронный ресурс] // VietnamPlus. – URL: https://ru.vietnamplus.vn/programma-vjepa-predostavljaet-vozmozhnost-dolgosrochnoi-raboti-medsestroi-v-japonii-post44236.vnp (дата обращения: 07.09.2026). https://ru.vietnamplus.vn/programma-vjepa-predostavljaet-vozmozhnost-dolgosrochnoi-raboti-medsestroi-v-japonii-post44236.vnp

УДК 331.1

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

Дейс Владислав Игоревич,
магистрант,
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР)».
(634034, Российская Федерация, г. Томск,
E-mail: vladislav.deys@bk.ru)

Аннотация. в представленной статье рассматривается роль управления человеческими ресурсами в стратегическом формировании персонала современной организации. Обосновывается переход от традиционного управления персоналом к стратегическому управлению человеческим капиталом, ориентированному на долгосрочные цели организации.

Ключевые слова: кадровая политика, управление персоналом, управление человеческие ресурсы, человеческий капитал, организационное развитие.

HUMAN RESOURCE MANAGEMENT AS THE BASIS FOR THE STRATEGIC FORMATION OF THE ORGANIZATION'S PERSONNEL

Vladislav Igorevich Deis,
Master's student,
Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics (TUSUR)".
(634034, Russian Federation, Tomsk,
E-mail: vladislav.deys@bk.ru)

Annotation. The presented article examines the role of human resource management in the strategic formation of personnel in a modern organization. The paper substantiates the transition from traditional administrative personnel management to strategic human capital management, focused on the long-term goals of the organization.

Keywords: personnel policy, personnel management, human resources management, human capital, organizational development.

Изменение моделей управления организацией является результатом не одного отдельного фактора, а совокупного воздействия экономических, технологических, социальных и демографических процессов.

Современная организация функционирует одновременно в нескольких измерениях:

- глобальном;
- технологическом;
- экономическом;
- демографическом;
- социальном;
- институциональном.

И каждое из этих измерений формирует новые требования к организации труда и управлению персоналом.

И поэтому управление человеческими ресурсами представляет собой систему управленческих решений и практик, направленных на формирование, развитие, использование и сохранение человеческого потенциала организации, но в отличие от традиционного управления персоналом, современная же концепция предполагает более тесную связь кадровых решений с общей стратегией организации.

Понимание кадровой политики невозможно без обращения к более общему содержанию категории «политика». В управленческом контексте политика связана с определением принципов, правил и допустимых способов реализации власти и взаимодействия между субъектами организации, а в наиболее общем виде кадровую политику можно определить как *совокупность принципов, норм, установок и управленческих подходов, определяющих отношение организации к формированию и использованию человеческих ресурсов.*

Получается, что стратегическая модель предполагает, что организация заранее определяет перспективные направления развития и на их основе формирует представление о будущей потребности в человеческом капитале. В этом случае кадровая стратегия становится производной от бизнес-стратегии, но одновременно начинает влиять на возможности её реализации [2].

Стратегическая направленность особенно важна в условиях, когда организации приходится действовать в ситуации неопределённости, ведь потребность в специалистах может изменяться быстрее, чем традиционные системы подготовки и найма способны на неё реагировать. То есть, возникает необходимость не только привлекать уже готовых профессионалов, но и самостоятельно формировать требуемые компетенции внутри организации.

В результате основной задачей кадрового менеджмента становится управление не столько фиксированным составом работников, сколько динамикой человеческого капитала.

Итак, стратегическое формирование персонала начинается не с поиска кандидата на вакантное место, а с понимания того, какой должна стать организация в будущем. Образ будущего, к примеру, может включать предполагаемую структуру организации, направления деятельности, положение на рынках, используемые технологии, систему управления, особенности взаимодействия с клиентами, организационную культуру или требования к профессиональному составу работников. Например, если организация планирует цифровую трансформацию, ей потребуется не просто увеличить количество работников, а обеспечить наличие цифровых, аналитических и проектных компетенций, а вот, если стратегической целью является повышение качества клиентского обслуживания, то тут возрастает значение коммуникативных компетенций и клиентоориентированности.

Получается, что подбор персонала начинает основываться не только на формальных требованиях к образованию и опыту, но и на потенциале дальнейшего развития человека.

Одним из ключевых инструментов стратегического управления человеческими ресурсами являются модели компетентности.

Модель компетентности представляет собой систематизированное описание знаний, умений, профессиональных и поведенческих характеристик, необходимых работнику для и

достижения требуемого результата.

При этом важно разграничивать понятия «компетенция» и «компетентность».

Компетенция может рассматриваться как требование организации к работнику — определённая область знаний, умений, поведения или профессиональных характеристик, необходимых для выполнения работы. Компетентность, напротив, характеризует фактическую способность конкретного человека применять имеющиеся знания и навыки для решения профессиональных задач. Например, для руководителя компетенция «управление командой» означает наличие требования организовывать деятельность подчинённых, и компетентность же проявляется в том, насколько конкретный руководитель действительно способен распределять задачи, мотивировать работников, разрешать конфликты и обеспечивать достижение результата[1].

Поэтому модель компетентности должна описывать не только то, что работник должен знать, но и то, как он должен действовать, значение у которых заключается в том, что они способны перевести общие стратегические цели организации в конкретные требования к человеку. Например, сама по себе стратегическая установка на инновационное развитие недостаточна для кадровой работы, и она должна быть преобразована в конкретные требования: способность предлагать новые решения, работать с неопределённостью, использовать современные технологии, анализировать информацию, экспериментировать и принимать обоснованный риск. Аналогично стратегическая ориентация на клиента должна трансформироваться в конкретные компетенции: понимание потребностей клиента, коммуникативные навыки, способность разрешать конфликтные ситуации, ответственность за результат и готовность получать обратную связь[2].

Особенность современных моделей компетентности заключается в том, что они включают не только профессиональные знания и навыки, но и интеллектуальные, коммуникативные и личностные характеристики работника.

Однако компетентность нельзя рассматривать исключительно как совокупность индивидуальных качеств, ведь она проявляется в определённой организационной среде, поэтому целесообразно выделять два взаимосвязанных измерения компетентности:

1. Первое связано с профессиональной подготовкой. Работник должен обладать знаниями и навыками, позволяющими выполнять специализированные трудовые функции.

2. Второе связано с организационно-культурным соответствием. Работник должен понимать ценности организации и демонстрировать ожидаемые модели поведения.

Таким образом, профессионально компетентный сотрудник — это не просто специалист, хорошо знающий свою профессию, а это человек, который способен применять свои знания в конкретной организационной среде.

Разработка модели компетентности сама по себе не обеспечивает повышения эффективности, поэтому необходима система диагностики, позволяющая определить фактический уровень развития работников[3].

Смысл диагностики заключается в сопоставлении двух состояний: требуемого и существующего.

Условно можно определить:

компетентностный разрыв = требуемый уровень компетенции − фактический уровень компетенции.

Если разрыв отсутствует, организация может использовать существующий потенциал работника без значительного дополнительного вмешательства.

Если же обнаруживается дефицит компетенции, необходимо определить причины и подобрать соответствующий инструмент развития.

Например, недостаток профессиональных знаний может быть устранён посредством обучения, а дефицит практического опыта — через проектную деятельность или ротацию. Недостаток же управленческих навыков — через наставничество, коучинг или временное выполнение руководящих функций.

Таким образом, диагностика позволяет перейти от массового и одинакового обучения

к индивидуальным траекториям развития, в котором индивидуальный план развития должен включать конкретные компетенции, которые необходимо совершенствовать, целевой уровень, сроки, инструменты развития и показатели результата.

Принципиальное отличие стратегического управления человеческими ресурсами также заключается в изменении отношения к затратам на персонал: в традиционной модели расходы на работников часто воспринимаются преимущественно как издержки, которые необходимо контролировать и по возможности сокращать, а в стратегической модели затраты на обучение, развитие, привлечение и удержание квалифицированных специалистов рассматриваются как инвестиции в человеческий капитал. И получается, что задача HR-службы заключается не в том, чтобы просто увеличивать бюджет на развитие персонала, а в том, чтобы направлять ресурсы туда, где они создают наибольшую организационную ценность.

Но стратегическое управление человеческими ресурсами невозможно реализовать силами одной кадровой службы. В этом контексте, значительная ответственность переносится на линейных руководителей, поскольку именно они непосредственно взаимодействуют с работниками и ежедневно наблюдают проявление их компетенций.

Руководитель подразделения должен участвовать в:

- оценке работников;
- постановке целей развития;
- определении профессиональных дефицитов;
- формировании индивидуальных планов;
- предоставлении обратной связи;
- организации наставничества;
- выявлении перспективных сотрудников.

Таким образом, управление персоналом становится общей ответственностью организации.

Получается, HR-служба формирует методологию и обеспечивает инструменты, а руководители применяют их в реальной деятельности. При этом, всё большее значение приобретает самостоятельная ответственность самого работника.

Современный сотрудник должен не только ожидать, что организация предложит ему карьерный путь, но и самостоятельно определять направления профессионального развития, осваивать новые знания и участвовать в формировании собственной профессиональной траектории.

В результате возникает трёхсторонняя модель: «организация — руководитель — работник». Поэтому стратегический HR должен формировать такую среду, в которой отношения между работодателем и сотрудниками основаны не только на формальных обязательствах, но и на взаимном доверии.

На основании рассмотренного материала можно выделить несколько взаимосвязанных стратегических направлений.

Первое направление связано с переходом от административного к стратегическому управлению человеческими ресурсами, то есть, HR-функция должна быть интегрирована в систему корпоративного управления и участвовать в принятии стратегических решений.

Второе направление — развитие компетентностного подхода. Для каждой ключевой должности необходимо определять профессиональные и поведенческие компетенции, соответствующие как текущим, так и перспективным требованиям бизнеса.

Третье направление — формирование адаптивной корпоративной культуры, то есть, организация должна поддерживать инициативность, ответственность, сотрудничество, обучение и инновации.

Четвёртое направление — индивидуализация развития персонала. Работники имеют разные уровни компетентности и потенциал, поэтому единые программы развития должны дополняться индивидуальными траекториями.

Пятое направление — развитие организационного обучения: знания должны не только приобретаться отдельными сотрудниками, но и превращаться в коллективный ресурс ор-

ганизации.

Шестое направление — совершенствование систем мотивации и вознаграждения.

Седьмое направление — оптимизация использования человеческого капитала. Организация должна обеспечивать соответствие численности, структуры и компетенций персонала реальным потребностям бизнеса.

В совокупности данные направления и формируют технологию кадрового менеджмента, основанную на управлении развитием человеческого капитала.

Таким образом, современная кадровая стратегия представляет собой не статичный набор мероприятий, а непрерывный механизм управления движением, развитием и ростом человеческого капитала. Именно такая система дает организации не только реагировать на существующие кадровые проблемы, но и заранее формировать персонал, способный обеспечить её долгосрочное развитие и устойчивое конкурентное положение.

Список литературы

1. Маслова В.М. Управление персоналом: учебник и практикум для академического бакалавриата. - 2 изд. перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2015.-492 с. EDN: TYPLGJ

2. Павлова В.В., Роль профессионального обора кадров в системе управления персоналом // Современные проблемы экономики и менеджмента: Материалы международной научно-практической конференции, 2016. С. 212-215

3. Управление персоналом организации: учебник / под ред. А. Я. Кибанова. - 3-е изд., доп. и перераб. - М.: Инфра-М, 2016. - 638 с.

УДК 338.242

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

Евтеева Светлана Геннадьевна,
к.э.н., доцент кафедры финансов
Донецкий институт управления –
филиал федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации».
(283015 Российская Федерация, ДНР, г.Донецк, ул. Челюскинцев, 163А,
E-mail: evteeva-sg@ranepa.ru)

Аннотация. В работе исследованы проблемы и возможности применения интегральной оценки социальных программ. Выявлено, что интегральный подход даёт возможность охватить комплекс значимых факторов, за счёт чего формируется более целостное и сбалансированное представление о результатах социальных программ. Охарактеризован перечень существенных методологических и практических ограничений при внедрении данной оценки. Особое внимание уделяется исследованию ряда преимуществ применения интегральной оценки при определении эффективности как отдельной социальной программы, так и системы социальной защиты в целом.

Ключевые слова: социальная программа; интегральная оценка; комплексный анализ; система социальной защиты; финансовое планирование.

COMPREHENSIVE ANALYSIS OF SOCIAL PROGRAM EFFECTIVENESS: POSSIBILITIES OF INTEGRAL ASSESSMENT

Svetlana Gennadyevna Evteeva,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Finance
Donetsk Institute of Management –

Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).
(163A Chelyuskintsev St., Donetsk, DPR, Russian Federation, 283015;
E-mail: evteeva-sg@ranepa.ru)

Annotation. This paper examines the challenges and opportunities associated with the use of integral assessment for social programs. It is established that the integral approach enables the inclusion of a complex set of significant factors, thereby fostering a more holistic and balanced understanding of social program outcomes. The study outlines key methodological and practical limitations involved in implementing this type of assessment. Particular attention is paid to the advantages of using integral assessment to determine the effectiveness of both individual social programs and the social protection system as a whole.

Keywords: social program; integral assessment; comprehensive analysis; social protection system; financial planning.

Традиционные методы оценки эффективности социальных программ часто ориентируются на отдельные, легко измеримые показатели. Это может приводить к искаженному представлению о реальном воздействии социальных проектов или программ, упуская из виду важные аспекты. Социальные программы затрагивают сложные, многогранные проблемы (например, бедность, социальное неравенство, доступ к образованию), и их эффективность не может быть сведена к одному или двум индикаторам. Интегральный подход даёт возможность охватить комплекс значимых факторов – за счёт этого формируется более целостное и сбалансированное представление о результатах.

Прогнозирование доходов централизованных фондов является критически важной задачей финансового планирования, однако существующие методы (экстраполяция, нормативный анализ, экспертные оценки) обладают существенными ограничениями в условиях высокой волатильности [1]. Многообразие критериев, применяемых при оценке социальных проектов и программ, не всегда является залогом их эффективности. При этом, широкий спектр собираемых данных действительно даёт возможность глубоко проанализировать ход реализации инициатив, соотнести понесённые расходы с достигнутыми результатами, проследить как непосредственные, так и опосредованные эффекты, а также учесть ряд специфических особенностей. Вместе с тем применение детализированной методики неизбежно с рядом существенных методологических и практических ограничений, перечень которых представлен в Таблице 1.

Обращая внимание на методологические аспекты оценки эффективности социальных программ, неизбежно сопряжение с рядом показателей, трактовка которых зачастую неоднозначна. К таковым, безусловно, следует отнести фундаментальные, но требующие внимательного контекстуального анализа параметры, такие как общие затраты на программу, средний размер оказанной помощи, число обращений и численность бенефициаров, а также показатель действенности.

Так, например, если наблюдается низкая доля государственной помощи в совокупных доходах получателей, это может трактоваться двояко. С одной стороны, это может свидетельствовать о наличии у реципиентов прочих, достаточно существенных источников дохода, что снижает остроту их зависимости от государственной поддержки.

Таблица 1

Методологические и практические ограничения комплексного анализа эффективности социальных программ

Ограничение	Характеристика проблемы
Неравномерная динамика отдельных показателей	Характеристика системы как «эффективной» или, «не отвечающей текущим потребностям общества» является абстрактным, не отражающим реальную ситуацию. Это обусловлено неравномерной динамикой отдельных показателей: наблюдаемые тенденции часто

	разнонаправлены или прямо противоречат друг другу, формируя сложную и внутренне противоречивую картину функционирования системы.
Высокая трудоемкость и значительные временные затраты	Следствием этого становится накопление огромного объема эмпирических данных, что затрудняет выстраивание четкой иерархии программ по критерию эффективности. Так, программа поддержки семей с детьми может демонстрировать высокую адресность и ощутимый вклад в снижение уровня бедности, в то время как другая мера, например, адресная помощь малоимущим слоям населения – может быть весьма эффективной для конкретных целевых групп, несмотря на относительно ограниченный охват. Этот пример иллюстрирует фундаментальную сложность ранжирования программ даже в рамках одного временного периода, а также учет долгосрочных последствий еще больше усложняет задачу сравнения и определения «наиболее предпочтительной» меры.
Разрыв между этапами мониторинга и оценки эффективности социальных программ	Этот разрыв замедляет реакцию на выявленные отклонения и ограничивает возможности внесения точечных корректировок в меры по борьбе с бедностью. Признаками данной проблемы служат отсутствие формализованных нормативных диапазонов (целевых ориентиров) для ключевых показателей и недостаточная прозрачность в отношении плановых значений. В результате итоги оценки не позволяют однозначно судить о степени соответствия фактических параметров программы заявленным целям, что препятствует объективному анализу качества реализации политики.
Ограничения, связанные с использованием данных	Приводят к тому, что высокая интенсивность сбора информации в ходе мониторинга порождает избыточный объем сведений – своего рода «информационную перегрузку», который в текущих условиях невозможно своевременно обработать или использовать для целей тактического управления. Данное ограничение особенно ощутимо в процессе разработки отраслевых стратегий и процедур распределения бюджетных средств, где критически важна скорость обработки информации.
Ограничение формирования целостного представления о функционировании системы социальной защиты и реализации конкретных социальных программ	Это обусловлено невозможностью количественной оценки синергетических (кумулятивных) эффектов, возникающих в результате взаимодействия различных механизмов поддержки. Кроме того, отсутствие комплексной методологии затрудняет определение степени соответствия предоставляемых услуг реальным потребностям уязвимых категорий граждан, что ставит под сомнение обоснованность социальной политики в целом.

С другой стороны, чрезмерно высокая доля помощи может указывать на критическую зависимость получателей исключительно от бюджетных выплат. Для того чтобы сделать вывод о том, в какую сторону меняется показатель – положительную или отрицательную, – его нужно анализировать не изолированно, а в контексте смежных данных. Практически полезными ориентирами здесь выступают два параметра: фактический охват программы среди целевых групп и совокупный объём финансирования (как из бюджета, так и из внебюджетных источников). Такой подход позволяет снизить риск субъективных трактовок и получить более реалистичную оценку результатов реализуемых мер.

Следует отметить, что в последние годы заметно усилился научный интерес к построению комплексных показателей. Эта область активно развивается в различных направлениях, в том числе: экономическом, социологическом, экологическом и медицинском. О степени актуальности направления свидетельствует увеличение числа научных работ. Практическая значимость подобных методик объясняется их гибкостью: они применимы для решения широкого спектра исследовательских задач, требующих обобщения разнородной информации.

Ключевым преимуществом подхода выступает возможность консолидации фрагмен-

тарных, а порой и противоречивых характеристик исследуемых объектов и процессов в единую аналитическую конструкцию, обеспечивающую целостное восприятие предмета изучения. Помимо этого, методика позволяет выйти за рамки количественной фиксации параметров и обратиться к качественной интерпретации: посредством сопоставления фактического состояния объекта с эталонным образцом либо нормативно закреплёнными требованиями, а также с актуальными социальными или функциональными потребностями. В результате формируется надёжная основа для обоснованного ранжирования объектов – их упорядочивания по уровню соответствия установленным критериям, что существенно повышает практическую применимость полученных результатов.

Применение интегральной оценки при исследовании эффективности как отдельной социальной программы, так и системы социальной защиты в целом, предоставляет ряд существенных преимуществ:

- формирование целостной картины: появляется возможность получить единое, обобщенное представление о функционировании как всей системы социальной защиты, так и каждой отдельной программы, опираясь на один-единственный индикатор;
- определение релевантных периодов: становится проще выявить временные интервалы, в течение которых система социальной защиты или отдельная программа наиболее адекватно отвечали потребностям наиболее уязвимых и нуждающихся слоев населения;
- ускорение сравнительных исследований: данный метод существенно упрощает проведение сравнительного анализа, позволяя, например, быстро определить, какая из множества программ была наиболее эффективна в предотвращении или преодолении такого социального риска, как бедность;
- анализ динамики и реформ: интегральная оценка облегчает работу с длинными временными рядами данных и позволяет более четко оценить последствия реформирования отдельных программ для общей релевантности всей системы социальной защиты.

Помимо этого, в большинстве методик отсутствует инструмент для комплексной оценки системы социальной защиты в целом. Не удаётся и соотнести действующие механизмы поддержки с фактическими нуждами уязвимых категорий граждан – то есть понять, насколько система отвечает реальным запросам тех, кто в помощи нуждается [4]. Также следует учитывать, что государство должно активно участвовать во внешних цифровых финансовых экосистемах, обеспечивая их безопасность, прозрачность и доступность [5]. Существующие подходы к анализу результативности мер социальной политики зачастую делают акцент на количественных показателях, например, на числе обработанных обращений, объёме выделенных средств или охвате получателей поддержки. При этом недостаточно проработана методика измерения реального воздействия программ: в частности, почти не отслеживается, как меры влияют на уровень бедности и иные социально-экономические индикаторы, что требует проведения дальнейших исследований.

Список литературы

1. Петрушевская, В. В. Методологические основы формирования и развития финансовой системы / В. В. Петрушевская, Д. Д. Дунай // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 7, № 8(161). – С. 126-138.

2. Технология социальной работы: учебное пособие / В.А. Филатов, М.В. Станкова, Т В. Щитова, Е.М. Кузнецова. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2008. – 124 с.

3. Дровянников, В.И. Разработка методики индикативной оценки состояния социально-экономической системы / В.И. Дровянников, Е.А. Чумак // Вестник Международного института рынка. – 2017. – № 2. – С.14-18

4. Павлова, И.В. Оценка эффективности государственных программ / Л.Б. Харитоненко, И.В. Павлова // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – № 8 (34). – С. 362-368.

5. Гордеева, Н. В. Цифровая трансформация как фактор развития государственных финансов / Н. В. Гордеева // Экономика, управление и финансы: новые подходы и решения :

Тезисы докладов и выступлений Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Донецк, 05–06 февраля 2025 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2025. – С. 36-39.

УДК 330.567.2

ФИНАНСОВЫЕ ПРИВЫЧКИ ЗУМЕРОВ: ОСОБЕННОСТИ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ

Ефимова Анна Владимировна,
студентка 4 курса кафедры мировой экономики
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»
(115054, Российская Федерация, Москва,
Стремянный переулок, д. 36. E-mail: anya_e_fimova@mail.ru)
Глотова Анна Дмитриевна,
студентка 4 курса кафедры мировой экономики
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»
(115054, Российская Федерация, Москва,
Стремянный переулок, д. 36. E-mail: dkahome@mail.ru)
Сысоева Ольга Владимировна,
к.э.н., доцент, доцент кафедры мировой экономики
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»
(115054, Российская Федерация, Москва,
Стремянный переулок, д. 36. E-mail: sysoeva.ov@rea.ru)

Аннотация. В данной статье проводится анализ поведенческих особенностей зумеров (поколение Z) в отношении финансовой грамотности. Цель исследования состоит в выявлении специфических финансовых привычек молодежи и особенностей их проявления в повседневном финансовом поведении. На основе онлайн-анкетирования 131 респондента в возрасте 18-25 лет исследованы особенности ведения бюджета, использования сплит-сервисов и рассрочек, подписочной экономики, отношения к инвестициям и повседневным расходам. Результаты показали разрыв между самооценкой финансовой грамотности и реальным поведением, а также более высокую долю респондентов без финансовой «подушки безопасности» среди регулярно использующих сплит-сервисы. Сделан вывод о необходимости адаптации инструментов финансового просвещения к цифровым практикам молодежи.

Ключевые слова: финансовая грамотность, поколение Z, зумеры, сплит-сервисы, скрытая закредитованность, финансовое просвещение, подписочная экономика, молодежь, финансовое поведение, социально-экономическая стабильность.

FINANCIAL HABITS OF GEN Z: CHARACTERISTICS AND CONSUMER PRACTICES

Efimova Anna Vladimirovna,
4th-year student, Department of World Economy
Plekhanov Russian University of Economics
(115054, Russian Federation, Moscow,
36 Stremyanny Lane. E-mail: anya_e_fimova@mail.ru)
Glotova Anna Dmitrievna,
4th-year student, Department of World Economy
Plekhanov Russian University of Economics
(115054, Russian Federation, Moscow,
36 Stremyanny Lane. E-mail: dkahome@mail.ru)

Sysoeva Olga Vladimirovna,
PhD (Economic Sciences),
Associate Professor of the Department of World Economy
Plekhanov Russian University of Economics
(115054, Russian Federation, Moscow,
36 Stremyanny Lane. E-mail: sysoeva.ov@rea.ru)

Annotation. This article analyzes the behavioral characteristics of "Zoomers" (Generation Z) regarding financial literacy. The study aims to identify specific financial habits among young people and how these manifest in their day-to-day financial behavior. Based on an online survey of 131 respondents aged 18–25, the study examines practices related to budgeting, the use of split-payment services and installment plans, the subscription economy, and attitudes toward investments and daily expenses. The results reveal a gap between self-assessed financial literacy and actual behavior, as well as a higher proportion of respondents lacking a financial "safety net" among those who regularly use split-payment services. The study concludes that financial education tools need to be adapted to the digital practices of young people.

Keywords. financial literacy, Generation Z, zoomers, split payment services, hidden over-indebtedness, financial education, subscription economy, youth, financial behavior, socio-economic stability.

Актуальность темы. В последние годы представители поколения Z находятся в центре внимания исследователей, СМИ и аналитических агентств. Заголовки публикаций все чаще акцентируют внимание на специфических поведенческих особенностях «зумеров». Можно найти разнообразные статьи: от «Зумеры чаще других поколений сталкиваются с дофаминовой ямой» [1] до «Зумеры стали чаще брать кредиты» [2]. Одновременно фиксируются и позитивные тренды, например, высокая адаптивность к цифровым инструментам. И это представляется закономерным, поскольку молодое поколение в ближайшие 10 лет, достигнув максимального покупательского потенциала, будет формировать значительную часть экономически активного населения. Так, согласно демографическим прогнозам, к 2030 году представители поколения Z будут составлять около 30 % всех занятых в экономике [3], а к 2035 году станут доминирующей рабочей силой. Это повышает значимость изучения их финансовых привычек, отношения к сбережениям, кредитам и инвестициям.

Особую остроту данному вопросу придает то, что формирование потребительских привычек молодежи происходит в неконтролируемых и хаотичных условиях. В том числе через массовую цифровизацию финансовых услуг, появление новых инструментов и одновременное отсутствие полноценной системы финансового просвещения, адаптированной к цифровой среде. Согласно результатам ежегодного социологического мониторинга «Финансовая грамотность россиян — 2025» от центра НАФИ и страховой компании «Росгосстрах Жизнь» общий индекс финансовой грамотности населения снизился с 12,77 до 12,61 балла при 21 возможном, а наиболее низкий уровень финансовых знаний демонстрируют три категории россиян, среди которых молодежь от 18 до 34 лет [4]. Таким образом, изучение финансовых привычек поколения Z и их финансового поведения представляет собой актуальную практическую задачу.

Целью данного исследования является выявление специфических финансовых привычек молодежи и анализ особенностей их проявления в финансовом поведении. Для достижения поставленной цели было проведено онлайн-анкетирование «зумеров» в возрасте 18-25 лет.

Теоретическая часть исследования. Финансовая грамотность в современном понимании представляет собой комплекс знаний, навыков, установок и поведения, выражающийся в принятии рациональных финансовых решений, позволяющий достичь подобающего уровня финансового благополучия [5]. Для поколения Z, выросшего в условиях повсеместной цифровизации, традиционные знания о финансовой грамотности (ведение бюджета, сбе-

режения, понимание процентов) дополняются новыми компетенциями: способностью оценивать риски цифровых финансовых продуктов, распознавать мошеннические схемы, управлять инвестициями через мобильные приложения. Кроме того, нельзя отрицать влияние цифровизации на трансформацию источников получения знаний. Обширный, неконтролируемый доступ к информации приводит к тому, что формирование финансовых установок молодежи отходит от традиционных источников в сторону неформальных, часто дезинформирующих каналов - социальных сетей и блогеров с сомнительной квалификацией. Важной особенностью финансового поведения «зумеров» является массовое использование новых инструментов потребления с отложенной оплатой. К таким сервисам относятся «Сплит» от Яндекс, «Долями» от Т-Банка и другие. В отличие от традиционных кредитных карт, которые психологически маркируются пользователем как долговое обязательство, такие сервисы позиционируются как «беспроцентные» и «безопасные». Это формирует у молодежи искаженное восприятие долга и ведет к феномену «скрытой закредитованности» - ситуации, когда совокупная долговая нагрузка не осознается заемщиком как кредитная.

Помимо этого, новым феноменом поколения стала «подписочная экономика» (стриминговые платформы, сервисы доставки), которая формирует у пользователей «слепые зоны» в бюджете: мелкие регулярные списания. В итоге они складываются в существенную долю ежемесячных трат. В сочетании с моделями поведения, получившими в молодежной среде ироничные названия («girl math» - психологическое оправдание спонтанных покупок, «дофаминовая яма» - зависимость от покупок для эмоциональной стимуляции), эти механизмы создают систематическое расхождение между оценкой финансовой грамотности и реальным финансовым поведением.

Практическая часть исследования. Однако для понимания того, насколько осознанно поколение Z подходит к использованию финансовых инструментов недостаточно опираться только на теорию и стереотипы. Для достижения поставленной цели нами было проведено онлайн-анкетирование «зумеров» в возрасте 18-25 лет. Опрос распространялся среди пользователей социальных сетей и включал блоки вопросов о ведении бюджета, использовании сплит-сервисов и рассрочек, «подписочной» экономике, отношении к инвестициям, а также о специфических поведенческих особенностях поколения («girl math», «эффект латте»). Сбор данных проводился в сентябре 2026 г. Общее число респондентов составило 131 человек.

Источники финансовых знаний. Поскольку данный вопрос допускал несколько вариантов ответа, наиболее показательна доля ответивших, которые выбрали каждый источник (рис. 1). Социальные сети и блогеры (44,3 %) и самостоятельное изучение материалов (44,3 %) оказались упоминаемыми почти так же часто, как и семья (38,9 %), тогда как такие традиционные каналы, как школа и вуз, назвали лишь 22,1 % опрошенных. Почти каждый третий (32,8 %) признался, что не получал финансовых знаний ни из одного источника целенаправленно. Это подтверждает описанный в теоретической части сдвиг: формирование финансовых установок молодежи все меньше опирается на систему образования и всё больше на неформальные, нерегулируемые каналы.

Сплит-сервисы, рассрочки и «подушка безопасности». Опыт использования сплитов или рассрочек встречается у 35 % опрошенных (46 человек из 131): 8 % пользуются ими регулярно, ещё 27 % пробовали хотя бы раз. Кроме того, у тех, кто пользуется сплитами регулярно, расходы чаще превышают доходы (73 % случаев против 59 % у тех, кто сплитами не пользуется), а финансовой «подушки безопасности» нет у 55 % - почти втрое чаще, чем у тех, кто сплитами вообще не пользуется (19 %) (рис.2). Таким образом, среди регулярно использующих сплиты доля респондентов без финансовой «подушки безопасности» выше, чем среди тех, кто ими не пользуется.

Рисунок 1. Источники финансовых знаний «зумеров» (составлено авторами)

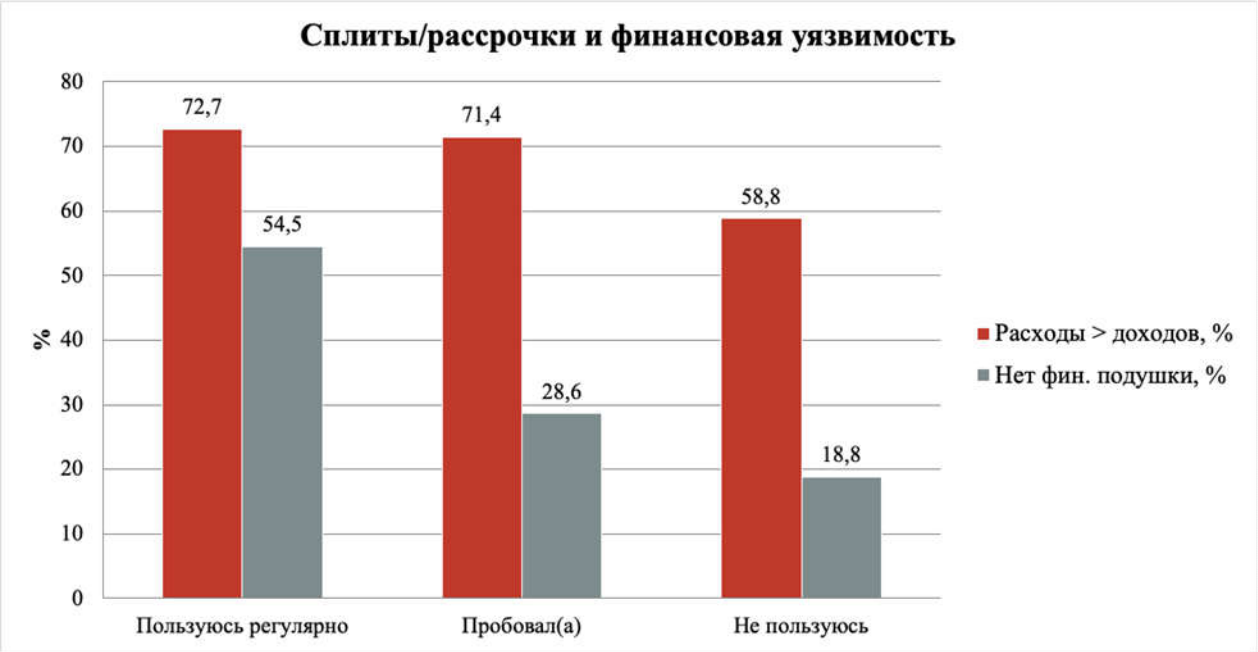

Рисунок 2. Влияние сплитов/рассрочек на финансовую уязвимость (составлено авторами)

Разрыв между оценкой собственной финансовой грамотности и поведением. Финансово грамотными в полной мере считают себя лишь 31 % опрошенных (40 из 131), ещё 58 % - «частично». При этом расходы, превышающие доходы, отмечают у себя 63 % респондентов, а 73 % не могут с уверенностью назвать все свои последние покупки на маркетплейсах необходимыми. Показательно, что доля тех, у кого расходы превышают доходы, растет по мере снижения оценки собственной грамотности (с 50 % у уверенных в своей грамотности до 70 % у оценивающих ее как «частичную»), то есть субъективное ощущение компетентности не гарантирует финансовую дисциплину.

Подписочная экономика и повседневные траты. 23 % респондентов признают, что оплачивают подписки, которыми не пользуются. Точный график собственных списаний по подпискам и рассрочкам знают только 46 % опрошенных, ещё 37 % - «частично», 17 % не следят за ним вовсе. При этом 62 % респондентов «часто» замечают, что мелкие регулярные

траты (кофе, доставка, такси) незаметно складываются в существенную сумму за месяц, так называемый «эффект латте», что говорит об осознании проблемы, а не об ее контроле.

Инвестиции и микроинвестирование. Инвестиции как способ заработка рассматривают 52 % опрошенных, однако реально разбираются в них лишь 9 %, еще 38 % - «частично». Инструментами микроинвестирования (округление покупок, автоматические копилки) пользуются 23 % респондентов.

Одним из рисков, выявленных в ходе проведения опроса, является использование сплитов и рассрочек при недостаточном контроле финансового положения. При этом полученные результаты позволяют говорить о различиях в восприятии отдельных финансовых инструментов. Интересно, что кредитная карта, наоборот, скорее дисциплинирует - у её владельцев чаще есть «подушка безопасности», они точнее знают график своих платежей, и расходы у них реже превышают доходы. То есть дело не в самом факте использования финансового инструмента, а в том, что сплит не воспринимается как серьезная задолженность, поэтому на фоне обрывочных финансовых знаний это создает скрытые долги, о которых люди зачастую даже не задумываются. Подтверждение значимости проблемы кредитования молодежи дают данные Объединенного кредитного бюро: доля молодежи 18-24 лет среди заемщиков по потребительским кредитам выросла с 12 % в 2020 году до 19 % в 2025 году, при этом средний возраст первого кредита снизился с 23 до 20 лет [7]. В этой связи важно отметить, что финансовые привычки, формирующиеся в молодом возрасте, оказывают долгосрочное влияние на экономическое поведение на протяжении всей жизни. Исследования показывают, что лица, начавшие кредитную историю до 21 года, демонстрируют более высокую склонность к закредитованности в зрелом возрасте. В масштабах экономики это означает, что массовая закредитованность поколения Z может создать системные риски: снижение потребительского спроса в будущем, рост просроченной задолженности, увеличение нагрузки на социальную инфраструктуру. Таким образом, финансовые привычки молодежи не являются исключительно личным выбором - они формируют фундамент будущей макроэкономической стабильности.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ряд характерных особенностей финансового поведения «зумеров»: расхождение между субъективной оценкой финансовой грамотности и фактическим поведением, широкое использование современных финансовых инструментов, недостаточный контроль регулярных (повседневных) расходов и более высокая доля отсутствия финансовой «подушки безопасности» среди регулярно использующих сплит-сервисы. Полученные результаты подтверждают необходимость адаптации финансового просвещения к современным финансовым практикам молодежи и особенностям цифровых инструментов.

Список литературы

1. Мамиконян О. Зумеры чаще других поколений россиян сталкиваются с дофаминовой ямой // Forbes.ru. — 2026. — 11 сентября. — URL: https://www.forbes.ru/young/568355-zumery-case-drugih-pokolenij-rossian-stalkivautsa-s-dofaminovoj-amoj (дата обращения: 24.09.2026). – Текст : электронный.

2. Набиуллина Л. Зумеры стали чаще брать кредиты // Lenta.ru. — 2025. — 5 февраля. — URL: https://lenta.ru/news/2025/02/05/zumery-stali-chasche-brat-kredity/ (дата обращения: 24.09.2026). – Текст : электронный.

3. Гуляева А. Поколение зумеров трансформирует корпоративные коммуникации и бизнес-процессы // GlobalCIO. — 2025. — 18 августа. — URL: https://globalcio.ru/discussion/51665/ (дата обращения: 24.09.2026). – Текст : электронный.

4. Финансовая грамотность россиян — 2025 // НАФИ. — 2026. — Март. — URL: https://nafi.ru/projects/finansovaya-gramotnost-rossiyan-2025/ (дата обращения: 24.09.2026). – Текст : электронный.

5. Чуева Арина Сергеевна, Вороненко Елена Валентиновна Финансовая грамотность как фактор благосостояния населения и стабильности национальной финансовой системы //

Правосудие. 2025. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-gramotnost-kak-faktor-blagosostoyaniya-naseleniya-i-stabilnosti-natsionalnoy-finansovoy-sistemy (дата обращения: 24.09.2026). – Текст : электронный.

6. НАФИ. Насколько финансово грамотны российские подростки и молодежь до 24 лет // НАФИ. — 2024. — URL: https://nafi.ru/polls/naskolko-finansovo-gramotny-rossiyskie-podrostki-i-molodezh-do-24-let/ (дата обращения: 24.09.2026). – Текст : электронный.

7. Пресс-центр // БКИ ОКБ. — URL: https://bki-okb.ru/press/news (дата обращения: 24.09.2026). – Текст : электронный.

УДК 005.9

ДИАГНОСТИКА СОСТОЯНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИ ГЕНЕРИРУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Иванова Злата Дмитриевна,
Аспирант Экономического факультета
Российского университета дружбы народов, E-mail: zlata.ivanova.1997@mail.ru

Аннотация. В условиях технологической трансформации энергетической отрасли эффективность деятельности генерирующих предприятий определяется не только уровнем развития производственной инфраструктуры, но и качеством управления человеческим капиталом. Рост требований к надежности энергоснабжения, внедрение цифровых технологий и изменение структуры профессиональных компетенций обусловливают необходимость совершенствования инструментов оценки кадрового потенциала предприятий.

В статье обосновано, что традиционные методы оценки персонала, основанные преимущественно на анализе отдельных HR-показателей, не позволяют комплексно оценить зрелость системы управления человеческим капиталом. Предложен авторский подход, рассматривающий человеческий капитал как интегрированную систему, включающую стратегический, организационный, компетентностный, цифровой и результативный компоненты.

Предложенный подход позволяет перейти от оценки отдельных кадровых характеристик к определению уровня зрелости системы управления человеческим капиталом и формированию управленческих решений по ее развитию.

Ключевые слова: человеческий капитал, управление человеческим капиталом, энергетические предприятия, диагностика, кадровый потенциал, цифровизация, HR-аналитика, организационная эффективность.

ANALISYS OF THE STATE OF THE HUMAN CAPITAL MANAGEMENT SYSTEM AT ENERGY-GENERATING ENTERPRISES

Zlata Dmitrievna Ivanova,
Postgraduate student at the Faculty of Economics
of the Peoples' Friendship University of Russia, E-mail: zlata.ivanova.1997@mail.ru

Annotation. In the context of the technological transformation of the energy sector, the efficiency of generating enterprises is determined not only by the level of development of the production infrastructure but also by the quality of human capital management. The growing demands for the reliability of energy supply, the introduction of digital technologies, and changes in the structure of professional competencies necessitate the improvement of tools for assessing the personnel potential of enterprises. The article substantiates that traditional personnel assessment methods, which are based primarily on the analysis of individual HR indicators, do not allow for a comprehensive assessment of the maturity of the human capital management system. An author's approach is proposed, which views human capital as an integrated system comprising strategic, organizational, competency-based, digital, and performance components. The proposed approach

makes it possible to move from assessing individual personnel characteristics to determining the level of maturity of the human capital management system and formulating management decisions for its development.

Keywords. human capital, human capital management, energy enterprises, diagnostics, personnel potential, digitalization, HR analytics, organizational efficiency.

Энергетика переживает масштабную цифровую трансформацию, где человеческий капитал становится ключевым фактором устойчивости. Сложность оборудования требует от персонала не только высокой квалификации, но и адаптивности к новым технологиям.

Сегодня отрасль сталкивается с серьезными кадровыми вызовами: старением кадров, дефицитом инженеров и необходимостью передачи опыта. Это диктует переход от традиционного управления персоналом к системному развитию человеческого капитала. Для энергопредприятий эффективность бизнеса теперь напрямую зависит от качества формирования компетенций, сохранения знаний и интеграции HR-стратегии в общую стратегию развития компании.

В связи с этим возникает необходимость разработки комплексного диагностического инструментария, позволяющего оценивать зрелость системы управления человеческим капиталом с учетом отраслевой специфики энергетики.

Теоретические основы диагностики системы управления человеческим капиталом энергетически генерирующих предприятий

Концепция человеческого капитала рассматривает знания и навыки сотрудников как стратегический ресурс компании.

В отличие от традиционного кадрового администрирования, управление человеческим капиталом направлено на развитие компетенций персонала для достижения долгосрочных целей бизнеса.

Для промышленных предприятий, включая энергетическую генерацию, данный подход приобретает особое значение. Специфика отрасли определяется высокой технологической сложностью производственных процессов, значительной ролью инженерных компетенций, повышенными требованиями к промышленной безопасности и длительным жизненным циклом оборудования. В связи с этим человеческий капитал энергетического предприятия включает не только профессиональные знания работников, но и способность организации сохранять критически важные компетенции, обеспечивать передачу опыта и формировать новые навыки.

Анализ существующих подходов позволяет выделить несколько основных направлений оценки человеческого капитала.

Существует четыре подхода к оценке человеческого капитала:

Экономический: оценивает эффективность инвестиций и производительность труда. Плюс — финансовая наглядность; минус — игнорирование причин изменений и качества управления.

Компетентностный: фокусируется на квалификации персонала (актуально для энергетики). Ограничен оценкой отдельных сотрудников, не отражая систему управления в целом.

Процессный: анализирует качество HR-функций (подбор, обучение, мотивация). Позволяет оценить работу кадровой системы, но не всегда учитывает долгосрочный потенциал развития.

Стратегический: рассматривает персонал как фактор конкурентоспособности. Оценивает соответствие стратегии бизнес-целям, цифровую зрелость и адаптивность организации.

Проведенный анализ показывает, что существующие подходы имеют существенное ограничение: они преимущественно оценивают отдельные элементы человеческого капитала, тогда как эффективность управления определяется качеством взаимодействия всей системы.

Для количественной оценки предлагается использовать интегральный показатель — **индекс состояния системы управления человеческим капиталом энергетического предприятия (Human Capital Management System Index — HCMSI).**

Индекс рассчитывается как агрегированная оценка пяти диагностических блоков:

$$HCMSI=\sum_{i=1} Wi \times Ii$$

HCMSI — интегральный индекс состояния системы управления человеческим капиталом;

I_i — значение i-го диагностического блока;

W_i — весовой коэффициент соответствующего блока.

Каждый диагностический блок определяется на основе нормированных значений частных показателей:

$$Ii = \sum_{j=1}^{n} aj \times Xj$$

Xj — значение отдельного показателя;

aj — вес показателя внутри блока.

Весовые коэффициенты могут определяться методом экспертной оценки с привлечением специалистов в области управления персоналом, энергетики и организационного развития.

Для определения уровня зрелости системы управления человеческим капиталом предлагается использовать пятиуровневую шкалу оценки интегрального индекса HCMSI.

Таблица 1

Интерпретация уровня зрелости системы управления человеческим капиталом

Значение HCMSI	Уровень зрелости	Характеристика
0,81–1,00	Высокий	Система управления человеческим капиталом является стратегически интегрированной, используются цифровые инструменты, обеспечивается развитие и сохранение ключевых компетенций
0,61–0,80	Развитый	Основные процессы управления сформированы, однако отдельные направления требуют совершенствования
0,41–0,60	Средний	Система функционирует преимущественно на уровне отдельных HR-процессов, отсутствует комплексный подход
0,21–0,40	Низкий	Управление человеческим капиталом носит преимущественно оперативный характер
0–0,20	Критический	Отсутствует системная модель управления человеческим капиталом

Использование данной шкалы позволяет не только определить текущее состояние системы, но и выявить направления ее развития.

Практическое применение результатов диагностики

Результаты оценки состояния системы управления человеческим капиталом могут использоваться для формирования адресных управленческих решений.

При критическом и низком уровне приоритетными направлениями являются:

1. формирование стратегии управления человеческим капиталом;
2. создание системы кадрового планирования;
3. стандартизация базовых HR-процессов;
4. развитие механизмов обучения и адаптации персонала.

При среднем уровне зрелости основное внимание должно быть направлено на:

интеграцию HR-процессов;

развитие компетентностной модели;

внедрение системы управления знаниями;

повышение эффективности мотивационных механизмов.

При развитом уровне ключевыми направлениями являются:

развитие цифровых HR-инструментов;
внедрение аналитики человеческого капитала;
совершенствование механизмов управления талантами;
развитие инновационной культуры.

Зрелые предприятия переходят к стратегическому управлению человеческим капиталом через предиктивную аналитику и развитие компетенций под технологические задачи. Предложенная модель отличается от традиционных тем, что оценивает не отдельные показатели, а всю систему управления в целом.

Подход адаптирован к специфике энергетики и учитывает критические отраслевые факторы

- необходимость сохранения уникальных инженерных компетенций;
- высокая роль профессионального опыта;
- требования промышленной безопасности;
- влияние цифровой трансформации на структуру компетенций.

Научная ценность модели заключается в объединении пяти взаимосвязанных направлений оценки: стратегического, организационного, компетентностного, цифрового и результативного.

Предложенный подход позволяет не только оценивать текущее состояние системы управления человеческим капиталом, но и определять приоритеты её развития.

Индекс HCMSI переводит оценку HR-показателей из фрагментарной в комплексную. Практическая значимость заключается в возможности использования предложенной модели при разработке кадровой стратегии, совершенствовании HR-процессов и повышении устойчивости энергетических предприятий.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на апробацию предложенной методики на конкретных энергетически генерирующих предприятиях, уточнение весовых коэффициентов показателей и разработку инструментов прогнозирования развития человеческого капитала.

Список литературы

1. Веснин В.Р. Управление человеческими ресурсами: теория и практика. М.: Проспект, 2015. — 688 с.
2. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации. М.: ИНФРА-М? 2026. — 695 с.
3. Одегов Ю.Г., Карташова Л.В. Управление человеческими ресурсами. 2025. — 235 с.
4. Маслова В.М. Управление персоналом: учебник, 2022 — 431 с.
5. Becker G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
6. Schultz T. Investment in Human Capital // American Economic Review. 1961. Vol. 51(1). P. 1–17.
7. Bontis N., Fitz-enz J. Intellectual capital ROI: A causal map of human capital antecedents and consequents // Journal of Intellectual Capital. 2002. Vol. 3(3). P. 223–247.
8. Armstrong M. Armstrong’s Handbook of Human Resource Management Practice. London: Kogan Page, 2023.
9. Ulrich D., Dulebohn J. Are we there yet? What's next for HR? // Human Resource Management Review. 2015. Vol. 25(2). P. 188–204.
10. Becker B., Huselid M. High performance work systems and firm performance // Research in Personnel and Human Resources Management. 1998.
11. Aras A., Büyüközkan G. Digital Transformation Journey Guidance: A Holistic Digital Maturity Model Based on a Systematic Literature Review // Systems. 2023. Vol. 11(4).
12. Thordsen T., Bick M. A decade of digital maturity models: much ado about nothing? // Information Systems and e-Business Management. 2023. Vol. 21. P. 947–976.
13. Kuzmin E., Vlasov M., Strielkowski W. et al. Human capital in the sustainable economic development of the energy sector. 2023.
14. International Energy Agency. World Energy Employment Report. Paris: IEA, 2023.

15. International Renewable Energy Agency. Renewable Energy and Jobs Annual Review. Abu Dhabi: IRENA, 2024.

УДК 331.101

СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СО СТРАНАМИ ШОС В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Иванцова Ольга Николаевна,
Студент,
Белорусский национальный технический университет
(220013, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Независимости, 65. E-mail:ivancova.ola541955@gmail.com)

Аннотация. В статье рассматриваются направления сотрудничества Республики Беларусь со странами Шанхайской организации сотрудничества в сфере развития человеческого капитала на примере Белорусского национального технического университета. Также проводится краткий обзор практического опыта БНТУ по интеграции в образовательное пространство ШОС, включая реализацию программ академической мобильности, участие в сетевом Университете ШОС и создание совместного инновационного центра подготовки аспирантов. В итоге обосновывается значимость совместных научно-образовательных проектов для качественного накопления человеческого капитала и устойчивого развития стран союза.

Ключевые слова: человеческий капитал, Республика Беларусь, ШОС, международное образовательное сотрудничество, научно-техническое сотрудничество, устойчивое развитие.

COOPERATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS WITH SCO COUNTRIES IN HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT

Ivantsova Olga Nikolaevna,
Student
Belarusian National Technical University
(220013, Republic of Belarus, Minsk, Independence Avenue, 65. E-mail: ivancova.ola541955@gmail.com)

Annotation. The article examines the directions of cooperation between the Republic of Belarus and the countries of the Shanghai Cooperation Organisation in the field of human capital development, using the Belarusian National Technical University as a case study. A brief review of BNTU's practical experience in integrating into the SCO educational space is also provided, including the implementation of academic mobility programs, participation in the network SCO University, and the establishment of a joint innovative center for postgraduate training. As a result, the importance of joint scientific and educational projects for the qualitative accumulation of human capital and sustainable development of the union's countries is substantiated.

Keywords: human capital, Republic of Belarus, SCO, international educational cooperation, scientific and technical cooperation, sustainable development.

В современных условиях развитие человеческого капитала становится одним из ключевых факторов устойчивого экономического роста, технологической модернизации и повышения международной конкурентоспособности государства. Он приобретает статус стратегического ресурса, определяющего способность государства к проведению независимой технологической политики.

Российские ученые А.Н. Добрынин, С.А. Курганский и С.А. Дятлов в своей работе сформулировали понятие человеческий капитал и определят его как «…сформированный в

результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в процессе труда, содействуя росту его производительности и заработка» [4].

По мнению Ю.Г. Кобзистой: «человеческий капитал – это сложная категория, состоящая из профессиональных знаний и потенциала человека (работника) или трудового коллектива, направленная на получение сверхприбыли и обеспечение процесса воспроизводства» [6, с. 153].

Вышеуказанные определения подчёркивают, что человеческий капитал является совокупностью созданных и накопленных человеком качеств (здоровье, знания, навыки, способности, мотивация), которые целенаправленно используются в трудовой деятельности и способствуют повышению производительности труда.

Современная экономическая наука в Республике Беларусь, представленная работами ведущих ученых Белорусского национального технического университета, уделяет пристальное внимание формированию и воспроизводству человеческого капитала. Он, в свою очередь, является фундаментом экономики знаний, задача которой непрерывно производить и генерировать новые инновации. В контексте интеграционных объединений, таких как ШОС, следует рассматривать человеческий капитал как общий ресурс знаний и компетенций, способный обеспечить технологический суверенитет всех участников союза. Это предполагает не только обмен студентами, но и синхронизацию образовательных стандартов с потребностями реального сектора экономики.

Белорусский национальный технический университет выступает одним из ведущих центров образовательного и научно-технического взаимодействия Беларуси со странами ШОС, прежде всего с Китайской Народной Республикой. В БНТУ и по его образовательным программам обучается около 2500 иностранных граждан из 44 государств, включая все страны ШОС [7]. При этом количество китайских студентов демонстрирует устойчивую динамику роста: сегодня в университете обучаются более 1200 граждан КНР на всех ступенях образования, а за последние шесть лет их число увеличилось в десять раз. В 2025 году БНТУ планирует привлечь на обучение не менее 900 граждан Китая по дефицитным и востребованным специальностям [3].

Университет реализует систему подготовки китайских граждан по программам общего, высшего, специального и углублённого образования, включая обучение на английском языке. В 2025 году более 800 высококвалифицированных специалистов было подготовлено для нужд промышленности и народного хозяйства Китая [3]. Наряду с КНР, в БНТУ обучаются представители России, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и других государств-членов ШОС.

Ключевым институциональным механизмом сотрудничества стало присоединение БНТУ к Университету ШОС (УШОС) – сетевой структуре, учреждённой в 2008 году по инициативе Президента России и направленной на развитие интеграционных процессов в области образования, науки и технологий через совместную подготовку кадров, реализацию согласованных учебных программ, подготовительных курсов и научных проектов. В 2025 году к УШОС присоединились шесть белорусских вузов, в том числе БНТУ, БГУ, БГУИР, ГГУ им. Ф. Скорины, ВГУ им. П.М. Машерова и ГГТУ им. П.О. Сухого [1]. Приоритетной задачей вузов-участников УШОС является осуществление скоординированной подготовки высококвалифицированных кадров на основе образовательных программ по направлениям, востребованным для экономического и социального развития стран ШОС.

Развитие человеческого капитала невозможно без научной составляющей. В этом отношении БНТУ активно расширяет сотрудничество со странами ШОС через совместные научные исследования, технологические обмены и создание новых академических структур.

Значимым шагом в развитии научно-образовательного сотрудничества стало учреждение инновационного центра подготовки аспирантов «Китай – ШОС» по инициативе Харбинского политехнического университета (HIT). Центр ставит своей целью «подготовку высококвалифицированных специалистов с междисциплинарными и межнациональными ис-

следовательскими навыками», а также призван «вносить вклад в технологические инновации и устойчивое развитие стран-членов ШОС» [2].

В сентябре 2025 года центр принял первую группу из 120 аспирантов из стран-членов ШОС. Зачисленные студенты являются выпускниками элитных вузов государств-членов организации, включая НІТ, Пекинский университет и Университет Цинхуа (Китай), Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), Кыргызский государственный технический университет и Белорусский национальный технический университет. Секретарь парткома НІТ Чэнь Цзе отметил, что центр сфокусирует деятельность на «совместных инновациях в таких передовых областях, как искусственный интеллект, энергетика и цифровая экономика» [5].

Можно сделать вывод, что сотрудничество БНТУ со странами ШОС вносит существенный вклад в развитие человеческого капитала. Во-первых, образовательная миграция способствует приращению знаний и компетенций иностранных студентов, которые по возвращении на родину становятся носителями передовых технологических и управленческих практик. Во-вторых, совместные научные исследования и образовательные программы создают синергетический эффект, объединяя интеллектуальные ресурсы различных стран для решения актуальных задач научно-технологического развития. В-третьих, институциональное взаимодействие в рамках УШОС и инновационного центра «Китай – ШОС» формирует единое образовательное пространство, обеспечивающее сопоставимость квалификаций и академическую мобильность.

Дальнейшее углубление сотрудничества предполагает расширение спектра совместных образовательных программ, увеличение объёмов академической мобильности, развитие сетевых форм взаимодействия в рамках УШОС, а также активизацию участия белорусских вузов в научно-технических проектах ШОС. Нужно подчеркнуть то, что человеческий капитал формируется через комплексные инвестиции в образование, науку и профессиональную подготовку, и международное сотрудничество является неотъемлемым элементом этого процесса. Опыт БНТУ свидетельствует, что интеграция в образовательное пространство ШОС создаёт дополнительные возможности для накопления человеческого капитала, способствуя технологической модернизации и устойчивому развитию как Беларуси, так и стран-партнёров.

Список литературы

1. БГУ активизирует сотрудничество с университетами Шанхайской организации сотрудничества // СБ. Беларусь сегодня – 2024. – URL: https://www.sb.by/articles/bgu-aktiviziruet-sotrudnichestvo-s-universitetami-shankhayskoy-organizatsii-sotrudnichestva.html (дата обращения: 18.05.2026).
2. БНТУ в инновационном центре подготовки аспирантов «Китай – ШОС» // Белорусский национальный технический университет – 2025. – URL: https://bntu.by/index.php/be/news/17780-bntu-v-innovacionnom-centre-podgotovki-aspirantov-kitaj-shos (дата обращения: 18.05.2026).
3. БНТУ планирует пригласить на обучение не менее 900 граждан Китая в 2025 году // Медиацентр БНТУ – 2025. – URL: https://smi.bntu.by/2025/01/17/bntu-planiruet-priglasit-na-obuchenie-ne-menee-900-grazhdan-kitaja-v-2025-godu/ (дата обращения: 18.05.2026).
4. Добрынин, А. И. Методология человеческого капитала / А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, С. А. Курганский // Экономика образования. – 1999. – № 1. – С. 6–18.
5. Инновационный центр подготовки аспирантов «Китай – ШОС» принял на учебу первую группу обучающихся из стран-членов ШОС // Russian.News.Cn – 2025. – URL: https://russian.news.cn/20250906/57d1f5221d4e431f8b1402c117aaee00/c.html (дата обращения: 18.05.2026).
6. Кобзистая, Ю. Г. Исследование методов оценки величины человеческого капитала / Ю. Г. Кобзистая // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 5. – С. 148–155.
7. Мы захватываем мир // Белорусский национальный технический университет – 2021. –

URL: https://bntu.by/index.php/be/news/7069-my-zahvatyvaem-mir (дата обращения: 18.05.2026).

УДК 331.101.262:004

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Камалов Марат Салаватович,
магистрант 1 курса, направление подготовки 38.04.01 «Экономика»,
профиль «Экономика фирмы и отраслевых рынков»
Казанский национальный исследовательский технический
университет им. А. Н. Туполева - КАИ,
(Казань, Россия, E-mail: maratyk2003@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития человеческого капитала в условиях цифровой трансформации общества. Актуальность исследования обусловлена изменением структуры занятости, внедрением информационных технологий, автоматизацией производственных процессов и ростом требований к профессиональным компетенциям работников. Раскрывается содержание человеческого капитала в цифровой экономике, определяются основные направления его развития, включая формирование цифровой грамотности, непрерывное образование, повышение профессиональной мобильности и развитие универсальных компетенций. Особое внимание уделяется роли образования, работодателей и государства в обеспечении адаптации населения к технологическим изменениям. Выделены основные проблемы цифрового неравенства, несоответствия квалификаций требованиям рынка труда и недостаточной мотивации к постоянному обновлению знаний. Предложены направления совершенствования механизмов развития человеческого капитала в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: человеческий капитал, цифровая трансформация, цифровая экономика, цифровые компетенции, рынок труда, образование, занятость, профессиональная мобильность

DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

Marat S. Kamalov,
first-year master's student, Economics programme,
Firm and Industry Markets track; Kazan National Research
Technical University named after A. N. Tupolev - KAI,
(Kazan, Russia, E-mail: maratyk2003@mail.ru)

Annotation. The article examines the development of human capital in the context of the digital transformation of society. The relevance of the study is determined by changes in the employment structure, the introduction of information technologies, the automation of production processes and increasing requirements for professional competencies. The content of human capital in the digital economy is considered, and the main directions of its development are identified, including digital literacy, lifelong learning, professional mobility and universal competencies. Particular attention is paid to the role of education, employers and the state in adapting the population to technological changes. The main problems of digital inequality, the mismatch between qualifications and labor market requirements, and insufficient motivation for continuous learning are identified. Directions for improving mechanisms for the development of human capital in the context of digital transformation are proposed.

Keywords: human capital, digital transformation, digital economy, digital competencies, labor market, education, employment, professional mobility

Введение

Современное общество развивается в условиях масштабных технологических изменений, затрагивающих экономику, систему государственного управления, образование, здравоохранение, культуру и повседневную жизнь населения. Цифровизация становится одним из важнейших факторов преобразования социально-экономических процессов. Распространение информационных систем, автоматизация производства, развитие искусственного интеллекта и цифровых платформ приводят к изменению требований к профессиональной деятельности человека [1].

В новых условиях возрастает значение человеческого капитала как совокупности знаний, навыков, способностей, профессионального опыта и личностных качеств, используемых в экономической и общественной деятельности. Если в традиционной экономике конкурентоспособность во многом определялась доступом к материальным ресурсам и производственным мощностям, то в цифровой экономике особую роль приобретает способность человека создавать, воспринимать и применять новые знания.

Цифровая трансформация одновременно создает новые возможности и формирует дополнительные риски. С одной стороны, она способствует появлению новых профессий, расширяет доступ к образованию, повышает производительность труда и облегчает коммуникацию. С другой стороны, автоматизация отдельных операций может приводить к сокращению спроса на некоторые виды занятости, усиливать требования к квалификации работников и увеличивать различия между социальными группами.

В связи с этим развитие человеческого капитала становится важным условием устойчивого социально-экономического развития. Недостаточно обеспечить население базовым образованием: необходимо создать систему постоянного обновления знаний и формирования компетенций, соответствующих изменяющейся технологической среде.

Целью статьи является исследование особенностей развития человеческого капитала в условиях цифровой трансформации общества и определение основных направлений повышения его качества [2].

Человеческий капитал в условиях цифровой экономики

Понятие человеческого капитала сформировалось в экономической науке как результат осмысления роли знаний, образования и профессиональных навыков в обеспечении экономического роста. Т. Шульц и Г. Беккер рассматривали вложения в образование и профессиональную подготовку как инвестиции, способные приносить долгосрочную экономическую отдачу.

Цифровая экономика предъявляет к работнику требования, связанные не только с выполнением конкретных трудовых операций, но и с использованием цифровых инструментов. Специалист должен уметь работать с электронными системами, анализировать данные, использовать программное обеспечение, соблюдать требования информационной безопасности и взаимодействовать с цифровыми платформами.

Человеческий капитал в цифровой экономике можно представить как совокупность трех взаимосвязанных компонентов:

профессиональные знания и навыки;

цифровые компетенции;

универсальные способности к адаптации, коммуникации и самостоятельному обучению.

Именно сочетание этих компонентов определяет готовность человека к участию в современных экономических процессах.

Основные направления цифровой трансформации человеческого капитала

Цифровая трансформация оказывает влияние на человеческий капитал через изменение содержания труда, структуры занятости и способов получения образования.

Первым направлением является изменение требований к профессиональным компетенциям. Автоматизация производственных процессов приводит к сокращению доли рутинных операций и повышает значение аналитической, творческой и управленческой деятельно-

сти. Работник должен не только выполнять инструкции, но и уметь контролировать цифровые системы, интерпретировать результаты их работы и принимать решения.

Третьим направлением является развитие непрерывного образования. В условиях ускоренного обновления технологий невозможно ограничиваться знаниями, полученными на начальном этапе профессиональной подготовки. Работники должны иметь возможность регулярно проходить повышение квалификации, профессиональную переподготовку и осваивать новые компетенции [3].

Четвертым направлением становится развитие профессиональной мобильности. Цифровая экономика формирует новые формы занятости, включая удаленную работу, проектную деятельность и гибкие трудовые отношения. Это требует от человека способности адаптироваться к изменению места работы, профессиональных задач и способов организации труда.

Пятым направлением является расширение возможностей дистанционного образования. Онлайн-курсы, электронные библиотеки, цифровые образовательные платформы и виртуальные практические среды позволяют получать знания независимо от места проживания и занятости человека.

Таким образом, цифровая трансформация создает условия для развития человеческого капитала, но одновременно требует изменения традиционных подходов к образованию и профессиональной подготовке.

Роль образования в развитии человеческого капитала

Образование является основным институтом формирования человеческого капитала. В условиях цифровой трансформации его значение возрастает, поскольку именно образовательная система создает базу для освоения новых технологий и развития способности человека к самостоятельному обучению.

Особое значение приобретает цифровизация самого образовательного процесса. Использование электронных образовательных ресурсов, интерактивных платформ и дистанционных технологий позволяет расширить доступ к знаниям и повысить индивидуализацию обучения. Однако цифровые инструменты не должны полностью заменять содержательную и педагогическую составляющую образования. Их эффективность зависит от качества образовательных программ и уровня подготовки преподавателей [4].

Важным условием развития человеческого капитала является практическая направленность обучения. Взаимодействие образовательных организаций с работодателями позволяет учитывать реальные потребности экономики и своевременно обновлять содержание образовательных программ.

Для современной системы образования особенно важным становится формирование способности учиться на протяжении всей жизни. Человек должен воспринимать профессиональное развитие как непрерывный процесс, связанный не только с карьерным ростом, но и с сохранением востребованности на рынке труда.

Изменение рынка труда и требования к работникам

Цифровая трансформация изменяет структуру рынка труда. Одни профессии исчезают или сокращаются, другие появляются, а многие традиционные виды деятельности преобразуются под влиянием технологий.

Наиболее востребованными становятся специалисты, способные работать на стыке нескольких областей знаний. Например, экономисту необходимо владеть инструментами анализа данных, менеджеру - понимать цифровые бизнес-процессы, инженеру - использовать автоматизированные системы проектирования и управления [5].

При этом цифровизация не означает полного вытеснения человека из экономической деятельности. Во многих случаях технологии заменяют отдельные операции, но одновременно повышают спрос на работников, способных контролировать сложные системы, принимать нестандартные решения и обеспечивать взаимодействие между различными участниками процесса.

Сочетание профессиональных и универсальных компетенций повышает адаптивность работника и снижает риск потери занятости в условиях структурных изменений экономики.

Проблемы развития человеческого капитала в цифровой среде

Несмотря на положительный потенциал цифровой трансформации, развитие человеческого капитала сталкивается с рядом ограничений.

Одной из наиболее значимых проблем является цифровое неравенство. Различия в доступе к интернету, современным устройствам, цифровым образовательным ресурсам и качественной инфраструктуре могут приводить к неравным возможностям получения знаний и профессионального развития.

Вторая проблема связана с несоответствием между темпами технологических изменений и скоростью обновления образовательных программ. Некоторые образовательные организации не всегда успевают адаптировать содержание обучения к новым требованиям экономики.

Третья проблема заключается в недостаточной мотивации работников к непрерывному обучению. Освоение новых компетенций требует времени, финансовых ресурсов и личной заинтересованности. Без поддержки со стороны работодателей и государства повышение квалификации может оставаться недоступным для отдельных категорий населения [6].

Четвертой проблемой является риск роста структурной безработицы. Работники, чьи профессии подвергаются автоматизации, могут испытывать трудности при переходе в новые сферы деятельности. Для них необходимы программы переподготовки и сопровождения профессионального перехода.

Пятая проблема связана с информационной безопасностью и качеством цифровой среды. Развитие цифровых технологий требует не только технических навыков, но и понимания принципов ответственного поведения в информационном пространстве.

Таким образом, цифровая трансформация должна сопровождаться комплексной политикой развития человеческого капитала, направленной на снижение неравенства и повышение адаптивности населения.

Направления совершенствования механизмов развития человеческого капитала

Для повышения эффективности развития человеческого капитала в условиях цифровой трансформации целесообразно выделить несколько приоритетных направлений.

Первым направлением является развитие системы непрерывного образования. Необходимо обеспечить доступность программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки для различных категорий населения. Особое внимание следует уделять работникам, чьи профессиональные функции изменяются под воздействием автоматизации.

Вторым направлением выступает развитие цифровых компетенций на всех уровнях образования. Основы работы с цифровыми технологиями должны формироваться уже на ранних этапах обучения и последовательно развиваться в процессе профессиональной подготовки.

Третьим направлением является укрепление взаимодействия между государством, образовательными организациями и работодателями. Предприятия должны участвовать в определении актуальных компетенций, организации практической подготовки и разработке программ дополнительного образования [7].

Четвертым направлением является поддержка цифровой инфраструктуры. Доступ к интернету, современному оборудованию и образовательным платформам должен рассматриваться как необходимое условие развития человеческого капитала.

Пятым направлением является развитие индивидуальных образовательных траекторий. Использование цифровых технологий позволяет формировать персонализированные программы обучения с учетом профессиональных интересов, уровня подготовки и перспектив занятости конкретного человека.

Шестым направлением может стать внедрение механизмов оценки и признания приобретенных компетенций. В условиях постоянного обновления знаний важно учитывать не только формальное образование, но и результаты дополнительного обучения, профессионального опыта и самообразования.

Реализация перечисленных мероприятий позволит повысить устойчивость человече-

ского капитала и создать условия для его постоянного обновления.

Заключение

Цифровая трансформация общества оказывает комплексное влияние на развитие человеческого капитала. Изменение технологий, структуры занятости и требований работодателей приводит к необходимости постоянного обновления профессиональных и универсальных компетенций работников [8].

В современных условиях человеческий капитал становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности экономики. Его качество определяется не только уровнем формального образования, но и способностью человека адаптироваться к технологическим изменениям, использовать цифровые инструменты и самостоятельно осваивать новые знания.

Основными условиями эффективного развития человеческого капитала являются доступность качественного образования, развитие цифровой грамотности, формирование культуры непрерывного обучения и укрепление взаимодействия между образовательными организациями, государством и работодателями.

Особое значение имеет снижение цифрового неравенства. Без обеспечения равных возможностей доступа к современным образовательным ресурсам цифровая трансформация может привести к усилению социально-экономической дифференциации населения.

Таким образом, развитие человеческого капитала в условиях цифровой трансформации следует рассматривать как стратегическую задачу социально-экономической политики. Инвестиции в знания, компетенции и профессиональный потенциал населения создают основу для повышения производительности труда, инновационного развития, устойчивой занятости и конкурентоспособности современной экономики [9].

Список литературы

1. Беккер, Г. С. Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ, главным образом в отношении образования / Г. С. Беккер. - М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. - 401 с.

2. Всемирный банк. Доклад о мировом развитии 2019: изменение характера труда. - Вашингтон: Всемирный банк, 2019. - 172 с.

3. Гимпельсон, В. Е. Человеческий капитал: состояние и перспективы развития / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников, С. Ю. Рощин. - М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020. - 68 с.

4. Доклад о человеческом развитии 2023/2024: выход из тупика. Переосмысление человеческого развития в мире поляризации. - Нью-Йорк: ПРООН, 2024. - 288 с.

5. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. - Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации.

6. Российская Федерация. Президент. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. - Текст: электронный.

7. Schultz, T. W. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research / T. W. Schultz. - New York: Free Press, 1971. - 272 p.

8. Российская Федерация. Президент. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145. - Текст: электронный.

9. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642. - Текст: электронный.

УДК 338.2

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Карпенко Ольга Анатольевна,
к.э.н., ведущий специалист АО «Самарагорэнергосбыт»
(443111 г. Самара, Московское шоссе, 99 /96 E-mail: olga180008@yandex.ru)

Аннотация. В работе рассматривается вопрос формирования интеллигентного человеческого потенциала и капитала в современных условиях. Дается определение понятия интеллигентного человеческого потенциала и капитала. Дается характеристика процесса формирования данного потенциала и капитала. Наряду с этим, рассматриваются современные требования работодателей и рынка труда к процессу формирования рассматриваемого понятия и к его дальнейшему развитию.

Ключевые слова: интеллигентный человеческий потенциал и капитал, цифровизация, искусственный интеллект, надпрофессиональные навыки, непрерывное образование, нейросети.

DEVELOPING INTELLIGENT HUMAN POTENTIAL AND CAPITAL N MODERN CONDITIONS

Olga Anatolyevna Karpenko,
PhD in Economics, Leading Specialist, JSC Samaragorenergosbyt (443111 Samara, Moskovskoe Shosse, 99/96, E-mail: olga180008@yandex.ru)

Annotation. This paper examines the development of intelligent human potential and capital in modern conditions. It defines the concepts of intelligent human potential and capital and characterizes the process of developing this potential and capital. Along with this, the modern requirements of employers and the labor market for the process of formation of the concept in question and its further development are considered.

Key words: intelligent human potential and capital, digitalization, artificial intelligence, cross-professional skills, continuous education, neural networks.

В настоящее время наблюдается недостаток теоретических исследование различных подвидов человеческого потенциала и капитала. Обратимся к интеллигентному человеческому потенциалу и капиталу и процессам его формирования.

Интеллигентный капитал человека — это стоимость интеллигентных человеческих знаний, умений, способностей, навыков и талантов, воспитания, а также духовных качеств (мотивов, стремлений, духовно-нравственных качеств), участвующих в создании стоимости товаров и услуг и способствующих ее созданию. Интеллигентный потенциал человека отличается от капитала лишь своей потенциальной способностью к созданию стоимости и дохода или участию в ее создании.

В данной статье рассмотрим процессы формирования интеллигентного человеческого потенциала и капитала. По своей сути, эти процессы в основном схожи с аналогичными процессами, присущими основным подвидам человеческого потенциала и капитала.

Интеллигентный потенциал и интеллигентные человеческие ресурсы во многом даны человеку природой, но при этом их развитие зависит от индивидуальных особенностей, интеллектуального, социального, культурного, духовно-нравственного и иного развития человека, его образа мышления, наставнических и педагогических возможностей, личных индивидуальных и психологических особенностей, способностей и возможностей, мотивации и других факторов.

Интеллигентный потенциал человека совместно с интеллектуальным, витальным, социальным и культурным потенциалом во многом оказывает влияние на первое впечатление о человеке при знакомствах, первых встречах, собеседованиях и т.п., а также и в последующие

периоды общения. Вместе с тем он зачастую не полностью открыт до того момента, когда человек начинает активно включаться в общение и коммуникацию, выполнять свои профессиональные задачи и важен непосредственно при выполнении самой профессиональной деятельности в интеллигентной сфере, а также в социуме и повседневной жизни. Следует заметить, что важной особенностью интеллигентного человеческого потенциала и капитала является то, что интеллигентные люди не открываются миру до конца, и на основании того, что они находятся в постоянном саморазвитии и изменении, с ними интересно общаться на протяжении всей жизни.

Интеллигентные человеческие ресурсы (потенциал) и капитал формируются через обучение, участие в специализированных мероприятиях (занятиях и уроках, повышающих курсах, научных конференциях и дискуссиях, интеллигентных кружках и сообществах, группах, интеллигентного хобби и общения и др.), собственную интеллигентную деятельность, накопление опыта, общение, взаимодействие и развитие в интеллигентной среде, в своей области, а также через саморазвитие и самосовершенствование.

Указанные процессы важны для человека как в профессиональной деятельности, так и в обычной жизни и формируют его интеллигентный потенциал.

Формирование интеллигентного капитала человека осуществляется в ходе участия человека в воспроизводственном процессе в интеллигентной сфере или интеллигентных видах деятельности в различных сферах, где его интеллигентные человеческие ресурсы и капитал играют ключевую роль в создании стоимости товаров и услуг.

Процесс формирования интеллигентного потенциала и капитала человека обладает своими уникальными характеристиками:

- Неотделимость от человека,
- Непосредственный процесс решения производственных и жизненных задач и вопросов в соответствующей сфере, получения опыта, общения и взаимодействия с людьми в воспроизводственном процессе и применения своих знаний, навыков и умений т.д.,
- Повышение и развитие в соответствующей интеллигентной сфере и отрасли независимо от того, заниматься ли для себя или в профессиональных целях,
- Дополнительные выгоды, которые дают занятия соответствующей интеллигентной деятельностью и обучение (в том числе общественные и личные) и др.

Формирование интеллигентного потенциала и капитала коллективов предполагает совершенствование их компетенций для успешного выполнения своей деятельности, развития и функционирования.

Формирование интеллигентного потенциала сотрудников организаций является также важным направлением стратегии их развития. Они предусматривают создание и совершенствование системы компетенций кадров таким образом, чтобы результат их применения и взаимодействия людей в итоге становился фактором успеха в достижении развития каждого человека в коллективе, и общих целей деятельности всей организации.

При этом формирование интеллигентного потенциала и капитала, особенно с возрастом человека, требует времени на свое развитие, сохранение и улучшение, возможно профилактику и лечение.

Накопление интеллигентного капитала начинается с момента начала воспитания, взаимодействия, общения и деятельности в интеллигентном направлении, и происходит в раннем возрасте. Также оно требует существенных инвестиций и соответствующего поддерживающего социального окружения и общения.

На формирование интеллигентного потенциала и капитала человека напрямую влияет множество разнообразных факторов: культурно-исторические особенности региона, специфика интеллигентной и общей культуры региона, нации, семьи, специфика и особенности интеллигентной деятельности в конкретной отрасли и организации и т.п., состояние, качество и доступность правильного воспитания, услуг образования, просвещения, повышения квалификации, собственное развитие, собственный интеллигентный уровень, желание и возможности его развития и повышения, специфические способности в соответствующей сфере,

отношения в соответствующем сообществе и коллективах, характер взаимоотношений с сотрудниками, руководителями, наставниками и подчиненными, доступность соответствующей литературы и ресурсов для развития, образования и повышения квалификации, публикаций и разработки проектов, состояние, качество и доступность интеллигентного развития, общий уровень развития человека и его семьи (духовный и материальный), наличие наставников, уровень материального благополучия, различной грамотности и осведомленности человека и его семьи, интеллектуальная и духовная зрелость, духовная и культурно-религиозная атмосфера семьи и окружения, их понятность и доступность в обществе, преобладающая религия и уровень ее распространенности в стране, возможность получения образования в области различного вида культуры и повышения уровня грамотности, социальное окружение, уровень самоорганизации и стремление к собственному развитию и самосовершенствованию, возможность и способность построения карьеры, а также препятствующие, негативные и ограничивающие факторы, оказывающие обратное воздействие. [1,3]

Таким образом, формирование интеллигентного потенциала и капитала человека происходит в процессах воспитания, обучения, образования, повышения квалификации, грамотности и просвещения, посещения различных мероприятий в интеллигентной сфере, занятий интеллигентными видами деятельности, набора такого опыта деятельности, общения, взаимодействия и развития и др. Важной особенностью формирования и накопления интеллигентного потенциала и капитала человека является то, что эти процессы начинаются с момента первых шагов в общении, социализации и занятий интеллигентными видами деятельности, требуют времени, инвестиций, а также соответствующего окружения и общения.

В настоящее время происходят и активно внедряются в повседневную жизнь новые направления развития, деятельности и коммуникаций, продиктованные технологическими изменениями на производстве, рынке труда и в обществе, среди которых:

– внедрение цифровых технологий и автоматизация производственных процессов;

– увеличение числа рабочих мест, в особенности в секторе услуг;

– влияние новых технологий на занятость, изменение рынка труда и появление новых профессий;

– активное развитие и внедрение нейросетей;

– увеличение числа самозанятых;

– преобладание работы, требующей умственных и интеллектуальных усилий, а также развитых коммуникативных навыков;

– возрастание роли социальных медиа;

– массовое внедрение искусственного интеллекта и техническая автоматизация процессов;

– возрастание спроса на уникальные человеческие навыки, в том числе интеллигентные и др. [4, С. 64]

Сегодня, когда тенденция к постоянному обучению набирает обороты, конкуренция во многих сферах усиливается, а социальные, демографические и другие проблемы становятся более актуальными, важным становится необходимость дополнительного образования, обучения повышения квалификации и грамотности.

Интеллигентная среда предполагает постоянное познание нового, самообучение и развитие человека, изучение различной литературы, культуры, приобретение и наработку знаний, навыков и умений и т.п.

При этом дополнительное обучение, особенно в случае самостоятельного изучения и освоения новых знаний может затягиваться по времени, сопровождаться необходимостью инвестиций и т.д. Все это приводит к сокращению времени на отдых и общение с семьей и близкими, дополнительных вложений, поиска литературы и т.п., требует совмещения дополнительной учебы с профессиональной трудовой деятельностью и семейными обстоятельствами. В условиях современной жизни, а особенно – семейной, это оказывается весьма непростым. В таких ситуациях часто требуется дополнительная финансовая поддержка и время для организации обучения, профессионального и личностного роста и развития.

Также возможна деятельность в качестве наставника и преподавателя в случае, если человек решает еще идти по педагогической стезе и развивать академическую карьеру, что, несомненно, является важным и значимым для его развития, и в особенности – интеллигентного, но требует дополнительных сил, времени и финансовых затрат.

Вместе с тем, в современных условиях специалисту для профессионального и карьерного роста и развития требуются новые интеллектуальные и инновационные установки, компетенции и навыки, способы мышления, среди которых:

- развитие интеллекта и разума,
- повышение интеллигентной, интеллектуальной, профессиональной и иных видов грамотности,
- разнообразная активность, в том числе активный отдых,
- получение дополнительного образования, квалификации и обучения,
- владение надпрофессиональными навыками, [2]
- развитие самозанятости, возможно создание своего дела,
- профессиональная деятельность и принятие решений в условиях неопределенности, а также в кризисных и стрессовых ситуациях и др. [5]

В наше время также наблюдается развитие семейных ценностей, и прикладываются усилия к развитию тенденции к увеличению числа детей в семьях. Создаются благоприятные условия для всестороннего воспитания детей, активного общения и взаимодействия с родственниками, особенно с пожилыми членами семьи, что требует вложения собственных знаний и навыков, а также дополнительной энергии и времени.

Вместе с тем важно иметь нравственное и духовное развитие, участвовать в различных мероприятиях, заниматься разнообразными интеллигентными видами деятельности и социальным служением. [6] И здесь развитые качества характера, знания и навыки, высокий уровень развития и грамотность оказывают человеку неоценимую услугу по жизни, помогают в завязывании и поддержании социальных связей, в успешном трудоустройстве и продвижении, создании и развитии семьи, социальной жизни и общественной деятельности, в дружеском, досуговом кругу – фактически во всех отношениях.

Итак, современная жизнь предъявляет к специалистам в интеллигентной сфере высокие требования всестороннего развития и активности. Они должны быть образованными и совершенствоваться в различных интеллигентных аспектах деятельности (профессиональном, культурном, духовном, социальном и ином плане).

В современных условиях развитие интеллигентного человеческого потенциала и капитала сталкивается с множеством разнообразных и многогранных требований, связанных с необходимостью соответствующей активности, владения надпрофессиональными и иными навыками и др. для всестороннего развития, накопления и передачи опыта, а также собственного развития и продвижения.

Список литературы

1. Карпенко О.А. Формирование и использование интеллектуального капитала в современной экономике. Дисс. … к.э.н. Самара. 2011. 205с.; Формирование и использование интеллектуального капитала в современной экономике

2. Карпенко О.А., Левченко Л.В. Современные особенности и направления развития подвидов человеческого капитала и потенциала // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2024. № 36. С. 27-35.Современные особенности и направления развития подвидов человеческого капитала и потенциалаУченые записки Тамбовского отделения РоСМУ№ 36

3. Карпенко О.А., Левченко Л.В. Факторы формирования качества интеллектуальных ресурсов и интеллектуального капитала // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2022. № 25. С. 10-20.Факторы формирования качества интеллектуальных ресурсов и интеллектуального капиталаУченые записки Тамбовского отделения РоСМУ№ 25

4. Кудина М.В., Сухарева М.А. Теория человеческого капитала: систематизация подходов на основе критериев взаимосвязи его развития со структурными изменениями в мировой

экономике // Интеллект. Инновации. Инвестиции / Intellect. Innovations. Investments. № 5. 2020 С. 59 – 71. С. 64.

5. Левченко Л.В., Карпенко О.А. Изменения в современном интеллектуально-профессиональном развитии человека // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 1-1. С. 436-441.Наука XXI века: актуальные направления развития№ 1-1

6. Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова; Рос. акад. наук, Сиб. Отд-ние, Ин-т экономики и организации промышленного производства. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2008. 748 с.

УДК 37.091.2:336

РАЗРАБОТКА КРИТЕРИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ КАК ФАКТОРА СНИЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО РАЗРЫВА В РЕГИОНАЛЬНЫХ ШКОЛАХ

Карпунина Виктория Владимировна,
Студент Альметьевского филиала ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ»
(423457, РТ, г. Альметьевск, пр-кт Строителей, д. 9«б». E-mail: V04122006@mail.ru)
Мочелевская Елена Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры экономики машиностроения Альметьевского филиала ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ»
(423457, РТ, г. Альметьевск, пр-кт Строителей, д. 9«б». E-mail: x.alena@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается проблема разработки критериальной модели оценки результативности преподавания финансовой грамотности в общеобразовательной школе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью снижения имущественного неравенства через формирование финансовых компетенций у обучающихся. На основе анализа психолого-педагогической литературы и данных эмпирического исследования, проведённого на базе МБОУ «Нижнесортымская СОШ», предложена трёхкомпонентная модель, включающая когнитивный, деятельностный и рефлексивно-ценностный блоки. Выявлены возрастные различия в уровне сформированности финансовой грамотности и её влиянии на субъективное восприятие имущественного статуса.

Ключевые слова: финансовая грамотность, критериальная модель, имущественное неравенство, самооценка, региональная школа, метапредметные результаты.

DEVELOPMENT OF A CRITERIAL MODEL FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF FINANCIAL LITERACY TEACHING AS A FACTOR IN REDUCING THE PROPERTY GAP IN REGIONAL SCHOOLS

Karpunina Victoria Vladimirovna,
Almetyevsk Branch of Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev -KAI
(423457, Republic of Tatarstan, Almetyevsk, Prospekt Stroiteley, building 9"b". E-mail: V04122066@mail.ru)
Mochelevskaya Elena Vladimirovna,
Ph.D (Philology), Doc., Associate Professor of the Department of Economics and Engineering, Almetyevsk Branch of Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI
(423457, Republic of Tatarstan, Almetyevsk, Prospekt Stroiteley, building 9"b". E-mail: x.alena@mail.ru)

Annotation. The article examines the problem of developing a criterial model for evaluating the effectiveness of financial literacy teaching in secondary schools. The relevance of the study is due to the need to reduce property inequality through the formation of financial competencies in students. Based on the analysis of psychological and pedagogical literature and empirical research data conducted at the Nizhnesortymskaya Secondary School, a three-component model is proposed, including cognitive, activity-based and reflexive-value blocks. Age-related differences in the level of financial literacy formation and its influence on the subjective perception of property status are revealed.

Keywords: financial literacy, criterial model, property inequality, self-esteem, regional school, meta-subject results.

В современном российском образовании вопросы финансовой грамотности обучающихся выходят на первый план. В условиях социально-экономического расслоения населения именно школа становится тем институтом, который способен обеспечить равный доступ к финансовым знаниям независимо от уровня дохода семьи. Однако ключевая проблема заключается в отсутствии единых критериев оценки результативности преподавания финансовой грамотности, особенно в контексте её влияния на снижение имущественного разрыва. Большинство существующих методик ориентированы на передачу теоретических знаний, тогда как изменение поведенческих установок и самооценки обучающихся остаётся вне зоны педагогического контроля.

Цель исследования заключается в разработке и апробации критериальной модели оценки результативности преподавания финансовой грамотности, ориентированной на снижение имущественного неравенства в региональной школе. Для достижения поставленной цели необходимо осуществить теоретический анализ психолого-педагогической литературы по проблемам формирования финансовой грамотности и педагогического оценивания, определить компонентный состав критериальной модели и разработать диагностический инструментарий, провести эмпирическое исследование на базе МБОУ «Нижнесортымская СОШ» и оценить уровень сформированности финансовой грамотности у обучающихся 6-7 и 10-11 классов, выявить возрастные различия в восприятии финансовых вопросов и их связи с субъективной оценкой имущественного статуса, а также разработать практические рекомендации для педагогов по внедрению критериального подхода в преподавание финансовой грамотности.

Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов в области педагогической психологии и экономического образования. В трудах Г.А. Цветковой и Е.А. Зверевой подчёркивается, что финансовая грамотность включает не только знание экономических категорий, но и способность принимать рациональные решения в условиях ограниченных ресурсов. Согласно концепции А.Г. Асмолова, формирование финансовой грамотности относится к метапредметным результатам, что требует особых критериев оценки, выходящих за рамки традиционной пятибалльной системы. Анализ литературы позволил выделить три ключевых компонента критериальной модели: когнитивный (объём и глубина знаний о деньгах, бюджете, налогах, инфляции), деятельностный (умение планировать личный бюджет, отличать потребности от желаний, оценивать риски), рефлексивно-ценностный (осознание связи между финансовой грамотностью и социальным статусом, уровень тревожности в отношении материального положения семьи). Особое внимание в модели уделяется дифференцирующей функции, то есть способности фиксировать изменения в восприятии финансовых вопросов у детей из семей с разным уровнем дохода.

В рамках изучения данного вопроса было организовано эмпирическое исследование с использованием метода анкетирования. Респондентами выступили обучающиеся среднего (6-7 классы) и старшего (10-11 классы) звена МБОУ «Нижнесортымская СОШ». Нами была разработана анкета, включающая 12 вопросов, сгруппированных по трём блокам, соответствующим компонентам модели: блок знаний (когнитивный), блок поведенческих установок (деятельностный) и блок отношения к деньгам и самооценки (рефлексивно-ценностный).

Вопросы были как закрытыми, так и открытыми. Анкетирование проводилось анонимно, что обеспечивало искренность ответов.

В анкетировании приняли участие 78 учащихся: 39 человек из 6-7-х классов и 39 человека из 10-11-х классов. Благодаря опросу, мы смогли сделать выводы о том, насколько сильно уровень финансовой грамотности различается в возрастных группах и как он связан с восприятием имущественного неравенства. Большее количество опрошенных детей (82%) из 10-11-х классов знают, что такое инфляция и как она влияет на сбережения, тогда как среди обучающихся 6-7-х классов таких оказалось лишь 46%. При этом на вопрос о разнице между дебетовой и кредитной картой верно ответили 71% старшеклассников и только 38% младших подростков. На вопрос «Знаешь ли ты, из чего складывается семейный бюджет?» развёрнутый ответ дали 64% респондентов 10-11-х классов и 42% из 6-7-х классов. Интересно, что дети из семей с доходом «ниже среднего» (по самооценке) демонстрировали более высокую осведомлённость о структуре расходов, что, вероятно, связано с ранним включением в обсуждение домашних финансов.

На вопрос «Откладываешь ли ты часть карманных денег на будущие цели?» положительно ответили 58% старшеклассников и 33% шестиклассников. Однако 27% опрошенных обоих возрастов ответили, что денег всегда не хватает на текущие нужды. На вопрос «Если бы у тебя оказалась крупная сумма (например, 10 000 руб.), что бы ты сделал?» в 6-7-х классах большинство (47%) выбрали вариант «потратил бы сразу на желаемое», тогда как в 10-11-х классах преобладал ответ «отложил бы на крупную покупку» (51%). При этом вариант «вложил бы в обучение или полезное» выбрали лишь 17% младших и 27% старших подростков. На вопрос «Пытался ли ты когда-нибудь заработать самостоятельно?» утвердительно ответили 43% обучающихся 10-11-х классов и лишь 19% -6-7-х классов, при этом среди зарабатывающих преобладают дети из семей с невысоким доходом, что указывает на раннюю экономическую социализацию под давлением обстоятельств.

На вопрос «Как ты думаешь, твоя будущая профессия позволит тебе иметь достаток выше, чем у родителей?» уверенно «да» ответили 76% старшеклассников и 58% младших подростков. При этом у детей из семей с низким доходом этот показатель ниже на 12-15%, что фиксирует воспроизводство «наследственной бедности» на уровне установок. На вопрос «Вызывает ли у тебя тревогу обсуждение финансовых тем в семье?» «часто» и «почти всегда» ответили 44% респондентов 6-7-х классов и 29% -10-11-х классов. Это говорит о том, что целенаправленное преподавание финансовой грамотности в старшей школе снижает уровень денежной тревожности, что является косвенным признаком снижения имущественного разрыва на психологическом уровне. На вопрос «Считаешь ли ты, что финансово грамотный человек всегда будет зарабатывать больше?» утвердительно ответили 68% старшеклассников и 52% младших подростков. Эта разница демонстрирует, что с возрастом укрепляется убеждение в субъектной роли личности в собственном благосостоянии. «Чувствуешь ли ты себя неуверенно среди сверстников, которые могут позволить себе больше дорогих вещей?» -на этот вопрос утвердительно ответили 51% опрошенных 6-7-х классов и 38% -10-11-х классов. Снижение неуверенности с возрастом можно интерпретировать как следствие формирования более зрелого отношения к деньгам в процессе обучения финансовой грамотности.

На вопрос «Какую оценку ты бы поставил своей финансовой грамотности по 5-балльной шкале?» средний балл в 6-7-х классах составил 3,2, а в 10-11-х - 4,1, что коррелирует с объективными показателями знаний. При этом 63% старшеклассников отметили, что занятия по финансовой грамотности повлияли на их отношение к деньгам, тогда как среди младших подростков такой эффект зафиксирован лишь у 41%. На вопрос «Влияют ли знания по финансовой грамотности на твою уверенность в завтрашнем дне?» положительно ответили 59% респондентов 10-11-х классов и 34% из 6-7-х классов. Значительная часть опрошенных (72%) из обеих возрастных групп считают, что финансовая грамотность должна преподаваться в школе с начальных классов, что указывает на осознание обучающимися важности данной компетенции.

Данные проведенного исследования свидетельствуют, что разработанная трёхкомпонентная критериальная модель позволяет эффективно оценить результативность преподавания финансовой грамотности и выявить её влияние на субъективное восприятие имущественного неравенства. У учащихся 6-7-х классов наблюдается более низкий уровень знаний и поведенческих навыков, высокая тревожность при обсуждении финансовых тем и неуверенность при сравнении со сверстниками из более обеспеченных семей. Для старшеклассников (10-11-е классы) характерен более высокий уровень компетенций, снижение денежной тревожности и более оптимистичные установки на будущее. Однако сохраняется значительная доля обучающихся (около 30%), которые продолжают испытывать неуверенность и воспринимают имущественный разрыв как непреодолимый барьер. Ключевым маркером эффективности преподавания финансовой грамотности является не только прирост знаний, но и изменение рефлексивно-ценностного компонента -снижение тревожности и укрепление веры в возможность повлиять на собственное благосостояние. Таким образом, полученные результаты доказывают необходимость внедрения критериальной модели оценки в практику преподавания финансовой грамотности. Для средней школы критически важны практики, снижающие тревожность и формирующие базовые финансовые привычки через игровые и проектные формы работы. Для старшей школы необходим переход к системному формированию финансовых компетенций с акцентом на рефлексивные практики, моделирование жизненных ситуаций и профессиональное самоопределение. Предложенная модель может быть использована педагогами как инструмент диагностики и коррекции образовательного процесса, а также для оценки его влияния на снижение имущественного неравенства в региональной школе.

По результатам проведенного исследования, которое выявило различный уровень сформированности финансовой грамотности и её влияние на самооценку обучающихся средней и старшей школы, разработаны следующие адаптированные рекомендации для педагогической деятельности. Для работы с учащимися 6-7-х классов рекомендуется делать акцент на базовые знания и игровые формы, вводя элементы финансовой грамотности через деловые игры, квесты и симуляции, используя такие формулировки, как: «Давай посчитаем, сколько ты сможешь накопить, если будешь откладывать по 50 рублей в неделю?», «Представь, что ты открываешь свой маленький бизнес», а также применять наглядные материалы (инфографику, комиксы о деньгах) для снижения тревожности и повышения интереса к теме. Необходимо формировать первичные поведенческие навыки через практические задания по планированию личного бюджета на неделю или месяц с использованием простых таблиц, организовывать «ярмарки» или «аукционы» внутри класса, где дети учатся оценивать товары, торговаться и принимать решения о покупке, при этом акцент делать не на правильность ответа, а на процесс обсуждения и поиска решения. Важно снижать тревожность через позитивную обратную связь, избегая критики и негативных сравнений, используя формулировки, поддерживающие ситуацию успеха: «Ты уже научился отличать потребности от желаний - это большой шаг!», «Я вижу, как ты старался разобраться с семейным бюджетом», а также проводить рефлексивные беседы о том, что деньги -не главное в жизни, но грамотное отношение к ним помогает достигать целей.

Для работы с учащимися 10-11-х классов необходимо углублять знания и связывать их с реальными жизненными ситуациями, вводя темы, связанные с налогами, кредитами, инвестициями, ипотекой, страховыми продуктами, используя кейсы из реальной жизни, такие как «Какая ипотека выгоднее?», «Как накопить на первый взнос?», «Какие налоги платят самозанятые?», а также привлекать специалистов -банковских работников, финансовых консультантов -для проведения мастер-классов. Следует формировать стратегическое мышление и рефлексию через задания по долгосрочному планированию, например, составление личного финансового плана на 5 лет, расчёт будущего бюджета с учётом профессиональных планов, внедрение ведения «финансового дневника» с фиксацией доходов и расходов, проведение семинаров-дискуссий на темы «Деньги -зло или благо?», «Можно ли быть счастливым без больших денег?», развивая навыки самооценки через сравнение своих финансовых реше-

ний с альтернативными вариантами. Важно снижать восприятие имущественного разрыва через установку на субъектность, акцентируя внимание на том, что финансовое благополучие зависит не от стартового капитала, а от знаний, навыков и готовности учиться, приводить примеры успешных людей, которые достигли успеха благодаря финансовой грамотности, использовать проектные задания, такие как «Моя будущая профессия и мой доход», «Как я могу увеличить свой доход через 5 лет?», формируя установку: «Я -хозяин своего бюджета, я могу влиять на своё благосостояние».

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения // Педагогика. – 2009. – № 4. – С. 18–22.

2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – СПб. : Питер, 2008. – 400 с.

3. Выготский Л. С. Педагогическая психология. – М. : Педагогика, 1991. – 480 с.

4. Зверева Е. А. Оценка эффективности образовательных программ по финансовой грамотности // Экономика образования. – 2021. – № 2. – С. 45–52.

5. Остапенко А. А. Моделируем систему школьной оценки // Школьные технологии. – 2004. – № 1. – С. 37–45.

6. Прихожан А. М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. – СПб. : Питер, 2007. – 192 с.

7. Распоряжение Правительства РФ от 25.09.2017 № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 40. – Ст. 5790.

УДК 332.1

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РЕГИОНАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО ДОХОДОВ В РОССИИ

Колпакова Дарья Андреевна,
студент третьего курса,
Программа «Мировая экономика и Международный бизнес»,
Институт экономики и управления,
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
(620062, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19
E-mail: kolpakov124@gmail.com)
Черноухов Максим Эдуардович,
студент третьего курса,
Программа «Мировая экономика и Международный бизнес»,
Институт экономики и управления,
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
(620062, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19
E-mail: maksimchernouhov45@gmail.com)

Аннотация. Статья представляет собой эконометрическое исследование, в ходе которого оценивается влияние выбранных авторами социально-экономических факторов на неравенство доходов в регионах России. Эмпирическая база – данные Росстата, Минэкономразвития, Минобрнауки и ЕМИСС за 2015, 2019, 2021 и 2023 гг. Зависимая переменная – коэффициент Джини; объясняющие – уровень занятости, урбанизация, количество абонентов (сим-карт), сотовых телефонов, а также университетов на душу населения, приграничный статус, доля добывающей промышленности в ВРП. На основе линейных регрессионных моделей выявлено устойчивое положительное влияние доли добывающей промышленности и

количества сотовых телефонов на региональное неравенство доходов. Результаты применимы для обоснования перераспределительной политики в сырьевых регионах.

Ключевые слова: неравенство доходов, коэффициент Джини, регионы России, социально-экономические факторы, добывающая промышленность, урбанизация, цифровое неравенство, регрессионный анализ.

IMPACT OF SOCIO-ECONOMIC FACTORS ON REGIONAL INCOME INEQUALITY IN RUSSIA

Kolpakova Daria Andreevna,
third-year student,
Program «International Economics and Business»,
Graduate School of Economics and Management,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
(19 Mira Street, Yekaterinburg, Russia, 620062
E-mail: kolpakov124@gmail.com)
Chernoukhov Maksim Eduardovich,
third-year student,
Program «International Economics and Business»,
Graduate School of Economics and Management,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
(19 Mira Street, Yekaterinburg, Russia, 620062
E-mail: maksimchernouhov45@gmail.com)

Annotation. The article is an econometric study assessing the impact of selected socio-economic factors on income inequality in Russian regions. The empirical base includes data from Rosstat, the Ministry of Economic Development, the Ministry of Science and Higher Education, and EMISS for 2015, 2019, 2021, and 2023. The dependent variable is the Gini coefficient; the explanatory variables are the employment rate, urbanization, the number of mobile subscribers (SIM cards) and cell phones, as well as the number of universities per capita, border status, and the share of the extractive industry in GRP. Based on linear regression models, a stable positive impact of the share of the extractive industry and the number of cell phones on regional income inequality is revealed. The results can be used to substantiate redistribution policy in resource regions.

Keywords: income inequality, Gini coefficient, Russian regions, socio-economic factors, extractive industry, urbanization, digital inequality, regression analysis.

Актуальность исследования. Россия – огромная страна с большими различиями между регионами. Неравенство доходов между жителями разных регионов, а также внутри регионов – одна из самых обсуждаемых проблем современной России. Понимание, какие именно социально-экономические факторы усиливают или сглаживают неравенство доходов, важно для государственной политики, позволяющей более эффективно перераспределять ресурсы. Объект исследования – регионы Российской Федерации. Предмет исследования – анализ неравенства доходов на региональном уровне. Цель работы – оценить влияние социально-экономических факторов на неравенство доходов населения в регионах России. Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать научную литературу для выявления значимых социально-экономических факторов, влияющих на региональное неравенство доходов.
2. Построить регрессионные модели влияния социально-экономических факторов на неравенство доходов по регионам России.

Эмпирическая база была составлена из статистических данных четырех ведомств: Росстата (в том числе статистических сборников «Регионы России. Социально-экономические показатели»), двух министерств (Министерства экономического развития и Министерства науки и высшего образования) и Единой межведомственной информационно-

статистической системы. Выборка включает регионы России (из анализа исключены четыре новых субъекта РФ в связи с отсутствием официальной статистической отчетности Росстата по данным территориям).

Неравенство доходов – одна из ключевых проблем социально-экономического развития. Для её количественной оценки чаще всего используют коэффициент Джини. Он показывает, насколько фактическое распределение доходов отклоняется от абсолютно равного. Значения коэффициента Джини, близкие к нулю, означают высокую степень равенства, а близкие к единице – высокую концентрацию доходов у небольшой группы населения. Коэффициент Джини удобен тем, что он позволяет сравнивать разные регионы и годы. Он лежит в основе большинства эконометрических моделей, посвящённых изучению детерминант неравенства доходов.Для анализа причин неравенства доходов на региональном уровне необходимо выявить и рассмотреть значимые социально-экономические факторы. Для этого авторы обратились к статьям специалистов в ведущих рецензируемых экономических журналах. Систематизация обзора литературы представлена в Таблице 1 [1–10].

Таблица 1

Социально-экономические факторы неравенства доходов и их обоснование в научной литературе[1]

№	Фактор	Ключевые источники	Краткое обоснование связи с неравенством доходов
1	Уровень занятости	Вакуленко Е. С., 2019, с. 122 [1]; Ващелюк Н. В., 2015, с. 142 [2].	Влияет на миграцию и структуру доходов; уровень занятости коррелирует с Джини.
2	Урбанизация (доля городского населения)	Архипова М. Ю., Сиротин В. П., 2019, с. 676–677 [3]; Луппов А. Б., Суринов А. Е., 2025, с. 270 [4].	Городские жители имеют иные доходы; место проживания значимо для неравенства доходов.
3	Количество абонентов (сим-карт) на душу населения	Курилова А. А., 2025, с. 121–122 [5]; Архипова М. Ю., Сиротин В. П., 2019, с. 675 [3].	Доступ к мобильной связи – часть цифровой среды, влияющей на доходы населения.
4	Количество университетов на душу населения	Габдрахманов Н. К., Никифорова Н. Ю., 2019, с. 1103–1105 [6]; Вакуленко Е. С., 2019, с. 123 [1].	Вузы притягивают молодёжь, усиливая межрегиональную дифференциацию доходов.
5	Приграничное положение региона	Лыткина Т. С., Смирнов А. В., 2019, с. 30–34 [7].	Приграничные территории имеют особую структуру занятости и доходов.
6	Количество сотовых телефонов на душу населения	Курилова А. А., 2025, с. 123 [5]; Архипова М. Ю., Сиротин В. П., 2019, с. 675 [3].	Смартфоны как доступ к интернету – фактор неравенства доходов.
7	Доля добывающей промышленности в ВРП	Ивахненко Т. Ю., 2023, с. 233–236 [8]; Мишура А. В., 2010, с. 92 [9]; Васильева О. Г., 2018, с. 67–68 [10].	Прямая и нелинейная связь с коэффициентом Джини, подтверждённая регрессиями.

На основе вышеприведенного анализа отобраны наиболее значимые факторы неравенства доходов на региональном уровне, представленные в Таблице 2:

[1] Составлена авторами по результатам обзора литературы

Таблица 2

Исследуемые переменные[2]

Переменная	Обозначение	Источник данных	Тип переменной	Ед. измер.
Зависимая переменная				
Коэффициент Джини	jini_coef	Росстат. Главная страница/Статистика/Официальная статистика/Население/Неравенство и бедность/Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)/Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в целом по России и по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13723 (дата обращения: 20.03.2026)	количественная	–
Объясняющие переменные				
Уровень занятости	employment_level	Росстат. Главная страница /Статистика /Официальная статистика /Рынок труда, занятость и заработная плата /Трудовые ресурсы, занятость и безработица/Занятость и безработица/Численность занятых в возрасте 15–72 лет и уровень занятости. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 20.03.2026)	количественная	%
Уровень урбанизации	urbanization_level	Росстат. Главная страница/Статистика/Официальная статистика/Население /Демография/Численность и состав населения (витрины)/Доля городского населения в общей численности населения на 1 января. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 20.03.2026)	количественная	%
Количество абонентов (сим-карт) на 10 тыс. чел. населения	sim_cards	ЕМИСС/Главная /Число активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих услуги доступа к сети Интернет с заявленной скоростью более 256 Кбит/сек (на конец отчетного периода). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/50442 (дата обращения: 21.03.2026)	количественная	ед.
Количество университетов на 10 тыс. чел. населения	high_schools	Минобрнауки. Главная / Деятельность /Статистическая информация / Высшее образование/Сведения за 2015 год, Сведения за 2019 год, Сведения за 2021 год, Сведения за 2023 год. URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/ (дата обращения: 21.03.2026)	количественная	ед.
Приграничное положение региона	border	Минэкономразвития. Главная/Межрегиональное и приграничное сотрудничество/Перечень приграничных субъектов Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/razvitie_mezhregionalnogo_i_prigranichnogo_sotrudnichestva/mezhregionalnoe_i_prigranichnoe_sotrudnichestvo/ (дата обращения: 21.03.2026)	качественная	–
Количество сотовых телефонов на 10 тыс. чел. населения	smart_phone	Росстат. Главная страница/Публикации/Каталог публикаций/Статистические издания/Регионы России. Социально-экономические показатели/Регионы России. Социально-экономические показатели 2024/R_18, Социально-экономические показатели 2023/R_18. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 22.03.2026)	количественная	ед.
Доля добывающей промышленности в ВРП региона	share_of_mining	Росстат. Главная страница/Публикации/Каталог публикаций/Статистические издания/Регионы России. Социально-экономические показатели 2025/R_09, Регионы России. Социально-экономические показатели 2023/R_09, Регионы России. Социально-экономические показатели 2021/R_09, Регионы России. Социально-экономические показатели 2017/R2_10. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 22.03.2026)	количественная	%

[2] Составлена авторами

Для оценки влияния каждого фактора на неравенство доходов (коэффициент Джини) в пакете Stata были построены модели линейной регрессии за каждый исследуемый год (2015, 2019, 2021, 2023 гг.). Их сравнение приведено в Таблице 3.

В ходе регрессионного анализа за каждый исследуемый год было оценено влияние (значимость и коэффициент) каждого фактора. Доля добывающей промышленности в ВРП региона на 5%-ном уровне значимости увеличивала неравенство доходов (коэффициент Джини) на протяжении всего периода. Схожая ситуация с количеством сотовых телефонов, но единственное различие в том, что в 2021 г. оно было значимым лишь на 10%-ном уровне. Еще один регрессор был значимым в отдельные годы: в 2015 и 2021 гг. количество университетов увеличивало неравенство доходов на 10%-ном уровне. Все модели являются статистически значимыми и демонстрируют стабильный уровень объясняющей способности: скорректированные значения коэффициента детерминации (R^2) составили от 0,21 (2021 г.) до 0,33 (2015 г.). Модели за 2015 и 2023 гг. включают больше параметров (8 против 7 в 2019 и 2021 гг.). Добавление переменной «количество абонентов» в 2019 и 2021 гг. ухудшало качество из-за мультиколлинеарности, поэтому её исключение оправдано.

Таблица 3

Сравнение финальных моделей по коэффициентам и значимости регрессоров за все годы (2015, 2019, 2021, 2023 гг.)[3]

Переменная	**m2015**	**m2019**	**m2021**	**m2023**
employment	-0.0004 0.0007 0.535	0.0004 0.0006 0.450	0.0008 0.0005 0.143	0.0006 0.0007 0.401
urbanizati	-0.0004 0.0003 0.137	0.0001 0.0002 0.507	-0.0003 0.0002 0.182	-0.0004 0.0002 0.119
sim_cards	0.0000 0.0000 0.840			0.0000 0.0000 0.644
high_schools	0.2096 0.1007 0.041	0.2268 0.1269 0.078	0.2598 0.1321 0.053	-0.1222 0.1355 0.370
border	-0.0018 0.0044 0.684	0.0046 0.0047 0.334	0.0053 0.0053 0.320	0.0055 0.0051 0.293
smart_phone	0.0000 0.0000 0.003	0.0000 0.0000 0.022	0.0000 0.0000 0.052	0.0000 0.0000 0.0000
share_of_m~g	0.0006 0.0002 0.000	0.0004 0.0001 0.003	0.0003 0.0001 0.009	0.0003 0.0002 0.000
_cons	0.3596 0.0352 0.000	0.2872 0.0357 0.000	0.2925 0.0309 0.000	0.3149 0.0414 0.000
r2_a	**0.3301**	**0.2434**	**0.2143**	**0.3084**

Практическая значимость работы заключается в том, что устойчивое положительное влияние добывающей промышленности на неравенство указывает на необходимость проведения более активной перераспределительной политики в сырьевых регионах. Связь количе-

[3] Составлена авторами в пакете Stata. Для каждого фактора верхнее значение является коэффициентом в уравнении регрессии, среднее – стандартной робастной ошибкой, нижнее – p-значение.

ства сотовых телефонов с коэффициентом Джини, скорее всего, отражает более высокий уровень доходов и потребления в регионах с существующим расслоением, поэтому расширение доступа к цифровым технологиям должно сопровождаться мерами поддержки низкодоходных групп. Результаты могут быть полезны при обосновании региональных социальных программ, особенно в условиях санкций и перестройки экспортных потоков.

Дальнейшее исследование темы может включать переход от годовых регрессий к панельным данным с фиксированными эффектами для учёта ненаблюдаемой региональной специфики, проверку нелинейной U-образной зависимости между долей добычи и коэффициентом Джини, а также расширение набора переменных за счёт институциональных факторов и показателей внутрирегионального неравенства. Добавление лаговых переменных позволило бы учесть и оценить запаздывающий эффект влияния экономической политики на дифференциацию доходов.

Список литературы

1. Вакуленко, Е. С. Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? / Е. С. Вакуленко. – Текст : электронный // Прикладная эконометрика. – 2019. – Т. 55. – С. 113–138. https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013 (дата обращения: 27.09.2026).

2. Ващелюк, Н. В. Влияние динамики выпуска на степень дифференциации доходов в регионах России / Н. В. Ващелюк. – Текст : электронный // Экономика региона. – 2015. – № 4. – С. 132–144. https://doi.org/10.17059/2015-4-11 (дата обращения: 27.09.2026).

3. Архипова, М. Ю. Региональные аспекты развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий в России / М. Ю. Архипова, В. П. Сиротин. – Текст : электронный // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, вып. 3. – С. 670–683. https://doi.org/10.17059/2019-3-4 (дата обращения: 27.09.2026).

4. Луппов, А. Б. Фактор места проживания в анализе доходного неравенства населения в России / А. Б. Луппов, А. Е. Суринов. – Текст : электронный // Экономический журнал ВШЭ. – 2025. – Т. 29, № 2. – С. 248–278. https://doi.org/10.17323/1813-8691-2025-29-2-248-278 (дата обращения: 27.09.2026).

5. Курилова, А. А. Анализ конвергенции цифрового неравенства среди населения регионов России / А. А. Курилова. – Текст : электронный // Балтийский регион. – 2025. – Т. 17, № 1. – С. 117–140. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-1-7 (дата обращения: 27.09.2026).

6. Габдрахманов, Н. К. Роль высшего учебного заведения в пространственной поляризации молодежи / Н. К. Габдрахманов, Н. Ю. Никифорова. – Текст : электронный // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, вып. 4. – С. 1103–1114. https://doi.org/10.17059/2019-4-11 (дата обращения: 27.09.2026).

7. Лыткина, Т. С. Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? / Т. С. Лыткина, А. В. Смирнов. – Текст : электронный // Мир России. – 2019. – Т. 28, № 3. – С. 27–47. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-3-27-47 (дата обращения: 27.09.2026).

8. Ивахненко, Т. Ю. Неравенство доходов и обеспеченность природными ресурсами в регионах России / Т. Ю. Ивахненко. – Текст : непосредственный // Экономический журнал ВШЭ. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 220–247.

9. Мишура, А. В. Ресурсозависимость и качество институтов в регионах России / А. В. Мишура. – Текст : непосредственный // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2010. – № 6. – С. 82–96.

10. Васильева, О. Г. Проблемы оценки природных ресурсов в эмпирических исследованиях «ресурсного проклятия» / О. Г. Васильева. – Текст : электронный // Пространственная экономика. – 2018. – № 4. – С. 67–91. https://doi.org/10.14530/se.2018.4.067-091 (дата обращения: 27.09.2026).

УДК 331.108.2

ЭКСПРЕСС-ДИАГНОСТИКА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

Костюкова Светлана Николаевна,
к. э. н., доцент, доцент кафедры «Экономическое развитие и менеджмент»,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь.
(220007, Республика Беларусь, г. Минк, ул. Моковская, 17.
E-mail: svet222011@yandex.ru).
Алексеенко Софья Александровна,
студент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
(220007, Республика Беларусь, г. Минк, ул. Моковская, 17.
E-mail: sofa2007aleks@gmail.com).

Аннотация. В данном исследовании уделено внимание разработке инструмента экспресс-диагностики системы управления человеческими ресурсами (УЧР). Определены типы систем УЧР. Выявлено отсутствие инструмента, позволяющего организации самостоятельно определить тип УЧР. Предложен экспресс-тест диагностики системы управления человеческими ресурсами организации, включающий 20 вопросов, сгруппированных в пять блоков: стратегическая ориентированность, автоматизация HR-функций, гибкость, инновационность и результативность. Инструмент ориентирован на самодиагностику, выявление «узких мест», обоснование инвестиций в HR-инициативы и отслеживание динамики изменений.

Ключевые слова: человеческий капитал, управление человеческими ресурсами, традиционный, технологический, гармоничный тип, экспресс-диагностика.

EXPRESS DIAGNOSTICS OF THE HUMAN RESOURCE MANAGEMENT SYSTEM

Kostyukova Svetlana Nikolaevna,
candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the chair «Economic Development and Management»,
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus.
(220007, Republic of Belarus, Minsk, Moskovskaya St., 17.
E-mail: svet222011@yandex.ru).
Alekseenko Sofya Aleksandrovna,
student,
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
(220007, Republic of Belarus, Minsk, Moskovskaya St., 17.
E-mail: sofa2007aleks@gmail.com)

Annotation. This study focuses on the development of a tool for express diagnostics of the human resource management (HRM) system. The types of HRM systems are identified. The absence of a tool that allows an organization to independently determine the type of HRM is revealed. An express test for diagnosing an organization's human resource management system is proposed, comprising 20 questions grouped into five blocks: strategic orientation, automation of HR functions, flexibility, innovativeness, and effectiveness. The tool is aimed at self-diagnostics, identification of "bottlenecks," justification of investments in HR initiatives, and tracking the dynamics of changes.

Keywords: human capital, human resource management, traditional, technological, harmonious type, express diagnostics.

В условиях цифровой трансформации экономики человеческий капитал становится ключевым фактором обеспечения устойчивого развития и экономической эффективности

коммерческих организаций. Под человеческим капиталом на микроуровне понимается совокупность знаний, профессиональных навыков, компетенций, опыта и мотивации работников, которые, будучи вовлечены в операционные и стратегические процессы, способствуют росту производительности труда, внедрению инноваций и повышению конкурентоспособности бизнеса. В условиях демографических ограничений, дефицита высококвалифицированных кадров и ужесточения требований к профессиональным компетенциям эффективное управление человеческим капиталом превращается в стратегический приоритет для субъектов хозяйствования.

В составе человеческого капитала организации, на ряду с биофизическим, социальным и интеллектуальным компонентами, выделяют экономический (организационный) компонент который включает в себя среду, которая создается работодателем и характеризуется стилем руководства, системой стимулирования труда, производственными возможностями, организационной культурой и возможностями профессионального развития [1]. Следовательно, эффективность использования человеческого капитала напрямую зависит от качества системы управления человеческими ресурсами (УЧР).

Исследования в области управления человеческими ресурсами показывают, что системы УЧР могут быть классифицированы по нескольким ключевым признакам: стратегическая ориентированность, уровень автоматизации, гибкость и инновационность. На основе этих критериев выделяются три основных типа систем УЧР: «традиционный», «технологичный», «гармоничный» [2].

«Традиционный УЧР» предполагает, что управление человеческими ресурсами в большей степени заключается в реализации основных, традиционных функций (подбор и отбор, адаптация, стимулирование, оценка персонала). Исследование показало, что в организациях, использующих такой подход, отсутствует положительное влияние системы УЧР на результаты их деятельности.

При **«технологичном»** типе система УЧР ориентируется на стратегические цели банка, все функции УЧР планируются и реализуются в соответствии с организационной стратегией, а операционная деятельность в сфере УЧР автоматизируется, благодаря внедрению электронных систем, что позволяет добиться роста рентабельности инвестиций в человеческий капитал, в результате которого растет чистая прибыль.

При **«гармоничном»** типе реализуются различные инициативы в сфере УЧР, что позволяет ей гибко реагировать на изменения внешней и внутренней среды, приводя к росту производительности труда, который оказывает положительное воздействие на рост рентабельности активов и рентабельности капитала. В такой ситуации служба УЧР становится инициатором и проводником изменений в сфере управления человеческими ресурсами [2].

Однако в научной литературе отсутствует компактный и удобный для практического применения инструмент, позволяющий любой организации самостоятельно оценить, к какому из существующих типов относится ее система управления персоналом.

В этой связи в работе поставлена следующая цель: разработать методический инструмент экспресс-диагностики – тест, позволяющий организациям за короткое время оценить уровень развития системы УЧР и определить направления ее совершенствования.

Разработанный тест включает пять блоков по четыре вопроса в каждом (табл.1). Оценка производится по шкале от 0 до 3 баллов, где 3 – полностью соответствует, 2 – скорее соответствует, 1 – частично соответствует, 0 – не соответствует. Максимальный балл – 60.

Интерпретация результатов:

0–36 балла – «Традиционный» тип. Реализуются только базовые функции УЧР (подбор, адаптация, оценка, делопроизводство). Система не связана со стратегией, автоматизация отсутствует или минимальна, нет гибкости и инноваций. Для развития системы УЧР необходимо пересмотреть роль HR-службы, интегрировать управление персоналом в стратегическое планирование организации, начать автоматизацию ключевых HR-процессов.

37–42 баллов – «Технологичный» тип. Система УЧР ориентирована на стратегию, все функции автоматизированы. Это обеспечивает рост рентабельности инвестиций в человече-

ский капитал и чистой прибыли. Для перехода к «Гармоничному» типу рекомендуется развивать гибкость и инновационность.

43–60 баллов – «Гармоничный» тип. Система УЧР стратегически ориентирована, максимально автоматизирована, гибко реагирует на изменения, реализует инновационные инициативы. Это обеспечивает рост производительности труда, рентабельности активов и рентабельности капитала. При данном типе необходимо поддерживать достигнутый уровень, регулярно пересматривать и совершенствовать систему с учетом изменений внешней среды.

Таблица 1.

Тест для экспресс-диагностики системы УЧР, в баллах

№	Вопрос	Оценка (0–3)
Блок А. Стратегическая ориентированность		
А1	Руководитель HR-службы активно участвует в разработке стратегии организации	
А2	В организации разработана и утверждена стратегия управления персоналом	
А3	Система мотивации ориентирует сотрудников на достижение стратегических целей	
А4	HR-служба оказывает стратегическую поддержку линейным руководителям	
Блок Б. Автоматизация HR-функций		
Б1	Внедрена электронная система для подбора и отбора персонала	
Б2	Внедрена электронная система для обучения и развития персонала	
Б3	Внедрена электронная система для кадрового делопроизводства	
Б4	Внедрена электронная система для оценки персонала	
Блок В. Гибкость системы УЧР		
В1	HR-функции могут быстро меняться при изменениях внутренней или внешней среды	
В2	При отборе персонала обращается внимание на адаптивность кандидатов	
В3	Обучение дает сотрудникам навыки, необходимые в быстро меняющейся среде	
В4	Система УЧР регулярно оценивается и совершенствуется	
Блок Г. Инновационность системы УЧР		
Г1	В организации реализуются HR-инициативы, вносящие вклад в будущие бизнес-цели	
Г2	Реализуются HR-инициативы, предотвращающие потенциальные проблемы	
Г3	Реализуются HR-инициативы по повышению вовлеченности сотрудников	
Г4	Реализуются HR-инициативы по поддержанию разнообразия рабочей силы	
Блок Д. Результативность системы УЧР		
Д1	Производительность труда имеет устойчивую положительную динамику	
Д2	Рентабельность инвестиций в человеческий капитал (HC ROI) выше 200%	
Д3	Рентабельность активов (ROA) имеет положительную динамику	
Д4	Рентабельность капитала (ROE) имеет положительную динамику	
Итого:		

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [2].

Практическая ценность инструмента заключается в его доступности и оперативности – любая организация может самостоятельно оценить свою систему за короткое время и получить четкие ориентиры для дальнейшего развития. Использование разработанного экспресс-теста позволяет организациям: проводить самодиагностику системы УЧР без привлечения внешних консультантов; выявлять «узкие места» по каждому блоку, определять приоритетные направления развития; отслеживать динамику изменений при повторном прохождении теста; обосновывать необходимость инвестиций в HR-инициативы. Внедрение данного инструмента в практику управления позволит организациям более осознанно подходить к развитию человеческого капитала, что в условиях цифровой экономики становится решающим фактором конкурентоспособности.

Список литературы

1. Маранова, Н. В. Сущность и структура человеческого капитала / Н. В. Маранова, Е. Л. Незнахина. – Текст : электронный // Приоритетные научные направления: от теории к практике. –2013. – № 7 – С. 159–163. https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-struktura-chelovecheskogo-kapitala (дата обращения: 01.09.2026). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
2. Зеленова, О. И. Влияние систем управления человеческими ресурсами на финансовые результаты деятельности банков в России / О. И. Зеленова, Е. Ю. Просвиркина. – Текст : электронный // Российский журнал менеджмента. – 2017. – № 4. – С. 463–490. https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sistem-upravleniya-chelovecheskimi-resursami-na-finansovye-rezultaty-deyatelnosti-bankov-v-rossii (дата обращения: 01.09.2026). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».

УДК 630:331.5.024.5

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В ДИВЕРСИФИКАЦИИ СЕЛЬСКОЙ ЗАНЯТОСТИ

Клюева Юлия Анатольевна,
аспирант, Новосибирский государственный технический университет,
(Российская Федерация, 630073, г. Новосибирск,
пр. К. Маркса, 20, e-mail: jul.klueva@yandex.ru)

Аннотация. В условиях трансформации экономики и возрастающего внимания к устойчивому развитию сельских территорий при дефиците кадров актуализируется проблема переосмысления потенциала трудовых ресурсов. Статья посвящена определению синергетического потенциала трудовых ресурсов в контексте межсекторального взаимодействия и решения задач диверсификации занятости сельского населения. Теоретическое обоснование значимости синергетического подхода к использованию трудовых ресурсов сельских территорий базируется на многофункциональной природе труда сельского жителя. Предложенная система оценки синергетического потенциала трудовых ресурсов сельского предприятия позволяет выявить возможности диверсификации занятости в синергии со смежными отраслями, развитие которых обусловлено доступностью природных ресурсов сельской местности.

Ключевые слова: синергетика; теория социальных систем; трудовые ресурсы; организационные коммуникации; диверсификация сельской занятости; сельские территории; аграрный и лесной сектор экономики.

SYNERGISTIC POTENTIAL OF LABOR RESOURCES IN THE DIVERSIFICATION OF RURAL EMPLOYMENT

Yuliya A. Klyueva - Postgraduate Student, Novosibirsk State Technical University, (20

Karl Marx Avenue, Novosibirsk, 630073, Russia,
e-mail: jul.klueva@yandex.ru)

Annotation. Under the conditions of economic transformation and growing attention to the sustainable development of rural territories amid labor shortages, the problem of rethinking the potential of labor resources is becoming increasingly urgent. The article is devoted to identifying the synergistic potential of labor resources in the context of intersectoral interaction and addressing the challenges of diversifying rural employment. The theoretical justification for the significance of the synergistic approach to the use of labor resources in rural territories is based on the multifunctional nature of rural labor. The proposed system for assessing the synergistic potential of labor resources of a rural enterprise makes it possible to identify opportunities for employment diversification in synergy with related industries, whose development is conditioned by the availability of natural resources in rural areas.

Keywords: synergetics; social systems theory; labor resources; organizational communications; rural employment diversification; rural areas; agricultural and forestry sectors.

Введение

В современных условиях постиндустриального перехода и хронического дефицита рабочей силы на сельских территориях проблема эффективного использования трудовых ресурсов приобретает не столько экономическое, а сколько социально-организационное измерение. Традиционно трудовые ресурсы предприятия, локализованного в сельской местности, рассматриваются преимущественно через призму аграрного сектора и, как правило, в статистически-учётном ключе. Однако статистический подход, при всей его значимости для макроэкономического анализа, содержит как минимум два существенных ограничения. Первое ограничение заключается в игнорировании сложной, динамической природы самого предприятия как социальной системы. Второе ограничение связано с тем, что сельские территории объективно носят многоотраслевой характер. Особое место занимает лесное хозяйство. Это тот вид деятельности, который исторически и территориально сопряжён с сельским образом жизни, однако при анализе трудовых ресурсов сельских территорий нередко этот сектор экономики выпадает из фокуса внимания в связи с малой его представленностью в выборке исследований. Это, в свою очередь, приводит к фрагментарному пониманию реальной структуры занятости и упущению возможностей для решения задач диверсификации занятости сельского населения на основании природной синергии между отраслями. При этом согласно ОКВЭД и статистическому учёту, сельское и лесное хозяйство находятся в одной подгруппе и воспринимаются как подотрасли аграрного сектора экономики.

Цель статьи - теоретическое обоснование синергетического потенциала трудовых ресурсов сельских территорий в контексте межсекторального взаимодействия, обеспечивающего диверсификацию занятости сельского населения. Методологическую основу работы составляет систематический анализ научной литературы по проблематике трудовых ресурсов сельских территорий и моделирование взаимосвязей в их использовании.

Синергетический потенциал трудовых ресурсов сельских территорий

Синергетика включила в свою сферу практически все мыслимые объекты и сконцентрировала внимание на изучении конкретных механизмов возникновения и совершенствования организации [12;13] Основная идея [4], заключается в том, что процессы самоорганизации, приводящие к порядку из беспорядка, подчиняются единым принципам, будь то в физике, химии, биологии или в социальных науках.

Сельский социум в рамках данной парадигмы рассматривается не как пассивная масса или набор изолированных индивидов, а как открытая, неравновесная, самоорганизующаяся система. Ее динамика определяется не только экзогенными экономическими факторами, но и эндогенными механизмами. Следовательно, стратегия управления смещается с парадигмы «эксплуатации ресурса» к парадигме «строительства среды» [1;3]. Будущее сельской занятости видится не в наращивании количества трудовых единиц, а в способности системы к са-

моорганизации, где нелинейные эффекты (импульс от локального лидерства, успешной кооперации или отраслевого взаимодействия, в том числе диверсификации направления деятельности) могут генерировать волны развития, неподвластные жесткому линейному прогнозированию. Принципы синергетического подхода в применении к сельскому образу жизни можно продемонстрировать следующим образом (Таблица 1)

Таблица 1

Ключевые понятия синергетики по отношению к трудовым ресурсам сельских территорий

Теоретический аппарат синергетики	**Примеры проявлений в условиях сельского образа жизни**
Открытость	Маятниковая миграция; отток/приток населения; цифровые технологии и обмен информацией; программы обучения и занятости
Эмерджентность	Совместное использование постоянных, сезонных и временных работников создает непрерывность производственного цикла (круглогодичная занятость и пиковые нагрузки), что недостижимо для каждой категории в отдельности
Нелинейность	Рост безработицы может привести не к обнищанию, а к массовой самозанятости (на примере ЛПХ). Изменение структуры лесхоза даст рабочие места в агросекторе, фермерам.
Бифуркация	Распад колхоза, банкротство градообразующего сельхозпредприятия, вступление в ВТО, резкое изменение климата или техногенная катастрофа: либо массовая безработица и деградация, либо переориентация на ЛПХ, либо приход нового инвестора и создание современных рабочих мест.
Флуктуация	Инициатива одного активного жителя может создать кооператив (малая флуктуация) может, при поддержке властей, превратить убыточное село в процветающее. Или наоборот - отъезд одного талантливого врача может спровоцировать отток молодых семей и упадок всего поселения.
Аттрактор	Позитивные аттракторы: создание современного агропарка с высокой занятостью и зарплатой, превращение села в «спальный» пригород мегаполиса (с ежедневной маятниковой миграцией), развитие туристического кластера. Негативный аттрактор**:** состояние «вымирающей деревни» с постоянной убылью населения.
Диссипативные структуры	Фермерские хозяйства; семейные сыроварни; агротуристические усадьбы;; центры пчеловодства; агролесоводство; карбоновые фермы; охотоведы и рыболовство; сбор дикоросов

Источник: составлено автором/ Source: compiled by the authors

Для оценки потенциала межсекторального взаимодействия особого внимания заслуживает сфера лесного хозяйства как фактор экономического роста [15] и преодоления кризисных явлений на сельских территориях, характеризующихся удаленностью от крупных промышленных узлов [10;11]. В результате внедряются такие смежные отрасли как агролесоводство [6], разрабатываются проекты карбоновых ферм. Одновременно в фокусе научных исследований находятся вопросы функционирования и оценки потенциала сельских территорий [3;9]. Очевидно, что факторы, определяющие динамику развития лесного и аграрного секторов экономики на сельских территориях, не существуют изолированно; они образуют сложную, взаимодополняющую систему. Раскрытие характера этих связей необходимо для понимания возможностей лесного хозяйства как смежного сектора экономики для взаимодействия и диверсификации сельской занятости. С этой целью в таблице 2 представлена система выявленных взаимосвязей.

Таблица 2

Лесное хозяйство как фактор развития синергетического потенциала сельских территорий

Факторы КР СТ	**Лесное хозяйство**	**Потенциал развития сельских территорий**
Экологический	Защита и восстановление лесов, экологическая культура и профессии	Реакреации, туризм, дикоросы - пищевое производство, охотоведческие хозяйства
Экономический	Производство полного цикла, безотходное производство, кластеры	Полиотраслевой, агролесоводство, агроиндустривальный тип развития, ГЧП
Инфраструктурный	Биоэнергетика, лесные дороги, строительные материалы	Доступность других объектов, строительство, ИЖС
Социальный	Предпринимательская активность, рабочие места, актуальные профессии	Активное участие в социальных проектах, грантах
Цифровой	ЛК ГИС, БПЛА	Эффективность управления территорией

Источник: составлено автором/ Source: compiled by the authors

Предприятие как институт диверсификации занятости сельского населения

Определение и оценка синергетического потенциала трудовых ресурсов на микроуровне достигается посредством динамического анализа условного предприятия, которое, осуществляя хозяйственную деятельность на сельских территориях, аккумулирует локальные трудовые ресурсы в рамках собственной организационной структуры их использования. С этой целью сельское предприятие необходимо рассматривать в парадигме теории социальных систем Н. Лумана [8] (далее - ТСС) и его последователей, которые отмечают ключевую роль организационных коммуникаций в строительстве фактической организационной структуры, а значит – структуры персонала и его использования независимо от должностей и штатного расписания [16]. В результате синергия заложена в природе многофункционального труда сельского жителя по теории А.В.Чаянова [7;14], подкрепляемая организационными решениями руководителя. Все указанные концепции имеют глубокие методологические пересечения и формируют путь к эмпирическим исследованиям процессов диверсификации занятости трудовых ресурсов сельских территорий на уровне предприятий и принятых решений: например, в области межсекторального взаимодействия на одной территории.

Представленные школы научной мысли рассматривают организацию не как механистическую конструкцию, а как живой и сложный организм. Кроме того, положения данных теорий усиливаются и тем, что сельское предприятие работает в условиях доступности к биологическим ресурсам как факторам производства. Сопряжение некоторых положений теории социальных систем и синергетики объясняет механизмы диверсификации занятости на уровне организационной структуры предприятия (таблица 3)

Таблица 3

Сопряжение теории социальных систем и синергетики

Синергетика	**ТСС Н. Лумана**	**Диверсификация занятости**
Эмерджентность	Аутопойезис - воспроизводство через коммуникацию	Появление многопрофильных универсалов**.** Один работник с тремя компетенциями (водитель-сварщик-оператор)
Самоорганизация	Операциональная закрытость	Неформальные бригады взаимопомощи (живучесть без управления)
Нелинейность	Сенситивность к среде	Уход или появление одного ключевого работника в отрасли может кратно увеличить или разрушить диверсификацию занятости на малом предприятии.

Источник: составлено автором/ Source: compiled by the authors

Таким образом, реализация синергетического потенциала трудовых ресурсов сельских территорий предполагает обязательный учет природы многофункционального, многоролевого труда сельского жителя независимо от места работы, необходимости межсекторального взаимодействия предприятий, функционирующих в сельской местности на основе единого подхода к природным ресурсам как факторам производства. В результате создаются предпосылки для решения практических задач диверсификации занятости сельского населения и повышения его доходов, что, в свою очередь, обеспечивает устойчивое развитие сельских территорий на основе имеющихся трудовых ресурсов, несмотря на структурный дисбаланс и дефицит кадров на селе.

Список литературы

1. Балацкий, Е. В. В преддверии новой парадигмы экономической науки / Е. В. Балацкий // AlterEconomics. – 2025. – Т. 22, № 1. – С. 6-21. – DOI 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.2. – EDN FLMXOM

2. Волошина М.С. Управление развитием сельских территорий на основе диверсификации занятости // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т.17. №2. С. 106–116. DOI: 10.5281/zenodo.8115161

3. Глазьев, С. Ю. О новой парадигме в экономической науке / С. Ю. Глазьев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – С. 5–39. – EDN WDZWAR.

4. Данилов Ю.А. Синергетика - наука о самоорганизации // Прекрасный мир науки. - М.: Прогресс-Традиция, 2008.

5. Клюева, Ю. А. Анализ эффективности предприятий лесопромышленного комплекса: организационный аспект использования трудовых ресурсов / Ю. А. Клюева // BENEFICIUM. – 2026. – № 1 (58). – С. 30–38. – DOI 10.34680/BENEFICIUM.2026.1(58).30-38.

6. Кретинин В. М. Агролесоводство (монография). – Волгоград: ФНЦ агроэкологии РАН, 2021. – 268 с.

7. Ложникова А.В., Хлопцов Д.М., Мазаев А.Г. Некапиталистическая система хозяйствования современной России в контексте теории А.В. Чаянова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 138–153. doi: 10.17223/1998863X/75/12

8. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. - СПб.: Наука, 2007. — 648 с.

9. Макурина, Ю. А. Оценка потенциала развития сельских территорий Новосибирской области / Ю. А. Макурина, К. О. Прокопьев // Московский экономический журнал. – 2022. – № 6.

10. Медведев С.О., Зырянов М.А. Использование продукции лесной отрасли в сельском хозяйстве как фактор повышения устойчивости развития регионов // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2024. Т. 16, №4. С. 475-492. DOI: 10.12731/2658-6649-2024-16-4-866

11. Нефедова Т.Г. Взаимодействие сельского и лесного хозяйства как способ выживания восточных районов Костромской области // Крестьяноведение. 2025. №1.

12. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. — М.: Прогресс, 1986

13. Хакен, Г. Синергетика / Г. Хакен ; пер. с англ. – Москва : Мир, 1980. – 404 с.

14. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства / А.В. Чаянов. - М.: Кооперативное изд-во, 1925. - 215 с. (Переиздания: М.: Наука, 1993; М.: Экономика, 2004.)

15. Mayor, L.; Lindner, L.F.; Knöbl, C.F.; Ramalho, A.; Berruto, R.; Sanna, F.; Rossi, D.; Tomao, C.; Goodburn, B.; Avila, C.; et al. Skill Needs for Sustainable Agri-Food and Forestry Sectors (I): Assessment through European and National Focus Groups. Sustainability 2022, 14, 9607. https://doi.org/10.3390/ su14159607

16. Schoeneborn, Dennis. (2022). What makes communication ‘organizational’? How the many voices of a collectivity become the one voice of an organization: von J. R. Taylor und F. Cooren (1997). 10.1007/978-3-658-37354-2_16.

УДК 331.1

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Конопляник Юлия Андреевна,
студент 2 курса, кафедры «Экономика и право»
научный руководитель:
Протасеня Светлана Ивановна,
к.э.н., доцент, доцент кафедры «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет (БНТУ)
(220013, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Независимости, 65.
E-mail: ulakonoplanik@icloud.com)

Аннотация. В статье рассматривается человеческий капитал как один из основных факторов социально-экономического развития. Раскрываются основные подходы к определению данной категории, рассматриваются ее структура, источники формирования и направления инвестирования. Отдельное внимание уделено классификации человеческого капитала на положительный, отрицательный и пассивный, а также разграничению понятий «человеческий потенциал» и «человеческий капитал». Рассматривается значение формирования, накопления и эффективного использования человеческого капитала для экономического роста, повышения производительности труда и развития национальной экономики.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, социально-экономическое развитие, инвестиции, экономический рост, национальное богатство, образование, здоровье, производительность труда.

HUMAN CAPITAL AS A FACTOR OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Konoplyanik Yulia Andreevna,
2nd year student, Department of Economics and Law
academic supervisor: **Protasenya Svetlana Ivanovna,**
Associate professor of chair department «Economics and Law»
Belarusian National Technical University (BNTU)
(220013, Republic of Belarus, Minsk, Nezavisimosti ave., 65.
E-mail: ulakonoplanik@icloud.com)

Annotation. The article examines human capital as one of the key factors of socio-economic development. It outlines the main approaches to defining this category, examines its structure, sources of formation, and areas of investment. Special attention is paid to the classification of human capital into positive, negative, and passive types, as well as to distinguishing between the concepts of “human potential” and “human capital.” The article considers the significance of the formation, accumulation, and effective use of human capital for economic growth, increased labour productivity, and the development of the national economy.

Keywords: human capital, human potential, socio-economic development, investment, economic growth, national wealth, education, health, labour productivity.

На современном этапе сильные стороны экономики и ее преимущества, в большей степени, показывает уровень набранного человеческого капитал. В экономической системе он становится важным фактором роста, поскольку связан с повышением производительности труда и эффективности общественного производства. Развитие человеческого капитала также рассматривается как одно из условий устойчивого развития экономики [1, с. 423].

Национальное богатство сегодня все меньше зависит от природных ресурсов, материальных активов и финансов. На первый план выходят знания, профессиональные навыки, здоровье, способности и мотивация людей – то, что составляет человеческий капитал. Причина проста: именно человек создает и использует экономические ресурсы, принимает реше-

ния и обеспечивает работу производства. Отсюда следует, что возможности развития экономики напрямую определяются качеством человеческого капитала. Социально-экономические изменения лишь усиливают эту тенденцию. [2, с. 165].

Технологические и институциональные изменения в современной экономике ускоряются. Одних материальных ресурсов в таких условиях уже недостаточно. Требуются работники, которые умеют осваивать новые технологии, получать и применять знания, приспосабливаться к меняющимся требованиям рынка труда и участвовать в инновациях. Показательно, что в большинстве стран мира человеческий капитал составляет значительную часть национального богатства. Это подтверждает его особую роль в долгосрочном развитии [3, с. 25].

Целью данной работы является систематизация теоретических подходов к определению человеческого капитала и рассмотрение его роли в социально-экономическом развитии. Для достижения цели необходимо раскрыть содержание понятия «человеческий капитал», рассмотреть основные подходы к его трактовке, определить виды человеческого капитала и разграничить его с понятием человеческого потенциала.

Современная экономическая наука активно оперирует понятием человеческого капитала. Его использование дало возможность экономически осмыслить то, что прежде оставалось преимущественно предметом психологии, демографии и социологии. Через эту категорию изучаются экономический рост, распределение доходов, значение образования в общественном воспроизводстве, взаимосвязь инвестиций в человека с производительностью и доходами, мотивация работников, миграция и поведение на рынке труда.

Формирование понятия человеческого капитала стало результатом постепенного пересмотра взглядов на факторы производства. Раньше экономические теории во главу угла ставили землю, труд и материальный капитал. По мере развития экономики на первый план выходили знания и способности человека. При этом единого определения человеческого капитала в экономической теории до сих пор нет. Это связано с тем, что его элементы многообразны, а подходы к его исследованию различаются.

В другом распространенном подходе человеческий капитал определяется как сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком запас здоровья, знаний, умений, навыков, способностей и мотиваций, который используется в определенной сфере общественного воспроизводства. Здесь подчеркивается не только наличие определенных качеств, но и их практическое применение. Человеческий капитал связан с возможностью преобразовать накопленные способности в экономический или общественный результат.

Представления о роли человека в экономике складывались постепенно. К. Маркс рассматривал рабочую силу как особый элемент капитала, который приобретает соответствующее качество в процессе производства. А. Смит связывал капитал человека с той частью его имущества и способностей, от которой он рассчитывает получать доход. Эти идеи стали одной из основ последующего развития представлений о производительном значении человеческих качеств. [4, с. 88].

В период научно-технической революции проблема человеческого капитала приобрела особое значение. Сам работник стал непосредственным фактором повышения эффективности производства. Результаты использования техники и других ресурсов все больше зависели от уровня подготовки работников, их заинтересованности и способности применять новые знания. Именно поэтому человеческий капитал начал рассматриваться как важнейшая основа конкурентоспособности и экономического роста.

Дж. Р. Маккулох обращал внимание на то, что самого человека можно рассматривать как формируемую часть национального богатства. Ж. Б. Сэй, в свою очередь, подчеркивал значение способностей и сил человека. Формируются они благодаря затратам на воспитание и развитие. Так в экономической мысли постепенно укреплялась идея: расходы на человека – это не только потребление. Это еще и инвестиции, способные приносить результат в будущем.

Современные экономисты используют различные определения человеческого капита-

ла. Однако в большинстве подходов признается его важное значение для развития общества. При этом ответственность за его формирование лежит не только на самом человеке. Большую роль играют семья, предприятия, образовательные учреждения и государство. Все эти субъекты вместе создают условия для формирования знаний, навыков, здоровья и мотивации. Без этих качеств нормальная экономическая деятельность невозможна.

Теория человеческого капитала получила широкое распространение еще и потому, что позволяет оценивать эффективность вложений в человека. Образование, профессиональная подготовка, медицинская помощь и другие расходы можно рассматривать как инвестиции. Они формируют качества, которые позже увеличивают производительность труда и доход. Получается, человеческий капитал связан с затратами сейчас и ожидаемой отдачей в будущем.

В экономике человеческий капитал – это запас знаний, здоровья, навыков и опыта, который человек использует для получения дохода. Но просто иметь эти характеристики мало. Важно, чтобы накопленные качества можно было применить в труде или другой общественно полезной деятельности. То есть человеческий капитал включает не только знания и способности, но и возможность их практической реализации.

Накопление человеческого капитала связано с разными видами затрат. Это расходы на поддержание здоровья, общее и специальное образование, поиск работы, профессиональную подготовку и переподготовку, миграцию, воспитание детей, а также получение информации о ценах, заработках и возможностях занятости. Видно, что формирование человеческого капитала идет долго и не ограничивается только системой образования.

Один из самых распространенных подходов к исследованию человеческого капитала – неоклассический. Его еще называют теорией мейнстрима. В основе лежат методологический индивидуализм и представление о рациональном поведении человека. В рамках этого подхода человеческий капитал рассматривается как ценность, способная приносить доход. Его содержание образуют как врожденные, так и приобретенные качества человека.

С. Фишер определяет человеческий капитал как меру воплощенной в человеке способности приносить доход. Сюда входят врожденные способности и талант, образование и приобретенная квалификация. Из этого определения видно: экономическая отдача зависит от того, как сочетаются природные задатки и результаты целенаправленных вложений в развитие человека [4, с. 90].

При рассмотрении человеческого капитала нужно смотреть не только на его объем, но и на качество. По характеру воздействия на экономику его можно разделить на положительный, отрицательный и пассивный. Из этой классификации видно: само по себе накопление человеческого капитала еще не дает хорошего экономического результата.

Отрицательный человеческий капитал – это накопленный объем качеств и характеристик. Развитию он не помогает. А в некоторых условиях даже мешает. Так бывает, например, при серьезных изменениях экономической и политической системы. Или при переходе на принципиально более высокий технологический уровень. Опыт, знания и профессиональные установки, которые раньше подходили, могут оказаться недостаточными для новых задач [2, с. 165].

Особенно заметно это в периоды структурных преобразований. Если образование и профессиональная подготовка не соответствуют изменившимся требованиям, часть накопленных компетенций постепенно теряет ценность. Тогда нужны дополнительные вложения: переобучение, повышение квалификации, адаптация работников к новым условиям. Значит, человеческий капитал нужно не только накапливать, но и постоянно обновлять.

Положительный человеческий капитал – это накопленный капитал, который дает полезную отдачу от вложений в развитие и рост. Он формируется за счет инвестиций в качество жизни, образование, знания, науку, здоровье, инновационный и институциональный потенциал, а также доступность информации.

Человеческий капитал обладает инерционностью. Результат от вложений появляется не сразу, а спустя время. Образование занимает несколько лет. Профессиональный опыт

набирается постепенно. Вложения в здоровье тоже дают эффект вдолгую. Медленнее всего меняются ментальные установки и социальные нормы – они складываются на протяжении долгого исторического периода.

Важнейшая составляющая человеческого капитала – труд. Имеется в виду его качество и производительность. Если труд малопроизводительный, квалификация низкая, а стремления к развитию нет, это тормозит рост человеческого капитала.

Положительный человеческий капитал способен обеспечивать экономический рост. Но вложения в него долгосрочные. Поэтому так важно вовремя формировать знания, навыки и здоровье. И нужно учитывать факторы, которые снижают качество человеческого капитала: коррупцию, вредные привычки, непрофессионализм [2, с. 166].

При изучении человеческого развития нужно разграничивать понятия «человеческий потенциал» и «человеческий капитал». Это разделение важно не только в теории, но и на практике. Оно позволяет точнее понять, на что именно направлено воздействие, и подобрать нужные экономические инструменты.

Понятие человеческого потенциала связано с возможностями человека. Потенциал – это еще не реализованная возможность. При определенных условиях она может перейти в форму капитала. Поэтому развитие человеческого потенциала предполагает создание условий, в которых человек сможет раскрыть и применить свои способности.

Накопленный человеческий капитал – это уже сформированный ресурс. Наряду с физическим и природным капиталом его рассматривают как часть национального богатства. Это реальный актив. На микроуровне он способен приносить доход. На макроуровне – способствовать экономическому росту.

Разграничение этих двух понятий особенно важно при анализе образования, науки, здравоохранения и культуры. В этих сферах одновременно создаются условия для роста человеческого потенциала и реализуется уже накопленный капитал. Например, студент в процессе обучения формирует новые знания и способности. Преподаватель использует свои знания и опыт для получения конкретного результата. Выходит, в одной сфере могут идти сразу оба процесса – развитие потенциала и реализация капитала.

Сегодня воспроизводство человеческого капитала часто сравнивают с традиционной схемой воспроизводства физического капитала. Но для человека такая схема требует адаптации. В научной литературе чаще выделяют три стадии: формирование, накопление и реализацию. Четко разделить их на практике сложно – они часто идут одновременно.

С точки зрения национальной безопасности можно использовать более широкую терминологию. Развитие человеческого капитала – это качественные и количественные изменения его характеристик. Такие изменения помогают экономике быстрее реагировать на внешние и внутренние угрозы. Помогают они и держать нужный уровень устойчивости. Сохранение человеческого капитала – это действия, которые обеспечивают минимально допустимый уровень его развития. Если этот уровень опустится ниже, возникает угроза нормальной работе национальной экономики [5, с. 58].

Значит, человеческий капитал – это не раз и навсегда сформированный набор качеств. Это ресурс, который постоянно меняется. Технологические сдвиги, перемены на рынке труда, появление новых отраслей требуют обновления знаний и навыков. Поэтому вложения в человеческий капитал должны идти вместе с возможностями для непрерывного обучения и профессионального роста.

Проведенный анализ показывает: человеческий капитал – сложная экономическая категория. Она включает накопленный запас здоровья, знаний, умений, навыков, опыта, способностей и мотиваций. Особенность в том, что все это напрямую связано с человеком. Он одновременно и носитель капитала, и тот, кто его использует [4, с. 93].

Разные подходы к определению человеческого капитала отражают развитие экономической мысли и изменение роли человека в производстве. Сначала труд рассматривали просто как один из факторов производства. Постепенно экономическая теория пришла к более широкому пониманию человека как носителя знаний, способностей и компетенций. Их фор-

мирование требует целенаправленных вложений.

Инвестиции в человеческий капитал включают расходы на образование, профессиональную подготовку и переподготовку, здоровье, поиск работы, получение информации и другие направления. Результатом может стать рост производительности труда, доходов работников и эффективности производства. Отдача от таких вложений часто приходит не сразу, поэтому оценивать результат только в короткой перспективе нельзя [4, с. 89].

Важно и качество человеческого капитала. По влиянию на экономику выделяют три типа: положительный, отрицательный и пассивный. Положительный помогает развитию и росту. Отрицательный может тормозить при изменении условий. Пассивный заметного вклада в экономику не дает [2, с. 165-166].

Не менее важно разграничивать человеческий потенциал и человеческий капитал. Потенциал – это возможности, которые еще не обязательно реализованы. Накопленный человеческий капитал – уже реальный актив, способный приносить доход и участвовать в экономическом росте [5, с. 57-58].

В большинстве стран человеческий капитал занимает значительную долю национального богатства. В оценках из исследуемой литературы его доля превышает 50%. Динамику человеческого капитала рассматривают как один из существенных факторов изменения экономических показателей [3, с. 25].

Это подчеркивает необходимость постоянного внимания к качеству образования, состоянию здоровья населения, развитию профессиональных компетенций и созданию условий для эффективного использования способностей человека.

Таким образом, человеческий капитал является одним из основных факторов социально-экономического развития. Его значение определяется не только количеством накопленных знаний и навыков, но и возможностью их эффективной реализации. Поэтому устойчивое развитие экономики предполагает постоянное формирование, обновление и рациональное использование человеческого капитала.

Список литературы

1. Цырынский, Н. В. Генезис понятия «человеческий капитал»: общее и частное / Н. В. Цырынский, Е. С. Лисица // Международный институт дистанционного образования. – Минск, 2024. – С. 423-425.

2. Краковяк, Д. В. Человеческий капитал в современной экономической системе / Д. В. Краковяк; науч. рук. Л. Н. Маркусенко // Белорусский государственный экономический университет. – Минск: БГЭУ, 2014. – С. 165-166.

3. Гайсина, А. В. Развитие человеческого капитала как фактора роста национального богатства страны / А. В. Гайсина // Вестник экономики и менеджмента. – Уфа: Изд-во УГНТУ, 2016. – Вып. № 1. – С. 25-27.

4. Васильев, А. В. Основные подходы к определению человеческого капитала / А. В. Васильев // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – № 2 (59). – С. 88-93.

5. Кристиневич, С. А. Человеческий капитал в контексте национальной безопасности: инвентаризация терминологии / С. А. Кристиневич // Белорусский государственный экономический университет. – Минск: БГЭУ, 2017. – С. 57-58.

УДК 332.1:331.5

РЕПУТАЦИЯ РЕГИОНА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РЫНКА ТРУДА И ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кулагин Дмитрий Николаевич,
магистрант факультета государственного и муниципального управления,
Волгоградский институт управления – филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
(400005, Российская Федерация, Волгоградская область,
г. Волгоград, ул. им. Гагарина, 8. E-mail: dmitry_kulagin@mail.ru)
Научный руководитель:
Шагеева Ольга Анатольевна,
к. и. н., доцент кафедры государственного управления и менеджмента,
Волгоградский институт управления – филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
(400005, Российская Федерация, Волгоградская область,
г. Волгоград, ул. им. Гагарина, 8).

Аннотация. Цель статьи – обоснование подхода к формированию репутации региона для устойчивого рынка труда и привлечения человеческого капитала. Систематизированы механизмы влияния репутации на рынок труда, обоснована связь репутации и человеческого капитала. Предложены инструменты интеграции репутационной стратегии в программы занятости, показатели и этапы внедрения. Научная новизна – предложен подход к сопряжению репутационной и политики занятости. Приведены кейсы регионов.

Ключевые слова: репутация региона, репутационный капитал, человеческий капитал, устойчивый рынок труда, государственное управление, кадровая безопасность, клиентоцентричность, миграция.

REGION'S REPUTATION AS A FACTOR IN FORMING A SUSTAINABLE LABOR MARKET AND ATTRACTING HUMAN CAPITAL: MANAGERIAL ASPECT

Kulagin Dmitry Nikolaevich,
Master's student of the Faculty of State and Municipal Management,
Volgograd Institute of Management – Branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»
(400005, Russian Federation, Volgograd Oblast, Volgograd, 8 Gagarina St.
E-mail: dmitry_kulagin@mail.ru)
Scientific supervisor: Shageeva Olga Anatolyevna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Public Administration and Management,
Volgograd Institute of Management – Branch
of the FSBEI HE «Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration»
(400005, Russian Federation, Volgograd Oblast, Volgograd, 8 Gagarina St.).

Annotation. The purpose of the article is to substantiate an approach to shaping a region's reputation for a sustainable labor market and attracting human capital. The mechanisms of reputation influence on the labor market are systematized, and the relationship between reputation and human capital is substantiated. Tools for integrating reputation strategy into employment

programs, indicators and stages of implementation are proposed. The scientific novelty is an approach to coupling reputation and employment policies. Regional cases are presented.

Keywords: region's reputation, reputation capital, human capital, sustainable labor market, public administration, personnel security, citizen-centricity, migration.

Конкуренция регионов за людей давно перестала быть предметом только научных дискуссий. Одни территории теряют выпускников и молодых специалистов, другие их привлекают. В этой борьбе репутация перестаёт быть «имиджевой надстройкой» и превращается в рабочий инструмент. Хорошая репутация снижает издержки привлечения кадров, плохая – увеличивает их, даже если формальные условия сопоставимы. И.С. Важенина показала, что имидж, репутация и бренд территории работают на её конкурентные преимущества и влияют на поведение стейкхолдеров [1]. Для рынка труда это означает простую вещь: человек выбирает не только вакансию, но и место, где будет жить. Однако на практике репутационная политика часто ведётся фрагментарно и не стыкуется с программами занятости.

Спорным остаётся вопрос о том, что первично для рынка труда – инвестиционная привлекательность или репутация. Л.А. Третьякова и Т.И. Грудкина [4] утверждают, что мобильность трудовых ресурсов определяется прежде всего инвестиционной привлекательностью региона: капитал приходит – кадры подтягиваются. Такая логика представляется односторонней. Инвестиционная привлекательность объясняет приток капитала, но не объясняет, почему при сопоставимых экономических условиях одни регионы удерживают выпускников, а другие теряют их. Репутация обладает самостоятельной объяснительной силой, и это положение развивается в настоящей работе.

Второе расхождение касается связи репутации и человеческого капитала. М.Р. Сафиуллин и К.А. Галимова [5] рассматривают человеческий капитал как главный эндогенный фактор формирования репутации региона. Логика такова: квалифицированные кадры создают репутацию. Но в их модели отсутствует обратная связь – как сформированная репутация привлекает новый человеческий капитал. А.С. Груничев [2] идёт дальше и показывает, что репутационный капитал влияет на социально-экономическое развитие, однако не уточняет, какие управленческие действия замыкают положительный цикл. В работе принят подход, согласно которому связь двусторонняя, но не автоматическая: без целенаправленной поддержки со стороны органов власти положительный цикл затухает. Это положение расходится с позициями [2; 5].

Третье расхождение – методологическое. А.С. Груничев [2] и М.К. Романченко [7] предлагают разные методики оценки репутационного капитала: у первого – акцент на количественных индикаторах, у второго – на комплексной оценке. Сопоставить результаты напрямую невозможно: различаются состав показателей, методы агрегирования и источники данных. Вопреки распространённому мнению, что одна методика может быть признана универсальной, для задач рынка труда ни одна из них не адаптирована. Настоящая работа частично восполняет этот пробел, предлагая систему показателей, привязанную к занятости и миграции.

Исследование сосредоточено на рынке труда региона. В качестве предмета выступают управленческие отношения, возникающие при формировании и использовании репутации региона. Цель работы состоит в обосновании управленческого подхода к формированию репутации региона как фактора устойчивого рынка труда и привлечения человеческого капитала. Для этого необходимо систематизировать механизмы влияния репутации на рынок труда, обосновать двустороннюю связь репутации и человеческого капитала, разработать инструменты интеграции репутационной стратегии в программы занятости и предложить подход к оценке результативности. Гипотеза исследования: положительная репутация региона способствует снижению миграционного оттока и притоку квалифицированных кадров, если репутационная стратегия интегрирована в программы занятости и подкреплена клиентоцентричными цифровыми инструментами. Проверка гипотезы требует эмпирических исследований и в настоящей работе не проводилась. Методы: системный и институциональный анализ, срав-

нительный анализ, обобщение литературы и практики. Научная новизна: предложен подход к сопряжению репутационной и политики занятости на региональном уровне, включающий субъектов, инструменты, показатели и этапы внедрения. Практическая значимость: рекомендации применимы органами исполнительной власти субъектов РФ при корректировке программ занятости.

Репутация региона включает деловую, социальную, политическую и культурную составляющие [1]. А.С. Груничев доказал, что репутационный капитал значимо влияет на социально-экономическое развитие [2]; Л.А. Ельшин, А.С. Груничев и А.А. Давыдова подтвердили его связь с качеством жизни [3]. Под устойчивым рынком труда понимается сбалансированность спроса и предложения рабочей силы, достойные условия труда, низкая структурная безработица и расширенное воспроизводство человеческого капитала. Это согласуется с положениями о кадровой безопасности [6]. Репутация региона выполняет три функции: снижает информационную асимметрию, удерживает местные кадры, привлекает внешних специалистов. Репутация не статична. На неё влияют эффективность власти, качество институтов, инфраструктура, экология и культурная среда [1; 2]; по мере цифровизации растёт роль медийных и коммуникационных факторов [7].

На основе анализа публикаций [1–7] и практики регионального управления можно выделить пять механизмов влияния репутации на рынок труда: информационный, удерживающий, инвестиционный, инновационный и институциональный. Критерием выделения послужил тип канала, через который репутация воздействует на решения работников и работодателей: информация, лояльность, инвестиции, инновации, институты. Это авторская классификация, которая может уточняться в дальнейших исследованиях. В основе информационного механизма лежит снижение асимметрии информации о качестве жизни и условиях труда. Сахалинская область в 2024 году представила бренд «Сахалин – маяк России». За год привлечено более 4 тыс. специалистов, медиаохват кампании составил 175 млн контактов. Новый бренд позволил сломать стереотип об отдалённом нефтегазовом регионе и показать территорию как современное пространство возможностей. Через удерживающий механизм формируется лояльность жителей, что снижает миграционный отток. В Республике Башкортостан реализуется проект «Башкирская вахта», направленный на возвращение вахтовиков на внутренний рынок труда. За два года около 700 специалистов вернулись на предприятия республики, годовой объём произведённой ими продукции составил 4,5 млрд руб. Запущен формат «Семейная Башкирская вахта» с переездом вахтовиков вместе с семьями и трудоустройством супругов. За инновационным механизмом стоит привлечение креативного класса и специалистов новых профессий. Омская область демонстрирует трансформацию имиджа через культурное позиционирование. По инициативе губернатора Виталия Хоценко регион получил статусы «Молодёжной столицы России – 2025 года» и «Культурной столицы – 2026 года». Реализация сопровождается инвестициями в инфраструктуру и образовательные проекты креативных индустрий.

Все три механизма взаимосвязаны. Управленческий механизм сопряжения репутационной политики и политики занятости с привязкой к конкретным регионам представлен в таблице 1.

Двусторонний характер носит связь репутации и человеческого капитала. Накопленный человеческий капитал служит источником положительной репутации: квалифицированные кадры, научные школы, инновационная активность создают репутационный капитал территории [5]. Сформированная репутация, в свою очередь, привлекает новый человеческий капитал, замыкая положительную обратную связь. Устойчивый рынок труда становится одновременно результатом и условием позитивной репутации. Кадровая безопасность напрямую связана со способностью региона удерживать и развивать человеческий капитал, что предполагает систематическую оценку репутационных параметров [6]. Здесь важно уточнить: обратная связь не запускается автоматически. Она требует управленческого вмешательства. Если регион не поддерживает репутацию целенаправленно, положительный цикл затухает. Именно поэтому в работе отстаивается необходимость интеграции репутаци-

онной стратегии в программы занятости – без этого механизм не работает.

Таблица 1.

Управленческий механизм сопряжения репутационной политики и политики занятости

Механизм	Инструмент	Показатель
Информационный	Региональная платформа мониторинга репутации и рынка труда; публикация рейтингов условий труда	Индекс информационной открытости; число обращений к платформе; доля вакансий с полной информацией
Удерживающий	Программы лояльности для молодёжи; социальный пакет; улучшение городской среды	Миграционный прирост/убыль; доля молодёжи, остающейся в регионе; удовлетворённость трудом
Инвестиционный	Сопровождение инвесторов; создание новых рабочих мест; налоговые преференции	Объём инвестиций в основной капитал; число созданных рабочих мест; уровень безработицы
Инновационный	Поддержка стартапов; технопарки; программы привлечения специалистов новых профессий	Доля занятых в высокотехнологичных отраслях; число патентов; доля инновационных предприятий
Институциональный	Межведомственная рабочая группа; клиентоцентричные сервисы; цифровой мониторинг	Доверие к власти; качество госуправления; уровень коррупции

Источник: составлено автором.

Для оценки результативности репутационной политики в сфере труда предлагается система показателей, опирающаяся на методики [2; 7]. Операционализация строится по принципу, предложенному в [7]: сбор статистических данных и экспертных оценок по каждому показателю, нормирование для обеспечения сопоставимости, расчёт интегрального индекса репутационного капитала, ранжирование регионов и анализ динамики. Экономический блок охватывает ВРП на душу населения, среднюю заработную плату, инвестиции в основной капитал, уровень безработицы и миграционный прирост. Социальный блок включает индекс качества жизни, удовлетворённость трудом, обеспеченность жильём, доступность социальных услуг и долю молодёжи в структуре занятых. Институциональный блок фиксирует доверие к власти, качество госуправления, уровень коррупции и эффективность институтов поддержки предпринимательства. Инновационный блок объединяет долю инновационных предприятий, число патентов на 1000 занятых, долю занятых в высокотехнологичных отраслях и производительность труда. Коммуникационный блок включает медиа-индекс региона, упоминания в СМИ, активность в социальных сетях и узнаваемость бренда. Инструменты интеграции репутационной стратегии в программы занятости включают нормативные (включение репутационных показателей в госпрограммы), организационные (создание межведомственной рабочей группы при главе региона), цифровые (запуск платформы мониторинга репутации и рынка труда), коммуникационные (продвижение бренда региона как места для жизни и работы [1]) и клиентоцентричные (сервисы подбора персонала, сопровождение переселенцев, адаптация молодёжи). Практика Сахалинской области подтверждает: коммуникационные инструменты способны за год привлечь более 4 тыс. специалистов.

Внедрение механизма предполагает шесть этапов. На диагностическом этапе (3–6 мес.) проводится анализ репутации региона, миграционных потоков и ключевых проблем. На нормативном (3–6 мес.) репутационные показатели включаются в госпрограммы занятости, разрабатываются нормативные акты. На организационном (6–12 мес.) создаётся межведомственная рабочая группа и распределяется ответственность. На внедренческом (12–24 мес.) запускается цифровая платформа, реализуется коммуникационная стратегия, внедряются клиентоцентричные сервисы. Мониторинговый этап (постоянно) предполагает сбор и анализ показателей. Корректирующий (по мере необходимости) – уточнение инструментов и адаптацию к изменяющимся условиям. Такая последовательность позволяет поэтапно интегрировать репутационную политику в политику занятости.

Полученные результаты согласуются с выводами [1–3; 5]. Проблема оценки репутационного капитала остаётся дискуссионной: методики [2; 7] различаются по составу показателей, методам агрегирования и источникам данных, что затрудняет сопоставление результа-

тов. Ограничения связаны с недостатком прямых статистических показателей и необходимостью регулярных социологических замеров. Риски: репутационные угрозы, цифровые атаки, несоответствие деклараций реальным изменениям. Управление рисками предполагает мониторинг информационного поля, оперативное реагирование на негативные публикации и прозрачность деятельности органов власти.

Предлагаемый подход отличается от существующих акцентом на управленческий механизм. Речь идёт не о простой фиксации связи между репутацией и рынком труда, а о конкретных действиях органов власти, которые эту связь поддерживают. Репутационная политика не сводится к коммуникациям: она требует нормативного закрепления, организационного обеспечения, цифровой инфраструктуры и клиентоцентричных сервисов. Без этого даже яркий бренд региона остаётся декларацией, не влияющей на миграционные решения. Именно поэтому в работе обосновывается необходимость включения репутационных показателей в государственные программы занятости, создания межведомственной рабочей группы при главе региона, запуска цифрового мониторинга репутации и внедрения сервисов для работников и работодателей. Дальнейшая работа должна быть направлена на разработку методики количественной оценки репутационного капитала применительно к задачам рынка труда, изучение влияния цифровой репутации на миграционные решения и анализ эффективности национальных проектов с учётом репутационных факторов.

Список литературы

1. Важенина, И. С. Имидж, репутация и бренд территории : монография / И. С. Важенина ; отв. ред. А. И. Татаркин. – Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2013. – 408 с.

2. Груничев, А. С. Репутационный капитал и его влияние на параметры социально-экономического развития регионов: методология исследования (на примере регионов ПФО): дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Груничев Александр Станиславович. – Казань, 2019.–374 с.

3. Ельшин, Л. А. Влияние репутационного капитала региона на качество жизни населения / Л. А. Ельшин, А. С. Груничев, А. А. Давыдова // Теоретическая и прикладная экономика. – 2020. – № 3. – С. 130–141.

4. Третьякова, Л. А. Мобильность трудовых ресурсов в контексте инвестиционной привлекательности регионов ЦФО / Л. А. Третьякова, Т. И. Грудкина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – № 12 (345). – С. 48–57.

5. Сафиуллин, М. Р. Человеческий капитал как главный эндогенный фактор формирования репутации региона / М. Р. Сафиуллин, К. А. Галимова // Электронный экономический вестник Татарстана. – 2021. – № 4. – С. 56–61.

6. Митяков, С. Н. Мониторинг привлекательности регионов как инструмент обеспечения кадровой безопасности / С. Н. Митяков, Н. А. Мурашова // Развитие и безопасность. – 2023. – № 3 (19). – С. 102–114.

7. Романченко, М. К. Методология комплексной оценки репутационного капитала российских регионов / М. К. Романченко // Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – № 111. – С. 123–137.

УДК 330

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

Кутаева Рабият Абдулгашимовна,
к.э.н., доцент, доцент кафедры «Финансово-экономических дисциплин» ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства»
(367008, Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Д.Атаева, д.5. E-mail: r.kutaeva@mail.ru)
Шагидов Саид Магомедович,
магистрант 2 курса направления подготовки «Финансы и кредит», ГАОУ ВО «Даге-

станский государственный университет народного хозяйства»
(367008, Российская Федерация, Республика Дагестан,
г. Махачкала, ул. Д.Атаева, д.5. E-mail: shagidov_65@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается роль человеческого капитала в социально-экономическом развитии региона. Уточняется содержание категории применительно к мезоуровню, анализируется структура человеческого капитала, включающая капиталы образования, здоровья, культуры и профессиональный капитал. Показано, что влияние человеческого капитала на региональную экономику реализуется через производительность труда, инвестиционную привлекательность территории и способность региона осваивать новые технологии. Рассмотрены подходы к количественной оценке: индекс человеческого развития и альтернативные индикаторы, чувствительные к неравенству в распределении продолжительности жизни. Отдельно обсуждается межрегиональная дифференциация накопленного человеческого капитала в России, миграционный отток квалифицированных кадров из периферийных территорий и рассогласованность системы профессиональной подготовки с потребностями региональных рынков труда. Автор аргументирует тезис о том, что отдача от вложений в образование и здравоохранение носит отложенный характер, а потому результативность региональной политики определяется прежде всего её преемственностью. Предложены направления совершенствования управления человеческим капиталом на уровне субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: человеческий капитал, регион, социально-экономическое развитие, инвестиции в человеческий капитал, валовой региональный продукт, качество жизни, рынок труда, региональная политика

THE ROLE OF HUMAN CAPITAL IN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF A REGION

Kutaeva Rabiyat Abdulgashimovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Financial and Economic Disciplines, Dagestan State University of National Economy (5 D. Ataeva St., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367008, Russian Federation.
E-mail: r.kutaeva@mail.ru)
Said Magomedovich Shagidov,
First-year Master's Student, Finance and Credit, Dagestan State University of National Economy (5 D. Atayev Street, Makhachkala, Republic of Dagestan, 367008, Russian Federation.
Email: shagidov_65@mail.ru)

Annotation. The article examines the role of human capital in the socio-economic development of a region. The category is clarified at the meso-level, and the structure of human capital is analysed, including the capitals of education, health, culture and professional capital. It is shown that the influence of human capital on the regional economy is realised through labour productivity, the investment attractiveness of the territory and the region's capacity to adopt new technologies. Approaches to quantitative assessment are considered: the human development index and alternative indicators sensitive to inequality in the distribution of life expectancy. Particular attention is paid to the interregional differentiation of accumulated human capital in Russia, the migration outflow of qualified personnel from peripheral territories and the mismatch between the vocational training system and the needs of regional labour markets. The author argues that the return on investment in education and healthcare is delayed, and therefore the effectiveness of regional policy is determined primarily by its continuity. Directions for improving human capital management at the level of a constituent entity of the Russian Federation are proposed.

Keywords. human capital, region, socio-economic development, investment in human capital, gross regional product, quality of life, labour market, regional policy

Ещё полвека назад успех территории объясняли просто: есть месторождение, завод и железная дорога — будет и рост. Сегодня эта логика работает плохо. Соседние субъекты Федерации с похожей ресурсной базой расходятся по уровню жизни в разы, и списать разрыв на одну лишь структуру экономики не получается. Всё чаще исследователи указывают на качество самого населения — то, что принято называть человеческим капиталом региона.

Тема эта для России не академическая. Разрыв между регионами по валовому региональному продукту на душу населения превышает порядок величины, а миграция устойчиво идёт в сторону нескольких крупных агломераций. Цель статьи — показать, каким образом человеческий капитал влияет на развитие территории, как его пытаются измерять и почему накопленные проблемы не решаются простым увеличением расходов на социальную сферу.

Экономическая наука пришла к понятию человеческого капитала не сразу. Работы Т. Шульца и Г. Беккера 1960-х годов переломили привычный взгляд: расходы семьи и государства на обучение и лечение были описаны не как потребление, а как вложение в актив, который потом приносит доход. Для региона эта идея разворачивается в определение, которое даёт С. И. Бабина: человеческий капитал территории есть «совокупность сосредоточенных на территории человеческих ресурсов, обладающих накопленными знаниями, способностями, профессиональными навыками, состоянием здоровья, уровнем культуры и мотивацией» [2]. Формулировка важна тем, что не сводит капитал к дипломам.

Структура его неоднородна. В той же работе выделено, что «основными структурными составляющими человеческого капитала являются капиталы образования, здоровья, культуры и профессиональный капитал» [2]. Практический смысл такого деления виден сразу. Диплом без опыта даёт мало. Опыт при плохом здоровье работника используется недолго. А высокая квалификация при отсутствии мотивации к переобучению обесценивается за несколько лет — особенно там, где технологии меняются быстро.

Как именно капитал превращается в экономический результат? Прежде всего через производительность: подготовленный работник за ту же смену создаёт больше добавленной стоимости, и это прямо отражается на ВРП. Далее — через инвестиции. Инвестор сегодня спрашивает не только про налоговый режим, но и про то, найдёт ли он на площадке инженеров и наладчиков; дефицит кадров обесценивает любые льготы. И, наконец, через инновации: новые решения рождаются там, где накоплена критическая масса носителей компетенций. Авторы цитируемого исследования формулируют это жёстко — человеческий капитал «признается в качестве одного из важнейших источников эндогенного долгосрочного экономического роста» [2]. Слово «эндогенный» здесь ключевое: рост берётся изнутри территории, а не привозится извне.

Управлять тем, что не измеряется, нельзя. Самый известный инструмент — индекс человеческого развития, объединяющий долголетие, образование и доход. Но у него есть слабое место, на которое прямо указывают С. Г. Шульгин и Ю. В. Зинькина: «высокое место в рейтинге индекса человеческого развития может быть обеспечено, к примеру, высоким ВРП, который может и не трансформироваться в улучшение качества жизни» [1]. Ситуация типичная для сырьевых регионов: подушевой продукт огромен, а продолжительность жизни и доступность медицины отстают. Поэтому предлагаются альтернативные индикаторы, чувствительные к неравенству. Показателен вывод тех же авторов: «благополучные по индикатору человеческой жизни регионы концентрируются в европейской части России и СКФО» [1] — картина, заметно расходящаяся с рейтингом по одному лишь ВРП.

Теперь о главной болевой точке. Человеческий капитал в стране распределён крайне неровно, и распределение это самоусиливающееся. Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург концентрируют университеты, исследовательские центры и рабочие места, требующие высокой квалификации. Молодёжь из малых городов уезжает туда учиться — и в большинстве своём не возвращается. Регион при этом теряет дважды: он уже оплатил школьное образование и медицинское обслуживание этих людей, а отдачу получит другая территория. По сути, периферия субсидирует агломерации, и происходит это незаметно, без единой строки в бюджете.

Вторая проблема тише, но не дешевле — разрыв между тем, кого готовят, и тем, кто нужен. Ситуация, когда выпускники не находят работу по специальности, а заводы одновременно жалуются на кадровый голод, означает, что вложенные в подготовку деньги просто сгорели. Здесь, на наш взгляд, бесполезно винить только вузы: прогноз кадровой потребности региона должен составляться вместе с работодателями, а не доводиться до них постфактум.

Что делать? Ответ, казалось бы, очевиден — вкладывать. Исследователи прямо называют инвестирование «одним из основных инструментов развития способностей человека, являющихся базовыми элементами человеческого капитала» [3]. Сложность в другом: отдача приходит не через год и не через два. Школьник, на которого регион тратит средства сегодня, выйдет на рынок труда лет через десять. Именно поэтому программы развития человеческого капитала так уязвимы — их легко свернуть при смене приоритетов, а результат свёртывания проявится много позже, когда причину уже никто не вспомнит. Модельный аппарат, который позволяет связать структуру вложений с результатом, авторы предлагают использовать «при разработке и реализации стратегии развития региона и принятии управленческих решений в области развития человеческого капитала на основе оптимального использования имеющихся ресурсов» [3]. Подход разумный, хотя и требует данных, которых у многих субъектов просто нет.

Человеческий капитал перестал быть фоном регионального развития и стал его движущей силой. Он влияет на производительность, определяет готовность инвестора прийти на территорию, задаёт способность региона осваивать новое. При этом капитал этот сложен по составу: образование без здоровья и мотивации не работает, а квалификация без спроса на неё просто утекает в другой регион.

Главные препятствия известны — концентрация ресурсов в нескольких агломерациях, отток молодёжи и рассогласованность подготовки кадров с реальными потребностями экономики. Ни одно из них не снимается разовыми мерами. Нужна связная политика: развитие образовательной и медицинской инфраструктуры, участие работодателей в формировании программ обучения, условия, при которых молодому специалисту имеет смысл остаться, и регулярная оценка того, что получилось. Пока человеческий капитал воспринимается как расходная статья, а не как стратегический актив территории, разрыв между регионами будет воспроизводиться.

Список литературы

1. Шульгин С. Г., Зинькина Ю. В. Оценка человеческого капитала в макрорегионах России // *Экономика региона*. – 2021. – Т. 17, № 3. – С. 888–901. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-chelovecheskogo-kapitala-v-makroregionah-rossii

2. Бабина С. И., Садовникова И. Ю. Анализ человеческого капитала региона // *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. – 2018. – № 3. – С. 69–74. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-chelovecheskogo-kapitala-regiona

3. Мазелис Л. С., Емцева Е. Д., Лавренюк К. И., Красько А. А. Анализ развития регионального человеческого капитала за счет процесса инвестирования // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. – 2018. – Т. 5, № 4 (17). – С. 262–265. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-razvitiya-regionalnogo-chelovecheskogo-kapitala-za-schet-protsessa-investirovaniya

УДК 330.16

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ

Магомедов Магомедзагид Анварович,
канд. экон. наук, доцент кафедры экономических дисциплин
филиала ДГУ в г. Хасавюрте.
(367008, Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Хасавюрт, ул. Аксаевская 36.
E-mail: zagid1962@mail.ru)
Магомедова Манни Нажмутдиновна,
магистрант 2-го года обучения факультета управления,
направление подготовки «Управление персоналом»,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
(367008, Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Батырая, д. 4а, 4 этаж. E-mail:manni_20@mail.ru)
Иршахов Ахмед Вахаевич,
студент 3 курса, направление «Экономика»
ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет,
филиал в г. Хасавюрте.
(368009, Россия, г. Хасавюрт, ул. А. Абукова, 36)

Аннотация. В статье исследуются современные направления развития человеческого капитала и их влияние на экономический рост России. Рассматривается роль образования, профессиональных и цифровых компетенций, здоровья и производительности труда. На основе официальных данных анализируется взаимосвязь заработной платы, производительности труда и ВВП. Обосновывается необходимость непрерывного развития компетенций как условия повышения производительности, инновационной активности и устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: человеческий капитал, экономический рост, трудовые ресурсы, образование, профессиональные компетенции, цифровизация, производительность труда, занятость, заработная плата, Россия.

MODERN DIRECTIONS OF HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT AND THEIR IMPACT ON RUSSIA'S ECONOMIC GROWTH

Magomedov Magomedzagid Anvarovich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Economic Disciplines, Branch of Dagestan State University in Khasavyurt. (36 Aksayevskaya St., Khasavyurt, Republic of Dagestan,Russian Federation, 367008. E-mail: zagid1962@mail.ru)
Manni Nazhmutdinovna Magomedova,
Master's student, 2nd year, Faculty of Management,
Master's programme in Human Resource Management, Dagestan State University.
(4A Batyraya St., 4th floor, Makhachkala, Republic of Dagestan, 367008, Russian Federation. E-mail: manni_20@mail.ru)
Irshakhov Akhmed Vakhaevich,
3rd-year student, majoring in "Economics"
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Dagestan State University",
branch in the city of Khasavyurt
(368009, Russia, Khasavyurt, A. Abukov St., 36)

Annotation. The article examines current trends in human capital development and their impact on Russia's economic growth. It considers the role of education, professional and digital competencies, health, and labor productivity. Based on official data, the relationship between wages, labor productivity, and GDP is analyzed. The study substantiates the need for continuous competency development as a prerequisite for increasing productivity, innovation activity, and sustainable economic growth.

Keywords: human capital, economic growth, labor resources, education, professional competencies, digitalization, labor productivity, employment, wages, Russia.

В современных условиях человеческий капитал выступает одним из важнейших факторов долгосрочного социально-экономического развития государства. Его значение определяется не только численностью трудоспособного населения, но и уровнем образования, профессиональной подготовки, состояния здоровья, трудовой мотивации, цифровых компетенций и способности работников адаптироваться к технологическим изменениям.

Для российской экономики проблема развития человеческого капитала приобретает особую актуальность вследствие структурных изменений на рынке труда, ускорения цифровизации, роста спроса на квалифицированные кадры и необходимости повышения производительности труда. Ограниченность трудовых ресурсов усиливает значение качественного обновления рабочей силы и эффективного использования ее профессионального потенциала.

Экономический рост непосредственно связан с качеством человеческого капитала. Образованный и профессионально подготовленный работник способен быстрее осваивать новые технологии, эффективнее использовать оборудование, участвовать в инновационной деятельности и обеспечивать более высокую производительность труда. Поэтому инвестиции в человека необходимо рассматривать не только как социальные расходы, но и как долгосрочные экономические вложения [1].

Человеческий капитал представляет собой совокупность знаний, образования, профессиональных навыков, компетенций, состояния здоровья, трудового опыта и других качественных характеристик человека, которые используются в экономической деятельности и формируют способность создавать доход и экономическую ценность.

В отличие от физического капитала, человеческий капитал непосредственно связан с личностью работника. Его формирование происходит на протяжении всего жизненного цикла человека и требует постоянного обновления. Получение образования создает базовые знания, профессиональная подготовка формирует специальные компетенции, трудовая деятельность обеспечивает накопление опыта, а дополнительное обучение позволяет адаптироваться к изменениям технологий и организации труда [5].

В современных условиях структура человеческого капитала существенно изменяется. Если ранее основное внимание уделялось уровню общего и профессионального образования, то сегодня возрастающее значение приобретают цифровая грамотность, аналитическое мышление, способность работать с информацией, владение современными технологиями, навыки коммуникации и способность к непрерывному обучению.

Современная модель человеческого капитала включает несколько взаимосвязанных элементов:

- образование и профессиональную подготовку;
- цифровые и технологические компетенции;
- профессиональный опыт;
- здоровье и трудоспособность;
- инновационные и предпринимательские способности;
- способность к непрерывному обучению;
- мотивацию к производительному труду.

Именно комплексное развитие указанных элементов формирует качественную основу экономического роста.

Одним из ключевых направлений является модернизация системы образования и

профессиональной подготовки. Современная экономика предъявляет повышенные требования к соответствию образовательных программ потребностям рынка труда. Важным становится не только получение диплома, но и приобретение конкретных компетенций, востребованных работодателями.

Второе направление связано с непрерывным профессиональным обучением. Быстрое обновление технологий сокращает период актуальности отдельных профессиональных знаний. Поэтому работник должен иметь возможность регулярно повышать квалификацию, осваивать новые профессии и совершенствовать существующие навыки.

Третье направление - цифровизация человеческого капитала. Распространение искусственного интеллекта, автоматизации, роботизации и информационных систем изменяет содержание трудовой деятельности. При этом цифровизация не только сокращает потребность в отдельных видах рутинного труда, но и создает спрос на специалистов, способных разрабатывать, внедрять и контролировать цифровые решения.

Четвертым направлением является повышение производительности труда. Человеческий капитал оказывает непосредственное влияние на производительность через уровень квалификации, организацию труда, мотивацию и способность работников эффективно использовать современные технологии.

Пятое направление связано с сохранением и развитием здоровья населения. Состояние здоровья определяет продолжительность трудовой активности, уровень работоспособности и качество трудовой деятельности. Поэтому инвестиции в здравоохранение следует рассматривать как элемент долгосрочной политики формирования человеческого капитала.

Шестое направление - повышение качества занятости и совершенствование мотивации труда. Рост заработной платы, улучшение условий труда, развитие социальных гарантий и карьерных возможностей способствуют закреплению квалифицированных работников и повышению их заинтересованности в результатах деятельности.

Влияние человеческого капитала на экономическую динамику проявляется прежде всего через повышение производительности труда. Более квалифицированный работник способен создавать больший объем продукции или услуг при использовании того же количества ресурсов.

Показательно, что российская экономика в 2024 г. продемонстрировала рост физического объема ВВП примерно на 4,3% по оценке Росстата, а в 2025 г. - на 1,0%. Одновременно Банк России отмечал, что в 2024 г. производительность труда выросла примерно на 3,4%, тогда как реальная заработная плата увеличилась на 9,1% [3].

Таблица 1

Динамика основных показателей экономического развития России

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Индекс физического объема ВВП, % к предыдущему году	103,6	104,3	101,0
Объем ВВП, млрд руб.	171 041,0	201 152,1	214 261,0
Индекс производительности труда, %	102,2	103,4	—
Среднемесячная номинальная заработная плата, руб.	59 430,6	71 313,0	82 491,7

Источник: составлено автором по данным Росстата и Банка России.

Данные таблицы 1 показывают, что в 2023–2025 гг. российская экономика сохраняла положительную динамику. При этом темпы роста ВВП в 2025 г. существенно снизились по сравнению с 2024 г. Это свидетельствует о переходе от периода ускоренного расширения производства к более умеренной динамике.

Особого внимания заслуживает соотношение заработной платы и производительности труда. По данным Банка России, в 2024 г. производительность труда увеличилась на 3,4%, а реальная заработная плата - на 9,1% [4].

Такая ситуация с одной стороны отражает повышение доходов работников и усиление конкуренции работодателей за кадры, а с другой - свидетельствует о необходимости более интенсивного повышения эффективности использования человеческого капитала. Рост зара-

ботной платы должен сопровождаться соответствующим увеличением производительности, иначе возрастает нагрузка на себестоимость продукции и ограничиваются возможности расширения производства.

Другим важным показателем качества человеческого капитала является уровень оплаты труда в зависимости от образования. Данные Росстата показывают наличие значимой связи между уровнем образования и размером заработной платы. В частности, в 2023 г. средняя заработная плата руководителей с высшим образованием составляла 149 241 руб., тогда как в целом по группе руководителей - 139 544 руб. [4]

Следовательно, повышение образовательного и профессионального уровня работников способствует росту их экономической ценности и создает предпосылки для повышения производительности труда.

Несмотря на положительную динамику отдельных показателей, развитие человеческого капитала в России сталкивается с рядом системных ограничений.

Во-первых, сохраняется проблема структурного несоответствия между спросом на рабочую силу и профессионально-квалификационной структурой предложения. Экономике требуются специалисты, обладающие современными техническими, инженерными, цифровыми и управленческими компетенциями.

Во-вторых, усиливается конкуренция предприятий за квалифицированные кадры. В условиях ограниченного предложения рабочей силы компании вынуждены не только повышать заработную плату, но и развивать внутреннее обучение, наставничество, карьерные программы и системы мотивации.

В-третьих, сохраняется необходимость повышения качества образования и его соответствия реальным потребностям экономики. Образовательные учреждения должны теснее взаимодействовать с предприятиями, научными организациями и органами государственной власти.

В-четвертых, особое значение приобретает цифровая трансформация. Росстат отмечает развитие статистической базы по образованию, профессиональной подготовке, научным кадрам и рынку труда, что позволяет более системно оценивать состояние человеческого капитала.

Особое место в современной политике человеческого капитала должно занимать развитие внутриорганизационного обучения. Предприятия получают возможность быстрее адаптировать работников к конкретным технологиям и производственным процессам. Важную роль при этом играют наставничество, корпоративные образовательные программы, профессиональные стандарты и оценка компетенций.

Не менее значимым является совершенствование системы оплаты труда. Оплата должна учитывать не только занимаемую должность, но и квалификацию, индивидуальные результаты, сложность выполняемой работы и вклад работника в достижение стратегических целей организации.

В перспективе российская политика развития человеческого капитала должна быть ориентирована на формирование экономики непрерывного обучения. Это означает, что образование не должно завершаться получением диплома. Профессиональные знания необходимо регулярно обновлять в соответствии с технологическими и структурными изменениями экономики.

Важным условием является интеграция образования, науки и бизнеса. Университеты и организации среднего профессионального образования должны ориентироваться на формирование компетенций, востребованных перспективными отраслями. Предприятия, в свою очередь, должны принимать более активное участие в подготовке кадров.

Вторым приоритетом следует считать развитие цифровых и инженерно-технических компетенций. Российская экономика нуждается в специалистах, способных обеспечивать технологический суверенитет, создавать отечественные программные решения, развивать автоматизацию и внедрять современные производственные технологии.

Таблица 2

Основные направления развития человеческого капитала и их экономический эффект

Направление	Основное содержание	Ожидаемый экономический эффект
Развитие образования	Повышение качества подготовки кадров	Рост квалификации и производительности
Непрерывное обучение	Переподготовка и повышение квалификации	Адаптация работников к технологическим изменениям
Цифровизация	Формирование цифровых компетенций	Рост эффективности и инновационной активности
Развитие здоровья	Профилактика заболеваний, улучшение условий труда	Увеличение трудоспособного периода
Совершенствование занятости	Повышение качества рабочих мест	Снижение текучести кадров
Совершенствование оплаты труда	Связь вознаграждения с результатами	Рост трудовой мотивации
Наставничество	Передача профессионального опыта	Ускорение подготовки новых кадров
Развитие инновационных компетенций	Поддержка творческой и исследовательской деятельности	Технологическое обновление экономики

Источник: составлено автором.

Третьим направлением является повышение производительности труда. Человеческий капитал дает максимальный экономический эффект только при наличии современной производственной базы, эффективного менеджмента и технологий. Поэтому инвестиции в работников должны сочетаться с инвестициями в оборудование, инфраструктуру и организационные инновации.

Четвертым направлением является повышение качества рабочих мест. Создание условий для профессионального развития, карьерного роста и достойной оплаты труда позволяет не только привлекать квалифицированных специалистов, но и удерживать их в организациях и регионах.

Таким образом, современная политика человеческого капитала должна переходить от преимущественного финансирования отдельных социальных сфер к комплексной системе инвестирования в знания, здоровье, профессиональные компетенции, цифровые навыки и трудовую активность населения.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что человеческий капитал является одним из ключевых внутренних факторов долгосрочного экономического роста России. Его влияние реализуется через повышение производительности труда, развитие инновационной активности, ускорение технологической модернизации и повышение качества занятости.

Современными приоритетами развития человеческого капитала являются модернизация образования, непрерывное профессиональное обучение, цифровизация компетенций, развитие здоровья населения, повышение качества рабочих мест и совершенствование мотивации труда.

Официальные статистические данные показывают, что в России в последние годы одновременно увеличиваются заработная плата и производительность труда, однако темпы роста этих показателей остаются различными. В 2024 г. производительность труда выросла на 3,4%, тогда как реальная заработная плата - на 9,1%. Это указывает на необходимость дальнейшего повышения эффективности использования трудового потенциала.

В 2025 г. рост физического объема ВВП составил 1,0%, что также подтверждает необходимость поиска внутренних источников повышения потенциальных темпов экономического развития.

Следовательно, дальнейшее развитие российской экономики должно опираться не только на расширение материальных ресурсов, но и на системное повышение качества чело-

веческого капитала. Наиболее значимый результат может быть получен при комплексном сочетании инвестиций в образование, профессиональные компетенции, здоровье, цифровизацию и создание высокопроизводительных рабочих мест. Именно такой подход позволит повысить производительность труда, укрепить конкурентоспособность российской экономики и сформировать основу для устойчивого долгосрочного экономического роста.

Список литературы

1. Банк России. Темпы роста реальной зарплаты продолжают значительно превышать рост производительности труда [Электронный ресурс]. - М.: Банк России, 2025.

2. Росстат. О производстве и использовании валового внутреннего продукта в 2025 году [Электронный ресурс]. - М.: Росстат, 2026.

3. Росстат. Труд и занятость в России. 2025 [Электронный ресурс]. - М.: Росстат, 2025.

4. Росстат. Рынок труда, занятость и заработная плата [Электронный ресурс]. - М.: Росстат.

5. Росстат. Образование [Электронный ресурс]. - М.: Росстат.

6. Беккер Г. С. Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ с особым вниманием к образованию. - Чикаго: Издательство Чикагского университета, 2023.

7. Шульц Т. У. Инвестиции в человеческий капитал // American Economic Review. - 2021. - Т. 51, № 1. - С. 1-17.

УДК 330.342

ЭКОНОМИКА ВНИМАНИЯ: ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВРЕМЕНИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ФОРМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Орлов Никита Олегович,
студент,
Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н. Туполева (КАИ)
(420111, Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. К. Маркса, 10. E-mail: orelnik00@mail.ru)
Научный руководитель:
Филина Ольга Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономической теории и управления ресурсами
Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н. Туполева (КАИ)
(420111, Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. К. Маркса, 10.)

Аннотация. В статье исследуется экономика внимания как одна из ключевых характеристик современной цифровой экономики. Показано, что с развитием цифровизации, массовым распространением смартфонов и внедрением алгоритмических рекомендательных систем цифровые платформы существенно усилили своё влияние на структуру использования времени пользователей. Внимание и время превратились в ключевой ресурс, который платформы целенаправленно извлекают и монетизируют. Анализируются механизмы этого процесса, его экономические последствия и формирование новых форм неравенства, связанных с неравномерным распределением контроля над собственным временем. Сделан вывод о необходимости повышения цифровой грамотности и обсуждения мер регулирования.

Ключевые слова: экономика внимания, цифровые платформы, использование времени, экономическое неравенство, монетизация внимания, цифровая трансформация, алгоритмы.

ATTENTION ECONOMY: THE IMPACT OF DIGITAL PLATFORMS ON USERS' TIME USE AND THE FORMATION OF NEW FORMS OF ECONOMIC INEQUALITY

Orlov Nikita Olegovich,
Student
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev (KAI)
(420111, Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan, K. Marx str., 10.
E-mail: orelnik00@mail.ru)
Scientific supervisor: **Filina Olga Vladimirovna**,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of the Department of Economic Theory and Resource Management
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev (KAI)
(420111, Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan, K. Marx str., 10.)

Annotation. The article examines the attention economy as one of the key characteristics of the modern digital economy. It is shown that with the development of digitalization, the mass spread of smartphones and the introduction of algorithmic recommendation systems, digital platforms have significantly increased their influence on the structure of users' time use. Attention and time have become a key resource that platforms purposefully extract and monetize. The mechanisms of this process, its economic consequences and the formation of new forms of inequality associated with the uneven distribution of control over one's own time are analyzed. A conclusion is made about the need to improve digital literacy and discuss regulatory measures.

Keywords: attention economy, digital platforms, time use, economic inequality, attention monetization, digital transformation, algorithms.

В условиях современной цифровой экономики внимание человека превратилось в один из наиболее дефицитных и ценных ресурсов. Ещё в 1971 году американский учёный Герберт Саймон отмечал, что «богатство информации создаёт бедность внимания» [7]. Сегодня эта идея получила практическое воплощение в бизнес-моделях крупнейших цифровых платформ. Экономика внимания представляет собой систему отношений, в которой внимание пользователей рассматривается как товар, который можно привлекать, удерживать и продавать рекламодателям [2; 5]. В отличие от традиционных рынков, где объектом обмена выступают товары или услуги, здесь ключевым ресурсом становится способность человека концентрироваться и уделять время определённому контенту.

Особую остроту проблема приобрела именно с развитием цифровизации. Если в доцифровую эпоху и даже на ранних этапах интернета (конец 1990-х - начало 2000-х годов) потребление контента носило относительно ограниченный характер - газеты, телевидение, стационарный компьютер, - то с массовым распространением смартфонов, мобильного интернета и социальных сетей ситуация принципиально изменилась. Время пользователя стало доступным практически круглосуточно и в любом месте. Платформы получили возможность не просто предлагать контент, а активно бороться за каждую минуту внимания с помощью специальных технических и психологических инструментов [2]. Цифровизация сняла прежние физические и временные ограничения, превратив внимание в постоянно доступный ресурс, который можно непрерывно извлекать.

Ключевым фактором усиления высасывания времени стала именно цифровая трансформация. Появление бесконечной ленты, алгоритмов персонализации, уведомлений, коротких видеоформатов и элементов геймификации привело к тому, что пользователи стали проводить в приложениях значительно больше времени, чем планировали. По данным Mediascope, в декабре 2025 года среднее время, которое пользователи проводят во «ВКонтакте», составило 64 минуты в сутки, что на 20 % больше, чем годом ранее. Для возрастной группы 25–34 лет показатель достиг 76 минут [4]. Если учитывать время, проводимое в Telegram, YouTube, Дзене и других сервисах, совокупные затраты времени активных пользователей часто превышают 2–3 часа в день. При этом значительная часть этого времени при-

ходится именно на алгоритмически подобранный контент, а не на осознанный поиск информации. Алгоритмы специально проектируются так, чтобы максимально продлевать сессию пользователя, используя данные о его предыдущем поведении, эмоциональных реакциях и предпочтениях.

С экономической точки зрения время пользователя является ограниченным ресурсом, имеющим альтернативную стоимость. Часы, проведённые в ленте социальных сетей, - это время, которое могло быть направлено на работу, учёбу, повышение квалификации, физическую активность, общение в реальной жизни или полноценный отдых. Таким образом, платформы фактически извлекают часть производительного и человеческого капитала пользователей [1; 5]. При этом основная экономическая выгода концентрируется у владельцев платформ и рекламодателей в виде рекламных доходов и массивов данных о поведении аудитории. Пользователь получает «бесплатный» доступ к контенту и сервисам, однако расплачивается за это своим временем и вниманием, которые затем монетизируются без его прямого участия в распределении полученной прибыли.

Механизмы извлечения времени можно разделить на несколько групп. Во-первых, технические: бесконечная прокрутка, автовоспроизведение видео, уведомления, которые возвращают пользователя в приложение даже в моменты, когда он не планировал его открывать. Во-вторых, алгоритмические: системы рекомендаций, которые постоянно подстраивают контент под индивидуальные предпочтения и эмоциональные реакции человека, удерживая его в состоянии «ещё чуть-чуть». В-третьих, психологические: использование принципов переменного подкрепления, создание ощущения социального одобрения через лайки и комментарии, формирование страха упустить важную информацию [6]. Все эти инструменты стали возможны и масштабируемы именно благодаря цифровизации и развитию технологий больших данных и искусственного интеллекта. До появления современных цифровых платформ подобный уровень персонализации и непрерывного воздействия был технически недостижим.

Особенно важно, что влияние платформ на использование времени носит неравномерный характер и способствует формированию новых форм экономического неравенства. Во-первых, возникает «внимательное» неравенство: люди с более высоким уровнем образования, самодисциплины и цифровой грамотности лучше управляют своим вниманием и ограничивают время в приложениях. Напротив, пользователи с более низким социально-экономическим статусом чаще оказываются в ловушке алгоритмически настроенного контента и теряют больше времени [2]. Во-вторых, наблюдается сильная концентрация внимания и доходов: небольшое число авторов и самих платформ получает основную долю просмотров и монетизации, в то время как большинство пользователей остаётся в роли поставщиков бесплатного внимания. В-третьих, формируются различия в возможностях накопления человеческого капитала: постоянное отвлечение снижает способность к глубокой концентрации, что в долгосрочной перспективе влияет на образовательные и карьерные результаты, особенно у молодёжи. Таким образом, экономика внимания не просто отражает существующее неравенство, а активно его усиливает и придаёт ему новые измерения.

Кроме того, следует отметить влияние экономики внимания на рынок труда и производительность. Когда значительная часть свободного и даже рабочего времени сотрудников уходит на взаимодействие с цифровыми платформами, это снижает общую эффективность использования человеческого капитала в экономике. Работодатели сталкиваются с проблемой снижения концентрации сотрудников, а образовательные учреждения - с ухудшением способности студентов к длительной умственной работе. Всё это создаёт дополнительные издержки для общества, которые пока слабо учитываются в традиционных экономических показателях.

Таким образом, экономика внимания в условиях цифровизации не просто меняет структуру свободного времени, а усиливает традиционное экономическое неравенство и создаёт его новые измерения. Время, которое раньше было относительно свободным ресурсом индивида, всё в большей степени становится объектом рыночного присвоения со стороны

крупных цифровых платформ [1; 5]. При этом пользователь чаще всего не осознаёт полной стоимости того, чем он расплачивается.

В качестве возможных направлений снижения негативных эффектов можно выделить развитие цифровой грамотности и навыков управления вниманием уже на уровне высшего и среднего образования, повышение прозрачности алгоритмов платформ, а также обсуждение мер регулирования, направленных на ограничение наиболее манипулятивных практик. К числу таких мер относятся обязательное информирование о времени использования, возможность отключения бесконечной ленты, ограничения на частоту уведомлений и введение требований к этическому дизайну интерфейсов. Без осознанного подхода со стороны пользователей, образовательных учреждений и регуляторов тенденция к дальнейшему высасыванию времени будет только усиливаться, а связанные с ней экономические и социальные издержки - возрастать.

Список литературы

1. Ахрамеев Д. В., Стефановский Д. С. Экономика внимания и способы управления деятельностью предприятий контентной индустрии // Экономика и предпринимательство. - 2025. - № 4. - Режим доступа: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-economy-2025-4/a3-akhrameev-stefanovskii.pdf (дата обращения: 06.09.2026). - Текст : электронный.http://www.publishing-vak.ru/file/archive-economy-2025-4/a3-akhrameev-stefanovskii.pdf

2. Вартанова Е. Л. Медиа в контексте экономики внимания: теоретические подходы в цифровую эпоху // МедиаАльманах. - 2025. - № 6 (131). - С. 8–14. - Режим доступа: http://mediaalmanah.ru/files/131/1523.php (дата обращения: 06.09.2026). - Текст : электронный.http://mediaalmanah.ru/files/131/1523.php

3. Милкова М. А. Феномен внимания в информационной среде: экономика внимания // Цифровая экономика. - 2020. - № 3 (11). - С. 73–87. - Текст : непосредственный.

4. Пользователи «ВКонтакте» в среднем проводят 64 минуты в сутки на платформе // CNews. - 2026. - 30 января. - Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/line/2026-01-30_polzovateli_vkontakte (дата обращения: 06.09.2026). - Текст : электронный.https://www.cnews.ru/news/line/2026-01-30_polzovateli_vkontakte

5. Шаститко А. Е., Моросанова А. А., Маркова О. А. Экономика внимания: вопросы применения // Вопросы теоретической экономики. - 2022. - № 1. - С. 7–23. - Режим доступа: https://www.inecon.org/docs/2022/Shastitko_Morosanova_Markova_VTE_2022_1.pdf (дата обращения: 06.09.2026). - Текст : электронный.https://www.inecon.org/docs/2022/Shastitko_Morosanova_Markova_VTE_2022_1.pdf

6. Школьный Ю. И. Экономика внимания как новый актив на цифровых финансовых платформах // Экономика и право. - 2025. - № 12. - Режим доступа: http://nauteh-journal.ru:8080/files/29a91d2a-98df-41c1-aa4b-bd00d65ce6c7 (дата обращения: 06.09.2026). - Текст : электронный.http://nauteh-journal.ru:8080/files/29a91d2a-98df-41c1-aa4b-bd00d65ce6c7

7. Экономика внимания // Википедия. - Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_внимания (дата обращения: 06.09.2026). - Текст : электронный.https://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_внимания

УДК: 316.334.52

АНАЛИЗ МОЛОДЕЖНЫХ УСТАНОВОК НА БРАК И СЕМЬЮ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Рябкова Анастасия Сергеевна,
Магистрант факультета государственного и муниципального управления
ФГБОУ ВО «Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», г. Новосибирск
(630102, Новосибирская область, г. Новосибирск,
ул. Нижегородская, д. 6. E-mail: aryabkova-20@edu.ranepa.ru)

Аннотация. В статье представлен анализ современного состояния института брака и семьи в Новосибирской области на основе статистических данных Управления по делам ЗАГС Новосибирской области. Рассматриваются динамика регистраций браков, возрастные характеристики молодоженов, уровень цифровизации услуг и география брачного поведения. Выявлены ключевые тенденции, свидетельствующие о трансформации молодежных установок: откладывание брака, рост возраста вступления в союз, предпочтение цифровых сервисов. На основе статистического мониторинга сформулированы вызовы для региональной семейной политики и предложены меры по поддержке молодых семей.

Ключевые слова: Новосибирская область, ЗАГС, статистика брачности, молодежь, семейная политика, демография, цифровизация.

ANALYSIS OF YOUTH ATTITUDES TOWARDS MARRIAGE AND FAMILY IN THE NOVOSIBIRSK REGION

Ryabkova Anastasia Sergeevna,
Master's student at the Faculty of State and Municipal Administration,
Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk
(630102, Novosibirsk, Novosibirsk Oblast, Nizhegorodskaya St., 6. E-mail: aryabkova-20@edu.ranepa.ru)

Annotation. The article presents an *analysis of the current state of the institution of marriage and family in the Novosibirsk Region, based on statistical data from the Department of Civil Registry Affairs of the Novosibirsk Region. The dynamics of marriage registrations, the age characteristics of newlyweds, the level of digitalization of services, and the geography of marriage behavior are examined. Key trends indicating a transformation of youth attitudes are identified: postponing marriage, an increase in the age at which people enter into a union, and a preference for digital services. Based on statistical monitoring, challenges for regional family policy are formulated, and measures to support young families are proposed.*

Keywords: *Novosibirsk Region, civil registry office, marriage statistics, young people, family policy, demography, digitalization.*

Введение

Новосибирская область является одним из крупнейших демографических центров Сибирского федерального округа. Устойчивость воспроизводства населения региона напрямую зависит от стабильности института семьи. В условиях изменения социально-экономических условий традиционные модели семейного поведения трансформируются, что находит непосредственное отражение в данных государственной регистрации актов гражданского состояния.

Управление по делам ЗАГС Новосибирской области обладает уникальным массивом данных, позволяющих отслеживать брачное поведение населения. В отличие от выборочных социологических опросов, статистика ЗАГС фиксирует фактические действия граждан, что делает ее надежным индикатором реальных установок молодежи.

Цель исследования — выявить современные тенденции брачного поведения молодежи Новосибирской области на основе ведомственной статистики и определить приоритетные направления совершенствования семейной политики региона.

Методология и источники данных

Эмпирическую базу исследования составили данные статистики Реестра ЗАГС и официального сайта Управления по делам ЗАГС Новосибирской области (далее – Управление ЗАГС НСО).

В анализ включены следующие показатели:

- абсолютное число зарегистрированных браков;

- средний возраст вступления в первый брак (мужчины/женщины);
- доля браков, зарегистрированных через портал Госуслуг;
- соотношение числа браков и разводов;
- сезонная динамика регистраций.

Данные агрегированы по муниципальным образованиям области с выделением г. Новосибирска как центра концентрации молодежного населения.

Анализ статистических данных

1. Динамика брачности в регионе

Анализ данных Управления ЗАГС НСО демонстрирует тенденцию к снижению абсолютного числа заключаемых браков с 2022 года, что обусловлено как демографическими факторами (вступление в брачный возраст малочисленного поколения 1990-х годов, боевые действия и т.д.), так и изменением ценностных ориентаций:

Рисунок 1 – Динамика регистрации браков в Новосибирской области (2020–2024 гг.)
Источник: Статистика Управления ЗАГС НСО [5]

Несмотря на восстановление показателей после пандемийного периода, общий уровень брачности остается ниже значений 2010-х годов (в среднем 25 тыс. браков по НСО). Это свидетельствует о том, что часть молодых пар выбирает модель незарегистрированного сожительства или откладывает регистрацию отношений на неопределенный срок.

2. Возрастная структура молодоженов

Согласно данным Реестра ЗАГС, статистика по Российской Федерации фиксирует значительное «старение» первого брака. Если в 2021 году модальным возрастом для обоих гендеров была группа 31–33 года, то по итогам 2025 года пик сместился в группу 33–35 лет [4].

Средний возраст вступления в брак (2025 г.):

Женщины: 32,6 лет (рост на 5,2% за 5 лет)

Мужчины: 34,7 лет (рост на 4,5% за 5 лет).

Данная тенденция подтверждает гипотезу о приоритете образовательных и карьерных стратегий над ранним созданием семьи. Молодежь всей страны, в частности и в Новосибирской области, стремится достичь экономической самостоятельности и решить жилищный вопрос до официальной регистрации союза.

4. Географическая дифференциация

Наблюдается существенный разрыв между г. Новосибирском и райцентрами области. В областном центре возраст вступления в брак выше, доля повторных браков больше. В районах области сохраняются более традиционные модели с более ранним возрастом брачности.

Это требует дифференцированного подхода семейной политики: для мегаполиса важна инфраструктурная поддержка, для районов — экономическая стабилизация.

Вызовы для семейной политики Новосибирской области

На основе статистического мониторинга выявлены следующие системные вызовы:

- соотношение числа браков и разводов в регионе остается напряженным (на 1000 браков приходится около 600–700 разводов):

Таблица 1

Соотношение числа зарегистрированных браков к расторжению по Новосибирской области за 2020-2024 гг.

Год	Кол-во браков	Кол-во разводов	Соотношение (на 1000 браков)
2020	15979	12235	765,7
2021	19196	13189	687,1
2022	22529	13888	616,4
2023	19661	14125	718,4
2024	19669	13052	663,6

Источник: Статистика Управления ЗАГС НСО [5]

Данные свидетельствуют низкую устойчивость молодых союзов;

- сдвиг возраста брака неизбежно ведет к сдвигу возраста рождения первого ребенка, что сужает репродуктивное окно и ограничивает возможность рождения второго и третьего ребенка;
- статистика не учитывает пары, проживающие в незарегистрированных союзах. Реальное число семейных единиц может быть выше регистрируемых, что искажает планирование социальной инфраструктуры (детские сады, школы и пр.);

Рекомендации по совершенствованию региональной политики

Для ответа на выявленные вызовы предлагается комплекс мер, учитывающих специфику данных ЗАГС:

- использовать базу данных ЗАГС для автоматической рассылки информации о мерах поддержки молодым семьям сразу после регистрации брака (через портал Госуслуг). Многие пары не знают о региональных льготах;
- Учитывая высокий уровень разводов, целесообразно внедрить обязательную или рекомендованную процедуру медиации для пар, подающих на развод, особенно имеющих несовершеннолетних детей;
- внедрить факультативные курсы «Основы семейной жизни» для студентов вузов и колледжей Новосибирской области с возможностью получения сертификата, учитываемого при регистрации брака (как элемент поощрения ответственного подхода);
- учитывая рост возраста вступления в брак, расширить условия льготной ипотеки не только для семей с детьми, но и для молодых специалистов, планирующих создание семьи, чтобы стимулировать раннюю регистрацию отношений.

Заключение

Статистические данные Управления по делам ЗАГС Новосибирской области служат достоверным индикатором трансформации семейных установок молодежи региона. Ключевыми трендами являются откладывание брака, рост возраста молодоженов и высокая цифровая активность.

Государственная семейная политика в Новосибирской области должна эволюционировать от стимулирования количества регистраций к повышению качества и устойчивости семейных союзов. Интеграция данных ЗАГС в систему межведомственного взаимодействия

позволит сделать меры поддержки более адресными и своевременными, что в долгосрочной перспективе способствует улучшению демографической ситуации в регионе.

Список литературы

1. Об актах гражданского состояния [Электронный ресурс]: федер. закон от 15 ноября 1997 года №143-ФЗ // URL: https://docs.cntd.ru/document/9052520?ysclid=ml1x2v1mjo553380502 (дата обращения: 30.03.2026).

2. Вяльшина А. А. Отношение студентов к детям и родительству: гендерные и сельско-городские сопоставления //Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – №. S1. – С. 132-146.

3. Наберушкина Э. К., Бессчетнова О. В., Судоргин О. А. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения //Журнал исследований социальной политики. – 2024. – Т. 22. – №. 4. – С. 697-714.

4. РЕЕСТР ЗАГС. Информационно-аналитический портал [Электронный ресурс] // Заключение брака / URL: https://zags.nalog.gov.ru/analytics/marriage (дата обращения: 30.03.2026).

5. Управление по делам ЗАГС Новосибирской области [Электронный ресурс] // Статистика / URL: https://zags.nso.ru/page/694?ysclid=mlypvliijd119079358 (дата обращения: 30.03.2026).

УДК 338.46

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УСЛУГ ЗАГС КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Рябкова Анастасия Сергеевна,
Магистрант факультета государственного и муниципального управления
ФГБОУ ВО «Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», г. Новосибирск
(630102, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6. E-mail: aryabkova-20@edu.ranepa.ru)

Аннотация. В статье исследуется трансформация деятельности органов записи актов гражданского состояния (ЗАГС) в условиях цифровизации государственного управления. Автор рассматривает внедрение информационных технологий как ключевой фактор повышения доступности мер семейной поддержки. Анализируются механизмы межведомственного электронного взаимодействия, внедрение проактивного режима оказания услуг и создание единого реестра ЗАГС. Выявляются основные барьеры, препятствующие полной реализации потенциала цифровых сервисов, включая проблему цифрового исключения и вопросы защиты персональных данных. Делается вывод о необходимости сбалансированного подхода к цифровизации, обеспечивающего равный доступ всех категорий граждан к институтам семейной политики.

Ключевые слова: органы ЗАГС, цифровизация, семейная политика, доступность услуг, электронное правительство, межведомственное взаимодействие, демографическая безопасность.

DIGITALIZATION OF CIVIL REGISTRY OFFICE SERVICES AS A TOOL FOR INCREASING ACCESSIBILITY OF FAMILY POLICY

Ryabkova Anastasia Sergeevna,
Master's student, Faculty of Public and Municipal Administration, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Siberian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration," Novosibirsk

(630102, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Nizhegorodskaya Street, Bldg. 6. Email: aryabkova-20@edu.ranepa.ru)

Annotation. This article examines the transformation of civil registry offices (ZAGS) in the context of digitalization of public administration. The author examines the introduction of information technology as a key factor in increasing the accessibility of family support measures. The article analyzes mechanisms for interdepartmental electronic interaction, the implementation of a proactive service delivery system, and the creation of a unified registry of civil registry offices. The main barriers preventing the full realization of the potential of digital services are identified, including the problem of digital exclusion and issues of personal data protection. A conclusion is drawn regarding the need for a balanced approach to digitalization, ensuring equal access to family policy institutions for all categories of citizens.

Keywords: civil registry offices, digitalization, family policy, service availability, e-government, interagency cooperation, demographic security.

Введение

Укрепление института семьи и создание условий для достойного воспитания детей являются стратегическими приоритетами государственной политики Российской Федерации. Эффективность реализации демографической стратегии напрямую зависит от качества механизмов доставки мер поддержки до конечного получателя — семьи. Традиционная бюрократическая модель взаимодействия граждан с государством, характеризующаяся сбором справок и личным присутствием, зачастую снижала востребованность льгот и пособий из-за высоких транзакционных издержек.

В этом контексте цифровизация услуг органов ЗАГС приобретает особое значение. Поскольку акты гражданского состояния (рождение, заключение и расторжение брака, смерть, установление отцовства, усыновление (удочерение), перемена имени) являются юридическими фактами, запускающими механизмы социальной защиты, скорость и точность их регистрации становятся критически важными. Целью данной работы является оценка влияния цифровых трансформаций в системе ЗАГС на доступность семейной политики и выявление путей оптимизации данного процесса.

Теоретические аспекты взаимосвязи цифровизации и семейного благополучия

Доступность семейной политики можно рассматривать через призму теории общественного благосостояния. Снижение административных барьеров ведет к росту полезности государственных услуг для населения. Цифровизация в данном случае выступает не просто как техническая модернизация, а как институциональное изменение, меняющее логику взаимодействия «государство — гражданин».

В данном случае можно выделить три уровня доступности, на которые влияет цифровизация:

Таблица 1

Доступность цифровизации в современном мире

Вид доступности	**Преимущество**
Физическая	возможность получить услугу независимо от места проживания (экстерриториальный принцип)
Временная	сокращение сроков оказания услуги и времени ожидания
Информационная	прозрачность процедур и понятность требований для заявителя

Источник: составлено автором

Органы ЗАГС, являясь первичным регистратором жизненных событий семьи, занимают центральное место в архитектуре социального государства. Оцифровка записей актов гражданского состояния создает фундамент для автоматизированного назначения выплат, что соответствует концепции «невидимого государства», где поддержка оказывается без заявлений гражданина.

Механизмы цифровой трансформации услуг ЗАГС

Ключевым элементом цифровизации отрасли стало создание Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния (далее – ЕГР ЗАГС). Федеральная информационная система позволила объединить данные всех регионов России, решила проблему восстановления утраченных документов: гражданину более не требуется направлять запросы в другой субъект Федерации, что ранее могло занимать месяцы.

Вторым важным механизмом является интеграция с Единым порталом государственных услуг (далее – ЕПГУ). Через интерфейс портала реализована подача заявлений на:

- регистрацию заключения и расторжения брака (включая выбор даты и времени);
- регистрацию рождения ребенка;
- регистрацию смерти;
- регистрацию усыновления (удочерения);
- регистрацию установления отцовства;
- получения повторных свидетельств и справок [5].

Третьим, наиболее прогрессивным механизмом, является внедрение проактивного режима. В рамках суперсервиса «Рождение ребенка» сведения из медицинских организаций о факте рождения автоматически передаются в ЗАГС, а затем в Социальный фонд России, что позволяет родителям получить свидетельство о рождении и оформить пособие по материнскому капиталу дистанционно, без посещения ведомств. Данная модель радикально повышает доступность поддержки для молодых семей, снижая нагрузку на родителей в послеродовой период [3].

Влияние на доступность семейной политики

Внедрение цифровых сервисов оказало непосредственное влияние на реализацию семейной политики по нескольким направлениям:

- ускорение назначения выплат;

Сокращение времени регистрации рождения с нескольких дней до нескольких часов (в случае проактивного режима) означает более раннее начало выплат пособий. Для малообеспеченных семей этот временной лаг имеет существенное финансовое значение.

- поддержка мобильности населения;

В условиях высокой внутренней миграции экстерриториальный принцип оказания услуг ЗАГС позволяет семьям получать документы по месту фактического пребывания, а не по месту прописки. Это устраняет дискриминацию мобильных групп населения в доступе к социальным правам.

- снижение коррупционных рисков.

Автоматизация процессов и минимизация личного контакта заявителя с гражданским служащим при подаче документов снижают возможности для злоупотреблений и неформальных платежей.

Проблемы и ограничения цифровизации

Несмотря на позитивную динамику, процесс цифровизации услуг ЗАГС сталкивается с рядом системных проблем, которые могут нивелировать эффект повышения доступности.

- Переход услуг в онлайн-формат создает риски для социально уязвимых групп: пожилых людей, жителей сельских территорий с нестабильным интернетом, людей с ограниченными возможностями здоровья, не владеющих цифровыми навыками. Если офлайн-каналы будут свернуты преждевременно, это может привести к нарушению права [1] на получение государственной услуги;
- Концентрация чувствительных данных о семейном статусе, родственных связях и детях в единых базах данных повышает риски утечек. Компрометация данных ЕГР ЗАГС может стать инструментом для мошенничества;
- Существующее законодательство не всегда поспевает за технологическим развитием. Например, вопросы использования электронной цифровой подписи при регистрации или расторжения брака остаются дискуссионными и требуют тщательной правовой проработки для защиты института семьи от необдуманных решений;

• Качество цифровой инфраструктуры и компетенции сотрудников ЗАГС различаются в зависимости от региона. В отдаленных субъектах Федерации внедрение новых сервисов может происходить с задержкой, создавая неравенство в доступности семейной политики для жителей разных регионов.

Перспективы развития и рекомендации

Для дальнейшего повышения доступности семейной политики через инструменты цифровизации ЗАГС представляется целесообразным:

• Сохранение возможности личного приема наряду с развитием онлайн-сервисов, обеспечение помощи в МФЦ для граждан, не обладающих цифровыми навыками;

• Внедрение автоматического оформления пособий не только при рождении, но и при других жизненных ситуациях (например, при вступлении в брак для молодых семей, при потере кормильца);

• Внедрение современных криптографических методов защиты и регулярный аудит безопасности информационных систем ЗАГС;

• Обеспечение равного качества цифровых услуг во всех регионах страны через централизованное финансирование инфраструктуры.

Заключение

Цифровизация услуг органов ЗАГС является мощным инструментом модернизации семейной политики. Она позволяет перейти от декларирования поддержки к реальному, своевременному и удобному оказанию помощи семьям. Внедрение единого реестра, межведомственное взаимодействие и проактивный режим существенно повышают физическую, временную и информационную доступность государственных услуг.

Однако технологическое развитие не должно становиться самоцелью. Главным критерием эффективности цифровизации остается человек и его семья. Поэтому дальнейшее развитие отрасли должно осуществляться с учетом принципов инклюзивности, гарантируя, что цифровые преимущества будут доступны всем категориям граждан без исключения. Только при соблюдении такого баланса цифровизация станет действенным фактором укрепления демографической безопасности страны.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ (ред. от 29.12.2025) "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" [Электронный ресурс]: Статья 5 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ec44362ff44a1158aa5b56cf5c77285e3c470b4e/?ysclid=mlxa8e4cgx564158811 (дата обращения: 24.03.2026).

2. Бигулова З. А. Влияние цифровой трансформации на экономический рост и конкурентоспособность региона //Лучшие научные исследования 2025 3. – 2025. – С. 62.

3. Консультант Плюс [Электронный ресурс] / Вопросы правоприменения: использование суперсервиса «Рождение ребенка» в рамках предоставления государственных услуг в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния https://consultantkhv.ru/periodika/gazeta-vernoe-reshenie/vypusk-04-15-12-2023/voprosy-pravoprimeneniya-ispolzovanie-superservisa-rozhdenie-rebenka-v-ramkakh-predostavleniya-gosud/?ysclid=mlx9w3wme3211273271 (дата обращения: 24.03.2026).

4. РЕЕСТР ЗАГС. Информационно-аналитический портал [Электронный ресурс] // Заключение брака / URL: https://zags.nalog.gov.ru/analytics/marriage (дата обращения: 24.03.2026).

5. Управление по делам ЗАГС Новосибирской области [Электронный ресурс] / Об оказании услуг по государственной регистрации актов гражданского состояния в электронном виде через Федеральную государственную информационную систему Единый портал государственных и муниципальных услуг // URL: https://zags.nso.ru/news/2819?ysclid=mlxah4npo5707669804 (дата обращения: 24.03.2026).

УДК 314.7:330.8

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Санасарян Анна Артаковна,
студент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал
(454077 Российская федерация, Челябинская область,г.Челябинск, Комарова 41. E-mail: asanasaryan-24@ranepa.ru)

Аннотация. В статье исследуется влияние миграционных процессов на человеческий капитал регионов Северо-Кавказского федерального округа. Анализируются ключевые направления миграционных потоков: внутрирегиональная (село — город), межрегиональная (выезд в центральные регионы России) и международная миграция. Выявлено, что отток квалифицированных кадров и молодёжи усугубляет проблему «утечки умов», тогда как естественный прирост населения не компенсирует качественные потери трудового потенциала. Обоснована необходимость комплексного подхода к управлению миграцией, включающего развитие инфраструктуры, поддержку предпринимательства и создание рабочих мест в приоритетных отраслях экономики СКФО.

Ключевые слова: миграция, человеческий капитал, Северо-Кавказский федеральный округ, трудовой потенциал, отток населения, безработица, молодёжь, образовательная миграция.

MIGRATION FLOWS AND THEIR IMPACT ON HUMAN CAPITAL OF THE NORTH CAUCASUS

Sanasaryan Anna Artakovna,
student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch
(454077 Russian Federation, Chelyabinsk Region,Chelyabinsk, Komarova 41. E-mail: asanasaryan-24@ranepa.ru)

Annotation. The article examines the impact of migration processes on human capital in the regions of the North Caucasian Federal District. The key directions of migration flows are analyzed: intra-regional (rural-urban), interregional (outflow to central regions of Russia) and international migration. It is revealed that the outflow of qualified personnel and youth exacerbates the problem of "brain drain", while natural population growth does not compensate for the qualitative losses of labor potential. The necessity of a comprehensive approach to migration management is substantiated, including infrastructure development, entrepreneurship support and job creation in priority sectors of the NCFD economy.

Keywords: migration, human capital, North Caucasian Federal District, labor potential, population outflow, unemployment, youth, educational migration.

Демографическая ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе выглядит двойственно. Здесь сохраняется высокий естественный прирос, а в структуре населения заметна большая доля молодежи. Округ устойчиво теряет жителей, которые переезжают в другие регионы России. Этот разрыв между воспроизводством и миграцией во многом определяет то, как на Северном Кавказе формируется человеческий капитал, и то, насколько эффективно он используется. В итоге возникает значительные демографический ресурс, но его отдача ограничивается миграционными потерями [1, с. 7].

Согласно Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2030 года, общая численность населения округа продолжает расти. Однако этот рост обеспечивается главным образом естественным воспроизводством, тогда как миграционное сальдо остается отрицательным. В 2020г. Миграционная убыль по СКФО составила 9,1 тыс. человек. Наиболее чув-

ствительные потери понесли Дагестан – 4,5 тыс. человек, Северная Осетия и Алания -3,3 тыс. человек, Чечня -1,2 тыс. человек. Единственным субъектом с положительным миграционным балансом стала Ингушетия: приток составил 2,1 тыс. человек [2].

Статистика последних лет подтверждает устойчивость этих тенденций. По данным Росстата за 2023 год, Ставропольский край принял 70,7 тыс. человек и зафиксировал миграционный прирост в 1,5 тыс. человек, оставаясь единственным регионом округа наряду с Ингушетией, где сальдо имеет положительное значение. В остальных субъектах СКФО наблюдается миграционная убыль, причём Дагестан, будучи регионом-лидером по численности населения, ежегодно теряет порядка 20 тыс. человек в результате миграции [3, с. 12].

Миграционные потоки в СКФО можно разделить на три основных направления. Первое — внутрирегиональная миграция, прежде всего перемещение сельской молодёжи в города, особенно в столицы республик. Так, рост Махачкалы происходит преимущественно за счёт притока сельских мигрантов, причём образовательная миграция является одним из основных каналов. Интеграция сельских мигрантов в городскую и образовательную среду выступает важнейшим условием формирования человеческого капитала, однако этот процесс сопровождается значительными барьерами — от культурной адаптации до ограниченных возможностей вузов влиять на интеграционные процессы [4, с. 1690].

Второе направление — межрегиональная миграция, то есть выезд жителей СКФО в другие регионы России. Основным центром притяжения служат Москва и Московская область, концентрирующие основные финансовые и социальные блага страны. Социологические замеры показывают: основная масса переселенцев с Северного Кавказа направляется прямиком в столичную агломерацию. Столь прагматичный подход объясняется тем, что в данных регионах сосредоточен основной объем инвестиционного потенциала, а уровень жизни и доходов там выше. В то же время попытки искусственно сформировать на периферии новые центры развития пока не дают быстрой отдачи – перенаправить миграционные потоки в эти районы не получается. [5, с. 114].

В первом полугодии 2024 года СКФО оказался единственным российским макрорегионом, где отток превысил приток по обеим составляющим – и по перемещениям потокам [6]. В округ приезжают граждане из стран Закавказья и Центральной Азии. Но характер этих перемещений сезонный, временный. Такие трудовые мигранты не заменяют тех собственных специалистов, которых округ теряет. Структура оттока вызывает наиболее опасения. Отъезд концентрируется среди молодежи от 18 до 40 лет, людей с образованием и амбициями. Их не удерживают ни местные зарплаты, ни качество жизни в регионе. Все это происходит на фоне специфичной демографии СКФО.

В ряде республик округа доля населения моложе трудоспособного возраста доходит до 30% (для сравнения: в среднем по РФ этот показатель составляет лишь 18%). Формируется избыточное предложение рабочей силы. Местная экономика не в состоянии его поглотить, что лишь подстегивает людей к отъезду [7, с. 45].

В итоге регион систематически теряет свой интеллектуальный ресурс — классическая «утечка умов» в действии. Структура миграционных потоков здесь весьма показательна: уезжает преимущественно молодежь. Это и русскоязычное население, и представители титульных этносов. Наиболее тревожная тенденция — отток возрастных групп 18–29 лет и самой продуктивной части трудоспособного населения (30–39 лет). Параллельно идет приток старших возрастов и низкоквалифицированной рабочей силы. Подобный дисбаланс серьезно деформирует возрастно-половую структуру республик и бьет по их научному и кадровому потенциалу [8, с. 72].

Отдельная болевая точка — колоссальная доля неформальной занятости. Порядка половины всех работающих в округе трудятся вне правового поля. Это вдвое выше, чем в среднем по стране. По данным Росстата за 2019 год, структура доходов населения Северо-Кавказского федерального округа выглядят неоднозначно: почти две пятых всех поступлений относились к категории «прочие денежные поступления». В масштабных страны этот показатель существенно ниже. Такая разница указывает на значительную долю неформаль-

ной экономической активности в регионе. Такая занятость СКФО выступает серьезным ограничением роста: из-за нее бюджет недополучает доходы, а экономика лишается ресурсов для развития человеческого капитала. Фактически неформальный сектор создает барьер для долгосрочных инвестиций в образование, квалификацию и профессиональное развитие – то есть в те факторы, которые определяют устойчивое развитие региона[2].

Для того, чтобы сдержать отток человеческого капитала и переломить миграционные тренды на Северном Кавказе, нужно системно развивать ключевые отрасли – туризм, АПК и перерабатывающую промышленность. Именно эти направления, способные дать качественные рабочие места, закреплены как приоритетные в Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2030 года.

Параллельно важно выводить экономику из тени. Развитие малого и среднего предпринимательства должно сочетаться с планомерным сокращением доли неформального сектора базовых отраслях – так удастся сделать рынок прозрачнее и повысить его устойчивость. Не менее значимым направлением остается работа с молодежью. Здесь задача шире, чем просто стоить новые учебные площадки: нужно формировать у молодых людей востребованные навыки с помощью практично-ориентированных форматов – таких как хакатоны или кейс-чемпионаты. Это поможет молодежи увидеть реальные возможности для самореализации для самореализации в своем регионе и укрепит ее связь с родной территорией.[2].

Также необходимо повысить транспортную доступность удалённых сельских территорий, где проживает значительная часть населения округа. Недостаточный уровень развития дорожной сети и транспортного сообщения ощутимо ограничивает возможности людей в поиске работы и снижает качество жизни – а это подпитывает миграционный отток населения. [7, с. 47]. Важным инструментом удержания молодежи должны стать целевые меры социально-экономической поддержки. Имеет смысл сформировать площадки для трудоустройства молодых специалистов – в том числе молодежные биржи труда, а также усилить содействие начинающим предпринимателем из числа молодежи [7, с. 50]. При этом важно не ограничиваться локальными решениями: необходимо встраивать молодежь СКФО в общероссийское социально-экономическое пространство.

Миграционные процессы на Северном Кавказе влияют на человеческий капитал противоречиво. Регион располагает заметным демографическим ресурсом – здесь сохраняется естественный прирост населения, а доля молодых людей остается высокой. Однако одновременно складывается ряд негативных тенденций: из округа уезжают квалифицированные специалисты, остается значительной безработица, а неформальный сектор по-прежнему занимает большую часть занятости. Для того, чтобы грамотно управлять миграцией, важно последовательно укреплять экономику, модернизировать инфраструктуру и повышать доступность качественного образования. При условии сбалансированного развития этих сфер демографические преимущества региона смогут превратиться в устойчивый человеческий капитал – тот самый ресурс, который способен обеспечить долгосрочный рост и усилить конкурентоспособность Северного Кавказа.

Список литературы

1. Мкртчян Н.В. Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики // Журнал исследований социальной политики. — 2019. — Т. 17, № 1. — С. 7–22.

2. Российская Феденция. Правительство. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года : распоряжение от 30 апреля 2022 г. № 1089-р. — Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://docs.cntd.ru/document/350317169 (дата обращения: 10.09.2026).

3. Бероева Ф.Ж., Шериева А.А. Современные демографические и миграционные процессы в Кабардино-Балкарской Республике // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2023. — № 3(113). — С. 110–120.

4. Лободанова Д.Л. Особенности формирования человеческого капитала в городах Северного Кавказа: случай Махачкалы // Креативная экономика. — 2015. — Т. 9, № 12. — С. 1689–

1702.
5. Рязанцев С.В. Миграционные процессы на Северном Кавказе в контексте национальной безопасности (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Демографический и миграционный портрет Кавказа. — Москва : ИЭ РАН, 2021. — С. 108–125.
6. Эксперт РА. Миграции населения в 2024 году: потоки ослабевают : аналитический обзор. — Текст : электронный. — URL: https://raexpert.ru/researches/regions/migration_regions_2024/ (дата обращения: 12.09.2026).
7. Рязанцев С.В. Миграционные процессы и проблемы занятости населения на Северном Кавказе // Успехи современного естествознания. — 2012. — № 3. — С. 45–51.
8. Бероева Ф.Ж., Шериева А.А. Воздействие трудовых миграций на социальную ситуацию и рынок труда регионов СКФО // Вопросы региональной экономики. — 2022. — № 2(55). — С. 70–82.

УДК 331.1

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

Сарышева Элина Рамисовна,
студент 1 курса магистратуры
ГАОУ ВО «Альметьевский государственный технологический университет «Высшая школа нефти»
(г. Альметьевск, Республика Татарстан
E-mail: elinasaryshevaramisovna@gmail.com)
Киселева Ольга Владимировна,
канд. экон. наук, доцент
ГАОУ ВО «Альметьевский государственный технологический университет «Высшая школа нефти»
(г. Альметьевск, Республика Татарстан
E-mail: kiseleva@agni-rt.ru)

Аннотация. В статье рассматривается научно-образовательный кластер как механизм развития человеческого капитала нефтегазового комплекса. Обосновывается необходимость непрерывной подготовки кадров в условиях кадрового дефицита. Раскрываются особенности человеческого капитала нефтегазовой отрасли и этапы его воспроизводства. Определяются сущностные признаки научно-образовательного кластера и перспективные направления его развития в нефтегазовом комплексе.

Ключевые слова: человеческий капитал, научно-образовательный кластер, нефтегазовый комплекс, непрерывное образование, кадровое обеспечение.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL CLUSTER AS A MECHANISM FOR THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL IN THE OIL AND GAS COMPLEX

Sarysheva Elina Ramisovna,
1st-year master’s student
Almetyevsk state technological university "Petroleum higher school"
(Almetyevsk, Republic of Tatarstan
E-mail: elinasaryshevaramisovna@gmail.com)
Kiseleva Olga Vladimirovna,
candidate of economic sciences, associate professor
Almetyevsk state technological university "Petroleum higher school"
(Almetyevsk, Republic of Tatarstan
E-mail: kiseleva@agni-rt.ru)

Annotation. The article examines the scientific and educational cluster as a mechanism for developing human capital in the oil and gas sector. The necessity of continuous personnel training in the context of a personnel shortage is substantiated. The features of human capital in the oil and gas industry and the stages of its reproduction are revealed. The essential characteristics of the scientific and educational cluster and promising directions for its development in the oil and gas sector are identified.

Keywords: human capital, scientific and educational cluster, oil and gas sector, continuous education, personnel provision.

Человеческий капитал является одним из ключевых факторов конкурентоспособности нефтегазового комплекса России. В условиях усложнения добычи углеводородов, освоения трудноизвлекаемых запасов и цифровой трансформации отрасли требования к квалификации специалистов принципиально меняются. Традиционная модель подготовки кадров, при которой вуз и предприятие взаимодействуют эпизодически, например, через практики, разовые программы переподготовки, уже не обеспечивает необходимого качества и непрерывности воспроизводства человеческого капитала. Предприятия вынуждены самостоятельно доучивать выпускников, а вузы – корректировать программы с задержкой.

Актуальность проблемы подтверждается статистикой: безработица в Российской Федерации к концу 2024 года достигла исторического минимума (2,3%), однако совокупная потребность экономики в работниках, по данным Росстата, составила 2,2 млн человек, или 7,6% списочного состава [6, с. 38]. Нефтегазовая отрасль, формирующая порядка трети капитальных вложений и сопоставимую часть бюджетных поступлений, столкнулась с усилением кадрового дисбаланса на фоне событий 2022–2025 годов и выхода с российского рынка ряда ведущих зарубежных сервисных подрядчиков. Сегодня дефицит работников в секторе превышает 200 тыс. человек, а в нефтесервисном направлении незакрытыми остаются около трети рабочих мест [6, с. 38]. Сочетание исторически низкой безработицы с рекордной потребностью в работниках указывает на структурный разрыв между структурой спроса и структурой предложения труда. Это обосновывает необходимость поиска новых форм подготовки кадров, способных не просто реагировать на текущие запросы, а прогнозировать их.

Одним из ответом на эти вызовы является формирование и развитие научно-образовательных кластеров (НОК). Научно-образовательный кластер региона представляет собой сетевое взаимодействие между его учреждениями образования, научно-исследовательскими организациями и предприятиями, их объединениями и информационной средой, государством как норморегулятором или заказчиком [1, с. 224]. В отличие от разовых соглашений о сотрудничестве, кластер предполагает долгосрочное закрепление ролей, совместное планирование и общую ответственность за результат.

Человеческий капитал представляет собой совокупность приобретённых работниками знаний, профессиональных навыков, компетенций и мотивационных установок, которые в конечном счёте определяют рост производительности труда и формирование добавленной стоимости. В условиях нефтегазового комплекса управление человеческим капиталом приобретает особую направленность – оно призвано сократить разрыв между устаревающими компетенциями персонала и запросами современных цифровых производственных систем [2, с. 160]. Ключевой проблемой здесь выступает сопротивление изменениям существующих систем, которое препятствует внедрению новых организационных структур и развитию цифровых навыков у сотрудников [2, с. 160].

Применительно к нефтегазовому комплексу человеческий капитал имеет ряд особенностей, систематизированных в таблице 1.

Из таблицы 1 следует, что ни одна из перечисленных особенностей не может быть эффективно решена силами только вуза или только предприятия. Это подтверждает необходимость интеграционных форм, объединяющих образование, науку и производство.

Воспроизводство человеческого капитала включает четыре последовательных этапа, представленных на рисунке 1.

Таблица 1

Особенности человеческого капитала нефтегазового комплекса

Особенность	Характеристика
Высокая капиталоёмкость подготовки	Обучение инженерным специальностям требует значительных инвестиций в лабораторную базу, оборудование, практики
Длительный цикл воспроизводства	Полный цикл подготовки специалиста составляет от 4 до 8 лет
Необходимость непрерывного обновления знаний	Технологические изменения в отрасли происходят быстрее, чем обновляются образовательные программы
Тесная связь с производством	Квалификация специалиста формируется только в условиях реальной производственной деятельности

Рассмотрев рисунок 1, можно сказать, что воспроизводство человеческого капитала представляет собой непрерывный цикл, в котором задействованы разные институты – от школы до корпоративного университета. При этом каждый этап опирается на предыдущий, например, без качественного школьного и среднего профессионального образования невозможно сформировать полноценного инженера, а без производственной практики – закрепить профессиональные навыки. Разрыв хотя бы одного звена приводит к снижению качества подготовки на выходе. Это означает, что эффективное управление человеческим капиталом возможно только при взаимодействии всех участников, что и обеспечивает научно-образовательный кластер.

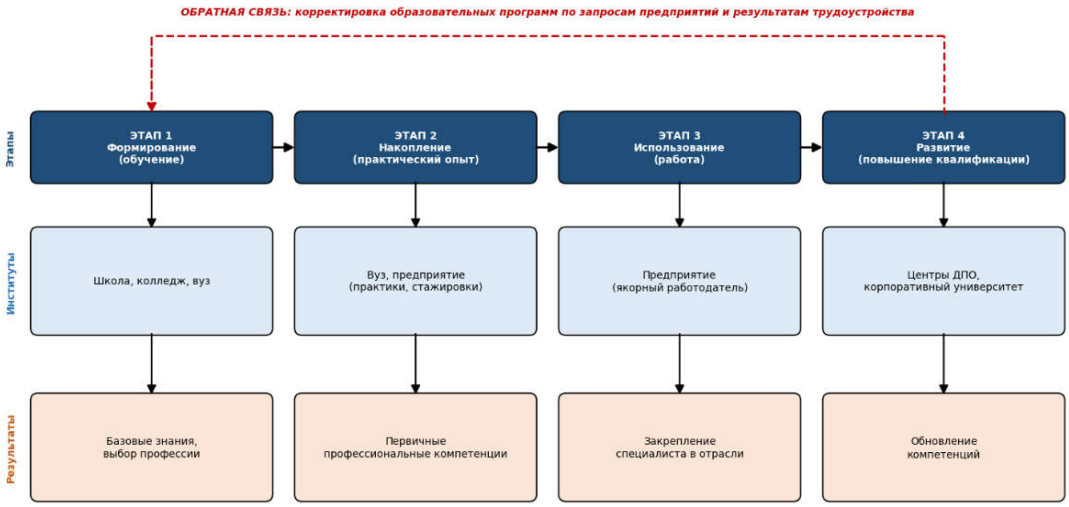

Рисунок 1 – Этапы воспроизводства человеческого капитала в нефтегазовом комплексе

Ключевая особенность НОК применительно к нефтегазовому комплексу состоит в том, что он позволяет соединить два встречных потока. С одной стороны, предприятие передаёт в образовательный процесс свои требования к компетенциям, предоставляет базы практик, оборудование и экспертов. С другой стороны, вуз и научные организации обеспечивают фундаментальную подготовку, исследовательскую базу и возможность подготовки кадров высшей квалификации. Именно на стыке этих потоков формируется специфический человеческий капитал, который невозможно воспроизвести ни внутри предприятия, ни внутри вуза по отдельности.

Развитие научно-образовательного кластера напрямую связано с обеспечением кадровой безопасности региона. Как отмечается в исследовании Е.В. Максютиной, кадровая безопасность региона представляет собой предотвращение угроз экономической безопасности, связанных с человеческими ресурсами региона и его кадровым потенциалом. Цель управления кадровой безопасностью – формирование кадрового потенциала региона как важнейшего интеллектуального и профессионального ресурса его развития [3, с. 30].

Научно-образовательный кластер выполняет системообразующую функцию в разви-

тии территории, на которой он локализован. Как отмечается в исследовании Д.В. Черниковой и др., в современных условиях на первый план выходят такие факторы городского развития и конкурентоспособности территорий, как инвестиции в человеческий капитал и капиталовложения в научные исследования и разработки. На постиндустриальном этапе развития цивилизации на смену городам-заводам приходят города-университеты и наукограды, в которых научно-образовательный комплекс выполняет системообразующую функцию [4, с. 169].

С учётом проанализированных теоретических положений можно определить следующие направления развития НОК в нефтегазовом комплексе:

1. Распространение успешных моделей – перенос апробированных в регионах с развитой нефтегазовой инфраструктурой организационных решений на территории с формирующейся отраслевой базой с учётом местных условий [5, с. 26].
2. Развитие международного партнёрства – совместные программы с зарубежными вузами, сетевое обучение и обмен преподавателями для компенсации отсутствия собственной инфраструктуры мирового уровня.
3. Обеспечение непрерывности подготовки – охват всего цикла, от профильных классов в школе до программ дополнительного профессионального образования.
4. Обновление цифровых компетенций – непрерывное развитие навыков работы с большими данными, понимания цифровых технологий, гибкости мышления и эмоционального интеллекта, включая переподготовку уже работающих специалистов [2, с. 161-162].

Таким образом, можно сделать вывод, что научно-образовательный кластер представляет собой не просто форму сотрудничества вузов и предприятий, а целостный механизм воспроизводства человеческого капитала, охватывающий все этапы и обеспечивающий соединение требований производства с возможностями образования и науки. Дальнейшее развитие таких кластеров в нефтегазовом комплексе будет способствовать не только повышению качества кадрового обеспечения отрасли, но и решению более широких задач социально-экономического развития регионов, закреплению молодёжи, росту занятости и формированию устойчивого человеческого капитала страны.

Список литературы

1. Корняков М.В., Красикова Т.Ю., Паршин А.В., Шевченко А. Н. Как определить эффективность работы научно-образовательного кластера вуза: кейс ИРНИТУ – Институт «Сибирская школа геонаук» // ЭКО. – 2024. – №4 (598). – С. 222-242. – URL: https://www.researchgate.net/publication/382885472_Kak_opredelit_effektivnost_raboty_naucno-obrazovatelnogo_klastera_vuza_kejs_IRNITU_-Institut_Sibirskaa_skola_geonauk

2. Кузнецова Д. А., Воронина Е. В. Управление человеческим капиталом в нефтегазовой отрасли: Адаптация к цифровой экономике // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 11. – С. 160–165. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-chelovecheskim-kapitalom-v-neftegazovoy-otrasli-adaptatsiya-k-tsifrovoy-ekonomike

3. Максютина Е. В. Научно-образовательный потенциал региона в контексте обеспечения его кадровой безопасности // Региональный экономический журнал. – 2023. – № 2 (35). – С. 30–38. – URL: https://regecj.elpub.ru/jour/article/view/21

4. Черникова Д. В., Коренев В. И., Максимова К. А. Феномен университетского города, кейс-анализ Томска // Проект Байкал. – 2025. – Т. 22, № 83. – С. 169–174. – URL: https://www.researchgate.net/publication/390955890_Fenomen_universitetskogo_goroda_kejs-analiz_Tomska

5. Шильченко, Т. Н. Обзор основных моделей кластерной политики государства // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2020. – № 1 (31). – С. 22–27. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-osnovnyh-modeley-klasternoy-politiki-gosudarstva/viewer?ysclid=mueugym7o715720807

6. Шипилин М. А. Кадровый дефицит в нефтегазовом секторе россии как структурный разрыв специфического человеческого капитала: Количественная оценка и типология

стратегий замещения // Прогрессивная экономика. – 2026. – № 7. – С. 36–50. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovyy-defitsit-v-neftegazovom-sektore-rossii-kak-strukturnyy-razryv-spetsificheskogo-chelovecheskogo-kapitala-kolichestvennaya?ysclid=mueuo5uyju670116183

УДК 331.5

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА В ЭПОХУ ИИ И АВТОМАТИЗАЦИИ: ИСЧЕЗАЮЩИЕ И НОВЫЕ ПРОФЕССИИ

Субракова Светлана Спиридоновна,
студент бакалавриата,
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова» (ХГУ),
(655017, Российская Федерация, Республика Хакасия, г. Абакан,
проспект Ленина, д. 90. E-mail: svetasubrakova@mail.ru)
Егорова Лилиана Эгамбергеновна,
старший преподаватель кафедры экономики и бизнеса,
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» (ХГУ).
(655017, Российская Федерация, Республика Хакасия, г Абакан,
просп. Ленина 90. Email: liliana-egorova@mail.ru)

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются ключевые тенденции трансформации российского рынка труда под влиянием искусственного интеллекта и автоматизации. Проанализированы статистические данные, характеризующие текущее состояние занятости и безработицы в России. Выявлены профессии, подверженные риску исчезновения в результате цифровизации, а также новые специальности, формирующиеся на стыке технологий и традиционных отраслей. Обоснована необходимость синхронизации образовательных программ с потребностями экономики и развития систем переподготовки кадров в условиях технологических изменений. Особое внимание уделено анализу платформенной занятости как новой формы трудовых отношений и структурным диспропорциям, сохраняющимся на рынке труда.

Ключевые слова: рынок труда, искусственный интеллект, автоматизация, безработица, цифровая трансформация, переподготовка кадров, профессии будущего, платформенная занятость.

RANSFORMATION OF THE LABOR MARKET IN THE ERA OF AI AND AUTOMATION: DISAPPEARING AND NEW PROFESSIONS

Subrakova Svetlana Spiridonovna,
undergraduate student
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Khakass State University
named after N.F. Katanov” (KhSU),
(655017, Russian Federation, Republic of Khakassia, Abakan, Lenin Avenue,
building 90. E-mail: svetasubrakova@mail.ru)
Egorova Liliana Egambergenovna,
Senior Lecturer
Khakass State University named after N. F. Katanov (KHSU)
(655017, Russian Federation, Republic of Khakassia, Abakan)
Email: liliana-egorova@mail.ru

Annotation. This study examines the key trends in the transformation of the Russian labor market under the influence of artificial intelligence and automation. Statistical data characterizing the current state of employment and unemployment in Russia have been analyzed. Professions at

risk of disappearing as a result of digitalization have been identified, as well as new specialties emerging at the intersection of technology and traditional industries. The need to synchronize educational programs with the needs of the economy and to develop workforce retraining systems in the context of technological changes has been substantiated. Special attention is paid to the analysis of platform employment as a new form of labor relations and to the structural imbalances that persist in the labor market.

Keywords: labor market, artificial intelligence, automation, unemployment, digital transformation, workforce retraining, future professions, platform employment.

Российский рынок труда вступил в фазу ускоренной трансформации, обусловленной как технологическими изменениями, так и демографическими вызовами. По оценкам экспертов, на фоне устойчивой нехватки квалифицированных кадров растут новые форматы занятости, а структура рабочей силы продолжает смещаться. Средний возраст рабочей силы продолжает расти и превышает 42 года, а доля работников 25-44 лет снижается, что усиливает нагрузку на экономику в условиях демографического старения [1]. В данном контексте возрастает значимость исследования воздействия искусственного интеллекта и автоматизации на динамику занятости (исчезновение и появление профессий), а также анализа структурных диспропорций, снижающих эффективность адаптации рынка труда к технологическим сдвигам.

Согласно данным Росстата, уровень безработицы в России в конце 2025 года удерживался около минимальных значений. В IV квартале 2025 года уровень безработицы составил 2,0%, а численность безработных – 9,2 тыс. человек. В целом по стране в сентябре 2025 года 1,6 миллиона человек в возрасте 15 лет и старше классифицировались как безработные, а уровень безработицы составил 2,2%. Численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в сентябре 2025 года составила 74,6 миллиона человек [2]. По данным Высшей школы экономики, общая численность безработных в 2025 году находилась на минимальном уровне, снизившись в среднем на 200 тыс. человек относительно предыдущего года (-12,6%) [3].

Однако за позитивной динамикой ключевых макропоказателей скрываются серьезные структурные проблемы. Каждый пятый безработный имеет высшее образование, а самые высокие показатели безработицы фиксируются среди молодых россиян 15-24 лет, несмотря на постепенное снижение их доли в рабочей силе. Эксперты отмечают разрыв между содержанием образовательных программ и потребностями работодателей, а также низкую вовлеченность граждан в программы переподготовки [1]. В июле 2025 года для поиска работы в среднем требовалось 4,6 месяца, что является минимальным сроком за рассматриваемый период, однако в IV квартале 2025 года наблюдается рост показателя, с наибольшим значением в ноябре – 5,7 месяца [3]. Это может свидетельствовать о нарастании структурного несоответствия между квалификацией соискателей и требованиями работодателей.

Хотя отраслевая структура занятости остается относительно стабильной (лидируют торговля, обрабатывающие производства и образование), сам формат работы меняется куда быстрее. Свыше 3 млн человек трудятся через цифровые платформы, более 13 млн россиян заняты неформально – и это наглядно демонстрирует растущий спрос на гибкую занятость [1]. По оценкам экспертов Высшей школы экономики, в России с использованием цифровых платформ регулярно или эпизодически работают от 2 млн до 5 млн человек, или от 2% до 8% занятых [4]. Платформенная занятость наиболее развита в торговле, транспорте и сфере услуг. При этом, по данным на 2026 год, 20,3% россиян 18-72 лет имели опыт работы через цифровые платформы, а для 2% это основная занятость. Среди молодежи 18-24 лет опыт платформенной работы есть у 30,4%. Отдельные оценки рынка говорят о масштабе постоянного использования платформ для подработки – около 2,8 млн человек, с потенциалом роста до 15 млн. к 2030 г. [5]

Платформенная занятость обладает рядом отличительных характеристик. Исследования показывают, что большинство таких работников трудятся на условиях, сопоставимых с условиями «обычной» занятости. Так, 70-75% платформенных работников осуществляют

деятельность стационарно – на предприятиях либо в собственном или арендованном нежилом помещении. Значительную долю этой категории (около 40%) составляют лица 30-39 лет с высшим образованием; 58% – мужчины, 42% – женщины; 82% – городские жители и лишь 18% – сельские. В то же время платформенная занятость нередко сопряжена с работой не по найму и деформализацией трудовых отношений: если среди занятых на некорпорированных (некрупных и не входящих в более масштабные структуры) предприятиях ее уровень достигает 35%, а у индивидуальных предпринимателей – около 8%, то на корпорированных предприятиях он не превышает 2% [4].

Автоматизация и внедрение искусственного интеллекта оказывают неоднородное влияние на различные сегменты рынка труда. Наиболее уязвимыми оказываются профессии, связанные с рутинными операциями: операторы call-центров, кассиры, частично бухгалтеры и специалисты по обработке данных. В то же время растет спрос на специалистов в области анализа данных, кибербезопасности, разработки и сопровождения ИИ-систем, робототехники. Появляются принципиально новые профессии: инженеры по машинному обучению, специалисты по этике ИИ, архитекторы цифровых экосистем.

Одновременно с этим сохраняется устойчивый дефицит квалифицированных рабочих кадров. По оценке министра труда и социальной защиты РФ Антона Котякова, самой востребованной профессиональной группой являются квалифицированные рабочие – в ближайшие семь лет необходимо будет дополнительно привлечь более 1,7 миллиона таких специалистов. Среди наиболее востребованных специальностей министр назвал медсестер, фельдшеров, акушеров, электромехаников, электромонтеров, автомехаников, наладчиков, механиков, слесарей, операторов станков и промышленных установок. Параллельно растет спрос и на сотрудников с высшим образованием – их доля в будущей потребности составит около 35%. Особенно нужны педагоги и медики, совокупный запрос на которых за семь лет достигает 1,3 млн человек [6].

В рамках национального проекта «Кадры» наибольшим спросом среди программ бесплатного переобучения пользуются направления, связанные с цифровыми компетенциями. Лидерами по числу заявок стали 1С-программисты, специалисты по искусственному интеллекту, аналитики данных и инженеры-тестировщики. Среди рабочих профессий наиболее востребованы швея, сварщик, оператор станков с ЧПУ, электромонтер и водитель погрузчика. Популярностью пользуются и социальные специальности: няня, помощник по уходу, воспитатель и медсестра. В 2026 году переобучение по проекту прошли 64,5 тыс. человек – в 4,5 раза больше, чем годом ранее; почти 50 тыс. из них уже трудоустроены [7].

В условиях перестройки рынка труда особую актуальность приобретает динамика кадрового дефицита. Как показывают опросы предприятий, проведенные Банком России, в конце 2025 года нехватка кадров в стране продолжала уменьшаться, хотя и оставалась третьей по значимости проблемой, сдерживающей деятельность компаний, – после роста издержек и слабого внутреннего спроса. Согласно обзору рынка труда от HeadHunter за январь 2026 года, среднее количество активных вакансий заметно сократилось в период с сентября 2025 года по январь 2026 года: за два года падение составило 35%, а с января 2025 года – 30%. Кроме того, сервис фиксирует устойчивый рост среднего числа активных резюме на протяжении 2024-2025 годов [3]. Это может свидетельствовать о постепенном смягчении ситуации на рынке труда, однако структурные диспропорции по-прежнему сохраняются.

Трансформация занятости под влиянием ИИ диктует необходимость сопряжения образовательных и профессиональных стандартов, актуализации программ СПО и высшей школы, а также развития систем непрерывного образования. Приоритетами становятся поддержка молодежи, развитие высокотехнологичных компетенций и применение проектных инструментов для кадровой политики. Экспертное сообщество сходится во мнении, что данные меры являются основой для формирования устойчивого рынка труда, способного противостоять технологическим шокам и демографическому давлению.

Список литературы

1. Российский рынок труда ускоряет трансформацию на фоне кадрового дефицита // Коммерсантъ. – 2025. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8249407 (дата обращения: 16.09.2026). – Текст : электронный.

2. Занятость и безработица в IV квартале 2025 г. // Росстат. – URL: https://37.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/employment_0326_infograf.pdf#2#1 (дата обращения: 16.09.2026). – Текст : электронный.

3. Потребление и экономическое поведение домашних хозяйств в России, 2025-2027 // НИУ ВШЭ. – URL:https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/1143158299.pdf (дата обращения: 16.09.2026). – Текст : электронный.

4. Платформы пересчитали по головам / Коммерсантъ. – 2025. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8118457#1 (дата обращения: 18.09.2026). – Текст : электронный.

5. Больше половины работающих самозанятых трудятся через платформы / ComNews.ru. – 2026. – URL: https://www.comnews.ru/content/246566/2026-07-27/2026-w31/1008/bolshe-poloviny-rabotayuschikh-samozanyatykh-trudyatsya-cherez-platformy (дата обращения: 18.09.2026). – Текст : электронный.

6. Минтруд назвал самые востребованные специальности через семь лет // ТАСС. – 2025. – URL: https://tass.ru/ekonomika/25801789 (дата обращения: 16.09.2026). – Текст : электронный.

7. Минтруд назвал самые популярные профессии для бесплатного переобучения // Национальные проекты России. – 2025. – URL: https://национальныепроекты.рф/news/mintrud-nazval-samye-populyarnye-professii-dlya-besplatnogo-pereobucheniya/ (дата обращения: 19.09.2026). – Текст : электронный.

УДК 331.101.262:37

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Фоничкин Егор Игоревич,
магистрант 1 курса, направление подготовки 38.04.01 «Экономика»,
профиль «Экономика фирмы и отраслевых рынков»
Казанский национальный исследовательский технический
университет им. А. Н. Туполева - КАИ,
(Казань, Россия, E-mail: efonichkin@yandex.ru)

Аннотация. Исследование раскрывает роль образования в формировании человеческого капитала как одного из ключевых факторов социально-экономического развития современной экономики. Образование анализируется не только как институт передачи знаний, но и как механизм формирования профессиональных компетенций, трудового потенциала, инновационных способностей и социальной мобильности населения. Раскрываются основные направления влияния образования на производительность труда, занятость, конкурентоспособность организаций и устойчивость экономического развития. Особое внимание уделяется изменению требований к человеческому капиталу в условиях цифровой трансформации экономики, автоматизации производства и распространения непрерывного образования. Выделены основные проблемы взаимодействия образовательной системы и рынка труда. Предложены направления совершенствования образовательной политики, ориентированные на развитие практических компетенций, цифровой грамотности, предпринимательского мышления и способности работников к постоянному обновлению знаний.

Ключевые слова: человеческий капитал, образование, социально-экономическое развитие, рынок труда, профессиональные компетенции, цифровизация, производительность труда, инновации, непрерывное образование

THE ROLE OF EDUCATION IN THE FORMATION OF HUMAN CAPITAL IN THE MODERN ECONOMY

Fonichkin Egor Igorevich,
first-year master's student, Economics programme,
Firm and Industry Markets track; Kazan National Research
Technical University named after A. N. Tupolev - KAI,
(Kazan, Russia, E-mail: efonichkin@yandex.ru)

Annotation. The article examines the role of education in the formation of human capital as one of the key factors of socio-economic development in the modern economy. Education is considered not only as an institution for transmitting knowledge, but also as a mechanism for developing professional competencies, labor potential, innovative abilities and social mobility. The main directions of the influence of education on labor productivity, employment, competitiveness of organizations and sustainable economic development are analyzed. Particular attention is paid to changes in the requirements for human capital in the context of digital transformation, production automation and the development of lifelong learning. The main problems of interaction between the educational system and the labor market are identified. Directions for improving educational policy are proposed, focusing on practical competencies, digital literacy, entrepreneurial thinking and the ability of workers to continuously update their knowledge.

Keywords: human capital, education, socio-economic development, labor market, professional competencies, digitalization, labor productivity, innovation, lifelong learning

Введение

Современная экономика развивается в условиях ускорения научно-технического прогресса, цифровой трансформации, изменения структуры занятости и повышения требований к профессиональным компетенциям работников. В таких условиях устойчивость социально-экономических систем определяется не только объемом материальных ресурсов, состоянием производственной инфраструктуры и финансовыми возможностями организаций, но и качеством человеческого капитала [1].

Человеческий капитал представляет собой совокупность знаний, навыков, способностей, здоровья, профессионального опыта и личностных качеств человека, которые используются в процессе экономической деятельности и способны приносить доход как отдельному индивиду, так и обществу в целом. В отличие от материального капитала, человеческий капитал формируется постепенно и требует постоянного развития. Основным механизмом его накопления выступают инвестиции в образование, профессиональную подготовку, повышение квалификации и самообразование.

Особое значение образование приобретает в условиях перехода к экономике знаний. Информация и знания становятся самостоятельным фактором производства, а способность человека быстро осваивать новые технологии и применять их на практике определяет конкурентоспособность предприятий и территорий. Современный работник должен обладать не только специальными знаниями, но и универсальными компетенциями: критическим мышлением, навыками коммуникации, цифровой грамотностью, способностью к самостоятельному принятию решений и постоянному обучению.

Актуальность исследования обусловлена тем, что система образования оказывает непосредственное влияние на качество трудовых ресурсов, уровень производительности труда, инновационную активность и социальную мобильность населения. От эффективности образовательной политики во многом зависит способность экономики адаптироваться к технологическим и структурным изменениям.

Целью статьи является определение роли образования в формировании человеческого капитала современной экономики и выявление основных направлений совершенствования образовательной системы с учетом требований рынка труда [2].

Теоретические основы формирования человеческого капитала

В современной экономике содержание человеческого капитала значительно расширилось. Помимо формального образования и профессиональных навыков, в него включаются цифровые компетенции, предпринимательские способности, коммуникативные качества, творческое мышление и способность к адаптации. Возрастает значение так называемых «мягких навыков», связанных с взаимодействием людей, управлением проектами, разрешением конфликтов и принятием решений в условиях неопределенности.

Таким образом, человеческий капитал является динамичным ресурсом, который может накапливаться, развиваться и обновляться на протяжении всей жизни человека. Образование создает первоначальную основу этого процесса и обеспечивает возможность дальнейшего профессионального роста.

Образование как инвестиционный фактор экономического развития

Влияние образования на экономическое развитие осуществляется через несколько основных механизмов.

Первым механизмом является повышение производительности труда. Работник, обладающий необходимыми знаниями и профессиональными навыками, способен эффективнее использовать оборудование, технологии и информационные ресурсы. Квалифицированные кадры быстрее осваивают новые производственные процессы, допускают меньше ошибок и способны самостоятельно находить способы повышения эффективности труда.

Третьим механизмом является стимулирование инновационной деятельности. Научные исследования, разработка новых технологий и внедрение современных методов управления требуют наличия специалистов, обладающих соответствующими компетенциями. Чем выше образовательный потенциал общества, тем больше возможностей для создания и распространения инноваций.

Четвертым механизмом является повышение конкурентоспособности организаций. Квалифицированные сотрудники способствуют улучшению качества продукции и услуг, оптимизации бизнес-процессов и развитию корпоративной культуры. В результате предприятия получают возможность эффективнее реагировать на изменения внешней среды [3].

Пятым механизмом выступает снижение социально-экономического неравенства. Доступ к качественному образованию позволяет человеку расширить возможности профессиональной реализации независимо от его первоначального социального положения. Образование создает условия для социальной мобильности и способствует формированию более устойчивого общества.

Следовательно, инвестиции в образование имеют одновременно индивидуальную и общественную отдачу. Они способствуют повышению благосостояния населения и формируют предпосылки для долгосрочного экономического роста.

Влияние образования на рынок труда

Современный рынок труда характеризуется высокой динамичностью. Изменяются требования работодателей, появляются новые профессии, отдельные трудовые функции автоматизируются, а традиционные специальности трансформируются под воздействием цифровых технологий.

Особое значение приобретает соответствие содержания образовательных программ реальным потребностям экономики. При отсутствии такой связи возникает структурное несоответствие между квалификацией выпускников и требованиями работодателей. Это может приводить одновременно к дефициту специалистов в отдельных сферах и избытку кадров по профессиям, спрос на которые сокращается [4].

Для решения данной проблемы необходимо усиление взаимодействия между образовательными организациями, предприятиями и государственными институтами. Работодатели должны участвовать в разработке образовательных программ, организации практик и оценке результатов обучения. Образовательные организации, в свою очередь, должны учитывать реальные изменения в отраслевой структуре экономики.

Важным инструментом повышения соответствия образования требованиям рынка труда является практико-ориентированное обучение. К нему относятся производственные

практики, проектная деятельность, стажировки, участие студентов в реальных бизнес-задачах и развитие дуальных образовательных моделей.

Человеческий капитал в условиях цифровой трансформации экономики

Одной из наиболее существенных особенностей современной экономики является цифровизация. Использование информационных систем, искусственного интеллекта, автоматизированных производственных комплексов и цифровых платформ приводит к изменению содержания многих профессий.

Цифровая трансформация не означает полного исчезновения человеческого труда. Напротив, она повышает требования к качеству трудовых ресурсов. Сотрудники должны уметь взаимодействовать с цифровыми системами, анализировать большие объемы информации и принимать решения на основе данных.

Концепция непрерывного образования предполагает сочетание формального, дополнительного и неформального обучения. К формальному образованию относятся программы общего, среднего профессионального и высшего образования. Дополнительное образование включает повышение квалификации, профессиональную переподготовку и специализированные курсы. Неформальное обучение связано с самостоятельным освоением знаний через профессиональные сообщества, цифровые ресурсы и практическую деятельность.

Развитие непрерывного образования позволяет снизить риски структурной безработицы и повысить адаптивность населения к изменениям рынка труда. Для работодателей это создает возможность формировать кадровый резерв и своевременно развивать компетенции сотрудников.

Основные проблемы формирования человеческого капитала

Несмотря на значительную роль образования в экономическом развитии, процесс формирования человеческого капитала сталкивается с рядом проблем.

Одной из них является неравномерная доступность качественного образования. Различия в материально-техническом обеспечении образовательных организаций, цифровой инфраструктуре и возможностях дополнительного обучения могут приводить к дифференциации образовательных результатов.

Другой проблемой является недостаточная практическая направленность отдельных образовательных программ. Теоретическая подготовка необходима для формирования фундаментальных знаний, однако без практического применения она не всегда обеспечивает готовность выпускника к выполнению профессиональных задач.

Четвертой проблемой является ограниченное взаимодействие между образованием, бизнесом и государством. Отсутствие устойчивых механизмов обмена информацией затрудняет своевременное обновление образовательных программ и подготовку кадров для перспективных отраслей.

Пятая проблема связана с необходимостью повышения привлекательности профессий, требующих сложных технических и аналитических компетенций. Экономика нуждается в специалистах, способных работать в промышленности, инженерии, информационных технологиях, управлении и научно-исследовательской сфере.

Решение перечисленных проблем требует системного подхода, поскольку человеческий капитал формируется не только в образовательных организациях, но и в семье, на рабочем месте, в профессиональной среде и в обществе в целом.

Направления совершенствования образовательной политики

Для повышения эффективности образования как фактора формирования человеческого капитала необходимо реализовать комплекс взаимосвязанных мероприятий.

Прежде всего, необходимо обеспечивать качество и доступность образования на всех уровнях. Важное значение имеет развитие современной образовательной инфраструктуры, обеспечение доступа к цифровым ресурсам и создание возможностей для получения дополнительной квалификации.

Вторым направлением является обновление содержания образовательных программ. Они должны учитывать технологические изменения, потребности отраслей экономики и

перспективные направления развития рынка труда. При этом фундаментальная подготовка должна сочетаться с практическими навыками [7].

Третьим направлением выступает развитие партнерства между образовательными организациями и работодателями. Предприятия могут участвовать в разработке учебных программ, предоставлять места для практики, формировать целевые образовательные заказы и организовывать стажировки для студентов и выпускников.

Четвертым направлением является развитие системы непрерывного образования. Необходимо создавать доступные механизмы повышения квалификации и профессиональной переподготовки для различных категорий населения, включая работающих специалистов и лиц, временно не занятых на рынке труда.

Пятым направлением является формирование цифровых и предпринимательских компетенций. Современный специалист должен понимать основы работы цифровой экономики, уметь использовать информационные ресурсы и оценивать экономическую эффективность принимаемых решений.

Шестым направлением может стать развитие индивидуальных образовательных траекторий. Возможность выбирать дисциплины, форматы обучения и направления профессионального развития позволяет учитывать особенности способностей и интересов конкретного человека.

Реализация данных направлений позволит повысить отдачу от инвестиций в образование и создать условия для формирования конкурентоспособного человеческого капитала.

Заключение

Образование играет фундаментальную роль в формировании человеческого капитала современной экономики. Оно обеспечивает накопление знаний, развитие профессиональных навыков, формирование инновационного потенциала и повышение способности населения адаптироваться к изменениям социально-экономической среды.

Влияние образования проявляется через рост производительности труда, расширение возможностей занятости, повышение конкурентоспособности организаций и развитие социальной мобильности. При этом современная экономика предъявляет к системе образования новые требования, связанные с цифровизацией, автоматизацией и ускорением технологических изменений.

Традиционная модель получения профессии один раз на протяжении жизни постепенно уступает место модели непрерывного образования. Человек должен иметь возможность регулярно обновлять профессиональные знания, осваивать новые технологии и развивать универсальные компетенции.

Для повышения эффективности формирования человеческого капитала необходимо обеспечить доступность качественного образования, усилить практическую направленность подготовки, развивать взаимодействие образовательных организаций с работодателями и создавать условия для непрерывного профессионального развития.

Таким образом, образование следует рассматривать не только как социальный институт, но и как стратегический фактор экономического роста. Инвестиции в образование создают долгосрочные условия для повышения производительности труда, развития инноваций, укрепления конкурентоспособности экономики и обеспечения устойчивого социально-экономического развития общества.

Список литературы

1. Беккер, Г. С. Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ, главным образом в отношении образования / Г. С. Беккер. - М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. - 401 с.

2. Всемирный банк. Доклад о мировом развитии 2019: изменение характера труда. - Вашингтон: Всемирный банк, 2019. - 172 с.

3. Гимпельсон, В. Е. Человеческий капитал: состояние и перспективы развития / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников, С. Ю. Рощин. - М.: Издательский дом Высшей школы

экономики, 2020. - 68 с.
4. Доклад о человеческом развитии 2023/2024: выход из тупика. Переосмысление человеческого развития в мире поляризации. - Нью-Йорк: ПРООН, 2024. - 288 с.
5. Schultz, T. W. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research / T. W. Schultz. - New York: Free Press, 1971. - 272 p.

УДК 331.108.43:664.1

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КОНДИТЕРСКОЙ ОТРАСЛИ: КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ И РОЛЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕГО ПРЕОДОЛЕНИИ

Ханевич Ольга Юрьевна,
студент
ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»
(660041, Российская Федерация, Красноярский край,
г. Красноярск, просп. Свободный, 79. E-mail: olya.ermakova.2000@inbox.ru)
Научный руководитель:
Григорьева Наталья Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент
кафедры управления и экономики здравоохранения
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
(660022, Российская Федерация, Красноярский край,
г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1)
ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»
(660041, Российская Федерация, Красноярский край,
г. Красноярск, просп. Свободный, 79. E-mail: gnnat@yandex.ru)

Аннотация. Российская кондитерская отрасль, как и пищевая промышленность в целом, испытывает выраженный дефицит квалифицированных кадров: по данным отраслевых опросов, около трети производителей продуктов питания указывают на нехватку рабочей силы как на один из ключевых сдерживающих факторов развития. В статье рассматривается проблема формирования и удержания человеческого капитала на предприятиях кондитерской промышленности, анализируются причины оттока кадров из отрасли — недостаточная связь среднего профессионального образования с реальным производством, невысокий престиж рабочих специальностей, ограниченные возможности карьерного и профессионального роста. Показано, что наряду с автоматизацией и цифровизацией производственных процессов важнейшим инструментом преодоления кадрового дефицита выступает система дополнительного профессионального образования, позволяющая оперативно готовить и переподготавливать специалистов под конкретные потребности предприятия. Сформулированы практические рекомендации по развитию корпоративных программ обучения и наставничества на предприятиях отрасли.

Ключевые слова: человеческий капитал, кадровый дефицит, кондитерская промышленность, дополнительное профессиональное образование, подготовка кадров, наставничество, автоматизация производства.

HUMAN CAPITAL OF THE CONFECTIONERY INDUSTRY: STAFF SHORTAGE AND THE ROLE OF CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION IN OVERCOMING IT

Khanevich Olga Yurievna,
student

Siberian Federal University
(79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation. E-mail:
olya.ermakova.2000@inbox.ru)
Scientific advisor:
Grigorieva Natalia Nikolaevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Health Care Management and Economics
Krasnoyarsk State Medical University named after Prof. V. F. Voino-Yasenetsky
(1 Partizana Zheleznyaka St., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation.)
Siberian Federal University
(79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation. E-mail: gnnat@yandex.ru)

Annotation. The Russian confectionery industry, like the food industry as a whole, faces a pronounced shortage of qualified personnel: according to industry surveys, about a third of food producers cite labour shortage as one of the key factors constraining development. The article examines the problem of building and retaining human capital at confectionery enterprises and analyses the causes of staff outflow from the industry, including a weak link between secondary vocational education and real production, the low prestige of blue-collar occupations, and limited opportunities for career and professional growth. It is shown that, alongside automation and digitalisation of production processes, the system of continuing professional education is a key tool for overcoming the staff shortage, allowing enterprises to promptly train and retrain specialists for their specific needs. Practical recommendations are formulated for developing corporate training and mentoring programmes at enterprises of the industry.

Keywords. human capital, staff shortage, confectionery industry, continuing professional education, workforce training, mentoring, production automation.

Кадровый дефицит в российской экономике в 2020-е годы приобрёл характер системной проблемы, затрагивающей практически все отрасли реального сектора, и пищевая промышленность не является исключением. По данным опроса производителей продуктов питания, проведённого INFOLine и WorldFood Connect, около 30 % предприятий отрасли испытывают недостаток рабочей силы, а Министерство сельского хозяйства Российской Федерации оценивает дефицит специалистов в агропромышленном комплексе примерно в 200 тыс. человек [4]. Кондитерское производство как сегмент пищевой промышленности сталкивается с той же проблемой в ещё более острой форме, поскольку сочетает в себе требования к ручному мастерству (в первую очередь в сегменте кондитерских цехов и малых предприятий) с требованиями к соблюдению технологической и санитарной дисциплины на крупных производствах.

Исследование, посвящённое эффективности использования человеческих ресурсов в организациях общественного питания, среди причин ослабления рынка труда отрасли называет незначительное число учебных заведений, готовящих специалистов соответствующего профиля, отсутствие современных технологий обучения, слабую материально-техническую базу учебных заведений для практических занятий, а также отсутствие среди преподавательского состава специалистов-практиков с актуальным производственным опытом [2]. Похожая картина характерна и для промышленности в целом: согласно данным опроса руководителей промышленных предприятий, на дефицит квалифицированных кадров указывали 47 % из них, при этом почти две трети недостающих специалистов приходится на позиции, требующие среднего профессионального, а не высшего образования [3]. Иными словами, проблема носит не только количественный, но и качественный характер — работодателям не хватает специалистов с актуальными, практико-ориентированными компетенциями.

Одним из направлений адаптации предприятий к кадровому дефициту становится автоматизация рабочих мест. Показателен опыт сети кондитерских «Пирогомания», внедрившей методологию дескиллинга производственных операций и автоматизировавшей рабочие

места: такой подход позволяет закрывать кадровые бреши, возникающие из-за высокой текучести персонала, и поддерживать стабильное качество продукции за счёт снижения влияния человеческого фактора на критически важных этапах производства [5]. Вместе с тем автоматизация не отменяет потребности в квалифицированных специалистах — технологах, наладчиках оборудования, мастерах цехов, — а лишь смещает требования к их компетенциям в сторону работы со сложным оборудованием и цифровыми системами управления.

В этих условиях ключевым инструментом преодоления кадрового дефицита становится система дополнительного профессионального образования (ДПО). Как показано на примере другой ресурсоёмкой отрасли, ДПО приобретает стратегическое значение именно потому, что позволяет точечно и оперативно готовить специалистов под конкретные производственные задачи, в отличие от уровневых образовательных программ, которые не успевают адаптироваться к темпу технологических изменений; гибкость ДПО делает его эффективным механизмом актуализации знаний без отрыва от производства и инструментом формирования кадрового резерва предприятия [1]. Применительно к кондитерской отрасли это означает, что корпоративные программы обучения, повышения квалификации и профессиональной переподготовки способны компенсировать разрыв между содержанием программ среднего профессионального образования и реальными требованиями современного производства — от работы с новым технологическим оборудованием до соблюдения актуальных стандартов качества и безопасности продукции.

На основе проведённого анализа можно сформулировать несколько практических направлений развития человеческого капитала кондитерской отрасли. Во-первых, целесообразно расширять практику целевого обучения и сетевого взаимодействия предприятий с профильными колледжами и вузами, обеспечивая студентам полноценную производственную практику на современном оборудовании. Во-вторых, важным элементом кадровой стратегии должно стать создание внутрикорпоративных учебных центров и программ наставничества, позволяющих быстро адаптировать новых сотрудников и передавать практический опыт от квалифицированных мастеров. В-третьих, развитие системы дополнительного профессионального образования — курсов повышения квалификации, программ профессиональной переподготовки, в том числе в дистанционном и смешанном форматах, — должно рассматриваться предприятиями не как второстепенная, а как стратегическая инвестиция в устойчивость производства. Наконец, повышению престижа профессии и притоку молодых кадров способствует популяризация профессии через открытые уроки, мастер-классы и образовательный контент, демонстрирующий реальное содержание работы кондитера и перспективы профессионального роста в отрасли.

Таким образом, дефицит квалифицированных кадров в кондитерской промышленности носит комплексный характер и не может быть решён исключительно рыночными механизмами, такими как повышение заработной платы. Устойчивое развитие человеческого капитала отрасли требует согласованных действий образовательных организаций, бизнеса и государства, при этом центральную роль в оперативной подготовке и переподготовке специалистов играет система дополнительного профессионального образования в сочетании с внутрикорпоративным наставничеством и разумной автоматизацией производственных процессов.

Список литературы

1. Петров В. Л. Дополнительное профессиональное образование – фактор развития кадрового потенциала горнодобывающей отрасли // Уголь. 2025. № 11. С. 117–120. DOI: 10.18796/0041-5790-2025-11-117-120.

2. Павлов К. В., Зенькова И. В., Позднякова И. А., Суходолец Е. В., Емельянов А. А. Направления повышения эффективности использования человеческих ресурсов в организациях общественного питания Республики Беларусь // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного

университета. 2024. Т. 4, № 4. С. 530–540. DOI: 10.34130/2070-4992-2024-4-4-530.

3. Шолохов А. А. Кадровый дефицит в промышленности: экономические аспекты проблемы / науч. рук. Н. А. Вакулич // Молодежь и наука : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, 26 марта 2026 г. С. 337.1–337.7. – Текст : электронный. URL: https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/MiS/2026/MiS_II/pages/Articles/337.pdf (дата обращения: 21.09.2026).

4. Пищевая промышленность России продолжает преодолевать трудности: нехватку персонала, локализацию [Электронный ресурс] // Retail.ru : сайт. – Текст : электронный. URL: https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/pishchevaya-promyshlennost-rossii-prodolzhaet-preodolevat-trudnosti-nekhvatku-personala-lokalizatsiyu/ (дата обращения: 21.09.2026).

5. «Пирогомания» внедрила дескиллинг и автоматизировала рабочие места [Электронный ресурс] // РБК Компании : сайт. – Текст : электронный. URL: https://companies.rbc.ru/news/4vdg5H81GG/pirogomaniya-vnedrila-deskilling-i-avtomatizirovala-rabochie-mesta/ (дата обращения: 21.09.2026).

УДК 332.14

ИНДИКАТОРЫ КРЕАТИВНОЙ ЕМКОСТИ ГОРОДА В СИСТЕМЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Чепелева Ирина Алексеевна,
к.э.н., ведущий научный сотрудник, доцент кафедры технологии
и организации производства продуктов питания имени А.Ф. Коршуновой
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»
(283050, Российская Федерация, Донецкая Народная Республика,
г.Донецк, ул. Щорса, 31. E-mail: chepeleva05@yandex.ru)

Аннотация. В работе обосновывается введение категории «креативная емкость города» в состав измеряемых характеристик социально-экономического развития территории. Показано, что традиционная система городских индикаторов фиксирует преимущественно результат творческой деятельности и почти не отражает способность городской среды принимать, удерживать и капитализировать творческие ресурсы, вследствие чего управленческие решения в сфере креативных индустрий принимаются при неполном информационном обеспечении. Предложена пятиблочная система индикаторов, включающая ресурсный, инфраструктурный, институциональный, рыночный и сетевой компоненты, а также процедура их нормирования и агрегирования в интегральный индекс. Сформулированы условия встраивания предложенного индекса в муниципальную статистику и в систему целевых показателей стратегий социально-экономического развития.

Ключевые слова: креативная емкость города, креативные индустрии, индикаторы социально-экономического развития, экономика впечатлений, интегральный индекс, городская среда, муниципальная статистика.

INDICATORS OF A CITY'S CREATIVE CAPACITY IN THE SYSTEM OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT INDICATORS

Chepeleva Irina Alekseevna
Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Associate Professor at the
Department of Technology and Organization of Food Production named after A. F. Korshunova
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donetsk National
University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky"
(283050, Russian Federation, Donetsk People's Republic, Donetsk, Shchorsa Street, 31. E-

mail: chepeleva05@yandex.ru)

Annotation. The paper substantiates the introduction of the category “creative capacity of the city” into the set of measurable characteristics of the socio-economic development of a territory. It is shown that the traditional system of urban indicators primarily captures the results of creative activity and barely reflects the ability of the urban environment to accept, retain, and capitalize on creative resources, as a result of which management decisions in the field of creative industries are made with incomplete information. A five-block system of indicators is proposed, including resource, infrastructure, institutional, market, and network components, as well as a procedure for normalizing and aggregating them into an integral index. The conditions for integrating the proposed index into municipal statistics and into the system of target indicators for socio-economic development strategies have been formulated.

Keywords: creative capacity of the city, creative industries, indicators of socio-economic development, experience economy, integral index, urban environment, municipal statistics.

Креативные индустрии приобретают структурообразующее значение для городской экономики в силу того, что их развитие определяет занятость, налоговые поступления, а также символический капитал территории. Муниципальный инструментарий сохраняет ориентацию на количественные параметры хозяйственной деятельности, поскольку доминирование стоимостных показателей обусловлено индустриальной логикой муниципального учета. Численность организаций, стоимость услуг фиксируются без раскрытия механизмов воспроизводства творческой деятельности, поэтому возникающая методологическая асимметрия затрудняет оценку роли креативного сектора, препятствуя установлению характера его территориальных эффектов. Исследовательскую значимость приобретает разработка подходов, учитывающих условия воспроизводства креативной деятельности наряду с экономическими результатами. Именно указанный разрыв между наблюдаемыми величинами и содержанием измеряемого процесса обусловливает потребность в самостоятельной измерительной конструкции.

Из сформулированного противоречия вытекает цель работы, которая состоит в обосновании системы индикаторов креативной емкости города, а также в определении места этой системы в совокупности показателей социально-экономического развития территории.

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы, посвященные проектированию креативных индустрий на уровне отдельных территорий, а также исследования городской среды, рассматриваемой в качестве ресурса развития. Так, К. А. Антошина и В. В. Филимонов [1], обосновывая выделение гастрономии в самостоятельную креативную индустрию, показывают, что творческий сектор производит одновременно материальный продукт, символические ценности, культурные коды и территориальную идентичность, вследствие чего оценка такого сектора не может опираться исключительно на объемные стоимостные величины. Развивая приведенную логику, следует учитывать, что многосоставный характер результата предполагает и многосоставность измерения.

Дополняя обозначенную позицию, Т. Н. Попова [2], рассматривающая социально-экономическое развитие территории через призму человеческого капитала, обращает внимание на то, что качественные характеристики трудовых ресурсов реализуются лишь при наличии соответствующей институциональной и средовой поддержки, а значит измерительная конструкция должна включать параметры условий, а не только параметры результата. В свою очередь И. А. Чепелева [3] в исследованиях городской экономики связывает результативность локальных проектов с плотностью взаимодействий между участниками, что подводит к необходимости включения в состав индикаторов сетевых параметров. Совокупность приведенных положений позволяет утверждать, что креативная емкость города описывается не одним показателем, а системой взаимосвязанных характеристик, охватывающих ресурсную, средовую и сетевую составляющие, и именно такое понимание принято в настоящей

работе в качестве исходного.

Опираясь на приведенные положения, под креативной емкостью города в настоящей работе понимается ***предельная способность городской социально-экономической системы воспроизводить, привлекать и удерживать творческие ресурсы, преобразуя их в устойчивые продукты, услуги и впечатления при существующих ресурсных, инфраструктурных и институциональных ограничениях***. Поскольку креативная емкость отражает пропускную способность территории, то отличие данной категории заключается в потенциальном характере измеряемого свойства, а предлагаемая трактовка наделяет категорию функцией опережающего индикатора.

Отбор частных индикаторов подчинен семи взаимодополняющим требованиям. Так, конструктная валидность определяется содержанием показателя, когда каждому показателю соответствует единственное измерение латентного феномена. В свою очередь операциональная надежность выражается устойчивостью результатов повторного измерения.

Сопоставимость обеспечивается приведением индикаторов к удельной форме. Такая процедура позволяет исключить влияние различий численности населения городов. Неизбыточность оценивается посредством анализа внутриблочных корреляций, а тесная корреляционная связь указывает на вероятное дублирование измеряемого свойства, что служит основанием для исключения одного показателя. Требование управляемости фиксирует наличие у городских органов власти реальных инструментов воздействия на динамику показателя, что придает системе не только диагностическую, но и регулятивную функцию. Вместе с тем, требование дискриминационной способности означает, что показатель обеспечивает различение городов по уровню развития творческого сектора и не принимает близких значений во всей выборке, а информационная обеспеченность предполагает доступность исходных данных в муниципальной статистике, ведомственной отчетности, открытых реестрах либо в стандартизированных обследованиях, проводимых с заданной периодичностью.

Разработанная система охватывает шесть измерений, включая ресурсное, инфраструктурно-пространственное, институционально-регуляторное, рыночно- экономическое, сетевое и маркетингово-репутационное, при этом последнее измерение введено в силу того, что капитализация творческого потенциала города достигается лишь при условии его результативного позиционирования на внешних рынках и в сознании целевых аудиторий. Состав системы, а также характеристики частных индикаторов представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Система индикаторов креативной емкости города, их аналитические характеристики и управленческая интерпретация*

Измерение	Индикатор	Управленческая интерпретация роста значения
Ресурсное	Доля занятых в креативных видах экономической деятельности в общей численности занятых	расширение кадровой базы творческого сектора
	Численность выпускников творческих и дизайнерских образовательных программ на десять тысяч жителей	усиление воспроизводства профессиональных компетенций
	Коэффициент удержания творческих кадров в городе через три года после завершения обучения	сокращение оттока квалифицированных кадров
Инфраструктурно- пространственное	Площадь помещений креативных пространств и мастерских на тысячу жителей	увеличение материальной базы творческой деятельности
	Доля креативных объектов в границах пешеходной доступности от узлов общественного транспорта	повышение связности творческой инфраструктуры с системой мобильности
	Обеспеченность объектами культуры и досуга, функционирующими в вечерние часы	расширение временной доступности городской среды
Институционально-регуляторное	Полнота муниципальных мер поддержки творческих субъектов	укрепление институциональных рамок поддержки
	Доля креативных проектов, получивших поддержку, в общем числе поданных заявок	повышение результативности конкурсных механизмов

	Средний срок прохождения разрешительных процедур для творческого предпринимательства	увеличение административных издержек входа
Рыночно-экономическое	Объем платных услуг креативного сектора в расчете на одного жителя	рост внутреннего спроса на творческие продукты
	Доля выручки субъектов креативного сектора, полученной от внегородских и экспортных рынков	усиление внешней рыночной ориентации сектора
	Число регистраций объектов интеллектуальной собственности на десять тысяч жителей	повышение уровня формализации творческих результатов
Сетевое	Плотность устойчивых партнерств между творческими субъектами и организациями иных секторов	углубление межсекторной кооперации
	Доля коллективных творческих проектов в общем числе реализованных проектов	усиление кооперативных форм деятельности
	Интенсивность событийной программы креативных пространств	повышение активности использования инфраструктуры
Маркетингово- репутационное	Узнаваемость креативного бренда города в целевых внешних аудиториях	укрепление внешней узнаваемости территории
	Индекс медийного присутствия креативных проектов города в отраслевых и национальных каналах	расширение информационного присутствия сектора
	Доля посетителей креативных пространств, не проживающих в городе	усиление притягательности для внешних аудиторий
	Доля туристского потока, мотивированного участием в креативных событиях	повышение вклада творческого сектора в туристскую активность
	Показатель готовности посетителей к повторному посещению креативных объектов	рост лояльности целевых аудиторий
	Цифровая вовлеченность аудитории креативных пространств	усиление коммуникационной активности сектора
	Согласованность позиционирования города в стратегических документах и коммуникационных материалах	повышение целостности маркетинговой стратегии территории

*предложено автором

Таким образом, предлагаемая система обеспечивает согласование трех уровней измерения, сохраняет прослеживаемость итоговых оценок и допускает встраивание в действующую систему показателей социально экономического развития города без создания параллельных механизмов наблюдения, что определяет его практическую применимость в задачах муниципального стратегического планирования.

Список литературы

1. Антошина, К. А. Концептуальная модель развития креативной индустрии гастрономии в Российской Федерации: потенциал города Донецка / К. А. Антошина, В. В. Филимонов // Региональная и отраслевая экономика. – 2025. – № S3. – С. 59-66. – DOI 10.47576/2949-1916.2025.10.10.008. – EDN ZBOYRG.

2. Попова, Т. Н. Влияние современных вызовов на социально - экономическую эффективность услуг общественного питания в сфере рекреации / Т. Н. Попова // Современные вызовы и их влияние на развитие науки и образования: анализ и практические решения : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Киров, 14 августа 2025 года. – Стерлитамак: ООО "Агентство международных исследований", 2025. – С. 179-181. – EDN INXLKG.

3. Чепелева, И. А. Кадровый потенциал креативных индустрий в Донецкой Народной Республике / И. А. Чепелева // Донецкие чтения - 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 05–07 ноября 2025 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. – С. 281-283. – EDN MLFBLK.

УДК: 314.72

МИГРАЦИЯ МОЛОДЁЖИ И КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ: КАК МАЛЫЕ ГОРОДА ТЕРЯЮТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Чернеева Мария Романовна,
студент экономического факультета,
ФГБОУ ВО Поволжский государственный технический университет,
(Россия, г. Йошкар-Ола, Площадь Ленина, 3, E-mail: cherneevamaria@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается проблема оттока молодёжи из малых городов России и его влияние на кадровый дефицит в регионах. На основе статистических данных Росстата, исследований ВШЭ и Института экономики роста им. П. А. Столыпина, а также материалов Стратегии социально-экономического развития Республики Марий Эл до 2036 года анализируются причины, масштабы и последствия центростремительной миграции молодёжи. Особое внимание уделено Республике Марий Эл как типичному региону, столкнувшемуся с кадровым дефицитом и сокращением населения. Предложены направления решения проблемы.

Ключевые слова: человеческий капитал, молодёжная миграция, малые города, кадровый дефицит, социально-экономическое развитие, Республика Марий Эл.

YOUTH MIGRATION AND A SKILLS SHORTAGE: HOW SMALL TOWNS ARE LOSING HUMAN CAPITAL

Maria Romanovna Cherneeva,
Economics Student, Volga Region State Technical University,
(Russia, Yoshkar-Ola, Lenin Square, 3, Email: cherneevamaria@yandex.ru)

Annotation. This article examines the problem of youth outflow from small Russian towns and its impact on regional labor shortages. Based on statistical data from Rosstat, research by the Higher School of Economics, and the Stolypin Institute for the Economics of Growth, The causes, scale, and consequences of centripetal youth migration are analyzed using materials from the Strategy for Socioeconomic Development of the Republic of Mari El until 2036. Particular attention is paid to the Republic of Mari El as a typical region facing labor shortages and population decline. Potential solutions are proposed.

Key words: human capital, youth migration, small towns, personnel shortage, socio-economic development, Mari El Republic.

Более 70% городов России — малые, с населением до 50 тыс. человек. В них проживает около 16 млн человек, что составляет 14,6% городского населения страны. При этом 70% малых и средних городов испытывают депопуляцию со средним темпом около 3% в год. Отток молодёжи — главная движущая сила этого процесса: 47% всех переселений в рамках внутренней миграции совершают люди в возрасте 15–35 лет, а 75% выпускников школ в малых городах планируют переезд после получения среднего образования.

Проблема носит системный характер: уезжают наиболее активные, образованные и амбициозные молодые люди, что приводит к старению населения, снижению качества человеческого капитала и сужению перспектив развития территорий. В результате возникает замкнутый круг: отъезд молодёжи → сокращение налоговой базы → деградация инфраструктуры и закрытие социальных объектов → новый виток оттока.

Согласно данным Росстата, только в 19 регионах России за 2017–2023 гг. наблюдался положительный миграционный прирост населения в возрасте 16–29 лет. Основные реципиенты — Москва, Санкт-Петербург, Томская, Новосибирская, Воронежская, Ростовская, Московская, Ленинградская области. Максимальная относительная миграционная убыль зафиксирована в регионах с небольшой численностью населения и ограниченным доступом к качественному образованию: Ненецкий АО (−0,73% населения), Чукотский АО (−0,62%), Рес-

публика Хакасия (−0,44%), Республика Коми (−0,41%).

Пик миграционного прироста в столицу приходится на возраст 18 лет — начало обучения. Минимальный — на 20–24 года, что связано скорее с прекращением регистрации в студенческих общежитиях, чем с фактическим возвращением на малую родину. Значительный приток в Москву наблюдается также среди молодых специалистов 25–29 лет. Таким образом, цикл выглядит так: школа в малом городе → вуз в крупном городе → работа там же. Возвратная миграция невелика и чаще связана с наличием конкретного рабочего места или неудачным опытом обустройства в мегаполисе.

Республика Марий Эл — типичный пример региона, теряющего человеческий капитал. Численность населения республики сократилась с 758,4 тыс. человек в 1992 г. до 666,2 тыс. в 2025 г.. Миграционная убыль в последние годы составила около −2 тыс. человек в год (2017–2019 гг.), что на фоне естественной убыли создаёт устойчивую тенденцию сокращения населения.

В Стратегии социально-экономического развития Республики Марий Эл до 2036 года прямо указано: «В условиях невысокой численности и плотности населения Республики Марий Эл продолжающийся отток молодёжи и сокращение численности населения создают наиболее существенную угрозу для благополучия республики». Это признано ключевым вызовом регионального развития.

Исследование Института экономики роста им. П. А. Столыпина, проведённое в 2024 году на основе 16 фокус-групп с молодёжью 18–35 лет в 10 городах России, выявило следующие ключевые факторы центростремительной миграции:

1. Неразвитость культурно-досуговой сферы — «некуда сходить», отсутствие инфраструктуры для молодёжи и детей.
2. Состояние медицины — нехватка специалистов, устаревшее оборудование.
3. Неудовлетворительное благоустройство городской среды — дороги, дворы, общественный транспорт, освещение.
4. Отсутствие перспектив трудоустройства и карьерного роста — безработица, низкие зарплаты, несоответствие доходов и цен.
5. Недоступность качественного образования — отсутствие нужных специальностей в местных вузах и колледжах, стоимость обучения, сопоставимая с крупными городами.
6. Возрастные различия значимы: для группы 18–24 лет ведущими факторами являются неудовлетворительные условия жизни и отсутствие инфраструктуры для учёбы и досуга, тогда для группы 25–35 лет — жилищные проблемы, низкие зарплаты.

Доклад ВЦИОМа (декабрь 2025 г.) дополняет эту картину психологическим фактором: ключевая причина оттока — не только экономическая, но и мировоззренческая — «недостаток смыслов, позволяющих увидеть картину лучшего будущего». Среди 18–24-летних жителей городов-миллионников позитивно смотрят в будущее 53%, а среди их сверстников в малых городах — лишь 33%.

Применительно к Республике Марий Эл эти факторы подкрепляются конкретными цифрами. Среднемесячная номинальная заработная плата в республике в январе–августе 2024 г. составила 57 031,7 руб., что на 23% выше предыдущего года, но остаётся заметно ниже средних показателей по ПФО. Расчётная средняя зарплата за 2024 г. — около 89 тыс. руб.; по этому показателю Марий Эл занимает 72-е место среди 90 регионов России. В сфере образования средняя зарплата составляет всего 39 153 руб., в административной деятельности — 35 027 руб.. При этом Марий Эл занимает 54-ю строчку в рейтинге регионов по ситуации на рынке труда.

Отток молодёжи и общее сокращение населения создают острый кадровый дефицит, который в последние годы стал одной из главных проблем российской экономики. По данным ВШЭ, потребность экономики РФ в работниках во II квартале 2024 г. выросла на 10% и достигла 2,7 млн человек — исторического максимума. Уровень безработицы опустился до 2,4%, а примерно 70% российских компаний испытывают недостаток квалифицированных кадров.

В малых городах ситуация особенно острая. По данным муниципалитетов, недокомплект врачебных кадров составляет 27–46%, учителей — 7–10%. При этом от 30 до 40% выпускников колледжей уезжают из региона, где они обучались: «регион-донор готовит кадры не для себя, а для регионов-реципиентов».

Республика Марий Эл — не исключение. На конец сентября 2024 г. заявленная потребность в работниках на предприятиях республики составляла 9160 человек, при этом в органах службы занятости числились лишь 1,3 тыс. неработающих. На каждого безработного приходилось 7 вакансий — больше, чем в среднем по стране (5). Дефицит врачебных кадров в 2026 г. составил 209 человек. На начало 2024/2025 учебного года в школы республики пришли 114 молодых специалистов, но 60 вакансий учителей оставались открытыми.

Кадровый дефицит в регионе имеет структурный характер: он наиболее ощутим в бюджетной сфере (медицина, образование) и в производстве. В то же время по данным Банка России на май 2026 г., в Волго-Вятском макрорегионе, включающем Марий Эл, напряжённость на рынке труда снизилась до минимальных значений за три года — предприятия стали реже сообщать о нехватке сотрудников, однако это связано не с решением проблемы, а с адаптацией через перевод части работников на неполный рабочий день.

На федеральном уровне действуют программы «Земский учитель» (1 млн рублей переезжающим в малые города и сёла педагогам), «Земский доктор», национальные проекты «Демография» и «Продолжительная и активная жизнь». Стратегия социально-экономического развития РФ до 2036 года предусматривает комплексный подход к кадровым проблемам: повышение производительности труда, возврат кадров из неформальной и вахтовой занятости, повышение квалификации персонала, изменение трендов миграции.

В Республике Марий Эл реализуется ряд мер по удержанию кадров:

Программа «Медицинские кадры» — единовременная выплата 3 млн рублей врачам дефицитных специальностей на улучшение жилищных условий. За первые два года (2024–2025) 14 врачей улучшили жилищные условия; в 2026 г. ещё 7 врачей получили выплаты.

Программа «Земский учитель» — 76 учителей воспользовались выплатой 1 млн рублей за четыре года; на 2025–2027 гг. выделено ещё 57 квот.

Целевое обучение педагогов — 25 абитуриентов-целевиков поступили в МарГУ в 2024 г. (19 в 2023 г., 24 в 2022 г.).

Поддержка молодых специалистов — надбавки до 50% к ставке в течение трёх лет, единовременные выплаты 300 тыс. рублей для сельских и 100 тыс. рублей для городских педагогов.

Долгосрочная программа содействия занятости молодёжи до 2030 г. — профессиональная ориентация, студенческие трудовые отряды, рабочие места для подростков.

Региональные проекты развития городской среды и инфраструктуры — Стратегия до 2036 г. предусматривает формирование жилых и общественных пространств, «ориентированных на высокие стандарты, ранее характерные только для столичных городов».

Миграция молодёжи из малых городов — не просто демографический процесс, а системная угроза человеческому капиталу и социально-экономическому развитию регионов. Республика Марий Эл, как и многие другие субъекты РФ, столкнулась с ситуацией, когда точечные финансовые стимулы не перекрывают совокупный эффект ограниченных возможностей, низкого качества среды и отсутствия «картины будущего».

Решение проблемы требует комплексного подхода, объединяющего экономическое развитие (высокопроизводительные отрасли, рост зарплат), инфраструктурные инвестиции (городская среда, цифровизация), образовательную политику (профориентация, целевое обучение) и работу с ценностными установками молодёжи. Стратегия социально-экономического развития Республики Марий Эл до 2036 года ставит эти задачи.

Список литературы

1. Леденёва М. В., Шамрай-Курбатова Л. В. и др. Проблема оттока молодёжи из регионов России в крупнейшие центры притяжения и пути её решения // Креативная экономика. 2023.

Т. 17. № 10.
2. ВЦИОМ. Доклад о развитии малых городов России. М., 2025.
3. Стратегия социально-экономического развития Республики Марий Эл на период до 2036 года. Утв. постановлением Правительства Республики Марий Эл от 30 марта 2026 г. № 83.
4. Росстат. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году. Статистический бюллетень. М., 2024.
5. Доклад Комитета молодёжной политики Республики Марий Эл о реализации молодёжной политики в 2025 г.

УДК 331.5

МОЛОДЁЖНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И «УТЕЧКА МОЗГОВ»: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ И МЕХАНИЗМЫ УДЕРЖАНИЯ ТАЛАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)

Чернушич Екатерина Игоревна,
студент бакалавриата
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»
(655017, Российская Федерация, Республика Хакасия, г. Абакан.
E-mail: chernushich.ekaterina@mail.ru)
Егорова Лилиана Эгамбергеновна,
старший преподаватель кафедры экономики и бизнеса
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»
(655017, Российская Федерация, Республика Хакасия, г. Абакан.
Email: liliana-egorova@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается проблема оттока молодёжного человеческого капитала из Республики Хакасия как один из ключевых факторов, сдерживающих социально-экономическое развитие региона. Проанализированы масштабы и направления миграции молодёжи, выявлены основные причины «утечки мозгов» и оценены экономические потери, связанные с потерей квалифицированных кадров. На основе статистических данных и региональных исследований предложены практические механизмы удержания талантов, направленные на повышение привлекательности регионального рынка труда, развитие инфраструктуры, поддержку молодых специалистов и создание условий для профессиональной самореализации. Сделан вывод о необходимости комплексной политики сохранения человеческого капитала как основы устойчивого развития Республики Хакасия.

Ключевые слова: человеческий капитал, молодёжь, утечка мозгов, миграция, Республика Хакасия, экономические потери, удержание талантов, региональное развитие.

YOUTH HUMAN CAPITAL AND “BRAIN DRAIN”: ECONOMIC LOSSES AND MECHANISMS FOR RETAINING TALENT (THE CASE OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA)

Chernushich Ekaterina Igorevna,
undergraduate student
FSBEI HE «Khakass State University named after N.F. Katanov»
(655017, Russian Federation, Republic of Khakassia, Abakan.
E-mail: chernushich.ekaterina@mail.ru)
Egorova Liliana Egambergenovna,
Senior Lecturer
FSBEI HE «Khakass State University named after N.F. Katanov»
(655017, Russian Federation, Republic of Khakassia, Abakan.
Email: liliana-egorova@mail.ru)

Annotation. The article examines the problem of the outflow of youth human capital from the Republic of Khakassia as one of the key factors constraining the socio-economic development of the region. The scale and directions of youth migration are analyzed, the main causes of “brain drain” are identified, and the economic losses associated with the loss of qualified personnel are assessed. Based on statistical data and regional studies, practical mechanisms for retaining talent are proposed, aimed at increasing the attractiveness of the regional labor market, developing infrastructure, supporting young specialists, and creating conditions for professional self-realization. It is concluded that a comprehensive policy for preserving human capital is necessary as the basis for the sustainable development of the Republic of Khakassia.

Keywords: human capital, youth, brain drain, migration, Republic of Khakassia, economic losses, talent retention, regional development.

В современных условиях человеческий капитал выступает одним из главных факторов конкурентоспособности регионов. Особенно остро стоит вопрос сохранения молодёжного человеческого капитала, поскольку именно молодёжь формирует будущий трудовой потенциал территории. Для Республики Хакасия, как и для ряда других субъектов Сибирского федерального округа, характерна устойчивая тенденция миграционного оттока населения трудоспособного возраста, прежде всего молодёжи. Это явление, известное как «утечка мозгов», приводит не только к демографическим, но и к серьёзным экономическим потерям.

Цель настоящей статьи – проанализировать масштабы и последствия оттока молодёжного человеческого капитала из Республики Хакасия, а также предложить практические механизмы его удержания.

Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных учёных, посвящённые теории человеческого капитала (Т. Шульц, Г. Беккер) и проблемам миграции квалифицированных кадров. Эмпирическая база включает данные Росстата, региональной статистики, а также материалы социологических исследований, проведённых в республиках Южной Сибири.

Согласно данным Росстата, в последние годы Республика Хакасия демонстрирует отрицательное сальдо межрегиональной миграции. В 2022 году миграционная убыль составила 675 человек, в 2023 году – 132 человека, а в январе–мае 2024 года уже 280 человек. Коэффициент миграционного прироста в 2023 году составил – 13 на 10 000 населения. Основными направлениями выезда являются Красноярский край, Московская область, г. Санкт-Петербург и другие более развитые регионы.

Особую тревогу вызывает структура выбывающих. Значительную долю составляют лица трудоспособного возраста со средним профессиональным и высшим образованием. Регион фактически выполняет функцию «образовательной трубы»: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова и другие учебные заведения готовят специалистов, которые после получения диплома уезжают в Красноярск, Кузбасс и другие субъекты в поисках более высоких заработных плат и карьерных перспектив.

Эксперты отмечают несколько ключевых причин оттока. Во-первых, квалификационный разрыв: на региональном рынке труда сохраняется дефицит высокооплачиваемых рабочих мест, соответствующих уровню подготовки выпускников. Во-вторых, территориальный фактор – значительная часть занятых работает за пределами своего населённого пункта, фактически вывозя налоги и компетенции в соседние регионы. В-третьих, демографический: ежегодная убыль населения достигает 2-2,5 тыс. человек, а молодые кадры, которые должны замещать выбывающих, малочисленны.

Экономические потери от «утечки мозгов» многогранны. Государство и регион инвестируют значительные средства в образование и подготовку специалистов, однако отдача от этих инвестиций реализуется за пределами Хакасии. Потеря одного квалифицированного специалиста означает недополучение налоговых поступлений, снижение производительности труда, ослабление инновационного потенциала. Кроме того, отток молодёжи ускоряет старение населения и усиливает нагрузку на социальную инфраструктуру. Проблема особен-

но остро проявляется в научной сфере: регион теряет молодых учёных из-за отсутствия достойной заработной платы, жилья и современной научной базы.

Для снижения масштабов оттока необходим переход от политики простого удержания к политике востребованности человеческого капитала. На основе анализа регионального опыта и лучших практик других субъектов Российской Федерации предлагаются следующие практические механизмы:

1. Создание высокооплачиваемых и перспективных рабочих мест. Необходимо стимулировать развитие отраслей с высокой добавленной стоимостью, в которых молодые специалисты смогут реализовать свой потенциал. Приоритетными направлениями для Хакасии являются: IT и цифровые технологии (создание IT-парка или коворкингов в Абакане), туризм и креативные индустрии (с учётом природного и культурного потенциала республики), глубокая переработка природных ресурсов, «зелёная» экономика и возобновляемая энергетика. Рекомендуется введение региональных налоговых льгот для предприятий, создающих рабочие места для молодых специалистов с заработной платой не ниже 1,5-2 средних по региону.

2. Жилищные программы для молодых специалистов. Одним из наиболее эффективных инструментов удержания является обеспечение жильём. Предлагается разработать и реализовать региональную программу «Жильё молодому специалисту», включающую: льготные ипотечные кредиты с субсидированием процентной ставки за счёт республиканского бюджета; предоставление служебного жилья с возможностью последующего выкупа; субсидии на аренду жилья в течение первых 3-5 лет работы в регионе. Опыт других субъектов показывает, что наличие жилья снижает вероятность отъезда на 30-40 %.

3. Усиление связи системы образования с потребностями рынка труда. Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова должен стать ключевым партнёром региональной власти в кадровой политике. Необходимо расширить целевой набор по востребованным специальностям, развивать дуальное образование совместно с крупными предприятиями (угледобыча, энергетика, транспорт), внедрять обязательные стажировки и практику на предприятиях республики с последующим трудоустройством. Рекомендуется создать региональный совет по кадровой политике с участием вузов, работодателей и органов власти.

4. Поддержка молодых учёных и инноваторов. Для предотвращения оттока научных кадров необходимо: увеличить финансирование грантов для молодых учёных (до 35-40 лет); создать современные научные лаборатории и центры коллективного пользования; ввести надбавки к заработной плате научных сотрудников; обеспечить жильём аспирантов и молодых кандидатов наук. Целесообразно сформировать республиканский фонд поддержки молодых исследователей с ежегодным финансированием.

5. Развитие предпринимательства и стартап-экосистемы. Молодёжь всё чаще выбирает самозанятость и предпринимательство. Необходимо создать в Абакане молодёжный бизнес-инкубатор и акселератор, предоставить налоговые каникулы для молодых предпринимателей (до 30-35 лет), организовать программы микрогрантов на открытие собственного дела (от 300 тыс. до 1 млн руб.). Особое внимание следует уделить проектам в сфере туризма, IT, агробизнеса и креативных индустрий.

6. Развитие городской и социальной инфраструктуры. Качественные условия жизни являются важным фактором выбора места жительства. Приоритетными направлениями должны стать: модернизация объектов культуры, спорта и досуга; развитие общественного транспорта; улучшение качества медицинских услуг; создание комфортной городской среды в Абакане и районных центрах. Реализация проектов благоустройства и создание современных общественных пространств повышают привлекательность региона для молодёжи.

7. Формирование позитивного имиджа региона и информационная политика. Необходимо проводить системную работу по изменению миграционных установок выпускников школ и вузов. Рекомендуется: организовать регулярные карьерные форумы и дни открытых дверей предприятий; создавать медиаконтент, демонстрирующий успешные кейсы молодых специалистов, оставшихся в Хакасии; включать в школьные и вузовские программы модули, посвящённые возможностям профессиональной реализации в республике.

Для оценки эффективности предлагаемых мер целесообразно использовать систему индикаторов: доля выпускников вузов и ссузов, трудоустроившихся в Республике Хакасия; сальдо миграции населения в возрасте 18-35 лет; количество созданных высокопроизводительных рабочих мест для молодых специалистов; объём привлечённых инвестиций в проекты, реализуемые молодёжью.

Таким образом, «утечка мозгов» молодёжи представляет собой серьёзный вызов для Республики Хакасия. Сохранение и развитие молодёжного человеческого капитала должно стать одним из приоритетов региональной политики. Только при создании условий, в которых талантливая молодёжь будет видеть перспективы на родине – достойную заработную плату, жильё, карьерный рост и комфортную среду обитания – регион сможет обеспечить устойчивый экономический рост и повысить качество жизни населения. Реализация предложенных механизмов требует координации усилий органов власти, образовательных организаций, бизнеса и гражданского общества.

Список литературы

1. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. – Москва : ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с. – Текст : непосредственный.

2. Миграционные процессы в Республике Хакасия / КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnye-protsessy-v-respublike-hakasiya (дата обращения: 28.09.2026). – Текст : электронный.

3. Анализ миграционной привлекательности республик Алтай, Тыва и Хакасия // ResearchGate. – 2025. – Текст : электронный.

4. Тенишев А. Человеческий капитал Хакасии: от политики удержания к политике востребованности // Агентство деловой информации. – 2025. – Текст : электронный.

5. Хакасия теряет молодых учёных // МК Хакасия. – 28.05.2025. – Текст : электронный.

6. Росстат. Официальная статистика по миграции населения субъектов Российской Федерации. – URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 28.09.2026). – Текст : электронный.

7. Когда родные просторы пустеют: Хакасия ищет пути сохранения молодёжи // Пульс Хакасии. – 09.08.2025. – Текст : электронный.

8. Оценка состояния рынка труда в Республике Хакасия // КиберЛенинка. – Текст : электронный.

9. Шульц Т. Инвестиции в человеческий капитал // Американский экономический обзор. – 1961. – Т. 51, № 1. – С. 1–17. – Текст : непосредственный.

10. Миграционная политика в этнонациональных регионах Сибири: вызовы и перспективы // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2025. – Т. 5, № 4. – С. 70–96. – Текст : электронный.

УДК 331.5

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Шаджыкова Махриджемал,
преподаватель, Кафедра организации и управления сельским хозяйством,
Туркменский сельскохозяйственный институт
(Туркменистан, г. Дашогуз. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)
Рашидов Ровшан,
Шатлыкова Айшат,
студенты 2-го курса направления подготовки «Цифровое управление».
Туркменский сельскохозяйственный институт
(Туркменистан, г. Дашогуз. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь социально-экономического развития и человеческого капитала как одного из ключевых факторов долгосрочного экономического роста. Рассматривается роль образования, здравоохранения, профессиональных навыков, занятости, доходов и качества жизни населения в формировании человеческого капитала. Анализируются современные изменения на рынке труда, связанные с цифровизацией, автоматизацией и распространением искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется необходимости постоянного развития профессиональных компетенций и обучения на протяжении всей жизни. Исследуются современные подходы к оценке человеческого капитала, включая расширенный индекс человеческого капитала HCI+, учитывающий здоровье, образование и участие человека в трудовой деятельности. Определяются основные проблемы и направления развития человеческого капитала в условиях структурной трансформации экономики.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, образование, здравоохранение, занятость, рынок труда, профессиональные навыки, производительность труда, качество жизни.

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AND HUMAN CAPITAL: CURRENT TRENDS AND FACTORS OF SUSTAINABLE ECONOMIC GROWTH

Shajykova Mahrijemal,
Lecturer, Department of Organization and Management of Agriculture, Turkmen Agricultural Institute, (Turkmenistan, Dashoguz.
E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)
Rashidov Rovshan,
Shatlykova Ayshat,
2nd-year students of the «Digital Management» program, Turkmen Agricultural Institute, (Turkmenistan, Dashoguz. E-mail: gozelabdullayewa8@gmail.com)

Annotation. The article examines the relationship between socio-economic development and human capital as one of the key factors of long-term economic growth. It considers the role of education, healthcare, professional skills, employment, income, and quality of life in the formation of human capital. The study analyzes current changes in the labor market associated with digitalization, automation, and the spread of artificial intelligence. Particular attention is paid to the need for continuous development of professional competencies and lifelong learning. Modern approaches to assessing human capital are examined, including the expanded Human Capital Index (HCI+), which takes into account health, education, and participation in the labor force. The main challenges and development directions of human capital under conditions of structural transformation of the economy are identified.

Keywords: socio-economic development, education, healthcare, employment, labor market, professional skills, labor productivity, quality of life.

Современное социально-экономическое развитие государств определяется не только объемом материальных ресурсов, уровнем производства и инвестиционной активностью, но и качеством человеческого капитала. Знания, образование, профессиональные навыки, состояние здоровья и способность населения адаптироваться к изменениям становятся важнейшими ресурсами современной экономики. Всемирный банк рассматривает человеческий капитал как совокупность знаний, навыков и здоровья, которые люди накапливают в течение жизни и используют для реализации своего производительного потенциала. В условиях ускоренной технологической трансформации значение человеческого капитала возрастает. Цифровизация экономики, автоматизация производственных процессов и развитие искусственного интеллекта приводят к изменению структуры занятости и повышению требований к квалификации работников. Поэтому конкурентоспособность национальных экономик все больше зависит от способности образовательной системы, рынка труда и социальных инсти-

тутов обеспечивать постоянное развитие человеческих возможностей. Особое значение имеет взаимосвязь человеческого капитала и экономического роста. Образованное и профессионально подготовленное население способствует повышению производительности труда, развитию инноваций и более эффективному использованию материальных и финансовых ресурсов. Одновременно экономический рост создает дополнительные возможности для инвестирования в образование, здравоохранение и социальную инфраструктуру. Таким образом, формируется взаимозависимый процесс, при котором социальное и экономическое развитие взаимно усиливают друг друга.

Современные подходы к измерению человеческого капитала также становятся более комплексными. В 2026 г. Всемирный банк представил расширенный Индекс человеческого капитала Plus (HCI+), который учитывает не только здоровье и образование, но также обучение на рабочем месте и экономическое участие. Индекс предназначен для оценки того, насколько эффективно страна формирует человеческий капитал и создает условия для будущей производительности населения [1, с. 392].

Материалы и методы исследования. Информационной основой исследования являются аналитические и статистические материалы Всемирного банка, Международной организации труда и других международных организаций. Особое значение имеют данные Human Capital Data Portal Всемирного банка, содержащие показатели образования, здоровья, занятости и социальной защиты.

Современная оценка человеческого капитала выходит за пределы традиционных показателей продолжительности обучения. Всемирный банк в рамках HCI+ учитывает три основные составляющие: здоровье, образование и обучение на рабочем месте, связывая их с будущей производительностью работников.

При этом состояние рынка труда является важнейшим элементом социально-экономического развития. По данным Международной организации труда, глобальная безработица в 2026 г. прогнозируется на уровне 4,9%, однако стабильность показателя безработицы не означает отсутствия проблем с качеством занятости. МОТ указывает на сохраняющиеся дефициты достойного труда, неравенство и недостаточную производительность в ряде стран [2, с. 152].

Таблица 1

Основные показатели человеческого капитала и социально-экономического развития

№	Показатель	Значение для социально-экономического развития	Основной эффект
1.	Уровень образования	Определяет знания и профессиональную подготовку населения	Рост производительности
2.	Качество здравоохранения	Влияет на физическую и трудовую активность населения	Снижение экономических потерь
3.	Профессиональные навыки	Определяют соответствие работников требованиям рынка труда	Повышение занятости
4.	Обучение на рабочем месте	Обеспечивает обновление знаний и компетенций	Адаптация к технологиям
5.	Уровень занятости	Характеризует участие населения в экономической деятельности	Рост доходов
6.	Производительность труда	Отражает эффективность использования человеческого капитала	Экономический рост
7.	Доходы населения	Определяют уровень материального благосостояния	Повышение качества жизни
8.	Цифровые навыки	Обеспечивают адаптацию к цифровой экономике	Инновационное развитие

Влияние человеческого капитала на социально-экономическое развитие. Человеческий капитал оказывает многостороннее влияние на экономику. Прежде всего, повышение уровня образования способствует формированию квалифицированной рабочей силы. Работники с более высоким уровнем знаний способны эффективнее использовать современные технологии, осваивать новые профессии и адаптироваться к изменениям производственной среды.

Здоровье населения также является важным экономическим ресурсом. Хорошее состояние здоровья увеличивает продолжительность трудовой активности и снижает потери рабочего времени. Поэтому расходы на здравоохранение следует рассматривать не только как социальные расходы, но и как долгосрочные инвестиции в производственный потенциал общества [3].

Еще одним направлением воздействия человеческого капитала является инновационное развитие. Научные исследования, технологические разработки и внедрение новых технологий требуют квалифицированных специалистов. Следовательно, страны, располагающие развитой системой образования и профессиональной подготовки, получают дополнительные возможности для повышения производительности и технологической конкурентоспособности. Современные тенденции развития человеческого капитала. Одной из главных тенденций является переход от модели однократного получения образования к концепции непрерывного обучения. Быстрое изменение технологий означает, что профессиональные знания, полученные в начале трудовой деятельности, могут постепенно устаревать. Поэтому повышение квалификации и переобучение становятся постоянными элементами профессиональной жизни.

Вторая тенденция связана с цифровизацией. Работникам требуются цифровая грамотность, аналитическое мышление, способность работать с информацией и использовать современные технологические инструменты.

Третья тенденция заключается в росте значения обучения непосредственно на рабочем месте. Новый HCI+ Всемирного банка специально включает показатель обучения на рабочем месте как компонент человеческого капитала.

Четвертая тенденция связана с изменением структуры занятости под воздействием искусственного интеллекта и автоматизации. МОТ отмечает, что ускоренное внедрение ИИ наряду с торговой неопределенностью может существенно влиять на перспективы рынка труда.

Проблемы и перспективы формирования человеческого капитала. Основными проблемами формирования человеческого капитала остаются неравный доступ к качественному образованию и медицинским услугам, различия в возможностях профессионального развития, недостаточная связь образовательных программ с потребностями рынка труда и территориальные различия. Особое внимание необходимо уделять молодежи. МОТ указывает, что в 2026 г. около 20% молодежи в мире, или примерно 260 млн человек, не находятся ни в занятости, ни в образовании, ни в профессиональной подготовке [4, с. 432].

Таблица 2

Основные факторы формирования человеческого капитала

№	Фактор	Содержание	Воздействие
1.	Образование	Школьное, профессиональное и высшее образование	Формирование знаний
2.	Здравоохранение	Медицинские услуги и профилактика заболеваний	Сохранение трудоспособности
3.	Профессиональная подготовка	Получение и обновление профессиональных навыков	Повышение конкурентоспособности
4.	Условия труда	Безопасность и качество рабочих мест	Рост эффективности труда
5.	Цифровизация	Освоение цифровых инструментов	Технологическая адаптация
6.	Доходы	Материальные возможности населения	Доступ к развитию
7.	Социальная защита	Поддержка населения в периоды экономических рисков	Снижение социальной уязвимости
8.	Инфраструктура	Доступность школ, медицинских учреждений и цифровых ресурсов	Территориальное развитие

Таким образом, инвестиции в человека следует рассматривать как долгосрочный фактор экономического и социального развития. Последовательное развитие человеческого капитала способствует повышению производительности труда, расширению возможностей занятости, росту доходов и формированию более устойчивой экономики. Современные ин-

струменты оценки, включая HCI+, позволяют более комплексно анализировать состояние человеческого капитала и определять направления государственной политики в сфере образования, здравоохранения, занятости и профессионального развития [5, с. 12].

Список литературы

1. Беккер Г. С. Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ, главным образом в отношении образования / Г. С. Беккер; пер. с англ. – 3-е изд. – М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2018. – 392 с.
2. Всемирный банк. Доклад о мировом развитии 2019. Изменение характера труда / Всемирный банк. – Вашингтон: Всемирный банк, 2019. – 152 с.
3. Всемирный банк. Индикаторы мирового развития [Электронный ресурс]. – Вашингтон: Всемирный банк. – URL: https://data.worldbank.org/ (дата обращения: 28.09.2026).
4. Сен А. Развитие как свобода / А. Сен; пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2004. – 432 с.
5. Шульц Т. В. Инвестиции в человеческий капитал / Т. В. Шульц // Экономика образования. – 2003. – № 5. – С. 5–16.

УДК 005.96:373

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Шарифуллин Ильнар Салаватович,
к.э.н., доцент, доцент кафедры «Экономика и управление»
ГБОУ ВО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан»
(450008, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Заки Валиди, 40
e-mail: anna_v_2806@mail.ru)

Аннотация. Дефицит педагогических кадров и высокая текучесть молодых специалистов остаются одной из наиболее обсуждаемых проблем отечественной системы общего образования. При этом качество кадровой работы школы во многом определяет не только укомплектованность штата, но и устойчивые образовательные результаты, поскольку именно педагог является основным центром содержания и методики обучения.

Управление персоналом образовательной организации резко отличается от кадровой работы в коммерческой организации. Труд педагога сложно показать исключительно количественными показателями, а результат его деятельности проявляется только через определенный промежуток времени и зависит от множества факторов, не поддающихся полному контролю со стороны руководителя.

Ключевые слова: педагогические кадры, кадровая политика, управление образовательным процессом, профессиональные функции, кадровый потенциал

PERSONNEL POLICY OF A GENERAL EDUCATION ORGANIZATION

Sharifullin Ilnar Salavatovich,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Management
Bashkir Academy
of Public Administration under the Head
of the Republic of Bashkortostan
(450008, Russian Federation, Republic of Bashkortostan,
Ufa, Zaki Validi Street, 40
e-mail: anna_v_2806@mail.ru)

Annotation. The shortage of teaching staff and the high turnover rate among young professionals remain one of the most discussed problems in the domestic general education system. At the same time, the quality of a school's personnel management largely determines not only the staffing level but also stable educational outcomes, since it is the teacher who is the main focus of the content and teaching methodology. Managing the staff of an educational organization is markedly different from personnel management in a commercial organization. A teacher's work is difficult to measure solely in quantitative terms, and the results of their work become apparent only after a certain period of time and depend on many factors that cannot be fully controlled by the manager.

Keywords: teaching staff, personnel policy, management of the educational process, professional functions, human resources potential

Управление персоналом представляет собой целенаправленную деятельность по обеспечению организации работниками, развитию их профессиональных возможностей и созданию условий, при которых кадровый потенциал направляется на достижение целей организации. В общеобразовательной организации эта деятельность связана не только с трудовыми отношениями, но и напрямую влияет на качество обучения и воспитания.

Особенность кадровой работы школы заключается в трёх обстоятельствах. Во-первых, педагог одновременно исполняет профессиональные функции и участвует в управлении образовательным процессом: планирует занятия, оценивает результаты, взаимодействует с коллегиальными органами. Во-вторых, профессиональная компетентность учителя включает не только предметные знания, но и методические, коммуникативные и цифровые навыки. В-третьих, кадровые решения школы должны соответствовать трудовому и образовательному законодательству, а не только внутренним управленческим предпочтениям. Одновременно директор школы обязан действовать в условиях детального нормативного регулирования: Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет сочетание единоначалия директора и коллегиальных начал управления образовательной организацией [1].

Правовая основа отбора персонала начинается с требований к кандидату. Статья 331 Трудового кодекса РФ устанавливает образовательный ценз для допуска к педагогической деятельности и перечень ограничений для отдельных категорий лиц [2]. Дополнительным ориентиром при формировании требований к должности служит профессиональный стандарт педагога, который используется при разработке должностных инструкций, организации обучения и проведении аттестации [3].

Управленческие полномочия в школе распределены между несколькими уровнями. Директор несёт ответственность за результаты работы организации и её кадровую политику в целом; заместители директора организуют отдельные направления учебно-воспитательной и методической работы; руководители методических объединений координируют профессиональное взаимодействие педагогов по предметным направлениям; сами педагогические работники управляют учебно-познавательной деятельностью обучающихся. Такое распределение требует не только административных решений, но и согласования целей и обмена информацией между уровнями управления.

Отдельного внимания заслуживает информационная открытость кадровой работы: образовательная организация обязана публиковать на официальном сайте актуальные сведения о педагогическом составе, включая уровень образования, квалификацию и стаж работы [1]. Качество ведения этой информации отражает общий уровень кадрового администрирования и влияет на доверие со стороны родителей и учредителя.

Поиск персонала в школе не должен начинаться с публикации объявления о вакансии — ему предшествует анализ кадровой потребности: причины появления вакансии, объём учебной нагрузки, обязательные и желательные требования к кандидату, срок закрытия позиции. Пропуск этого этапа увеличивает риск того, что принятый работник будет формально соответствовать должности, но не задачам конкретной школы.

В теории и практике управления персоналом принято различать несколько технологий

поиска, которые применимы и к образовательной организации, хотя и с определёнными ограничениями:

- рекрутинг — поиск и подбор кадров линейного уровня, ориентированный на массовое закрытие типовых вакансий;
- хедхантинг — адресный поиск и «переманивание» уже работающего квалифицированного специалиста, применимый преимущественно к руководящим и узкопрофильным позициям;
- прелиминаринг — привлечение студентов старших курсов и выпускников педагогических вузов через практику и стажировку с последующим трудоустройством;
- скрининг — быстрый отбор кандидатов по формальным признакам, используемый при большом потоке заявок на типовые должности.

Для школы наиболее продуктивным долгосрочным каналом остаётся именно прелиминаринг: педагогическая практика позволяет школе наблюдать будущего работника непосредственно в профессиональной деятельности, а студенту — заранее оценить условия труда в конкретном учреждении. При этом хедхантинг и «классический» рекрутинг для школы менее применимы в силу отраслевой специфики рынка труда: устойчивого избытка кандидатов на большинство предметных позиций, как правило, не наблюдается, что заставляет руководителя одновременно использовать несколько источников привлечения.

Источники поиска принято делить на внутренние и внешние. Внутренний поиск — использование кадрового резерва, совмещение должностей, ротация — обладает преимуществом в виде уже известного школе профессионального поведения кандидата, но ограничен узким кругом претендентов. Внешний поиск расширяет выбор за счёт официального сайта школы, региональных сервисов занятости, педагогических вузов и колледжей, профессиональных сообществ и рекомендаций действующих работников. Выбор канала целесообразно связывать с типом вакансии: для молодого специалиста эффективно взаимодействие с профильными образовательными организациями, а для дефицитного предметника — целевой адресный поиск.

Содержание объявления о вакансии должно быть конкретным: помимо названия должности необходимо указывать реальную нагрузку, требования к квалификации, особенности режима работы и меры поддержки новых сотрудников. Практика показывает, что завышенные обещания на этапе объявления увеличивают риск раннего увольнения работника уже в первые месяцы после трудоустройства.

Отбор кандидата на педагогическую должность должен дать ответ на три вопроса: способен ли кандидат выполнять профессиональные задачи, мотивирован ли он работать в предложенных условиях и сможет ли он выстроить продуктивное взаимодействие с обучающимися, коллегами и родителями [4]. Формального соответствия диплома для обоснованного решения недостаточно.

Первый этап отбора — проверка документов и обязательных требований: образования, квалификации, стажа и отсутствия установленных законом ограничений на занятие педагогической деятельностью. Единый перечень проверяемых сведений снижает риск субъективных решений.

Второй этап — структурированное собеседование, при котором всем кандидатам на одну должность задаются сопоставимые вопросы, а ответы фиксируются в оценочном листе. В отличие от свободной беседы такой формат позволяет отделить профессиональные признаки кандидата от общего впечатления интервьюера. Продуктивны вопросы, построенные вокруг реальных педагогических ситуаций: снижение учебной мотивации класса, конфликт с родителем, необходимость адаптации материала для обучающегося с особыми образовательными потребностями.

Третий этап — профессиональная проба: фрагмент урока, разбор педагогического кейса или представление методической разработки с понятными критериями оценки (постановка цели, логика содержания, работа с обратной связью).

Четвёртый этап — итоговое сопоставление кандидатов по единой матрице критериев,

представленной в таблице 1.

Таблица 1

Матрица критериев отбора персонала

Критерий	Объект оценивания	Метод оценки
Педагогическое соответствие	Образование, квалификация, допуск к деятельности	Проверка документов
Предметная подготовка	Знание содержания и программы	Беседа
Профессиональная компетентность	Организация занятий, оценивание результатов	Фрагмент урока, портфолио
Коммуникация	Взаимодействие с обучающимися, коллегами, родителями	Структурированное интервью
Цифровая грамотность	Использование образовательных сервисов	Практическое задание
Мотивация и потенциал	Причины выбора школы, готовность к развитию	Интервью, анализ опыта

Решение о найме целесообразно связывать с планом последующей адаптации: если у кандидата сильна предметная подготовка, но ограничен опыт ведения документации или коммуникации с родителями, эти дефициты фиксируются в индивидуальном плане сопровождения, а не рассматриваются как повод для отказа.

Список литературы

1. Бурляева, О. В. Системный подход к управлению персоналом в образовательной организации / О. В. Бурляева, Д. В. Лямцев // Молодой ученый. – 2019. – № 50(288). – С. 165-167. – EDN RHCDHE.

2. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: consultant.ru (дата обращения: 10.09.2026) consultant.ru

3. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования)» : Приказ Минтруда России // Официальный сайт «КонсультантПлюс». — URL: consultant.ru (дата обращения: 10.09.2026) consultant.ru

4. Ободец, Р. В. Маркетинг персонала в системе дополнительного профессионального образования на примере Республики Башкортостан / Р. В. Ободец, О. В. Харитонова // Торговля и рынок. – 2023. – Т. 2, № 4(68). – С. 79-86. – EDN DAJSGB.

5. Социальная политика государства в контексте долгосрочных национальных целей развития / И. Ю. Карелин, Б. Р. Юлдыбаев, Г. А. Мусина [и др.]. – Уфа : Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, 2024. – 412 с. – EDN NUKGED.

6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2013) // Официальный сайт «КонсультантПлюс». — URL: consultant.ru (дата обращения: 10.09.2026) consultant.ru

УДК 332.144

СИСТЕМА СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЯМИ В СИСТЕМЕ ОМС НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Шелехова Анна Анатольевна,
аспирант
Херсонский государственный педагогический университет,
(273003, Россия, г.Херсон, E-mail: baykalland@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается система сдержек и противовесов в экономическом управлении государственными медицинскими организациями в системе обязательного медицинского страхования (ОМС). На примере Республики Бурятия анализируется взаимо-

действие ключевых стейкхолдеров – территориального фонда ОМС, страховых медицинских организаций, медицинских учреждений и пациентов. С позиций теории игр и концепции дизайна экономических механизмов обосновывается необходимость совершенствования институциональных правил, обеспечивающих баланс интересов участников и повышение эффективности управления региональным здравоохранением.

Ключевые слова: система сдержек и противовесов, обязательное медицинское страхование, управление здравоохранением, теория игр, дизайн механизмов, Республика Бурятия, стейкхолдеры.

SYSTEM OF CHECKS AND BALANCES IN ECONOMIC MANAGEMENT OF HEALTHCARE INSTITUTIONS WITHIN THE COMPULSORY MEDICAL INSURANCE SYSTEM: A CASE STUDY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Shelekhova Anna Anatolyevna,
Postgraduate Student
Kherson State Pedagogical University,
(273003, Russia, Kherson, E-mail: baykalland@mail.ru)

Annotation. The article examines the system of checks and balances in the economic management of public healthcare organizations within the compulsory medical insurance (CMI) system. Using the Republic of Buryatia as a case study, it analyses the interaction of key stakeholders – the territorial CMI fund, insurance medical organizations, healthcare institutions, and patients. From the perspective of game theory and the concept of economic mechanism design, the necessity of improving institutional rules to ensure a balance of interests among participants and enhance the efficiency of regional healthcare management is substantiated.

Keywords: system of checks and balances, compulsory medical insurance, healthcare management, game theory, mechanism design, Republic of Buryatia, stakeholders.

Введение

Современная система обязательного медицинского страхования (ОМС) в Российской Федерации представляет собой сложный многоуровневый комплекс экономических отношений, в котором ключевыми участниками выступают государственные медицинские организации, территориальные фонды ОМС (ТФОМС), страховые медицинские организации (СМО) и пациенты. Каждый из перечисленных субъектов преследует собственные цели, которые далеко не всегда совпадают: медицинская организация заинтересована в увеличении объёма финансовых поступлений, страховщик – в минимизации выплат и контроле обоснованности госпитализаций, а пациент – в максимизации качества и доступности помощи. В этих условиях возникает классическая для экономической теории проблема согласования интересов [2; 3].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности управления государственными медицинскими организациями в условиях ограниченных ресурсов системы ОМС. Особую значимость данная проблематика приобретает на региональном уровне, где происходит непосредственное распределение финансовых потоков и организация медицинской помощи [4]. Республика Бурятия в этом контексте представляет собой показательный пример региона со значительной долей сельского населения, низкой плотностью проживания и объективно ограниченной конкуренцией между медицинскими организациями [6].

Цель настоящей работы – разработка теоретико-игрового подхода к моделированию взаимодействия ключевых стейкхолдеров регионального здравоохранения и обоснование институциональных механизмов, обеспечивающих эффективную систему сдержек и противовесов в экономическом управлении медицинскими организациями в системе ОМС на примере Республики Бурятия [1].

Теоретико-методологическая основа

Методологическую базу исследования составили теория коалиционных игр, концепция дизайна экономических механизмов и системный анализ [3]. Теория игр, и особенно её раздел, известный как «дизайн экономических механизмов», предлагает методологию для анализа ситуаций взаимодействия участников с разнонаправленными интересами и поиска правил игры, при которых рациональное поведение каждого участника приводит к социально желаемому результату [2; 3].

В рамках предлагаемого подхода выделены четыре группы игроков: органы управления (ТФОМС и Министерство здравоохранения Республики Бурятия), медицинские организации (главные врачи), страховые медицинские организации и пациенты. Каждая группа имеет собственную функцию выигрыша и набор стратегий [4].

Для медицинской организации ключевым показателем выступает объём финансовых поступлений, скорректированный на репутационные риски и штрафные санкции со стороны СМО. Страховые компании, в свою очередь, располагают инструментами финансового контроля, включая штрафные санкции за некачественное оказание медицинской помощи. При этом 85% от полученных сумм штрафов за оказание некачественной медпомощи страховщики возвращают обратно в систему ОМС, что создаёт дополнительный стимул для повышения качества [5].

Система сдержек и противовесов как институциональный анализ

В условиях, когда медицинские организации и пациенты действуют рационально, стремясь максимизировать собственный выигрыш, система может прийти к нескольким равновесным состояниям. При отсутствии внешнего регулирования наиболее вероятным является равновесие, при котором пациенты выбирают стратегию поиска лучших условий, а медицинские организации – стратегию немедленного принятия только для «выгодных» пациентов, что создаёт неравенство в доступе к медицинской помощи [1].

Роль регулятора (ТФОМС и Минздрав РБ) заключается в изменении правил игры таким образом, чтобы равновесным стало социально оптимальное состояние. В терминах теории дизайна механизмов регулятор должен обеспечить условие совместимости стимулов – правила должны быть построены так, чтобы медицинским организациям было выгодно поступать в соответствии с общественными интересами (например, не отказывать в госпитализации социально незащищённым группам) [3].

Для Республики Бурятия, характеризующейся значительной долей сельского населения и низкой плотностью проживания, особую важность приобретает стимулирование стратегии госпитализации по месту жительства при одновременном обеспечении качества помощи в районных больницах [6]. Механизмом достижения этого может стать дифференциация тарифов: повышение коэффициента для межрайонных центров, принимающих пациентов из прикреплённых районов, и введение штрафных санкций за необоснованные отказы в госпитализации, выявляемые страховыми медицинскими организациями [5].

Матрицы взаимодействия

1.Участники и их стратегии

Игрок	Стратегии
Пациент	Искать лучшие условия (P1) / Обращаться по месту жительства (P2)
Медицинская организация	Принимать немедленно (M1) / Откладывать / Отказывать (M2)

2.Матрица выигрышей (Пациент × МО)

	M1 (Принимать немедленно)	M2 (Откладывать / Отказывать)
P1 (Искать лучшие условия)	(+3, +3)	(+1, -1)
P2 (Обращаться по месту жительства)	(+2, +2)	(0, 0)

Примечание: в скобках указаны выигрыши (пациент, медицинская организация)

3.Интерпретация результатов

Состояние	Выигрыш пациента	Выигрыш МО	Суммарный выигрыш	Социальная желательность
P1 + M1	+3	+3	+6	Высокая
P1 + M2	+1	-1	0	Низкая (отказ)
P2 + M1	+2	+2	+4	Средняя
P2 + M2	0	0	0	Низкая

4. Расширенная матрица с участием СМО

	МО принимает	МО отказывает	СМО проверяет	СМО не проверяет
Качественная помощь	(3, 3, 2, 3)	—	—	—
Некачественная помощь	(1, -1, 3, 1)	—	(0, -3, 4, 2)	(0, -3, 4, 0)

Ключевые закономерности:

- Максимальный выигрыш для пациента – при выборе лучших условий и немедленной госпитализации;
- Максимальный выигрыш для МО – при работе с «лояльными» пациентами (P2);
- Стимул для СМО – проверять качество, поскольку 85% штрафов возвращается в систему;
- Роль ТФОМС – обеспечение совместимости стимулов через институциональные правила.

5. Матрица институциональных механизмов

Инструмент	Цель	Субъект применения	Объект воздействия
Дифференциация тарифов	Стимулирование доступности	ТФОМС	МО
Штрафные санкции	Повышение каче-	СМО	МО

Инструмент	Цель	Субъект применения	Объект воздействия
	ства		
Рейтинги качества	Информирование пациентов	Минздрав РБ	Пациенты, МО
Обратная связь пациентов	Коррекция поведения	ТФОМС, СМО	МО
Подушевое финансирование	Выравнивание доступности	ТФОМС	МО
Программно-целевое финансирование	Развитие сельской медицины	Минздрав РБ	МО

6. Количественные показатели для Республики Бурятия

Показатель	Значение	Источник
Доля сельского населения	~41%	Росстат
Количество сельских поселений	~570	Минздрав РБ
Обеспеченность врачами на селе	28,3 на 10 тыс.	ТФОМС РБ
Обеспеченность врачами в Улан-Удэ	69,9 на 10 тыс.	ТФОМС РБ
Дефицит врачей	>500 чел.	Минздрав РБ
Дефицит среднего медперсонала	>700 чел.	Минздрав РБ
Расходы на ОМС в 2026 г.	30,5 млрд руб.	ТФОМС РБ
Доля штрафов СМО (возврат в ОМС)	85%	Федеральный закон № 326-ФЗ

Результаты и обсуждение

Анализ матрицы взаимодействия показывает, что наибольший суммарный выигрыш достигается в ситуации, когда пациент ищет лучшие условия и получает немедленную госпитализацию. Однако ситуация, при которой медицинские организации привлекают «лояльных» пациентов, согласных на любые условия, также даёт высокий суммарный выигрыш, что создаёт стимулы для недобросовестного поведения. Ситуация отказа от госпитализации даёт минимальный суммарный выигрыш и является социально нежелательной [1].

Полученные результаты согласуются с выводами о необходимости совершенствования механизмов финансирования здравоохранения с учётом стратегических целей повышения мотивации участников [2; 3]. Предлагаемые меры включают повышение обоснованности распределения средств, большую прозрачность использования финансовых ресурсов, разви-

тие конкуренции между медицинскими организациями в системе ОМС там, где это возможно [4].

Применительно к условиям Республики Бурятия конкуренция между медицинскими организациями объективно ограничена географическим фактором – для жителей отдалённых районов реальной альтернативы районной больнице не существует [6]. Это обстоятельство усиливает роль институционального регулирования и системы сдержек и противовесов как основного инструмента обеспечения доступности и качества медицинской помощи.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- Система управления государственными медицинскими организациями в условиях ОМС представляет собой сложное взаимодействие стейкхолдеров с разнонаправленными интересами, что требует институциональных механизмов согласования [1].
- Теоретико-игровой подход и концепция дизайна экономических механизмов предоставляют эффективный инструментарий для анализа и совершенствования системы сдержек и противовесов в региональном здравоохранении [2; 3].
- Для Республики Бурятия с её географическими и демографическими особенностями приоритетными направлениями совершенствования системы ОМС должны стать: дифференциация тарифов с учётом территориальной доступности, усиление контрольных функций страховых медицинских организаций, повышение прозрачности распределения финансовых ресурсов [6].
- Адаптация модели коалиционных игр для распределения потоков пациентов и финансовых ресурсов между государственными медицинскими организациями региона позволяет повысить эффективность управления и обеспечить социально желаемые равновесные состояния [1; 3].

Предложенный подход может быть использован при разработке территориальных программ ОМС и совершенствовании организационно-экономического механизма управления медицинскими организациями в Республике Бурятия и других регионах со сходными условиями.

Список литературы

1. Шелехова А.А. Теоретико-игровой подход к управлению государственными медицинскими организациями в системе обязательного медицинского страхования (на примере Республики Бурятия) // Инновации и инвестиции. – 2026. – № 4. – С. 299

2. Градобоев Е.В. Совершенствование механизмов финансирования здравоохранения с учётом стратегических целей повышения мотивации участников // Ученые записки Международного банковского института. – 2023. – № 1 (39). – С. 75–91.

3. Градобоев Е.В., Сольская И.Ю. Дизайн механизма финансирования здравоохранения региона // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, № 2. – DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(2).7.

4. Панурин В.Н., Хан И.С. Стратегии взаимодействия стейкхолдеров в системе обязательного медицинского страхования: формирование игровой модели // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – 2017. – Т. 9, № 5. – URL: https://naukovedenie.ru/PDF/18EVN517.pdf https://naukovedenie.ru/PDF/18EVN517.pdf

5. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации».

6. Постановление Правительства Республики Бурятия от 28.11.2011 № 619 (ред. от 31.01.2025) «О территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на территории Республики Бурятия»

УДК 316.4

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Шипулев Евгений Олегович,
аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
(308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.
E-mail: shipa666999@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономические аспекты адаптации населения приграничного региона в условиях геополитической нестабильности. На основе анализа актуальных статистических данных и результатов социологических исследований выявлены ключевые тенденции трансформации человеческого капитала Белгородской области: изменение структуры занятости, рост реальных доходов при одновременном усилении тревожности населения. Систематизированы экономические стратегии адаптации населения: сокращение расходов, смена профессиональной деятельности, поиск дополнительных источников дохода, миграционные стратегии. Показано, что геополитическая нестабильность трансформирует структуру человеческого капитала региона, усиливая значимость адаптационных навыков и цифровой компетентности. Обоснована необходимость пересмотра региональной социально-экономической политики с учётом новых вызовов.

Ключевые слова: человеческий капитал, социальная адаптация, приграничный регион, геополитическая нестабильность, экономические стратегии, миграционные настроения, региональная экономика, устойчивость, Белгородская область.

HUMAN CAPITAL OF THE BORDER REGION IN CONDITIONS OF GEOPOLITICAL INSTABILITY

Shipulev Evgeny Olegovich,
Postgraduate student at the Department of Social Technologies and Public Administration
Belgorod State National Research University
(308015, Russian Federation, Belgorod, Pobedy St., 85.
E-mail: shipa666999@mail.ru)

Annotation. The article examines the socio-economic aspects of population adaptation in a border region under conditions of geopolitical instability. Based on the analysis of current statistical data and sociological research results, the key trends in the transformation of the human capital of the Belgorod region are identified: migration outflow, changes in the employment structure, growth of real incomes with a simultaneous increase in population anxiety. The economic adaptation strategies of the population are systematized: reducing expenses, changing professional activity, searching for additional sources of income, and migration strategies. It is shown that geopolitical instability transforms the structure of the region's human capital, increasing the importance of adaptive skills and digital competence. The necessity of revising regional socio-economic policy taking into account new challenges is substantiated.

Keywords: human capital, social adaptation, border region, geopolitical instability, economic strategies, migration sentiments, regional economy, sustainability, Belgorod region.

Введение.

Геополитическая нестабильность, переходящая в фазу открытого конфликта, оказывает системное воздействие на социально-экономическое развитие приграничных территорий. Для регионов, непосредственно граничащих с зоной военных действий, характерны не только прямые инфраструктурные и экономические потери, но и глубинные сдвиги в

структуре человеческого капитала: изменение профессиональных траекторий, трансформация потребительского поведения, рост миграционных настроений, переоценка ценностей и жизненных стратегий.

В экономической науке человеческий капитал традиционно рассматривается как совокупность знаний, навыков, компетенций и здоровья, которые используются в производственной деятельности и приносят доход. В условиях кризиса и неопределённости структура человеческого капитала претерпевает качественные изменения: возрастает значимость адаптационных навыков, способности к быстрому переобучению, финансовой грамотности и психологической устойчивости. Именно эти компоненты становятся критическими для сохранения экономической субъектности населения и устойчивости региональной экономики в целом.

Цель данной статьи – выявить и систематизировать экономические стратегии адаптации населения приграничного региона в условиях геополитической нестабильности, а также определить направления трансформации человеческого капитала, необходимые для сохранения социально-экономической устойчивости территории.

Теоретические основания исследования.

Исследование опирается на ресурсный подход к адаптации, в рамках которого успешность приспособления индивида или группы к изменившимся условиям определяется наличием и доступностью ресурсов – экономических, квалификационных, социальных, культурных. Как показывают исследования Н.Е. Тихоновой и А.В. Каравая, «в условиях кризиса наиболее значимым ресурсом адаптации выступает социальный капитал, однако его эффективность напрямую зависит от экономических и квалификационных ресурсов, которыми располагает индивид» [1].

Второй теоретической опорой является концепция резильентности – способности социально-экономической системы сохранять устойчивость и восстанавливать функции в условиях внешних шоков. В отличие от классического понимания адаптации как приспособления, «резильентность предполагает качественную трансформацию, позволяющую не только выживать, но и развиваться в кризисных условиях» [2]. Применительно к региональной экономике это означает «необходимость формирования адаптационного потенциала населения, включающего как личностные, так и институциональные компоненты» [3].

Третьим основанием выступает институциональный подход, акцентирующий роль формальных и неформальных институтов в процессах адаптации. Как отмечает Н.Д. Кремлёв, «институциональный механизм адаптации населения представляет собой совокупность последовательных действий социально-экономических институтов, обеспечивающих результативное взаимодействие посредством выполнения формальных и неформальных правил и норм» [4, с. 15]. Эффективность этого механизма напрямую влияет на скорость и качество адаптационных процессов.

Эмпирическая база и методы исследования

Эмпирическая база исследования – данные Росстата и его территориального органа по Белгородской области (Белгородстат) за 2020–2025 годы [5], результаты социологических исследований в регионе [8; 9], аналитические материалы региональных СМИ [6; 7; 10].

Население Белгородской области последние годы сокращается. Причины – естественная убыль и миграционный отток, который усилился на фоне геополитической нестабильности. Ключевые демографические показатели региона представлены в таблице 1.

Численность населения области сократилась с 1549,0 тыс. человек в 2020 году до 1482,0 тыс. в 2025-м. Если в 2020 году регион ещё показывал миграционный прирост, с 2022 года динамика сменилась устойчивой убылью – в 2025 году она достигла 6926 человек. По предварительным данным, «за время специальной военной операции из Белгородской области уехало около 60 тысяч человек» [6].

Таблица 1

Динамика демографических показателей Белгородской области (2020–2025 гг.)

Показатель	2020 г.	2022 г.	2024 г.	2025 г.
Среднегодовая численность населения, тыс. чел.	1549	1527	1500	1482
Родившиеся, чел.	13200	11500	9262	–
Общий коэффициент рождаемости, ‰	8,5	7,5	6,2	–
Миграционный прирост (+), убыль (–), чел.	1200	–3 500	–6 926	-

Источник: составлено автором по данным [5].

Экономика региона, несмотря на демографические вызовы, показывает адаптационную устойчивость. Динамика ключевых социально-экономических индикаторов представлена в таблице 2.

Таблица 2

Основные социально-экономические показатели Белгородской области (2024–2025 гг.)

Показатель	2024 г.	2025 г.	Динамика
Номинальные денежные доходы населения, % к предыдущему году	12	15	↑
Реальные денежные доходы населения, % к предыдущему году	5	6	↑
Среднедушевые денежные доходы, руб.	56802	66174	0,165
Реальные среднедушевые денежные доходы, % к предыдущему году	5	7,4	↑
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	65800	74887	0,138
Реальная заработная плата, % к предыдущему году	8	4,9	↓
Уровень бедности, %	4,4	4,1	↓
Уровень занятости, %	61,9	62,2	↑
Уровень безработицы, %	2	1,8	↓
Коэффициент напряжённости на рынке труда, чел./место	0,22	0,18	↓

По таблице 2 видно, что, несмотря на кризис, регион наращивает номинальные и реальные доходы, снижает бедность и безработицу. Но рост реальной зарплаты замедлился – с 8,0% в 2024 году до 4,9% в 2025-м. Похоже, экстенсивные факторы роста исчерпаны.

Рынок труда региона при этом остро нуждается в кадрах. За первые месяцы 2026 года работодатели подали заявки на 1,3 тыс. мигрантов из стран с визовым режимом. Это почти втрое больше, чем за весь 2025 год, и в 17 раз больше, чем в 2024-м [7]. В белгородском АПК не хватает около 1700 человек [7].

В регионе работают программы социальной и профессиональной адаптации участников специальной военной операции. Среди них – кадровый проект «СТАЛЬ»: он помогает ветеранам вернуться к мирной жизни и развивает управленческие навыки. Ещё один проект – «ПРОкадры». По его итогам 50 победителей попадут в резерв управленческих кадров Белгородской области [10].

Обсуждение результатов

Данные показывают двойственный характер адаптации в приграничном регионе. Люди демонстрируют высокий адаптационный потенциал – кто-то экономит, кто-то меняет профессию, осваивает цифровые навыки. Экономика держится: реальные доходы растут, бедность снижается, безработица стабильно низкая. Но за этим – миграционный от-

ток, нехватка кадров и высокий уровень тревожности.

Главная проблема –меняется структура человеческого капитала. У части занятых падает квалификация, теряются профессиональные компетенции, растёт психоэмоциональная нагрузка. Миграционный отток наиболее активной и квалифицированной части населения создаёт долгосрочные риски для экономического развития региона. Привлечение трудовых мигрантов из-за рубежа, о котором свидетельствует рост заявок работодателей в 17 раз [7], является вынужденной мерой, не решающей проблему сохранения собственного человеческого капитала.

Институциональная поддержка населения со стороны государственных и общественных структур оценивается как недостаточно эффективная. Разрыв между декларируемыми приоритетами и реальными потребностями различных групп населения ограничивает адаптационный потенциал региона. В частности, недостаточно развиты программы переобучения и повышения квалификации, психологической поддержки, содействия занятости в новых экономических условиях.

Заключение

Геополитическая нестабильность оказывает глубокое воздействие на человеческий капитал приграничного региона, трансформируя структуру занятости, потребительского поведения и миграционных установок населения. Экономические стратегии адаптации, используемые населением, носят преимущественно защитный характер и не всегда обеспечивают сохранение квалификационного и доходного статуса.

Чтобы сохранить человеческий капитал и устойчивость экономики региона, нужна целенаправленная политика:

- развивать программы переобучения и повышения квалификации – под новые экономические условия;
- поддерживать малый и средний бизнес, создавать рабочие места в приграничных территориях;
- развивать цифровую инфраструктуру и цифровые компетенции населения;
- совершенствовать механизмы социальной поддержки – с учётом разных потребностей разных групп населения;
- обеспечить психологическую поддержку и формирование адаптационных навыков.

Дальше исследования должны дать конкретные инструменты региональной политики – такие, чтобы укрепить адаптационный потенциал людей и сохранить человеческий капитал приграничных территорий в условиях долгосрочной геополитической нестабильности.

Список литературы

1. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. – 2016. – № 10. – С. 42–52.

2. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Адаптация к неопределённости среды: ресурсы жителей крупных городов // Logos et Praxis. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 124–130.

3. Леонтьев Д.А., Моспан А.Н., Осин Е.Н. Позитивные личностные ресурсы как буферы против психологических реакций на неопределённость // Current Psychology. – 2022.

4. Кремлёв Н.Д. Сущность институциональных механизмов адаптации населения и оценка их результативности // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 238, № 5. – С. 13–24.

5. Белгородстат: официальный сайт. – Белгород. – URL: https://belg.gks.ru (дата обращения: 21.09.2026). – Текст: электронный.

6. В Белгородской области за время СВО уехали около 60 тысяч человек // БелПресса. – 2025. – URL: https://www.belpressa.ru/society (дата обращения: 21.09.2026). – Текст: электронный.

7. Работодатели Белгородской области подали заявки на привлечение 1,3 тыс. ми-

грантов // Интерфакс. – 2026. – URL: https://www.interfax.ru/russia (дата обращения: 21.09.2026). – Текст: электронный.

8. Опрос: 70% белгородцев испытывают тревожность // БелПресса. – 2025. – URL: https://www.belpressa.ru/society (дата обращения: 21.09.2026). – Текст: электронный.

9. Опрос: жители Белгородской области реже всего хотят переезжать // ВЦИОМ. – 2025. – URL: https://wciom.ru (дата обращения: 21.09.2026). – Текст: электронный.

10. В Белгородской области запущен кадровый проект «СТАЛЬ» // Официальный сайт Правительства Белгородской области. – 2025. – URL: https://belregion.ru (дата обращения: 21.09.2026). – Текст: электронный.

УДК 338.2

УПРАВЛЕНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН И ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ

Шустов Вадим Дмитриевич,
студент Института клинической медицины им. Н.В. Склифосовского ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет),
(119048, Российская Федерация, г. Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2. E-mail: water1339@list.ru)
Лубова Татьяна Николаевна,
к.э.н., доцент, доцент кафедры финансов, анализа и учетных технологий ФГБОУ ВО Башкирский государственный аграрный университет
(450001, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 34. E-mail: lubova@list.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы управления здравоохранением в Республике Башкортостан и Приволжском федеральном округе. Показано, что цифровые технологии становятся инструментом повышения доступности и качества медицинской помощи. На примере Башкортостана проанализированы практики внедрения систем поддержки врачебных решений, телемедицины, электронного документооборота. Отмечено, что республика входит в число регионов-лидеров по цифровой зрелости отрасли. Выявлены проблемы, характерные для Приволжского федерального округа: дефицит медицинских кадров, особенно в сельской местности, фрагментация информационных систем, высокая отчетная нагрузка на врачей. Рассмотрены инфраструктурные проекты, реализуемые в регионах округа. Сделан вывод о необходимости сочетания технологических и организационных решений при управлении здравоохранением.

Ключевые слова: управление здравоохранением, Республика Башкортостан, Приволжский федеральный округ, цифровизация, искусственный интеллект, телемедицина, кадровое обеспечение, медицинские информационные системы.

MANAGEMENT OF HEALTHCARE IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AND THE VOLGA FEDERAL DISTRICT: DIGITAL TECHNOLOGIES AND ORGANIZATIONAL SOLUTIONS

Shustov Vadim Dmitrievich,
Student of the Institute of Clinical Medicine named after N.V. Sklifosovsky FSAEI HE I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of Russia (Sechenov University),
(8 Trubetskaya str., bld. 2, Moscow, 119048, Russian Federation. E-mail: water1339@list.ru)
Lubova Tatiana Nikolaevna,

Ph.D., Associate Professor, Department of Finance, Analysis and Accounting Technologies
FSBEI HE Bashkir State Agrarian University
(450001, Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Ufa, ul. 50th anniversary of October, 34. E-mail: lubova@list.ru)

Annotation. The article considers the issues of healthcare management in the Republic of Bashkortostan and the Volga Federal District. It is shown that digital technologies are becoming a tool for improving the accessibility and quality of medical care. Using the example of Bashkortostan, the practices of introducing clinical decision support systems, telemedicine, and electronic document management are analyzed. It is noted that the republic is among the leading regions in terms of digital maturity of the industry. The problems typical for the Volga Federal District are identified: shortage of medical personnel, especially in rural areas, fragmentation of information systems, and high reporting burden on doctors. Infrastructure projects implemented in the regions of the district are considered. The conclusion is made about the need to combine technological and organizational solutions in healthcare management.

Keywords: healthcare management, Republic of Bashkortostan, Volga Federal District, digitalization, artificial intelligence, telemedicine, staffing, medical information systems.

Управление здравоохранением сегодня уже невозможно представить без цифровых инструментов. Они затрагивают и организацию работы медицинских учреждений, и взаимодействие с пациентами, и принятие управленческих решений на уровне региона. Для Республики Башкортостан и Приволжского федерального округа в целом этот процесс имеет свою специфику, связанную с масштабами территории, неравномерностью размещения медицинских организаций и кадровыми ограничениями.

Башкортостан относится к числу регионов, где цифровизация здравоохранения ведется последовательно и на протяжении достаточно длительного времени. Республиканские власти неоднократно подчеркивали, что речь идет не о формальном переводе документов в электронный вид, а о перестройке самой логики работы отрасли [1, 2]. В то же время Приволжский федеральный округ, объединяющий четырнадцать субъектов, сталкивается с общими для многих территорий проблемами, такими как нехватка врачей и среднего медицинского персонала, особенно в сельской местности, разрозненность информационных систем и высокий уровень отчетной нагрузки на медицинских работников [8].

Республика Башкортостан накопила значительный опыт в сфере цифровизации медицины. Одним из ключевых элементов республиканской системы является государственная информационная платформа, через которую ежедневно обрабатываются данные более 4,5 миллиона электронных медицинских карт [1, 3]. Такой массив информации создает основу для аналитической работы и внедрения прогностических моделей.

Вице-премьер Правительства республики Олег Ли, посещая уфимскую городскую клиническую больницу № 13, сформулировал основной вектор развития - переход от разовых лечебных мероприятий к непрерывному наблюдению за состоянием здоровья граждан, в том числе с использованием удаленных технологий. При этом он особо выделил три условия успеха - обновление оборудования, применение клинически проверенных алгоритмов и наличие подготовленных кадров [1].

В республике действуют шесть сервисов, помогающих врачам анализировать лучевые исследования [1, 4]. По поручению главы региона Радия Хабирова ведется обновление серверных мощностей, необходимых для дальнейшего развития этих направлений [4]. Министр здравоохранения республики Айрат Рахматуллин отмечает, что республика стабильно входит в число лидеров по цифровой зрелости, и связывает это с системной работой команды [1].

Отдельного упоминания заслуживает система WebioMed, которая анализирует медицинские данные и указывает врачу на потенциальные риски, например, сердечно-сосудистых заболеваний или диабета. Платформа охватила 4,79 миллиона электронных медицинских

карт жителей республики, у 1,59 миллиона пациентов были выявлены высокие риски [1, 4]. Это позволяет начинать профилактическую работу задолго до появления выраженных симптомов.

В городской клинической больнице № 13 Уфы с помощью цифровых сервисов обработано около 6,5 тысячи исследований КТ, МРТ и маммографии, патологии выявлены в 40% случаев [1]. Главный врач больницы Булат Гарифуллин обращает внимание на то, что цифровые инструменты не заменяют врача, а берут на себя рутинные операции, освобождая время для общения с пациентом. Кроме того, они помогают наладить взаимодействие между подразделениями, ускоряя передачу данных [1].

В фельдшерско-акушерских пунктах республики внедрена цифровая интерпретация ЭКГ, данные сразу поступают в Центр управления сердечно-сосудистыми рисками, где принимается решение о дальнейшем маршруте пациента. Работает также голосовой помощник для контакт-центра [2].

В 2026 году Башкортостан получил из федерального бюджета 165,4 миллиона рублей на информатизацию здравоохранения - наибольший объем среди регионов Приволжского федерального округа [3]. Татарстану выделено 164,9 миллиона рублей, Самарской области - 147,9 миллиона рублей [3]. Средства направлены на интеграцию информационных систем медицинских организаций с государственными сервисами и на развитие электронного документооборота [3].

В сентябре 2026 года в республике начал работу первый в России медицинский робот-доставщик компонентов крови [2]. По словам министра здравоохранения республики, это позволяет высвободить персонал и ускорить процессы, которые ранее требовали участия отдельного сотрудника на каждую заявку [2]. Республика занимается цифровизацией более десяти лет. Электронная медкарта, онлайн-запись, электронные рецепты, цифровые ФАПы и телемедицина стали привычной практикой. Однако, как подчеркивает министр, настоящая трансформация начинается там, где появляются принципиально новые процессы, а не просто оцифровываются существующие [2].

На уровне Приволжского федерального округа вопросы управления здравоохранением рассматриваются прежде всего через призму кадрового обеспечения. На пленарном заседании Совета законодателей ПФО, которое провел председатель Совета, спикер Законодательного Собрания Нижегородской области Евгений Люлин, обсуждались кадровые проблемы отрасли. Председатель Государственного Совета Чувашской Республики Леонид Черкесов привел данные: в 2025 году в системе здравоохранения России не хватало 29 тысяч врачей и 63 тысячи среднего медицинского персонала. Особенно остро эта проблема ощущается в сельской местности и малых городах [8].

С 2012 года в регионах Приволжского федерального округа в программах «Земский доктор» и «Земский фельдшер» приняли участие более 13 тысяч медицинских работников [8]. По итогам обсуждения Совет законодателей предложил увеличить выплаты по этим программам, распространить их на города с населением до 100 тысяч человек, а также разработать федеральную жилищную программу для медиков [8].

Отдельно рассматривался вопрос о снижении нагрузки на врачей, связанной с оформлением документов. Евгений Люлин отметил необходимость упростить формы отчетности и активнее использовать цифровые инструменты для заполнения медицинской документации [8]. Совет законодателей ПФО направил в Государственную Думу и Правительство РФ предложения о разработке механизма правовой защиты и страхования медицинских работников, ускорении внедрения новой отраслевой системы оплаты труда, а также о принятии федеральной жилищной программы, включающей льготную аренду и доступную ипотеку для медицинских работников [8].

В округе реализуются и крупные инфраструктурные проекты. В Нижегородской области начато строительство хирургического корпуса с поликлиническим отделением в рамках проекта «Город здоровья». На строительство хирургического блока направят более 16,7 миллиарда рублей, из них свыше 10,3 миллиарда - из федерального бюджета. Проект предусмат-

ривает создание Центра ядерной медицины с циклотроном и двумя системами ПЭТ/КТ. Расчетная мощность объекта - около 100 тысяч госпитализаций и более 250 тысяч амбулаторных и диагностических посещений в год [10].

В Казани прошло совещание по вопросам организации помощи пациентам с онкологическими заболеваниями в Приволжском федеральном округе. Первый заместитель председателя Комитета Госдумы по охране здоровья Бадма Башантаев отметил, что за последние восемь-десять лет в отрасль были вложены значительные средства в оборудование, и теперь задача - расширить помощь, в том числе лекарственную поддержку. Министр здравоохранения Татарстана Альмир Абашев подчеркнул ценность обратной связи с медицинским сообществом, которая позволяет точнее определять актуальные задачи практического здравоохранения [9].

В фондах обязательного медицинского страхования регионов ПФО устанавливаются VPN-сервисы для защищенной передачи данных. На эти работы для четырнадцати субъектов округа выделено 9,307 миллиона рублей, наибольшие суммы - Башкортостану (922 тысячи рублей) и Оренбургской области (918,43 тысячи рублей) [7].

Несмотря на заметные успехи, цифровизация здравоохранения сталкивается с целым рядом ограничений. Сенатор Артем Шейкин, заместитель председателя Совета по развитию цифровой экономики при Совете Федерации, отмечает, что при достигнутых результатах сохраняются системные вопросы: цифровое неравенство между регионами, ограниченные бюджетные возможности и избыточная ручная отчетность. По его словам, цифровая зрелость показывает, насколько технологии встроены в систему управления, помогают принимать решения на основе данных и делают услуги быстрее и понятнее для граждан [6].

Одной из наиболее сложных проблем остается кадровая. Масштабировать успешные столичные практики на всю страну непросто именно из-за нехватки подготовленных специалистов [8]. Достижению цифровой зрелости в регионах мешают несовершенство нормативной базы, недостаточный уровень цифровой грамотности медицинских работников и настороженное отношение части населения к цифровым решениям [6].

Сохраняется и проблема фрагментации информационных систем. Универсальной медицинской информационной системы в стране нет: каждый регион использует собственное решение, и далеко не всегда эти платформы связаны между собой. В результате врачам нередко приходится вести документацию и в электронном, и в бумажном виде, что увеличивает время на оформление и сокращает время непосредственной работы с пациентом [8]. Предложения о создании единой системы обмена медицинскими данными направлены на то, чтобы обеспечить преемственность лечения и улучшить координацию между уровнями медицинской помощи [8].

Существенным фактором остаются и межрегиональные различия в состоянии здоровья населения и развитии системы здравоохранения. Проведенная многомерная классификация регионов России по показателям здравоохранения с использованием дискриминантного анализа позволила выделить устойчивые группы территорий, различающиеся по уровню обеспеченности медицинской инфраструктурой, кадровому потенциалу и результативности оказания помощи [5]. Полученные результаты подтверждают, что управленческие решения, эффективные в одной группе регионов, не обязательно дадут тот же эффект в другой. Для Приволжского федерального округа это означает необходимость дифференцированного подхода: цифровые технологии должны внедряться с учетом исходного уровня развития здравоохранения конкретной территории, а не по единому шаблону.

На федеральном уровне Президент РФ Владимир Путин поручил правительству усилить контроль за обеспечением льготными лекарствами и ускорить внедрение технологий искусственного интеллекта в здравоохранение. В числе приоритетов - повышение прозрачности и качества медицинских услуг, внедрение на портале «Госуслуги» системы оценки удовлетворенности граждан доступностью, сроками и качеством медицинской помощи, а также совершенствование механизма записи к врачу с возможностью отложенной записи и автоматическим подбором альтернативных маршрутов для пациентов [1].

Опыт Республики Башкортостан показывает, что цифровизация здравоохранения дает ощутимые результаты, когда она сопровождается организационными изменениями и подготовкой кадров. Республика входит в число лидеров по цифровой зрелости отрасли: действуют сервисы поддержки врачебных решений, система WebioMed охватывает более 4,5 миллиона электронных медицинских карт, в фельдшерско-акушерских пунктах внедрена цифровая интерпретация ЭКГ [1, 2, 4].

Вместе с тем для Приволжского федерального округа характерны проблемы, которые не решаются только за счет технологий. Дефицит медицинских кадров, особенно в сельской местности, фрагментация информационных систем и высокая отчетная нагрузка на врачей требуют комплексных решений - от корректировки программ поддержки медиков до упрощения документации и развития единого информационного пространства [7, 8].

Управление здравоохранением в современных условиях предполагает сочетание технологических и организационных решений. Опыт Башкортостана и Приволжского федерального округа может быть полезен другим регионам при выработке стратегий цифровой трансформации отрасли.

Список литературы

1. В Башкирии определены приоритетные направления внедрения ИИ в здравоохранение // Огни Агидели. – 2026. – 18 августа. – URL: https://ogni-agideli.ru/news/novosti/2026-08-18/v-bashkirii-opredeleny-prioritetnye-napravleniya-vnedreniya-ii-v-zdravoohranenie-4785773 (дата обращения: 10.09.2026). – Текст: электронный.https://ogni-agideli.ru/news/novosti/2026-08-18/v-bashkirii-opredeleny-prioritetnye-napravleniya-vnedreniya-ii-v-zdravoohranenie-4785773

2. В Башкирии запущен первый в России медицинский робот-доставщик крови // Новости Mail. – 2026. – 5 сентября. – URL: https://news.mail.ru/society/72256903/ (дата обращения: 10.09.2026). – Текст: электронный.https://news.mail.ru/society/72256903/

3. Башкирии выделили ₽165 млн на информатизацию систем здравоохранения // РБК Уфа. – 2026. – 11 апреля. – URL: https://ufa.rbc.ru/ufa/11/04/2026/69d9fc8e9a79479612986b61 (дата обращения: 10.09.2026). – Текст: электронный.https://ufa.rbc.ru/ufa/11/04/2026/69d9fc8e9a79479612986b61

4. Башкирия получит более 165 млн рублей на информатизацию систем здравоохранения // МК в Уфе. – 2026. – 11 апреля. – URL: https://ufa.mk.ru/economics/2026/04/11/bashkiriya-poluchit-bolee-165-mln-rubley-na-informatizaciyu-sistem-zdravookhraneniya.html (дата обращения: 10.09.2026). – Текст: электронный.https://ufa.mk.ru/economics/2026/04/11/bashkiriya-poluchit-bolee-165-mln-rubley-na-informatizaciyu-sistem-zdravookhraneniya.html

5. Лубова, Т. Н. Многомерная классификация регионов России по показателям здравоохранения: дискриминантный анализ / Т. Н. Лубова, В. Д. Шустов // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2026. – № 2(26). – С. 101-114. – DOI 10.47309/2713-2358-2026-2-101-114.

6. Сенатор Шейкин: цифровизация должна обеспечить доступность услуг в регионах // ComNews. – 2026. – 16 июля. – URL: https://www.comnews.ru/content/246441/2026-07-16/2026-w29/1009/senator-sheykin-cifrovizaciya-dolzhna-obespechit-dostupnost-uslug-regionakh (дата обращения: 10.09.2026). – Текст: электронный.https://www.comnews.ru/content/246441/2026-07-16/2026-w29/1009/senator-sheykin-cifrovizaciya-dolzhna-obespechit-dostupnost-uslug-regionakh

7. В фондах ОМС установят VPN-сервисы. Названа цена вопроса для Саратовской области // Взгляд-инфо. – 2026. – 10 сентября. – URL: https://www.vzsar.ru/news/2026/09/10/v-fondah-oms-ystanovyat-vpnservisy-nazvana-cena-voprosa-dlya-saratovskoy-oblasti.html (дата обращения: 10.09.2026). – Текст: электронный.https://www.vzsar.ru/news/2026/09/10/v-fondah-oms-ystanovyat-vpnservisy-nazvana-cena-voprosa-dlya-saratovskoy-oblasti.html

8. Евгений Люлин предложил новые меры поддержки медицины и села в ПФО // ФедералПресс. – 2026. – 20 апреля. – URL: https://fedpress.ru/news/12/society/3433883 (дата об-

ращения: 10.09.2026). – Текст: электронный.https://fedpress.ru/news/12/society/3433883

9. В Казани обсудили совершенствование онкологической помощи в регионах ПФО // Лента новостей Татарстана. – 2026. – 22 июня. – URL: https://kazan-news.net/society/2026/06/22/650785.html (дата обращения: 10.09.2026). – Текст: электронный.https://kazan-news.net/society/2026/06/22/650785.html

10. 16,7 миллиарда рублей в Нижегородской области направят на строительство современного хирургического корпуса // Комсомольская правда. – 2026. – 22 мая. – URL: https://www.kp.ru/online/news/6984316/ (дата обращения: 10.09.2026). – Текст: электронный.https://www.kp.ru/online/news/6984316/

УДК 338.2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РИСКИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Янбаев Разиф Мурзабаевич,
магистрант
Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан
(450008, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 40
E-mail: grivik85@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается роль человеческого капитала в обеспечении экономической безопасности Республики Башкортостан. Обосновывается необходимость включения демографических и социальных параметров в систему оценки региональной безопасности. На основе актуальных статистических данных выявлены ключевые демографические риски: естественная убыль населения, падение рождаемости, миграционный отток молодёжи и квалифицированных кадров, структурный дефицит рабочей силы. Показана взаимосвязь демографических процессов с бюджетной устойчивостью, инвестиционной активностью и инновационным развитием региона. Предложены меры по удержанию и развитию человеческого капитала как фактора укрепления экономической безопасности Республики Башкортостан.

Ключевые слова: человеческий капитал, экономическая безопасность, демографические риски, миграция, кадровый потенциал, Республика Башкортостан, устойчивое развитие региона.

ECONOMIC SECURITY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: DEMOGRAPHIC RISKS AND HUMAN CAPITAL

Razif Murzabaevich Yanbaev,
student,
Bashkir Academy of Public Administration under the Head of the
Republic of Bashkortostan (BAGSU)
(450008, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi Street, 40
E-mail: grivik85@yandex.ru)

Annotation. The article examines the role of human capital in ensuring the economic security of the Republic of Bashkortostan. The necessity of including demographic and social parameters in the system of assessing regional security is substantiated. Based on current statistical data, key demographic risks are identified: natural population decline, falling birth rates, migration outflow of youth and qualified personnel, structural labor shortage. The relationship between demographic processes and budget sustainability, investment activity and innovative development of the region is shown. Measures are proposed for retaining and developing human capital as a factor in strengthening the economic security of the Republic of Bashkortostan.

Keywords: human capital, economic security, demographic risks, migration, personnel potential, Republic of Bashkortostan, sustainable development of the region.

Экономическая безопасность региона представляет собой комплексное состояние защищённости его экономической системы от внешних и внутренних угроз, способность сохранять управляемость, обеспечивать воспроизводственные процессы и создавать условия для устойчивого развития. В условиях усиливающегося санкционного давления, технологических ограничений и демографических вызовов особую значимость приобретает человеческий капитал — совокупность знаний, навыков, здоровья и мотивации населения, определяющая способность территории к адаптации и росту.

Актуальность исследования определяется тем, что в современных условиях экономическая безопасность региона всё сильнее зависит не только от производственных и финансовых ресурсов, но и от качества человеческого потенциала. Президент России Владимир Путин утвердил Стратегию национальной безопасности, в которой подчёркивается, что только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России [2, с. 2].

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 определяет национальные цели развития на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, среди которых — «устойчивая и динамичная экономика», «технологическое лидерство», «цифровая трансформация», а также цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» и «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов». Эти ориентиры напрямую связаны с темой нашего исследования: без человеческого капитала невозможно достижение ни технологического лидерства, ни устойчивого экономического роста.

Цель статьи — на примере Республики Башкортостан показать, как демографические риски и состояние человеческого капитала влияют на экономическую безопасность региона, и предложить меры по их нейтрализации.

В научной литературе экономическая безопасность региона традиционно рассматривается через совокупность функциональных подсистем: производственной, финансовой, инвестиционной, инновационной, социальной, демографической, инфраструктурной и экологической [4, с.21]. Человеческий капитал пронизывает каждую из них: квалификация работников определяет производительность труда; доходы населения формируют налоговую базу; наличие образованных кадров — условие технологического обновления; занятость и уровень жизни — основа общественной стабильности; воспроизводство населения обеспечивает долгосрочную устойчивость территории.

Человеческий капитал играет важную роль в формировании высокопроизводительных рабочих мест, способных обеспечивать наукоёмкие производства, ориентированные на выпуск конкурентоспособной на международных рынках продукции, развитии новых технологий и «экономики знаний». На современном этапе развития экономических отношений человеческий капитал выступает в качестве основного ресурса, используемого для целей устойчивого социально-экономического развития, а значит — человеческий капитал возможно рассматривать с позиции элемента системы экономической безопасности региона [5, с.113].

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года снижение качества человеческого потенциала является одной из угроз экономической безопасности страны. В этой связи развитие человеческого потенциала является одним из основных направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности. В рамках Стратегии в направлении «Развитие человеческого потенциала» заложены такие задачи, как повышение качества общего и профессионального образования; развитие системы непрерывного образования; создание национальной системы квалификаций; профессиональная ориентация граждан; снижение уровня бедности и неравенства доходов; содействие эффективной занятости и мобильности трудовых ресурсов.

В рамках ресурсного подхода человеческий капитал тесно связан с категорией кадро-

вой безопасности. Последняя отражает количественные и качественные параметры профессионального потенциала трудоспособного населения. Соответственно, кадровая безопасность может рассматриваться как составная часть системы экономической безопасности, ориентированная на защиту интересов страны или региона от рисков, источником которых выступают трудовые ресурсы, а также от условий, затрудняющих развитие человеческих ресурсов на разных уровнях управления.

Таким образом, человеческий капитал выступает связующим звеном между экономическими и социальными аспектами безопасности. Его состояние отражает не только текущее благополучие, но и потенциал будущего развития.

Демографическая ситуация в Республике Башкортостан характеризуется устойчивой негативной динамикой. По данным Башкортостанстата, приведённым в региональной программе «Повышение рождаемости на территории Республики Башкортостан на период до 2027 года», численность постоянного населения республики на начало 2024 года составила 4,064 млн человек и снизилась по сравнению с началом 2022 года на 27,3 тыс. человек, или на 0,7% [4, с. 5].

Естественная убыль населения (превышение числа умерших над числом родившихся) в 2023 году составила 12 313 человек, снизившись на 2,6% по сравнению с 2022 годом. Относительные значения естественной убыли на 1000 человек населения в республике традиционно ниже, чем в среднем по России и Приволжскому федеральному округу. Миграционная убыль населения за 2023 год составила 926 человек, что почти на треть ниже итогов 2022 года. Наблюдалась убыль населения в другие регионы Российской Федерации (−2 457 человек). Сальдо миграции со странами СНГ и другими странами положительное (+1 047 и +484 человека соответственно) [4, с. 10].

Особую тревогу вызывает динамика рождаемости. Наиболее высокое число родившихся за последние годы наблюдалось в 2012–2015 годах, когда уровень достигал 60 тыс. новорождённых. С 2016 года наблюдается резкое снижение числа родившихся. По итогам 2023 года в республике родилось 35 388 детей, что составляет только 58,7% от уровня 2014 года [4, с. 13].

Миграционная убыль в обмене с другими регионами России за 2022–2024 годы составила 9,2 тысячи человек. Частично это компенсируется притоком из стран СНГ (+2,9 тыс.), но общий миграционный баланс всё равно отрицательный.

Главный сценарий оттока — учебная и постучебная миграция молодёжи. Выпускники школ едут учиться в Уфу, Казань, Екатеринбург, Москву — и обратно не возвращаются. Башкортостан занимает последнее место в Приволжском федеральном округе по сальдо учебной миграции: уехавших на обучение в другие регионы в 3 раза больше, чем приехавших. Пик миграционной убыли приходится на возраст 15–34 года — то есть регион теряет именно тех, кто должен работать и рожать детей.

Качество оттока также вызывает опасения. В 2023 году миграционная убыль среди людей с высшим образованием составила 1 972 человека, а среди специалистов высшего уровня квалификации — 774 человека [8]. Как отмечают исследователи, «регион покидают люди, имеющие высшее образование и высокий уровень квалификации, а прибывают граждане СНГ, имеющие низкий уровень квалификации, а зачастую и невысокий уровень правовой и социальной ответственности».

Параллельно идёт миграция трудоспособного населения из села в город. С 2012 по 2023 год сельское население Башкирии сократилось на 81,2 тысячи человек — в среднем минус 6,8 тысячи ежегодно. Деревни буквально вымирают, а Уфа и крупные города растут за счёт внутренней миграции. Ишимбай, Салават, Сибай, Кумертау — бывшие промышленные центры стремительно теряют людей.

Около 160 тысяч трудоспособных жителей Башкирии работают за пределами региона. Для сравнения: каждый шестнадцатый работающий в Москве — выходец из Башкортостана.

Парадокс рынка труда Башкирии: безработица составляет 1,5% (ниже среднероссийских 2,2%), но на одного соискателя приходится три вакансии, а в обрабатывающей про-

мышленности — 6, в строительстве — 11. Это и есть структурный дефицит: люди есть, но не с теми навыками и не в тех местах, где нужны.

В 2025 году 17% компаний республики столкнулись с острым кадровым дефицитом, ещё 28% — с нехваткой сотрудников по многим направлениям. Хуже всего ситуация в общепите (32% компаний), логистике (27%), строительстве (22%). Главную причину называют сами работодатели: 50% — неконкурентный уровень зарплат.

Самые дефицитные специальности: токари, фрезеровщики, шлифовщики (1,1 резюме на вакансию при норме 4–7,9), дворники (1,4), врачи (1,6) [9].

Финансово-бюджетная устойчивость образует основу выполнения регионом своих функций. Бюджет Башкортостана на 2025 год: доходы — 318,5 млрд рублей, расходы — 347,2 млрд, дефицит — 28,7 млрд. 80% расходов приходится на образование (90 млрд), социальную политику (69 млрд), национальную экономику (65,8 млрд) и медицину (35,6 млрд) [10].

Рост НДФЛ — один из главных источников увеличения доходов, и он напрямую зависит от занятости и зарплат. Но если люди уезжают, налоговая база сужается. Возникает «замкнутый круг»: меньше работников — меньше налогов — меньше денег на образование, медицину и инфраструктуру — регион становится менее привлекательным — люди продолжают уезжать.

Аналогичная цепочка работает и в инвестиционной сфере. Инвесторы смотрят на наличие квалифицированных кадров: если специалистов нет, бизнес не спешит вкладываться в регион. Технологическая модернизация требует работников с новыми компетенциями; их отсутствие замедляет внедрение инноваций и снижает конкурентоспособность региональной экономики.

Таким образом, демографические риски трансформируются в бюджетные и инвестиционные, а те, в свою очередь, снижают возможности для развития человеческого капитала. Разрыв этого замкнутого круга требует целенаправленной региональной политики.

Меры по удержанию и развитию человеческого капитала в Республике Башкортостан, способные повысить экономическую безопасность региона, сегодня включают в себя:

1. Создание профессиональных перспектив. Меры удержания человеческого капитала не могут ограничиваться разовыми выплатами. Они должны включать создание рабочих мест с достойной оплатой, поддержку предпринимательства, развитие высокотехнологичных отраслей. В республике уже реализуется проект «Башкирская вахта» — переориентация вахтовиков на предприятия внутри региона (более 650 человек устроены на ОДК-УМПО).

2. Улучшение качества жизни. Комфортная городская среда, доступность образования, медицины, жилья и культурных услуг — факторы, влияющие на миграционные решения. Инвестиции в социальную инфраструктуру окупаются через закрепление кадров. Программа «Мобильность 2.0» предусматривает финансовую поддержку переезжающих в республику специалистов.

3. Настройка образования под реальные потребности экономики. Республика — лидер страны по охвату средним профессиональным образованием: более 65% выпускников 9-х классов идут в колледжи, в 92 колледжах обучается 118 тысяч студентов по 177 специальностям. Бюджетные места увеличены на 3,6 тысячи. Работает федеральная программа «Профессионалитет», объединяющая колледжи с предприятиями (ОДК-УМПО, нефтехимия и др.). В рамках нацпроекта «Кадры» на обучение работников ОПК в 2025 году направлено 166,3 млн руб.

4. Поддержка семей и демографическая политика. Региональная программа «Повышение рождаемости» продлена до 2030 года, расширяются меры поддержки семей с детьми, развивается детская инфраструктура.

5. Цифровые возможности и гибкая занятость. Развитие удалённой работы и онлайн-платформ позволяет привлекать специалистов из других территорий без их физического перемещения.

6. Мониторинг и индикативное планирование. Система показателей должна включать

демографические и социальные индикаторы: ожидаемую продолжительность жизни, миграционный прирост, уровень занятости, долю молодёжи в структуре населения, обеспеченность кадрами приоритетных отраслей.

Человеческий капитал является неотъемлемым элементом экономической безопасности региона. Демографические риски — естественная убыль, падение рождаемости, миграционный отток молодёжи и квалифицированных кадров, структурный дефицит рабочей силы — способны подорвать устойчивость территории даже при благоприятных финансовых и производственных показателях.

Республика Башкортостан — наглядный пример того, как все эти риски работают одновременно. Регион экономически развит, промышленно силён, бюджет устойчив — но демография и отток людей могут подорвать эту базу. Взаимосвязь демографических, бюджетных и инвестиционных процессов требует системного подхода к управлению безопасностью.

Повышение экономической безопасности региона должно включать меры по удержанию и развитию человеческого капитала: создание профессиональных перспектив, улучшение качества жизни, развитие образования, демографическую поддержку. Без этого невозможно обеспечить долгосрочную устойчивость и реализацию стратегических национальных приоритетов.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2017. — № 20. — Ст. 2902. — Текст : непосредственный.

2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 27, ч. II. — Ст. 5351. — Текст : непосредственный.

3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2024. — № 19. — Ст. 2584. — Текст : непосредственный.

4. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 25.02.2025 № 56 «Об утверждении региональной программы "Повышение рождаемости на территории Республики Башкортостан на период до 2027 года"». — Уфа, 2025. — 74 с. — Текст : непосредственный.

5. Хачатрян, О. А. Формирование человеческого капитала как основное условие обеспечения экономической безопасности региона / О. А. Хачатрян, И. В. Скоблякова. — Текст : непосредственный // Сибирская финансовая школа. — 2026. — № 2 (162). — С. 113–120. — DOI: 10.34020/1993-4386-2026-2-113-120.

6. Стратегические ориентиры управления экономической безопасностью / О. В. Сидорова, И. В. Сергиенко [и др.]. – Уфа : Казенное предприятие Республики Башкортостан Издательство «Мир печати», 2023. – 322 с. – ISBN 978-5-9613-0794-8. – EDN FAUSND.

7. Организация экономической безопасности в системе управления территориями : учебник / под общ. ред. А. Ш. Хуажева. — Москва : ИНФРА-М, 2025. — 511 с. — ISBN 978-5-16-020859-6. — Текст : непосредственный.

8. Ободец, Р. В. Закономерности и модернизация институционального базиса регионального развития с учетом человеческого ресурса / Р. В. Ободец, А. Р. Макашев // Экономика строительства. – 2025. – № 3. – С. 296-299.

9. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. — Москва. — Обновляется в течение суток. — URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.06.2026). — Текст : электронный.

10. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан : официальный сайт. — Уфа. — Обновляется в течение суток. — URL: https://02.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.06.2026). — Текст : электронный.

11. Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года. — Уфа, 2018. — Текст : непосредственный.

УДК 331.5

НОВЫЕ ФОРМАТЫ ЗАНЯТОСТИ: САМОЗАНЯТЫЕ, ФРИЛАНСЕРЫ, ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ — ВЫЗОВЫ ДЛЯ HR-АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Янбухтина Гульназ Альбертовна,
к.б.н., доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Башкирский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации»
(450071, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, проспект Октября, 119. E-mail: gulnazalb@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются новые форматы занятости - самозанятость, фриланс и платформенная занятость - как системный вызов для традиционной модели HR-администрирования. Анализируются масштабы распространения указанных форматов в Российской Федерации: по состоянию на август 2026 года число самозанятых достигло 17,26 млн человек, увеличившись с начала года почти на 12%. За период с июня 2025 по июнь 2026 года средняя сумма выплат на одного фрилансера выросла на 19%. Особое внимание уделяется Федеральному закону от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», вступающему в силу с 1 октября 2026 года, и его влиянию на отношения между цифровыми платформами и исполнителями. Выявлены ключевые риски для HR-служб при работе с самозанятыми: подмена трудовых отношений гражданско-правовыми, ужесточение контроля со стороны ФНС и ГИТ, критерии «красных флагов» (более 10 самозанятых за 12 месяцев, доход свыше 20 тыс. руб., продолжительность сотрудничества более 3 месяцев). Обосновывается необходимость трансформации HR-подходов: внедрение новых моделей взаимодействия, пересмотр кадрового администрирования и разработка внутренних политик работы с исполнителями в новых форматах.

Ключевые слова: самозанятые, фрилансеры, платформенная занятость, HR-администрирование, платформенная экономика, трудовые отношения, гражданско-правовые договоры, налоговый контроль, цифровые платформы, кадровое делопроизводство.

NEW FORMS OF EMPLOYMENT: SELF-EMPLOYED, FREELANCERS, PLATFORM EMPLOYMENT — CHALLENGES FOR HR ADMINISTRATION

Yambukhtina Gulnaz Albertovna,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Natural Sciences
Bashkir Cooperative Institute (branch) of the Autonomous Non-Profit Educational Organization of Higher Education of the Central Union of the Russian Federation «Russian University of Cooperation»
(450071, Russian Federation, Republic of Bashkortostan,
Ufa, Oktyabrya Avenue, 119. E-mail: gulnazalb@mail.ru)

Annotation. The article examines new forms of employment — self-employment, freelancing and platform employment — as a systemic challenge to the traditional model of HR administration. The scale of distribution of these formats in the Russian Federation is analyzed: as of August 2026, the number of self-employed reached 17.26 million people, having increased by almost 12% since the beginning of the year. For the period from June 2025 to June 2026, the average payment per freelancer increased by 19%. Special attention is paid to Federal Law No. 289-FZ of July 31, 2025 «On Certain Issues of Regulation of the Platform Economy in the Russian

Federation», which comes into force on October 1, 2026, and its impact on relations between digital platforms and performers. The key risks for HR services when working with self-employed are identified: substitution of labor relations with civil law ones, tightening of control by the Federal Tax Service and the State Labor Inspectorate, criteria of «red flags» (more than 10 self-employed in 12 months, income over 20 thousand rubles, duration of cooperation more than 3 months). The necessity of transformation of HR approaches is substantiated: introduction of new models of interaction, revision of personnel administration and development of internal policies for working with performers in new formats.

Keywords: self-employed, freelancers, platform employment, HR administration, platform economy, labor relations, civil law contracts, tax control, digital platforms, personnel records management.

Трансформация рынка труда в XXI веке приобрела системный характер. Традиционная модель занятости, основанная на бессрочном трудовом договоре с фиксированным рабочим местом и полным социальным пакетом, постепенно уступает место новым, более гибким форматам. Фриланс и самозанятость — это понятия из разных плоскостей. Фриланс описывает способ организации работы, а самозанятость — это конкретный налоговый статус гражданина. Самозанятость, фриланс и платформенная занятость становятся не просто альтернативой, а полноценным сегментом экономики, требующим переосмысления подходов к управлению человеческими ресурсами. Растущая распространенность указанных форматов ставит под вопрос эффективность традиционных норм трудового права, ориентированных на стандартные трудовые отношения, и требует разработки новых подходов к обеспечению защиты трудовых прав работников.

Цель настоящей статьи - проанализировать современное состояние и динамику развития новых форматов занятости в Российской Федерации, выявить ключевые вызовы для HR-администрирования, возникающие при работе с самозанятыми, фрилансерами и платформенными исполнителями, а также определить направления трансформации кадровых практик в условиях меняющегося законодательства.

1. Масштабы и динамика новых форматов занятости в России.

Новые форматы занятости демонстрируют устойчивый рост, что подтверждается официальными статистическими данными. По данным ФНС на август 2026 года, число самозанятых в России достигло 17,26 млн человек, увеличившись с начала года почти на 12%. Для сравнения: на конец 2025 года этот показатель составлял 15,43 млн человек. Только в июле 2026 года выручка самозанятых составила 299,2 млрд рублей, а начисленные налоги — 13,4 млрд рублей [1].

Рынок фриланса также демонстрирует позитивную динамику. За период с июня 2025 по июнь 2026 года средняя сумма выплат на одного фрилансера выросла на 19%, а совокупные выплаты — на 7%. Наиболее заметный рост наблюдается в сферах, связанных с созданием и продвижением контента: доля блогеров среди всех исполнителей увеличилась с 20% до 30% [2].

Указанные тенденции свидетельствуют о том, что новые форматы занятости перестают быть временным явлением и становятся структурным элементом российского рынка труда. Фриланс в России становится массовым и структурным, а платформизация охватывает все новые отрасли экономики.

2. Законодательное регулирование платформенной занятости: новый этап.

31 июля 2025 года был принят Федеральный закон № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [3]. Документ вступает в силу с 1 октября 2026 года и впервые системно регулирует отношения между цифровыми платформами и исполнителями, включая самозанятых.

Ключевая идея закона - прекращение практики маскировки трудовых отношений под гражданско-правовые. Закон обязывает операторов цифровых платформ технически ограничивать сотрудничество, если самозанятый или ИП через платформу работает на одного за-

казчика более 60 часов в месяц в течение 6 месяцев подряд. При превышении этого лимита платформа обязана приостановить прием заказов от данного заказчика для данного исполнителя на два месяца [3].

Постановление Правительства № 760 от 19.06.2026 определяет сферы, на которые распространяется действие закона: строительство, складское хозяйство и транспорт, оптовая и розничная торговля, клининг, общепит, IT-консультации и другие [4].

Принятый закон стал важным шагом в формировании базовой регуляторной рамки, однако, как отмечают эксперты, сейчас начинается самая тонкая работа - наполнение этой рамки инструментами, понятиями и механизмами [5].

3. Ключевые риски для HR-администрирования при работе с самозанятыми

Сотрудничество с самозанятыми сопряжено с серьезными рисками для HR-служб и организаций в целом. Основной риск — подозрение в подмене трудовых отношений гражданско-правовыми. В этом случае договор могут переквалифицировать, а компании грозят штрафы, обязанность заключить с самозанятым трудовой договор и предоставить ему все трудовые гарантии [6].

С 1 марта 2025 года вступил в силу приказ Минтруда от 02.02.2024 № 40н, утвердивший перечень признаков, свидетельствующих о нелегальной занятости. Деятельность работодателя, сотрудничающего с самозанятыми, посчитают подозрительной при наличии совокупности трех признаков [6]:

- За 12 месяцев организация заключила договоры более чем с 10 самозанятыми.
- Среднемесячный доход каждого из самозанятых превышает 20 000 рублей.
- Средняя продолжительность работы каждого самозанятого составляет более 3 месяцев за 12 месяцев.

Если налоговая выявит все три признака подмены трудовых отношений, последствия не ограничатся доначислениями и штрафами — информацию передают в ГИТ, компанию включают в реестр работодателей с нелегальной занятостью [6].

Дополнительные риски возникают при привлечении более 35 самозанятых с выплатами каждому свыше 35 тыс. руб. в месяц, а также при выплате зарплаты ниже МРОТ 60 и более работникам.

4. Трансформация HR-подходов в условиях новых форматов занятости

Масштабные изменения на рынке труда требуют пересмотра подходов к HR-администрированию. Как отмечается в исследованиях, с учетом развития технологий, распространения удаленной и платформенной занятости меняются модели взаимодействия работников, работодателей, заказчиков и исполнителей [7].

Перспективы гибких трудовых договоров для фрилансеров и платформенной занятости, правовые ловушки при работе с самозанятыми и внешними подрядчиками, а также воздействие цифровизации на ежедневные кадровые процессы становятся ключевыми темами профессиональных дискуссий.

Основные направления трансформации HR-подходов включают:

- Разработку внутренних политик работы с исполнителями в новых форматах, включая четкие критерии отграничения трудовых отношений от гражданско-правовых.
- Внедрение новых моделей взаимодействия с платформенными занятыми, учитывающих требования законодательства и минимизирующих риски переквалификации договоров.
- Пересмотр кадрового администрирования в части учета и оформления отношений с самозанятыми и фрилансерами, включая мониторинг продолжительности и объема сотрудничества [8].
- Повышение квалификации HR-специалистов в вопросах регулирования платформенной занятости и работы с самозанятыми.

5. Практические рекомендации для HR-служб: пошаговый алгоритм действий

На основе проведенного анализа предлагается алгоритм действий для HR-служб организаций, сотрудничающих с самозанятыми и платформенными исполнителями, который

позволит минимизировать правовые риски и выстроить эффективную систему взаимодействия.

Шаг 1. Аудит текущей практики привлечения исполнителей.

Провести ревизию всех действующих договоров ГПХ с самозанятыми. Проверить каждый договор на наличие признаков трудовых отношений: регулярность выплат, подчинение внутреннему трудовому распорядку, использование материалов и оборудования заказчика, выполнение работы личным трудом, а не результатом. При выявлении «красных флагов» (более 10 самозанятых за год, доход свыше 20 тыс. руб. в месяц, срок сотрудничества более 3 месяцев) - принять меры по переоформлению отношений в трудовые или корректировке условий взаимодействия [6].

Шаг 2. Разработка внутреннего регламента работы с самозанятыми и фрилансерами.

Утвердить локальный нормативный акт, который установит:

- чёткие критерии, когда допускается привлечение самозанятых (разовые, проектные, сезонные работы, не требующие постоянного присутствия);
- максимальные сроки и объёмы сотрудничества с одним исполнителем;
- порядок документального оформления (договор, акты, отчёты);
- порядок мониторинга продолжительности и объёмов сотрудничества для предотвращения нарушений.

Шаг 3. Внедрение системы мониторинга

Настроить в кадровой системе (или в Excel-таблице) учёт всех самозанятых и фрилансеров с указанием:

- даты начала и окончания каждого договора;
- общей суммы выплат за период;
- количества часов работы (если возможно);
- периодичности выплат.

Это позволит отслеживать превышение критических порогов (60 часов в месяц, 3 месяца подряд, доход более 20 тыс. руб.) и своевременно принимать решения.

Шаг 4. Обучение и повышение квалификации HR-специалистов

Направить сотрудников, отвечающих за привлечение самозанятых и платформенных исполнителей, на курсы повышения квалификации по темам: «Новое в регулировании платформенной занятости — 2026», «Правовые риски при работе с самозанятыми». Федеральный закон № 289-ФЗ вступает в силу с 1 октября 2026 года, и неподготовленность персонала может обернуться серьёзными штрафами [3].

Шаг 5. Взаимодействие с юридической службой и налоговым консультантом

На регулярной основе (раз в квартал) проводить совместные совещания HR-специалистов, юристов и бухгалтеров для анализа текущей практики и корректировки внутренних регламентов с учётом изменений законодательства. Особое внимание уделить разъяснениям ФНС и судебной практике переквалификации договоров.

Шаг 6. Разработка альтернативных моделей привлечения персонала

Рассмотреть возможность использования платформенных решений для найма исполнителей через цифровые платформы, которые уже адаптированы под требования нового закона. Также стоит оценить целесообразность перевода части функций на аутсорсинг или создания пула внештатных исполнителей с чёткими договорённостями о статусе.

Реализация предложенного алгоритма позволит HR-службам не только избежать штрафов и судебных исков, но и построить прозрачную и эффективную систему работы с новыми форматами занятости, используя их преимущества (гибкость, экономия на социальных взносах) без потери контроля над кадровыми процессами.

Заключение

Новые форматы занятости - самозанятость, фриланс и платформенная занятость - стали неотъемлемой частью российского рынка труда. Численность самозанятых, превысившая 17 млн человек, и устойчивый рост доходов фрилансеров подтверждают системный характер этих изменений.

Принятие Федерального закона № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» знаменует новый этап в правовом регулировании указанной сферы. Закон, вступающий в силу с 1 октября 2026 года, вводит четкие критерии отграничения трудовых отношений от гражданско-правовых и механизмы контроля за их соблюдением.

Для HR-служб организаций указанные изменения создают новые вызовы. Риски подмены трудовых отношений, ужесточение контроля со стороны ФНС и ГИТ, критерии «красных флагов» требуют пересмотра сложившихся практик администрирования. Трансформация HR-подходов должна включать разработку внутренних политик работы с исполнителями в новых форматах, внедрение новых моделей взаимодействия и повышение квалификации специалистов.

Успешная адаптация к новым условиям позволит организациям не только минимизировать правовые и финансовые риски, но и эффективно использовать потенциал новых форматов занятости для решения кадровых задач в условиях дефицита квалифицированных специалистов.

Список литературы

1. Число самозанятых в России превысило 17 млн человек. — Текст : электронный // Профиль. — 2026. — 21 августа. — URL: https://profile.ru/news/economy/chislo-samozanyatyh-v-rossii-prevysilo-17-mln-chelovek-1893315/ (дата обращения: 03.09.2026).https://profile.ru/news/economy/chislo-samozanyatyh-v-rossii-prevysilo-17-mln-chelovek-1893315/

2. Средняя выплата фрилансерам выросла на 19% за год. — Текст : электронный // РИАМО. — 2026. — 24 августа. — URL: https://riamo.ru/news/ekonomika/srednjaja-vyplata-frilanseram-vyrosla-na-19-za-god/ (дата обращения: 02.09.2026).https://riamo.ru/news/ekonomika/srednjaja-vyplata-frilanseram-vyrosla-na-19-za-god/

3. Российская Федерация. Законы. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации : Федеральный закон № 289-ФЗ : [принят Государственной Думой 31 июля 2025 года]. — Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 03.09.2026).https://www.consultant.ru

4. Российская Федерация. Постановления. Об утверждении критериев определения случаев, при которых деятельность партнера посреднической цифровой платформы признается осуществляемой на систематической основе : Постановление Правительства РФ № 760 от 19.06.2026. — Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 02.09.2026).https://www.consultant.ru

5. В ЦСР обсудили, как будет развиваться регулирование платформенной занятости. — Текст : электронный // Министерство экономического развития Российской Федерации. — 2025. — 31 июля. — URL: https://www.economy.gov.ru (дата обращения: 02.09.2026).https://www.economy.gov.ru

6. ФНС ужесточает контроль за самозанятыми. «Красные флаги», из-за которых в компании пришли с проверками. — Текст : электронный // Актион Комплаенс. — 2025. — URL: https://e.law.ru (дата обращения: 02.09.2026).https://e.law.ru

7. Исследование ВШЭ: более 20% россиян имеют опыт платформенной занятости. — Текст : электронный // РБК Компании. — 2026. — 3 июня. — URL: https://companies.rbc.ru/news/zoEOqs2Un0/issledovanie-vshe-bolee-20-rossiyan-imeyut-opyit-platformennoj-zanyatosti/ (дата обращения: 03.09.2026).https://companies.rbc.ru/news/zoEOqs2Un0/issledovanie-vshe-bolee-20-rossiyan-imeyut-opyit-platformennoj-zanyatosti/

8. Семенова, А. В. Правовое оформление платформенной занятости: итоги и перспективы реформы / А. В. Семенова. — Текст : электронный // Цифровое право. — 2026. — № 2. — С. 45-58. — URL: https://www.digitallawjournal.org (дата обращения: 02.09.2026).https://www.digitallawjournal.org

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Сборник статей

3-й Международной научно-практической конференции

ЧАСТЬ 1

Формат 60х84 1/8. Бумага офсет 1. Печать ризографная. Гарнитура Таймс.
Усл.п.л. 53,0. Заказ №118-26. Тир. 300 экз. Отпеч. в тип. ИП Тагиева М.Х.
г.Махачкала, ул. Батырая, 149. Тел.: 8 928 048 10 45
“ФОРМАТ”